

ВЕСТНИК
ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

ИСТОРИЯ

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF HISTORY

Научный журнал

2019

№ 62

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере
массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия
(свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-29498 от 27 сентября 2007 г.)

Подписной индекс 44014 в объединенном каталоге «Пресса России»

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих
в международные реферативные базы данных и системы цитирования,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук»,
Высшей аттестационной комиссии

**РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ НАУЧНОГО ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ»**

Галажинский Эдуард Владимирович, д-р психол. наук, проф., ректор Томского государственного университета;
Дацышен Владимир Григорьевич, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой всеобщей истории Сибирского федерального университета (Красноярск); **Джозефсон Пол**, PhD, проф. Колби Колледжа (г. Уотервилл, США);
Иванова Наталья Анатольевна, д-р ист. наук, главный научный сотрудник Института Российской истории РАН (Москва);
Кирюшин Юрий Федорович, д-р ист. наук, проф., президент Алтайского гос. университета (Барнаул);
Красильников Сергей Александрович, д-р ист. наук, проф., кафедры отечественной истории Новосибирского государственного университета; **Лузянин Сергей Геннадиевич**, д-р ист. наук, проф., директор Института Дальнего Востока РАН (Москва); **Мерлин Од**, д-р политической истории, проф. Свободного университета Брюсселя (Бельгия); **Саква Ричард**, PhD, проф. Кентского университета (г. Кентербери, Соединенное королевство Великобритании и Северной Ирландии);
Функ Дмитрий Анатольевич, д-р ист. наук, проф., директор Института этнологии и антропологии РАН (Москва);
Ермекабай Жарас Акишевич, д-р ист. наук, проф. кафедры социально-гуманитарных дисциплин Казахского филиала МГУ (Астана); **Суляк Сергей Георгиевич**, канд. ист. наук, гл. ред. международного исторического журнала «Русин», президент общественной организации «Русь» (Молдавия)

**РЕДАКЦИЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ»**

Зиновьев Василий Павлович, главный редактор, д-р ист. наук, профессор кафедры российской истории Томского государственного университета; **Воробьева Вероника Сергеевна**, канд. ист. наук, старший преподаватель кафедры истории древнего мира, средних веков и методологии истории Томского государственного университета – ответственный секретарь;
Молодин Вячеслав Иванович, д-р ист. наук, проф., академик РАН, заместитель директора по научной работе Института археологии и этнографии СО РАН; **Неккрылов Сергей Александрович**, д-р ист. наук, заведующий кафедрой российской истории Томского государственного университета;
Румянцев Петр Петрович, канд. ист. наук, доцент кафедры российской истории Томского государственного университета;
Рындина Ольга Михайловна, д-р ист. наук, профессор кафедры музеологии, природного и культурного наследия Томского государственного университета;
Троцкий Евгений Флорентьевич, д-р ист. наук., проф. кафедры мировой политики Томского государственного университета;
Фоминных Сергей Федорович, д-р ист. наук, проф. кафедры российской истории Томского государственного университета;
Фурсова Елена Федоровна, д-р ист. наук, зав. отделом этнографии Института археологии и этнографии СО РАН;
Харусь Ольга Анатольевна, д-р ист. наук, проф. кафедры истории и документоведения Томского государственного университета;
Шерстова Людмила Ивановна, д-р ист. наук, профессор кафедры российской истории Томского государственного университета;
Шиловский Михаил Викторович, д-р ист. наук, проф. кафедры отечественной истории Новосибирского государственного университета; **Черная Мария Петровна**, проф. кафедры археологии и исторического краеведения Томского государственного университета;
Чиндина Людмила Александровна, проф. кафедры археологии и исторического краеведения Томского государственного университета

Журнал включен в базу данных Emerging Sources Citation Index в Web of Science Core Collection.
Журнал включен в базу данных Russian Science Citation Index на Web of Science.

The Journal is included in the Emerging Sources Citation Index in the Web of Science Core Collection.
The Journal is included in the Russian Science Citation Index and put on the Web of Science.

**EDITORIAL COUNCIL OF THE
«JOURNAL OF TOMSK STATE UNIVERSITY.
HISTORY»**

Galazhinsky Eduard V., Dr. of Psychology, Professor, Rector of Tomsk State University; **Datsyshen Vladimir G.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of World History, Siberian Federal University (Krasnoyarsk); **Josephson Paul**, PhD, prof. Colby College (Waterville, USA), **Ivanova Natalia A.**, Dr. of History, Senior Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Kiryushin Yuriy F.**, Dr. of History, Professor, President of Altai State University (Barnaul); **Krasilnikov Sergey A.**, Dr. of History, Professor of the Department of Russian History, Novosibirsk State University; **Luzyanin Sergey G.**, Dr. of History, Professor, Director, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Merlin Aude**, PhD (History), Professor of the Free University of Brussels (Belgium); **Sakwa Richard**, PhD (History), Professor of the University of Kent at Canterbury (Great Britain); **Funk Dmitry A.**, Dr. of History, Professor, Director, Institute of Ethnology and Anthropology RAS (Moscow); **Ermekbay Zharas A.**, Dr. of History, Professor of Department of social and humanitarian disciplines of Kazakhstan Moscow State University branch (Astana); **Sulyak Sergey G.**, PhD of History, editor-in-chief of the international historical magazine «Rusin», president of public organization «Rus» (Moldova)

**EDITORIAL BOARD OF THE
«JOURNAL OF TOMSK STATE UNIVERSITY.
HISTORY»**

Zinoviev Vasily P., Editor-in-Chief, Dr. of History, Professor of the Department of Russian History, Tomsk State University; **Vorobyeva Veronica S.**, Executive Editor, PhD (History), senior lecturer of department of Ancient and Middle Ages and Methodology of History, Tomsk State University; **Molodin Vyacheslav I.**, Dr. of History Professor, academician of RAS, Vice director of Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; **Nekrylov Sergey A.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Russian History, Tomsk State University; **Rumyantsev Peter P.**, PhD (History), Associate Professor of the Department of Russian History, Tomsk State University; **Ryndina Olga M.**, Dr. of History, Professor of the Department of museology, natural and cultural heritage, Tomsk State University; **Troizkiy Eugeny F.**, Dr. of History, Professor of the Department of World Politics, Tomsk State University; **Fominykh Sergey F.**, Dr. of History, Professor of the Department of Modern Russian History, Tomsk State University; **Fursova Elena F.**, Dr. of History, head of Ethnography Department of the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS; **Kharus Olga A.**, Dr. of History, Professor of the Department of History and Documentary Studies, Tomsk State University; **Sherstova Lyudmila I.**, Professor of the Department of Russian History, Tomsk State University; **Shilovskiy Mikhail V.**, Dr. of History, Professor of the Department of Russian History, Novosibirsk State University; **Chernaya Maria P.**, Dr. of History, Professor of the Department of Archaeology and Local History, Tomsk State University; **Chindina Lyudmila A.**, Dr. of History, Professor of the Department of Archaeology and Local History, Tomsk State University

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

Афанасьев А.Л. Трезвенное движение на Среднем Урале в период мирного развития 1907–1914 гг.	5
Баяндин В.И. Русская армия в XIX – начале XX в.: роль старослужащих нижних чинов в подготовке рекрутов и молодых солдат	10
Воротынцева Л.В. Северный трансконтинентальный торговый путь в Монгольскую эпоху (XIII–XV вв.)	19
Ковганов С.Я., Шевляков А.С. Формирование системы подготовки кадров в процессе реформирования отечественных органов безопасности в 30-х гг. XX в.	27
Конева Л.А. Презентация образа иностранных союзников в военных церемониях антибольшевистских правительств востока России (август 1918 г. – декабрь 1919 г.)	32
Костякова Ю.Б. Публикаторская деятельность Н.М. Ядринцева в ссылке: причины и результаты (по письмам к Г.Н. Потанину за 1872–1873 гг.)	45
Куренков А.В. Образование уездных, волостных и сельских ревкомов на территории Томской губернии (конец 1919 – начало 1920 г.)	54
Милевский О.А. Преодолевая расстояния: история дружбы Н.М. Мартыанова и Д.А. Клеменца	61
Немчаннинова Е.Н., Половникова М.Ю. Губернатор и епископ в системе церковно-государственных отношений во второй половине XIX – начале XX в. (на материалах Вятской губернии)	72
Спичак А.В. Хиротония и хиротесия. Законодательное регулирование назначения на должность священно- и церковнослужителей в XVIII – начале XX в. и практика ставленого делопроизводства (на материалах Государственного архива в г. Тобольске)	80

ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Абжаппарова Б.Ж., Аканов К.Г., Багдатова С.А., Ильясова К.М., Шамшиева Г.С. История становления города Астаны – столицы современного Казахстана	89
Карин А.Д. Польская секция радио «Свободная Европа» в восточноевропейской политике США в 1950-е гг.	101
Лекаренко О.Г. Реакция администрации Линдона Б. Джонсона на кризисы в ЕЭС и НАТО (1965–1966 гг.)	107
Михайленко Е.Б., Дегтярев Н.С. Эволюция идеи запрещения ядерного оружия в контексте режима ядерного нераспространения	115
Овчинников В.А. Казахстанская модель этноконфессионального согласия	128
Юн С.М. Реформа и интернационализация высшего образования Узбекистана при президенте Ш.М. Мирзиёеве	138

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ И МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИИ

Ананьев Д.А. Ссылка и каторга в Сибири и на Дальнем Востоке (вторая половина XIX – начало XX вв.) в освещении англо- и немецкоязычных исследователей	145
Рожнева Ж.А., Осташова Е.А. Настоящее и будущее персональных цифровых архивов как исторических источников сквозь призму исследовательской литературы	157

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

Пушкарев А.А., Вавулин М.В. Результаты поиска археометаллургических объектов с помощью магнитной разведки на стоянке Куяхтанар	165
Молодин В.И., Дураков И.А., Кобелева Л.С., Конева Л.А. Рыба в погребальной и ритуальной практике Одиновской культуры в Барабинской лесостепи (по материалам могильника Тартас-1)	170

CONTENTS

PROBLEMS OF HISTORY OF RUSSIA

Aleksandr L. Afanasev, Temperance movement in the Middle Urals during peaceful development in 1907-1914	5
Vladimir I. Bayandin, Russian army in the XIX - the beginning of the XX century: the role of old employees lower chins in the preparation of recruits and young soldiers	10
Leonid V. Vorotyntsev, Northern transcontinental trade in the Mongol epoch (XIII-XV centuries)	19
Sergey Ya. Kovganov, Ateksandr S. Shevlyakov, Formation of the cadre training system during the reform of the domestic security agencies in the 30's of the 20 th century	27
Kirill A. Konev, Presentation of the image of foreign allies in military ceremonies of anti-bolshevik governments in Eastern Russia (August 1918 – December 1919)	32
Julia B. Kostiakova, Publication activities of N.M. Yadrintsev's work in exile: causes and results (on the letters to G.N. Potanin for 1872–1873)	45
Artem V. Kurenkov, Formation of county, volost and rural revolutionary committees on the territory of Tomsk province (late 1919 - early 1920)	54
Oleg A. Milevskiy, Across a distance: the history of friendship between N.M. Martyanov and D.A. Klements	61
Evgeniya N. Nemchaninova, Marina Y. Polovnikova, The governor and diocesan in the system of church - state relations in the second half of the XIX - early XX centuries (on the materials of the Vyatka province)	72
Aleksandra V. Spichak, The consecration and chirotesia. Legislative regulation of the appointment is sacred- and clergymen in the XVIII – early XX centuries and the practice of representation in the office (on the materials of the State archive in Tobolsk)	80

PROBLEMS OF WORLD HISTORY AND INTERNATIONAL RELATION

Kulpash M. Ilyassova, Saule A. Bagdatova, Kuanysh G. Akanov, Bibikhadisha Zh. Abzhapparova, Gaukhar S. Shamshieyeva, The establishment of Astana city – the capital of contemporary Kazakhstan	89
Anton D. Karin, The Polish Radio Fee Europe section in Polish and US politics in the 1950s. XX century	101
Oksana G. Lekarenko, The reaction of Lyndon B. Johnson administration to the EU and NATO crises (1965-1966)	107
Ekaterina B. Mikhaylenko, Nikita S. Degtyaryov, The evolution of the prohibition of nuclear weapons in the context of the nuclear non-proliferation regime	115
Vladislav A. Ovchinnikov, Kazakhstan model of ethno-confessional consent	128
Sergey M. Yun, Reform and internationalization of higher education in Uzbekistan under president Sh.M. Mirziyoyev	138

PROBLEMS OF HISTORIOGRAPHY, SOURCE AND METODOLOGY OF HISTORY

Denis A. Anan'ev, Exile and penal labor in Siberia and Russian Far East (second half of the XIX – early XX centuries) in the works of English- and German-language researchers	145
Zhanna A. Rozhneva, Evgeniya A. Ostashova, The past and the present of personal digital archives and historical primary sources from the perspective of research literature	157

PROBLEMS OF ARCHEOLOGY AND ETHNOGRAPHY

Andrey A. Pushkarev, Mikhail V. Vavulin, On the results of magnetic surveying on the Kuyakhtanar archaeological site	165
Vyacheslav I. Molodin, Igor A. Durakov, Liliya S. Kobleva, Lidiya A. Koneva, The role of fish in the burial and ritual practice of the Odinoovo culture (Tartas-1 site, Baraba forest-steppe)	170

Кузнецов А.М., Роговской Е.О. Планиграфический анализ раннеголоценовых культурных слоев стоянки остров Лиственичный (Северное Приангарье)	180
Ширин Ю.В. Металлургический комплекс кузнецких татар на поселении Шартон 1	192

**УНИВЕРСИТЕТСКИЕ ПРАКТИКИ:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ**

Берсенева М.В., Зиновьева В.И., Носова А.Л., Шулмин М.П. История и современное состояние эксклюзии в России (по данным исследования общественного мнения в г. Томске)	202
--	-----

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	207
----------------------------------	-----

Aleksey M. Kuznetsov, Evgeniy O. Rogovskoy, Spatial analysis of early holocene cultural layers of ostrov Listvenichny site (Northern Angara region)	180
Yury V. Shirin, The kuznetsk tatars' bloomery complexes from site Sharton 1	192

**UNIVERSITY PRACTICE:
HISTORY AND MODERNITY**

Maxim V. Bersenev, Valentina I. Zinovieva, Anastasiya L. Nosova Maxim P. Shulmin, History and current state of exclusion in Russia (according to public opinion polls in Tomsk)	202
--	-----

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	207
--	-----

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

УДК 94: 329.71(470.5)''1907/1914''
DOI: 10.17223/19988613/62/1

А.Л. Афанасьев

ТРЕЗВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ НА СРЕДНЕМ УРАЛЕ В ПЕРИОД МИРНОГО РАЗВИТИЯ 1907–1914 гг.

Показаны существенные черты трезвенного движения 1907–1914 гг. на Среднем Урале. Общества трезвости росли в периоды экономического подъема и мирного развития, но в годы экономического спада, войн, революций они сокращали деятельность или вообще исчезали. Движение развивалось преимущественно в приходах РПЦ. На октябрь 1910 г. выявлено 37 обществ трезвости общей численностью 3 590 чел.; 36 из них были церковными, одно – светским. Они проводили беседы, проповеди, принимали обеты трезвости, распространяли антиалкогольную литературу.

Ключевые слова: история России; история Урала; трезвенное движение; церковь; крестьянство; рабочие.

В предлагаемой статье ставится задача выявить ряд закономерностей трезвенного движения в 1907–1914 гг. в таком геополитически важном регионе России как Средний Урал. На Урале в начале XX в. алкогольная политика царизма, практика продажи и потребления спиртного несли угрозу обнищания, физического и духовного вырождения общества. Об этом свидетельствует, например, рапорт от начала октября 1913 г. епископу Екатеринбургскому и Ирбитскому Митрофану (Афонскому) новоназначенного священника Николаевской церкви Мостовского прииска Екатеринбургского уезда Иоанна Минина о приходе, где на 1024 прихожанина действовало пять питейных заведений: «...Вся жизнь жителей прихода протекает в беспрерывном пьянстве. [...] За это время я... узнал всю материальную недостаточность и бедноту населения. Лицом к лицу мне впервые пришлось столкнуться с таким, как здесь, большим количеством различного рода эпилептиков, неврастеников и с типами физического и умственного вырождения». На молодежных вечеринках и девичниках процветал «безнравственный обычай» спаивания девиц. [1. 1913. № 51. Отд. неофициальный. С. 1247–1248.]

В ответ на вызов алкогольной угрозы в крае с конца XIX в. развилось общественное трезвенное движение за добровольный отказ людей от употребления алкоголя, ограничение легальной и пресечение нелегальной продажи спиртного. Оно достигло наибольшего размаха в период мирного развития 1907–1914 гг. (между революцией 1905–1907 гг. и Первой мировой войной). История движения нашла отражение в литературе [2–5 и др.], однако авторы не уделяли достаточного внимания выявлению его особенностей и закономерностей.

К важнейшим достаточно полным и достоверным источникам относятся материалы дела 141 фонда Канцелярии обер-прокурора Святейшего Синода, где находятся рапорт и записка секретаря Екатеринбургской

духовной консистории П. Сребрянского от декабря 1910 – начала января 1911 г. с краткими сведениями о 40 обществах епархии и приложением уставов девяти из них [6. Л. 187–232]. Другим источником являются «Екатеринбургские епархиальные ведомости». В них периодически публиковались сведения о движении в России и епархии: материалы совещаний духовенства, резолюции правящего архиерея, рапорты священников, уставы и отчеты обществ трезвости. Светское трезвенное движение в крае было развито гораздо слабее церковного. Деятельность двух выявленных нами «гражданских» обществ трезвости – Екатеринбургского городского и Нижне-Исетского при народном доме Нижне-Исетского завода – прослеживается по общероссийским изданиям [2. С. 190, 203; 7. Т. 1. С. 30. Т. 2. С. 922–924; 8. С. 14, 24; 9. С. 21, 45].

Предмет исследования – это, прежде всего, наиболее организованная и «сознательная» часть движения – общества трезвости: церковные и гражданские. Территориальные рамки – Средний Урал, т.е. восточная часть Пермской губернии, где располагалась Екатеринбургская епархия Русской Православной церкви. Она охватывала почти всю территорию современной Свердловской области, а также северо-западную часть современной Курганской области (Шадринский уезд) и северную часть Челябинской области (район Касли) (см. карту: [10. С. 538].) Даты в статье везде даются по старому стилю.

Урал в начале XX в. являлся одним из пяти российских промышленных районов. Здесь были развиты черная металлургия и производство металлоизделий. Вместе с тем он все более отставал от промышленного Юга. Как указывает И.Д. Ковальченко, в регионе «были сильны пережитки крепостничества»; «заработная плата на металлургических заводах Урала была почти вдвое ниже, чем на Юге» [11. С. 250–251]. Особенности региона видны при сравнении с лежащими восточнее обширными крестьянскими сибирскими и «степ-

ными» (степной полосы) губерниями. В регионе среди участников движения была заметна доля рабочих, имелось семь заводских обществ трезвости, а в Сибири и Акмолинской области таковых вовсе не было.

Общества трезвости возникали, росли и проявляли активность в благоприятные для культурной, созидательной работы периоды мирного развития и экономического подъема. В периоды экономического спада, «внешних» и «внутренних» катастроф (войны и рево-

люции) они резко сокращали свою деятельность или вообще исчезали (см. табл. 1).

Время от начала экономического подъема 1909–1914 гг. до вступления России в Первую мировую войну было периодом наивысшего подъема трезвенного движения на Среднем Урале. Нами выявлено 37 обществ трезвости, действовавших на конец октября 1910 г. Данные о них, обработанные по специальной анкете, представлены ниже (см. табл. 2).

Таблица 1

Периодизация трезвенного движения на Среднем Урале (Пермская губерния, Екатеринбургская епархия РПЦ). 1890-е гг. – 1917 г.

Хронологические рамки	Характеристика периода истории России с точки зрения:		Основное содержание трезвенного движения на Среднем Урале
	синергетики	историографии	
1890-е гг.	«Порядок», положительный рост	Промышленный подъем	Начало движения; возникновение и рост обществ трезвости на заводах ниже-тагильском (1890–1891 гг.) и шуралинском (1892 г.)
1900–1904 гг.	Беспорядок, депрессия, «выбор пути»; «внешняя катастрофа»	Промышленный кризис в России (1900–1903) и на Урале (1900–1904); русско-японская война (1904)	Движение снизилось; известно о существовании к концу 1904 г. четырех сельских обществ трезвости
1905–1907 гг.	«Внешняя» и «внутренняя» катастрофы (война и революция)	Русско-японская война (1905); революция 1905–1907 гг.	Некоторое оживление движения. К концу 1907 г. известно 11 обществ трезвости, в т. ч. три с преобладанием рабочих
Вторая половина 1907 – конец 1909 г.	«Беспорядок», депрессия, «выбор пути»	Период реакции	Действуют немногие общества трезвости
Конец 1909 г. – июль 1914 г.	«Порядок», положительный рост (?)	Промышленный подъем; новый революционный подъем	Подъем движения; рост числа и численности обществ трезвости: в октябре 1910 г. – 37, весной 1914 г. – не менее 62
Июль 1914 г. – январь 1917 г.	«Внешняя катастрофа»	Участие России в 1-й мировой войне	Резкий спад движения; многие общества трезвости прекратили существование
Февраль–октябрь 1917 г.	«Внешняя» и «внутренняя» катастрофы (война и революция)	Участие России в 1-й мировой войне, революция 1917 г.	Прекращение движения под влиянием неблагоприятных политических и социально-экономических условий

Источники: а) синергетика: [12]; б) историография: [13]; в) трезвенное движение: [1; 6. Л. 187–232; 2. С. 179, 188, 190, 203–204, 213, 226; 3; 14. С. 4, 7].

Таблица 2

Общества трезвости Среднего Урала (Пермская губерния, Екатеринбургская епархия РПЦ). Октябрь 1910 г.

Уезды	Население		Число обществ трезвости					Число членов обществ, чел.	Число обществ на 100 тыс. населения	
	Всего, тыс. чел.	Чел. на 1 кв. версту	В городских поселениях			В сельских поселениях				
			Городские гражданские	Городские церковные	Заводские церковные	Гражданские	Церковные			
Екатеринбургский	520,5	21,6	1	1	5		10	17	1 682	3,6
Верхотурский	342,7	6,1			2		1	3	835	0,9
Ирбитский	182,9	20,6					2	2	51	1,1
Камышловский	310,1	23,3					8	8	716	2,6
Шадринский	402,6	26,5		1			6	7	304	1,7
Итого	1758,8	15,0	1	2	7		27	37	3 588	2,1

Источники: а) население [15. С. 41]; б) общества трезвости [1. 1910–1911; 6. Л. 187–232; 2. С. 179, 188, 190, 203–204, 213, 226; 3; 7. Т. 1. С. 30. Т. 2. С. 922–924; 16; 17].

Из табл. 2 видно, что в пяти уездах восточной части Пермской губернии, составлявших Екатеринбургскую епархию, действовали 37 обществ трезвости численностью 3 588 чел. Среди последних «деятели» (организаторы, пропагандисты) составляли лишь небольшую часть. Большую часть составляли люди, чье членство ограничивалось лишь принятием зарок трезвости на определенный срок и, возможно, изредка принимавших участие в общих мероприятиях (крестные ходы, праздники трезвости, собрания).

Из 37 обществ 27 (73%) находились в селах, семь (18,9%) – в заводских поселках и три (8,1%) в городах. Почти все общества – 36 (97,3%) – были церковными т.е. дей-

ствовали при православных храмах, по благословению (с разрешения) епархиального начальства. Лишь одно «Екатеринбургское общество трезвости» (с 1907 г.) – в уездном и епархиальном городе Екатеринбурге – было гражданским (Ниже-Исетское гражданское общество трезвости при народном доме в Екатеринбурге, вероятно, было открыто позднее 1910 г.). Из 15 руководителей обществ, чьи занятия удалось выяснить, большинство, или 11 человек (73%), были священниками, двое (13%) – крестьянами, один (7%) – учителем и один (7%) – рабочим. Духовенство обращалось к трезвости потому, что пьянство разрушало личность, семью, общество, препятствовало проповеди евангельских истин, отвращало людей от церкви.

Прямые указания на социальный состав членов обществ в источниках очень редки, но имеются сравнительно полные сведения о составе прихожан тех церковных приходов, где имелись общества [16]. С некоторой долей вероятности можно считать, что состав обществ примерно совпадал с составом прихожан. Из 35 обществ, относительно которых такого рода сведения имеются, в 24 обществах (68,5%) прихожане были крестьянами, в восьми (22,9%) – преобладали рабочие и в трех (8,6%) – «крестьяне-рабочие», т.е. крестьяне, которые наряду с крестьянским трудом также работали по найму на приисках, – по существу были как бы и крестьянами, и рабочими. В восьми «рабочих» трезвенных объединениях числилось 1 152 члена или около трети (32,1%) от общего числа членов.

Сведения о видах деятельности обществ трезвости неполны, но и по ним можно представить общую картину. В 12 обществах проводились беседы и проповеди о вреде пьянства и необходимости трезвости; в девяти – выписывалась духовная и противоалкогольная литература; в восьми имелись библиотеки с такого рода литературой; в двух раздавали антиалкогольные листки и брошюры; в двух оказывалась помощь нуждающимся членам; одно занималось благотворительностью по отношению ко всем нуждающимся. Наконец, 12 обществ принимали обеты трезвости, т.е. торжественные обещания не пить ничего опьяняющего на избранный срок: большинство из них – от одного–шести месяцев до одного–двух лет. Как правило, они принимались в храме перед Святым Крестом и иконой покровителя общества. (Соблюдали обеты до 90% принявших.) Таким образом, движение было по составу «крестьянско-рабочим» и по идейному содержанию – православным.

Отчеты обществ трезвости и иные документы содержат немало примеров о действенности трезвенной работы: немало бывших пьяниц вставали на путь трезвой жизни, восстанавливали хозяйство, обеспечивали свои прежде заброшенные, несчастные семьи; сокращались хулиганство и преступность; в ряде мест исчезали пьяные обычаи и появлялись трезвые, вплоть до трезвых свадеб; крепили церковные приходы-общины; улучшалась нравственность. Приведем примеры:

1. В рапорте благочинного 3-го благочиния Екатеринбургского уезда епископу Митрофану от начала 1912 г. указывалось: «Крестьянин села Ленева Филипп Арефов Костылев, бывший пьяница, вступил один год тому назад в число [членов] общества трезвости. Из деревенского пролетария он обратился в трудолюбивого и мирного семьянина. Кроме кучи голодной семьи и плохонькой избышки он раньше ничего не имел. Храм Божий не посещал. При каждой встрече был убеждаем Филипп (священником-председателем общества трезвости И.М. Рыболовлевым. – А.А.) бросить пить и жить по-христиански. Филипп обзавелся коровой и лошадей и хлеб у него родился в достаточном количестве. Дети сыты, одеты и веселы. В празд-

ник Божий Филипп, хотя и не часто, но ходит в храм. [...] Члены общества трезвости, сплотившись, составляют одну семью, сильную христианскою любовью» (1. 1912. № 8. Отд. неофициальный. С. 189; выделено нами. – А.А.).

2. Упомянутый выше священник о. Иоанн Минин, видя пагубность пьяных обычаев, провел с молодежью Мостовского прииска 5 октября 1913 г. душевную беседу о необходимости соблюдать христианскую нравственность, встретившую поддержку. 6 октября под его руководством в здании местной церковно-приходской школы прошло учредительное собрание «Кружка ревнителей поддержания религии и поднятия нравственности среди местного юношества», был принят его устав. Епископ Митрофан 13 октября 1913 г. утвердил Устав и сделал на рапорте отца Минина следующую резолюцию: «Господи! Помоги пастырю Святой Церкви Твоей исправить эту несчастную, погибающую от пьянства паству. Прошу Епархиальный комитет трезвости прийти на помощь о. И. Минину советом, изданиями и др. средствами» [1. 1913. № 51. Отд. неофициальный. С. 1245–1250].

Трезвенное движение развивалось под влиянием объективных и субъективных причин. «Внизу», среди крестьян и рабочих, существовала острая потребность в отрезвлении. «Сверху» организаторами движения выступали, как правило, наиболее энергичные, принявшие близко к сердцу народную боль приходские православные священники. Они, подчиняясь церковной дисциплине, руководствовались известным определением Святейшего Синода от 4–6 июня 1909 г. «О приглашении духовенства к борьбе с народным пьянством» и указаниями правящих архиереев. Выдающую роль в организации и руководстве трезвенного движения на Среднем Урале сыграл сравнительно молодой и чрезвычайно энергичный в деле служения Церкви епископ Митрофан (Афонский, 1861–1918), занимавший екатеринбургскую кафедру с апреля 1910 г. по март 1914 г. При нем число церковных обществ трезвости увеличилось приблизительно в два раза: с 30 на весну 1910 г. до более чем 60 на весну 1914 г.; возросли уважение к ним среди народа и поддержка со стороны духовных и светских властей.

Члены уральских обществ вели не только «местную» работу, но и принимали участие в общероссийских трезвенных действиях. («Каналами связи» между участниками движения были, прежде всего, широко выписываемый на Урале журнал петербургского церковного Александро-Невского общества трезвости «Трезвая жизнь» и «Екатеринбургские епархиальные ведомости».) Приведем важнейшие из них:

1) товарищ председателя Екатеринбургского общества трезвости А.И. Хрущов был делегатом 1-го Всероссийского съезда по борьбе с пьянством (Петербург, 28 декабря 1909 – 6 января 1910 г.). В докладе общества съезду предлагалось объединить все трезвенные организации России во Всероссийский союз; проводить

просветительные меры в школе; ввести меры по ограничению казенной продажи водки и пресечению тайной продажи алкоголя [7. Т. 1. С. 30. Т. 2. С. 922–924];

2) весной–летом 1911 г. по почину Александро-Невского общества трезвости развернулась всероссийская кампания по поддержке законопроекта III Государственной Думы, подготовленного думской «Комиссией о мерах борьбы с пьянством». Документ предусматривал серьезные ограничительные и просветительные меры. В апреле–мае 1911 г. на имя председателя Комиссии епископа Гомельского Митрофана (Краснопольского, священномученика) и товарища председателя, самарского городского головы М.Д. Челышова поступило семь писем поддержки с предложениями с Урала. Три из них – от священников – председателей обществ трезвости из Екатеринбургского, Верхотурского и Шадринского уездов; еще четыре – от граждан, не состоящих в обществах: два – от священников и прихожан двух сел Шадринского уезда; трое – от псаломщика и еще пяти лиц из Нижне-Тагильского завода и четвертое – коллективное за подписью 131 лица из г. Шадринска [18. С. 53–71];

3) 6–12 августа 1912 г. во Всероссийском съезде практических деятелей по борьбе с алкоголизмом в Москве приняли участие священники – председатели обществ трезвости епархии Иоанн Антонинов (Верх-Исетский завод), Василий Конин (Нижне-Тагильский завод), Николай Попов (с. Арамилское), Иоанн Рыболовлев (с. Ленево Екатеринбургского уезда), Василий Топорков (Екатеринбург) [1. 1913. № 6. Отд. неофициальный. С. 156–170; 19. С. 11–12, 14];

4) 28–29 апреля 1913 г. в епархии по призыву светского Всероссийского трудового союза христиан-трезвенников (ВТСХТ) при поддержке гражданских и церковных властей был проведен Первый Всероссийский праздник трезвости. В ходе него проходили от-

крытые массовые действия: проповеди, крестные ходы, раздача листовок и сбор пожертвований на улицах. Нами установлено его проведение в семи населенных пунктах: местными отделами ВТСХТ в городе Камышлове, селах Травянском и Троицком Камышловского уезда; Симеоновским обществом трезвости – в Екатеринбурге; местными обществами трезвости – в селах Багаряк, Губернском и в Нижне-Исетском заводе Екатеринбургского уезда [1. 1913. № 14. Отд. официальный. С. 195–197; 8. С. 11, 14];

5) 29–30 августа 1913 г. в епархии повсеместно был проведен Всероссийский церковный праздник трезвости. Особенно широко он отмечался в Екатеринбурге [1. 1913. № 30. С. 393–394; № 36. С. 843–844];

6) 7–8 апреля 1914 г. в рамках Второго всероссийского праздника трезвости был организован праздник, по неполным сведениям, в пяти населенных пунктах епархии: отделами ВТСХТ в Нижне-Исетском заводе, селе Троицком и городе Камышлов; обществами трезвости – в Каслинском заводе Екатеринбургского уезда и селе Арамашевском (Арамашевке) Верхотурского уезда [9. С. 21, 25];

7) с конца 1913 г. и особенно с весны 1914 г. во многом под влиянием обществ трезвости в России развернулась кампания принятия приговоров сельских обществ, постановлений кооперативных учреждений о закрытии казенных винных, частных пивных лавок, прекращении шинкарства и пьяного хулиганства. Это происходило и на Среднем Урале (см., например: [1. 1914. № 30. С. 660]).

Итак, в 1907–1914 гг. трезвенное движение помогло людям вернуться к трезвой жизни, укрепляло семьи, общины и общество на местном уровне. С началом Первой мировой войны оно ослабло на Урале, как и в России в целом, а позднее в чрезвычайных условиях революции 1917 г. надолго прекратило существование.

ЛИТЕРАТУРА

1. Екатеринбургские епархиальные ведомости. Екатеринбург. 1905–1917.
2. Мордвинов И. Общество трезвости, жизнь и работа в нем. СПб. : Александро-Невское общество трезвости, 1911.
3. Кудряшова И. Как создавались общества трезвости: из истории обществ трезвости в Екатеринбургской епархии [2005] // Просветительский центр. Екатеринбург. URL: http://prosvetcentr.ru/Ask_to/article/articl.php?id_site=2&id_article=63&id_page=33 (дата обращения: 28.07.2017).
4. Нечаев М.Г. Церковь в борьбе с пьянством на Урале (конец XIX – начало XX вв.) // Уральский исторический вестник. 2008. № 4 (21). С. 59–64.
5. Власова А.В. Деятельность уральских епархий и приходов Русской православной церкви по противодействию злоупотреблению алкоголем в дореволюционный период // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 38 (16). С. 110–113.
6. Российский государственный исторический архив. Ф. 797. Канцелярия обер-прокурора Святейшего Синода. Оп. 80. 2 отдел. 3 стол. Д. 141. Ч. 2.
7. Труды Первого Всероссийского съезда по борьбе с пьянством. СПб. : Тип. П.П. Сойкина, 1910. Т. 1–2.
8. Отчет о деятельности Всероссийского трудового союза христиан-трезвенников за 1913 г. СПб., 1914.
9. Отчет о деятельности Всероссийского трудового союза христиан-трезвенников за 1914 г. Пг., 1915.
10. История Екатеринбургской епархии. Екатеринбург : Сократ, 2010.
11. Дробижев В.З., Ковальченко И.Д., Муравьев А.В. Историческая география. М. : Высшая школа, 1973.
12. Ризниченко Г.Ю. Стадии эволюции сложных систем // Сайт С.П. Курдюмова. Синергетика и эволюционизм. URL: <http://spkurdyumov.ru/evolutionism/stadii-evolyucii-slozhnyx-sistem/> (дата обращения: 31.07.2017).
13. Тарновский К.Н. История. Капиталистический строй // Большая советская энциклопедия. М., 1977. Т. 24, кн. II. С. 118–121.
14. Григорьев Н.И. Русские общества трезвости, их организация и деятельность в 1892–93 гг. СПб. : Тип. П.П. Сойкина, 1894.
15. Статистический ежегодник России: 1911 г. СПб. : Изд. Центрального статистического комитета МВД, 1912.
16. Приходы и церкви Екатеринбургской епархии. Екатеринбург, 1902.
17. Справочная книжка Екатеринбургской епархии на 1909 год. Екатеринбург : Тип. А.М. Жукова, 1909.
18. Челышов М.Д. Поощаите Россию! Правда о кабаке... Самара, 1911.
19. Труды Всероссийского съезда практических деятелей по борьбе с алкоголизмом, состоявшегося в Москве 6–12 августа 1912 г. Пг. : Тип. Александро-Невского общества трезвости, 1914. Т. 1.

Aleksandr L. Afanasyev. Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (Tomsk, Russia). E-mail: afal_2007@mail.ru

TEMPERANCE MOVEMENT IN THE MIDDLE URALS DURING PEACEFUL DEVELOPMENT IN 1907-1914

Keywords: history of Russia; history of Ural; temperance movement; Russian Orthodox church; peasantry; workers.

The aim of the article is to reveal the trends of temperance movement in 1907-1914 in such an important geopolitical region as the Middle Urals. To achieve the stated aim we suppose to solve the following tasks. To find out: 1) in what periods and why the movement's rises and falls took place; 2) the number and size, and the social structure of temperance societies, their political orientation; 3) the kinds of their activities; 4) the significance of the movement. The methodology of the research included: a) analysis and synthesis – different aspects of the movement were studied, with the following generalization of results; b) objectivity – all available facts about the movement were studied; c) historicism – historical conditions and the process of movement development were considered; d) interdisciplinarity – achievements in history, geography, statistics and synergetics were used. Problematic area of the research is the following: the alcohol policy of tsarist regime along with the alcohol sale and consumption practices carried a threat of Russian community impoverishment and degradation; how could temperance movement affect these processes? The sources for the research were: the journal "Yekaterinburgskie eparkhial'nye vedomosti" (Yekaterinburg Eparchial Bulletin), the records of Holy Sinod Attorney-general office (the Russian State Historical Museum, Saint-Petersburg); the reports of temperance societies; the materials of anti-alcoholism congresses; pre-revolutionary reference works. In the end of the research, the author came to the following conclusions. The Russian temperance movement was growing in the period of peaceful development and economic recovery in the region (the end of 1909 – middle 1914), while in the years of economic recession, wars and revolutions (1904-1909, middle 1914-1917) it was waning or even vanished. The movement was quite visible in social life. The region with the population of 1,759,000 people, in October 1910, counted 37 temperance societies with 3588 members (0,2% of the whole population). In spring 1914, there were already more than 62 societies, the number of their members probably being about 6,000 people. The majority of temperance societies (97,3%) were Orthodox, ecclesiastic. Most leaders were papas (73%); most ordinary members were peasants (68%). The members also included a lot of workers (22,9%). The movement success was facilitated by the fact that in 1910-1914 the energetic ruling Orthodox bishop of Yekaterinburg Mitrophan Aphonsky supported it. The main activities of the movement were talks, sermons; accepting vow of temperance in churches; distributing anti-alcoholism brochures, mutual help and charity, public censors against secret alcohol sale and for the shutdown of government-owned wineries and beerhouses. The movement having reform nature yielded good fruit: many people stopped alcohol abuse, and restored their households, the families got peace and wealth; local criminality decreased; ecclesiastic communities got stronger. All these together revitalized, strengthened society at the local level, which, in our opinion, increased the opportunities for Russian society to develop peacefully.

REFERENCES

1. *Ekaterinburgskie eparkhial'nye vedomosti*. (1905–1917).
2. Mordvinov, I. (1911) *Obshchestvo trezvosti, zhizn' i rabota v nem* [The Temperance Society, Living and Working in it]. St. Petersburg: Aleksandro-Nevskoe obshchestva trezvosti.
3. Kudryashova, I. (n.d.) *Kak sozdavalis' obshchestva trezvosti: iz istorii obshchestv trezvosti v Ekaterinburgskoy eparkhii* [How temperance societies were established: from the history of temperance societies in Ekaterinburg Eparchy]. [Online] Available from: http://prosvetcentr.ru/Ask_to/article/articl.php?id_site=2&id_article=63&id_page=33 (Accessed: 28th July 2017).
4. Nechaev, M.G. (2008) *Tserkov' v bor'be s p'yanstvom na Urale (konets XIX – nachalo XX vv.)* [The church in anti-alcoholism campaign in the Urals (the late 19th – early XX)]. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik – Ural Historical Journal*. 4(21). pp. 59–64.
5. Vlasova, A.V. (2009) *Deyatel'nost' ural'skikh eparkhiy i prikhodov Russkoy pravoslavnoy tserkvi po protivodeystviyu zloupotrebleniyu alkogolem v dorevolyutsionnyy period* [The activities of the Ural dioceses and parishes of the Russian Orthodox Church to combat alcohol abuse in the pre-revolutionary period]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 38(16). pp. 110–113.
6. The Russian State Historical Archive. Fund 797. List 80(2). File 141. Pt. 2.
7. Borodin, D.N. et al. (ed.) (1910) *Pervyy Vserossiyskiy s'ezd po bor'be s p'yanstvom* [The First All-Russian Congress on Combating Alcoholism]. Vol. 1-2. St. Petersburg: P.P. Soykin.
8. All-Russian Labour Union of Christian-teetotalers. (1914) *Otchet o deyatelnosti Vserossiyskogo trudovogo soyuza khristian-trezvennikov za 1913 g.* [Report on the activities of the All-Russian Labour Union of Christian-teetotalers for 1913]. St. Petersburg: [s.n.].
9. All-Russian Labour Union of Christian-teetotalers. (1915) *Otchet o deyatelnosti Vserossiyskogo trudovogo soyuza khristian-trezvennikov za 1914 g.* [Report on the activities of the All-Russian Labour Union of Christian-teetotalers for 1914]. Petrograd: [s.n.].
10. Glavatskaya, E.M. et al. (2010) *Istoriya Ekaterinburgskoy eparkhii* [History of the Ekaterinburg Diocese]. Ekaterinburg: Sokrat.
11. Drobizhev, V.Z., Kovalchenko, I.D. & Muraviev, A.V. (1973) *Istoricheskaya geografiya* [Historical Geography]. Moscow: Vysshaya shkola.
12. Riznichenko, G.Yu. (n.d.) *Stadii evolyutsii slozhnykh sistem* [Stages of complex system evolution]. [Online] Available from: <http://spkurdyumov.ru/evolutionism/stadii-evolyucii-slozhnyx-sistem/> (Accessed: 31st July 2017).
13. Tarnovsky, K.N. (1977) *Istoriya. Kapitalisticheskiy stroy* [History. The Capitalist System]. In: Prokhorov, A.M. (ed.) *Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya* [The Great Soviet Encyclopedia]. 3rd ed. Vol. 24(2). Moscow: Sov. Entsiklopediya. pp. 118–121.
14. Grigoriev, N.I. (1894) *Russkie obshchestva trezvosti, ikh organizatsiya i deyatelnost' v 1892-93 gg.* [Russian temperance societies, their organization and activities in 1892-93]. St. Petersburg: P.P. Soykin.
15. The Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs. (1912) *Statisticheskiy ezhegodnik Rossii: 1911 g.* [Statistical Yearbook of Russia: 1911]. St. Petersburg: The Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs.
16. Usoltsev, G.A. (ed.) (1902) *Prikhody i tserkvi Ekaterinburgskoy eparkhii* [Parishes and churches of the Ekaterinburg Diocese]. Ekaterinbur: The Brotherhood of St. the righteous Simeon of the Verkhotursk Miracle Worker.
17. Srebryansky, P.P. (ed.) (1909) *Spravochnaya knizhka Ekaterinburgskoy eparkhii na 1909 god* [The Reference Book of the Ekaterinburg Diocese for 1909]. Ekaterinburg: A.M. Zhukov.
18. Chelyshov, M.D. (1911) *Poshchadite Rossiyu! Pravda o kabake...* [Spare Russia! The Truth about the Tavern]. Samara: M.D. Chelyshov.
19. Anon. (1914) *Vserossiyskiy s'ezd prakticheskikh deyatel'ey po bor'be s alkogolizmom, sostoyavshiy'sya v Moskve 6–12 avgusta 1912 g.* [All-Russian Congress of Practical Agents to Combat Alcoholism in Moscow on August 6–12, 1912]. Vol. 1. Petrograd: Aleksandro-Nevskoe obshchestva trezvosti.

УДК 94(47+57) «19»+ 355/359
DOI: 10.17223/19988613/62/2

В.И. Баяндин

РУССКАЯ АРМИЯ В XIX – НАЧАЛЕ XX в.: РОЛЬ СТАРОСЛУЖАЩИХ НИЖНИХ ЧИНОВ В ПОДГОТОВКЕ РЕКРУТОВ И МОЛОДЫХ СОЛДАТ

Рассматривается процесс обучения рекрутов и новобранцев русской императорской армии. Указан период обучения и организация процесса подготовки лиц, призванных на военную службу. Анализируются требования к «дядькам» и учителям молодых солдат. Названы типичные ошибки, которые допускались старослужащими солдатами в ходе обучения молодого пополнения. Автором отмечается, что сокращение срока обязательной службы вызывало необходимость допризывной подготовки рекрутов.

Ключевые слова: XIX век; русская армия; рекруты; новобранцы; молодые солдаты; старослужащий; «дядька»; учитель молодых солдат.

Как отмечают специалисты, в систему боевой подготовки нижних чинов российской императорской армии входило обучение и воспитание военнослужащих. Вопросы воспитания и обучения рекрутов и молодых солдат регулярно обсуждались в военной среде, о чем свидетельствовали многочисленные публикации в российской военной периодике второй половины XIX – начала XX в. Ближе к концу XIX в. стали выходить книги военных специалистов по этим вопросам (Н.Н. Бутовский, А. Геруа, М.И. Драгомиров, А.М. Зайончковский, И.Г. Энгельман и др.). В свою очередь советские исследователи стали обращать внимание на эти вопросы лишь со второй половины XX в. (Л.Г. Бескровный, П.А. Зайончковский, Е.А. Разин, А.А. Строков и др.). Но полной картины процесса обучения молодого пополнения в царской армии на протяжении длительного периода нет ни у дореволюционных авторов, ни у советских исследователей. На наш взгляд, вопрос о роли старослужащих в процессе становления молодого пополнения российской армии нуждается в изучении.

В октябре 1808 г. был подписан императорский указ «О приеме рекрут, препровождении и содержании их в запасных рекрутских депо», в котором содержалось более двухсот статей, регламентирующих разные стороны деятельности молодых людей, принятых на военную службу. О старослужащих нижних чинах, которые назначались в качестве помощников при офицерах, было сказано лишь единственный раз следующим образом «...а рядовых, ежели не самых старых солдат, то по крайней мере таковых, которые не менее трех лет служат уже во фронте и при том совершенно знают службу и экзерциции» [1. С. 617]. В январе 1811 г. императором Александром I было утверждено постановление «О смотре рекрутских депо», в котором указывалось: Осматривающий депо должен... спросить, каково обращение старослужащих солдат и офицеров с рекрутами? Не делают ли им каких притеснений... не имеют ли подчиненные жалоб на своих начальников? Ежели по наружному виду рекрут и из разговоров примечено

будет, что они угнетены, робки и к ремеслу своему более отвращения нежели усердия имеют, то начальнику депо, офицерам и унтер-офицерам, сделав приличное замечание, подтвердить, что долг их – стараться возбуждать в рекрутах охоту к воинскому состоянию и честолюбие, а Военному Министру немедленно о том донести [2. С. 513]. Запасные рекрутские депо, предназначенные для обучения молодого пополнения, просуществовали недолго, уже в конце 1812 г. их ликвидировали.

На протяжении XIX столетия в материалах военного ведомства Российской империи (уставах, приказах, распоряжениях, наставлениях) довольно часто встречается термин «дядька». До последней четверти XIX в. этот термин использовался в делопроизводстве военного ведомства, позже утратил в официальных документах былую роль, но ещё продолжал использоваться как в неофициальных военных изданиях, так и в обыденной разговорной среде. В памятной книжке, изданной в 40-х гг. XIX в. и предназначенной для нижних чинов, перечислялись следующие категории рядовых русской армии: ефрейторы, старые солдаты, рекруты; давалось определение каждой из названных категорий: «Ефрейтор, избранный из самых расторопных, знающих фронтную службу и хорошей нравственности рядовых, помогает унтер-офицеру как в обучении по фронту рядовых, так и в наблюдении за порядком между ними... Старый солдат звание сие приобретается службою, походами, знанием своих обязанностей и точным исполнением оных. На нем лежит священная обязанность учить рекрута всем правилам службы, повиновению и поселить в нем доверенность к себе и начальникам. За нравственность и поведение рекрута, вверенного его попечению, он дает отчет Богу, Государю и Начальникам. ...Рекрутом называется тот, который делает первый шаг к высокому предназначению солдата. Первая обязанность рекрута: блюсти в точности данную пред Богом присягу; иметь полную доверенность к своим Начальникам, как к чадолюбимым отцам, беспрестанно о нем пекущимся. Он должен быть

откровенен с старыми солдатами, в особенности с так называемым своим дядькою, вот качества, которые составляют добродетель в молодом солдате и служат порукою его доброй нравственности и будущей отличной службы...» [3. С. 1, 2, 4].

В Своде военных постановлений 1838 г. встречаются и другие определения термина «дядька», в частности такое: «...старослужащий, испытанной доброй нравственности солдат, которого называют дядькою» [4. С. 12].

В среде военных существовали разные мнения по поводу того, кто должен играть основную роль в подготовке молодых людей, принятых на военную службу. Дискуссия велась на страницах периодических военных изданий, а также в различных сборниках. Некоторые специалисты считали, лишь офицер может успешно решить эту непростую задачу, при этом вспомогательную роль помощников офицера они отводили унтер-офицерам и старослужащим солдатам. «Офицер должен взять на себя труд дать то, что недодали семья, школа, общество, затем воспитанием дать воинские доблести. Независимо от воспитательной деятельности офицер является учителем нижних чинов и при низкой степени народного образования, заслуги офицера в этом отношении могут быть громадны... Нижнему чину надо подсказать на чем должна основываться его любовь к офицеру, почему она должна явиться, почему она нужна прежде всего самому нижнему чину» [5. С. 148, 152]. Весьма сомнительно, что подобное утверждение, и прежде всего это относится к заключительной фразе, могло помочь в укреплении доверия солдат и тем более способствовать проявлению любви к своим офицерам.

Оппоненты придерживались иного мнения, они считали, что офицеру должна отводиться роль лица, которое контролирует и направляет процесс обучения молодого пополнения, а при необходимости исправляет допущенные ошибки и промахи, но основную роль в процессе подготовки и адаптации должны взять на себя старослужащие: дядьки, ефрейторы и унтер-офицеры.

До отмены в России крепостного права, как напоминали некоторые авторы, для нижнего чина офицер командир стоял на недостижимой высоте, и эта огромная дистанция особенно заметно проявляла себя в мирное время. Война и совместные тяготы, испытания военного времени способствовали некоторому сближению нижних чинов и командиров, но только на непродолжительное время и лишь у отдельных представителей офицерского корпуса. «Как в дореформенное время в нашей армии офицер был барин, унтер-офицер – работник, а солдат – предмет муштры, так новая система стремится из офицера создать работника... а из солдата – сознательного воина-гражданина с высоко развитым чувством собственного достоинства и долга...» [6. С. 79].

На страницах периодических военных изданий появлялись статьи, авторы которых с удовлетворением отмечали, что «фридриховская система – солдат должен бояться своего капрала больше, чем неприятель-

ской пули – заменилась с введением всеобщей военной повинности воспитанием солдата в сознании служебного долга и верности Престолу и Отечеству; значение офицера в рядах армии все более и более возрастает» [7. С. 203].

Тех, кто считал, что основную роль в подготовке новобранцев играют и будут играть старослужащие русской армии, было значительно больше. Заметно это мнение стало преобладать во второй половине XIX в. после сокращения сроков военной службы и принятия закона о всеобщей военной повинности в январе 1874 г.

«Так, например, внушение молодому солдату его долга, внедрение обязанностей по внутренней, караульной и всякой другой службе возлагается на офицера; но офицер не проводит целых суток в своем интернате; а потому брошенные им нравственные семена не дадут желаемых плодов, если не будут получать постоянно ежеминутного питания от ближайших начальников, которые рядом с новобранцем живут, т.е. спят, обедают, работают, ходят со двора, в баню и т.д. и, конечно, являются разрешителями тех бесчисленных и мельчайших вопросов казарменной жизни и службы, из которой складывается весь строй понятий и привычек молодого солдата. Наученные опытом, мы придаем в этом случае огромное значение учителям из нижних чинов и полагаем, что они должны быть не только нравственно, но и систематически подготовлены, чтобы явиться надежным и умелым советником своих молодых и крайне восприимчивых учеников.

Такое же знание учителя имеют и по военному образованию. Всякие попытки возложить на офицера непосредственное преподавание новобранцу, например, гимнастики, фехтования, строевой выправки т.д., не приводили к желаемым результатам и всегда представлялись нам затейливой фантазией неопытных начальников, которые не понимают сущности дела ибо никогда сами не обучали новобранцев и не подготавливали учителей. Лица, задающиеся такой идеей, забывают простой арифметический расчет, а именно: опыт показал, что один учитель может обучить в течение четырех месяцев 5–6 человек, а так как в роте не шесть офицеров, а только один или самое большое – два, то не трудно рассчитать, сколько им потребуется времени для выучки 30 человек, принимая во внимание, что первоначальное преподавание ведется по одиночке» [8. С. 332].

Военные врачи также придерживались мнения, что лишь старослужащие, находящиеся в постоянном контакте с новобранцами, могут помочь им избежать заболеваний или сохранить здоровье. «Учителя молодых солдат, при хорошем поведении их, имея под своим надзором небольшое число одних молодых солдат, присутствуя при них, постепенно будут подготовлены к обращению с ними, и для обучения их имея больше возможности, чем кто-либо, могут узнать не только нрав, но и состояние его здоровья; учителя имеют наиболее возможности уберечь здоровье молодых солдат, остеречь их от болезней» [9. С. 411].

Действительно, сокращение срока военной службы привело к существенному увеличению контингента молодых людей, ежегодно призываемых, как тогда говорили, под знамена, а это требовало соответствующего увеличения количества тех, кто будет обучать это молодое пополнение азам военной службы; в этой ситуации решить проблему силами офицеров не представлялось возможным. Кроме того, было и еще весьма существенное отличие между офицером, наставником рекрутов, и старослужащим из нижних чинов. Об этом достаточно четко сказано в документах военного ведомства.

Как известно, в начале XIX столетия срок военной службы нижних чинов в русской армии составлял четверть века, поэтому и период обучения принятых на военную службу был растянут по времени в зависимости от рода войск. Следует помнить о том, что подавляющее большинство молодых людей поступали на военную службу будучи неграмотными, поэтому весьма важная роль в процессе обучения молодого пополнения необходимым навыкам, приемам, традициям отводилась унтер-офицерам и солдатам, которые уже имели значительный опыт несения военной службы.

В помощь старослужащим, которым поручалось помогать новобранцу адаптироваться к новым для них условиям жизни (службы), печатались специальные издания, такие как «Памятка для дядьки новобранца», которая к концу XIX в. выдержала уже несколько переизданий. Вот что рекомендовали авторы памятки: «Пришли твои новобранцы в казармы – первое дело спроси, как их зовут, и назови себя. Покажи им ротный образ, назови святого и заставь их перекреститься и помолиться Богу, чтобы служба прошла тихо, без горя и чтобы выучка давалась легко. Покажи Царские портреты, покажи кровать и место, куда новобранец должен поставить свой сундучок; покажи умывальник, отхожее место, где позволено курить, покажи барабан и расскажи, для чего он поставлен; покажи ружье. Спроси, не случилось ли чего в дороге; если голоден или хочет есть – покорми и покажи, где брать воду. Если он устал – дай полежать и уснуть, потом дай умыться... Помоги ему в первый же день написать письмо к отцу, матери, жене или другим близким... Расскажи племянникам-новобранцам, как они будут проводить солдатский день» [10. С. 4, 5].

К главным качествам, которыми должен обладать дядька, военные специалисты относили следующие: «1) спокойствие, 2) беспристрастие, 3) добросердечность, 4) бескорыстность и 5) наблюдательность» [11. С. 6].

В наставлениях и предписаниях военного ведомства, имеющих прямое отношение к обучению молодых людей, подчеркивалось: «Вновь поступающие на службу люди в первую неделю их поступления в роты отнюдь никаким учением не должны быть занимаемы, дабы дать им время под руководством и покровительством своих дядек, унтер-офицеров и ефрейторов осмотреться и ознакомиться с новым для них делом и

потом уже исподволь начинать обучать их терпеливо, внятно и без отягощения, не поставляя им в порок и не принимая за упрямство тупость понятий при обучении... Каждый дядька, которому отдан будет на руки рекрут, обязан наставить его не только порядочному поведению, но и тому, как дать себе хороший воинственный вид, быть не ленивым, смелым, проворным, одним словом, чтобы крестьянская привычка вовсе была истреблена. Дядька в особенности должен научить рекрута обращаться с оружием» [12. С. 145, 146].

В Своде военных постановлений 1838 г. определялась роль и центральным учреждениям военного ведомства: «Военное министерство должно наблюдать... Чтобы образование рекрут производилось постепенно, без изнурения здоровья рекрут, не привыкших еще к трудностям военных упражнений, и чтобы оно соответствовало прямой цели службы и тому роду войск куда они должны поступить на укомплектование...» [4. С. 100].

Офицеры, имеющие немалый опыт руководства пехотными частями и поэтому хорошо ориентирующиеся в вопросах подготовки рекрутов к военной службе, охотно делились своим опытом на страницах военной печати с менее опытными руководителями. «Нашему же рекруту, не успокоивше его, не областавше добрым словом, теплым участием, начинают прямо выламывать ноги и руки, часто без предварительного объяснения, в чем состоит сущность приемов, которым его учат.

При объяснении не следует упускать из виду ни темперамента человека, ни его племенных свойств как сословия, к которому он принадлежал до поступления на службу. Объясняя что-нибудь уроженцу великорусских губерний, нужно стараться, чтобы вывод или заключение сделал он сам, нужно только помогать ему, наводить его; если он смекнул умом, если он догадался, поверьте, никогда не забудет того, в чем, по его мнению, есть часть его открытия, произведение его ума. С малороссом следует действовать наоборот: не заставляйте его работать умом там, где нет его личных интересов; он ленив от природы; при объяснениях нужно, как говорят, ему разжевать и в рот положить, чтобы не было вопроса, на который он... не мог бы вспомнить вашего решения. С флегматичными и упрямыми финнами и латышами нужно действовать настойчивостью и терпением. В нашей матушке России так много племен, что весьма трудно подвести каждое из них под особое правило, но во всяком случае этим пренебрегать не следует. Знание сословия, к которому принадлежит человек до поступления его в военную службу, также может помочь более или менее для уяснения манеры обращения с ним» [13. С. 113, 115].

Должностные лица, участвующие в наборе сибирских новобранцев, отмечали, насколько заметно могли отличаться между собой молодые люди, проходившие по спискам одного призывного участка. Прежде всего бросалось в глаза отличие жителей сел и деревень, расположенных на Московско-Сибирском тракте, от тех, кто проживал в местах, расположенных в стороне от

оживленного тракта. «Крестьяне ждут набора, как ярмарки. За квартиру для присутствия еще дороже платится, ибо таких больших квартир мало, да и пожиток приходится делать много... Зубовский староста и писарь из крестьян были какие-то вялые, с угрюмым взглядом, опущенным вниз, а починские... весьма разбитные, пожирающие вас глазами. Спросил зубовских, не больны ли они, оказалось, что оба здоровы, но как жители сел, отстоящих от тракта, не настолько цивилизованы, не так нахальны... Починские даже улыбались, оглядывая дикарей с ног до головы...» [14. С. 68–69].

Несомненно, это обстоятельство отражалось и при обучении молодого пополнения военным премудростям. В газете «Томские губернские ведомости» была напечатана статья, автор которой ратовал за большее доверие со стороны офицеров-наставников лицам, призываемым из сельской местности. «Среди молодых солдат наименее развитые и с большим трудом поддающиеся обучению – это хлебопашцы из мест, удаленных от городов, но это самый ценный и надежный элемент для службы; на них должно быть обращено особое внимание и из них следует преимущественно выбирать в учебную команду. Городской житель, торговец, фабричный, все это шустрый народ, обыкновенно с достатком, хорошо грамотный, с наружным лоском, сильно прельщает начальствующих лиц и чуть-ли не со второй недели предназначается в учебную команду. По нашему мнению, из новобранцев следует выработать сначала более смышленного разумом понимающего человека, а тогда ему легко дается и все солдатская словесность» [15. С. 4].

Как отмечали специалисты, одной из самых распространенных ошибок при обучении молодых солдат являлось то, что «...с первых шагов на поприще обучения наши дядьки... набивают голову молодого солдата массой сведений, как бы боясь, что они не успеют усвоить в течение четырех месяцев» [11. С. 10]. Такой подход негативно сказывался на результатах обучения молодого пополнения. Офицеры, имеющие опыт руководства обучением лиц, поступивших на военную службу, видели и другой недостаток в промахах некоторых старослужащих, назначенных для обучения: «Дядька, погнавшийся в начале за большим успехом и потом не умеющий поправить дело, начинает обыкновенно распускать слух, что его ученик почти идиот, бросает его учить; тот, радуясь, что оставляют в покое, притворяется ничего не понимающим и таким образом вместо солдата обращается в рабочую силу. Он охотно будет носить воду, рубить дрова, мести двор за всякого, лишь бы его не заставляли задалбливать то, чего он сразу запомнить не может» [16. С. 320].

Принятие в 1874 г. манифеста о всеобщей военной повинности заставило военное руководство пересмотреть целый ряд инструкций и предписаний, в том числе и в организации процесса обучения пополнения, поступающего в вооруженные силы России. Существовавших прежде «дядек» должны были сменить учителя

молодых солдат, в качестве этих учителей выступали специально подготовленные нижние чины из числа старослужащих. Так, в приказе № 424 от 25 декабря 1876 г. военное ведомство отмечало, что положения устава 1869 г. не соответствуют новым требованиям: «...При нынешних коротких сроках, когда в роту поступает вместо прежних 15 ежегодно до 30 и более молодых людей войска не могут выделить из своей среды опытных и вполне надежных дядек, как это было возможно в прежнее время при восьмилетнем сроке службы, срок обучения в мирное время назначается 4 месяца, а на случай военного времени уменьшается до 2 месяцев... Срок обучения оканчивается не позднее 15 мая, причем две последние недели назначаются на повторение... 3) Ко времени окончания назначенного срока молодые солдаты должны быть обучены: 1) сведениям, знание коих обязательно для каждого рядового; 2) стрельбе; 3) строю; 4) гимнастике; 5) фехтованию.

4) Непосредственным руководителем первоначального обучения молодых солдат и ответственным за успех этого обучения является ротный командир. 5) В зависимости от числа ожидаемых к прибытию новобранцев в каждой роте при начале осенних занятий выбирая ротным командиром нижние чины для назначения учителями молодых солдат каждому учителю поручается не более шести молодых солдат. Кроме того, в каждой роте назначается один запасной учитель... 7) Нижние чины, назначаемые учителями, должны уметь правильно показать молодому солдату все от него требуемое и толково исправить всякую ошибку» [17. С. 187, 189, 192].

Во второй половине XIX в. начальствующие лица военного ведомства пришли к неутешительному выводу, что ни специальные рекрутские депо, существование в начале XIX в., ни сменившие их в 30–50-е гг. запасные батальоны так и не позволили решить проблему качественной подготовки пополнений. Лишь после принятия в 1874 г. манифеста о всеобщей повинности проблема была решена. В декабре 1876 г. специальная комиссия, руководимая генерал-адъютантом Чертковым, председателем Главного комитета по устройству и образованию войск, одобрила новое «Положение о порядке обучения молодых солдат», которое с дополнениями и изменениями просуществовало до начала XX в. [17. С. 188].

Вполне естественно, что приказы и циркулярные распоряжения центральных структур военного ведомства дополнялись соответствующими приказами и указаниями местного военного руководства. Позволим себе в качестве иллюстрации процитировать фрагмент приказа № 23 от 8 февраля 1880 г., отданного начальником штаба Иркутского военного округа по местным войскам, размещенным в Енисейской и Иркутской губерниях: «...Предшествовавшими моими распоряжениями я неоднократно обращал внимание губернских воинских начальников на подготовку учителей в батальонах и командах ко времени поступления ново-

бранцев. Приказом по войскам округа от 25 января за № 14 нижние чины призыва 1875 и 1876 г. должны быть уволены в запас армии с 1 июня, а молодые солдаты прошлого года должны будут вследствие этого окончательно поступить в строй, поэтому оставшиеся до того времени четыре месяца необходимо употребить с надлежащей пользою и неустанным стремлением к достижению цели приготовления молодых солдат в строевом и наученном отношении. Достигнуть хороших результатов при всей трудности службы местных войск будет нетрудно, если начальники частей, ротные командиры и начальники команд при посредстве учителей с самого начала поведут дело воспитания молодых солдат систематически толково и, не теряя времени, будут идти все вперед, но без насилия и утомления, чтобы люди постепенно втянулись в непривычное для них дело. При этом обращаю внимание начальников частей на два главных предмета: первое – развязать руки и ноги у молодых людей посредством ежедневной гимнастики перед обедом, что дает возможность в непродолжительном времени выправить каждого из них из неуклюжего мужика в стройного солдата и даст им свободный шаг при маршировке, второе – ознакомить пока с главными основаниями дисциплины, обязанностями часового, караульной и внутренней службы и ответственностью за нарушение установленных на то правил, на что посвящать безусловно вечернее время...» [18. Л. 9–10].

Возросшее значение учителей молодых солдат из числа старослужащих повысило требования к подготовке этих учителей. Современники отмечали: «Словом, учитель из нижних чинов имеет большое значение в организации обучения и воспитания новобранцев; а потому нам надлежит выяснить, в чем заключается его действительная подготовка, которую мы сами практиковали, а также наблюдали в частях войск, отмечающихся замечательными успехами по обучению новобранцев. Хороший учитель из нижних чинов должен обладать следующими достоинствами: 1) нравственностью, 2) запасом служебных познаний, 3) умением донести эти познания ученикам.

1. Учитель должен уметь рассказать простым, понятным для новобранца языком все уставные правила, касающиеся следующих предметов: стойка, повороты (на месте и на ходу), осаживание, примыкание, ружейные приемы, шаг, бег, вздваивание рядов, выстраивание по рядам фронта, захождение небольшой шеренгою, приготовления и простая гимнастика, фехтование, приготовление к стрельбе... а также все что касается порядка отправления гарнизонной, внутренней, полевой и лагерной службы.

Рассказ обязательно должен сопровождаться показом. Показ должен быть ясный, наглядный, неторопливый, чтобы новобранец мог усваивать сложные приемы по мелким подразделениям.

2. Учитель должен мастерски поправлять делаемые новобранцами сначала коренные, а затем и мелкие ошибки» [8. С. 338].

Для того, чтобы учитель молодых солдат соответствовал необходимым требованиям, обращалось особое внимание на качественную подготовку старослужащих назначаемых на эту должность: «Учителя подготовляются в течение двух месяцев (октябрь и ноябрь). Это... специальные занятия с учителями... люди, назначенные ротным командиром в учителя, с первого года своей службы обставляются всевозможными заботами относительно воспитания и образования, которое они получают как в роте, так и в учебной команде. Некоторые заботливые начальники находят возможным собирать учителей несколько раньше, давая им возможность отработать на вольных работах в половине сентября: через это получается лишних две недели, что очень важно, ибо два месяца для специальных занятий с учителями мы считаем временем крайне ограниченным... Офицер, заведующий учителями, составляет с ротным командиром план занятий, распределяя время для следующих предметов: 1) строевая выправка, 2) гимнастика, 3) фехтование, 4) приготовления к стрельбе упражнения, 5) порядок отправления службы, 6) словесные занятия и беседы об основаниях учебного дела. Итак, при подготовке учителей мы считаем чрезвычайно важным проведение их через школу наглядного обучения правилам и обязанностям службы» [Там же. С. 338–339].

Заметно больше внимания стали уделять и личным качествам учителей молодых солдат. В журнале «Русский воин», предназначенном для нижних чинов, появилась статья, озаглавленная «Беседы старого солдата», автор которой обращал внимание на личность учителя. «Учитель в постоянной казарменной жизни должен вести себя так, чтобы ежеминутно быть примером молодых солдат, которые обыкновенно зорко присматриваются к своим ближайшим начальникам. Когда молодые солдаты будут видеть, что учитель поступает сам так, как обучает, охотнее будут исполнять требования своего учителя и будут слушаться, уважать его не ради страха, а по совести». [19. С. 28]

Если в начале XIX в. срок обучения в рекрутском депо составлял девять месяцев (после чего обучение продолжалось уже в воинской части. – *Б.В.*), то срок обучения молодых солдат во второй половине XIX в. был рассчитан в мирное время, на четыре месяца, а в военное время – на два месяца (ускоренные курсы). В «Положении о порядке обучения в пехоте» указывалось: «Обучением руководит ротный командир, который несет и ответственность за успехи. Ротный командир преподает сам те предметы, которые имеют воспитательное значение присяги и долга службы; о воинской дисциплине, внутреннюю, гарнизонную и сторожевую службы. Преподавание прочих предметов возлагается на одного из младших офицеров...» [20. С. 16].

К концу XIX в. было определено количество новобранцев, которых следовало закреплять за учителем молодых солдат, чтобы это не отражалось ни на снижении качества обучения, ни на сроках обучения.

Обучение молодых солдат в конце XIX – начале XX в.
[21. С. 29; 22. С. 306]

№	Категория обучаемых	Кол-во обучаемых у одного учителя	Срок обучения
1	Конная артиллерия	6–8	До 1 апреля
2	Пешая артиллерия	6–8	До 1 апреля
3	Моряки	6–10	До 1 апреля
4	Пехота	8–10	До 1 мая
5	Кавалеристы	8–12	До 15 апреля

Принятое в 1880 г. Положение о порядке обучения молодых солдат устанавливало продолжительность дневных занятий. Так, занятия в первый месяц должны были продолжаться не более 5 ч в день, со второго месяца они могли возрасти до 5,5 ч и лишь в третий и четвертый месяцы разрешалось увеличить продолжительность дневных занятий с молодыми солдатами до 6 ч [23. С. 406].

Высшее военное руководство не забывало и об офицерах, которым по долгу службы приходилось постоянно контактировать с нижними чинами. В мае 1906 г. военный министр А.Ф. Редигер разослал командующим военных округов империи секретный циркуляр, в котором содержались следующие требования к офицерам.

«Главнейшею задачею офицеров является воспитание вверенных им нижних чинов... [офицер] не только в служебном, но и в нравственном отношении пользуется полным авторитетом в глазах своих подчиненных... Нижним чинам нередко приходится наблюдать своих начальников в таком состоянии потери личного достоинства, которое, действуя деморализующе на нижних чинов, дает последним основание относиться к офицерам не с тою долею нравственного преклонения, какая необходима для широких и сложных воспитательных задач...» [24. Л. 15].

Революционные события, охватившие страну в начале XX в., не обошли стороной и российскую императорскую армию. Крупные вооруженные восстания в 1905–1906 гг. произошли в ряде городов Сибири и Дальнего Востока, а в двух городах – Красноярске и Чите – восставшие удерживали власть в своих руках на протяжении нескольких недель в декабре 1905 – январе 1906 гг. Командование сибирских воинских частей и соединений в своих донесениях с тревогой отмечало, что солдатам регулярных войск часто приходится контактировать с политическими ссыльными (конвоирование ссыльных, охрана сибирских тюрем, размещение по квартирам обывателей. – Б.В.), что самым пагубным образом отражается на настроениях и поведении нижних чинов. Сибирскими исследователями достаточно основательно изучены эти процессы, имеется обширная литература по данной теме, поэтому, не рассматривая этот вопрос, нам хотелось бы привести лишь один документ, который в определенной мере позволяет понять, насколько тревожной выглядела эта ситуация в глазах должностных лиц.

И. д. губернатора Енисейской губернии А. Гирс в сентябре 1906 г. сообщал командующему Иркутским военным округом генералу от инфантерии А.Н. Селиванову о вопиющем случае, имевшем место в частях

красноярского гарнизона: «...Для вывода политических арестантов в баню, канцелярию, комнату свиданий и на прогулку во внутренний двор тюрьмы ежедневно назначается в помощь военному караулу при Красноярской тюрьме дополнительный наряд в 15 нижних чинов при унтер-офицере. 23 сентября караул и особый наряд были от 9-й роты 30-го Восточно-Сибирского стрелкового полка. В это число выпущенные на прогулку политические арестанты демонстративно запели революционные песни, которые были прекращены только после требования смотрителя тюрьмы, обращенного к караульному офицеру. Нижние чины которыми было допущено это пение, возвращаясь по окончании прогулки арестантов в караульное помещение, на глазах тюремного надзора и стражи запели сами революционную песню “Вставай, поднимайся рабочий народ”. Независимо этого смотритель тюрьмы удостоверяет, что нижние чины 30-го полка, наряжаемые для охраны тюрьмы, встречаясь с политическими арестантами, здороваются с ними за руку... И. д. губернатора А. Гирс». [25. Л. 55]. Начальство беспокоилось, поскольку в эти воинские части через два-три месяца должно было прибыть молодое пополнение, которое могло набраться «крамольных» идей и взглядов от старослужащих солдат.

В конце XIX в. все чаще на страницах периодических военных изданий стали печататься статьи, авторы которых предлагали организовать в России подготовку молодежи к военной службе. Следует отметить, что такая система подготовки молодых людей к военной службе была уже развернута в ряде стран, таких как Франция, Германия, Япония и др., и приносила положительные результаты.

Внимание на этот вопрос обращали не только военные теоретики, но и командование ряда сибирских воинских частей. Так, в рапорте, составленном 21 декабря 1907 г. в штабе 5-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии и направленном командиру 2-го Сибирского армейского корпуса, говорилось: «Необходимо повысить интерес населения к военной службе в целях воспитательного значения, чтобы призываемые в армию уже имели первоначальную, хотя бы небольшую военную подготовку и любовь к военной службе... Вообще популяризация военного дела среди населения весьма желательна и может принести огромную пользу, внедряя в народное сознание должные понятия о порядке и дисциплине, которые являются главнейшими устоями каждого благоустроенного государства... Березовка, Забайкальская область» [26. Л. 96].

В январе 1908 г. император Николай II распорядился завести в сельских школах обучение гимнастике и строю, эти предметы стали обязательными для учащихся. Многие военные специалисты с одобрением встретили это решение, но некоторые считали, что этого недостаточно для подготовки молодых людей к будущей военной службе. Так, некоторые из офицеров, отвечающих за подготовку молодого пополнения,

обоснованно сетовали на то, что российская народная школа слишком далеко отстоит от нужд российской армии. «Дело обучения военному искусству в рядах армии спорилось бы гораздо лучше, если бы все поступающие на службу были грамотны. В этом отношении школа должна подготовить будущих защитников родины к восприятию военной жизни. В этом деле для школьного учителя открывается большой простор. Как часто приходится встречать среди новобранцев, прибывающих на службу, людей грамотных, но совершенно безучастно относящихся к судьбе своей родины. Им не сумели внушить на школьной скамье любви к родине. К глубокому сожалению, мы должны сознаться, что наша школа в этом отношении очень немного сделала для государства. Наш школьный учитель не похож на своих западных и восточных товарищей. Влияние его на пробуждение патриотических чувств в народе ничтожно» [27. С. 50–51].

Но для сокращения существующего отставания России в этом вопросе от ведущих стран потребовались дальнейшие шаги. В июле 1911 г. царь утвердил «Положение о внешкольной подготовке русской молодежи к военной службе». В названном Положении подчеркивались задачи, которые следовало решить в ближайшие годы: «...в) обучение военному строю и физическое развитие г) привитие с юных лет духовных и физических качеств, необходимых рядовому бойцу во время военных действий...» [28. С. 18]. Названное Положение должно было охватить военной подготовкой и ту часть молодых людей, которые не обучались в школе.

Некоторые специалисты шли дальше: «В каждой волости должен вестись точный список всех молодых людей подготовительного разряда (как известно, подготовительный разряд существовал в этот период времени лишь среди казачьего населения империи). Вместе с зачислением туда каждому парню должна быть выдана из волосного правления записная книжка, где кроме необходимых сведений о нем должно записываться, какую школу кончил, как готовился к службе за все время пребывания в подготовительном

периоде, какие изучал ремесла и т.д., причем перед отправлением призываемого в воинское присутствие следует точно указать в книжке все выдающиеся качества его для облегчения работы воинского начальства... Книжку эту новобранец представляет своему начальнику по прибытии в войсковую часть» [29. С. 123].

Очередное сокращение срока военной службы в русской армии в начале XX в. вновь заставило военное ведомство внести изменения в порядок обучения молодых солдат.

«Переход к трехлетнему сроку службы еще более затруднил нашу работу офицеров как прямых носителей боевых традиций части; возможно, потребуются новые методы воспитания и обучения, и если это будет нужно, прошу применить их, не осуждая инструкций, разъяснений и распоряжений сверху. Со своей стороны считаю необходимым рекомендовать обратить особое внимание на грамотность и гимнастику как два главных элемента развития духовного и физического. С грамотным и ловким солдатом можно в короткий промежуток времени достичь всего, что ставит нам задачей наша боевая служба.

Командир 3-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии генерал-майор Ольвинский» [30. Л. 103].

После увольнения из армии отслуживших нижних чинов зачисляли в категорию запасных, их могли вновь призвать на военную службу в случае участия России в масштабных и продолжительных войнах. Но полученный на военной службе опыт у солдат, ушедших в запас, нередко находил применение и в их гражданской жизни. Отслуживших в армии охотно принимали на низшие должности служащих, сторожей, смотрителей, лесных объездчиков, младших полицейских стражников, а также сидельцев в разные казенные учреждения. Их нередко выбирали на различные должности и жители сибирских сель и деревень. Как правило, человек имевший за плечами опыт военной службы, пользовался большим доверием в среде городских и сельских жителей Российской империи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Собр. 1-е. Т. 30: 1808–1809. СПб., 1830. 1392 с.
2. ПСЗ РИ. Собр. 1-е. Т. 31: 1810–1811. СПб., 1830. 942 с.
3. Памятная книжка для нижнего чина // Свод военных постановлений. Ч. 3. Наказ войскам. Приложение к Своду. СПб., 1838. Кн. 1. 632 с.
4. Свод военных постановлений 1838. Ч. 3: Наказ войскам. СПб., 1838. Кн. 1. 632 с.
5. Энгельман И.Г. Воспитание современного солдата и матроса. СПб., 1908. 277 с.
6. Геруа А. После войны о нашей армии. 2-е изд. СПб., 1907. 262 с.
7. Строевой. О служебном положении строевых офицеров // Военный сборник. 1898. Сентябрь. № 9.
8. Бутовский Н. О подготовке учителей молодых солдат (практические советы командира роты) // Военный сборник 1890. № 3–4.
9. Макаров Н. Молодой солдат и его учитель с медицинской точки зрения // Военный сборник. 1898. Октябрь. № 10.
10. Памятка для дядьки новобранца. 5-е изд. / издал В. Березовский. СПб., 1899. 64 с.
11. Как обучать молодых солдат (советы учителю-дядьке) / собрал В. Измайлович. СПб.: Самокат, 1902. 142 с.
12. Свод военных постановлений. Ч. 3: Наказ войскам. Кн. 1: О внутреннем управлении войск. СПб., 1838. 632 с.
13. Д. С. Заметки командира строевой роты // Военный сборник. 1858. Май. № 1.
14. Зимин. Н. Воспоминания о сибирской жизни. 1887–1892. СПб., 1895. 268 с.
15. Преженцов Я. О воинском воспитании нижних чинов // Томские губернские ведомости. 1908. 2 июля. № 44.
16. Карцов С. Младший офицер в роте, эскадроне и батарее // Военный сборник 1884. Апрель. № 4.
17. Русское военное обозрение // Военный сборник. 1877. Февраль. № 2.
18. Государственный архив Иркутской области. Ф. 558. Оп. 2. Д. 1.
19. Ф. В. И. Беседы старого солдата // Русский воин. Еженедельный иллюстрированный журнал для нижних чинов. 1909. 15 января. № 2.

20. Столетие Военного Министерства. 1802–1902. Главный Штаб. Исторический очерк образования (обучения) войск. Ч. 1. Кн. 2. Отдел 3: Уставы и наставления. СПб., 1914. 385 с.
21. Перфильева Н.П. Подготовка и редактирование научного текста : учеб.-метод. пособие. М. : Флинта ; Наука, 2014. 116 с.
22. Баяндин В.И. О системе обучения нижних чинов в российской армии в XIX – начале XX в. // *Философия образования*. 2011. № 5 (38).
23. Макаров Н. Молодой солдат и его учитель с медицинской точки зрения // *Военный сборник*. 1898. Октябрь. № 10.
24. Государственный архив Омской области. Ф. 19. Оп. 1. Д. 405.
25. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 1468. Оп. 3. Д. 298.
26. РГВИА. Ф. 1468. Оп. 3. Д. 312.
27. Андрианов. П. Армия и учитель // *Русский воин*. Еженедельный иллюстрированный журнал для нижних чинов. 1909. 31 января. № 5.
28. Положение «О внешкольной подготовке русской молодежи к военной службе» // *Морской сборник*. 1911. Ноябрь. № 11.
29. Петерс К. Назревшие требования вследствие сокращения сроков службы в войсках // *Военный сборник*. 1909. Сентябрь. № 9.
30. Государственный архив Приморского края. Ф. 12. Оп. 1. Д. 2.

Vladimir I. Bayandin. Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russia). E-mail: ilan-sib@rambler.ru

RUSSIAN ARMY IN THE XIX - THE BEGINNING OF THE XX CENTURY: THE ROLE OF OLD-TIME LOWER RANKS IN THE TRAINING OF RECRUITS AND YOUNG SOLDIERS

Keywords: XIX century, Russian army, recruits, young soldiers, old-timer, “uncle”, teacher of young soldiers.

The article considers the problem of training young people recruited for military service and their adjustment to new conditions and requirements. The author shows how the Russian army leaders sought for more effective ways of training new recruits in the XIX century. The reserve recruit depots founded in the early XIX century turned out of little effect. To replace the recruit depots there appeared reserve battalions where new recruits were trained, but a few years later serious drawbacks of that training came to light. Only after introduction in 1874 of military duty for people of all classes in Russia a more effective way of training new recruits came into being. Besides non-commissioned officers, skilled older soldiers who were called “dyad’ki” (“uncles”) or attendants also participated in training. The commanders chose experienced soldiers in good repute to be attendants. Every attendant was assigned to train from two to six new recruits. He was a kind of preceptor for young recruits, helping them to adjust themselves to military life and solve the arising problems. Unlike an officer, the attendant was steadily near his young recruits, gradually sharing his knowledge and experience with them. In the second half of the XIX century the call-up period continued to grow shorter and it was one of the reasons that entailed revision of the training system for new recruits. Instead of the habitual attendant, in the barracks appeared teachers for young soldiers. The teachers were selected from soldiers who had done military service for a few years, got special education and passed their examinations. The adopted instructions defined what was required of the teachers, assigned the number of young soldiers to be attached to a teacher. According to the arm of the service – infantry, cavalry, artillery – the number of young recruits varied from 4 to 10. The training process was conducted by a particular officer who worked out an education program and made up a time-table of classes. The officer himself taught some of the subjects, but God’s word was entrusted to a military clergyman, and Health care was conducted by a medical officer. The appointed officer was responsible for the general training process and the teachers’ activities. When it was necessary the officer could replace the teacher if the latter failed to cope with his duties. Thus, in the 1880s there appeared a training system for new recruits in the form of training detachments. At the turn of the XX century the process of training of young recruits underwent some essential changes as the experience of the war between Russia and Japan in 1904 – 1905 was also taken into account.

REFERENCES

1. Russia. (1830a) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [The Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Coll. 1. Vol. 30. St. Petersburg: Second Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery.
2. Russia. (1830b) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [The Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Coll. 1. Vol. 31. St. Petersburg: Second Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery.
3. Russia. (1838) *Pamyatnaya knizhka dlya nizhnego china* [Memorial book for the lower rank]. In: *Svod voennykh postanovleniy* [The Code of Military Decrees]. Pt. 3. St. Petersburg: [s.n.].
4. Russia. (1838a) *Svod voennykh postanovleniy* [The Code of Military Decrees]. Pt. 3. St. Petersburg: [s.n.].
5. Engelman, I.G. (1908) *Vospitanie sovremennogo soldata i matrosa* [Training of a modern soldier and sailor]. St. Petersburg: Ekon. tipo-lit.
6. Gerua, A.V. (1907) *Posle voyny o nashey armii* [About our Army after the War]. 2-e izd. St. Petersburg: A.S. Suborin.
7. Stroevoy. (1898) O sluzhebnoy polozenii stroevykh ofitserov [On the official position of combat officers]. *Voennyi sbornik*. 9.
8. Butovsky, N. (1890) O podgotovke uchiteley molodykh soldat (prakticheskie sovety komandira roty) [On the training of teachers for young soldiers (practical advice of a company commander)]. *Voennyi sbornik*. 3-4.
9. Makarov, N. (1898) Molodoy soldat i ego uchitel' s meditsinskoy tochki zreniya [The young soldier and his teacher from a medical point of view]. *Voennyi sbornik*. 10.
10. Anon. (1899) *Pamyatka dlya dyad'ki novobrantsa* [Memo for a draftee's drill master]. 5th ed. St. Petersburg: V. Berezovsky.
11. Izmaylovich, V. (1902) *Kak obuchat' molodykh soldat (sovety uchiteley-dyad'ke)* [How to train young soldiers (tips for a drill master)]. St. Petersburg: Samokat.
12. Russia. (1838) *Svod voennykh postanovleniy* [The Code of Military Decrees]. Pt. 3. St. Petersburg: [s.n.].
13. D.S. (1858) Zametki komandira stroevoy roty [Notes of the combat company commander]. *Voennyi sbornik*. 1.
14. Zinin, N. (1895) *Vospominaniya iz sibirskoy zhizni. 1887–1892* [Memories of Siberian life. 1887–1892]. St. Petersburg: [s.n.].
15. Prezhentsov, Ya. (1908) O voynskom vospitanii nizhnikh chinov [On military drill of lower ranks]. *Tomskie gubernskie vedomosti*. 44.
16. Kartsov, S. (1884) Mladshiy ofitser v rote, eskadrone i bataree [Junior officer in the company, squadron and battery]. *Voennyi sbornik*. 4.
17. Anon. (1877) *Russkoe voennoye obozrenie* [Russian military review]. *Voennyi sbornik*. 2.
18. The State Archive of Irkutsk Region. Fund 558. List 2. File 1.
19. F.V.I. (1909) Besedy starogo soldata [Conversations of the old soldier]. *Russkiy voyn*. 2.
20. Skalon, D.A. (ed.) (1914) *Stoletie Voennogo Ministerstva. 1802 – 1902. Glavnyy Shtab. Istoricheskiy ocherk obrazovaniya (obucheniya) voysk* [Centenary of the War Ministry. 1802 - 1902. The General Staff. Historical outline of the formation (training) of troops]. Pt. 1. St. Petersburg: M.O. Wolf.
21. Perfilyeva, N.P. (2014) *Podgotovka i redaktsionnoye nauchnogo teksta* [Preparation and editing of scholarly text]. Moscow: Flinta; Nauka.
22. Bayandin, V.I. (2011) Training of low ranks in the Russian army in the 19th –early 20th centuries. *Filosofiya obrazovaniya – Philosophy of Education*. 5(38), pp. 304–310. (In Russian).
23. Makarov, N. (1898) Molodoy soldat i ego uchitel' s meditsinskoy tochki zreniya [The young soldier and his teacher from a medical point of view]. *Voennyi sbornik*. 10.
24. The State Archive of Omsk Region. Fund 19. List 1. File 405.

25. The Russian State Military Historical Archive (RGVIA). Fund 1468. List 3. File 298.
26. The Russian State Military Historical Archive (RGVIA). Fund 1468. List 3. File 312.
27. Andrianov, P. (1909) *Armiya i uchitel'* [Army and Tutor]. *Russkiy voin.* 5.
28. Russia. (1911) Polozhenie "O vneshkol'noy podgotovke russkoy molodezhi k voennoy sluzhbe" [Regulation "On the out-of-school training of Russian youth for military service"]. *Morskoy sbornik.* 11.
29. Peters, K. (1909) Nazrevshie trebovaniya vsledstvie sokrashcheniya srokov sluzhby v voyskakh [Acute requirements due to the reduction of military service life]. *Voennyy sbornik.* 9.
30. The State Archive of the Primorsky Territory. Fund 12. List 1. File 2.

УДК 94(47).031
DOI: 10.17223/19988613/62/3

Л.В. Воротынец

СЕВЕРНЫЙ ТРАНСКОНТИНЕНТАЛЬНЫЙ ТОРГОВЫЙ ПУТЬ В МОНГОЛЬСКУЮ ЭПОХУ (XIII–XV вв.)

Рассматриваются вопросы, связанные с функционированием Северного трансконтинентального торгового пути в эпоху существования Монгольской империи и государств, образовавшихся после ее распада. Указанный торговый маршрут проходил от земель енисейских киргизов (хакасов) – «земли Чулыман» (в арабских источниках), через Барабинскую степь, Нижнее Прииртышье («Ибиль» и «Сибиль») в направлении Тюмени. От Тюмени купеческие караваны шли через Южное Приуралье к Булгару, а от Булгара – водным путем по руслу рек Волги, Оки, Прони, Дона, Быстрой Сосны, через волоки в районах озер Иван и Самодуровское в Посеймье и Среднее Поднепровье до Крыма (Кафы). Расцвет Северного торгового пути приходится на вторую половину XIII – первую половину XIV в. К концу XV в. данный маршрут утрачивает трансконтинентальный статус, становясь локальной торговой магистралью Северо-Восточной Евразии.

Ключевые слова: Северный торговый путь; «земля Чулыман»; Монгольская империя; Улус Джучи.

Возникновение в первой половине XIII в. Монгольской империи, объединившей в единое политическое и экономическое пространство огромные территории Евразийского континента, повлекло за собой не только возрождение системы трансконтинентальной торговли по ранее функционировавшим торговым путям, но и появление новых маршрутов, возникших в условиях изменившейся административно-политической обстановки.

К таким маршрутам следует отнести и так называемый Северный трансконтинентальный торговый путь, становление которого приходится еще на домонгольскую эпоху. Эта торговая магистраль носила широтный характер и позволяла осуществлять передвижение товаров от регионов Восточной Сибири и Монголии, до южнорусских княжеств и государств Западной Европы.

Достаточно долгое время Северный торговый маршрут оставался вне поля зрения историков. В фундаментальном труде первого историка Сибири Г.Ф. Миллера тема экономического развития и торговых путей Сибирского макрорегиона не затрагивалась вовсе. Не нашла она достойного отражения и в исторических исследованиях более позднего времени.

Такой подход, в значительной степени, объясняется отрывочностью сведений письменных источников по этому вопросу и практически полным отсутствием археологических изысканий в регионах Южного Приуралья, Западной и Восточной Сибири вплоть до середины XIX в. Во второй половине XIX – начале XX в. рядом исследователей (М.С. Знаменский, В.Н. Пигнатти, М.П. Грязнов) проводились раскопки археологических комплексов XIV–XVI вв., однако единой хронологической и этнокультурной картины развития южносибирских регионов в эпоху средневековья так и не сложилось.

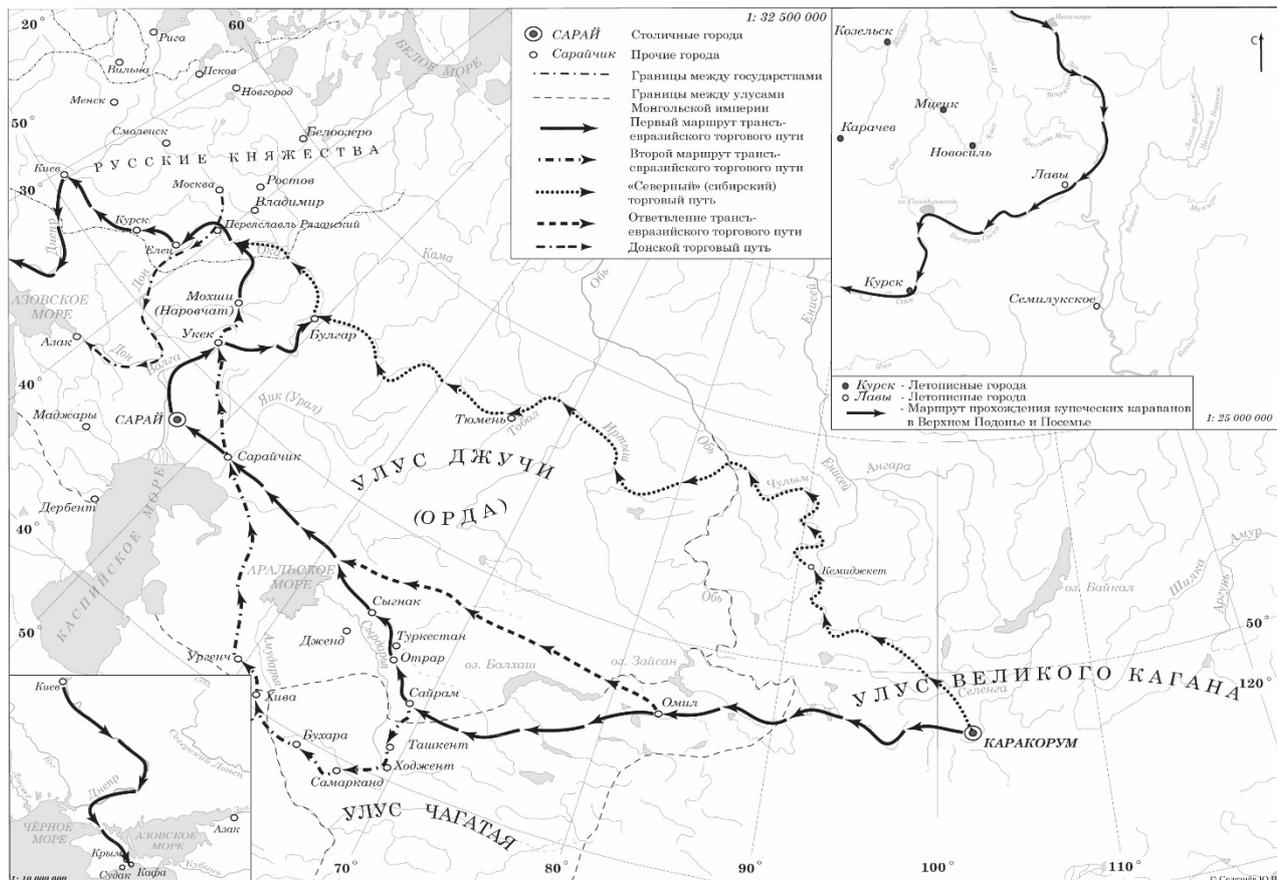
Со второй половины XX в. начинаются комплексные исследования советских археологов в Западной Сибири, Туве, Хакасии и Алтае, в ходе которых был получен богатейший археологический материал, позволивший воссоздать картину этнокультурного и эконо-

мического развития указанных регионов от палеолита до Нового времени, включая и эпоху средневековья [1. С. 341–349; 2. С. 346; 3; 4]. В 1955 г. выходит монография С. В. Бахрушина, посвященная вопросам коммуникаций сибирского макрорегиона в XVI–XVII вв. [5].

Однако лишь в 1990–2000-х гг. стали появляться работы, в которых в той или иной степени поднимались проблемы торговых контактов и маршрутов поступления товаров по Северному трансконтинентальному пути [6. С. 162–163; 7; 8. С. 4–12; 9. С. 19].

Вместе с тем до настоящего времени вопросы определения маршрута Северного торгового пути и локализации основных торговых факторий на указанном маршруте остаются открытыми. Целью данного исследования является изучение вопросов торговых контактов, осуществлявшихся по Северному трансевразийскому торговому маршруту в монгольскую эпоху (XIII–XV вв.). На основании анализа письменных источников и данных археологии автором предпринимается попытка локализации указанного маршрута и основных торгово-ремесленных центров, через которые проходил путь купеческих караванов.

Как было отмечено выше, первый этап функционирования Северной трансконтинентальной торговой магистрали приходится на домонгольскую эпоху. В 1989–1990 гг. комплексными исследованиями киевских, казанских и воронежских археологов в ходе экспедиции был выявлен более подробный маршрут волго-днепровского участка Северного пути в XII – первой трети XIII в., проходивший через слабо залесенные водоразделы Сейма и Сулы – верховья Северского Донца – Дон (между устьями Воронежа и устьем Тихой Сосны) – верховья Цны и Хопра – водораздел Мокши и Суры к Великому Булгару [10. С. 17]. На всем протяжении исследованных территорий была выявлена цепь поселений, представлявших, как правило, хорошо укрепленные стоянки – «манзили», располагавшиеся через каждые 40–70 км и служившие местами отдыха для торговых караванов.

По мнению А.П. Моци и А.Х. Халикова, на русском участке пути основными стоянками являлись: поселение у с. Русанова (на р. Трубеж, 40 км от Киева) – городище у с. Петровки (на р. Супой) – Прилуки – урочище Городок – городище у с. Липовое – городище Вяхань (на р. Терн) – два городища у с. Гай – два городища у с. Горналь – археологический комплекс у с. Гочев (правый берег р. Псел в ее верховьях) – район с. Княжое (в верховьях Сейма с двумя бродами) – Животинное городище (на р. Воронеж) [11. С. 23, 25, 27, 30].

Следует, однако, отметить, что археологические раскопки не выявили на Животинном городище оборонительных сооружений, относящихся к XII–XIII вв. Это, а также слабая насыщенность культурного слоя древнерусскими находками и малая заселенность округи позволяют усомниться в прохождении торгового пути через вышеназванный населенный пункт, представлявший собой сторожевой пост или промысловую стоянку [26. С. 41; 37, С. 32]. Более вероятным представляется прохождение караванов через Семилукское городище, являвшееся одновременно сторожевой крепостью, административным центром и одним из пунктов международной торговли в бассейне Дона.

Восточный участок торгового пути Булгар-Киев проходил через верховья р. Хопер, по водоразделу р. Ворона через Ертиль (по-тюркски – «середина пути»), в верховья р. Инза и Кеньша в Посурье, где с торговой магистралью связывается функционирование целой агломерации населенных пунктов (городища Юловское – Садовские I, II – Семисенское, или Нико-

ло-Райское, – Балабанов родник – Золотаревское). Далее через Керенско-Сембарскую возвышенность и район Кайбел – к Великому Булгару (Биляру) [12. С. 63–81].

Монгольское нашествие 1236–1242 гг. практически полностью уничтожило отлаженную систему караванной торговли, соединявшей рынки Волжской Болгарии и Южной Руси. Прежде всего, были разрушены главные центры международной торговли – Биляр и Киев [13. С. 459; 14. Стб. 784–787].

Подверглись военному разгрому и прекратили свое существование многочисленные населенные пункты, располагавшиеся в излучине р. Суры и ее левого притока р. Узы. В том числе и такие важнейшие торгово-ремесленные поселения на восточном участке пути Булгар – Киев, как Юловское и Золотаревское городища [15. С. 11, 45]. Та же участь постигла и Семилукское городище, жизнь на котором, по данным археологии, прекращается в середине XIII в. [16. С. 144].

Однако уже в конце 40-х – начале 50-х гг. XIII в. происходит становление новых торговых маршрутов, соединивших торгово-ремесленные центры Мавераннахра, Хорезма, Волжской Болгарии с монгольскими улусами Южной Сибири, южнорусскими княжествами и византийскими торговыми факториями Крыма. Этот процесс облегчался вхождением всех вышеперечисленных регионов полностью или частично в состав Улуса Джучи и мог быть связан с активной политикой Бату в области государственного устройства. В начале 1250-х гг. были заново отстроены разрушенные в ходе монгольского нашествия города – Булгар, Сувар,

Сауран, Отрар, Дженд и другие [17. С. 95–96; 18. С. 126]. Тогда же начинается активное восстановление путей сообщения, рынков, караван-сараяв и других элементов городской и торговой инфраструктуры.

Уже в 1240-х гг. Джучидами стала проводиться линия на привлечение в земли Орды купеческих объединений, временно прекративших свою экономическую деятельность в связи с военными действиями монгольских армий в вышеуказанных регионах. По сообщению армянского историка Киракоса, «Начали являться к нему [Бату] цари и царевичи, князья и купцы – все огорченные тем, что были лишены вотчин своих. И Батый судил по справедливости и возвращал каждому, кто просил, его области и владения и снабжал специальными грамотами, и никто не смел противиться приказам его» [19. С. 218].

Нередко купцам выдавались ярлыки и пайцзы, что обеспечивало их рядом дополнительных привилегий. Торговое сословие получало право на бесплатную смену лошадей и продовольствие на ямских станциях, а также освобождалось от уплаты тамги и некоторых других налогов. Только в начале 1250-х гг. эта льготная система была отменена каганом Мунке, проводившим ряд административных и фискальных реформ во всех улусах империи [20. С. 141].

Такой режим наибольшего благоприятствования для купеческих корпораций обуславливался помимо прочего и личной заинтересованностью Бату в интенсификации торговых процессов, поскольку в Монгольской империи и Улусе Джучи в XIII–XIV вв. была распространена практика участия в торговых операциях личных капиталов высшей монгольской аристократии при посредничестве корпорации купцов-«ортаков». Участвовали в крупнооптовой торговле и великие ханы, в частности Угедэй [21. С. 57]. Весьма вероятно паевое участие в коммерческой деятельности и самого Бату, а также его многочисленных родственников.

Учитывая вышеперечисленные факторы, представляется вполне закономерным достаточно быстрое (к середине XIII в.), восстановление торговых маршрутов, функционировавших еще в домонгольский период [22. С. 61–69; 23. С. 139–140].

Вероятно, тогда же происходит восстановление Северного торгового пути, маршрут которого в монгольскую эпоху претерпел существенные изменения по сравнению с предыдущим периодом. Многочисленные находки артефактов, относящихся к «аскизской» археологической культуре средневековых хакасов (енисейских киргизов), на обширных территориях Западной Сибири, Приуралья, Среднего Поволжья, Поочья, Верхнего и Среднего Подонья, Приднепровья, а также товаров западноевропейского производства и ордынских дирхемов в степной, лесостепной и таежной зонах Западной и Восточной Сибири позволяют говорить о существовании оживленных торгово-экономических контактов русских, болгарских и, возможно, европейских купеческих корпораций с регионами Южной Си-

бири [24. С. 103–106; 25. С. 251–255; 26. С. 55, 159; 27. С. 91; 28. С. 4–12].

Существование в ордынскую эпоху Северной трансевразийской торговой магистрали, проходившей от земель енисейских киргизов до Руси и Западной Европы, подтверждается сообщением арабского историка и географа Фадлал аха ал-Умари. В своем сочинении «Пути взоров по государствам с крупными городами» он, со ссылкой на болгарского ученого Масуда и арабского путешественника Хасана Эруми, бывавшего в Булгаре описывает маршрут, проходивший от некоей местности Акикул, находившейся в 20 днях пешего пути от Булгара в Сибирь: «За Акикулом, говорил он [Масуд], [следуют] Сибирь и Ибирь, потом за ними земля Чулыман. Когда путешественник едет от Чулымана на Восток, то он приезжает к городу Каракоруму, а далее в землю Хатайскую, в которой [находится] Великий Кан... Когда же путешественник, говорил он, едет на Запад от него [Чулымана], то он приезжает в землю русских, потом в страну Франков и к обитателям Западного моря» [29. С. 135].

По мнению А. М. Белавина и Н. Б. Крыласовой, «земля Чулыман» располагалась в Верхнем Прикамье (земля «Вису» раннесредневековых источников) со столицей в Акикуле (Афикуле) [6. С. 162–163; 8. С. 4–12; 9. С. 19]. На наш взгляд, данный тезис исследователей базируется на неточной трактовке сообщения ал-Умари. Согласно данным арабского географа, «Чулыман» располагался не только в отдалении от Акикула, но и за пределами земель «Сибирь» и «Ибирь», т.е. далеко на восток от Верхнего Прикамья.

В этой связи более плодотворным выглядит предположение М.Г. Сафаргалиева о локализации «земли Чулыман» в верховьях Оби и Енисея, а точнее – в бассейне р. Чулым (правого притока р. Оби) [30. С. 215]. Подтверждением данного тезиса, по мнению исследователя, могут служить сообщения в актовом материале Сибирского воеводства XVII в. «чулымских князей», владения которых располагались на территориях современных Тувы и Хакасии [31. С. 412–413].

Таким образом, упоминаемая арабским географом «земля Чулыман» достаточно четко соотносится с владениями енисейских киргизов (тумен-киргизов, хакасов). По оценке Л.Р. Кызласова, граница киргизского государства в X–XIII вв. на западе начиналась от Оби, в устье Чулыма. В районе современного г. Томска она выходила на левый берег Оби, проходила на юг по Салаирскому кряжу и по бассейну р. Бии достигала верховьев Абакана. Северные граница проходила по водоразделу рек Чулыма и Кети и, пересекая Енисей выше устья Ангары, достигала до р. Чупы. С юга страну ограждали Западно-Саянские хребты. Центром владений хакасов являлась территория Хакасско-Минусинской котловины [32].

С 1207 г. многочисленные племена Южной Сибири и Саяно-Алтайского нагорья входят в состав Монгольской империи. Согласно «Сокровенному сказанию»

старший сын Чингисхана – Джучи «был послан с войском правой руки к лесным народам. Подчинив ойратов, бурятов, бархунов, уссутов, хабханосов, ханхасов и тубасов, Джучи подступил к **тумен-киргизам**. Тогда к Джучи явились киргизские нойоны... Они выразили покорность и били государю челом белыми кречетами-шинхот, белыми же меринами и белыми соболями» [33. С. 174–175; 3. С. 132].

После распада единой Монгольской державы земли енисейских киргизов входят в состав Империи Юань. При великом хане Тэмуре (1295–1307 гг.), третья жена которого была киргизкой, управление столичной провинцией Лин-бэй было поручено старшему брату хана – Камале. В сферу его владений входили области: «Каракорум, Онон, Керулен, Кем-Кемиджиут, Селенга, Баялык, до границ киргизов и великого заповедника Чингиз-хана, называемого Бурхан-Халдун...» [20. С. 205–207].

Включение южносибирских народов в имперскую экономическую систему привело к значительному оживлению хозяйственной жизни вышеуказанных территорий. По свидетельству Рашид ад-Дина, «...в областях Киргиз и Кэмкэджиут много городов и селений» [20. С. 150]. Археологические исследования в Туве выявили существование значительного числа неукрепленных городищ монгольской эпохи (Ден-Терек, Оймак, Менигейское, Могойское, Элегетское, Эртине-Булакское) [32. С. 140], что подтверждает информацию персидского хрониста. При монголах в Туве появляются фактории мусульманских купцов, которые проживали в городах, ведя широкую караванную торговлю [34. С. 140; 35].

По всей вероятности, основными товарами южносибирского экспорта как в западном, так и юго-восточном направлениях являлись пушнина и продукция хакасских ремесленников (вещи аскизского круга древностей), находки которой прослеживаются на обширных пространствах от Алтая до Волго-Камского и Днепровско-Донского регионов. Л.Р. Кызласов связывал появление аскизских древностей в Восточной Европе с разгромом восстания южносибирских племен войсками империи Юань в 1293 г., значительную часть этих войск составляли восточные кипчаки, военная добыча которых, по мнению исследователя, широко распространилась по кочевьям [4. С. 68; 24. С. 103–106]. Однако находки предметов, относящихся к аскизской культуре, на археологических комплексах, находящихся вне степной зоны (Золотаревском и Лавском городищах, комплексе Устье-3) [26. С. 55, 159; 27. С. 91; 15. С. 160–172], позволяют поставить под сомнение данный вывод Л.Р. Кызласова. Более вероятен торговый путь поступления хакасских ремесленных товаров в степные регионы Золотой Орды через Булгар и Сарай.

Фадлаллах ал-Умари, со ссылкой на мусульманского путешественника Номана Эльхорезми, прямо указывает на наличие тесных торговых отношений между Булгарским улусом и Чулыманом: «Купцы наших стран, говорил Номан, не забираются дальше города

Булгара; купцы Булгарские ездят до Чулымана, а купцы Чулыманские ездят до земель Югорских, которые на окраине Севера» [29. С. 137]. Подтверждением посещения «чулыманскими» (хакасскими) купцами Верхнего Прикамья служат многочисленные находки предметов аскизской культуры на Рождественском археологическом комплексе (Карагайский район Пермского края), который ассоциируется А.М. Белавиным с городом Акикулом (Афикулом) восточных источников, являвшимся одним из центров транзитной торговли Севера [8. С. 4–12].

От Булгара купеческие караваны, вероятнее всего, сплавливались по Оке до места впадения в нее р. Прони. Весьма вероятно, что рязанские города Новый Ольгов, расположенный в устье р. Прони, и Городок у ее истоков были построены в том числе и для обеспечения инфраструктуры и безопасности ладейных караванов проходивших по этому маршруту.

После прохождения купеческих судов по течению Прони до ее истоков, находящихся в непосредственной близости от Иван-озера, караваны попадали в Дон, бравший свое начало в эпоху средневековья из выше-названного озера. Сигизмунд Герберштейн, описывая громадное, по его оценке, Иван-озеро (Iwanowasero), особо отмечал, что «из этого озера вытекают две большие реки: Шат и Танаис» [35. С. 137]. В «Книге большому чертежу» имеется аналогичное указание на то, что «река Донъ вытекла изъ Иваня озера... да из тогожь Иван озера потекла река Шать и пала в реку въ Упу» [36. С. 78].

В дальнейшем торговые суда сплавливались по Дону и Быстрой Сосне до ее истоков, с чем может быть связано быстрое возрождение и активное функционирование Лавского археологического комплекса, являвшегося крупным торгово-ремесленным центром уже во второй половине XIII – первой половине XIV в. [37. С. 264–265].

От низовий Быстрой Сосны торговые суда частично перетаскивались волоком, а частично проводились водным путем в верховья р. Тускари на расстояние около 50–60 км, что является сравнительно небольшим расстоянием. Так, во время путешествия митрополита Пимена, флотилия из трех стругов и одного насада была доставлена на расстояние в 140 верст (от Оки до Дона) всего за четыре дня: «Поидохом же отъ Перяславля Рязанского въ неделю Фомину. Проводиша же съ нами и три струги, да насад на колесехъ: въ четверг такъ же приидохомъ къ реце къ Дону и спустихомъ суды на реку на Донъ» [38. С. 95–96]. Следовательно, скорость движения по волоку составляла в среднем 35 верст в день [39. С. 55; 40. С. 223, 224]. Такая скорость передвижения стругов по суше могла достигаться только при использовании конной тяги. Кроме того, путь по этому маршруту облегчался наличием в тех местах огромного Самодуровского озера (прекратившего свое существование к XVIII в.). Из него брали свое начало р. Свапа, притоки Тускари Снова и Сновка, а также верховье Оки – р. Очка [41. С. 248]. Таким об-

разом, участок пути по волоку мог занимать не более 2–3 дней.

Дальнейший маршрут купеческих флотилий проходил по бассейну р. Сейм, через Курск, Рыльск, Путивль в направлении Среднего Поднепровья (район Киева). Наличие торговых связей населения Посеймья с Волжской Булгарией и Нижним Поволжьем в золотоордынскую эпоху фиксируется значительным количеством монетных кладов XIII–XV вв. в районе Курска и Ратского городища, а также находками на территории Гочевского археологического комплекса болгарских украшений и фрагментов столовой посуды, произведенных в поволжских городах Золотой Орды [42. С. 230; 43. С. 95. Рис. 1].

Волжско-Днепровский участок вышеуказанного трансевразийского торгового пути подробно описан Сигизмундом Герберштейном. По свидетельству австрийского дипломата, еще в начале XVI в. существовал транзитный торговый маршрут из Черноморского региона к северным областям Заволочья, Закамья и Вятской земли: «...если подниматься вдоль реки Борисфена (Днепра), то дойдешь до города Черкас, расположенного на западе, а оттуда к очень древнему городу Киеву, некогда столице России; если там переправиться через Борисфен, то попадешь в область Северскую, поныне еще заселенную; если двинутся из нее на восток, то встретишь истоки Танаида (Дона). Если затем пройти долгий путь по течению Танаида, до слияния рек Оки и Волги, а затем переправиться через Ра (Волгу), то через очень обширное пространство можно добраться до Северного моря» [44. С. 35].

Данное сообщение австрийского дипломата дает возможность проследить путь купеческих караванов на днепровско-волжском участке трансевразийского торгового пути, однако содержит серьезную ошибку, вызванную, скорее всего, неточностями перевода. Спускаясь вниз по течению Дона (Танаида), невозможно достичь места слияния Оки и Волги (Ра). По всей вероятности, русский информатор европейского путешественника имел в виду путь к верховьям Дона, от которых через Иван-озеро и р. Проню ладьи купцов попадали в Оку. Не проходя лично по описанному пути, Герберштейн мог получить эту информацию только от русских купцов, освоивших данный торговый маршрут гораздо ранее XVI в.

В то же время нельзя исключать и наличие сухопутного варианта волго-днепровского отрезка Северного торгового пути. В этом случае он мог проходить от Булгара к столице мордовского улуса Мусхи (Мохши, Наровчат), далее к Никольскому городищу, располагавшемуся в верховьях р. Цны [45]. От Никольского городища маршрут купеческих караванов, вероятно, пролегал до Лавского городища и далее в Посеймье к Гочевскому и Ратскому археологическим комплексам. По предположению Н.А. Тропина, вышеуказанные открытые торгово-ремесленные поселения (ОТРП) составляли единую цепь населенных пунктов, обеспечи-

вавших функционирование торгового маршрута Булгар – Киев в эпоху расцвета Золотой Орды [46. С. 172]. Вследствие бурных военно-политических событий конца XIV – начала XV в. все перечисленные ОТРП прекращают свое существование [37. С. 266; 46. С. 173; 41. С. 377–378], а нестабильность в степи делает сухопутные торговые пути крайне опасными и нерентабельными.

Монголо-китайская война в империи Юань (1351–1368 гг.), а также междоусобные конфликты, разразившиеся во второй половине XIV в. в Чагатайском улусе и Улусе Джучи, нанесли серьезный урон международной торговле. Опустошительные походы Тамерлана, направленные против Золотой Орды и Могулистана, привели в полное расстройство систему трансевразийских торговых маршрутов [47. С. 212]. Особенный спад отмечается в меховой торговле, осуществлявшейся через генуэзские и венецианские фактории Крыма и Приазовья. Если в 1395 г. в Италию было вывезено из Кафы и Таны 43 колло (103,2 тыс. шкурок беличьего меха), то в 1396 г. только 2 колло (4,8 тыс. шкурок белки и куницы), а год спустя 1 колло (2,4 тыс.) и 18 карабий. Лишь в начале XV в. начинается постепенное восстановление меховой торговли. В 1401–1402 гг. экспорт белки в Италию вырос до 3 колло (7,2 тыс. шкурок), а в 1404 г. до 4 колло (9,6 тыс.) [48. С. 76; 49. Р. 1006–1007].

В 1428 г. на перекрестках торговых путей образуется государство кочевых узбеков Шибанида Абулхаира со столицей в западносибирском городе Чимги-Тура (Тюмень). Подобное расположение административного центра ханства позволяло контролировать в том числе и Северный путь. Даже после переноса в 1446 г. узбекской столицы в Сыгнак, центральным пунктом транссибирской торговли остается Тюмень, одновременно являвшаяся в XV в. и резиденцией ногайско-сибирских ханов Ибака и Мамука [50. С. 139].

В первом десятилетии XVI в. на месте вилайета Чимги-Тура возникло относительно независимое Сибирское княжество Тайбугидов. Столица нового государства переместилась на север в г. Искер [51. С. 27, 77], что привело к очередному изменению торговых маршрутов. В XVI в. Северный торговый путь, получивший к этому времени название «Казанская дорога», проходил от земель ойратов (калмыков), через Прииртышье, Барабинскую степь, города Сибирского ханства – Тон-Туру, Кызыл-Туру, Искер, Чимги-Тура (Тюмень), далее по Южному Приуралью в Казань, одни из ворот которой носили название «Тюменских» [5. С. 93; 50. С. 144, 146–147].

Указанный маршрут отмечен и в таком позднесредневековом русском письменном источнике, как Есиповская летопись. В приложении 2 «Статья, предшествующая Есиповской летописи» говорится: «А город Тюмень стоит на высоком месте на красном, а с одной стороны прилегла степь в Колмаки и на Уфу. Из степи приходят калмыцкие люди с торгом» [52]. Следует от-

метить, что уже к концу XV в. Северный путь («Казанская дорога») утрачивает статус трансконтинентального маршрута, ограничиваясь обеспечением торговых коммуникаций на отрезке от Западной Монголии до Поволжья. По всей вероятности, подобные изменения были вызваны кардинальными изменениями военно-политической и экономической ситуации в Северном Причерноморье.

В 1475 г. Кафа, а в 1476 г. Тана (Азак) были захвачены турецкой армией Гедик Ахмед-паши. Рассказывая о взятии турками итальянских городов, русские летописи сообщают о гибели многих купцов из Северо-Восточной Руси ведущих торговлю в Крыму: «Того же лета взяша Туркове Кафу и гостей московских много побиша, а иных пограбив на откуп подаваша» [53.

С. 194]. Это событие привело к прекращению транзитной торговли итальянских торговых республик на северо-восточном направлении.

Таким образом, Северный трансконтинентальный торговый путь являлся оживленной торговой магистралью на протяжении нескольких столетий (XIII-XV вв.), неоднократно адаптируясь к административно-политическим изменениям на Евразийском континенте. Лишь к концу XV в., в связи с турецкой экспансией в Северном Причерноморье и последовавшей в XVI в. ликвидацией Казанского и Сибирского ханств, вызвавших длительный период военных конфликтов, Северный путь окончательно приходит в упадок, становясь локальным торговым маршрутом Западносибирского региона.

ЛИТЕРАТУРА

1. Левашева В.П. О городищах Сибирского юрта // Советская археология. 1950. № XIII. С. 341–349.
2. Дульзон А.П. Поздние археологические памятники Чулыма и происхождение чулымских татар // Труды Томского государственного педагогического института. Томск, 1953. Т. 10. 346 с.
3. Кызласов Л.Р. История средневековой Тувы. М., 1969. 220 с.
4. Кызласов Л.Р. Аскизская культура Южной Сибири // Археология СССР. Вып. Е 3-18. М., 1983. 136 с.
5. Бахрушин С.В. Пути в Сибирь в XVI–XVII вв. // Бахрушин С.В. Научные труды. Т. III: Избранные работы по истории Сибири XVI–XVII вв. Часть первая: Вопросы колонизации Сибири в XVI–XVII вв. М., 1955.
6. Белавин А.М. Камский торговый путь из Биляра в «страну Вису и Чулман» // Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX–XII веков: материалы межд. симпозиума. Казань, 1999. С. 162–163.
7. Борисенко А.Б., Худяков Ю.С. Торговые контакты Германии с Западной Сибирью в XII–XIII вв. // Древности Алтая / Известия лаборатории археологии Горно-Алтайского университета 1995–2004. Горно-Алтайск, 2004. № 1. 180 с.
8. Белавин А.М. Проблемы раннего этапа урбанизации в Волго-Камье // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции (КАЭЭ). Пермь, 2007. Вып. 4. С. 4–12.
9. Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Основные итоги изучения Рождественского археологического комплекса (город Афикула) в Пермском крае // Научный Татарстан. Казань, 2009. № 2.
10. Моця А.П., Халиков А.Х. Путь из Булгара в Киев: Результаты и задачи исследований // Археологическое исследование микрорегионов: итоги и перспективы. Воронеж, 1990.
11. Ивлев М.М., Моця А.П. Русский участок пути Булгар–Киев // Путь из Булгара в Киев. Казань, 1992.
12. Белорыбкин Г.Н. Путь из Булгара в Киев // Великий Волжский путь: история формирования и развития: материалы круглого стола «Великий Волжский путь и Волжская Булгария» и Международной научно-практической конференции «Великий Волжский путь» (Казань – Астрахань – Казань, 6–12 августа 2001 г.). Казань, 2002. С. 63–81.
13. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. I: Лаврентьевская летопись. Л., 1926–1928.
14. ПСРЛ. Т. I: Ипатьевская летопись. М., 1962. Стб. 784–787.
15. Белорыбкин Г.Н. Золотаревское поселение. СПб., 2001. 200 с.
16. Тропин Н.А. Золотоордынские находки в Верхнем Подонье / Евразийская лесостепь в эпоху металла // Археология восточноевропейской лесостепи. Воронеж, 1999.
17. Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 1985. 245 с.
18. Белавин А.М. Торговые фактории волжских болгар и пути возникновения городов в Поволжье и Предуралье в средние века // Средневековая Казань: возникновение и развитие: материалы Международной научной конференции. Казань, 1999.
19. Киракос Гандзаци. История Армении / пер. с древнеармянского, предис. и коммент. Н.А. Ханларян М., 1976. 357 с. (Памятники письменности Востока LIII).
20. Рашид ад-Дин. Сборник летописей / пер. с перс. Ю.П. Верховского; примеч. Ю.П. Верховского, Б.И. Панкратова. М.; Л., 1960. Т. II. 248 с.
21. Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М., 1998. 478 с.
22. Вортынец Л.В. Верхний Дон на торговых путях Золотой Орды // История: факты и символы. 2016. Вып. 2 (№ 7). С. 61–69.
23. Тропин Н.А. О восстановлении монголами Донского торгового пути в середине XIII в. // Stratum plus. 2016. № 5. С. 139–140.
24. Кызласов Л.Р. Изменения в материальной культуре кыпчаков в XIII–XIV вв. в связи с политическим положением в Азии // Смена культур и миграции в западной Сибири / отв. ред. Л.М. Плетнева. Томск, 1987. С. 103–106.
25. Борисенко А.Б., Худяков Ю.С. Значение Булгарского пути в поступлении западноевропейского импорта в Западную Сибирь в XII–XIII вв. // Средневековая Казань: возникновение и развитие: материалы Междунар. науч. конф., Казань 1–3 июня 1999 г. Казань, 1999. С. 251–255.
26. Тропин Н.А. Сельские поселения XII–XV веков южных территорий Рязанской земли. Елец, 2004. 264 с.
27. Гоняный М.И. Тюркские элементы в материальной культуре древнерусских поселений конца XII – третьей четверти XIV в. в районе Куликова Поля (на примере украшений ременной гарнитуры) // Русь в IX–XIV веках: взаимодействие Севера и Юга / отв. ред. Н.А. Макаров, А.В. Чернецов. М., 2005.
28. Белавин А.М. Проблемы раннего этапа урбанизации в Волго-Камье // КАЭЭ. Пермь, 2007. Вып. 4. С. 4–12.
29. Фадлаллах ал-Умари. Масалик ал-абсар фи мамалик ал-амсар (Пути взоров по государствам с крупными городами) // Становление и расцвет Золотой Орды. Источники по истории Улуса Джучи. Казань, 2011.
30. Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды. Саранск, 1960. 272 с.
31. Миллер Г.Ф. История Сибири. СПб., 1937. Т. I. 287 с.
32. Кызласов Л.Р. Государства Южной Сибири в XVI–XVIII вв. // Древности Алтая. 2003. № 10.
33. Козин С.А. Сокровенное сказание. М.; Л., 1941. 619 с.
34. Кызласов Л.Р. Памятник мусульманского Средневековья в Туве // Советская археология. 1963. № 2.
35. Герберштейн Сигизмунд. Записки о Московии. М., 1988. 430 с.
36. Книга Большому Чертежу. М.; Л., 1950. 232 с.

37. Тропин Н.А. Южные территории Чернигово-Рязанского Порубежья в XII–XV вв. Елец, 2006. 274 с.
38. ПСРЛ. Т. 11: Никоновская летопись. СПб., 1897. С. 95–96.
39. Григорьев А.В. Верхнеокский участок Донского торгового пути в IX – начале X в. // Археология Юго-Востока Руси : материалы IV научной конференции. Елец : ЕГУ им. И.А. Бунина, 2006.
40. Загоскин Н.П. Русские водные пути и судовое дело в до-Петровской России. Казань, 1910. 502 с.
41. Зорин А.В., Стародубцев Г.Ю., Шпилев А.Г., Щеглова О.А. История Курского края с древнейших времен до XVII в. Курск, 2008. 622 с.
42. Стародубцев Г.Ю. Охранные исследования посада Гочевского археологического комплекса (летописного Римова) в 2003–2004 гг. // Материалы IV научной конференции. Елец, 2006.
43. Зорин А.В., Шпилев А.Г. Курское городище, Городенское городище и Гусин брод // Славяно-русские древности Днепровского левобережья. Курск, 2008.
44. Герберштейн Сигизмунд. Записки о Московитских делах // Россия XV–XVII вв. глазами иностранцев. Л., 1986.
45. Андреев С.И. Никольское городище. Тамбов, 2013. 215 с.
46. Тропин Н.А. Рецензия на книгу С.И. Андреева «Никольское городище». Тамбов, 2013 // Российская археология. 2015. № 1.
47. История Казахстана с древнейших времен до наших дней : в 5 т. Алматы, 1997. Т. 2.
48. Еманов А.Г., Попов А.И. Итальянская торговля на Черном море в XIII–XV вв. // Торговля и мореплавание в бассейне Черного моря в древности и средние века. Ростов н/Д, 1988.
49. Delort R. Le commerce des fourrages en Occident a la du moyen age. Rome, 1978/1980. P. 1006–1007.
50. Матвеев А.В., Татауров С.Ф. Сибирское ханство: военно-политические аспекты истории. Казань, 2012. 260 с.
51. Исаков Д.М. Тюркско-татарские государства XV–XVI вв. Казань, 2004. 142 с.
52. Есиповская летопись. Основная редакция. О Сибири и сибирском взятии. URL: <http://www.newchron.narod.ru/texts/esip.html> (дата посещения: 17.10.2019).
53. ПСРЛ. Т. 24. Пр., 1921.

Leonid V. Vorotyntsev. Yelets State University named after I.A. Bunin (Yelets, Russia). E-mail: leonrus1245@mail.ru
NORTHERN TRANSCONTINENTAL TRADE ROUTE IN THE MONGOL EPOCH (XIII-XV CENTURIES)

Key words: The Northern trade route, “Chulyman land”, the Mongol Empire, the Jochi Ulus.

The article discusses issues related to the functioning of the Northern transcontinental trade route in the era of the Mongol Empire and the States formed after its disintegration. The aim of this work is to establish the route of the Northern way in the Mongol era, as well as localization of the territories referred to in Muslim sources (“Chulyman land”, “Siberia”, “Ibir”), through which passed the route. The main written sources on this issue are the writings of the Arab geographer Ibn Fadlallah al-Umari, the Persian chronicler Rashid ad-Din, the Armenian historian Kirakos of Gandzinatcti, ancient Mongolian “Secret history”, China-Mongolian chronicle “Yuan-Shi”, the information of the Austrian diplomat Sigismund Herberstein, as well as ancient Chronicles and geographical treatise of the XVI century “the Book of Big Drawing”. In addition, the author used the wide data of archaeological reseaches of L.R. Kyzlasov, A.P. Mozya, A.H. Khalikov, A.M. Belavin, N.A. Tropin, M.I. Gonyani, G.N. Belorybkin, Yu.S. Khudyakov, A.B. Borisenko, etc. Forst part of the article provides a historiographical review of these problems, and examines trade-economic policy of the authorities of the Mongol Empire and the Jochi Ulus in the XIII-XIV centuries, aimed at the revival of transcontinental Eurasian trade. The second part of the work attempts to localize the Northern trade routes, as well as changes to its status in connection with the processes of desintegration a single economic and political space of Northern Eurasia. Based on the analysis of written sources and archeological data, the author came to the conclusion that the Northern trade route passed from the lands of Yenisei Kyrgyz (Khakas) – “Chulyman land”, through the Baraba steppe, then near Irtysh and Ishim rivers regions (“Ibir”) in the direction of Tyumen (Siberia). From Tyumen merchant caravans went on the South Ural route to Bulgar, and from there along the riverbeds of the Volga, Oka, Proni, Don, Bistraya Sosna, through a die in the lakes Ivan and Samodurovka (which existed in the middle ages), Poseimye (Kursk, Putivl) and middle Dnieper (Kiev) in the Byzantine-Horde (bass) and Italian (Kaffa) trading posts. The heyday of the Northern trading routes in the second half of XIII – first half of XIV centuries is associated with a pan-Mongolian policy to promote a transcontinental Eurasian trade, integration into a single system of trade routes, as the parties existed in the pre-Mongol era. From the end of XIV century the decadence of the Northern trade route due to changes in the military-political situation in Eurasia (the collapse of the Mongol States, the campaigns of Timur Lenge, the Turkish expansion in the Northern black sea). In the XVI century in connection with the expansion of Moscow in the Volga region and Siberia the path finally goes into decline, becoming one of the local trade routes of the West Siberian region.

REFERENCES

1. Levasheva, V.P. (1950) O gorodishchakh Sibirskogo yurta [On the sites of the Siberian yurt]. *Sovetskaya arkheologiya*. 13. pp. 341–349.
2. Dulzon, A.P. (1953) Pozdnie arkheologicheskie pamyatniki Chulyma i proiskhozhdenie chulymskikh tatar [Late Chulym archaeological sites and the origin of the Chulym Tatars]. *Trudy Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta*. 10.
3. Kyzlasov, L.R. (1969) *Istoriya srednevekovoy Tuvy* [History of Medieval Tuva]. Moscow: Moscow State University.
4. Kyzlasov, L.R. (1983) Askizskaya kul'tura Yuzhnoy Sibiri [The Askiz culture of South Siberia]. *Arkheologiya SSSR*. E 3-18.
5. Bakhrushin, S.V. (1955) *Nauchnye trudy* [Scholarly Works]. Vol. 3. Moscow: USSR AS.
6. Belavin, A.M. (1999) Kamskiy torgovyy put' iz Bilyara v “stranu Visu i Chulman” [The Kama trade route from Bilyar to the “country of Visa and Chulman”]. In: Khusin, F.Sh. (ed.) *Mezhdunarodnye svyazi, torgovye puti i goroda Srednego Povolzh'ya IX-XII vekov* [International relations, trade routes and cities of the Middle Volga region of the 9th – 12th centuries]. Kazan: Master Layn. pp. 162–163.
7. Borisenko, A.B. & Khudyakov, Yu.S. (2004) Torgovye kontakty Germanii s Zapadnoy Sibir'yu v XII–XIII vv. [Trade contacts of Germany with Western Siberia in the 12th – 13th centuries]. In: Soyonov, V.I. (ed.) *Drevnosti Altaya* [Antiquities of Altai]. Vol. 1. Gorno-Altaysk: Gorno-Altaysk State University.
8. Belavin, A.M. (2007) Problemy rannego etapa urbanizatsii v Volgo-Kam'e [Problems of the early stage of the Volga-Kama urbanization]. *Trudy Kam'skoy arkheologo-etnograficheskoy ekspeditsii (KAE)*. 4. pp. 4–12.
9. Belavin, A.M. & Krylasova, N.B. (2009) Main results of investigation of Rozhdestvensky archeological complex (Afkula Town) in the Perm Krai. *Nauchnyy Tatarstan*. 2. pp. 6–20. (In Russian).
10. Motsya, A.P. & Khalikov, A.Kh. (1990) Put' iz Bulgara v Kiev: Rezultaty i zadachi issledovaniy [The Path from Bulgar to Kiev: Results and objectives]. In: *Arkheologicheskoe issledovanie mikroregionov: itogi i perspektivy* [Archaeological Research of Microregions: Results and Prospects]. Voronezh: [s.n.].
11. Ivlev, M.M. & Motsya, A.P. (1992) Russkiy uchastok puti Bulgar-Kiev [The Russian section of the Bulgar-Kiev route]. In: Khalikov, A.Kh. *Put' iz Bulgara v Kiev* [The Path from Bulgar to Kiev]. Kazan: RAS.
12. Belorybkin, G.N. (2002) Put' iz Bulgara v Kiev [The Path from Bulgar to Kiev]. *Velikiy Volzhskiy put': istoriya formirovaniya i razvitiya* [The Great Volga Route: History of Formation and Development]. Proc. of the Round Table Discussions and International Conference. Kazan, Astrakhan, August 6–12, 2001. Kazan. pp. 63–81. (In Russian).

13. Karsky, I.F. (ed.) (1926–1928) *Polnoe sobranie russkikh letopisey (PSRL)* [The Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. I. 2nd ed. Leningrad: USSR AS.
14. Shakhmatov, A.A. (ed.) (1962) *Polnoe sobranie russkikh letopisey (PSRL)* [The Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 2. Leningrad: USSR AS. Art. 784–787.
15. Belorybkin, G.N. (2001) *Zolotarevskoe poselenie* [Zolotarevsky settlement]. St. Petersburg; Penza: Penza State Pedagogical University.
16. Tropin, N.A. (1999) Zolotoordynskie nakhodki v Verkhnem Podon'e. Evraziyskaya lesostep' v epokhu metalla [The Golden Horde finds in the Upper Don region. Eurasian forest-steppe in the era of metal]. In: *Arkheologiya vostochnoevropeyskoy lesostepi* [Archeology of the East European forest-steppe]. Voronezh: [s.n.].
17. Egorov, V.L. (1985) *Istoricheskaya geografiya Zolotoy Ordy v XIII – XIV vv.* [The historical geography of the Golden Horde in the 13th – 14th centuries]. Moscow: Nauka.
18. Belavin, A.M. (1999) [Trading factories of the Volga Bulgarians and the cities in the Volga and Cis-Urals in the Middle Ages]. *Srednevekovaya Kazan': vozniknovenie i razvitie* [Medieval Kazan: Emergence and Development]. Proc. of the International Conference. Kazan, June 1–3, 1999. (In Russian).
19. Gandzaketsi, K. (1976) *Istoriya Armenii* [History of Armenia]. Translated from Old Armenian by N.A. Khanlaryan. Moscow: Nauka.
20. Rashid ad-Din. (1960) *Sbornik letopisey* [Collection of Annals]. Vol. 2. Translated from Persian by Yu.P. Verkhovsky. Moscow; Leningrad: USSR AS.
21. Grekov, B.D. & Yakubovsky, A.Yu. (1998) *Zolotaya Orda i ee padeniye* [Golden Horde and its fall]. Moscow: Bogorodskiy pechatnik.
22. Vorotyntsev, L.V. (2016) Verkhniy Don na torgovykh putyakh Zolotoy Ordy [Upper Don on the trade routes of the Golden Horde]. *Istoriya: fakty i simvoly*. 2(7). pp. 61–69.
23. Tropin, N.A. (2016) On the Restoration of the Don Trade Route by the Mongols in the Middle of the 13th Century. *Stratum plus*. 5. pp. 139–140. (In Russian).
24. Kyzlasov, L.R. (1987) Izmeneniya v material'noy kul'ture kypchakov v XIII–XIV vv. v svyazi s politicheskim polozheniem v Azii [Changes in the material culture of the Kypchaks in the 13th – 14th centuries in connection with the political situation in Asia]. In: Pletneva, L.M. (ed.) *Smena kul'tur i migratsii v zapadnoy Sibiri* [Change of Cultures and Migration in Western Siberia]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 103–106.
25. Borisenko, A.B. & Khudyakov, Yu. (1999) [The role of the Bulgarian for the West European imports into Western Siberia in the 12th – 13th centuries]. *Srednevekovaya Kazan': vozniknovenie i razvitie* [Medieval Kazan: Emergence and Development]. Proc. of the International Conference. Kazan, June 1–3, 1999. pp. 251–255. (In Russian).
26. Tropin, N.A. (2004) *Sel'skie poseleniya XII – XV vekov yuzhnykh territoriy Ryazanskoj zemli* [Rural settlements of the 12th – 15th centuries of the southern territories of the Ryazan land]. Voronezh: Voronezh State University.
27. Gonyanyy, M.I. (2005) Tyurkskie elementy v material'noy kul'ture drevnerusskikh poseleniy kontsa XII – tret'ey chetverti XIV v. v rayone Kulikova Poly (na primere ukrasheni remennoy garnitury) [Turkic elements in the material culture of Old Russian settlements of the late 12th – third quarter of the 14th century in the Kulikov Fields (a case study of belt headset decorations)]. In: Makarov, N.A. & Chernetsov, A.V. (eds) *Rus' v IX–XIV vekakh: vzaimodeystvie Severa i Yuga* [Russia in the 9th – 14th Centuries: The North and the South Interaction]. Moscow: Nauka.
28. Belavin, A.M. (2007) Problemy rannego etapa urbanizatsii v Volgo-Kam'e [Problems of the early stage of the Volga-Kama urbanization]. *KAEE*. 4. pp. 4–12.
29. Fadlallah al-Umari. (2011) Masalik al-absar fi mamalik al-amsar [On states with large cities]. In: Gatín, M.S. & Abzalov, L.F. (eds) *Stanovlenie i rastsvet Zolotoy Ordy. Istochniki po istorii Ulusa Dzhuchi* [The Formation and Prosperity of the Golden Horde]. Kazan: Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo.
30. Safargaliev, M.G. (1960) *Raspad Zolotoy Ordy* [The Collapse of the Golden Horde]. Saransk: Mordovskoe kn. izd-vo.
31. Miller, G.F. (1937) *Istoriya Sibiri* [History of Siberia]. Vol. I. St. Petersburg: USSR AS.
32. Kyzlasov, L.R. (2003) Gosudarstva Yuzhnoy Sibiri v XVI – XVIII vv. [The states of South Siberia in the 14th–18th centuries]. *Drevnosti Altaya*. 10.
33. Kozin, S.A. (1941) *Sokrovennoe skazanie* [The Secret Legend]. Moscow; Leningrad: USSR AS.
34. Kyzlasov, L.R. (1963) Pamyatnik musul'manskogo srednevekov'ya v Tuve [Monument of the Muslim Middle Ages in Tuva]. *Sovetskaya arkheologiya*. 2. pp. 203–210.
35. Herberstein, S. (1988) *Zapiski o Moskovii* [Notes on Muscovy]. Translated from German by A.I. Malein, A.V. Nazarenko. Moscow: Moscow State University.
36. Mezentssev, A. (1950) *Kniga Bol'shomu Chertezhu* [Book of the Great Drawing]. Moscow; Leningrad: USSR AS.
37. Tropin, N.A. (2006) *Yuzhnye territorii Chernigovo-Ryazanskogo Porubezh'ya v XII–XV vv.* [Southern territories of the Chernigov-Ryazan Borderland in the 12th – 15th centuries]. Elets: Elets State University.
38. Platonov, S.F. (ed.) (1897) *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 11. St. Petersburg: [s.n.]. pp. 95–96.
39. Grigoriev, A.V. (2006) [The Upper Oka section of the Don Trade Route in the 9th – early 10th centuries]. *Arkheologiya Yugo-Vostoka Rusi* [Archeology of the South-East of Russia]. Proc. of the Fourth Conference. Elets. (In Russian).
40. Zagoskin, N.P. (1910) *Russkie vodnye puti i sudovoe delo v do-Petrovskoy Rossii* [Russian waterways and ship business in the pre-Petrine Russia]. Kazan: Department of Inland Waterways and Highways.
41. Zorin, A.V., Starodubtsev, G.Yu., Shpilev, A.G. & Shcheglova, O.A. (2008) *Istoriya Kurskogo kraja s drevneyshikh vremen do XVII v.* [History of Kursk from ancient times to the 17th century]. Kursk: Grafik.
42. Starodubtsev, G.Yu. (2006) [Security studies of the Gochevsky archaeological complex (Rimov) in 2003–2004]. *Arkheologiya Yugo-Vostoka Rusi* [Archeology of the South-East of Russia]. Proc. of the Fourth Conference. Elets. (In Russian).
43. Zorin, A.V. & Shpilev, A.G. (2008) Kurskoe gorodishche, Gorodenskoe gorodishche i Gusin brod [Kursk fortified settlement, Gorodensky fortified settlement and Gusin Brod]. In: Enukov, V.V. (ed.) *Slavyano-russkie drevnosti Dneprovskogo levoberezh'ya* [Slavic-Russian antiquities of the Dnieper left bank]. Kursk: [s.n.].
44. Herberstein, S. (1986) *Zapiski o Moskovitskikh delakh* [Notes on Muscovite affairs]. In: Limonov, Yu.A. (ed.) *Rossiya XV – XVII vv. glazami inostrantsev* [Russia of the 15th – 17th centuries as viewed by foreigners]. Leningrad: Lenizdat.
45. Andreev, S.I. (2013) *Nikol'skoe gorodishche* [Nikolsky fortification]. Tambov: Tambov State University.
46. Tropin, N.A. (2015) Retsetsiya na knigu S. I. Andreeva “Nikol'skoe gorodishche”. Tambov, 2013 [Review of Andreev S.I. Nikolskoe porthill. Tambov, 2013]. *Rossiyskaya arkheologiya – Russian Archeology*. 1.
47. Kozybaev, M.K. (ed.) (1997) *Istoriya Kazakhstana s drevneyshikh vremen do nashikh dney v 5 t.* [The History of Kazakhstan from Ancient Times to the Present. In 5 vols]. Vol. 2. Almaty: Атамұпа.
48. Emanov, A.G. & Popov, A.I. (1988) Ital'yanskaya torgovlya na Chernom more v XIII–XV vv. [Italian trade on the Black Sea in the 13th – 15th centuries]. In: Korolev, V.N. (ed.) *Torgovlya i moreplavanie v baseyne Chernogo morya v drevnosti i srednie veka* [Trade and navigation in the Black Sea basin in antiquity and the Middle Ages]. Rostov on the Don.
49. Delort, R. (1978/1980) *Le commerce des fourrures eu Occident a la du moyen age*. Rome: Ecole française de Rome. pp. 1006–1007.
50. Matveev, A.V. & Tataurov, S.F. (2012) *Sibirskoe khanstvo: voenno-politicheskie aspekty istorii* [The Siberian Khanate: military-political aspects of history]. Kazan: AS of Tatarstan.
51. Iskhakov, D.M. (2004) *Tyurksko-tatarskie gosudarstva XV – XVI vv.* [Turkic-Tatar states of the 15th – 16th centuries]. Kazan: Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo.
52. Anon. (n.d.) *Esipovskaya letopis'. Osnovnaya redaktsiya. O Sibiri i sibirskom vzyatii* [The Esipov Chronicle. The main edition. About Siberia and Siberian conquest]. [Online] Available from: <http://www.newchron.narod.ru/texts/esip.html> (Accessed: 17th October 2019)
53. Rozannov, S.P. (ed.) *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 24. Petrograd: [s.n.].

УДК 94

DOI: 10.17223/19988613/62/4

С.Я. Ковганов, А.С. Шевляков

ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ ПОДГОТОВКИ КАДРОВ В ПРОЦЕССЕ РЕФОРМИРОВАНИЯ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ОРГАНОВ БЕЗОПАСНОСТИ В 30-х гг. XX в.

Рассматривается процесс реформирования системы органов безопасности в СССР накануне Второй мировой войны. Созданная в СССР в середине 30-х гг. XX в. сеть учебных заведений по подготовке кадров для отечественных органов безопасности позволила обеспечить быстрое формирование кадрового резерва с началом войны и в сжатые сроки обучить достаточное количество оперативных работников.

Ключевые слова: органы безопасности; подготовка кадров; межкраевые школы НКВД СССР.

Экономический кризис, охвативший в начале 30-х гг. XX в. большинство стран мира, носил глобальный характер, это стало одним из факторов, определивших подготовку и развязывание Второй мировой войны. Политико-экономические процессы этого периода, обусловленные попытками преодоления рядом стран экономических катаклизмов, в определенной мере обусловили возникновение политических режимов различного содержания, которые активизировали внешнеполитическую экспансию. Вместе с формированием современных для того периода армий в ряде стран, шло активное реформирование спецслужб. Советский Союз не был исключением в этом вопросе, однако в силу своей идеологии практически был лишен союзников и вынужден был готовиться к войне только с опорой на собственные силы.

В Германии В. Канарис при поддержке руководства страны начал реорганизацию Абвера и изменение его оргштатной структуры. Одним из главных вопросов при этом стал вопрос кадрового комплектования. Немногим более чем за год численность спецслужбы выросла со ста пятидесяти до одной тысячи человек.

Источником кадрового пополнения в первую очередь служили отставные офицеры, занимавшиеся ранее разведывательной деятельностью. «Кроме того, в разведку отбирали офицеров... из вооруженных сил, а также из гражданских лиц. Предпочтение отдавалось тем, кто имел опыт проживания за границей и владел иностранными языками» [1. С. 24]. В последующем это позволило руководству Абвера формировать подразделения для различных видов разведывательно-подрывной деятельности, такие, например, как полк «Бранденбург». Современная по тому времени структура и кадровое обеспечение позволила немецким спецслужбам добиться значительных успехов на начальном периоде Второй мировой войны.

В противоположность Германии, французское высшее командование считало, что органы разведки и контрразведки Франции, опираясь на опыт, полученный в период Первой мировой войны, способны решать стоящие перед ними задачи. Переоценка своей

компетентности привела к тому, что один из центральных разведывательных органов страны – 2-е Бюро Генерального штаба Франции – систематически снабжал в 1938 г. высшее руководство дезинформацией, подготовленной спецслужбами Германии [1. С. 120].

Из числа ведущих стран Запада, воевавших против Германии во Второй мировой войне, пожалуй, только разведка и контрразведка Великобритании были подготовлены достаточно хорошо, а система кадрового комплектования включала как военных, так и гражданских специалистов, как правило, с высшим образованием.

В силу ряда причин позднее, чем во всех из ведущих странах мира, стали формироваться специальные службы в США. Только в начале Второй мировой войны американцы предприняли попытку по созданию общенационального органа разведки, и в 1942 г. такое ведомство – Управление стратегических служб – было создано. Значительную помощь американцам в этом вопросе оказали англичане. По просьбе будущего директора Управления стратегических служб Д. Донована ведущий специалист британской военно-морской разведки Я. Флеминг подготовил меморандум, где были высказаны рекомендации по ведению разведывательной деятельности. В меморандуме, в частности, раскрывались требования к будущим сотрудникам специальных служб: «Эти лица должны обладать трезвым умом, развитой способностью вести наблюдение, анализировать и оценивать полученные сведения. Они должны быть безгранично преданы делу, знать языки и иметь большой опыт работы» [1. С. 206].

Середина 30-х гг. XX в. для государственного строительства в СССР в сфере безопасности стала временем создания новых институтов, передачи функций от одних структур другим, поиска новых форм в обеспечении государственной безопасности. Этот процесс продолжался вплоть до начала Великой Отечественной войны, и в органах военной контрразведки закончился созданием органов «Смерш» в 1943 году.

В начале 1930-х гг. ведомственная система образования НКВД СССР активно развивалась. «В 1930–1932 гг. были созданы 10 военных училищ. Ново-

Петергофское военно-политическое, Московское связи, Харьковское пехотно-артиллерийско-авиационное, Саратовское, Орджоникидзевое и Ленинградское пехотное, Себежское служебного собаководства, Харьковское военно-фельдшерское, Ленинградское военно-морское, Московское военно-хозяйственное» [2. С. 68].

Важное значение для организации кадровой работы в НКВД СССР имел ведомственный циркуляр № 55597 от 11 марта 1935 г. «О перестройке оперативной работы и работы с кадрами». Данный документ предписывал реорганизовать систему подготовки кадров для ГУГБ НКВД. Указывалось также организовать обучение оперативного состава на местах: «Ввести в обязательном порядке систематическую учебу (политическую, общеобразовательную, чекистскую) для всего оперсостава УГБ без отрыва от работы... поощрять и учитывать знание иностранных языков» [3. С. 552].

Внешкольная подготовка сотрудников была организована и на периферии. «Занятия по программе подготовки командира взвода... проводились один раз в шестидневку... Программа включала строевую подготовку, стрельбу, изучение оружия, связи, химического, подрывного дела, автодела, тактическую подготовку. Два раза в шестидневку в течении двух часов (с утра) нуждающиеся изучали русский язык и математику» [4. С. 144].

В целях совершенствования качества образования сотрудников вновь созданной структуры государственной безопасности было образовано десять межкраевых школ: в Москве, Ленинграде, Киеве, Тифлисе, Ташкенте, Алма-Ате, Ростове, Горьком, Свердловске и Новосибирске. О чем было объявлено приказом народного комиссара ВД Союза ССР от 10 августа 1935 г. № 00306 «Об организации и комплектовании 1-го набора 10 межкраевых школ по подготовке оперсостава УГБ». В период с 1935 по 1941 г. ежегодный набор в эти школы составлял около 2 тыс. человек [2. С. 91].

Обращает на себя внимание тот факт, что указанные в проекте приказа срок укомплектования школы кадровым начальствующим и преподавательским составом к 15 сентября был исправлен наркомом при подписании приказа на 15 октября, а срок начала обучения с 1 октября на 1 ноября 1935 года. Приказ определял организовать подготовку оперативного состава на должности помощников оперуполномоченных и оперуполномоченных городских и районных аппаратов.

Численность первого набора была определена в 200 человек. Укомплектование школ предлагалось провести за счет коммунистов, окончивших в 1935 г. полный курс рабфаков, учащихся техникумов и других учебных заведений, имеющих опыт партийно-комсомольской работы, а также из числа младшего командного состава пограничной и внутренней охраны войск НКВД. Срок обучения устанавливается один год.

Начальникам УНКВД в местах расположения школ и начальникам школ предписывалось обеспечить своевременный ремонт и переоборудование помещений до 25 октября 1935 г. Отдел кадров НКВД участвовал в

отборе кандидатов, в проведении приемных испытаний и проверке готовности школ к приему пополнения. Административно-хозяйственному управлению НКВД предписывалось обеспечить личный состав открываемых школ продовольственными пайками. Приказом предписывалось также обеспечение школ вооружением, боеприпасами, вещевым, и финансовым довольствием. Инженерно-строительный отдел НКВД обеспечивал ремонт зданий межкраевых школ строительными материалами.

Штат постоянного состава межкраевых школ, который включал 68 человек, был оптимален. Он состоял из управления, парткома, учебно-строевого отдела, хозяйственной, финансовой и санитарной части.

Управление Школы включало начальника-комиссара, его помощника (эту должность по совместительству исполнял начальник учебно-строевого отдела), секретаря (он же начальник административного отделения) и машинистки. В штат Школы входил также партком, состоящий из двух человек: секретаря партийного комитета и инструктора по культурработе.

Учебно-строевой отдел состоял из тридцати трёх человек. У начальника отдела по штату полагалось два заместителя: по учебной и по строевой работе. Непосредственно преподавательский состав включал шесть человек: два старших руководителя циклов и четыре преподавателя. В штат входили два командира дивизионов, четыре инструктора строевой подготовки (командиры взводов) и восемь начальников учебных групп, а также один инструктор физкультуры. К учебно-строевому отделу относилась и библиотека, в состав которой входили заведующая библиотекой и библиотекарка. Административную работу в отделе возглавлял секретарь, который руководил заведующей делопроизводством, стенографисткой-машинисткой и машинисткой. Для качественной организации учебной работы в штате отдела предусматривались фотограф и чертежник.

Хозяйственная часть Школы возглавлялась начальником и включала в себя подразделение военно-хозяйственного довольствия и комендатуру. К первому подразделению относились: начальник военно-хозяйственного довольствия, заведующий складом вещевого довольствия, каптенармус, заведующий складом артиллерийского имущества, оружейный мастер, заведующая делопроизводством и машинистка. В комендатуру входили: комендант, слесарь-водопроводчик, электрик, шесть уборщиков-курьеров, два шофера, четыре вахтера, конюх и дворник. Был также предусмотрен временный штат истопников из трех человек. Штат автотранспорта предусматривал два автомобиля, две лошади, две парные повозки и четыре походных кухни. Финансовой частью руководил старший бухгалтер, которому подчинялся бухгалтер. Санитарную часть возглавлял старший врач, куда входили лекпом (фельдшер) и санитар. С указанным штатом предполагалось организовать достаточно интенсивное обучение двухсот человек в течение года.

Учебный план включал четыре группы предметов: общеобразовательные, общественно-политические, специальные и военные. Самым крупным по объему часов планировался цикл специальных дисциплин (580 часов – около 30% годовой учебной нагрузки), который включал изучение истории ВЧК – ОГПУ – НКВД; агентурно-оперативную работу главного управления государственной безопасности НКВД (на нее отводилось 220 часов учебного времени); шпионаж, диверсию и террор противника и борьбу с ним; уголовное право, следственное дело и оперативное делопроизводство. В рамках специальных дисциплин изучалась также работа ведомств, входивших в состав НКВД, в том числе рабоче-крестьянской милиции, пожарной и лесной охраны. В этом цикле была представлена такая специфическая дисциплина, как оперативно-чекистские игры.

Цикл общественно-политических дисциплин включал два предмета: историю ВКП(б) и экономическую политику СССР, на что отводилось 340 часов учебного времени. К военным предметам относились: тактика (80 часов), военная топография (36 часов), уставы РККА, материальная часть оружия, стрелковая подготовка (50 часов), строевая подготовка и автотракторное дело (60 часов). Всего на военные предметы отводилось 296 часов учебного времени. Учебный план был рассчитан на 12 месяцев. Тридцать дней из них отводилось на оперативную стажировку, столько же на летние лагерные занятия по военной подготовке и десять дней на зимние каникулы. Руководством школы планировалась также самостоятельная работа слушателей 3 часа в день. Столь обширный перечень дисциплин обуславливался необходимостью дать курсантам основы для будущей самостоятельной работы над собой, повысить их общую культуру и грамотность, чтобы по окончании школы они могли успешно выполнять возлагавшиеся на них обязанности.

Наглядным примером реализации приказа наркома внутренних дел может служить организация подготовки начала обучения в Новосибирской межкраевой школе НКВД. Руководство и сотрудники Управления НКВД по Западносибирскому краю приложили немало усилий, чтобы начать учебный процесс в новом учебном заведении досрочно 15 октября 1935 г. В этот день состоялось официальное открытие Новосибирской межкраевой школы НКВД СССР. Преподаватели, курсанты и гости были празднично одеты, играл духовой оркестр, чувствовалась торжественность и значимость события, которое вошло в историю как день начала работы нового чекистского учебного заведения в Сибири.

Вопросы качества специальной подготовки курсантов межкраевых школ рассматривались в приказе НКВД СССР № 00416 от 16 ноября 1935 г. [5. С. 32]. В нем, в частности, отмечается, что ответственная задача по подготовке и воспитанию квалифицированных чекистских кадров может быть выполнена школой лишь при постоянной ее поддержке всем руководящим оперативным составом ГУГБ и в первую очередь прак-

тическими оперативными работниками, проводящими занятия по специальным дисциплинам. Ответственность за качество специальной подготовки курсантов возлагалась не только на руководство школы, но и на начальников оперативных отделов УНКВД. Руководству школы рекомендовалось иметь деловой контакт с оперативными подразделениями принимать участие в оперативных совещаниях, проводимых начальниками органов, и быть в курсе новых оперативных приемов практики.

Внештатным преподавателям предлагалось обеспечить высокое качество личной подготовки к занятиям, широко использовать приказы и указания НКВД СССР, не допускать срывов планируемых школой занятий. Руководящему и оперативному составу, выделенному для чтения лекций и проведения занятий по спецдисциплинам и положительно зарекомендовавшему себя на этой работе, разрешалось присваивать звание «Преподаватель межкраевой школы ГУГБ», а начальникам отделов – «Руководитель чекистского цикла».

В предвоенные годы межкраевые школы подчинялись начальникам Управления НКВД по краям и областям. Комплектование школы постоянным составом, перемещения по службе, представления к воинскому званию, назначение внештатных преподавателей цикла специальных дисциплин, создание предметно-методических комиссий осуществлялось по распоряжению начальника УНКВД. Однако ведущую роль в организации учебного процесса занимал учебно-строевой отдел школы, который с 1938 г. стал называться учебным отделом. Работа отдела обеспечивала проведение в жизнь программ и учебных планов, организацию учебного процесса, подготовку расписаний занятий, приобретение и изготовление учебных и наглядных пособий, организацию и оборудование кабинетов и лабораторий. На начальника учебного отдела возлагалось руководство циклами и предметно-методическими комиссиями.

В основу учебного процесса было положено чтение лекций, проведение семинарских и практических занятий, зачетов, самостоятельной подготовки курсантов, консультаций. Итогом учебы были семестровые и выпускные экзамены.

16 марта 1939 г. вышел приказ НКВД СССР № 00238 «Об отборе кандидатов в число курсантов межкраевых школ» [2. С. 92]. Как и прежде в школы НКВД преимущественно направлялись члены и кандидаты в члены ВКП (б) и лишь в отдельных случаях комсомольцы. Возраст курсантов определялся от 20 до 30 лет. В союзных и автономных республиках кандидатами в школы отбирались преимущественно представители коренных национальностей. Перед местными органами ставилась задача направлять для работы в органы госбезопасности политически грамотных, культурных, энергичных коммунистов и комсомольцев, способных после учебы работать в качестве оперативных сотрудников НКВД.

Отбор кандидатов рекомендовалось производить из числа красноармейцев, младших и средних командиров РККА, войск НКВД, сотрудников милиции, студентов ВУЗов и средних учебных заведений, партийных и комсомольских работников. Для отбора кандидатов в школы при НКВД республик, УНКВД краев и областей создавались мандатные комиссии под председательством наркомов внутренних дел республик или начальников Управлений НКВД краев (областей) в составе: представителя партийных и комсомольских органов, политуправления военного округа, начальника отдела кадров УНКВД и начальника школы по месту ее дислокации. Мандатная комиссия окончательно решала вопрос о зачислении кандидата на учебу.

Руководством НКВД постоянно принимались меры к ужесточению требований к кандидатам на военную службу и, прежде всего, недопустимости привлечения к оперативной работе лиц с недостаточным образованием. 27 июня 1936 г. распоряжением отдела кадров ГУГБ НКВД СССР был введен новый порядок подготовки кандидатов на офицерские должности. Предусматривалось, что для зачисления в органы госбезопасности преимущественно право отдается кандидатам, имеющим образование не ниже семи классов средней школы [2. С. 69]. 16 марта 1939 г. приказами НКВД СССР было утверждено Положение о межкраевых школах НКВД, регламентирован отбор кандидатов в число курсантов межкраевых школ, предусматривающий направлять в чекистские школы преимущественно членов и кандидатов в члены ВКП (б) в возрасте от 20 до 30 лет.

Уже в процессе учебы первого набора курсантов в 1935 году обозначилась их слабая подготовка по русскому языку. В частности, в Новосибирской межкраевой школе были организованы дополнительные занятия ленинскими по русскому языку и к концу первого полугодия обучения этот вопрос частично был решен.

Немало приходилось работать с курсантами преподавателям общеобразовательных дисциплин. Нередко они допоздна задерживались в школе, проводя дополнительные занятия в группах по русскому или немецкому языкам, давая индивидуальные консультации по математике, и это не случайно, до 60 процентов слушателей имели начальное и незаконченное среднее образование. Многих курсантов приходилось учить, например, русскому языку буквально с азов. Начало обучения показало, что у ряда слушателей есть проблемы с успеваемостью: по итогам учебы за период учебы с 20 ноября 1935 г. по 1 января 1936 г. 62 слушателям были выставлены оценки «плохо» и «очень плохо» [5. С. 33].

В июле 1936 г. на партийном собрании в Новосибирской межкраевой школе остро стоял вопрос об успеваемости курсантов по военной подготовке. Однако в конце летнего периода обучения курсанты успешно сдали зачеты по военной подготовке, получили право на управление автомобилем и трактором [5. С. 34]. По окончании обучения все курсанты, зачисленные в

Новосибирскую межкраевую школу НКВД в 1935 г., успешно сдали выпускные экзамены и получили назначение на должности оперативных уполномоченных областных и краевых Управлений НКВД Сибири и Дальнего Востока.

В первый год обучения преподаватели Новосибирской межкраевой школы руководствовались учебниками и учебными пособиями, присланными из центра. В последующем учебными пособиями становились застенографированные и размноженные лекции, затем курсы лекций, в которых обобщался и анализировался практический опыт оперативной деятельности.

В целях увеличения качества подготавливавшихся в школе учебных пособий и задач для курсантов по приказу начальника УНКВД была создана предметно-методическая комиссия при цикле специальных дисциплин, которую возглавлял заместитель начальника УНКВД. В состав комиссии входили начальники отделов УНКВД, читавшие лекции, начальники цикла и преподаватели спецдисциплин. Особо подчеркивалось воспитательное и образовательное значение лекций, требовалось чтобы они раскрывали передовой опыт оперативной практики и хорошо воспринимались слушателями.

Активная работа по подготовке учебно-методического материала для нужд учебных заведений ведомства проводилась Центральной школой НКВД СССР. Расширение и развитие сети учебных заведений, формирование штата профессиональных преподавателей, накопленный опыт научной работы и ее стимулирование определили качественные изменения в деле подготовки учебного материала. Появились первые учебники и учебные пособия, в которых теоретическая часть приобрела системный и дидактический характер.

В 1938–1939 гг. произошли позитивные качественные изменения в преподавательской и научной работе. В Центральной и межкраевых школах ГУГБ НКВД СССР окончательно сформировались специальные учебные дисциплины и соответствующие кафедры и циклы, которые определяли содержание подготовки и переподготовки слушателей. Специальный цикл обучения составляли такие дисциплины, как «Основы агентурно-оперативной работы», «Борьба с иностранными разведками», «Следственное дело», «История ВЧК – ОГПУ – НКВД». Учебники по спецдисциплинам включали научно обобщенный и систематизированный материал. В сентябре 1939 г. обсуждалась идея создания универсального учебника по специальным дисциплинам, в котором предлагалось отразить все направления оперативной деятельности органов государственной безопасности [6. С. 24].

Не остался без внимания в вопросе о подготовке кадров и боевой опыт сотрудников отечественных органов безопасности, участвовавших в военных конфликтах во второй половине 30-х гг. XX в. Так, участие военных контрразведчиков в боях у озера Хасан поставило вопрос о необходимости дополнительного обуче-

ния оперативного состава военному делу. В отчетных документах и предложениях, представленных в центр, подчеркивалось, что оперработнику нужно знать состоящую на вооружении технику, владеть стрелковым делом, разбираться в вопросах топографии, знать уставы РККА – все это облегчит его работу в части. Поэтому в особые органы, обслуживающие специальные рода войск, нужно подбирать оперсостав со специальной подготовкой, а оперработники, обслуживающие парашютно-десантные части, должны проходить медицинский отбор на предмет годности к прыжкам. Выходы с частью в поле и в лагеря,

на маневры и учения следует считать обязательным видом подготовки оперативного состава [7. С. 264]. Эти предложения нашли отражение в учебных планах ведомственных учебных заведений и были учтены при подготовке оперативных сотрудников НКВД СССР.

Созданная в СССР в середине 30-х гг. XX в. сеть учебных заведений по подготовке кадров для ответственных органов безопасности позволила обеспечить быстрое формирование кадрового резерва с началом войны и в сжатые сроки обучить достаточное количество оперативных работников.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кондрашов В.В. Военные разведки во Второй мировой войне. М., 2014.
2. Кадровая служба органов безопасности: история и современность. М., 2013.
3. Лубянка. Органы ВЧК ... КГБ 1917–1991 : справочник. М., 2003.
4. Кузнецов С.И. и др. Позывной «Байкал». К 100-летию органов безопасности Иркутской области. Иркутск, 2017.
5. Гончаров Н.Д., Шешенин И.П. Кузница кадров советской военной контрразведки. Новосибирск, 2010.
6. Академии ФСБ России 80 лет / под ред. В.Л. Шульца. М., 2001.
7. Военная контрразведка. История, события, люди / гл. ред. А.Г. Безверхний. М. : ОЛМА, 2008. Кн. 1.

Sergey Ya. Kovganov, Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail kovsy@yandex.ru

Aleksandr S. Shevlyakov, Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: irina29@iph.tsu.ru

FORMATION OF THE CADRE TRAINING SYSTEM DURING THE REFORM OF THE DOMESTIC SECURITY AGENCIES IN THE 30'S OF THE 20TH CENTURY

Keywords: security forces, cadre training, interregional schools of NKVD of the USSR.

The purpose of this article is to analyze some aspects of the formation of the staff training system during the reform of the domestic security agencies in the 1930s.

During this period of sharp aggravation of the international situation the task of not only reforming the state security bodies but also of staffing this reform was successfully solved in the USSR.

The following works dedicated to activities of the domestic security agencies were the sources for this investigation: Military Counterintelligence. History, events, people. / Editor-in-Chief A.G. Bezverkhny. M.: OLMA, 2008; Human resources department of security agencies: history and modern times. M., 2013; I.D. Goncharov, I.P. Sheshenin. The Soviet military intelligence cadre training unit in 1935–1977. Novosibirsk, 2010; V.V. Kondrashov. Military counterintelligence agencies in WW2. M., 2014.

In the course of war preparations in the second half of the 1930s an active reform of the security agencies was taking place in a number of countries. Significant changes had occurred in the security services of Germany and especially in the Abwehr. In the same period, creation of intelligence and counterintelligence services in the United States began.

The Soviet Union was no exception in undergoing this process. Starting from 1935, active transformations were taking place in the structures of the People's Commissariat of Internal Affairs (NKVD) that related to the system of state security. By the Decree of the People's Commissar of Internal Affairs of the USSR No. 00306 of August 10, 1935 ten interregional schools were formed in Moscow, Leningrad, Kiev, Tiflis, Tashkent, Alma-Ata, Rostov, Gorky, Sverdlovsk and Novosibirsk with the goal of improving the quality of training of officers of the newly-formed Chief department of state security.

The problems encountered in the organization of training in the newly established schools were similar in all of them. Examining the activities of the Novosibirsk interregional school in 1935–1940, it can be stated that, first of all, difficulties arose in the recruitment of students and the training of teachers. In the first years of the school, serious attention was paid to additional training of students in Russian and foreign languages as a significant part of the students of the first draft had insufficient general education. According to some documents, this problem was solved within six months from the beginning of study.

A network of educational institutions for training domestic security agencies personnel created in the USSR in the middle 1930-s allowed to form a personnel reserve at the outbreak of the War and to train a sufficient number of operatives in a short time.

REFERENCES

1. Kondrashov, V.V. (2014) *Voennye razvedki vo Vtoroy mirovoy voyne* [Military Intelligence in the Second World War]. Moscow: Kuchkovo pole.
2. Anon. (2013) *Kadrovaya sluzhba organov bezopasnosti: istoriya i sovremennost'* [Personnel service of security agencies: history and modernity]. Moscow: [s.n.].
3. Kokurin, A.I. & Petrov, N.V. (eds) (2003) *Lubyanka. Organy VChK ... KGB 1917 – 1991* [Lubyanka. Bodies of the Cheka ... KGB in 1917 – 1991]. Moscow: Demokratiya.
4. Anon. (2017) *S.I. Kuznetsov i dr. Pozyvnoy "Baikal". K 100-letiyu organov bezopasnosti Irkutskoy oblasti* [S.I. Kuznetsov and others. The covername "Baikal". To the Centennial of the Security Bodies of Irkutsk region]. Irkutsk: [s.n.].
5. Goncharov, N.D. & Sheshenin, I.P. (2010) *Kuznitsa kadrov sovetskoj voennoy kontrrazvedki* [Forge personnel of the Soviet military counterintelligence]. Novosibirsk: [s.n.].
6. Schulz, V.L. (ed.) (2001) *Akademiya FSB Rossii 80 let* [The FSB Academy of Russia is 80 years old]. Moscow: Redaktsionno-izdatel'skiy otdel.
7. Bezverkhny, A.G. (ed.) (2008) *Voennaya kontrrazvedka. Istoriya, sobyitiya, lyudi* [Military Counterintelligence. History, Events, People]. Book 1. Moscow: OLMA.

УДК 94(47).084.3
DOI: 10.17223/19988613/62/5

К.А. Конев

ПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБРАЗА ИНОСТРАННЫХ СОЮЗНИКОВ В ВОЕННЫХ ЦЕРЕМОНИЯХ АНТИБОЛЬШЕВИСТСКИХ ПРАВИТЕЛЬСТВ ВОСТОКА РОССИИ (АВГУСТ 1918 г. – ДЕКАБРЬ 1919 г.)

Результаты получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № 33.1687.2017/4.6

Предметом рассмотрения в данной работе стали военные церемонии, осуществлявшиеся Временным Всероссийским и Российским А.В. Колчака правительствами, «сценарии власти» (термин Р.С. Уортмана) которых предполагали реализацию идей возрождения величия России и сохранения ее единства. Целью исследования стало выявление особенностей репрезентации образа иностранных союзников в рамках реализации различных военных церемоний, воплощавших в себе «сценарии власти» указанных антибольшевистских правительств. Автор приходит к выводу о том, что мотив единства и боевого братства антибольшевистских сил и союзников являлся ключевым в ходе реализации официальных торжеств. Демонстрация восстановленного единения России и Антанты символически выражалась в ходе проведения церемониальных торжественных встреч, праздников, награждений и смотров войск в сибирских городах. Все эти мероприятия были способны вовлечь значительное количество участников и зрителей, оказывая на них определенное эмоциональное воздействие.

Ключевые слова: Гражданская война в России; Временное Всероссийское правительство (Директория); Российское правительство адмирала А.В. Колчака; «сценарии власти»; символическая репрезентация; военные церемонии; парады.

Выступление чехословацкого корпуса и антибольшевистского подполья в мае–июне 1918 г., приведшее к свержению советской власти на востоке России, послужило вместе с тем, по словам В.Г. Болдырева, «толчком к образованию двух новых мощных очагов борьбы против большевиков: на Волге – в районе Самары – и в Западной Сибири» [1. С. 26]. Каждая из существовавших антибольшевистских группировок, призывавших к созданию единой Всероссийской власти на освобожденных от большевиков территориях, в то же время стремилась играть ведущую роль в данном процессе. Тем не менее именно КОМУЧ и Омское правительство являлись, как отмечал Г.К. Гинс, силами, преобладавшими на Уфимском Совещании 8–23 сентября 1918 г., результатом которого стало создание Временного Всероссийского правительства (Директории) [2. Ч. 1. С. 208].

Правительства, возникавшие и сменявшие друг друга на востоке России в 1918 г., столкнулись с проблемой легитимации и признания их власти как населением, так и иностранными державами. Решение данной проблемы, равно как и успех в войне с советской властью, во многом зависели от способности антибольшевистских сил предложить обществу внятную альтернативу идеям и лозунгам большевиков. В основу официальной риторики как Директории, так и сменившего ее в ходе переворота 18 ноября 1918 г. Российского правительства адмирала А.В. Колчака была положена идея «возрождения великой и единой России». «Мы вышли на борьбу с большевизмом, ибо понимали, что его господство – разрушение России», – писал впоследствии один из членов Директории Н.Д. Авксентьев [3. С. 128–129]. Большевики, заключившие Брестский мир с Германией, рассматривались как союзники немцев и как

угроза не только для России, но и для всего цивилизованного мира. Это позволяло лидерам антибольшевистских сил трактовать российскую гражданскую войну как борьбу за возрождение России, между «силами прогресса» (Антанта и белые) и «варварами» (немцы и большевики). Таким образом, выстраиваемый правительствами белого востока нарратив о «борьбе за возрождение России» должен был укрепить авторитет власти и легитимировать ее действия в глазах населения.

Одну из ключевых ролей в нарративе «о возрождении России» играли иностранные союзники – страны Антанты и США. Именно от наличия или отсутствия поддержки Великих держав в немалой степени зависел успех борьбы антибольшевистского движения против советского правительства. В силу этого стремление получить помощь от иностранцев было характерной чертой внешнеполитического курса всех сменявшихся в Омске правительств [4. С. 97]. Ключевые задачи внешней политики антибольшевистских режимов – получение признания и помощи из-за рубежа – предопределяли характер восприятия и репрезентации союзников. Важно подчеркнуть, что формирование образа союзников происходило как в рамках дискурсивных практик – с помощью информационной и пропагандистской деятельности, так и в процессе осуществления различных практик официальной репрезентации власти – торжеств, ритуалов, коммемораций, а также демонстрации определенной символики.

Названные элементы символической презентации власти в настоящее время становятся предметом пристального внимания исследователей. И особый интерес в данном случае вызывают периоды революционных потрясений, когда, по словам Б.И. Колоницкого, в политической культуре происходит растворение старых

институтов «расплавленной государственности» и создание условий для «кристаллизации» политических культур и субкультур, способных стать основой для новых политических институтов [5. С. 9]. Необходимо отметить, что на сегодня среди гуманитариев не существует конвенционального и четкого определения того, что такое «политическая культура», несмотря на то, что сам этот концепт, по словам В.В. Журавлева, занял свое место в исследовательском инструментарии ученых, изучающих Революцию и Гражданскую войну [6. С. 31]. Результатом этого является обращение к различным элементам и проявлениям революционной и ранней советской политической культуры, в том числе в региональном, в частности, сибирском контексте. Примером могут послужить работы Е.И. Красильниковой [7–9], в фокусе внимания которой ряд элементов советской политической культуры 1920–1940-х гг. таких как коммеморации, революционные праздники и обряды «красных похорон». Кроме того, исследовательница анализирует места памяти, связанные с событиями Гражданской войны в Сибири, рассматривая их как важный элемент политики памяти и перспективный ресурс для брендинга сибирских городов. В последние годы внимание историков привлекают и аналогичные символические практики, коммеморации и места памяти, связанные с антибольшевистским движением. Стоит выделить статьи В.В. Журавлева, в которых рассматриваются специфика формирования образа А.В. Колчака в контексте репрезентации антибольшевистских политических режимов, а также присутствие им символика и особенности титулования в существовавших организационных структурах [10–13]. Ряд аспектов, связанных с символической репрезентацией антибольшевистских правительств и их иностранных союзников, рассматривается в публикациях Д.Н. Шевелева [14] и М.М. Стельмака [4]. Чешский исследователь Т. Якл, рассматривая историю создания мемориалов, посвященных чешским и словацким военным служащим, обращается тем самым к одному из интересных аспектов символической репрезентации Чехословацкого корпуса, как в период Гражданской войны, так и в настоящее время [15].

Обращаясь к изучению символических практик антибольшевистских режимов, нельзя обойти вниманием подход Р.С. Уортмана, исследовавшего мифы и символы русской монархии и предложившего понятие «сценарии власти». Данный термин обозначает особый способ презентации власти, предполагающий реализацию определенного мифа, который обеспечивает легитимацию политического режима [16]. Сценарий воплощался в форме различных церемоний, которые получали свое значение именно в его контексте. Использование подхода Р.С. Уортмана позволяет рассмотреть торжества, являвшиеся частью сценариев власти осуществлявшихся антибольшевистскими правительствами востока России в качестве наглядного представления общего для белого движения нарратива/мифа «о возрождения

России», и выявить роль и место представителей Антанты в данных практиках.

Цель данной работы – рассмотреть особенности репрезентации образа союзников в официальных военных церемониях, являвшихся частью «сценариев власти» двух антибольшевистских правительств – Директории и Российского правительства адмирала А.В. Колчака. Отметим, что исследование не претендует на полную реконструкцию и подробное описание всех церемоний и торжеств белого движения на востоке России. Основной задачей в данном случае является актуализация проблемы, представляющей интерес в контексте исследования политической культуры антибольшевистского движения.

Источниковую базу исследования составили материалы периодической печати, неопубликованные архивные документы, источники личного происхождения и визуальные документы, которые позволяют выявить особенности и цели символической репрезентации власти и союзников на территории востока России в рассматриваемый период. Особый интерес в рамках данной работы представляют документы комиссии по встрече союзных войск, созданной осенью 1918 г. в Омске специально для организации почетной встречи союзных эшелонов в столице Белой Сибири.

Необходимо отметить, что идеи воссоздания государственности и армии, проходившие красной нитью через идеологические конструкции всех сменявших друг друга в Омске правительств, являлись своего рода константами, вокруг которых строилась официальная риторика. Переменной величиной выступали демократические ценности, выражавшиеся в концепте «народовластие», восприятие и трактовка которого различались. Так, в период функционирования Западно-Сибирского комиссариата актуализировалась идея «народовластия», которая противопоставлялась большевистским лозунгам и в рамках дискурса умеренных социалистов (эсеров и меньшевиков) связывалась с необходимостью созыва Учредительного собрания, важности поддержки земских учреждений и сохранения единства сил «революционной демократии» [14. С. 57–58, 59]. Эта же линия была продолжена и Временным Сибирским правительством, которое идею «народовластия» сочетало с темой единства государства и правопорядка [14. С. 60].

Временное Всероссийское правительство также объявляло о своей приверженности идеям демократии, сочетая их при этом с призывами к воссозданию «Великой и Единой России». Однако на первый план в содержании официальной риторики Директории выдвигались такие ценности, как «национальные святыни», «мощная Российская армия», «величие и единство державы Российской», «отечество и православная вера» [17. С. 187]. Реализуемый Директорией сценарий власти предполагал символическую репрезентацию данных идей. Так, стремление подчеркнуть силу и статус правительства повлекло за собой восстановление

старорежимного титулования. Как отмечал И.И. Серебrenников, «исчезла прежняя “сибирская” простота членов Правительства в отношениях друг к другу. Все стало значительно торжественнее и официальнее» [18. С. 18].

После установления власти Российского правительства адмирала А.В. Колчака эти идеи получили свое дальнейшее развитие, что находило воплощение и в символических практиках. При этом сценарий власти нового режима получал дополнительную важную деталь – власть теперь персонифицировалась в лице Верховного Правителя, что требовало создания его позитивного образа, в том числе с помощью определенных церемоний. В.В. Журавлев, анализируя серию газетных текстов, посвященных поездке А.В. Колчака на фронт, в феврале 1918 г. указывает на то, что в описании поездки Верховного Правителя заметную роль играли «старорежимные» знаки, в то время как сам Колчак в своих речах неоднократно затрагивал тему «демократизма» [13. С. 27]. Любопытно, что и отдельные представители антибольшевистских сил акцентировали свое внимание на «старорежимности». В.П. Аничков, наблюдавший визит А.В. Колчака в Екатеринбург в феврале 1919 г., отмечал, что отъезд кортежа адмирала, состоявшего из нескольких автомобилей, был весьма торжествен. Это наводило автора воспоминаний на мысль о том, что Колчак вполне мог занять место Романовых [19. С. 207].

Итак, сценарии власти, как Директории, так и правительства адмирала А.В. Колчака включали в себя набор базовых идеологем, сводившихся к образу сильной власти, стремящейся к воссозданию России и правопорядка на ее территории, возрождению армии, но вместе с тем не чуждой и демократическим ценностям. основополагающей ценностью при этом провозглашалось государство. Причем значимость данной идеи в каждом новом сценарии усиливалась. Так, из проведенного В.В. Журавлевым текстуального анализа присяг правительств, сменявшихся в Омске, видно, что присяга Временного правительства утверждала верность только «народу Державы Российской», обещание Директории – «народу и государству», присяга Колчака – только государству, но с существенным уточнением – «как своему отечеству» [20. С. 215]. Создание единой и сильной власти рассматривалось как непременное условие равноправных отношений со странами Антанты и США. «Если эта власть будет авторитетной и сильной у нас самих, то с ней будут считаться, как с действительным правительством, если же вокруг этой власти будет пустота, то мы переживем весьма тяжелые моменты национального унижения», – отмечалось в иркутской кооперативной газете «Дело» [21].

Данная идея, многократно озвученная в официальной и партийной прессе, вместе с тем имела и свое зеркальное отображение – успешное сотрудничество с союзниками легитимировало и укрепляло престиж правительства в Омске. Поэтому вовлечение союзных представителей в официальные мероприятия и торже-

ства, проводимые антибольшевистскими силами, должно было укреплять авторитет власти среди населения.

Каким образом союзники включались в сценарии власти Директории и правительства А.В. Колчака? Необходимо отметить, что и представительство, и спектр мероприятий для возможного участия были достаточно разнообразны, хотя и довольно четко очерчены. Державы, как правило, были представлены членами союзного высшего командования, офицерами и солдатами, дипломатическими представителями, официальными лицами, журналистами и представителями благотворительных организаций. Все они принимали участие в большей части крупных официальных мероприятий – парадах и смотрах войск, визитах и приемах Верховного Правителя, молебнах, траурных церемониях, банкетах.

Представляется весьма вероятным, что официальная омская печать, «отрабатывая» соответствующий заказ от органов государственной власти, стремилась освещать все наиболее значимые мероприятия и торжества, особенно с участием союзников. В силу этого, материалы официальных «Вестников» представляют большой интерес при определении количества и частоты подобных событий. В ходе изучения материалов омских правительственных газет (анализу подверглись издававшиеся в Омске «Сибирский вестник», «Вестник Временного Всероссийского правительства», «Правительственный вестник») удалось выявить 131 публикацию, посвященную 102 мероприятиям, на которых в период с августа 1918 г. по ноябрь 1919 г. союзники присутствовали в роли непосредственных участников событий или сторонних наблюдателей. Все эти мероприятия распределяются по 25 городам Урала, Сибири и Дальнего Востока. Очевидно, что в силу различных причин в омских газетах не всегда сообщалось о событиях, которые происходили в других сибирских и дальневосточных городах. Тем не менее представленная выборка позволяет говорить о достаточно широком вовлечении союзников в различные практики официальной презентации власти. Из проанализированной выборки примерно 57 событий (70 публикаций) с участием союзников можно отнести различным военным торжествам, среди которых выделяются: парады и смотры войск, награждения, выставление почетного караула при встрече и проходах гостей, передача знамен, присяга.

Особое внимание к военным церемониям объясняется заданным еще в период Февраля контекстом. В разгар революционных событий 1917 г. военные ритуалы сыграли важную роль в утверждении нового политического порядка. Парады войск под революционными символами стали «впечатляющей демонстрацией верности революции и новому режиму» [5. С. 31]. С началом Гражданской войны каждая из противостоящих сторон начала активно опираться на военные церемонии как на способ укрепления легитимности, демонстрации силы и завоевания симпатий насе-

ления. Идея «возрождения армии» актуализировалась в пропагандистской риторике антибольшевистских сил регулярно и в период начала активной борьбы с большевиками [22], и уже после создания Всероссийского временного правительства, выражаясь в формуле «в армии – наша надежда» [23]. Соответствующие мероприятия призваны были убеждать в этом общество. Практически с самого начала активных боевых действий на востоке России иностранные военнослужащие стали принимать активное участие в военных торжествах. Рассмотрим вышеотмеченные типы подобных мероприятий подробнее:

1. Парады по случаю встречи интервентов на востоке России. Уже в середине 1918 г. в городах Поволжья и Сибири, переходивших под контроль отрядов антибольшевистского подполья и чехословацких частей, могли проводиться импровизированные парады с участием новоявленных «освободителей». «К вечеру начинают прибывать первые роты чехословаков: усталые, в пыли, радостные и возбужденные, вооруженные с ног до головы, в полном порядке, они идут, отбивая шаг, с пением своего национального гимна. Все население города собралось сюда встретить войска. Тут старики, дети, женщины», – так описывалась встреча легионеров в Мариинске в томском «Голосе народа» [24].

В августе 1918 г. на Дальнем Востоке «с огромной pompой», по выражению В.Г. Болдырева, высадились войска стран Антанты и США, которые с момента своего появления стали принимать активное участие в различных торжественных актах [1. С. 30]. Первым подразделением союзных армий, высадившимся во Владивостоке, стал английский 25-й батальон Миддлсекского полка под командованием полковника Дж. Уорда. Англичан встретили на набережной оркестром и почетным караулом чешских войск и английских моряков с крейсера «Суффолк», присутствовали при этом союзные и русские офицеры, британский консул и председатель Земской управы. Впоследствии, когда британцы выдвинулись на Уссурийский фронт, они неоднократно удостоивались торжественных встреч, сопровождаемых выступлениями оркестров, произнесением речей и церемониальными маршами. Проход британских отрядов через Никольск, по словам Дж. Уорда, должен был показать жителям, «что долго ожидавшаяся помощь Союзников, наконец, действительно прибыла» [25. С. 31].

Описание встречи союзников было опубликовано также в западносибирской прессе, спустя несколько месяцев. В томской «Народной газете» в декабре 1918 г. вышла статья И. Петрова «Высадка союзников во Владивостоке», в которой раскрывались подробности появления представителей каждой союзной нации в городе. Автор, описывая особенности внешнего вида военнослужащих, указывал на их отличную подготовку и оснащенность. Все союзники, как следует из публикации, проходили церемониальным маршем по Светланской – центральной улице города. Приводил автор и

весьма любопытную деталь относительно появления японцев, которые специально сделали крюк в несколько кварталов, чтобы вступить на Светланскую через «царскую арку», воздвигнутую ранее в честь визита цесаревича (имеется в виду поездка цесаревича Николая Александровича в 1891 г.). Момент появления флага Страны восходящего солнца из царских ворот был, по словам автора, «увечковечен японскими фотографиями», которые затем растиражировала японская пресса [26]. Данная деталь примечательна тем, что японцы, стремясь сделать свое появление более эффектным, выбрали для этого триумфальную арку – объект, символически напоминавший о Николае II, визит которого в Японию в статусе наследника, как известно, был не очень удачным.

Таким образом, присутствие союзных десантов на востоке России, помимо очевидного военного, имело еще и важное символическое значение, убедительно доказывая общественности, что помощь прибывает. «До чего была сильна и наивна эта вера Русских в помощь союзников!», – писал впоследствии генерал К.В. Сахаров, характеризуя общественные настроения августа–сентября 1918 г. [27. С. 11]. Необходимо отметить, что ожидания этой помощи, являясь важной частью общей политической атмосферы, заставляли политиков и военных соответствующим образом готовиться к прибытию союзников.

Еще 4 октября 1918 г. согласно постановлению Административного Совета была организована специальная Комиссия по встрече французских (с 19 октября – иностранных) войск, целью которой являлась разработка программы, подготовка и проведение мероприятий по встрече союзных войск в Омске. В комиссию, которую возглавил директор департамента общих дел МВД П.П. Башилов [28. Л. 19], вошли представители пяти министерств: Внутренних дел, Иностранных дел, Военного, Снабжения и Путей сообщения [28. Л. 14]. Вплоть до конца ноября продолжались заседания Комиссии, в ходе которых ее участники разработали церемониалы встреч британских, французских и итальянских войск и решили ряд организационных вопросов.

Первыми удостоились торжественной встречи представители Туманного Альбиона. 26 октября 1918 г. в Омск, где усиленно готовились к их приезду, прибыли три британских эшелона (850 солдат и 20 офицеров) [28. Л. 45]. Согласно краткой программе мероприятия, опубликованной в «Сибирском вестнике», встреча должна была состояться в полдень на городской ветке [29]. В соответствии с разработанным Комиссией церемониалом британцев приветствовал почетный караул из войск гарнизона (одна русская рота, одна чешская рота и одна казачья рота), размещенный на площадке напротив станции. Там же располагались представители правительства (Председатель Совмина П.В. Вологодский, член Директории В.А. Виноградов, министр финансов И.А. Михайлов), различных ведомств, города, Красного Креста и городских дам. Вдоль пути сле-

дования английских войск должны были расположиться учащиеся городских учебных заведений и молодые солдаты гарнизона. Напротив Кадетского корпуса выстраивались его воспитанники «в полном составе, с хором музыки». После взаимных приветствий и церемониального марша британские войска должны были с музыкой проследовать по Атаманской улице к Кадетскому корпусу. После чего солдатам и офицерам предлагался обед, по окончании которого они отправлялись на отдых в отведенные для них помещения в Сельскохозяйственном училище [28. Л. 45–45 об.].

В публикации «Сибирского вестника», посвященной встрече, происходившие события представлялись как грандиозные и значимые для судьбы страны. «Развевающиеся союзные, национальные и сибирские флаги и небывало многочисленная толпа приветствовавших союзный отряд представляли зрелище еще небывалое в Омске. Этот день показал, что узы, связывающие союзные нации на борьбу с общим врагом, по-прежнему крепки», – сообщалось в газете [30]. Совместный парад русских, чешских и британских войск в столице Белой Сибири становился своеобразным символическим возрождением боевого братства недавнего прошлого, когда Россия плечом к плечу с союзниками по Антанте сражалась с Центральными державами. Восстановление этого единства, таким образом, становилось демонстрацией того, что Россия возвращает свой статус воюющей державы, что вместе с тем являло собой одну из ступеней к возрождению былого внешнеполитического могущества страны.

Торжества по случаю встречи еще одного союзного эшелона – на этот раз французского (1000 солдат и 150 офицеров) – состоялись во время получения известий о заключении перемирия на Западном фронте Первой мировой войны. Это делало событие еще более грандиозным, а также привносило в него новые смыслы и значения. Несмотря на опоздание поезда на 6 часов, на мероприятии, программа которого повторяла церемониал встречи британцев [28. Л. 52–52 об.], собралось «несколько десятков тысяч человек» [31]. Помимо стандартного чешско-русского почетного караула, присутствовали и английские солдаты под командованием Дж. Уорда.

Как и в предыдущем случае, торжества по случаю встречи союзников широко освещались в официальной прессе. Приветствуя «долгожданных гостей», редакция «Вестника Временного правительства» указывала на важную роль представителей держав Согласия в деле возрождения единства страны. «Дружеская рука помощи со стороны союзных держав была протянута, она помогла зародиться различным государственным образованиям, этим первичным ячейкам, откуда должна сложиться снова великая Российская держава», – отмечалось в газете [32].

Двойко представлялись в официальной риторике причины вмешательства союзников в дела России. С одной стороны, появление французского континген-

та, как и других союзных отрядов, представлялось как еще одна военная операция в рамках мировой войны. «Спасение разорванной на клочки, истерзанной, разоренной России близко – на выручку ей через моря и земли движутся доблестные войска наших союзников. Проехав через Сибирь, они с Востока нападут на ослабевающую уже в борьбе Германии (так в тексте, правильно – Германию. – К.К.)», – такие слова звучали в обращении Комиссии по встрече к гражданам Омска, которое составлялось, видимо, еще до получения известий о перемирии на Западном фронте и воспроизводило укоренившуюся идею об антибольшевистском фронте как новом восточном фронте, нацеленном на Центральные державы [28. Л. 74]. При этом открытие этого фронта представлялось как своеобразная плата Антанты за усилия России на начальном этапе Великой войны. «Кровавая жертва России, смерть сотен тысяч русских бойцов, павших смертью храбрых на полях Галиции и Пруссии, не пропала даром. Россия четыре года тому назад спасла Францию, теперь Франция спасет Россию», – гласил экстренный выпуск телеграмм Информационного Отдела Штаба Верховного главнокомандующего [28. Л. 76].

С другой стороны, говоря о мотивах помощи Держав, официальные и проправительственные издания обращали внимание на качества союзников как реальные, так и приписываемые. В результате этого происходила актуализация целого комплекса этнических и внешнеполитических стереотипов, бытовавших среди русской интеллигенции в XIX – начале XX в. Так, называя французов потомками тех, «кто не раз спасал интересы цивилизации», правительственная газета подчеркивала: «Французы явились к нам во имя торжества свободы, права и порядка» [28. Л. 76]. Акцентирование внимания читателей на положительных качествах союзников – бескорыстии, приверженности свободе и демократии – позволяло осуществлять продвижение сразу нескольких взаимосвязанных идей. Прибытие иностранной помощи становилось неизбежностью, которая обуславливалась благородством союзников, при этом сам факт помощи призван был укреплять легитимность Омского правительства. Кроме того, позитивные характеристики, приписываемые представителям союзных демократий, становились в риторике антибольшевистских сил своего рода ориентирами для развития русского общества, погруженного в анархию.

Таким образом, подкрепляя тщательно продуманными военными церемониями торжественные встречи иностранцев в столице Белой Сибири, руководство антибольшевистского движения предоставляло обществу убедительные и наглядные доказательства того, что союзники не бросили Россию. В то же время, символически восстанавливая связь с Антантой, нарушенную после подписания большевиками Брестского мира, Директория демонстрировала свое стремление стать центром возрождения величия и единства страны.

2. Смотры войск в ходе демонстрации могущества «возрожденной армии». Данные мероприятия не

приурочивались специально к встрече союзников. Сюда можно отнести моменты строевой подготовки на площадях городов, проходы войск перед отправкой на фронт, а также марши, происходившие уже на фронте и в прифронтовой полосе, по случаю визита представителей высшего руководства. Участие союзников в данных событиях могло быть как прямым – в роли участников маршей, так и косвенным – в роли наблюдателей, членов делегаций или инструкторов.

После создания режима адмирала А.В. Колчака заложенные ранее тенденции продолжали реализовываться, получая при этом свое дальнейшее развитие в рамках нового сценария власти. Регулярное проведение военных парадов и смотров войск, полковых праздников, участие военнослужащих в различных городских событиях – все это призвано было выступать ярким свидетельством возрождения России и ее военной мощи. При этом, как отмечает В.В. Журавлев, приобретение антибольшевистским движением вождистского характера ставило перед режимом задачу по репрезентации фигуры носителя верховной власти [33. С. 102.]. Верховный Правитель позиционировался как лидер и вождь армии, благодаря которому, по словам одного из идеологов антибольшевистского движения С.А. Ауслендера, «...всякое разъединение между Армией и Властью, такое гибельное, уничтожилось» [34. С. 8]. Очевидно, что неотъемлемой частью символической репрезентации фигуры А.В. Колчака являлись и военные церемонии, в которых зачастую принимали участие представители стран Антанты. При этом публичные заявления союзников, характеризовавшие адмирала с положительной стороны, призваны были способствовать формированию позитивного образа Верховного Правителя. Так, накануне поездки А.В. Колчака на фронт в декабре 1918 г. в прессе было помещено высказывание полковника Дж. Уорда, в котором английский офицер исходя из «своей демократической точки», полагал, что «Россия нашла мужа, который сумеет справиться с задачей восстановления армии, в лице адмирала Колчака» [35]. Несомненно, что подобное заявление из уст англичанина, офицера и демократа должно было подтвердить легитимность новой власти и ее способность победоносно завершить войну.

Поездки адмирала на фронт и посещение им передовых позиций с сопутствовавшими этому награждениями военнослужащих и смотрами войск, в которых участвовали как опытные, так и только сформированные подразделения, являлись одной из форм укрепления авторитета Верховного Правителя и способом конструирования символического единства между армией и центральной властью. Кроме того, данные мероприятия призваны были вселять в обывателя уверенность в скорой победе и доказывать иностранным союзникам эффективность омского режима, демонстрируя мощь и боеспособность новой армии.

«В три часа дня состоялся парад войскам, представившимся в блестящем виде. Особое внимание обрати-

ли на себя ударный батальон, только что вернувшийся с позиции, кавалерийские части и английский военный оркестр. На правом фланге в числе начальствующих лиц находились представители союзных войск – английских, французских, чехословацких и сербских», – сообщалось в правительственном издании по случаю встречи А.В. Колчака в Екатеринбурге в мае 1919 г. [36]. Подробности парада в данном случае не просто переносили читателя на место события, но и должны были укоренять в его сознании конкретные идеи – о «блестящем» состоянии боевых частей и постоянстве присутствия союзников в стане «возрождающейся армии». Однако для некоторых участников антибольшевистского движения подобные демонстрации не являлись убедительным доказательством роста боеспособности белой армии. Генерал А.П. Будберг, ознакомившись с состоянием резервных частей в мае 1919 г., с присущим ему скептицизмом отмечал, что «войска готовы для строевых учений, для церемониала, ну а для боя это только толпа совершенно неготовых людей со всеми ее недостатками» [37. С. 27]. Все это, по его мнению, лишь усугубляло ситуацию, приводя к тому, что и А.В. Колчак и командование армии имели ложные представления о боевых качествах подчинённых им войск [37. С. 42–43].

3. Военные парады по случаю различных крупных праздников – как российских, так и иностранных. В данном случае союзники участвовали в событиях либо в качестве приглашенных почетных гостей, либо в роли инициаторов мероприятий. К примеру, в Забайкалье, где активную деятельность развернули японцы, городские жители нередко становились зрителями парадов с участием частей Японской императорской армии. Так, в ноябре 1918 г. в городе прошел японский парад в честь дня рождения Микадо (вероятно, в честь уже умершего Муцухито (03.10.1852–30.07.1912)). В публикации, посвященной данному событию, подчеркивались «строгая дисциплина и выдержанность войск», их техническая оснащенность (в параде участвовали даже аэропланы, “дополнявшие облик современной армии”), произведшие впечатление на публику» [38]. В данном случае российские граждане выступали лишь в роли пассивных наблюдателей, впечатленных мощью армии Страны восходящего солнца.

Иную картину представляет пример, связанный с парадом союзных армий во Владивостоке в связи с заключением перемирия на Западном фронте, прошедшим в ноябре 1918 г. и отличавшимся особым размахом. Безымянный автор, эмоционально описывая прохождение русских войск в составе парадных колонн, обращался к событиям прошлого: «Кто они? – Это солдаты России, те солдаты, которые входили в Париж, Берлин и Вену, те солдаты, которые переходили с Суворовым Альпы и брали Измаил. Стояли под Царьградом, беспримерно защищали Севастополь и Порт-Артур, переходили Карпаты, вторгались в пределы Германии, спасая французов, с почти голыми руками

сдерживали германскую армию, первые свершили надлом германской мощи, пока готовились другие, и первые сотворили то, что дало общую победу». Вписывая заслуги возрожденной армии в историю побед русского оружия, автор тем самым как бы предрекал и славное будущее – долгожданный вход белых в Москву [39].

В мае–июне 1919 г. во всех крупных городах антибольшевистского востока прошла череда официальных торжественных мероприятий, посвященных годовщине «освобождения Сибири» от большевиков. Неотъемлемой частью праздничной программы являлись и военные церемонии – в первую очередь парады, в которых помимо русских войск принимали участие и союзники. О предстоящих торжествах сообщали омские и местные периодические издания. В них же позднее давались отчеты о состоявшихся празднованиях. Особое внимание, разумеется, уделялось легионерам чехословакам как ключевым участникам антибольшевистского выступления. Различные объекты, события и персоналии, связанные с периодом «Освобождения Сибири», в процессе «вспоминания» превращались в «места памяти», которые символически, через общие представления о недавнем прошлом, объединяли сторонников антибольшевистского движения и одновременно с тем укореняли в сознании людей идеи, транслировавшиеся в рамках сценария власти правительства А.В. Колчака.

Следует выделить две ключевые идеологемы, наиболее ярко проявлявшиеся в данном контексте. Это идеи возрождения и поддержки «молодой русской армии» и укрепления единства нации. Осуществляя «вспоминание» начала борьбы с большевиками на востоке России и отмечая важную роль чехов и других союзников, идеологи и журналисты антибольшевистского движения использовали положительные образы иностранцев для актуализации темы единства фронта и тыла. «Молодая русская армия идет к историческому Московскому Кремлю, оскверненному пребыванием в нем двуглавого змея (имеются в виду Ленин и Троцкий. – К.К.); а мы все в тылу... неужели мы оставим путь, указанный нам всем год тому назад – в майский солнечный день корпусом восставших братьев чехов?», – вопрошал автор одной из статей, посвященных годовщине [40]. Следуя заложенной еще в середине 1918 г. тенденции, пресса, сообщая о юбилейных торжествах, представляла чехословаков в качестве коллективного «Другого», выступающего в качестве культурного эталона и образца для подражания [41. С. 206]. Использовался данный прием для «пробуждения национального чувства» русского народа. «Несомненно, много было причин, возбудивших в нас заснувшие национальные чувства, но я прежде всего и больше всего почувствовал свою глубокую, но скрытую любовь к родному, милому, русскому, нашему в соприкосновениях с братьями-чехословаками, которым сегодня в день годовщины их выступления на защиту русского национального развития тепло и непридуманно

говорю русское спасибо!», – писал некто Р.К.Н. в новониколаевских «Военных ведомостях» [42].

Примечательно, что во Владивостоке годовщина свержения советской власти, состоявшаяся 29 июня, предшествовала устроенному союзниками торжеству по случаю подписания мирного договора в Версале, прошедшему 1 июля. Следуя друг за другом, оба события практически слились в одно большое празднество, сопровождавшееся большим парадом всех союзных войск. Смотр проходил в порядке французского алфавита – Америка, Китай, Франция, Великобритания, Италия, Япония, Польша, Россия, Сербия, Чехословакия. Как отмечалось в местной газете «Голос Приморья», «Войска прошли стройными рядами, оставив очень хорошее впечатление. Выделялись выправкой и стройностью наши молодые войска» [43]. Участвовавший в празднике генерал-лейтенант Д.Л. Хорват в своей речи по традиции указал на роль русской армии в годы мировой войны, в заключении отметив, что Россия, лишенная возможности праздновать мир, «...упоает на то, что ее друзья и союзники в своем счастье не забудут ее и увенчают свой успех деятельной помощью России встать на ноги и вернуть ей ее былое могущество и благосостояние» [44]. Таким образом, Верховный уполномоченный доносил до иностранцев мысль – окончательная победа союзников в войне («увенчание успеха») могла быть достигнута только после победы над большевиками.

4. **Выставление почетного караула** по случаю прибытия, встречи и проводов различных высокопоставленных гостей – российских и иностранных. Как правило, почетный караул сочетался с другими воинскими церемониями, являясь элементом какого-либо значимого торжества. Прибытие в уральские, сибирские и дальневосточные города представителей союзного командования и дипломатов, а также делегаций, включавших руководство антибольшевистских сил и иностранцев, практически всегда сопровождалось выставлением почетного караула – российского, иностранного или смешанного русско-союзнического. Примером может служить встреча начальника английской военной миссии генерала Нокса в Омске, в рамках которой был выстроен почетный караул, а в самой встрече приняли участие представители Сибирской армии и союзников, а также члены Директории. Верховный главнокомандующий Болдырев при этом передал войскам приветственные слова англичанина, который выражал уверенность в возрождении «России через воссоздание сильной армии» [45]. Аналогично приезд командующего всеми союзными силами в России генерала Жанена в Омск сопровождался выставлением почетного караула из французских военнослужащих на станции, в то время как городской гарнизон приветствовал генерала парадом [46].

Интересен данный вид церемоний и как своеобразный элемент межличностной коммуникации лидеров антибольшевистских вооруженных формирований.

Во время первой встречи Р. Гайды и Г.М. Семенова на станции Оловянной последнего приветствовал чешский почетный караул. Подобное проявление уважения со стороны командования чехословацкого корпуса стало, по словам атамана, для него неожиданностью, но вместе с тем произвело весьма благоприятное впечатление. Примечательно, что во время ответного визита Гайды на станцию Борзя, Семенов также «встретил его с подобающим почетом и вниманием, приличествующим ему как генералу союзной с нами армии» [47. С. 203–204]. Данный эпизод весьма характерен как иллюстрация значения, которое вкладывали военные в соответствующие церемонии, свидетельствовавшие о проявлении уважения.

Специфика боевых действий, значимая роль добровольчества, а также различных «особых» и «отдельных» подразделений, выдвижение на первый план молодых, амбициозных и харизматичных «полевых командиров» и их быстрое продвижение по службе – все эти характерные для Гражданской войны обстоятельства выражались в том числе и в повышенном внимании к внешней атрибутике и церемониалу. Показательным примером может служить конвой генерала Гайды, внешний вид (в подражание бывшему императорскому) и поведение которого вызвали негативную реакцию генералов старой армии – К.В. Сахарова [27. С. 92] и А.П. Будберга [37. С. 23, 24].

По всей видимости, следует говорить о двояком восприятии военных церемоний. В то время как стремление государственных структур к тщательной проработке и исполнению различных торжеств и символических действий истолковывалось и воспринималось как проявление силы государства и свидетельство восстановления его мощи, попытки отдельных армейских командиров использовать всевозможные, порой экзотические, способы репрезентации могли вызывать раздражение и оценивались как «своеобразная атаманщина» [37. С. 24].

Почетный караул, разумеется, являлся неотъемлемой частью церемониала встреч Верховного Правителя и сопровождавших его лиц, в том числе и представителей иностранных держав. Причем для адмирала подобный акт был также способом установления личной коммуникации с солдатами и получения информации о состоянии армии напрямую. Так, по крайней мере, это стремились представить официальная пресса и его сподвижники. О привычке А.В. Колчака пристально вглядываться в лица солдат караула писал упомянутый генерал К.В. Сахаров: «Медленно и внимательно обходил адмирал Колчак все части, держа все время руку у козырька; остро пронзительно вглядывался он в каждое лицо, как будто хотел запомнить его, как будто хотел передать свою волю, свою горячую любовь к родине и желание спасти ее» [27. С. 93]. В сентябре 1919 г. в официальном сообщении о прибытии Верховного правителя с фронта заострялось внимание на том, что в его поезде прибыла партия раненых, за встречей и угоще-

нием которых он наблюдал лично, «...обходя поезд, здороваясь и беседуя с ранеными и всем служебным персоналом» [48]. Тем не менее можно сказать, что попытки адмирала таким образом сблизиться с армией в конечном счете успехом так и не увенчались. Достаточно отметить, что его конвой, как известно, практически в полном составе перешел на сторону революционного гарнизона Нижнеудинска в январе 1920 г. [49. С. 134].

Причиной того, что народ так и не смог принять А.В. Колчака в качестве «своего», стало, по словам В.В. Журавлева, то, что омская пропаганда формируя образ Верховного Правителя, «подчеркивала его личную исключительность и сопричастность к европейской культуре». В результате герой становился иным, чуждым окружавшему его обществу, приобретая право на власть. Однако «такой сценарий репрезентации лишь добавлял отчуждения между и без того не слишком укорененной властью и основной частью населения» [50. С. 63]. Думается также, что и постоянное присутствие иностранных союзников, окружавших Верховного правителя на всех мероприятиях, встречавших его в составе почетных караулов, маршировавших и исполнявших музыку на парадах, лишь подчеркивало чуждость и шаткость этой власти в глазах населения.

5. Присяга, вручение и освящение знамен, полковые праздники. Одной из важнейших воинских церемоний и традиций являлось и является принесение присяги. Революционные события привели к замене традиционной для Русской Императорской армии клятвы на принесение присяги Временному правительству, что было болезненно воспринято частью офицерства. Эскалация Гражданской войны привела к возникновению целого ряда различных присяг, создававшихся в государственных образованиях, появившихся на просторах бывшей империи. Наиболее тщательно подготовленные документы, как отмечают Р.Г. Гагкуев и С.Г. Шилова, были созданы правительством А.В. Колчака [51. С. 262]. В условиях, когда на востоке России действовало множество отрядов и подразделений, в том числе национальных, церемонии принесения присяги могли быть весьма разнообразны, в силу чего в них вовлекались и русские военнослужащие, и западные союзники, и представители славянских народов. В феврале 1919 г. жители Челябинска могли стать свидетелями присяги офицеров и солдат сербского полка имени майора Благотича, которые объявили о своей верности Петру I – королю объединенных сербов, хорватов и словенцев [52].

Очевидно, что в ходе актуализации идеи возрождения армии особое значение придавалось принесению присяги новобранцами, а также созданию новых подразделений, которым в торжественной обстановке вручались знамена. В ноябре 1918 г. в Екатеринбург из Москвы через линию фронта тремя офицерами было доставлено знамя 3-го Гренадерского Перновского полка – «незаурядная историческая ценность», участ-

вовавшая в событиях войны 1812 г. Событие послужило поводом для торжества, в ходе которого реликвия была передана 28-му Ирбитскому полку горных стрелков. В празднике приняли участие представители военного командования и гражданских властей, члены Чехословацкого совета и британские офицеры. «Дежурное» присутствие чехословаков и Дж. Уорда вместе с тем придавало событию весомость и показывало иностранцам еще один этап возрождения страны – в частности, ее воинских традиций, о чем не забыл упомянуть в напутственной речи А.В. Колчак, пожелав Ирбитскому полку хранить заветы Перновского полка и поддержать его былую боевую славу [53]. Присутствовали союзные представители и на казачьем празднике в день памяти Св. Николая 6 декабря 1918 г., в котором также приняли участие войсковые реликвии – знамя Ермака и знамена, пожалованные войску царями Петром и Иоанном Алексеевичами. Иностранные представители в свою очередь отметились речами о скором величии России и необходимости ее присутствия на мирном конгрессе [54]. Как можно видеть, власть, опираясь на понятные и привычные символы (знамя полка), подкрепленные соответствующими церемониями (церковная служба и освящение реликвий, парад, банкет, торжественные речи), стремилась «перезапустить» оборванную в результате революционных событий традицию, цель которой – воспроизводство преданных и боеспособных подразделений, помнящих и готовых повторять боевые подвиги их предшественников.

Еще одним шагом в данном направлении стало возрождение празднования Дня Георгиевских кавалеров и практики награждения георгиевскими наградами. Как отмечает А.В. Сушко, затронувший данную тему, решение о восстановлении старорежимных наград хотя и имело определенную популярность среди молодых командиров, не успевших получить таковые, вместе с тем вызывало недовольство офицеров, имевших опыт многолетней службы в старой армии. Кроме того, это давало политическим оппонентам Омского правительства повод говорить о его реставраторских устремлениях [55. С. 298]. Тем не менее Георгиевские праздники с помпой отмечались и освещались в прессе даже в дни коллапса Омской власти. В декабре 1919 г. в Иркутске, куда эвакуировались правительственные учреждения, прошел очередной такой праздник, в котором приняли участие и союзники, награжденные этой наградой. Военнослужащие, участвовавшие в молебне и параде, в ответ на приветствие председателя Совмина Третьякова заявляли о готовности вести дальнейшую борьбу «за дело возрождения России и восстановления в ней попранных большевиками свобод» [56].

6. Награждение отличившихся военнослужащих и воинских подразделений. Вмешательство иностранцев в русские дела имело следствием ряд коллизий, связанных с особенностями награждения участников Гражданской войны. Интересен в данном случае эпизод, связанный с конфликтом между Командующим

войсками Восточного фронта Р. Гайдой и управляющим военным министерством А.Н. Гришиным-Алмазовым, затронутый в публикации В.В. Журавлева и Д.Г. Симонова. Стремление Гайды узаконить награждение Георгиевскими наградами участников боев с большевиками, как русских, так и чехов, натолкнулось на противодействие Гришина, считавшего это недопустимым, что привело к серьезному противоречию. Выпады Гайды в адрес управляющего военным министерством, как отмечают новосибирские исследователи, стали частью организованной «союзниками» кампании по дискредитации Гришина-Алмазова, завершившейся его отставкой. Между тем самовольные награждения, осуществлявшиеся Гайдой, продолжались [57. С. 186]. Еще одним ярким примером самочинной раздачи наград, в том числе иностранным подданным, стал Г.М. Семенов, жаловавший ордена японским и китайским офицерам и солдатам [57. С. 196].

Фактор присутствия иностранных войск, союзных антибольшевистским силам, порождал практику вручения зарубежных наград российским военнослужащим, что также призвано было подчеркивать факт воссоздания союзного единства времен мировой войны. В апреле 1919 г. французское командование через своего представителя полковника Болифрона прислало высокую награду ряду офицеров Сибирской армии. Орденом Военного Креста (*Croix de guerre*) с пальмой были награждены командиры корпусов генерал-лейтенанты Пепеляев и Вержбицкий. Военный крест с золотой звездой вручался генерал-майору Гривину, генералу для поручений при Командующем Сибирской армией полковнику Гусарек и начальнику оперативного отделения Сибирской армии полковнику Рыбалтовскому. Подполковнику Кононову – начальнику разведывательного отделения Сибирской армии – вручался крест с серебряной звездой. Последним трем ордена навешивались самим Болифроном, а командирам корпусов – командующим армией Гайдой [58].

Не скупилось французское командование и на награды для уральских казаков. В конце мая 1919 г. в Верхне-Уральске «при огромном стечении городского и сельского населения» состоялось вручение французских боевых наград атаману Захарову и девяти казакам. Награды были вручены от имени генерала Жанена капитаном Парисом, который посетил ряд казачьих станиц, где, по словам правительственной газеты, «население встречало его восторженно». Сам капитан при этом был выбран почетным гражданином Верхне-Уральска. [59].

Пожалование иностранных наград в торжественной обстановке демонстрировало, что союзники видят в офицерах и солдатах белой армии равных себе по статусу бойцов, что ставило антибольшевистские вооруженные силы на один уровень с прежней русской армией, означая возрождение военной мощи страны. Следовательно, факт награждения, в той же мере как парады и прочие церемонии, символически превращал

интервенцию в совместную боевую операцию равных по статусу сил, что призвано было отводить всяческие подозрения в корыстных стремлениях иностранцев и подкреплять статус Омской власти.

Весьма характерен в данном контексте эпизод, связанный с празднованием годовщины свержения власти большевиков во Владивостоке. Накануне события, 26 июня, советник МИД во Владивостоке В.О. фон Клемм в секретной телеграмме уведомил министерство о том, что чешское командование запросило коменданта крепости о предоставлении списка русских солдат и офицеров, могущих быть представленными к награждению орденами Чехословацкой республики. Запрашивая дельнейших указаний и справляясь о возможности награждения легионеров русскими орденами, чиновник при этом отмечал, что чехи таким образом фактически признавали Омское правительство [60. Л. 31]. В ответной телеграмме за подписью управляющего МИД И.И. Сукина указывалось на несвоевременность обмена наградами, поскольку официального признания все же не состоялось [60. Л. 32]. В данном случае показательна реакция Клемма на инициативу чехословацкого командования. Ожидания признания Омского правительства в середине 1919 г. создавали атмосферу, в которой любое позитивное действие иностранных союзников в адрес антибольшевистских сил рассматривалось в качестве весомого основания считать долгожданное признание состоявшимся.

Подводя итоги, необходимо отметить следующее.

Военные церемонии, в частности парады, еще на рубеже XIX–XX вв. прочно вошедшие в общественную и культурную жизнь сибирских городов [61. С. 139], в период революционных потрясений 1917 г. закрепились как неотъемлемый элемент символической репрезентации новой власти. В условиях Гражданской войны каждый политический режим стремился использовать данный инструмент в свою пользу, демонстрируя тем самым собственную военную мощь и авторитет.

Существовавшие в Омске Временное Всероссийское правительство (Директория) и Российское правительство адмирала А.В. Колчака, стремились к воплощению представленного в их сценариях власти нарратива «о возрождении России», для чего активно использовались военные церемонии, способные оказать эмоциональное воздействие на участников и зрителей, закрепляя в их сознании определенные идеологемы. В содержании данного нарратива представители Антанты и США выступали в роли силы, способной оказать помощь в деле «спасения» России от большевизма, а также как олицетворение идей и ценностей, которые

являлись позитивными ориентирами для антибольшевистского движения.

Стремление представить союзников в качестве помощников и верных друзей антибольшевистского движения выражалось в военных церемониях, ключевой целью которых было символическое восстановление боевого братства периода Великой войны. Возвращение возрожденной русской армии в когорту воюющих держав призвано было и загладить вину за «предательство» Брестского мира, и олицетворять собой возрождение России как великой державы. В то же время постоянное, «дежурное» участие союзников в торжествах по всему востоку России – от Владивостока до Урала и Волги – должно было показать населению, что долгожданная помощь великих держав не слухи и не миф, а обыденная реальность.

Присутствие союзников на всевозможных военных торжествах, помимо этого, являлось своего рода демонстрацией эталона, той силы, на которую русским необходимо равняться. Церемонии, сопровождавшиеся в прессе соответствующей риторикой, призывали общество к стойкости и самопожертвованию, «пробуждению национального чувства». Вовлечение за счет массовости мероприятий широких слоев городского населения в ритуалы встреч и чествований союзников должно было формировать чувство причастности к «великим» и «историческим» событиям, способствуя росту сознательности отдельных граждан и сплоченности всего общества. Участие большого количества людей в подобных событиях подтверждается не только газетными сообщениями о «тысячах» зрителей, но и фотодокументами [62] и кинохроникой [63], запечатлевшими массы людей, наблюдавших, например, за парадами в Екатеринбурге, Омске и Владивостоке.

Но парадоксальным образом белые пытались актуализировать идеи патриотизма, постоянно апеллируя к образу «Других», представлявших собой иную культуру. Представляется, однако, что такая стратегия была заведомо ошибочной. Попытки опереться на помощь извне и на внешние же образцы не могли способствовать проявлению того самого «национального чувства», о котором писали антибольшевистские идеологи. Справедливыми во многом оказались слова сменовеховца А.В. Бобрищева-Пушкина: «...неумение всех белых вождей, по всей занятой ими громадной территории, оградить русское достоинство и, более того, русское достоинство, даёт и на будущее, которое бы ожидало Россию в случае их власти, самый мрачный прогноз. Ведь тогда Россия стала бы еще более слабой, еще более нуждалась бы в иноземной “помощи”» [64. С. 134].

ЛИТЕРАТУРА

1. Болдырев В.Г. Директория, Колчак, интервенты. Новониколаевск : Сибкрайиздат, 1925. 562 с.
2. Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории 1918–1920 гг. (Впечатления и мысли члена Омского правительства). Пекин : Общество Возрождения, 1921. Ч. 1. 327 с.; Ч. 2. 609 с.
3. Авксентьев Н.Д. Patriotica // Современные записки. 1920. Кн. I. С. 125–135.
4. Стельмак М.М. Образ иностранных союзников антибольшевистского движения в периодической печати Западной Сибири (май 1918 – декабрь 1919 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2016. 326 с.

5. Колоницкий Б. И. Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 года. СПб. : Лики России, 2012. 336 с.
6. Журавлев В.В. Понятие «политическая культура» в современных исследованиях по истории революции и Гражданской войны в России // Власть и общество в Сибири в XX веке: Сборник научных статей. Новосибирск, 2015. С. 17–31.
7. Красильникова Е.И. Коммеративное значение массовых похорон жертв Гражданской войны в губернских городах Западной Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. 2014. № 2. С. 71–75.
8. Красильникова Е.И. Формирование системы мест памяти, связанных с событиями революции и Гражданской войны в городах Западной Сибири (1920-е гг.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2017. Т. 24, № 1. С. 55–59.
9. Красильникова Е.И. Коммеморация противостояния: конструирование локусов памяти о Гражданской войне в городах Сибири // Праксема. Проблемы визуальной семиотики. 2018. № 3 (17). С. 57–75.
10. Журавлев В.В. К вопросу о титулованиях в организационных структурах антибольшевистских режимов востока России в период гражданской войны // Власть и общество в Сибири в XX веке : сб. науч. ст. / отв. ред. В. И. Шишкин. Новосибирск : Параллель, 2014. Вып. 5. С. 131–141.
11. Журавлев В.В. Политическая адаптация в гражданской войне: опыт сравнительного анализа приветственных посланий населения Сибири председателю Совнаркома В.И. Ульянову-Ленину и Верховному правителю адмиралу А.В. Колчаку // Политическая адаптация населения Сибири в первой трети XX века : сб. науч. ст. Новосибирск : Параллель, 2015. С. 121–144.
12. Журавлев В.В. «Политическая агнография» в Гражданской войне: структура биографических текстов в системе вождистского культа А.В. Колчака // Гуманитарные науки в Сибири. 2015. Т. 22, № 4. С. 64–70.
13. Журавлев В.В. Поездка А.В. Колчака на фронт 8–26 февраля 1919 года: идеологический дизайн // Развитие территорий. 2017. №4 (10). С. 24–35.
14. Шевелев Д.Н. «Роль печатного слова в современной войне не меньше пули и штыка...»: осведомительная работа антибольшевистских правительств востока России. Томск : Издательство Томского университета, 2017. 267 с.
15. Якл Т. «В память о братьях, павших на Руси»: строительство памятников павшим чешским добровольцам в России в 1918–1920 гг. // Известия Лаборатории древних технологий. 2016. № 2 (19). С. 94–95.
16. Уортман Р.С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии : в 2 т. М. : ОГИ, 2004. Т. 1 : От Петра Великого до смерти Николая I. 608 с.; Т. 2 : От Александра II до отречения Николая II. 800 с.
17. Луков Е.В. Образ Уфимской Директории на страницах «Вестника Временного Всероссийского правительства» // 150 периодической печати в Сибири : материалы рег. науч. конф. (Томск, 19–20 апреля 2007 г.). Томск : ТМЛ-Пресс, 2007. С. 183–188.
18. Серебренников И.И. Гражданская война в России: Великий отход / сост. и предисл. В.А. Майера. М : АСТ : Ермак, 2003. 695 с.
19. Аничков В.П. Екатеринбург – Владивосток (1917–1922). М. : Русский путь, 1998. 368 с.
20. Журавлев В.В. Присяга на востоке России в период Гражданской войны: текстовая форма и идеологическое содержание // Известия Лаборатории древних технологий. Иркутск, 2018. Т. 14. № 4. С. 210–221.
21. Дело. Иркутск, 1918. 11 окт.
22. Розенберг Д. Армия // Народная газета. Томск, 1918. 23 (10) июня.
23. Омск, 8 ноября // Вестник Временного Всероссийского правительства. Омск, 1918. 8 ноября.
24. Николаевич Н. К событиям под Маринском (из записной книжки) // Голос народа. Томск, 1918. 21 июня.
25. Уорд Дж. Союзная интервенция в Сибири 1918–1919 гг. Записки начальника английского экспедиционного отряда. М.–Пг. : Госиздат, 1923. 172 с.
26. Петров И. Высадка союзников во Владивостоке // Народная газета. Томск, 1918. 13 дек. (30 ноября).
27. Сахаров К. В. Белая Сибирь. Мюнхен, 1923. 324 с.
28. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 3952. Оп. 1. Д. 1.
29. Омск. Приезд союзных войск // Сибирский вестник. Омск, 1918. 26 окт.
30. Омск. Встреча английских войск // Сибирский вестник. Омск, 1918. 27 окт.
31. Встреча французских войск // Заря. Омск, 1918. 15 ноября.
32. Омск, 13 ноября // Вестник Временного Всероссийского правительства. Омск, 1918. 13 ноября.
33. Журавлев В.В. Образ А.В. Колчака в публикациях С.А. Ауслендера // Власть и общество в Сибири в XX веке. : сб. науч. ст. Новосибирск, 2012. Вып. 3. С. 102–111.
34. Ауслендер С. Верховный правитель адмирал А.В. Колчак. Омск, 1919. 39 с.
35. Полковник Уорд об адмирале Колчаке // Правительственный вестник. Омск, 1918. 7 дек.
36. Поездка Верховного Правителя // Правительственный вестник. Омск, 1919. 10 мая.
37. Будберг А. П. Дневник белогвардейца: Воспоминания. Мемуары. Мн. : Харвест, М. : АСТ, 2001. 336 с.
38. Хроника // Русский восток. Чита, 1918. 2 ноября (20 окт.).
39. Владивостокский парад // Освобождение России. Пермь, 1919. 15 мая.
40. 1918 г. – 26 мая – 1919 г. // Освобождение России. Пермь, 1919. 25 мая.
41. Шевелев Д. Н. «Наши братья по крови»: чехословацкие легионеры в информационном пространстве востока России (весна – осень 1918 г.) // Русин. 2018. Т. 54, вып. 4. С. 189–210.
42. Р.К.Н. Урок наглядного обучения // Военные ведомости. Новониколаевск, 1919. 25 мая.
43. Парад войскам // Голос Приморья. Владивосток, 1919. 2 июля.
44. Речь Верховного Уполномоченного ген.-лейт. Хорвата // Голос Приморья. Владивосток, 1919. 4 июля.
45. Омск. Английская военная миссия // Сибирский вестник. Омск, 1918. 22 окт.
46. Приезд генерала Жанена // Правительственный вестник. Омск, 1918. 15 дек.
47. Семенов Г. М. О себе: Воспоминания, мысли и выводы. М. : АСТ, 2002. 378 с.
48. Внутренняя жизнь // Сводка №30 Осведомительного отдела штаба Иркутского военного округа. Иркутск, 1919. 26 сент.
49. Шишкин В.И. Арест адмирала А.В. Колчака (декабрь 1919 – январь 1920 г.) // Власть и общество в Сибири в XX веке. Вып. 1. Сибирская контрреволюция в годы гражданской войны. Новосибирск : Изд-во НИИ МОО НГУ, 1997. С. 111–169.
50. Журавлев В.В. Герой как чужой: некоторые наблюдения над имагографией А.В. Колчака // Новое прошлое. 2019. № 1. С. 48–69.
51. Гагуев Р.Г., Шилова С.Г. «Клянусь Всемогущим Богом...» Присяги Гражданской войны // Новейшая история России. 2016. № 1. С. 257–274.
52. Внутренние известия // Правительственный вестник. Омск, 1919. 12 февр.
53. Вручение знамени // Правительственный вестник. Омск, 1919. 25 ноября.
54. Дневник. Казачий праздник // Правительственный вестник. Омск, 1918. 21 дек.
55. Сушко А.В. К вопросу о праздновании Дня георгиевских кавалеров и восстановлении георгиевских наград в Белой Сибири в годы Гражданской войны // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 2 (62), т. 6. С. 295–299.
56. Дневник, Георгиевский праздник // Правительственный вестник. Иркутск, 1919. 13 дек.
57. Журавлев В.В., Симонов Д.Г. О наградной системе антибольшевистских режимов востока России (середина 1918 – начало 1920 г.) // Трансформация российской политической системы в период революции и Гражданской войны 1917–1920 гг.: сибирская специфика. Новосибирск: Параллель, 2014. С. С. 180–214.
58. Французское командование... // Голос сибирской армии. Екатеринбург, 1919. 9 апр.
59. Внутренние известия // Правительственный вестник. Омск, 1919. 31 мая.

60. ГАРФ. Р200. Оп. 1. Д. 366.
61. Гефнер О.В. Военные парады в общественной и культурной жизни городов Западной Сибири в конце XIX – начале XX в. // Вестник Омского университета. Сер. «Исторические науки». 2015. № 2 (6). С. 136–139.
62. U.S. holdings in Vladivostok. Photo // Library of Congress. Электрон. дан. [Б. м.]. URL: <https://www.loc.gov/item/ggb2006005397/> (дата обращения: 16.09.2019).
63. Allied expeditionary forces in Siberia 1918–1919 // Docs Teach. The online tool for teaching with documents, from the National Archives. Электрон. дан. [Б. м.]. URL: <https://www.docsteach.org/documents/document/allied-expeditionary-forces-siberia> (дата обращения: 16.09.2019).
64. Бобрищев-Пушкин А.В. Новая вера // Смена Вех. Прага, 1921. Июль. С. 91–150.

Kirill A. Konev. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: konev-k-92@rambler.ru

PRESENTATION OF THE IMAGE OF FOREIGN ALLIES IN MILITARY CEREMONIES OF ANTI-BOLSHEVIK GOVERNMENTS IN EASTERN RUSSIA (AUGUST 1918 – DECEMBER 1919)

Key words: The Civil War in Russia, the Provisional All-Russian Government (Directory), the Russian Government of Admiral A.V. Kolchak, “scenarios of power”, symbolic representation, military ceremonies, parades.

Based on the proposed by R.S Wortman term “scenarios of power”, the author of this article intended to consider the peculiarities of representation of the image of the Allies in the official military ceremonies that were part of the scenarios of power of two anti-Bolshevik governments – the Directory and the government of Admiral A.V. Kolchak.

The revolt of the Czechoslovak Legion and anti-Bolshevik underground in May-June 1918, which led to the overthrow of Soviet power in the East of Russia, served as the impetus for the creation of anti-Bolshevik statehood onsite of Siberia and the Far East. The official rhetoric of created in September 1918 Provisional All-Russian Government (the Directory), and then replaced it in the course of coup on 18 November 1918, the Russian government of Admiral A.V. Kolchak, was based on idea of “rebirth of Great and United Russia”.

The chances of anti-Bolshevik forces in Eastern Russia to succeed in the struggle against the Soviet government are largely depend upon the availability of support from foreign countries, primarily the Entente countries. The positive image of the Allies, as part of the myth of “Russian Revival”, has been formed not only through printed propaganda, but in the context of the implementation of various practices of formal representation of government – celebrations, rituals and symbols.

A number of basic forms of representation of anti-Bolshevik forces and the Allies were reviewed during the analysis of archival sources, press reports and memoirs of participants and eyewitnesses of the events. As a result, the following conclusions were reached:

The Directory and the Russian government of Admiral A.V. Kolchak in the course of their power-sharing scenarios strive for create a positive image of the foreign Allies, which was assigned to the role of assistants and teachers, whose experience should be oriented.

The motive of the unity of anti-Bolshevik forces and the allied nations was a key in the implementation of the official celebrations. It is the demonstration of the restored unity of Russia and the Entente that is manifested in the Restored Brotherhood in arms was intended to convince the public and the Allies themselves in the beginning of the revival of the Russian state, seeking to take its rightful place among the Great Powers.

The presence of a significant number of viewers, especially the various categories of urban population and military personnel at official ceremonies with the participation of representatives of the authorities and the Allies, ensured the public involvement in the process of forming the unity of Russia and the Entente, and it allowed to convey to the masses the key ideas and values of anti-Bolshevik movement by means of the visual images.

REFERENCES

- Boldyrev, V.G. (1925) *Direktoriya, Kolchak, interventy* [Directory, Kolchak, interventionists]. Novonikolaevsk: Sibkrazizdat.
- Gins, G.K. (1921) *Sibir', soyuzniki i Kolchak. Povоротный момент русской истории 1918–1920 гг. (Впечатления и мысли члена Омского правительства)* [Siberia, the Allies and Kolchak. The turning point of Russian history, 1918–1920 (Impressions and thoughts of a member of the Omsk government)]. Beijing: Obshchestvo Vozrozhdeniya.
- Avksentyev, N.D. (1920) Patriotica. *Sovremennye zapiski*. 1. pp. 125–135.
- Stelmak, M.M. (2016) *Образ иностранных союзников антибольшевистского движения в периодической печати Западной Сибири (май 1918 – декабрь 1919 гг.)* [The image of the foreign allies of the anti-Bolshevik movement in the periodical press of Western Siberia (May 1918 – December 1919)]. History Cand. Diss. Omsk.
- Kolonitsky, B.I. (2012) *Simvol'y vlasti i bor'ba za vlast': k izucheniyu politicheskoy kul'tury rossiyskoy revolyutsii 1917 goda* [Symbols of power and the struggle for power: On political culture of the Russian revolution of 1917]. St. Petersburg: Liki Rossii.
- Zhuravlev, V.V. (2015) Ponyatie “politicheskaya kul'tura” v sovremennykh issledovaniyakh po istorii revolyutsii i grazhdanskoй voyny v Rossii [The concept of “political culture” in modern studies on the history of the Revolution and the Civil War in Russia]. In: Shishkin, V.I. (ed.) *Vlast' i obshchestvo v Sibiri v XX veke* [Power and Society in Siberia in the Twentieth Century]. Novosibirsk: SB RAS. pp. 17–31.
- Krasilnikova, E.I. (2014) The commemorative significance of mass funerals held for Civil War victims in the provincial cities of Western Siberia. *Gumanitarnye nauki v Sibiri – Humanitarian Sciences in Siberia*. 2. pp. 71–75. (In Russian).
- Krasilnikova, E.I. (2017) Forming the system of memorial places related to revolutions and the Civil War in Western Siberia (1920s). *Gumanitarnye nauki v Sibiri – Humanitarian Sciences in Siberia*. 24(1). pp. 55–59. (In Russian).
- Krasilnikova, E.I. (2018) Commemoration of the confrontation: The construction of memory’s loci about the Civil War in the cities of Siberia. *Praksema. Problemy vizual'noy semiotiki – ПРАΞΗΜΑ. Journal of Visual Semiotics*. 3(17). pp. 57–75. (In Russian). DOI: 10.23951/2312-7899-2018-3-57-75
- Zhuravlev, V.V. (2014) K voprosu o titulovaniyakh v organizatsionnykh strukturakh antibol'shevistskikh rezhimov vostoka Rossii v period grazhdanskoй voyny [On the titles in the organizational structures of the anti-Bolshevik regimes of the east of Russia during the Civil War]. In: Shishkin, V.I. (ed.) *Vlast' i obshchestvo v Sibiri v XX veke* [Power and Society in Siberia in the Twentieth Century]. Vol. 5. Novosibirsk: Parallel. pp. 131–141.
- Zhuravlev, V.V. (2015) Politicheskaya adaptatsiya v grazhdanskoй voynе: opyt sravnitel'nogo analiza privetstvennykh poslaniy naseleniya Sibiri predsedatelyu Sovnarkoma V.I. Ul'yanovu-Leninu i Verkhovnomu pravitel'yu admiralu A.V. Kolchaku [Political adaptation in the civil war: the experience of a comparative analysis of welcome messages from the population of Siberia to the Chairman of the Council of People's Commissars V.I. Ulyanov-Lenin and the Supreme Ruler, Admiral A.V. Kolchak]. In: Shishkin, V.I. (ed.) *Politicheskaya adaptatsiya naseleniya Sibiri v pervoy treti XX veka* [Political adaptation of the Siberian population in the first third of the 20th century]. Novosibirsk: Parallel'. pp. 121–144.
- Zhuravlev, V.V. (2015) “Political hagiography” in the Civil War: Structure of biographical texts in the system of A.V. Kolchak’s cult. *Gumanitarnye nauki v Sibiri – Humanitarian Sciences in Siberia*. 22(4). pp. 64–70. (In Russian).
- Zhuravlev, V.V. (2017) A.V. Kolchak’s trip to the front, February 8–26, 1919: the ideological design. *Razvitie territoriy*. 4(10). pp. 24–35. (In Russian).

14. Shevelev, D.N. (2017) "Rol' pechatnogo slova v sovremennoy voyne ne men'she puli i shtyka...": osvedomitel'naya rabota antibol'shevistskikh pravitel'stv vostoka Rossii ["The role of the printed word in modern war is no less than of a bullet and a bayonet ...": An informative work of the anti-Bolshevik governments of eastern Russia]. Tomsk: Tomsk State University, 2017. 267 s.
15. Yakl, T. (2016) "To the Memory of Brothers Died in Rus": Building the Monument for Killed Czechoslovakian Volunteers in 1918-1920. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii – Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. 2(19). pp. 94–95.
16. Wortman, R.S. (2004) *Sisenarii vlasti. Mify i tseremonii russkoy monarkhii: v 2 t.* [Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy. In 2 vols]. Translated from English by S.V. Zhitomirskaya. Moscow: OGI.
17. Lukov, E.V. (2007) [The image of the Ufa Directory in "Bulletin of the Provisional All-Russian Government"]. *150 let periodicheskoy pechati v Sibiri* [150 years of Siberian Periodicals]. Proc. of the Regional Conference. Tomsk, April 19–20, 2007. Tomsk: TML-Press. pp. 183–188. (In Russian).
18. Serebrennikov, I.I. (2003) *Grazhdanskaya voyna v Rossii: Velikiy otkhod* [The Civil War in Russia: The Great Departure]. Moscow: AST, Ermak.
19. Anichkov, V.P. (1998) *Ekaterinburg – Vladivostok (1917–1922)* [Ekaterinburg – Vladivostok (1917–1922)]. Moscow: Russkiy put'.
20. Zhuravlev, V.V. (2018) Oath in Eastern Russia during the Civil War: text form and ideological content. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii – Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. 14(4). pp. 210–221. (In Russian).
21. *Delo*. (1918) 11th October.
22. Rozenberg, D. (1918) *Armiya* [Army]. *Narodnaya gazeta*. 23rd (10th) June.
23. *Vestnik Vremennogo Vserossiyskogo pravitel'stva*. (1918) 8th November.
24. Nikolaevich, N. (1918) K sobytiyam pod Mariinskom (iz zapisnoy knizhki) [On the events near Mariinsk (from the notebook)]. *Golos naroda*. 21st June.
25. Ward, J. (1923) *Soyuznaya interventsia v Sibiri 1918–1919 gg. Zapiski nachal'nika angliyskogo ekspeditsionnogo otryada* [Allied Intervention in Siberia 1918–1919. Notes by the Head of the English Expeditionary Force]. Translated from English. Moscow; Petrograd: Gosizdat.
26. Petrov, I. (1918) Vysadka soyuznikov vo Vladivostoke [The allied landing in Vladivostok]. *Narodnaya gazeta*. 13th December (30th November).
27. Sakharov, K.V. (1923) *Belaya Sibir'* [White Siberia]. Munich: H. Graf.
28. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 3952. List 1. File 1.
29. *Sibirskiy vestnik*. (1918a) Priezd soyuzykh voysk [Arrival of the Allied Forces]. 26th October.
30. *Sibirskiy vestnik*. (1918b). Vstrecha angliyskikh voysk [The greeting of the British troops]. 27th October.
31. *Zarya*. (1918) Vstrecha frantsuzskikh voysk [The meeting of the French troops]. 15th November.
32. *Vestnik Vremennogo Vserossiyskogo pravitel'stva*. (1918) 13th November.
33. Zhuravlev, V.V. (2012) *Obraz A.V. Kolchaka v publikatsiyakh S.A. Auslendera* [The image of A.V. Kolchak in publications by S.A. Auslander]. In: Shishkin, V.I. (ed.) *Vlast' i obshchestvo v Sibiri v XX veke* [Power and Society in Siberia in the Twentieth Century]. Vol. 3. Novosibirsk: Parallel. pp. 102–111.
34. Auslander, S. (1919) *Verkhovnyy pravitel' admiral A.V. Kolchak* [Supreme Leader Admiral A.V. Kolchak]. Omsk: [s.n.].
35. *Pravitel'stvennyy vestnik*. (1918a) Polkovnik Uord ob admirale Kolchake [Colonel Ward about Admiral Kolchak]. 7th December.
36. *Pravitel'stvennyy vestnik*. (1919a) Poezdka Verkhovnogo Pravitelya [The trip of the Supreme Leader]. 10th May.
37. Budberg, A.P. (2001) *Dnevnik belogvardeytsa: Vospominaniya. Memuary* [The Diary of a White Guard: Memoirs. Memoirs]. Minsk: Kharvest; Moscow: AST.
38. *Russkiy vostok*. (1918) *Khronika* [Chronicle]. 2nd November.
39. *Osvobozhdenie Rossii*. (1919a) Vladivostokskiy parad [Vladivostok parade]. 15th May.
40. *Osvobozhdenie Rossii*. (1919b) 1918 g. – 26 maya – 1919 g. [1918 – May 26 – 1919]. 25th May.
41. Shevelev, D.N. (2018) "Our brothers in blood": Czechoslovakian legionnaires in the information space of the east of Russia (Spring – Autumn 1918). *Rusin*. 54(4). pp. 189–210. (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/54/11
42. *Voennye vedomosti*. (1919) R.K.N. Urok naglyadnogo obucheniya [R.K.N. A Lesson in Visual Training]. 25th May.
43. *Golos Primor'ya*. (1919a) Parad voyskam [Military Parade]. 2nd July.
44. *Golos Primor'ya*. (1919b) Rech' Verkhovnogo Upolnomochennogo gen.-leyt. Khorvata [Speech of the High Commissioner Major General Khorvat]. 4th July.
45. *Sibirskiy vestnik*. (1918c) Angliyskaya voennaya missiya [English military mission]. 22nd October.
46. *Pravitel'stvennyy vestnik*. (1918b) Priezd generala Zhanena [The arrival of General Janin]. 15th December.
47. Semenov, G.M. (2002) *O sebe: Vospominaniya, mysli i vyvody* [About Myself: Memories, Thoughts, and Conclusions]. Moscow: AST.
48. Anon. (1919) Vnutrennyaya zhizn' [Internal life]. In: *Svodka №30 Osvedomitel'nogo otdela shtaba Irkutskogo voennogo okruga* [Dispatch Summary No. 30 of the Information Department of the Headquarters of the Irkutsk Military District]. 26th September.
49. Shishkin, V.I. (1997) Arest admirala A.V. Kolchaka (dekabr' 1919 — yanvar' 1920 g.) [The arrest of Admiral A.V. Kolchak (December 1919 – January 1920)]. In: Shishkin, V.I. (ed.) *Vlast' i obshchestvo v Sibiri v XX veke* [Power and Society in Siberia in the 20th Century]. Vol. 1. Novosibirsk: Novosibirsk State University. pp. 111–169.
50. Zhuravlev, V.V. (2019) A Hero as a Stranger: Some Observations on the Imagography of the A.V. Kolchak. *Novoe proshloe – The New Past*. 1. pp. 48–69. (In Russian).
51. Gagkuev, R.G. & Shilova, S.G. (2016) Military Oaths of Civil War. *Noveyshaya istoriya Rossii – Modern History of Russia*. 1. pp. 257–274. (In Russian).
52. *Pravitel'stvennyy vestnik*. (1919b) Vnutrennie izvestiya [Internal News]. 12th February.
53. *Pravitel'stvennyy vestnik*. (1919c) Vruchenie znameni [Presentation of the banner]. 25th November.
54. *Pravitel'stvennyy vestnik*. (1918c) Dnevnik. Kazachiy prazdnik [The diary. Cossack festival]. 21st December.
55. Sushko, A.V. (2015) On the issue of celebrating the Day of Holders of St. George's Cross and Renewal of St. George's Orders in White Siberia during the Civil War. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*. 2(6). pp. 295–299. (In Russian).
56. *Pravitel'stvennyy vestnik*. (1919d) Dnevnik, Georgievskiy prazdnik [Diary, St. George's Day]. 13th December.
57. Zhuravlev, V.V. & Simonov, D.G. (2014) O nagradnoy sisteme antibol'shevistskikh rezhimov vostoka Rossii (seredina 1918 – nachalo 1920 g.) [On the award system of anti-Bolshevik regimes in eastern Russia (mid-1918 – early 1920)]. In: Shishkin, V.I. (ed.) *Transformatsiya rossiyskoy politicheskoy sistemy v period revolyutsii i grazhdanskoy voyny 1917–1920 gg.: sibirskaya spetsifika* [Transformation of the Russian political system during the Revolution and Civil War of 1917–1920: Siberian specificity]. Novosibirsk: Parallel'. pp. 180–214.
58. *Golos sibirskoy armii*. (1919) Frantsuzskoe komandovanie... [The French command]. 9th April.
59. *Pravitel'stvennyy vestnik*. (1919e) Vnutrennie izvestiya [Internal News]. 31st May.
60. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R200. List 1. File 366.
61. Gefner, O.V. (2015) Military parade in social and cultural life of the cities of Western Siberia in the late 19th – early 20th century. *Vestnik Omskogo universiteta. Ser. Istoricheskie nauki – Herald of Omsk University. Series "Historical Studies"*. 2(6). pp. 136–139. (In Russian).
62. Anon. (2015) *U.S. Headquarters in Vladivostok*. Photo. The Library of Congress. [Online] Available from: <https://www.loc.gov/item/ggb2006005397/> (Accessed: 16th September 2019).
63. Anon. (n.d.) *Allied expeditionary forces in Siberia 1918–1919*. [Online] Available from: <https://www.docsteach.org/documents/document/allied-expeditionary-forces-siberia> (Accessed: 16th September 2019).
64. Bobrishchev-Pushkin, A.V. (1921) Novaya vera [New Faith]. *Smena Vekh*. July. pp. 91–150.

Ю.Б. Костякова

ПУБЛИКАТОРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Н.М. ЯДРИНЦЕВА В ССЫЛКЕ: ПРИЧИНЫ И РЕЗУЛЬТАТЫ (ПО ПИСЬМАМ К Г.Н. ПОТАНИНУ ЗА 1872–1873 гг.)

Рассмотрена деятельность Н.М. Ядринцева как автора научных, научно-популярных, публицистических и литературных работ в ссылке. Проанализирована историография выбранной темы, дана оценка писем Николая Михайловича к Г.Н. Потанину как исторического источника личного происхождения. Выявлены причины, обусловившие публикаторскую активность Н.М. Ядринцева в 1868–1873 гг. Реконструирована его система подготовки статей для прессы. Выделены этапы формирования публицистом программы провинциальной печати. Дана оценка практической ценности данной программы.

Ключевые слова: Н. М. Ядринцев; ссылка; публикации; Сибирь; областничество.

Н. М. Ядринцев был многогранной личностью, что объясняет сохранение интереса к нему не только исследователей, истории Сибири. Предметом изучения нередко становятся его статьи научного, публицистического или литературного характера. Разнообразие жанров и широкий тематический охват его работ, высокая публикаторская активность и деятельное участие в различных газетах и журналах обуславливает то, что в некоторых справочниках и энциклопедиях он в первую очередь характеризуется как публицист и литератор и уже потом – как общественный деятель и ученый [1. С. 940]. На публикаторскую, в том числе публицистическую деятельность обращали пристальное внимание и современники Николая Михайловича. Так, один из первых его биографов М.К. Лемке полагал, что Н.М. Ядринцев по натуре «был истый журналист, и журналистика была его настоящая сфера» [2. С. VIII].

Безусловно, трудно переоценить идейную и организационную роль Николая Михайловича в формировании движения сибирских областников, выступавших за уравнение в правах Сибири с европейской частью страны, за ликвидацию ее колониального статуса. Тем более что именно областнические («сибирефильские») взгляды определяли выбор Н.М. Ядринцевым тех или иных тем и ракурсов их рассмотрения в газетных и журнальных публикациях. В ряде материалов прессы, приуроченных к годовщинам его смерти, авторы отмечали «основную, доминирующую черту литературного характера Ядринцева, его любовь к Сибири, доходящую часто до романтического энтузиазма, почти до культа» [3. С. 2].

Дореволюционные исследователи, пытаясь осмыслить публицистическое наследие Н.М. Ядринцева, нередко грешили использованием пространных цитат из статей, писем, воспоминаний и других опубликованных и рукописных материалов, не подвергая их критическому анализу. Но благодаря М.К. Лемке, Т.М. Фарафоновой, К.В. Дубровскому, Вл.М. Крутовскому, Н.Н. Козьмину, Б.Б. Глинскому и другим авторам, в публичный оборот были введены многие документы личного происхождения, даны ориентиры для дальнейшего изучения указанной темы.

В советский период публикаторская деятельность Н.М. Ядринцева также нашла отражение в научной литературе. Но исследователи рассматривали ее в контексте истории становления сибирской прессы или отдельных газет, в частности «Восточного обозрения» [4], или обращали основное внимание на литературное наследие сибирского публициста [5–7]. Произведения Н.М. Ядринцева часто использовались как исторический источник при изучении различных аспектов истории Сибири [8–10], но условия и побудительные мотивы их создания, а также личность их автора часто оставались за рамками интересов исследователей.

В современный период, в связи с развитием регионалистики как междисциплинарного направления научных исследований, активизировался интерес к жизни, творчеству и взглядам сибирских областников. Ученые, активно используя публицистические работы лидеров данного движения, в том числе и Н.М. Ядринцева, выявляют философско-теоретические основы дореволюционного сибирского регионализма [11–13], определяют исторические этапы и особенности его становления [14], реконструируют прошлое сибирской печати [15–18] и литературы [19].

Интересный взгляд на общественную и публицистическую деятельность Н. М. Ядринцева как участника процесса формирования прессы в Сибири представляет в своих статьях и монографиях Ю.Л. Мандрика [20–22]. Исследователь вводит в научный оборот новые источники, в том числе личного происхождения, и архивные документы. Это позволяет ему оперировать разнообразным фактическим материалом и представлять Н. М. Ядринцева как противоречивую и сложную личность, не похожую на сформировавшийся в отечественной историографии «портрет» публициста-областника. Однако использование цитат из произведений и писем Николая Михайловича, которое иногда осуществляется без учета общего контекста и условий написания данных текстов, снижает, по нашему мнению, ценность работ Ю.Л. Мандрика.

Несмотря на значительное количество публикаций, посвященных жизни и творчеству Николая Михайло-

вича и созданных в дореволюционный, советский и современный период, можно констатировать, что работ, в которых раскрывались бы причины и оценивались результаты его публикаторской деятельности, не так много. Имеющиеся научные произведения не дают полного представления о том, что именно заставляло его так тесно взаимодействовать с прессой. Отчасти ответы на эти вопросы попыталась дать И.Г. Чередниченко, посвятившая свое исследование Н.М. Ядринцеву, прежде всего, как публицисту, теоретику и организатору провинциальной печати [23]. Автор подробно рассмотрела его авторскую и редакторскую деятельность, разработанную им программу местной прессы, дала оценку практическому вкладу Николая Михайловича в становление региональной журналистики. Но широкие хронологические рамки (1860–1890-е гг.) заставили И.Г. Чередниченко сосредоточиться на наиболее важных этапах публицистической деятельности Н.М. Ядринцева. Поэтому, исследуя период его ссылки в г. Шенкурск (Архангельская губерния), указанный автор основное внимание уделила анализу опубликованных в эти годы работ Николая Михайловича и его сотрудничеству с «Камско-Волжской газетой».

На наш взгляд, этот период жизни и творчества Н.М. Ядринцева требует более глубокого изучения, поскольку именно в ссылке (1868–1873 гг.) он вел особенно «деятельную жизнь в умственном отношении» (по выражению Вл.М. Крутовского). Именно здесь происходило становление его взглядов на различные аспекты жизнедеятельности российского общества, перспективы дальнейшего развития Сибири, в том числе и на провинциальную периодическую печать. Среди источников, использование которых позволяет проследить данный процесс, особо выделим его письма к единомышленнику и близкому другу Г.Н. Потанину, написанные в 1872–1873 гг. Первыми выдержки из них использовали в своих работах Т.М. Фарафонтова (газета «Восточное обозрение», 1900–1903 гг.) и М.К. Лемке (1904 г.). Стараниями лидера красноярских областников Вл.М. Крутовского они были опубликованы в журнале «Сибирские записки», а в 1918 г. вышли отдельным сборником. Благодаря этому «Письма...» сохранились для истории, а размещение их оцифрованной копии в электронных базах данных и библиотеках открыло доступ к ним широкого круга исследователей.

«Письма Н.М. Ядринцева к Г.Н. Потанину» [24] как источники личного происхождения обладают несомненной ценностью, поскольку эти послания не предназначались для широкой публики, что позволяло автору быть откровенным в своих высказываниях и оценках. Письма содержат интимные подробности жизни Николая Михайловича, что свидетельствует о его искренности. Переписка продолжалась более года (с 20 февраля 1872 г. по 8 апреля 1873 г.), что позволяет проследить становление и частичную трансформацию воззрений адресанта. Поэтому, как мы считаем, анализ этих документов дает возможность определить

причины столь активного сотрудничества Н.М. Ядринцева с прессой во время ссылки и проследить формирование его взглядов на периодическую печать с учетом исторических, психологических, социальных и материальных условий его жизни в данный период.

Анализ списка трудов публициста позволил выявить 64 научно-популярных, литературных и журналистских произведения [2. С. 204–205], опубликованных им в 1868–1873 гг. в различных газетах и журналах. В этот перечень не попали подготовленные материалы, но не напечатанные в прессе по разным причинам (отказ редакции, невыход издания и т.д.). Например, «Очерки из жизни поселенцев», направленные в «Азиатский вестник» [24. С. 5], не увидели свет в полном объеме, поскольку что петербургский издатель П. Пашино выпустил только один номер своего журнала. Но даже количество опубликованных статей свидетельствует о высокой творческой и исследовательской активности Николая Михайловича, его тесном взаимодействии с прессой в исследуемый период.

М.В. Шиловский, анализируя деятельность сибирских областников до 1865 г. (до возбуждения дела о «сибирском сепаратизме»), точно выделил ее специфические черты: пропагандистский характер, ориентацию на городское, преимущественно образованное население и использование в этих целях периодической печати [14. С. 56]. Логично было бы предположить, что, оказавшись в ссылке, Н.М. Ядринцев просто продолжил данную практику. Но это не объясняет в полной мере активизацию его публикаторской деятельности в 1868–1873 гг.

Среди причин такой активности, по нашему мнению, можно выделить его стремление улучшить материальные условия своей жизни за счет гонораров. Финансовое положение ссыльного, заброшенного волею судеб на другой конец империи, было сложным. В своих письмах он жаловался Г.Н. Потанину, что «сидит на экваторе», то есть бедствует [24. С. 96]. Поэтому гонорары позволяли обеспечить более-менее сносные условия проживания, а также выписку необходимых для работы книг, журналов и газет.

Н.М. Ядринцев в одном из своих писем сообщал, что в лучшие времена в месяц проживал до 20 и даже 30 рублей. Но чтобы получать такие деньги в качестве гонораров, приходилось приспосабливаться к условиям издательского рынка и требованиям редакторов, которых интересовали публикации, не имевшие «восточного интереса» (т.е. сибирского аспекта) [24. С. 12]. Так, востребованными оказались его статьи о «тюремном вопросе», восемь из которых были опубликованы в журналах, а в 1872 г. изданы отдельной книгой «Русская община в тюрьме и ссылке».

Но доходы от сотрудничества со столичной прессой не были постоянными. Николай Михайлович сетовал, что деньги из издателей приходилось «вытаскивать тискарами», мириться с постоянными обсчетами при начислении гонораров. Поэтому плату за свои публикации он считал «упавшим с неба», но не верным до-

ходом [24. С. 12]. Следовательно, финансовый стимул служил хорошей, но не единственной его мотивацией активной публикаторской работы.

Необходимо, на наш взгляд, учитывать условия, в которых оказался этот 30-летний, активный по своей натуре человек, проявлявший искреннее любопытство к жизни различных слоев общества. Двухлетнее тюремное заключение во время судебного разбирательства, а потом ссылка, до места которой пришлось добираться через полстраны (из Омска в Архангельскую губернию), стали для него серьезным испытанием тела и духа. В этой ситуации сотрудничество с прессой являлось, по нашему мнению, в некотором роде компенсацией таких лишений. Кроме того, оно позволяло сохранить ясность ума и не повторить судьбу некоторых ссыльных – знакомых Н.М. Ядринцева, которые, не приспособившись к новым условиям жизни, морально опустили и пьянствовали.

Тюрьма, суд, этап, тяжелейшие физические и моральные мучения, описанные им позже в автобиографии, дополнились приобретением статуса политического ссыльного, носившего, по его собственному выражению, «клеймо сепаратиста». Написание и публикация статей позволяли Николаю Михайловичу, как мы считаем, повысить свой социальный статус: восстановить в глазах общественности репутацию публициста и ученого, чьи работы привлекают внимание читающей публики, вызывают дискуссию в обществе и прессе.

Безусловно, сотрудничество с периодическими изданиями давало возможность Н. М. Ядринцеву апробировать свои наблюдения, собранный и проанализированный материал по истории и современному состоянию системы наказания в России, об особенностях ссылки, о развитии промышленности, литературы в стране и Сибири, по другим вопросам. Корреспондирование в журналы и газеты также способствовало самореализации Николая Михайловича как творческой личности, хотя собственно литературных произведений в этот период им было опубликовано немного.

Но нужно учитывать также, что ссылка в Шенкурск вырвала его из привычной среды, лишила возможности общаться с широким кругом своих единомышленников, вести общественную работу, в том числе публично выступать с разъяснениями областнических идей. Анализ книги Н.М. Ядринцева «Русская община в тюрьме и ссылке», опубликованной в 1872 г. в Санкт-Петербурге, позволил авторам библиографического справочника «Сибирское областничество» утверждать, что в исследуемый нами период областники отходят от политической борьбы и «включаются в прогрессивное движение за экономическое, административное и культурное развитие Сибири» [25. С. 148]. Этому же мнению придерживается и М.В. Шиловский, считая, что в 1870–1890-е гг. областничество приобрело «либерально-народническую окраску со значительными включениями просветительства» [26. С. 21]. Отметим, что именно в период ссылки в идеологии областников ста-

ло преобладать «культурное реформаторство». Согласимся с мнением А.В. Головинова о том, что это было вызвано «неразвитостью гражданско-общественной жизни Сибири», отсутствием элементарных политико-правовых условий и возможностей для полноценного этнокультурного развития населения, прежде всего, коренного [27. С. 106].

Можно констатировать, что в исследуемый нами период имел место переход к культуртрегерству – своего рода культурному миссионерству, направленному на просвещение граждан, пропаганду исторических и культурных ценностей, распространение знаний о прошлом и настоящем Сибири. И в этой работе первоочередная роль отводилась просветительской деятельности, реализуемой через публицистические и научно-популярные статьи. Следовательно, активное сотрудничество Николая Михайловича с газетами и журналами можно объяснить также его стремлением вести заочный диалог как со сторонниками, так и с идеологическими противниками, участвовать в формировании положительного общественного мнения о Сибири, раскрывать для читающей публики сущность «восточного», т.е. сибирского, вопроса и, таким образом, готовить психологическую «почву» для дальнейшего продвижения областнических идей в массы.

Однако принявшись за нелегкий труд по воспитанию у аудитории прессы «сибирефильских» взглядов, Н.М. Ядринцев быстро осознал сложность выполнения этой задачи. Творческая неактивность многих единомышленников, скупых, как он сетовал, не только на литературные произведения, но даже на письма, вызывала у него раздражение. Когда после похода русских войск на Хиву в обществе и печати проявился интерес к Востоку, оказалось, что основными авторами статей на эту тему выступали лишь чиновники. Николай Михайлович попытался изменить ситуацию, взвалив на себя почти непосильную ношу: «Я и перевозю с иностранного о колониях, я и экономист, и публицист, и рецензент, я и поэт, и беллетрист» [24. С. 106]. Чтобы рационально использовать силы и время при такой колоссальной нагрузке, как мы считаем, нужна была системность в работе. И «Письма к Г.Н. Потанину» дают представление о творческой «кухне» Н.М. Ядринцева, о выработанной им системе подготовки публикаций, которая позволила ему не только создать, но и опубликовать значительное количество материалов.

Прежде всего он разделял свои работы на «обеспечивающие и не обеспечивающие», т.е. приносящие гонорар или только удовольствие от написания и публикации. К числу последних он относил научные статьи. Призывая адресата своих писем к сотрудничеству с журналами, Николай Михайлович убеждал Г.Н. Потанина, что «специально же ученые работы никуда не уйдут от Вас, они должны продолжаться годы и должны совершаться годами» [24. С. 50]. В группу «не обеспечивающих» Н.М. Ядринцев относил также статьи на свою любимую сибирскую тему (например,

очерки сибирской торговли). Но подготовку их постоянно приходилось откладывать или прекращать, поскольку столичные издания, с которыми он наиболее активно сотрудничал во время ссылки, такие произведения не интересовали.

Николай Михайлович признавался в письмах, что нередко брался за написание для журналов «поденных статей» (на определенную тему по заказу редакции). Востребованными у издателей он считал рецензии на научные труды, разного рода «путешествия» и беллетристические произведения. При написании научно-популярных статей приходилось учитывать веяния моды в петербургской журналистике, например, увлечение журналов «статистикой», особенности цензуры («чтобы никакой тенденциозности»), а также оперативность публикации материалов. «По опыту, – писал Н.М. Ядринцев своему другу, – я бы Вам советовал с рукописями обратиться в “Дело”, там менее взыскательны и скорее напечатают. “Отечественные записки” хотя и добросовестны на расчет, но покуда от них дождешься толку, можно умереть с голоду» [24. С. 80].

Редакции нередко отказывали в публикации материалов, возвращая тексты автору без объяснения причин. В этом случае, как советовал Николай Михайлович Г. Н. Потанину, следовало начинать снова, писать на разные темы, приобретая сноровку и умение приспособившись к требованиям редактора и цензуры [24. С. 116]. Главным же он считал регулярность подготовки статей и отправки их в редакции, что не позволяло оставаться без гонораров. Выработка такой привычки свидетельствует о том, что именно в период ссылки в Шенкурск Н.М. Ядринцев становится профессиональным («поденным») журналистом.

Одной из главных трудностей для регулярной публикаторской работы являлся недостаток необходимой для написания статей информации. Ограничение свободы передвижения не позволяло публицисту набраться нужных впечатлений, наблюдать лично различные явления и события. «Недостаток творчества, – писал он, – можно было бы заменить наблюдениями, подробной этнографической картиной, но мы и этого лишены» [Там же. С. 152].

Поэтому пишу для размышлений он получал из прессы. Самостоятельно и в складчину с друзьями-ссылными он выписывал практически все прогрессивные столичные издания: «Отечественные записки», «Дело», «Знание», «Беседу», «Искру», а также крупнейшие газеты – «Санкт-Петербургские ведомости», «Новое время» и другие [Там же. С. 4]. Обзоры печати, которые Н.М. Ядринцев представлял своему другу в письмах, показывают: 1) круг интересовавших его тем; 2) умение анализировать и сопоставлять информацию с текущими событиями; 3) вычленять сведения, каким-либо образом касающиеся Сибири; 4) четко формулировать свое, иногда чрезмерно субъективное и эмоционально высказываемое («ажотирированное») мнение; 5) находить информационные поводы для создания собственных произведений.

Таким поводом нередко становился выход новой книги – литературного или научного произведения, автор которого в той или иной мере касался «азиатского» (сибирского) вопроса. Публикация статьи, необъективно, по мнению Николая Михайловича, отражавшей положение дел в Сибири, также могла стимулировать написание отклика. Но, судя по письмам, многие его рецензии редакциями не принимались к печати. Анализ исследуемых источников показал, что причинами этого нередко служили не только цензурные ограничения, но и резкий тон публициста, категоричность суждений и спорность аргументов, а также нежелание редактора развешивать дискуссии на страницах своего издания.

Значительную часть получаемых гонораров Н.М. Ядринцев тратил на выписку книг, обращаясь не только в российские, но и зарубежные издательства, которые, что интересно, считал более «исправными», т.е. аккуратными в выполнении заказов. Новые книги порождали новые мысли, которые он с жаром излагал в посланиях к Г.Н. Потанину, побуждая его к дискуссии. Размышления над трудами отечественных и зарубежных исследователей стимулировали идеи будущих статей, которые Н.М. Ядринцев также описывал в своих письмах другу.

Сравнение содержания планов задуманных произведений (в том числе и романа) и опубликованных в исследуемый период статей позволило сделать вывод о том, что лишь незначительная часть проектов оказалась реализованной. Объяснение этому можно обнаружить в письмах, в которых Н.М. Ядринцев честно признавался другу, что не столько пишет, сколько собирает материалы, «а писать меня надо нудить» (принуждать. – Ю.К.), иначе подготовительный этап занимал бы годы [24. С. 17].

Еще одной причиной, на наш взгляд, можно назвать отсутствие в тот период газет и журналов, которые бы с охотой брали статьи на сибирскую тему. «Я положительно в отчаянии, – жаловался публицист Г.Н. Потанину, – куда я буду писать о Востоке» [Там же. С. 145]. Крах проекта «Азиатского вестника», на который Николай Михайлович возлагал большие надежды, принес ему разочарование в издателях, берущихся за выпуск журнала, не имея ни опыта, ни необходимых средств. Газета «Сибирь», вышедшая в 1873 г. в Иркутске, возмутила его своей безграмотностью и бездарностью, отбив охоту сотрудничать с ней [Там же. С. 174]. Отсутствие «своего» органа печати, в котором можно было бы не только публиковаться, но и иметь вес и влияние на редакционную политику, публицист образно описывал так: «Мы, восточные журналисты, не имеем своего угла на свете, мы музыканты, не имеющие инструмента..., мы странники, блуждающие в пустыне, останавливаемся для отдыха во всяком месте» [Там же. С. 168].

Вопрос о роли провинциальной прессы в реализации областнических идей Н.М. Ядринцев тесно увязывал с необходимостью организации собственно сибирских газет и журналов. Еще в период студенчества в

Санкт-Петербурге он прорабатывал идею об основании регионального печатного органа в Иркутске или Омске [28. С. 89]. В 1865 г. в своей статье «Сибирь перед судом русской литературы», опубликованной в «Томских губернских ведомостях», Н.М. Ядринцев утверждал, что создание местной литературы сможет послужить «зачатком осмысленной жизни и началом умственного развития масс». Используя понятия «литература» и «журналистика» как синонимичные, Николай Михайлович указывал на главные, по его мнению, задачи провинциальной прессы: исследование страны (регионов), разработка вопросов местной жизни, представление региональных интересов, выработка видения перспективы развития государства и отдельных его территорий [29. С. 15]. Эту идею публицист позже изложил в целом ряде статей, опубликованных в «Камско-Волжской газете», «Восточном обозрении», «Сибири», «Неделе» и других изданиях. Но изучение содержания его писем Г.Н. Потанину позволило нам констатировать, что оформление основных положений программы провинциальной периодической печати у Николая Михайловича произошло именно в период ссылки. Поэтому анализ его посланий дал возможность выявить этапы формирования взглядов публициста на цели и задачи местной прессы, определить, что именно стимулировало его размышления на эту тему.

Одной из причин обращения к теме провинциальной печати можно назвать недовольство Н.М. Ядринцева столичными изданиями, с которыми ему приходилось сотрудничать. По его мнению, возникающая в них полемика нередко носила личный характер, а потому была непродуктивна. Объявления о защите «высших идеалов» («Отечественные записки») или занятие сугубо практическими вопросами («Санкт-Петербургские ведомости») свидетельствовали о неустойчивости редакционной политики. Николай Михайлович констатировал, что «Одни страдают водобоязнью к живым вопросам действительности, другие разрешают их в самом узком виде», ограничивая тем самым спектр обсуждаемых общественно важных вопросов. Острой критике в его письмах подвергались даже такие авторитетные журналы, как «Отечественные записки», которые публицист язвительно называл «мумией старого либерализма» [24. С. 47–48]. Периодическое издание же, по мнению Николая Михайловича, должно, прежде всего, указывать путь развития интеллигенции и служить посредником «между высшей литературой и обществом» [Там же. С. 221].

Второй причиной, на наш взгляд, являлась искренняя обида за провинцию и провинциалов, отношение к которым у центральной прессы было весьма предвзятое. Столичные журналисты («петербургские олимпийцы», по выражению Н.М. Ядринцева), вращавшиеся в узком кружке своих знакомых, видели в провинции лишь источник курьезов и повод посмеяться над тупоумием провинциалов. Не лучше вели себя и местные корреспонденты, которые здоровую критику поро-

ков и их носителей заменяли неумным «обличением». Выход из создавшейся ситуации публицист видел в отказе от преклонения перед столичной литературой (журналистикой), сближении с народом, в позитивном, иногда даже восторженном отношении к тем аспектам и достижениям провинциальной жизни, которые все привыкли презирать и высмеивать [24. С. 203–204].

Третьей причиной можно назвать выходящую в Казани «Камско-Волжскую газету». Поначалу она вызвала у Николая Михайловича скептическое отношение и жесткую критику. Но с 1873 г. он стал ее постоянным автором, опубликовав здесь фельетоны, стихотворения, письма, цикл статей «Новости нашего Востока», обозрения местной литературы «Провинциальные красоты», другие работы. Анализируя содержание этой газеты, Н.М. Ядринцев попытался выделить основные ее недостатки и выработать предложения по их устранению. В итоге, как мы считаем, это и стимулировало разработку им программы провинциальной прессы в целом. В ее формировании в исследуемый период условно можно выделить три основных этапа.

Первый относится к лету 1872 г., когда в своем письме от 12 июля Н. М. Ядринцев поделился с другом идеей новой статьи о мирозерцании интеллигенции. В будущей публикации он собирался коснуться и вопросов о значении в формировании такого мирозерцания провинциальной литературы. Она, освещая местную жизнь, смогла бы, по мнению публициста, уничтожить многие предрассудки, стимулировать появление новых талантов [Там же. С. 55]. На этом этапе будущая программа местной печати впервые за исследуемый период была обозначена, но рассматривалась как составляющая более широкой темы – жизни провинции в целом.

Второй этап начался с февраля 1873 г., когда Н.М. Ядринцев приступил к сотрудничеству с «Камско-Волжской газетой». Именуя ее «сухощавым бледным отпрыском провинциальной журналистики», он все же взялся за подготовку для нее нескольких публикаций, объяснив это своими симпатиями «ко всякому чаду провинциальной жизни» [Там же. С. 168]. Результаты критического анализа содержания газеты и свое эмоциональное мнение о ней публицист изложил в письме Г.Н. Потанину со свойственным ему сарказмом фельетониста, нарисовав яркий образ «литератора-обывателя». На этом этапе Н.М. Ядринцев конкретизировал общие проблемы местной прессы на примере «Камско-Волжской газеты» и, благодаря этому, смог четко сформулировать их причины и способы устранения. Главным недостатком провинциальной прессы Николай Михайлович считал «отсутствие головы», т.е. четкого руководящего начала, и осознания редакцией своей главной задачи, а также слепое и неудачное подражание столичной журналистике в формировании содержания газеты, в выборе тематики, стиле написания статей, особенно фельетонов.

На третьем этапе (апрель 1873 г.) Н.М. Ядринцев, следуя от частного к общему, смог выработать четкую

программу провинциального издания, сформулировать его цели и задачи, подходы к выбору тем и их освещению, требования к содержанию и стилистике публикаций. Черновой вариант этой программы он изложил в своем письме Г.Н. Потанину от 4 апреля 1873 г.

Прежде всего, считал Николай Михайлович, редактору местной газеты не следует потакать требованиям и вкусам местной аудитории, а также ставить перед собой многочисленные цели, большая часть из которых недостижима из-за цензуры и отсутствия местных творческих сил. Он обязан воспитывать своих, в подавляющем большинстве неподготовленных сотрудников, направлять их творческий поиск, распределять задания, но не подавлять инициативу начинающих авторов [24. С. 221, 224].

Провинциальное издание, по мнению публициста, должно иметь свои рубрики, не копирующие разделы столичных изданий, и свой подход к оценке мировых событий (провинциальный ракурс их рассмотрения). Местная пресса обязана осознавать свою «областную» специфику, уметь выделять «местные вопросы» из общего потока вопросов общегосударственных, воспитывать у населения четкое понимание того, что без развития «местной жизни и самостоятельности» невозможно «правильное развитие государства» [Там же. С. 221, 222, 225].

Провинциальная журналистика должна выполнять, прежде всего, просветительскую функцию, будучи посредником между высшей (столичной) литературой и местной аудиторией, популяризатором «всего лучшего, что дают народные силы государства», проводником элементарных знаний в массы. «Провинциальная литература, – считал Н.М. Ядринцев, – должна быть народной», т.е. говорить с народом на его языке, но при этом обучать такую аудиторию азам понимания настоящей литературы [Там же. С. 222–223].

Важным моментом этой программы, как мы считаем, является четкое определение публицистом понятия «местные вопросы». Это, по его мнению, «применение общечеловеческой жизни и свободы в данных географических, топографических и этнографических условиях, в которых складываются особые экономические и другие вопросы в каждой особой местности». Характер, тематика, особенности рассмотрения таких вопросов обусловлены климатом, численностью населения и его национальным составом, культурными и другими факторами. При этом у каждого региона «местные вопросы» могут своими, т.е. отличными от тех, что волнуют даже соседние губернии. Недостатком столичной журналистики, как считал Н.М. Ядринцев, является то, что она подводит все регионы «под один шаблон», не учитывая их особенности, что и приводит к искажению картины жизни провинции. Следовательно, именно провинциальная литература (журналистика) должна определять сущность местных вопросов, учитывая особенности условий существования своих регионов, отражать их на страницах местной печати, показывать прессе и читателям других губерний [24. С. 225–226].

Заметим, что Ю.Л. Мандрика, проанализировав содержание газеты «Сибирский вестник», вышедший в Иркутске в 1864–1868 гг., утверждает, что «идеология провинциальной печати была сформулирована несколько раньше аналогичных идей Н.М. Ядринцева и Г.Н. Потанина, появившихся почти на десятилетие позднее в “Камско-Волжской газете”» [20. С. 43]. При этом автор ссылается на высказывания в передовых статьях редактора-издателя Б.А. Милютинина, который определил основное направление и задачи «Сибирского вестника». Однако, судя по приведенным цитатам, речь идет не о формировании идеологии (системы взглядов и идей), а о традиционном для прессы того времени обозначении для читателя позиции (программы) редакции нового издания.

В то же время системность взглядов, которые Н.М. Ядринцев излагал в письмах и статьях, универсальность его предложений, т.е. возможность их применения к любой местной газете, позволяют утверждать, что сибирский публицист разработал в 1873 г. именно программу провинциальной прессы. Сформулированные им цели и задачи, способы их достижения принципиально расходились с теми установками, которым следовало в то время большинство местных изданий. Это позволяет говорить об определенном новаторстве указанной программы.

Публицист утверждал, что региональная газета тогда будет интересна «своему» читателю и, соответственно, рентабельна, когда будет говорить с ним на его языке. Ей следует отбирать из общего информационного потока те события и явления, происходящие в мире и стране, которые актуальны именно для местного жителя. Такое издание должно пристально интересоваться и интересоваться свою аудиторию именно «местными вопросами». Сейчас подобная практика работы редакций региональной прессы считается аксиомой. Но заслуга в выявлении и формулировке такой закономерности, как мы считаем, принадлежит Николаю Михайловичу.

Резюмируя вышеизложенное, сделаем следующие выводы.

Активную публикаторскую деятельность Н.М. Ядринцева в период его пребывания в ссылке в Шенкурске обусловили различные причины. На начальном этапе ссылки (1868–1872 гг.) превалировали финансовый и психологический факторы, т.е. желание улучшить свое материальное положение, восстановить репутацию публициста, научного и общественного деятеля. На последнем этапе (1873 г.) основным являлся культурно-политический фактор, под влиянием которого происходила трансформация взглядов Н.М. Ядринцева на пути и способы решения «сибирского» вопроса. Культурное воспитание и просвещение населения должны были помочь сформировать «сибирфильское» общественное мнение и облегчить решение насущных проблем региона. Выдвижение культуртрегерства (культурного реформаторства) в качестве од-

ной из основных задач областнического движения заставило Николая Михайловича активизировать сотрудничество прежде всего с провинциальной прессой, в частности с «Камско-Волжской газетой».

Результатом активной публикаторской деятельности Н.М. Ядринцева в 1868–1873 гг. стало значительное количество работ, многие из которых были посвящены ранее неизученным или недостаточно исследованным темам: пенитенциарная система в России, развитие Сибири в контексте геополитических и мировых экономических процессов и др. Неудовлетворенность редакционной политикой центральных изданий в отношении Сибири, подходом столичной журналистики к освещению провинциальной жизни, качественным уровнем местной прессы побудила Николая Михайловича к разработке общей про-

граммы провинциальной печати. Главным ее достижением является то, что публицист: 1) логически соединил цели и задачи провинциальной прессы с идеями областничества; 2) обозначил роль региональной печати в реализации культурного просвещения и гражданского образования населения; 3) выявил закономерность между освещением «местных вопросов» и популярностью издания у местной аудитории. Формирование такой программы позволило Н.М. Ядринцеву в дальнейшем четко определять целевые установки изданий, в которых он принимал деятельное участие и имел влияние на редакционную политику («Сибирь», «Восточное обозрение»), и в итоге превратить их не только в «рупор» областнических идей, но и в действенное средство реализации идеологии данного движения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ядринцев Н.М. // Энциклопедия Томской области. Т. 2: Н–Я. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2009. С. 465–1000.
2. Лемке М. Николай Михайлович Ядринцев. Биографический очерк. К 10-летию со дня кончины. СПб. : Типо-Литография «Герольд», 1904. 219 с.
3. Фар Т. (Фарафонтон Т.М.) Из бумаг сибирского патриота (материалы к биографии Н.М. Ядринцева) // Восточное обозрение. 1902. № 131. С. 2.
4. Кондратьев Н.И. Начало журнальной прессы в Восточной Сибири (1885–1905 гг.). Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1985. 192 с.
5. Атамановская Н.А. О фельетонах Н.М. Ядринцева // Ученые записки Барнаульского педагогического института. Барнаул, 1966. Т. 4, вып. 1. С. 35–37.
6. Хвалевская Е.Ю. Фельетоны Н.М. Ядринцева в сибирской печати 70–80 гг. XIX века // Вопросы языка и литературы. Новосибирск, 1969. Вып. 3. С. 36–38.
7. Кандеева А.Г. О литературно-публицистической деятельности Н. М. Ядринцева (1888–1894 гг.) // Фольклор и литература Сибири. Вып. 3. Омск, 1976. С. 66–99.
8. Коржавин В.К. Н.М. Ядринцев об экономическом и политическом положении Сибири второй половины XIX века // Вопросы истории социально-экономической и культурной жизни Сибири. Новосибирск, 1975. С. 69–75.
9. Дамешек Л. М. Оценка взаимовлияния русского и коренного населения в трудах политических ссыльных А.П. Шапова и Н.М. Ядринцева // Ссыльные революционеры в Сибири. XIX в. – февраль 1917 г. Иркутск, 1982. Вып. 2. С. 70–75.
10. Шиловский М.В. Произведения Н.М. Ядринцева 70–80-х гг. XIX в. как источник по изучению исторического опыта освоения Сибири // Политическая ссылка в Сибири XIX – начала XX в. Историография и источники. Новосибирск, 1987. С. 48–54.
11. Головинов А.В. Культурно-философская концепция сибирского областничества: этносоциальные и ценностные основания : автореф. дис. ... канд. философ. наук. Барнаул, 2010. 169 с.
12. Емельянова Т.Н. Областничество Н. М. Ядринцева как философия российской действительности. СПб. : Инфо-да, 2004. 130 с.
13. Малинов А.В. Философия и идеология областничества. СПб. : Интерсоцис, 2012. 128 с.
14. Шиловский М.В. Сибирское областничество в общественно-политической жизни региона во второй половине XIX – первой четверти XX в. Новосибирск : Сова, 2008. 270 с.
15. Гольдфарб С.И. Газета «Восточное обозрение» (1882–1906). Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1997. 218 с.
16. Жилиякова Н.В. Журналистика города Томска (XIX – начало XX века): становление и развитие. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2011. 446 с.
17. Шевцов В.В. «Томские губернские ведомости» (1857–1917 гг.) в социокультурном и информационном пространстве Сибири. Томск : Том. гос. ун-т, 2012. 414 с.
18. Шевцов В.В. Неофициальная часть «Томских губернских ведомостей» в период редакторства Е. В. Корша (1882–1883): прерванный полет // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 343. С. 107–112.
19. Серебренников Н. В. Опыт формирования областнической литературы. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2004. 308 с.
20. Мандрика Ю.Л. Цензура поэтики и поэтика цензуры. Коллекция сведений о сибирской частной печати конца XIX – начала XX в. в жанре patchword. Тюмень: Мандр и Ка, 2013. Ч. 1. 300 с.
21. Мандрика Ю.Л. Настоящее ядринцевское «Восточное обозрение» // Петербург газетный: 1711–1917. Тюмень : Мандр и Ка, 2009. С. 121–149.
22. Мандрика Ю.Л. Николай Ядринцев как миф // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. Омск, 2012. № 17. С. 6–22.
23. Чередниченко И.Г. Николай Михайлович Ядринцев – публицист, теоретик и организатор провинциальной печати : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2003. 28 с.
24. Письма Н.М. Ядринцева к Г.Н. Потанину. Вып. 1 (с 20 февраля 1872 г. по 8 апреля 1873 года). Красноярск : Изд. ред. журнала «Сибирские записки», 1918. 232 с.
25. Сибирское областничество: библиографический справочник / редкол.: С. С. Быкова (гл. ред) и др. Томск ; Москва : Водолей, 2002. 288 с.
26. Шиловский М.В. Сибирское областничество во второй половине XIX – начале XX века : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1992. 33 с.
27. Головинов А.В. Идеология сибирского областничества: синтез политической программы и культурной платформы // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2012. № 3 (19). С. 103–107.
28. Шевцов В.В. «Томские губернские ведомости» в деле «сибирских сепаратистов» (1863–1865 г.) // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2010. № 2. С. 88–91.
29. Н. Я. Сибирь перед судом русской литературы // Сборник избранных статей, стихотворений и фельетонов Н.М. Ядринцева. Красноярск : Тип. Енисейского Губернского Союза Кооператоров, 1919. С. 10–16.

Julia B. Kostyakova. Katanov State University of Khakassia (Abakan, Russia). E-mail: uka29@yandex.ru

PUBLICATION ACTIVITIES OF N.M. YADRINTSEV IN EXILE: CAUSES AND RESULTS (ON THE LETTERS TO G.N. POTANIN IN 1872–1873)

Key words: N.M. Yadrintsev, exile, publications, Siberia, regionalism.

The article considers publication activities of N.M. Yadrintsev during his stay in exile in Shenkursk, Arkhangelsk province. It analyses the historiography of selected topics, identifies insufficient study level, in particular, the lack of works devoted to publications of Nikolai Mikhailovich in the period of exile and on the causes for his journalistic activity in 1868–1973. The empirical base of the research relies on N.M. Yadrintsev's letters to G.N. Potanin, his friend and associate, written during 1872–1873, and gives their evaluation as a historical source of personal origin.

Based on the analysis of statements of Nikolai Mikhailovich in the letters about the periodicals, about different aspects of his collaboration with newspapers and magazines, it reveals the reasons for his publication activity in 1868–1873. The article shows that activities of the author of publications stimulated a desire to improve their financial situation; to restore the reputation of the publicist, scientific and public figure; the desire to compensate for moral and physical suffering; to appraise the collected factual and historical material; to participate in shaping of positive public opinion about Siberia and implementing the programme of cultural education of citizens. It is proven by facts that at the last stage of exile (1873) influenced by cultural-political factor there was a transformation of the views of N.M. Yadrintsev on the ways and methods to solve "Siberian" issue, which caused the intensification of his cooperation with a provincial press.

The author also reconstructs the system of preparing articles for the press of N.M. Yadrintsev. It was revealed that a number of planned and prepared articles were never published. The main reasons for this were: censorship, the harsh statements of the author, heavy load writing articles for the fee, lack of relevant literature and factual material, the lack of printed periodicals interested in publishing articles about Siberia.

It is proved that the program of provincial printing development by N.M. Yadrintsev was spurred by his dissatisfaction with the editorial policy of the central media in relation to Siberia, the approach of Metropolitan journalism to the coverage of provincial life, the quality level of the local press. Special attention is paid to journalist's phased formation of this program.

The author concludes the main achievement of this program is that N.M. Yadrintsev integrated the goals and objectives of the provincial press with the ideas of regionalism, outlined the role of the local press in the implementation of cultural education and civic education of the population.

REFERENCES

- Mayer, G.V. & Dmitrienko, N.M. (eds) (2009) *Entsiklopediya Tomskoy oblasti* [Encyclopedia of Tomsk Region]. Vol. 2. Tomsk: Tomsk State University, 2009. pp. 465–1000.
- Lemke, M. (1904) *Nikolay Mikhailovich Yadrintsev. Biograficheskiy ocherk. K 10-letiyu so dnya konchiny* [Nikolai Mikhailovich Yadrintsev. A Biographical Sketch. To the 10th anniversary of the death]. SPb: Tipo-Litografiya «Gerold», 1904. 219 s.
- Farafontova, T. M. (1902) Iz bumag sibirskogo patriota (Materialy k biografii N. M. Yadrintseva) [From the papers of the Siberian patriot (Materials for the biography of N. M. Yadrintsev)]. *Vostochnoe obozrenie*. 131. pp. 2.
- Kondratyev, N.I. (1985) *Nachalo zhurnal'noy pressy v Vostochnoy Sibiri (1885-1905 gg.)* [The beginning of the journal press in Eastern Siberia (1885–1905)]. Irkutsk: Vost.-Sib. kn. izd-vo.
- Atamanovskaya, N.A. (1966) O fel'tonakh N. M. Yadrintseva [About N.M. Yadrintsev's feuilletons]. *Uchenye zapiski Barnaul'skogo pedagogicheskogo instituta*. 4(1). pp. 35–37.
- Khvalevskaya, E.Yu. (1969) Fel'tony N.M. Yadrintseva v sibirskoy pechati 70–80 gg. XIX veka [N.M. Yadrintsev's feuilletons in the Siberian press of 1870–80s]. *Voprosy yazyka i literatury*. 3. pp. 36–38.
- Kandeeva, A.G. (1976) O literaturno-publitsisticheskoy deyatel'nosti N. M. Yadrintseva (1888–1894 gg.) [On N.M. Yadrintsev's literary and journalistic activities (1888–1894)]. *Fol'klor i literatura Sibiri*. 3. pp. 66–99.
- Korzhasin, V.K. (1975) N.M. Yadrintsev ob ekonomicheskom i politicheskom polozhenii Sibiri vtoroy poloviny XIX veka [N.M. Yadrintsev on the economic and political situation of Siberia in the second half of the 19th century]. In: Goryushkin, L.M. (ed.) *Voprosy istorii sotsial'no-ekonomicheskoy i kul'turnoy zhizni Sibiri* [History of Siberian Socio-Economic and Cultural Life]. Novosibirsk: Nauka. pp. 69–75.
- Dameshek, L.M. (1982) Otsenki vzaimovliyaniya russkogo i korennoogo naseleniya v trudakh politicheskikh ssyl'nykh A.P. Shchapova i N.M. Yadrintseva [Estimated mutual influence of the Russian and indigenous people in the writings of political exiles A.P. Schapov and N.M. Yadrintsev]. In: Shcherbakov, N.N. (ed.) *Ssyl'nye revolyutsionery v Sibiri. XIX v. fevral' 1917 g.* [Exiled revolutionaries in Siberia. The 19th century – February 1917]. Vol. 2. Irkutsk: Irkutsk State University. pp. 70–75.
- Shilovsky, M.V. (1987) Proizvedeniya N. M. Yadrintseva 70–80-kh gg. XIX v. kak istochnik po izucheniyu istoricheskogo opyta osvoeniya Sibiri [N.M. Yadrintsev's works of 1870–80s as a source for the study of Siberia's development]. In: Goryushkin, L.M. (ed.) *Politicheskaya ssylka v Sibiri XIX – nachala XX vv. Istoriografiya i istochniki* [Political exile in Siberia in the 19th – early 20th centuries. Historiography and sources]. Novosibirsk: Nauka. pp. 48–54.
- Golovinov, A.V. (2010) *Kul'turfilosofskaya kontseptsiya sibirskogo oblastnichestva: etnosotsial'nye i tsennostnye osnovaniya* [The cultural and philosophical concept of Siberian regionalism: Ethnosocial and value bases]. Abstract of Philosophy Cand. Diss. Barnaul.
- Emelyanova, T.N. (2004) *Oblastnichestvo N.M. Yadrintseva kak filosofiya rossiyskoy deystvitel'nosti* [N.M. Yadrintsev's oblastnichestvo as a philosophy of Russian reality]. St. Petersburg: Infoda.
- Malinov, A.V. (2012) *Filosofiya i ideologiya oblastnichestva* [Philosophy and ideology of regionalism]. St. Petersburg: Intersotsis.
- Shilovsky, M.V. (2008) *Sibirskoe oblastnichestvo v obshchestvenno-politicheskoy zhizni regiona vo vtoroy polovine XIX – pervoy chetverti XX v.* [Siberian regionalism in the socio-political life of the region in the second half of the 19th – first quarter of the 20th century]. Novosibirsk: Sova.
- Goldfarb, S.I. (1997) *Gazeta "Vostochnoe obozrenie" (1882–1906)* [Newspaper "Vostochnoe obozrenie" (1882–1906)]. Irkutsk: Irkutsk State University.
- Zhilyakova, N.V. (2011) *Zhurnalistika goroda Tomsk (XIX – nachalo XX veka): stanovlenie i razvitie* [Journalism in Tomsk (the 19th – early 20th century): formation and development]. Tomsk: Tomsk State University.
- Shevtsov, V.V. (2012) *"Tomskie gubernskie vedomosti" (1857–1917 gg.) v sotsiokul'turnom i informatsionnom prostranstve Sibiri* ["Tomskie gubernskie vedomosti" (1857–1917) in the socio-cultural and information space of Siberia]. Tomsk: Tomsk State University.
- Shevtsov, V.V. (2011) An unofficial part of "Tomskie gubernskie vedomosti" edited by E.V. Korsh (1882–1883): an interrupted flight. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 343. pp. 107–112. (In Russian).
- Serebrennikov, N.V. (2004) *Opyt formirovaniya oblastnicheskoy literatury* [Experience in the formation of regional literature]. Tomsk: Tomsk State University.

20. Mandrika, Yu.L. (2013) *Tsenzura poetiki i poetika tsenzury. Kolleksiya svedeniy o sibirskoy chastnoy pechati kontsa XIX – nachala XX v. v zhanre patchword* [Censorship of poetics and poetics of censorship. A collection of information about the Siberian private press of the late 19th – early 20th century in the patchword genre]. Tyumen: Mandr i Ka.
21. Mandrika, Yu.L. (2009) *Nastoyashchee yadrintsevskoe “Vostochnoe obozrenie”* [The Real Yadrintsev’s “Vostochnoe obozrenie”]. In: Sonina, E.Yu. (ed.) *Peterburg gazetnyy: 1711–1917* [Newspaper of Petersburg: 1711–1917]. Tyumen: Mandr i Ka. pp. 121–149.
22. Mandrika, Yu.L. (2012) *Nikolay Yadrintsev kak mif* [Nikolay Yadrintsev as a myth]. *Izvestiya Omskogo gosudarstvennogo istoriko-kraevedcheskogo muzeya*. 17. pp. 6–22.
23. Cherednichenko, I.G. (2003) *Nikolay Mikhailovich Yadrintsev – publitsist, teoretik i organizator provintsial'noy pechati* [Nikolai Mikhailovich Yadrintsev – publicist, theorist and organizer of the provincial press]. Abstract of History Cand. Diss. Irkutsk, 2003. 28 s.
24. Yadrintsev, N.M. (1918) *Pis'ma N.M. Yadrintseva k G.N. Potaninu* [Letters from N.M. Yadrintsev to G.N. Potanin]. Vol. 1. Krasnoyarsk: Sibirskie zapiski.
25. Bykova, S.S. et al. (eds) (2002) *Sibirskoe oblastничество: biobibliograficheskiy spravochnik* [Siberian regionalism: a bio-bibliographic reference]. Toms; Moscow: Vodoley.
26. Shilovsky, M.V. (1992) *Sibirskoe oblastничество во второй половине XIX – начале XX веков* [Siberian regionalism in the second half of the 19th – early 20th centuries]. Abstract of History Dr. Diss. Novosibirsk.
27. Golovinov, A.V. (2012) *Ideology of Siberian regionalists: the synthesis of political program and cultural platform. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 3(19). pp. 103–107. (In Russian).
28. Shevtsov, V.V. (2010) *“Tomskie gubernskie vedomosti” v dele “sibirskikh separatistov” (1863–1865 g.)* [“Tomskie gubernskie vedomosti” in the case of “Siberian separatists” (1863–1865)]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri – Humanitarian Sciences in Siberia*. 2. pp. 88–91.
29. Yadrintsev, N.M. (1919) *Sbornik izbrannykh statey, stikhotvoreniy i fel'etonov N.M. Yadrintseva* [Selected articles, poems, and feuilleton by N.M. Yadrintsev]. Krasnoyarsk: Tip-ya Enis. Gub. Soyuzo Koop. pp. 10–16.

УДК 94(571.16)“1919/1920”
DOI: 10.17223/19988613/62/7

А.В. Куренков

ОБРАЗОВАНИЕ УЕЗДНЫХ, ВОЛОСТНЫХ И СЕЛЬСКИХ РЕВКОМОВ НА ТЕРРИТОРИИ ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ (КОНЕЦ 1919 – НАЧАЛО 1920 г.)

Исследовано создание уездных, волостных и сельских революционных комитетов в Томской губернии в ходе ликвидации на ее территории колчаковского режима и восстановления советской власти. Изучены конкретные обстоятельства возникновения ревкомов как чрезвычайных властных структур, заменивших на определенный период советы. Показана специфика формирования ревкомов на низовом уровне, в частности, практиковавшееся избрание сельских и волостных комитетов из крестьянской среды. Установлен персональный состав ревкомов уездного звена. Приведены данные о партийной принадлежности председателей и членов ревкомов.

Ключевые слова: Томская губерния; органы власти; ревкомы.

В конце 1919 – начале 1920 г. в результате успешного наступления красноармейских частей, энергичных действий повстанцев и партизан на территории Сибири был ликвидирован режим А.В. Колчака. Восстановление советского государственного аппарата в силу нестабильной военно-политической и социально-экономической обстановки происходило в освобожденных от колчаковцев местностях путем образования революционных комитетов на правах временных чрезвычайных властных структур. Заменив на определенный период советы, ревкомы были призваны подготовить необходимые условия для возобновления деятельности конституционных органов власти.

Освобождение от белогвардейцев одной из обширных административно-территориальных единиц Сибирского края – Томской губернии – началось с конца ноября 1919 г. В течение трех следующих месяцев на Томской земле протекал процесс формирования революционных властных органов – ревкомов.

Вопросы образования революционных комитетов на территории Томской губернии рассмотрены в работах В.Т. Медведева [1], В.И. Шишкина [2, 3], В.Т. Шуклецова [4], В.Г. Кокоулина [5. С. 89–98; 6. С. 162–170]. Некоторые сведения о создании ревкомов содержатся в очерках истории Томской области [7], в исследовании, посвященном становлению и развитию томских органов внутренних дел [8]. Особенности формирования Томского губернского ревкома как высшего чрезвычайного органа власти в губернии освещены в специальной статье А.В. Куренкова [9. С. 61–64]. Однако образование ревкомов уездного, волостного и сельского уровней на Томской земле не стало пока объектом специального изучения.

В данной статье автором предпринимается попытка при опоре на архивные и опубликованные источники, материалы периодической печати, а также научные исследования комплексно раскрыть образование уездных, волостных и сельских ревкомов в Томской губернии в ходе ликвидации на ее территории колчаковского режима и восстановления советской власти.

26 ноября 1919 г. Г.Х. Эйхе, вступив за день до этого в командование 5-й Красной армией вместо отбывавшего на Южный фронт М.Н. Тухачевского, отдал приказ о порядке дальнейшего наступления вверенных ему соединений. В частности, 27 дивизии, отличившейся в боях за колчаковскую столицу, предписывалось преследовать противника вдоль Транссибирской железнодорожной магистрали и овладеть г. Каинском. В последовавшем приказе начдива И.Ф. Блажевича ставилась задача к 1 декабря занять железнодорожную станцию г. Барабинска и прилегающий к ней район, а 2 декабря войти в Каинск [10. С. 14, 79].

Преодолев упорное сопротивление противника в районе станции Тебисская, 1 декабря части 3 бригады 27 дивизии заняли станцию Барабинская и сам город. В тот же день части 2 бригады овладели Каинском [11. С. 89; 12. С. 199]. Несмотря на то, что Каинск являлся административным центром уезда, первым по времени, 4 декабря, был сформирован по распоряжению политотдела дивизии ревком в Барабинске, располагавшемся на Транссибирской магистрали и игравшем в этой связи более значимую стратегическую роль. Председателем ревкома стал активный участник советского строительства 1918 г. П.Д. Бочкарев, членами – советский работник с 1918 г. В.И. Бугаков, участник партизанского движения И.Г. Веркутис и командир партизанского отряда Г.Я. Сальников. И председатель, и члены состояли в РКП(б). При ревкоме были созданы отделы продовольственный, земельный, труда, военный, здравоохранения, социального обеспечения, народного образования. На правах отделов – советы народного и городского хозяйства [2. С. 113; 4. С. 227; 13. С. 110].

Судя по источникам, Барабинский ревком с момента своего возникновения стал органом власти уездного масштаба. В Каинске же политотделом дивизии 6 декабря был создан временный ревком, действовавший первое время и по городу, и по уезду. В его состав вошли коммунисты И.В. Смышляев (председатель),

М.А. Червонный-Усатенко и М.М. Фуксов (члены). После переноса в конце декабря 1919 г. уездного центра в Барабинск ревком в Каинске стал ревкомом исключительно городского масштаба [14. 8, 13 фев.; 15. Л. 2, 5, 14, 42; 4. С. 227; 5. С. 90].

В то время, когда в Каинском уезде шла работа по организации революционных органов власти, командующий Восточным фронтом Красной армии В.А. Ольдерогге своим приказом поставил задачу войскам 5-й армии возобновить энергичное наступление, имея конечной целью выход на линию Барнаул–Новониколаевск–Кольвань. Достичь эту цель, согласно директиве командарма, необходимо было к 16 декабря 1919 г. Однако мощное наступление частей 1 и 3 бригад 27 дивизии позволило уже в ночь с 13 на 14 декабря освободить Новониколаевск от белых [16. С. 763–764; 12. С. 208, 204]. Как писал в своих воспоминаниях Г.Х. Эйхе, «одним из первоочередных был вопрос о создании гражданской власти в освобожденном от врага городе и районе» [10. С. 55]. Стоит отметить, что еще 2 декабря Сибревком рассмотрел вопрос об организации Новониколаевского городского ревкома. На следующий день высшим чрезвычайным органом власти Сибири был издан приказ, возложивший руководство Новониколаевским ревкомом на армейского политработника В.Ф. Дружницкого. 16 декабря В.Ф. Дружницкий прибыл в освобожденный Новониколаевск и при содействии местной большевистской организации образовал революционный комитет, ставший уездным. На следующий день он был утвержден Сибревкомом [1. С. 104; 17. С. 671–672; 2. С. 113; 13. С. 114]. Вместе с В.Ф. Дружницким в состав Новониколаевского уездного ревкома вошли местные коммунисты Г.К. Соболевский (секретарь), М.Н. Рютин и Н.Г. Калашников (члены). Руководителями сформированных отделов стали: земельного – Р.Н. Шаргородский, М.Н. Рютин, труда – П.Д. Егоров, Степанов, продовольствия – А.Н. Калинин, социального обеспечения – И.М. Линецкий, народного образования – Д.Д. Киселев, юстиции – В.Ф. Тихомиров, финансов – Девяткин, уголовного розыска – А.К. Зарембо. Совет народного хозяйства возглавил Н.Г. Калашников [6. С. 163].

Выдвинувшись из Новониколаевска, боевые части 27 дивизии продолжили преследование колчаковских войск в восточном направлении. 24 декабря после упорного боя в руки красных перешла узловая станция Тайга. А спустя несколько дней, 28 декабря, части 1 бригады вступили в Мариинск. На следующий день политотделом дивизии был образован Мариинский уездный ревком под председательством армейского политработника В.И. Ротшильда. В качестве членов в ревком вошли бывшие заключенные колчаковских тюрем коммунисты Е.А. Маградзе, А.Н. Сафонова, А.К. Сорокин [16. С. 767; 7. С. 285; 18; 19. С. 256, 272; 20. С. 113; 2. С. 114].

Иной характер имело восстановление советской власти в губернском центре, а также на юге и севере

Томской губернии. Так, в Томске в ходе антиколчаковского восстания, подготовленного томской большевистской подпольной организацией, власть 17 декабря перешла в руки коалиционного военно-революционного комитета в составе коммунистов Я.Д. Янсона, К.М. Молотова, Т.Д. Екишева, Е.В. Лосевича, Я.Р. Ельковича, левого эсера А. Ильина, представителя инициативной группы эсеров А. Левина, меньшевика А.Е. Гуревича и анархиста-синдикалиста С. Толмачева. Возглавил Комитет Я.Д. Янсон, его заместителем стал К.М. Молотов [7. С. 284]. После того, как в Томск вступил Уральский советский полк и прибыли члены Реввоенсовета 5-й армии К.И. Грюнштейн и И.Л. Дзевалтовский, коалиционный орган был упразднен, а вместо него 25 декабря на совместном заседании представителей Сибирского бюро ЦК РКП(б), Сибирского революционного комитета, Реввоенсовета 5-й армии и руководства Томской большевистской организации образован Томский губернский революционный комитет в составе коммунистов Чистякова¹ (председатель), А.П. Карлова и Ф.А. Крылова (члены) [21. С. 176; 22. С. 54; 9. С. 61]. Однако весьма необдуманное решение Сибревкома о переносе губернского центра в Новониколаевск, принятое еще 23 декабря, повлекло за собой преобразование Томского ревкома в орган власти уездного масштаба. С 21 января 1920 г. его руководителем стал М.И. Сумецкий, членами – А.А. Малиновский и Ф.А. Крылов. В статусе уездного Томский ревком действовал вплоть до переноса административного центра губернии обратно в Томск в конце апреля 1920 г. [23. С. 36; 8. С. 229; 5. С. 94; 21. С. 179].

До прихода регулярных красноармейских частей колчаковский режим был свергнут в Кузнецке. В ночь на 2 декабря 1919 г. там произошло восстание солдат местного гарнизона, поводом для которого стало намерение белогвардейских властей разгрузить переполненную городскую тюрьму путем расстрела заключенных. Восставшие солдаты перебили офицеров, открыли двери тюремных камер и освободили находившихся там политических узников, которые, в свою очередь, примкнули к участникам восстания. На следующий день власть в городе взял в свои руки избранный рабочими и крестьянами военно-революционный комитет в составе председателя А.Ф. Иванова, являвшегося в 1918 г. руководителем Прокопьевского совета, и членов Г. Мокрецова, И. Колтунова, Р. Тагаева, З. Извекова, А. Симонова, Дубченко, Колпакова [24. С. 90; 25. С. 72; 26. С. 319–320; 27. С. 255–256]. Опасаясь, что в случае наступления белых у восставших не окажется достаточных сил для защиты города, военревком обратился за помощью к партизанскому отряду Г.Ф. Рогова. Однако это решение стало роковым для уездного центра. Войдя в город, партизаны в течение трех суток расправлялись со всеми, кто был причастен к колчаковским органам власти, производили расстрелы офицеров и представителей интеллигенции, жгли церкви. Управление городом было дезорганизовано. Как отме-

чалось впоследствии в докладе Кузнецкого укома РКП(б), «за время пребывания Рогова военно-революционный комитет потерял всякое значение» [28. С. 131; 26. С. 320; 29. С. 102; 25. С. 72]. Лишь после вступления в Кузнецк 26 декабря частей 35 дивизии 5-й армии в городе стал восстанавливаться порядок. А 5 января 1920 г. военревком был реорганизован в Кузнецкий уездный революционный комитет, в который вошли А.Ф. Иванов (председатель), В.Ф. Гунерлах и Р. Тагаев (члены) [12. С. 217; 5. С. 97; 28. С. 132].

Выступив из Кузнецка, отряд Рогова двинулся по направлению на Щегловск и 21 декабря занял его. Однако учитывая опасность окружения превосходящими силами белогвардейцев, вечером следующего дня роговцы оставили город, в полной мере испытавший на себе бесчинства партизан. Подошедший к Щегловску 311-й полк 35-й дивизии 5-й армии 24 декабря овладел городом, пленив более тысячи белогвардейских солдат и офицеров [30. С. 175–176, 180]. На следующий день приказом военного комиссара дивизии И.М. Погодина был организован Щегловский уездный революционный комитет во главе с инструктором политотдела дивизии коммунистом П.Н. Старостиным. В качестве членов в состав ревкома вошли К.Г. Ермолаев, Н. Климович, П.М. Попов, Г.Д. Шувалов, И.Г. Ковалев, Р.Н. Хомутников, А.А. Бутолин [31. С. 38].

На территории Нарымского уезда белогвардейская власть пала за неделю до прихода частей Красной армии. Осознавая свою обреченность, колчаковская администрация во главе с управляющим уездом Владимиром 12 декабря 1919 г. бежала из Нарыма. После этого в ночь на 13 декабря власть взял в свои руки Тогурский² уездный комитет общественного порядка и безопасности во главе с коммунистом А.И. Завалишиным. Членами комитета стали коммунист И.Е. Блохин, эсеры Г.Н. Грехнев, С.П. Усырев, П.В. Чечельницкий [32. С. 44; 33. С. 30–31; 34. Л. 6]. В советской историографии подобные комитеты оценивались как органы буржуазной власти, не выражавшие интересов пролетариата и беднейшего крестьянства. К примеру, В.Т. Медведев в обоснование этой позиции приводит решение данных органов сохранить волостные правления и колчаковскую милицию [1. С. 117]. Применительно к Нарыму Н.Т. Онищук указывает, что «в Тогурском (Нарымском) уездном комитете общественного порядка и безопасности эсерам в первое время удалось не только сохранить буржуазную милицию, но и из старых милиционеров образовать “военный штаб”, ответственный за охрану и порядок в городе» [33. С. 32]. Появление такого комитета в Нарыме было обусловлено, на наш взгляд, двумя основными причинами. Во-первых, к моменту его образования еще не подошли регулярные части Красной армии, способные выделить необходимые кадры для создания революционного органа власти. Во-вторых, большевистская партийная организация Нарыма на тот момент находилась в стадии организационного оформления и не могла в должной степени повлиять на ход разворачивавшихся там политических событий.

19 декабря красные войска вступили на территорию Нарымского уезда. Опираясь на поддержку армии, местные большевики 30 декабря ликвидировали Комитет общественного порядка и безопасности и вместо него образовали Нарымский революционный комитет в составе председателя А.И. Завалишина и членов А.А. Черепанова, В.А. Лемешева, И.Е. Блохина, А.М. Заева [35. С. 503–504; 8. С. 230; 34. Л. 6 об.]. К 9 января 1920 г. были сформированы отделы продовольственный (председатель А.А. Черепанов), здравоохранения (председатель Кузьминский), народного образования (председатель П.Г. Пектужев), юридический (председатель Корнилов), информационно-инструкторский (председатель Ронис), сельскохозяйственный (председатель Вяжев), инородческий (председатель Г.Н. Грехнев). Спустя месяц в структуре ревкома возник отдел управления под руководством А.И. Завалишина [34. Л. 7].

Параллельно с образованием уездных на территории губернии формировались волостные и сельские революционные комитеты. Активную роль в этом процессе играли инструкторы-организаторы политотделов красноармейских частей. После освобождения местности от белогвардейцев они приступали к изучению сложившейся там политической обстановки и сбору сведений о действовавших ранее советских и партийных организациях, об оставшихся советских рабочих, коммунистах и сочувствующих РКП(б). Вместе с ними инструкторы намечали кандидатов в члены сельского либо волостного ревкома, которые затем утверждались на общем собрании села либо волости. По данным исследователей, в Новониколаевском уезде 35 из 64 волостных ревкомов были образованы армейскими политработниками. Остальные 29 созданы отделом управления Новониколаевского уездного ревкома. Как справедливо отмечает В.И. Шишкин, это было обусловлено присутствием в Новониколаевском уезде значительного количества армейских коммунистов в силу того, что уезд на некоторое время стал местом дислокации нескольких дивизий [1. С. 109–110; 2. С. 209]. При участии представителей армии были созданы волостные и сельские ревкомы в Казанской, Чистоозерной, Кулябинской, Верхне-Тарской, Ичинской волостях Каинского уезда [13. С. 110–111].

Помимо участия политработников, чрезвычайные органы власти в крестьянской местности создавались по решению вышестоящих ревкомов. Так, по обнаруженным нами сведениям, уже с 27 декабря 1919 г. отдел управления Томского ревкома приступил к организации волостных и сельских революционных комитетов в Томском уезде. Выполнение этой задачи осложнялось катастрофическим дефицитом кадров, обладавших необходимыми знаниями в области советского строительства. В силу этого уездному ревкому на первых порах удалось отправить в сельскую местность всего лишь 3–4 своих сотрудников-коммунистов, каждый из которых должен был охватить своей деятельностью в среднем по 6–10 волостей. В результате пред-

ставители уездного ревкома «не могли выполнить и десятой доли того, что было необходимо сделать в кратчайший срок», – говорилось впоследствии в отчете Томского ревкома [36. Л. 134; 37. С. 35–36]. С целью интенсифицировать процесс образования революционных органов власти в деревне Томский ревком в январе 1920 г. организовал специальные инструкторские курсы для работников, отправляемых в сельскую местность. Ознакомившись с предстоящей работой и получив в распоряжение необходимый нормативный и агитационный материал, они были командированы на места. Результатом стало более активное создание ревкомов, установление их связи с уездным комитетом [38. Л. 10]. Значительную роль в восстановлении советского аппарата власти в деревне сыграли инструкторы Щегловского уезда, развернув после изгнания колчаковцев деятельность по формированию сельских и волостных ревкомов [5. С. 96–97].

Еще одним способом создания чрезвычайных властных структур в сельской местности являлась инициатива самого крестьянского населения. При поддержке находившихся в уездах советских и партийных работников периода 1917–1918 гг. местные крестьяне организовывали сельские и волостные собрания, на которых избирали наиболее достойных односельчан для работы в сельском либо волостном революционном комитете. К примеру, собрание Инкинского сельского общества Нарымского уезда 29 декабря 1919 г. постановило: «Принимая во внимание, что власть Колчака пала... упразднить в селе власть сельского старосты... избрать в сельский революционный комитет открытой баллотировкой 5 членов комитета...» [1. С. 126]. В феврале 1920 г. собрание Яя-Петропавловской волости Томского уезда избрало волостной революционный комитет под председательством Петрашкевича, советского работника с 1918 г., сочувствующего РКП(б) и пользовавшегося большим авторитетом среди населения волости [39. 28 фев.]. Собраниями крестьян были избраны в том же уезде революционные комитеты Семилужской, Ново-Александровской, Николаевской, Богородской, Поломошинской, Емельяновской, Спасской и некоторых других волостей [40. 16 янв.].

В целом, к марту 1920 г. на территории губернии действовало 3 734 сельских и волостных революционных комитета [7. С. 286; 8. С. 230].

Социальный состав низовых ревкомов был представлен преимущественно крестьянами бедняцкого и

среднякацкого положения. Однако в определенных случаях он включал в себя и состоятельных крестьян-кулаков. Так, в начале февраля 1920 г. в 48 волостных ревкомов Новониколаевского уезда находилось 102 бедняка, 76 середняков и 5 кулаков. Среди них, насколько удалось установить, 34 человека состояли в рядах большевистской партии, 110 являлись сочувствующими РКП(б) [41. С. 142]. На партийный состав волревкомов также проливают свет данные анкетирования, проведенного в ходе съезда волостных ревкомов Томского уезда в феврале 1920 г. Из 77 участников, заполнивших анкеты, 7 человек являлись коммунистами, 37 – сочувствующими РКП(б), 33 – беспартийными [39. 29 фев.].

Говоря о причинах вхождения чуждого большевикам деревенского кулачества в состав революционных органов власти, стоит отметить практиковавшийся выборный характер ревкомов, предполагавший участие всего сельского населения в выборах. По этому поводу член Томского губернского бюро РКП(б) Л.Б. Суница отмечал, что «в селах и волостях есть ревкомы, выбранные на демократических началах, путем всеобщего избирательного права, и мы часто видим, что эти ревкомы бывают не на высоте революционного положения» [3. С. 20]. Кроме того, необходимо обратить внимание на то, что исполнение членами ревкомов своих обязанностей в силу хозяйственной разрухи осуществлялось практически на безвозмездной основе. Неудовлетворительное материальное положение являлось мотивом отказа бедняков и середняков от работы в ревкомов [2. С. 225–226].

Таким образом, в период с декабря 1919 г. по февраль 1920 г. на территории Томской губернии были созданы уездные, волостные и сельские революционные комитеты на правах временных чрезвычайных органов советской власти. Ревкомы уездного звена назначались преимущественно политработниками красноармейских частей и состояли из членов большевистской партии. На волостном и сельском уровнях революционные комитеты формировались различными способами, однако по большей части являлись избранными из сочувствующих РКП(б) и беспартийных крестьян. После проведения в губернии выборов в советы и созыва съездов советов революционные комитеты прекратят свое существование. Им на смену придут органы власти, закрепленные в конституционном порядке.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В связи с тем, что Чистяков отсутствовал в городе, обязанности председателя ревкома стал исполнять В.Г. Шумкин [9. С. 61].

² Тогурский уезд был образован летом 1917 г. Им именовали территорию Нарымского края. После восстановления советской власти в декабре 1919 г. Тогурский уезд стал именоваться Нарымским.

ЛИТЕРАТУРА

1. Медведев В.Т. Создание и деятельность революционных комитетов Западной Сибири (ноябрь 1919–1920 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1964. 342 с.
2. Шишкин В.И. Революционные комитеты Сибири в годы Гражданской войны (август 1919 – март 1921 гг.). Новосибирск, 1978. 336 с.
3. Шишкин В.И. Социалистическое строительство в сибирской деревне (ноябрь 1919 – март 1921 гг.). Новосибирск, 1985. 320 с.

4. Шуклецов В.Т. Сибиряки в борьбе за власть советов. Деятельность партии в крестьянских массах Западной Сибири в годы революции и Гражданской войны. Новосибирск, 1981. 269 с.
5. Кokoулин В.Г. Создание революционных комитетов в Томской губернии (декабрь 1919 – январь 1920 г.) // Гуманитарные проблемы военного дела. 2016. № 3.
6. Кokoулин В.Г. Новониколаевский ревком // Материалы науч.-практ. конф., посвящ. 90-летию Сибархива. Новосибирск, 2010.
7. Томская область: исторический очерк / отв. ред. В.П. Зиновьев. Томск, 1994. 684 с.
8. Ларьков Н.С., Чернова И.В., Войтович Л.В. 200 лет на страже порядка: очерки истории органов внутренних дел Томской губернии, округа, области в XIX–XX вв. Томск, 2002. 519 с.
9. Куренков А.В. Томский губревком – чрезвычайный орган государственной власти (декабрь 1919 – октябрь 1920 г.) // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 366.
10. Подвиг Пятой Красной: сборник / сост. Я.М. Кузнецов. Новосибирск, 1984.
11. Пилипенко Е.В. Память о них будет жить вечно // Гражданская война на территории Каинского уезда: Тезисы региональной науч.-практ. конф., посвящ. 75-летию Новосибирской области и 290-летию города Куйбышева. Куйбышев, 2012.
12. В боях рожденная. Боевой путь 5-й армии (1918–1920): сб. документов / отв. сост. С.Д. Гусаревич, Т.Ф. Каряева. Иркутск, 1985.
13. Хроника Новосибирской организации КПСС (1891–1987 годы) / отв. ред. В.Т. Шуклецов. Новосибирск, 1988.
14. Известия Барабинского уездного революционного комитета (Каинск). 1920.
15. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 196.
16. Директивы командования фронтов Красной Армии (1917–1922 гг.): сб. документов / отв. сост. Т.Ф. Каряева. М., 1972. Т. II.
17. Партизанское движение в Западной Сибири (1918–1920 гг.): документы и материалы / ред. кол. И.В. Громов [и др.]. Новосибирск, 1959.
18. Основные даты Мариинского района // Официальный интернет-сайт Администрации Мариинского муниципального района. Мариинск, [2017]. URL: <http://www.mariinsk.ru/36-osnovnye-daty-mariinskogo-raiona.html> (дата обращения: 12.08.2017).
19. Кучкин А.П. В боях и походах от Волги до Енисея: записки военного комиссара. М., 1969.
20. Ларьков Н.С. Милитаризация Томской власти в годы Гражданской войны // Труды Томского областного краеведческого музея: сб. статей / отв. ред. Л.И. Боженко. Томск, 2002. Т. 12.
21. Дмитриенко Н.М. День за днем, год за годом: хроника жизни Томска в XVII–XX столетиях. Томск, 2003.
22. Ларьков Н.С. Декабрьские события 1919 г. в Томске // Вестник Томского государственного университета. История. 2011. № 3 (15).
23. Сибирский революционный комитет (Сибревком). Август 1919–декабрь 1925: сб. документов и материалов / сост. А.Н. Блохина [и др.]. Новосибирск, 1959.
24. Кадейкин В.А. Годы огневые: из истории Гражданской войны в Кузбассе 1918–1919 гг. Кемерово, 1959.
25. Плотникова М.Е. О партизанском отряде Рогова и сущности «роговщины» // Новокузнецк в прошлом и настоящем: Материалы науч. конф., посвящ. 350-летию основания Кузнецка / отв. ред. А.А. Лукин. Новокузнецк, 1971.
26. История Кузбасса / гл. ред. А.П. Окладников. Кемерово, 1967. Ч. 1, 2.
27. Сибирское бюро ЦК РКП(б). 1918–1920 гг.: сб. документов / сост. А.М. Шиндин. Новосибирск, 1978. Ч. 1.
28. История Кузбасса / отв. ред. Н.П. Шуранов. Кемерово, 2006.
29. Ларьков Н.С., Шишкин В.И. Партизанское движение в Сибири во время Гражданской войны // Власть и общество в Сибири в XX веке: сб. науч. статей / отв. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск, 2013. Вып. 4.
30. Усков И.Ю. Кемерово: рождение города. Кемерово, 2011.
31. Балибалов И.А. Кемерово вчера, сегодня, завтра. Кемерово, 1976.
32. Мезенцева Л.В. Нарым. Новосибирск, 1984.
33. Онищук Н.Т. Советское строительство у малых народов Севера (1917–1941 гг.): по материалам Нарымского края. Томск, 1973.
34. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. Р-366. Оп. 1. Д. 7.
35. Борьба за власть Советов в Томской губернии (1917–1919 гг.): сб. документальных материалов / гл. ред. В.С. Флеров. Томск, 1957.
36. ГАТО. Ф. Р-53. Оп. 1. Д. 166.
37. Из истории земли Томской (1917–1970 гг.): сб. документов и материалов / сост. А.П. Акаченко, В.А. Черняк. Новосибирск, 1981. Вып. II.
38. ГАТО. Ф. Р-53. Оп. 1. Д. 49.
39. Знамя революции (Томск). 1920.
40. Сибирский коммунист (Томск). 1920.
41. Гушин Н.Я., Журов Ю.В., Боженко Л.И. Союз рабочего класса и крестьянства Сибири в период построения социализма (1917–1937 гг.). Новосибирск, 1978.

Artem V. Kurenkov. Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (Tomsk, Russia). E-mail: art_1987@inbox.ru
FORMATION OF COUNTY, VOLOST AND RURAL REVOLUTIONARY COMMITTEES ON THE TERRITORY OF TOMSK PROVINCE (LATE 1919 - EARLY 1920)

Key words: Tomsk province, the authorities, the revolutionary committees.

The purpose of the article is to disclose the formation of county, volost and rural revolutionary committees in the Tomsk province during the liquidation of the Kolchak's regime on its territory and the restoration of soviet power.

The source base of the research was archival and published documents, periodicals.

On December 1 Barabinsk and Kainsk were freed. Revolutionary committees were formed. Revolutionary committee in Barabinsk included the communists P.D. Bochkarev (chairman), V.I. Bugakov, I.G. Verkutis, G.Y. Salnikov (members). Revolutionary committee in Kainsk was headed by the communist I.V. Smyshlyaev. As members the communists M.A. Chervonny-Usatenko and M.M. Fuchsov.

On the night of December 13-14, 1919 Novonikolaevsk was occupied by the bolsheviks. On December 16 army political worker V.F. Druzhitsky formed a revolutionary committee and became its chairman. The communists G.K. Sobolevsky, M.N. Ryutin and N.G. Kalashnikov entered as members.

On December 28 Mariinsk was liberated. The revolutionary committee was formed under the chairman of V.I. Rothschild. It included the communists E.A. Magradze, A.N. Safonova, A.K. Sorokin.

In Tomsk on December 17 power passed to the coalition military revolutionary committee. After entering the city of the Ural Soviet Regiment the military organ was abolished. The Tomsk provincial revolutionary committee was established with Chistyakov (chairman, V.G. Shumkin began to fulfill his duties), A.P. Karlov and F.A. Krylov (members). The provincial center was moved to Novonikolaevsk. The Tomsk revolutionary committee began to act as a county authority.

In Kuznetsk the Kolchak's regime fell as a result of the uprising of soldiers of the local garrison. The military revolutionary committee of 8 people took power. After the entry of the 5th army organ was transformed into the revolutionary committee of Kuznetsk, which included A.F. Ivanov (chairman), V.F. Gunerlah and R. Tagaev (members). In Shcheglovsk the whiteguard power was overthrown on December 21, 1919. On December 25 a county revolutionary committee was organized.

In Narym on the night of December 13, 1919 the committee of order of Togursk county was formed. After the entry of the Red forces into Narym this organ was abolished. On December 30 the bolsheviks created the revolutionary committee (chairman A.I. Zavalishin, members A.A. Cherepanov, V.A. Lemeshev, I.E. Blokhin, A.M. ZaeV).

Thus, volost and rural revolutionary committees were formed of political workers of the Red army, by decision of higher committees, the population itself with the support of soviet and party workers. By March 1920 3,734 rural and volost revolutionary committees were operating. A system of county, volost and rural revolutionary committees was formed in the territory of Tomsk province. County revolutionary committees were appointed. Volost and rural mainly were chosen from sympathizing Communist party and non-partisan peasants.

REFERENCES

- Medvedev, V.T. (1964) *Sozdanie i deyatelnost' revolyutsionnykh komitetov Zapadnoy Sibiri (noyabr' 1919 – 1920 gg.)* [The formation and activities of the revolutionary committees of Western Siberia (November 1919 – 1920)]. History Cand. Diss. Tomsk.
- Shishkin, V.I. (1978) *Revolutsionnye komitety Sibiri v gody grazhdanskoj vojny (avgust 1919 – mart 1921 gg.)* [The revolutionary committees of Siberia during the Civil War (August 1919 – March 1921)]. Novosibirsk: Nauka.
- Shishkin, V.I. (1985) *Sotsialisticheskoe stroitel'stvo v sibirskoj derevne (noyabr' 1919 – mart 1921 gg.)* [Socialist construction in a Siberian village (November 1919 – March 1921)]. Novosibirsk: Nauka.
- Shukletsov, V.T. (1981) *Sibirjaki v bor'be za vlast' sovetov. Deyatel'nost' partii v krest'yanskikh massakh Zapadnoy Sibiri v gody revolyutsii i grazhdanskoj vojny* [Siberians in the struggle for the Soviet power. Party activity in the peasant masses of Western Siberia during the Revolution and Civil War]. Novosibirsk: Zapadno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo.
- Kokoulin, V.G. (2016) *Sozdanie revolyutsionnykh komitetov v Tomskoy gubernii (dekabr' 1919 – yanvar' 1920 g.)* [The formation of revolutionary committees in Tomsk Province (December 1919 – January 1920)]. *Gumanitarnye problemy voennogo dela*. 3.
- Kokoulin, V.G. (2010) *Novonikolaevskiy revkom [Novonikolaevsk Revolutionary Committee]*. In: Popov, V.D. (ed.) *Materialy nauch.-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 90-letiyu Sibarkhiva* [Proceedings of the Conference Devoted to the 90th anniversary of the Siberian Archive]. Novosibirsk: [s.n.].
- Zinovyev, V.P. (1994) *Tomskaya oblast': istoricheskiy ocherk* [Tomsk Region: A Historical Review]. Tomsk: Tomsk State University.
- Larkov, N.S., Chernova, I.V. & Voytovich, L.V. (2002) *200 let na strazhe poryadka: ocherki istorii organov vnutrennikh del Tomskoy gubernii, okruga, oblasti v XIX – XX vv.* [200 years on the guard of order: Essays on the history of the internal affairs bodies of Tomsk province, district, region in the 19th – 20th centuries]. Tomsk: [s.n.].
- Kurenkov, A.V. (2013) *Tomsk provincial revolutionary committee - extraordinary organ of state power (December 1919 - October 1920)*. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 366. pp. 61–64.
- Kuznetsov, Ya.M. (ed.) (1984) *Podvig Pyatoy Krasnoy* [Feat of the Fifth Red]. Novosibirsk: [s.n.].
- Pilipenko, E.V. (2012) [They will be remembered forever]. *Grazhdanskaya vojna na territorii Kainskogo uезда* [The Civil War in Kainsk County]. Proc. of the Regional Conference. Kuybyshev: [s.n.].
- Gusarevich, S.D. & Karyayeva, T.F. (1985) *V boyakh rozhdenaya. Boevoy put' 5 armii (1918–1920)* [Born in battles. Fighting Path of the 5th Army (1918–1920)]. Irkutsk: Vostochno-sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo.
- Shukletsov, V.T. (1988) *Khronika Novosibirskoy organizatsii KPSS (1891–1987 gody)* [Chronicle of the Novosibirsk CPSU (1891–1987)]. Novosibirsk: [s.n.].
- Izvestiya Barabinskogo uездnogo revolyutsionnogo komiteta (Kainsk)*. (1920)
- The State Archives of the Novosibirsk Region (GANO). Fund R-1. List 1. File 196.
- Karyayeva, T.F. (ed.) (1972) *Direktivy komandovaniya frontov Krasnoy Armii (1917–1922 gg.)* [Directives of the Red Army front command (1917–1922)]. Vol. 2. Moscow: Voennoe izdatel'stvo.
- Gromov, I.V. et al. (eds) (1959) *Partizanskoe dvizhenie v Zapadnoy Sibiri (1918–1920 gg.): dokumenty i materialy* [Guerilla movement in Western Siberia (1918–1920): documents and materials]. Novosibirsk: Novosibirsk. kn. izdat..
- Mariinsk Municipal District. (2017) *Osnovnye daty Mariinskogo rayona* [The main dates of Mariinsk District]. [Online] Available from: <http://www.mariinsk.ru/36-osnovnye-daty-mariinskogo-rajona.html> (Accessed: 12th August 2017).
- Kuchkin, A.P. (1969) *V boyakh i pokhodakh ot Volgi do Eniseya: zapiski voennogo komissara* [In battles and campaigns from the Volga to the Yenisei: notes of the military commissar]. Moscow: Nauka.
- Larkov, N.S. (2002) *Militarizatsiya Tomskoy vlasti v gody grazhdanskoj vojny* [The militarization of Tomsk power during the Civil War]. In: Bozhenko, L.I. (ed.) *Trudy Tomskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya* [Proceedings of the Tomsk Regional Museum of Local Lore]. Vol. 12. Tomsk: [s.n.].
- Dmitrienko, N.M. (2003) *Den' za dnem, god za godom: khronika zhizni Tomsk v XVII–XX stoletiyakh* [Day after day, year after year: a chronicle of the life of Tomsk in the 17th – 20th centuries]. Tomsk: Tomsk State University.
- Larkov, N.S. (2011) *The Events of December 1919 in Tomsk*. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 3(15). pp. 46–56. (In Russian).
- Blokhina, A.N. et al. (1959) *Sibirskiy revolyutsionnyy komitet (Sibrevkom). Avgust 1919–dekabr' 1925* [Siberian Revolutionary Committee (Sibrevkom). August 1919 – December 1925]. Novosibirsk: Novosib. kn. izd-vo.
- Kadeykin, V.A. (1959) *Gody ognevye: iz istorii grazhdanskoj vojny v Kuzbasse 1918–1919 gg.* [The Fiery Years: From the History of the Civil War in Kuzbass 1918–1919]. Kemerovo: Kemerovskoe knizhnoe izdatel'stvo.
- Plotnikova, M.E. (1971) *O partizanskom otryade Rogova i sushchnosti "rogovshchiny"* [On Rogov's guerilla detachment and the nature of "Rogovshchinae"]. In: Lukin, A.A. (ed.) *Novokuznetsk v proshlom i nastoyashchem* [Novokuznetsk in the Past and Present]. Novokuznetsk: [s.n.].
- Okladnikov, A.P. (ed.) (1967) *Istoriya Kuzbassa* [The History of Kuzbass]. Kemerovo: [s.n.].
- Shindin, A.M. (1978) *Sibirskoe byuro TsK RKP(b). 1918–1920 gg.* [Siberian Bureau of the Central Committee of the RCP (B). 1918–1920]. Novosibirsk: Zapadno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo.
- Shuranov, N.P. (ed.) (2006) *Istoriya Kuzbassa* [The History of Kuzbass]. Kemerovo: Kuzbass, Skif.
- Larkov, N.S. & Shishkin, V.I. (2013) *Partizanskoe dvizhenie v Sibiri vo vremya grazhdanskoj vojny* [The guerilla movement in Siberia during the Civil War]. In: Shishkin, V.I. (ed.) *Vlast' i obshchestvo v Sibiri v XX veke* [Power and Society in Siberia in the 20th Century]. Vol. 4. Novosibirsk: Parallel'.
- Uskov, I.Yu. (2011) *Kemerovo: rozhdenie goroda* [Kemerovo: the Birth of the City]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat.
- Balibalov, I.A. (1976) *Kemerovo vchera, segodnya, zavtra* [Kemerovo Yesterday, Today, Tomorrow]. Kemerovo: Kemerovskoe knizhnoe izd.
- Mezentseva, L.V. (1984) *Narym* [Narym]. Novosibirsk: Zapadno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo.
- Onishchuk, N.T. (1973) *Sovetskoe stroitel'stvo u malyykh narodov Severa (1917–1941 gg.): po materialam Narymskogo kraya* [Soviet construction among the small peoples of the North (1917–1941): a case study of the Narym Territory]. Tomsk: Tomsk State University.
- The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund R-366. List 1. File 7.

35. Flerov, V.S. (ed.) (1957) *Bor'ba za vlast' Sovetov v Tomskoy gubernii (1917–1919 gg.)* [The struggle for the Soviet power in Tomsk province (1917–1919)]. Tomsk: [s.n.].
36. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund R-53. List 1. File 166.
37. Akachenok, A.P. & Chernyak, V.A. (1981) *Iz istorii zemli Tomskoy (1917–1970 gg.)* [From the History of Tomsk (1917–1970)]. Vol. 2. Novosibirsk: Zapadno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo.
38. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund R-53. List 1. File 49.
39. *Znamya revolyutsii*. (1920)
40. *Sibirskiy communist*. (1920)
41. Gushchin, N.Ya., Zhurov, Yu.V. & Bozhenko, L.I. (1978) *Soyuz rabocheho klassa i krest'yanstva Sibiri v period postroeniya sotsializma (1917–1937 gg.)* [The union of the working class and peasantry of Siberia in building socialism (1917–1937)]. Novosibirsk: Nauka.

О.А. Милевский

ПРЕОДОЛЕВАЯ РАССТОЯНИЯ: ИСТОРИЯ ДРУЖБЫ Н.М. МАРТЬЯНОВА И Д.А. КЛЕМЕНЦА

Направление региональной истории в настоящее время является одним из доминирующих исследовательских трендов, и активное обращение историков к сибирской проблематике только подтверждает это правило. Немалый вклад в изучение Сибири в последней трети XIX – начала XX в. с естественнонаучной и этнографо-археологической точки зрения внесли исследователи Н.М. Мартьянов и Д.А. Клеменц. В данной статье на основе привлечения большого архивного материала, главным образом – это эпистолярное наследие этих ученых, автор попытался реконструировать историю их взаимоотношений и проследить, как их более чем двадцатилетняя дружба влияла на формирование научных интересов и помогала им в организации и проведении экспедиционных исследований в различных местностях Сибири.

Ключевые слова: политическая ссылка; естественнонаучные исследования; Минусинский музей; Д.А. Клеменц; Н.М. Мартьянов.

Имена Дмитрия Александровича Клеменца и Николая Михайловича Мартьянова достаточно хорошо известны российской науке [1–9]. Однако в своем абсолютном большинстве исследователи рассматривали их научное и общественное служение России, а на вопрос межличностных отношений обращали недостаточно внимания. Хотя представляется, что именно дружеская близость двух этих неординарных личностей сыграла немалую роль в судьбе и того, и другого.

Поэтому цель данной статьи – на основе изучения сохранившегося эпистолярного наследия проследить, как более чем двадцатилетняя дружба Н.М. Мартьянова и Д.А. Клеменца оказала влияние на формирование их как ученых и исследователей Сибири.

Впервые они встретились в Минусинске в самом конце декабря 1882 г. В этот небольшой город Енисейской губернии, в котором тогда проживало около 5 000 человек, был направлен к месту ссылки земледелец Д.А. Клеменц. Вот как описывал этот населенный пункт политссыльный И.П. Белоконский: «Маленький, серенький, он расположен на некрасивой ровной местности, орошаемой рукавом Енисея и его притоком – речушкой Минусинкою. Жуть брала при мысли, что он стоит на 500 верст от губернского города, на 300 с лишним верст от большого тракта и является пограничным городом с Монголией» [10. С. 260]. При этом в отличие от других уездных сибирских городов, являвшихся пристанищем политических ссыльных, в Минусинске имелись хороший, по меркам того времени, культурный ландшафт, и создан он был фактически усилиями одного человека – провизора Н.М. Мартьянова.

Н.М. Мартьянов родился в 1844 г. на самом Западе Российской империи в Виленской губернии. В силу обстоятельств он не имел даже гимназического образования, а окончил только двухклассное училище в Минске, а затем курсы провизоров при медико-хирургической академии в Санкт-Петербурге (1865 г.) и Московском университете (1872 г.). Тогда же в 1872 г. он

переехал в Казань и здесь под влиянием преподавателей-естественников Казанского университета, в частности Леваковского [11. С. 47], серьезно увлекся ботаникой и вскоре стал членом университетского общества естествоиспытателей. Тогда же он опубликовал свою первую научную работу «Флора окрестностей села Моркваши» [12. С. 56].

Однако молодого энтузиаста влекла неизведанная природа Сибири, и он ответил согласием на предложение доктора А.В. Малинина переехать в Минусинск для работы в его аптеке. Прибыв в город в 1874 г. Н.М. Мартьянов нашел там и свою судьбу, женившись на Аполлинарии Александровне Аргуновой, учительнице арифметики из Минусинской женской прогимназии [13. Л. 1]. Здесь же он обрел и круг друзей, и единомышленников, куда, кроме доктора А.В. Малинина с супругой Еленой Константиновной, входили и местные купцы – патриоты своего края Г.П. Сафьянов и М.П. Барташев, а в 1876 г. в «ближний круг» Н.М. Мартьянова вошел и сосланный в эти места князь А.А. Кропоткин.

Именно в Минусинске Н.М. Мартьянов окончательно сформировался и как музейный работник, и как исследователь, причем в немалую роль в становлении его, как ученого сыграло его дальнейшее тесное общение с Д.А. Клеменцем. А началось все с обзорных экскурсий по Минусинскому округу. Уже первые поездки дали богатый материал по флоре, минералогии, археологии и этнографии региона. Например, в 1876 г. Н.М. Мартьянов впервые открыл залежи девонских окаменелостей в Минусинском округе, около села Бейского [11. С. 48].

К концу 1876 г. Н.М. Мартьяновым было собрано до 2500 предметов. Все нарастающий объем коллекции требовал создания некоего центра для ее хранения и координации сил по дальнейшему научному изучению региона. Таким образом, идея создания музея буквально витала в воздухе. Этому объективно способствовало и еще одно обстоятельство, а именно, инициатива ге-

нерал-губернатора Западной Сибири Н.Г. Казнакова по открытию Западно-Сибирского Отдела Русского Императорского географического общества (далее ЗСОИРГО). В 1876 г. он подал по этому поводу прошение на высочайшее имя и 31 июля 1877 г. ЗСОИРГО получил официальный статус

А стратегия на создание местных музеев как важнейших форпостов по изучению различных местностей Империи была одной из главнейших в ИРГО. В результате для Минусинска, де-факто принадлежащего к восточносибирскому генерал-губернаторству, а территориально тяготевавшего к западносибирскому, складывалась весьма удобная ситуация для того, чтобы параллельно с процессами создания структур ЗСОИРГО поставить вопрос о создании местного музея. Эту идею при поддержке наиболее прогрессивно мыслящей части минусинского общества и стал активно продвигать Н.М. Мартянов.

В результате, усилия энтузиастов-краеведов увенчались успехом. Их итогом стало решение местной Думы об учреждении 10 января 1877 г. музея [14. С. 47], а 18 июня 1877 г. был принят его устав, по которому Н.М. Мартянов назначался его распорядителем и оставался на этой должности до самой смерти. Вслед за музеем 2 января 1878 г. открылась библиотека.

Эти начинания оказали серьезнейшее влияние на формирование социокультурного облика города, который с начала 1880-х гг. стал к тому же активно заполняться политическими ссыльными. С 1880 по 1886 г., по данным И.П. Белоконского, в Минусинском округе находились около 50 ссыльных [15. С. 144–155]. Н.М. Мартянов несмотря на то, что полностью не разделял политических воззрений ссыльных-народников, относился к ним с искренним уважением. Он одним из первых понял, какие возможности таит в себе их интеллектуальный потенциал, и стал стараться привлекать политссыльных к музейным делам. Такая практика полностью себя оправдала уже на начальном этапе существования музея, когда для работы в нем Н.М. Мартянов пригласил А.А. Кропоткина, оставшегося до отъезда в Томск в марте 1882 г. бессменным ученым секретарем музея.

Н.М. Мартянов в отношении политических ссыльных придерживался следующей позиции: «Всякий интеллигентный человек должен дать все, что может, той местности, где проживает» [10. С. 273]. Очень метко его кредо впоследствии сформулировал Д.А. Клеменц: «Пользуясь всеми, Мартянов старался быть полезным всем» [16. С. 28].

Таким образом, оказавшись в Минусинске, Д.А. Клеменц обнаружил в городе вполне сложившееся вокруг Н.М. Мартянова и, соответственно, музея небольшое, но сплоченное научное сообщество. И вскоре самым притягательным для него местом стал именно музей. Быстрое интеллектуальное и духовное сближение Н.М. Мартянова и Д.А. Клеменца, хотя и при разности общественных позиций, в начале 1883 г. отмеча-

ли многие. «По приезде в Минусинск, – вспоминал А.В. Адрианов, – он сразу познакомился и быстро сблизился с Ник. Мих. Мартяновым и стал его лучшим другом и помощником в устройстве музея» [17. С. 107].

Дом Н.М. Мартянова всегда был открыт для политических изгнанников. Его дочь Нина Николаевна вспоминала, что у отца бывало много друзей и знакомых. Среди постоянных гостей был и Д.А. Клеменц [13. Л. 7], ставший его настоящим другом. Жизнь изобилует удивительными коллизиями. Так и в данном случае: если бы не тяжелая болезнь Д.А. Клеменца в Красноярской пересыльной тюрьме, он бы оказался в Якутии, а так болезнь привела к тому, что две незаурядные личности – Н.М. Мартянов и Д.А. Клеменц встретились именно в Минусинске и, взаимно обогащая друг друга знаниями, в дальнейшем внесли серьезный вклад в российскую, да и мировую науку. В Д.А. Клеменце, как отмечали современники, «образцовый, изумительный коллектор и организатор музея Мартянов получил необходимое дополнение для того, чтобы создать то «чудо», которое приобрело известность в умственных центрах не только Европейской России, а и Западной Европы, вызвав командировки в Минусинск и его уезд для изучения древностей отдельных ученых и целые экспедиции» [17. С. 107].

С первых дней знакомства Н.М. Мартянов всячески поддерживал Д.А. Клеменца в его научных увлечениях, стремясь вывести его из круга только революционных интересов. Во многом, именно Н.М. Мартянову русская наука обязана тем, что в ней появилась яркая и колоритная фигура Д.А. Клеменца. Именно благодаря поддержке Н.М. Мартянова и Г.П. Сафьянова он получил от губернских властей разрешение на участие в экспедиции летом 1883 г., организованной А.В. Адриановым с целью проникновения в малоизвестные юго-восточные части Алтая, а также для определения истоков реки Томи и изучения водораздела рек Абакана и Мрассу [18. С. 18]. Но прежде чем началась основная часть экспедиции, Д.А. Клеменц, пока в качестве прилежного ученика, принял участие в археологических раскопках на Тагарском острове близ Минусинска, организованных А.В. Адриановым.

В этой непростой во всех отношениях экспедиции Д.А. Клеменц получил и первый опыт самостоятельных путешествий – достигнув истоков Томи, проведя там исследования, путешественники разделилась. А.В. Адрианов далее отправился заранее намеченным маршрутом на реку Мрассу, а Д.А. Клеменц новым – по реке Шор-су на Таштып, отсюда на Абаканский завод (современная Абаза. – *О.М.*) и на прииски по правым притокам Абакана, далее – на реки Магазу и Матур, опять через Таштып на Аскиз и Узунжол и обратно в Минусинск [19. С. 11].

Этим неизведанным курсом Д.А. Клеменц шел с одним проводником. Он проводил картографирование местности, геологические изыскания, а также сбор этнографического материала. О своих впечатлениях,

наблюдениях и находках он сообщал в письмах Н.М. Мартьянову. В частности, на особенно интересующую последнего тему местной флоры он писал, что «растений собрал по горам и здесь около 50 видов, не имевшихся в прежней коллекции» [20. Л. 1об.–2]. Не забывал Д.А. Клеменц и про интересы Минусинского музея, в постскриптуме письма он указывал: «Посылаю с Байкаловым несколько пород, собранных мною между Есью и Таштыпом» [Там же].

Впечатлениями о последней фазе экспедиции Д.А. Клеменц поделился с Н.М. Мартьяновым (письмо от 24 августа с прииска Барташева на реке Узунжол): «Многоуважаемый Николай Михайлович! Странствия мои близятся к концу, и, пожалуй, можно бы их закончить, но мне хочется закончить некоторые поручения Александра Васильевича, так он предписал мне перебраться на левую сторону Абакана и заняться исключительно этнографией... Хотя мне приказано заниматься исключительно этнографией, но я собрал все-таки кое-какие сведения и по части геологии окрестных мест» [21. Л. 1].

Надо сказать, что и в плане этнографического изучения местного населения Д.А. Клеменц сделал немало. Из его обширного письма-отчета А.В. Адрианову следует, например, что он многое узнал о ритуалах, верованиях и обычаях качинцев и сагайцев [22. Л. 169–170]. В настоящее время, конечно, этнографические исследования коренного населения этих мест ушли далеко вперед, но все крупницы информации, полученные в позапрошлом веке Д.А. Клеменцем, несомненно, помогли его последователям двигаться дальше в деле изучения живущих ныне в минусинской котловине этносов. В этом же путешествии он совершил экскурсии в соляную котловину Уш-кюль, к месторождению каменного угля на горе Изых и, наконец, миновав все трудности, 5 сентября вернулся в Минусинск.

Экспедиция 1883 г. оказалась очень успешной и чрезвычайно продуктивной именно благодаря деятельности Д.А. Клеменца. Ее разделение, несмотря на большой риск, принесло свои плоды: была охвачена куда более обширная территория и получено много дополнительной, в первую очередь геологической и археологической, информации.

В письме А.В. Адрианову Д.А. Клеменц так описывал свою «научную добычу»: «Собрали мы с вами 700 с лишком экземпляров высших растений, в которых оказался 251 вид. Список моих пород включает в себе 120 №, да я еще добавил к этому штук полсотни с соленого озера, с Тагарского острова, из окрестностей Минусинска, да окаменелостей с Изыха, где я прожил с неделю, десятка полтора. Окаменелости недурные... Был я и на знаменитом могильнике за Ташебой и узнал, что существует еще другой, более знаменитый, но туда сходить не удалось. На этом же могильнике рунических письмен нет. Курганы действительно большие, есть и каменная баба одна, много камней с рисунками, так что потерянному временем поездку считать нельзя» [22. Л. 169 об.].

Летнее путешествие 1883 г. стало судьбоносным для Д.А. Клеменца – оно в корне изменило его жизнь. Исследователь вернулся из него не просто посвежевшим и морально отдохнувшим. В сентябре в Минусинске появился новый Д.А. Клеменц – географ и путешественник с большой буквы. «Беспокойный Клеменц», как он в шутку себя называл, о котором впоследствии С.Ф. Ольденбург напишет: «Дмитрий Александрович родился путешественником, путешественником Божьей Милостью» [23. С. 1]. И это превращение Д.А. Клеменца из революционера в путешественника и ученого проходило при самом непосредственном участии Н.М. Мартьянова. В осенне-зимний период в Минусинске Д.А. Клеменц вместе с Н.М. Мартьяновым и Г.П. Андреевым погрузился в составление отчетов и описание собранных коллекций.

В это же время Н.М. Мартьянов готовил к изданию свой научный труд «Флора Минусинского округа»; думается, что ботанические коллекции, собранные в экспедиции 1883 г. Д.А. Клеменцем немало способствовали подготовке этой работы. Книга Н.М. Мартьянова увидела свет в конце 1883 г. Описывая зимой 1883–1884 гг. привезенные коллекции, Д.А. Клеменц грезил уже о следующей летней экспедиции. Он планировал посетить «недоступный и не исследованный до сих пор уголок Алтая с водоразделом между вершинами Абакана, Мрассы (левого притока Томи) и Лебеда (правого притока р. Бии) и Телецким озером» [17. С. 111]. Деньги на эту экспедицию выделило ЗСОИРГО.

И летом 1884 г. этот план начал реализовываться. От Минусинска до Таштыпа шли безостановочно, затем экскурсировали в бассейне реки Таштып, собирали геологическую и ботаническую коллекции. У села Таштыпское группа открыла месторождение окаменелостей, интересное в геологическом плане [24. С. 13]. Часть находок предназначалась для Минусинского музея. На хребте Бизе на правом берегу Таштыпа обнаружили желтый горный мак, растущий только на высоких горах, а здесь он оказался на высоте всего 1 200 футов [25. С. 3]. Дальнейшее же путешествие оказалось очень трудным, в результате последнюю часть пути Д.А. Клеменц преодолевал только с двумя проводниками-татарами. Ему с огромными трудностями удалось достичь подножья хребта Джолинь, водораздела между Абаканом, Мрассой и Лебедью [17. С. 111].

Сохранилось крайне интересное письмо Д.А. Клеменца Н.М. Мартьянову, позволяющее воссоздать детали этой тяжелой экспедиции и дающее ценный материал, в том числе и для современных историков географической науки. Вот как описывал события Д.А. Клеменц: «Вам известно, конечно, что от Слюдянки в вершины Абакана пошел я один и в неделю дошел до разделений Абакана на 2 (а не на 3, как это рассказывают) ключа, из которых один делится в свою очередь на 2, другой на три вершины, из которых оба берут начала из озер, у подножия двух высочайших массивов Саянского хребта... При переправе через Абакан у меня утонули и подмокли все съестные при-

пасы – это было за два дня до достижения дальней точки пути... После этой катастрофы я еще два дня шел вперед. Чем питались – не спрашивайте! Полдня я употребил на осмотр хребта в вершине Абакана и вернулся. Каких-нибудь верст 6 хребтов и утесов разделили меня от стоянки Чихачева над озером, откуда он чертил свою карту Абакана. Я сделал то же, что и он – нанес на карту вершины Абакана и повернул обратно. Велика была наша радость, когда мы на обратном пути добрались до того места, где на всякий случай был оставлен запас сухарей. На обратном пути я, вопреки всем возмущениям татар, прихватил немного Малого Абакана и отправился на Большой Кызас» [26. Л. 1].

Но даже неоконченная экспедиция дала огромный географический материал, ведь она проходила по практически неизведанным местам верховьев Абакана. Впрочем, сам Д.А. Клеменц был неудовлетворен ее итогами. Чтобы как-то реабилитироваться в собственных глазах, он принял предложение Н.П. Кузнецова о поездке на реку Ану (приток Абакана), о чем и писал Н.М. Мартянову, прибавляя: «...устал я порядком – если бы не сознание долга, по доброй воле я не поехал бы. Вижу, что буду сильно нуждаться в снисхождении при оценке моих работ» [27. Л. 1 об.].

Однако судьба щедро отблагодарила Д.А. Клеменца за научное подвижничество и перфекционизм. Проезжая правым берегом Абакана, он обнаружил в Абаканской степи совершенно обнаженные полосы речной гальки с преобладанием метаморфических и изверженных пород, отсутствовавших на Абакане, ниже устья Тапштыпа. Он внимательнейшим образом изучил необычный рельеф и сопоставил увиденное с рассказом Н. Мартянова о том, что по дороге между деревнями Сабинской и Означенной (современный Саяногорск. – *О.М.*), лежащими у предгорий Саян, «встретил широкую равнину, имевшую форму старого русла, усыпанную галькой и уходившую к северо-западу, по видимому, к Абакану» [28. С. 2]. Д.А. Клеменц выдвинул смелую научную гипотезу о том, что это старое русло Енисея, направленное на северо-запад к Абакану, выше гор Изыха [25. С. 4]. Но ее еще предстояло доказать, и это ему удалось в следующем 1885 г.

В мае 1885 г. Д.А. Клеменц совместно с купцом Г.П. Сафьяновым совершил поездку в Западные Саяны и тогда мало исследованный Урянхайский край (Тыву), а во второй половине лета он решил проверить свою гипотезу о старом русле Енисея. В своем отчете он так описывал это предприятие: «Летом, в июле 1885 г., я вместе с Н. Мартяновым посетил деревню Означенную и поднимался на гору Итем с целью собрать материалы для петрографической карты Минусинского округа, в области Саянского хребта. Во время экскурсии с гор нам удалось осмотреть всю степь до Абакана. Мы заметили, что на параллели деревни Огур ее пересекает невысокий хребет, но в одном месте, где находится предполагаемое нами русло, он неожиданно понижается и переходит в равнину» [28. С. 5].

Путешественникам удалось собрать много новых данных в пользу теории о том, что Енисей ранее действительно протекал от деревни Означенной на северо-запад, а затем, слившись с Абаканом ниже устья реки Беи, направлялся на северо-восток левее гор Изыха к своему современному руслу. В дальнейшем эта теория была полностью подтверждена [29. С. 278].

Следует отметить, что экспедиции Д.А. Клеменца 1883–1885 гг., в рамках которых он исследовал главным образом район юго-западной части Минусинского округа до бассейна реки Томи и южную часть Кузнецкого Алатау, дали ценнейшую информацию для географической и еще более для геологической характеристики обширного и тогда малоизученного региона. Материалы, частично опубликованные в «Записках ЗСО-ИРГО», привлекли внимание маститых ученых к личности Д.А. Клеменца. В частности, на геологические данные, впервые введенные в научный оборот Д.А. Клеменцем, в дальнейшем опирался известный европейский ученый, австриец Э. Зюсс, готовивший к изданию капитальный труд «Лик Земли» (Вена, 1901 г.) [7. С. 75].

Однако действительное научное признание ему принесли работы по археологии края. В это время Д.А. Клеменц с подачи Н.М. Мартянова активно взялся за подготовку к печати рукописи «Древности Минусинского музея. Памятники металлических эпох» (далее – «Древности»). Эта работа представляла собой книгу, содержащую описание материала, и атлас рисунков. Первая часть вместила введение, заключавшее в себе физико-географический очерк Минусинского округа, описание археологических памятников с опорой на имевшиеся тогда источники, в том числе новейшие работы В.В. Радлова, А.В. Адрианова, Н.М. Ядринцева, И. Аспелина и др.

Современный исследователь А.А. Тишкин подчеркивает, что проведенная Д.А. Клеменцем «каталогизация и систематизация объемного материала позволила выйти на уровень существенных для того времени заключений» [30. С. 39]. Он попытался связать имеющийся у него богатый, но фрагментарно подобранный археологический материал с данными китайских летописей и тем самым выдвинул гипотезы о том, какие народы оставили в Минусинской котловине столь обильные археологические памятники. Вторая часть этой книги содержала систематизированный каталог с общими данными по каждой группе вещей и детальными измерениями каждого памятника. Работа над «Древностями» захватила не только самого автора, но и Н.М. Мартянова, активно помогавшего Д.А. Клеменцу в сборе материала для книги.

Из переписки А.А. Кропоткина и Н.М. Мартянова видно, что подготовка книги к изданию объединила все демократические силы Западной Сибири. Параллельно при помощи А.А. Кропоткина готовили текст предисловия и на французском языке. Работа по окончательному выпуску книги в свет заняла немало времени. Свидетельство тому – письмо Н.М. Мартянова к

А.А. Кропоткина от 6 июня 1886 г., в котором обсуждались некоторые технические детали, связанные с изданием книги [31. Л. 1–1 об.]. По-видимому, она вышла во второй половине лета 1886 г.

Все, кто был причастен к ее изданию, могли гордиться результатом своего труда. «Древности», фактически открывшие для ученых археологические богатства Минусинского округа, вызвали широкий общественный резонанс. Хотя Д.А. Клеменц сетовал, что «с изданием каталога поспешил, подавшись настоянию Н.М. Мартьянова, в чем раскаивался и собирался писать продолжение» [32. С. 112]. Но это был как раз тот случай в истории науки, когда «пирог горячим вовремя был подан к столу». Появление книги сделало обоих, что называется, персонами грата в российском, да и европейском научном сообществе. Конечно, прославился и музей. Нельзя не согласиться с мыслью, что «работа эта... сделала судьбу Минусинского музея: из никому не известного местного музея он делается известным даже за пределами России» [33. С. 11].

Книгу разослали всем заинтересованным лицам в России. Введение Д.А. Клеменца к каталогу «Древностей» высоко оценил Г.Н. Потанин, отмечавший, что «очерк составлен превосходно» и представляет блестящую работу [34. С. 135]. 6 декабря 1886 г. непреходящий секретарь Российской Академии наук К.С. Веселовский писал Н.М. Мартьянову: «Не могу выразить, как я порадовался успеху, достигнутому Вашими стараниями в деле разыскания и описания интересных памятников старины Минусинского края. Издание Ваше – превосходно и по ученому тексту г. Клеменца, и по отличному исполнению фотогравюры Шерера и Набгольца; а обстоятельный каталог металлических древностей Музея открывает для археологов такое богатство коллекций любопытных и поучительных предметов, что может с честью выдержать сравнение с лучшими изданиями этого рода у нас и за границей» [14. С. 84].

В самом начале 1887 г. Н.М. Мартьянова письмом Императорского общества естествознания, антропологии и этнографии уведомили, что на заседании общества 15 октября 1886 г. он был награжден золотой медалью [35]. В свою очередь Д.А. Клеменца избрали членом-корреспондентом Московского археологического общества. Издание «Древностей» стало известно и за границей. Информация о книге с ее высокой оценкой появилась в 1887 г. во Франции в изданиях «Revue Geographique» и «Nouveau dictionnaire de Geographie, par M. Vivien de Saint Burtis» [36. С. 6], а всемирно известный Лейпцигский музей «Истории народов» присвоил Н.М. Мартьянову звание его почетного члена [37].

В августе 1886 г. срок ссылки Д.А. Клеменца подошел к концу, и он решил покинуть Минусинск. Своеобразной оценкой его роли, сыгранной в становлении минусинского музея, стало письмо Н.М. Мартьянова к И.Н. Сибирякову в котором содержались следующие строки: «Д.А. Клеменц более трех лет заботится о

нашем музее. Во время своих разъездов с ученой целью... он не забывал о Минусинском музее. Обогащая своими работами Омский отдел, он в то же время собирал для нас все новое, все ценное, и благодаря ему мы получили возможности в значительной мере расширить некоторые из своих коллекций. Кроме того, своим ученым трудом, который вскоре появится в свет под скромным названием «Описание древностей Минусинского музея», он оказал нам громадную услугу... Вообщем в лице Дмитрия Александровича музей приобрел такого ценного работника, что я не могу и выразить Вам всей признательности, какая выпадает от меня на его долю» [38. Л. 1 об. – 2].

Дружеские связи Н.М. Мартьянова и Д.А. Клеменца не прерывались и после переезда последнего в Томск. Они поддерживали активную переписку, держа друг друга в курсе научных и общественных интересов. Причем в рамках возможного Н.М. Мартьянов помогал Д.А. Клеменцу и в организации экспедиций, например, тех же археологических раскопок. Так в полевой сезон 1889 г. Д.А. Клеменц планировал раскопать большой курган Чаа-гас в Уйбатской степи около реки Нини [39. С.160]. И именно Н.М. Мартьянов рекомендовал ему Петра Чиркова, который должен был поставить рабочих и обеспечить питание. Однако за один полевой сезон раскопки закончить не удалось – 17 июля 1889 г. Д.А. Клеменц рассчитал рабочих и прекратил раскопки [Там же. С. 162]. Оставшуюся часть лета он посвятил геологическим изысканиям в южной части Енисейского горного округа, где собрал обширный геологический материал. Большую часть собранной коллекции он передал в дар минералогическому музею Томского университета [40. Л. 129–130], а некоторые экспонаты традиционно дополнили коллекции минусинского музея, куда Д.А. Клеменц прибыл в начале октября.

Стоит отметить, что практически каждый экспедиционный сезон Д.А. Клеменц заканчивал именно в Минусинске, где всегда находил теплый прием. В музее он занимался в первую очередь дальнейшей систематизацией новых археологических находок. Свидетельство тому его письмо от 24 сентября 1889 г. товарищу председателю ИАК (Императорской археологической комиссии) известному востоковеду и археологу В.Г. Тизенгаузену, в котором он, в частности, пишет, что планирует на два месяца задержаться в Минусинске так как: «МАО (Московского археологического общества) обещало издать продолжение каталога древностей Минусинского музея, и я займусь там разборкой новых приобретений г. Мартьянова по части металлических древностей» [39. С. 157–158].

Находясь в Минусинске, он, опираясь на новые геологические данные, собранные во время экскурсий по округу Н.М. Мартьяновым, смог получить подтверждение своей давней гипотезы о том, что в районе речки Малой Еси около ее впадения в Большую Есь находятся пласты, содержащие девонские окаменелости [41]. Как видим, многие геолого-географические от-

крытия, совершенные Д.А. Клеменцем в Минусинском округе, были им сделаны при непосредственном участии или помощи Н.М. Мартьянова.

После переезда в Иркутск в феврале 1890 г. и занятия должности правителя дел ВСОИРГО (официальное утверждение состоялось 20 мая 1891 г.), Д.А. Клеменц также не прерывал связей с Н.М. Мартьяновым, активно обращаясь к его музейному опыту. Не зря всю жизнь он называл себя «музейщиком мартьяновской школы» [42. С. 3]. А по поводу организации музейного дела в том же Иркутске он напрямую советовался с Н.М. Мартьяновым, о чем свидетельствует их переписка. Например, в одном из писем Н.М. Мартьянов задавал Д.А. Клеменцу вопрос: «Кто у Вас будет устраивать художественные группы в Музее?» и давал совет по этому поводу: «Имейте в виду Адриана Прокопьевича Баранова, бывшего Минусинского исправника, служащего теперь в Иркутске, по этой части он много помог бы Вам» [43. Л. 16 об.]. Помогал Н.М. Мартьянов и в комплектовании экспозиции музея ВСОИРГО, в этом же письме он спрашивает: «Как дошли до Иркутска остальные 8 масок, укупоренных мною» [Там же. Л. 17].

В деле создания местных музеев как первичных ячеек по изучению огромного региона Д.А. Клеменц за образец брал именно Минусинский музей. Пример тому – одно из его писем Г.Н. Потанину. В нем он, делаясь впечатлениями об Ачинском музее и высказывая всяческую поддержку его организатору Д.С. Каргополову, писал: «Это скромное приобретение заслуживает поощрения и поддержки. Он (Ачинский музей) доказывает, что можно делать дело полезное при самых неблагоприятных условиях: без капиталов и без неизменного Мартьянова, если есть добрая воля. У Каргополова конечно меньше связей, чем у Савенкова... о Мартьянове я уже не говорю, а между тем он не убоился и работает. Это истинный ученик нашего милого Николая Михайловича, взявшего себе девизом – делай свое дело и пусть люди говорят, что хотят! Мартьяновых, Вы сами знаете Мартьяновых, немного на свете, и на Мартьяновский музей смотреть нечего. Пусть будет хоть маленький и не с таким руководителем, как Мартьянов, а все-таки может быть полезен» [44].

Но наиболее показательным примером поддержки местных музеев являлась позиция Д.А. Клеменца по открытию музея в Кяхте. Об основании музея объявили 1 января 1890 г. Первые его шаги были сопряжены с разного рода трудностями: музей не имел официальной поддержки властей, не располагал своим помещением. Словом, нуждался в помощи. Инициативу кяхтинцев активно лоббировал Д.А. Клеменц [45. С. 6–7]. И там же в Кяхте он по просьбе своих друзей Чарушиных, прочел открытую лекцию о роли местных музеев (она состоялась 8 октября 1892 г.), ставшую в дальнейшем своеобразной методологической направляющей для продвижения идеи открытия местных музеев. Специалисты-музейщики отмечают, что в «этой лекции Клеменц одним из первых в России дал определение музея» [45. С. 6].

Оно гласило, что «музей есть систематическое собрание произведений природы или каких-либо видов человеческого труда с целью наглядного и опытного изучения собранных предметов» [16. С. 2]. Следует отметить, что к такому пониманию сути музея Д.А. Клеменц подошел благодаря непосредственному участию в работе Минусинского музея, наблюдая за опытом, как позитивным, так и негативным, его последователей в Сибири.

Обобщая весь свой опыт, Д.А. Клеменц в кяхтинской лекции провел также краткий экскурс в историю зарождения и развития музеев в Европе и центральной России. При этом он обращал внимание на особое значение местных музеев, создание которых, по его мнению, обусловлено «потребностями развития науки»: «необходимостью организовывать наблюдения, собирать материал на местах» [16. С. 14]. Особо он обращал внимание на социокультурное значение местных музеев, отмечая, что они могут давать прикладные знания о природных ресурсах территории, обеспечить культурный досуг населения [16. С. 14]. Исходя из этого, он назвал несколько принципов, которыми руководствовался Н.М. Мартьянов, благодаря чему смог всего за несколько лет на пустом месте создать в Минусинске крупнейший региональный музей: использовать каждого человека, способного помочь; оказывать научную и организационную поддержку всем, кто за ней обратится; относиться к собранным коллекциям не как к своей собственности, а как к всеобщему научному достоянию; собирать все коллекции, какие только возможно [16. С. 28–29].

Активная переписка Н.М. Мартьянова и Д.А. Клеменца в 1890-е гг. свидетельствует, что их научное общение не прекращалось. Причем Н.М. Мартьянов держал друга в курсе своих исследований в Минусинском округе и в силу возможностей стремился помочь ему в продолжении изучения геологии этих мест. Очень показательным в этом отношении является его письмо к Д.А. Клеменцу от 10 октября 1892 г. В нем Н.М. Мартьянов не только рассказывал о своих летних экскурсиях, направленных в первую очередь на «собрание растений для себя и для П.Н. Крылова» [43. Л. 22 об.], но и указывал на то, что он «собирал горные породы» интересующие Д.А. Клеменца [Там же. Л. 23]. И далее он подробнейшим образом информировал своего корреспондента о том, в каких местах и что он обнаружил, в том числе и дополнял те сведения, которые ранее уже имелись у Д.А. Клеменца.

В частности, он указывал, что «в дополнение к Вашим сведениям об горе Биштаг на склоне к дому Барташевых, описанному Вами, я только добавлю Вам, что выходы здесь гранита не всегда чередуются мраморами, некоторые [слово неразборчиво, возможно, белые глины] состоят из доломита, образцы которого при случае вышлю Вам» [Там же. Л. 23 об.]. Делился он и новыми находками с указанием мест, особенно интересующих Д.А. Клеменца: «В эту поездку я нашел еще

одно месторождение девонских окаменелостей (кажется, известных и Вам) по Уйбату – по дороге от Николо-Тутарникова у подножия горы Сарыг-Даг по дороге к Абакану. Два новых месторождения этих же окаменелостей нашел Н.П. ... [неразб.] по реке Тесь» [43. Л. 24]. Была в этом письме и масса другой информации, связанной с геологией Минусинского округа.

Во многом именно благодаря данным, полученным от Н.М. Мартьянова, Д.А. Клеменц стал первым ученым, после географа П.Н. Чихачева, кто серьезно, но уже на более высоком научном уровне с точки зрения геологии исследовал Минусинскую котловину. И им был сделан вывод, впоследствии подтвержденный работами советских геологов, о том, что Минусинский межгорный прогиб по своему геологическому строению принадлежит к девонскому периоду, что отличает его от соседних территорий, отложения на которых относились к докембрийскому периоду [46].

В свою очередь Д.А. Клеменц всячески помогал и содействовал Н.М. Мартьянову в сборе ботанических коллекций. В письмах иркутского периода подтверждений тому масса. Так, в одном из писем Н.М. Мартьянов благодарил своего визави за доставку ему редкого растения и указывал, что «конечно, оно войдет в Сибирскую флору (видимо, книга, над которой работал Н.М. Мартьянов. – *О.М.*) с указанием Вашего имени, равно как и другие растения, собранные Вами и поступив[шие] в Минусинский музей» [43. Л. 15 об.].

Н.М. Мартьянов внимательно следил и за монгольскими экспедициями Д.А. Клеменца 1892–1896 гг., выполняемыми по заданию Академии наук. С нескрываемой радостью он писал, о том, что крайне рад получению «весточки из далекой Монголии» и что слухи о прекращении Д.А. Клеменцем экспедиции 1894 г. из-за неполадок со здоровьем оказались ложными [47. Л. 141]. Монгольские экспедиции, как совершенно справедливо отмечал в письмах Н.М. Мартьянов, имели «громчайшее значение для будущего» и науки и лично Д.А. Клеменца. После их успешного окончания он в начале 1897 г. перебрался в Санкт-Петербург в возглавляемый В.В. Радловым Музей антропологии и этнографии (далее МАЭ).

Перед Д.А. Клеменцем, как правой рукой В.В. Радлова, стояли в МАЭ большие задачи. В.В. Радлов стремился возродить былую популярность музея, для чего требовалось коренным образом пересмотреть подход к его внутреннему устройству, сбору новых коллекций и организации экспозиции. И в этих вопросах Д.А. Клеменцу, находящемуся в штате первоначально на должности хранителя МАЭ, отводилась важнейшая роль – он единственный из всех новых сотрудников обладал серьезным опытом музейной работы, полученным в Минусинске и Иркутске.

Практически сразу с его переездом в столицу в МАЭ начали поступать новые материалы из Сибири благодаря инициативе и широким сибирским связям Д.А. Клеменца. Первыми были материалы из Бурятии, собранные им самим в период его пребывания там в

1897 г. и коллекция кяхтинца Г.М. Осокина. Не остался в стороне и Н.М. Мартьянов, что явствует из его письма к Д.А. Клеменцу, в котором сообщалось, что «кроме сойотской сохи... все другие предметы, купленные Сафьяновым, я уже отправил... Счет на эти предметы прилагаю к этому письму» [47. Л. 100]. Всего в 1897 г. в МАЭ поступило 1218 номеров (более 2000 предметов) [48. С. 80] и немалая их доля «нашла» дорогу в музей при непосредственном участии Д.А. Клеменца и его сибирских друзей.

Помимо практической деятельности в МАЭ, Д.А. Клеменц в это время продолжал осмысливать и теорию музейного дела – влияние мартьяновской школы давало о себе знать! Наличие собственного взгляда на организацию этнографического изучения и формирования музейных коллекций стало одной из причин последовавшего в 1901–1902 гг. разрыва между ним и В.В. Радловым. Но основной его причиной стал переход Д.А. Клеменца в создававшийся Этнографический отдел Русского музея. Совещания по поводу его открытия начали активно проводиться в 1901 г. На них был приглашен и Н.М. Мартьянов. Председательствовал на заседаниях Великий князь Георгий Михайлович.

Именно в столице вновь после большого перерыва удалось встретиться старым друзьям – Д.А. Клеменцу и Н.М. Мартьянову. Стоит также отметить и то обстоятельство, что из всех присутствовавших на этих совещаниях маститых ученых только они не имели университетского образования или высших чинов. То, что их пригласили, свидетельствовало о признании заслуг двух этих людей в становлении музейного дела в России. Дочь Н.М. Мартьянова в воспоминаниях об отце приводила любопытный факт: «Помню, как отцу было предложено занять место заведующего Этнографическим отделом музея Александра III (далее ЭО РМ) в Петербурге. Это известие очень взволновало нас, и мы старались представить себе, какая у нас будет жизнь в Петербурге, и были очень разочарованы, когда отец, не желая оставлять музей, отказался и предложил вместо себя Д.А. Клеменца» [13. Л. 7]. Однако в реальности ситуация складывалась гораздо сложнее [2. С. 598–605], но, конечно, и мнение Н.М. Мартьянова, и научный авторитет Д.А. Клеменца сыграли свою роль, и последний был назначен на эту высокую должность в феврале 1902 г.

ЭО РМ пришлось организовывать практически с нуля, и здесь инициатива Д.А. Клеменца и его связи сыграли огромную роль в формировании новых музейных коллекций. В этом ему активно помогали старые друзья, в том числе А.В. Адрианов, Н.М. Мартьянов и др. Ярким примером являются его тесные контакты с тем же А.В. Адриановым, который по поручению ЭО РМ в 1904 г. собирал этнографические коллекции в ареале проживания качинских татар [18. С.43].

По возможности оказывал ему помощь и Н.М. Мартьянов, уже тяжело больной. Он начал испытывать серьезные боли в спине, которые никак не мог-

ли диагностировать. Впоследствии специалисты пришли к выводу, что у Н.М. Мартянова развивался рак позвоночника [13. Л. 25]. Но невзирая на начавшуюся болезнь, при его содействии удалось организовать в 1902 г. экспедицию политехсильного Ф.Я. Кона в Сойотию (Тыва). Проект экспедиции получил поддержку ВСОИРГО и генерал-губернатора П.И. Кутайсова, но учитывая особенности экспедиции, все же это была территория тогдашней Цинской империи, особое разрешение на нее было выписано при протекции Д.А. Клеменца Великим князем Георгием Михайловичем.

И в дальнейшем Д.А. Клеменц активно помогал организации этой экспедиции. Недаром письмо к нему от Ф.Я. Кона преисполнено чувством благодарности: «Спасибо Вам сердечное, Дмитрий Александрович. Вы мне оказали такую услугу, которая не забывается. Об экспедиции к сойотам я мечтал несколько лет. Теперь благодаря Вашему теплому участию и участию Николая Михайловича (Мартянова) я чувствую себя чуть ли не Крезом» [49. Л. 1].

В экспедиции Ф.Я. Кон занимался, кроме прочего, по просьбе Д.А. Клеменца, собиранием коллекций для ЭО РМ при заочном кураторстве Н.М. Мартянова. По этому поводу между ними велась активная переписка. В письме от 10 сентября 1902 г. Н.М. Мартянов сообщал Д.А. Клеменцу, что «собираение этнографич[еских] коллекций для Музея... идет весьма успешно. Многие из заказанных костюмов уже готовы; приобретено до 500 предметов – в том числе много такого, что нельзя приобрести за деньги и что только удалось приобрести г. Кону как фотографу и врачу, за которого его принимают, так как он действительно помогает им в многих недугах и лечит, конечно, безвозмездно» [47. Л. 64–65а].

Д.А. Клеменц положительно отзывался о деятельности Ф.Я. Кона по собиранию коллекций, хотя и высказал ряд замечаний, на которые Н.М. Мартянов дал подробный ответ в письме от 1 февраля 1903 г. [47. Л. 73а]. Вообще он очень высоко оценивал деятельность Ф.Я. Кона, как собирателя этнографических коллекций, в основном с ним соглашался и Д.А. Клеменц.

В ответном письме он не только подчеркнул, что в целом находит коллекцию Ф.Я. Кона «очень хорошей, но нельзя было не указать на некоторые пробелы, которые еще можно дополнить, когда есть время» [47. Л. 1]. Также в этом письме отражены взгляды Д.А. Клеменца на собирание коллекций для ЭО РМ, которые отличались от точки зрения многих его коллег: «У них засела в голове мысль о каком-то систематическом собирании области за областью. Я же собираю отовсюду, где есть возможность. Не всегда можно найти Кона, Пекарского или иного хорошего собирателя. Надобно собирать, пока есть случай» [47. Л. 1 об.]. Видно, что Д.А. Клеменц исходил из реального положения дел в отечественной этнографии, учитывая нехватку специалистов. Именно поэтому он ставил цель –

собрать как можно больше сведений обо всех областях России, а затем систематизировать их.

В 1903 г. резко ухудшилось здоровье Н.М. Мартянова. По рекомендации врачей он в июле 1903 г. отправился на лечение в Москву, Харьков, а затем в Крым [13. Л. 16]. Д.А. Клеменц неоднократно писал давнему другу, подбадривал его, высказывал желание приехать и поведать [47. Л. 2]. Но и тяжело больной Н.М. Мартянов старался быть полезным товарищу, даже в личных письмах супруге, датированных осенью 1903 г., Н. Мартянов делился планами по сбору коллекций минусинских инородцев. В письме родным от 30 сентября из Балаклавы он писал: «Мне приходит в голову, что если Кон откажется, возможно будет... это исполнить Н.И. Тропину (хранитель Минусинского музея с 1897 г.). И я похлопотал бы о том, чтобы ему дали отпуск и я руководил бы им в работах. Надо же как-нибудь выручить Дмитрия Александровича в этом деле» [13. Л. 21].

Таким образом, практически до самой смерти Н.М. Мартянова, наступившей 30 ноября 1904 г., личные и научные контакты его и Д.А. Клеменца посредством переписки не прекращались. На смерть Н.М. Мартянова его старый друг откликнулся некрологом, который был данью памяти Н.М. Мартянову как ученому с приложением к нему списка основных его работ. Заканчивался некролог словами: «Уходя от нас, Николай Михайлович оставил прочную память о себе в своих трудах, а свою жизнь – пример преданности науке и любви к ближним. Да будет благословение потомства на твоих делах и на могиле твоей» [11. С. 50].

Сам Д.А. Клеменц пережил своего друга почти на 10 лет и еще многое успел сделать. Он умер 8 января 1914 г. и был похоронен в Москве на Ваганьковском кладбище.

В заключение хотелось бы отметить, что эти две неординарные личности добились многого не только в деле музейного строительства, но и в других направлениях науки. Именем Н.М. Мартянова ботаники и палеонтологи назвали более 20 видов высших и низших растений, ископаемых форм и он был первооткрывателем большинства этих видов [42. С. 3].

Д.А. Клеменц преуспел как географ-путешественник, много сделавший для изучения внутренней Центральной Азии, в частности, Урянхайского края (Тывы) и особенно Монголии. За свои центральноазиатские экспедиции в 1896 г. ИРГО наградило его Большой серебряной медалью имени Н.М. Пржевальского [50. С. 165]. Солидный вклад он внес в геологическое, археологическое и этнографическое изучение Минусинской котловины, Кузнецкого Алатау и ряда районов Восточной Сибири. И в немалой степени научные достижения двух этих ученых были обусловлены их тесными дружескими отношениями, в которых служение науке, интеллектуальный взаимообмен и личная симпатия тесно переплетались.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гольдфарб С.И. Д.А. Клеменц–революционер, ученый, публицист. Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1986. 176 с.
2. Милевский О.А., Панченко А.Б. «Беспокойный Клеменц»: опыт интеллектуальной биографии. М. : РОССПЭН, 2017. 695 с.
3. Пигмалион музейного дела в России (К 150-летию со дня рождения Д.А. Клеменца). СПб. : Лань, 1998. 208 с.
4. Попов И.И. Д.А. Клеменц. Его жизнь и деятельность // Д.А. Клеменц. Из прошлого. Воспоминания. Л. : Колос, 1925. С. 7–66.
5. Равикович Д.А. Клеменц Дмитрий Александрович // Российская музейная энциклопедия : в 2 т. М. : Прогресс; «РИПОЛ Классик», 2001. Т. 1. С. 274.
6. Равикович Д.А. Мартыанов Николай Михайлович // Российская музейная энциклопедия : в 2 т. М. : Прогресс; «РИПОЛ Классик», 2001. Т. 1. С. 349.
7. Федорова В.И. Революционный народник, ученый и просветитель Д.А. Клеменц. Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1988. 176 с.
8. Яворский Г.Н. Н.М. Мартыанов. Краткий очерк жизни и деятельности. Красноярск : Краснояр. кн. изд-во, 1969. 48 с.
9. На память о создателе Минусинского музея Николае Михайловиче Мартыанове. Издание комитета Минусинского городского музея. Юрьев, 1906. 31 с.
10. Белокопский И.П. Дань времени. Воспоминания. М. : Изд-во Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1928. 372 с.
11. Клеменц Д.А. Николай Михайлович Мартыанов (Некролог) // Известия Императорского русского географического общества. СПб., 1905. Т. XL. С. 47–50.
12. 160 лет со дня рождения провизора, ботаника, основателя Минусинского краеведческого музея Н.М. Мартыанова // Край наш Красноярский: календарь знаменательных дат на 2004 г. Красноярск, 2003. С. 56–58.
13. Минусинский краеведческий музей. Основной фонд (далее–МКМ ОФ). Д. 10584 /2.
14. Кон Ф.Я. Исторический очерк Минусинского местного музея за 25 лет (1877–1902 гг.). Казань : Типо-литография Императорского университета, 1902. 209 с.
15. Белокопский И.П. К истории политической ссылки // Каторга и ссылка. 1927. № 2 (31). С. 142–157.
16. Клеменц Д. Местные музеи и их значение в провинциальной жизни (публичная лекция, читанная в Кяхте 8 октября 1892 г.) // Сибирский сборник: приложение к «Восточному обозрению». Иркутск : Тип. К.И. Витковского, 1893. Вып. 2. С. 1–35.
17. Адрианов А.В. Памяти супругов Клеменц // Известия Восточно-Сибирского отдела Императорского русского географического общества. Т. XLV. 1916. Иркутск : Тип. К.И. Витковского, 1917. С. 103–124.
18. Дэвлет М.А. Александр Васильевич Адрианов (к 150-летию со дня рождения). Кемерово : Кузбассвузиздат, 2004. 68 с.
19. Обручев В.А. Д.А. Клеменц, П.П. Семенов-Тяньшанский и Ф.Н. Чернышев как исследователи Азии // Записки Геологич. отдел. общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. 1914–1915. М., 1915. Вып. III. С. 1–17.
20. МКМ ОФ. Д. 10566 /2.
21. МКМ ОФ. Д. 10566/4.
22. Музей археологии и этнографии Сибири Томского Государственного университета (далее – МАЭС ТГУ). Фонд А.В. Адрианова. Папка 11.
23. Ольденбург С.Ф. Дмитрий Александрович и Елизавета Николаевна Клеменцы. In *memoriam*. Пг. : Тип. В.Н. Смирнова, 1915. 4 с.
24. Клеменц Д.А. Заметка о девонских отложениях Минусинского округа // Материалы, собранные Д.А. Клеменцем при экскурсиях в Верхний Абакан в 1883 и 1884 гг. Омск : Тип. Окружного штаба, 1890. С. 1–26.
25. Обручев В.А. Обзор путешествий Д.А. Клеменца по внутренней Азии и их географических и геологических результатов // Известия Восточно-Сибирского отдела Императорского русского географического общества. Иркутск : Тип. К.И. Витковского, 1917. Т. XLV. С. 1–34.
26. МКМ ОФ. Д. 10614 /5.
27. МКМ ОФ. Д. 10614/6.
28. Клеменц Д.А. Заметка о старом русле Енисея (с картой) // Материалы, собранные Д.А. Клеменцем при экскурсиях в Верхний Абакан в 1883 и 1884 гг. Омск : Типограф. Окружного штаба, 1890. С. 1–11.
29. Козьмин Н.Н. Д.А. Клеменц и историко-этнографические исследования в Минусинском крае // Козьмин Н.Н. Избранные труды. Абакан : Журналист, 2010. 311 с.
30. Тишкин А.А. Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая. Барнаул : Изд-во Алтайского ун-та, 2007. 356 с.
31. МКМ ОФ. Д. 10655 /10.
32. Вадецкая Э.Б. К истории археологического изучения Минусинских котловин // Известия лаборатории археологических исследований. Кемерово : Изд-во Кемеров. гос. пед. ин-та, 1973. Вып. 6. С. 90–157.
33. Могилянский Н.М. Памяти Д.А. Клеменца // Материалы по этнографии России. СПб. : Изд. Этнографического отдела Русского Музея Императора Александра III, 1914. Т. II. С. I–VII.
34. Потанин Г.Н. Д.А. Клеменц // Литературное наследство Сибири. Т. 7. Новосибирск : Новосиб. книж. изд-во, 1986. С. 134–139.
35. МКМ ОФ. Д. 10687/6.
36. Дэвлет М.А. Д.А. Клеменц как археолог // Советская археология. 1963. № 4. С. 3–9.
37. МКМ ОФ. Д. 10672/6.
38. МКМ ОФ. Д. 10686/5.
39. Белова Н.А. Д.А. Клеменц и Императорская археологическая комиссия // Пигмалион музейного дела в России (К 150-летию со дня рождения Д.А. Клеменца). СПб. : Лань, 1998. С. 155–165.
40. Государственный архив Томской области (далее – ГАТО). Ф. 102. Оп. 1. Д. 6.
41. Научная библиотека Томского государственного университета. Отдел рукописей и книжных памятников (далее – НБ ТГУ ОРКП). Архив Г.Н. Потанина. Рубрикатор «Р». № 336.
42. Ковалев В.А. Именем Н.М. Мартыанова... // Мартыановские краеведческие чтения (1999–2002). Минусинск, 2003. Вып. 2. С. 3–4.
43. Архив востоковедов Института Восточных рукописей РАН (далее – АВ ИВР РАН). Ф. 28. Оп. 2. Д. 211.
44. НБ ТГУ ОРКП. Архив Г.Н. Потанина. Рубрикатор «Р». № 332.
45. Черняк Э.И. Д.А. Клеменц и создание музея в Кяхте // Вестник Томского государственного университета. История. 2015. № 4 (36). С. 5–8.
46. Лучицкий И.В. К вопросу о строении Минусинского межгорного прогиба // Бюллетень Московского общества испытателей природы. Отдел. Геология. 1957. Т. 32, вып.2. С. 67–75.
47. Архив Минусинского краеведческого музея (далее – АМКМ). Ф. 5. (В.А. Ковалева).
48. Решетов А.М. Д.А. Клеменц и Музей антропологии и этнографии Императорской Академии наук // Пигмалион музейного дела в России (К 150-летию со дня рождения Д.А. Клеменца). СПб. : Лань, 1998. С. 59–94.
49. АВ ИВР РАН. Ф. 28. Оп. 2. Д. 200.
50. Милевский О.А. Моногольская «одиссея» Д.А. Клеменца: 1891–1896 гг. // Известия РАН. Серия географическая. 2018. № 1. С. 158–167.

Oleg A. Milevskiy. Surgut State Pedagogical University (Surgut, Russia). E-mail: olegmilevsky@mail.ru

ACROSS A DISTANCE: THE HISTORY OF FRIENDSHIP BETWEEN N.M. MARTYANOV AND D.A. KLEMENTS

Key words: Political exile, natural-science researches, Minusinsk museum, D.A. Klements, N.M. Martyanov.

The regional history is one of the dominating research directions now and the address to it in the Siberian context only confirms this tendency. The considerable contribution to studying of Siberia in the last third of XIX – the beginning of XX from the natural-science and ethnographical and archaeological point of view was brought by researchers – N.M. Martyanov and D.A. Klements.

The purpose to this article is on the basis of attraction of big archival material, mainly epistolary heritage of two of these scientists, to reconstruct history of their relationship and to track as their more than twenty years friendship not only influenced formation of their scientific interests, but also in practice with the organization and carrying out direct researches in various corners of Western and Eastern Siberia.

The analysis of the available extensive massive, both the archival and published sources convincingly shows that during the Minusinsk exile of D.A. Klements, in which N.M. Martyanov has played the most important role in D.A. Klements's formation as traveler and scientist. In turn D.A. Klements during the expeditions on the Minusinsk district, Tyva and other earlier poorly studied areas of Southern Siberia and also writing of the book "Antiquities of the Minusinsk museum. Monuments of metal eras" in no small measure promoted formation of the Minusinsk museum and finding of popularity by it in the European scientific community.

Close friendly and scientific contacts between N.M. Martyanov and D.A. Klements were not interrupted also after departure of the last to Minusinsk. The analysis of their long-term correspondence shows that in it they gave a lot of place to scientific perspective. D.A. Klements in the expeditions constantly cared not only for replenishment of collections of the Minusinsk museum, but also did not forget about the scientific interests of N.M. Martyanov in the sphere of botany. And N.M. Martyanov in turn advised D.A. Klements concerning museum business and helped with collecting geological material within its scientific subject. Besides, during the stay of D.A. Klements as at first on a post of the governor Western-Siberian department of the Imperial Russian Geographical Society and as the main collector of the Museum of archeology and ethnography and at last on a post of the manager of Ethnographic department of the Russian Museum, N.M. Martyanov according to the lights and opportunities helped him assembled museum collections.

Thus, on the basis of the studied material the author came to a conclusion that close companionship of these extraordinary persons mutually enriched them intellectually and in practice helped implementation of their numerous scientific projects. And it has in turn allowed them to play a considerable role not only in geographical, geological, botanical, archaeological and ethnographic studying of Minusinsk hollow and some other Areas of Siberia, but also in formation of museum matter in Russia.

REFERENCES

- Goldfarb, S.I. (1986) *D.A. Klements–revolyutsioner, uchenyy, publitsist* [D.A. Klementz as a revolutionary, scientist, and publicist]. Irkutsk: Irkutsk State University.
- Milevsky, O.A. & Panchenko, A.B. (2017) "*Bespokoynnyy Klements*": *Opyt intellektual'noy biografii* ["Restless Klements": An Experience in Intellectual Biography]. Moscow: ROSSPEN.
- Ikonnikova, S.N. (ed.) (1998) *Pigmalion muzeynogo dela v Rossii (K 150-letiyu so dnya rozhdeniya D.A. Klements)* [The Pygmalion of museum work in Russia (On the 150th anniversary of D.A. Klements)]. St. Petersburg: Lan'.
- Popov, I.I. (1925) *D.A. Klements. Ego zhizn' i deyatel'nost'* [D.A. Klements. His life and work]. In: Klements, D.A. *Iz proshlogo. Vospominaniya* [From the Past. Memories]. Leningrad: Kolos. pp. 7–66.
- Ravikovich, D.A. (2001a) *Klements Dmitriy Aleksandrovich* [Klements Dmitriy Aleksandrovich]. In: Yanin, V.L. et al. (eds) *Rossiyskaya muzeynaya entsiklopediya: V 2- kh t.* [Russian Museum Encyclopedia: In 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Progress; RIPOL Klassik. pp. 274.
- Ravikovich, D.A. (2001b) *Mart'yanov Nikolay Mikhaylovich* [Martyanov Nikolai Mikhailovich]. In: Yanin, V.L. et al. (eds) *Rossiyskaya muzeynaya entsiklopediya: V 2- kh t.* [Russian Museum Encyclopedia: In 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Progress; RIPOL Klassik. pp. 349.
- Fedorova, V.I. (1988) *Revolutsionnyy narodnik, uchenyy i prosvetitel' D.A. Klements* [The revolutionary populist, scientist and enlightener D.A. Klements]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State University.
- Yavorsky, G.N. (1969) *N.M. Mart'yanov. Kratkiy ocherk zhizni i deyatel'nosti* [N.M. Martyanov. A brief outline of life and work]. Krasnoyarsk: Krasnoyarskoe knizhnoe izd-vo.
- The Committee of the Minusinsk City Museum. (1906) *Na pamyat' o sozdatele Minusinskogo muzeya Nikolae Mikhayloviche Mart'yanove* [In memory of the Minusinsk Museum creator Nikolai Mikhailovich Martyanov]. Yuriev: The Committee of the Minusinsk City Museum.
- Belokonsky, I.P. (1928) *Dan' vremeni. Vospominaniya* [Tribute to the Time. Memories]. Moscow: Vsesoyuznoe obshchestvo politikatorzhan i ssyl'noposelentsev.
- Klements, D.A. (1905) *Nikolay Mikhaylovich Mart'yanov (Nekrolog)* [Nikolai Mikhailovich Martyanov (Obituary)]. *Izvestiya Imperatorskogo russkogo geograf. ob-va.* XL. pp. 47–50.
- Anon. (2003) 160 let so dnya rozhdeniya provizora, botanika, osnovatelya Minusinskogo kraevedcheskogo muzeya N.M. Mart'yanova [160 years since the birth of the pharmacist, botanist, founder of the Minusinsk Museum of Local Lore N.M. Martyanov]. In: Gaynutdinova, G.M. & Fefelova, N.F. *Kray nash Krasnoyarskiy: kalendar' znamenatel'nykh dat na 2004 g.* [Our Land Krasnoyarsk: Calendar of Significant Dates for 2004]. Krasnoyarsk: Gos. univers. b-ka Krasnoyarsk. kraya. pp. 56–58.
- Minusinsk Museum of Local Lore. The Main Fund (MKM OF). File 10584 /2.
- Kon, F.Ya. (1902) *Istoricheskiy ocherk Minusinskogo mestnogo muzeya za 25 let (1877–1902 gg.)* [The Historical Outline of the Minusinsk Local Museum for 25 years (1877–1902)]. Kazan: Imperial University.
- Belokonsky, I.P. (1927) *K istorii politicheskoy ssylki* [On the history of political exile]. *Katorga i ssylka.* 2(31). pp. 142–157.
- Klements, D. (1893) *Mestnye muzei i ikh znachenie v provintsial'noy zhizni (publichnaya lektsiya, chitannaya v Kyakhte 8 oktyabrya 1892 g.)* [Local museums and their significance in provincial life (public lecture delivered in Kyakhta on October 8, 1892)]. In: Klements, D. et al. *Sibirskiy sbornik: prilozhenie k "Vostochnomu obozreniyu"* [Siberian Digest: an appendix to "Vostochnoe obozrenie"]. Issue 2. Irkutsk: K.I. Vitkovsky. pp. 1–35.
- Adrianov, A.V. (1917) *Pamyati suprugov Klements* [In memory of the Klements spouses]. *Izvestiya Vostochno-Sibirskogo otdela Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva.* XLV. pp. 103–124.
- Devlet, M.A. (2004) *Aleksandr Vasil'evich Adrianov (k 150-letiyu so dnya rozhdeniya)* [Aleksandr Vasilievich Adrianov (on the 150th anniversary)]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat.
- Obruchev, V.A. (1915) *D.A. Klements, P.P. Semenov-Tyan'shanskiy i F.N. Chernyshev kak issledovateli Azii* [D.A. Klements, P.P. Semenov-Tyanshansky and F.N. Chernyshev as researchers of Asia]. *Zapiski Geolog. otdel. ob-va lyubit. estestovzn., antropol. i etnograf.* 3. pp. 1–17.
- Minusinsk Museum of Local Lore. The Main Fund (MKM OF). File 10566 /2.
- Minusinsk Museum of Local Lore. The Main Fund (MKM OF). File 10566/4.
- Museum of Archeology and Ethnography of Siberia, Tomsk State University (MAES TGU). A.V. Adrianov Fund. File 11.
- Oldenburg, S.F. (1915) *Dmitriy Aleksandrovich i Elizaveta Nikolaevna Klements. In memoriam* [Dmitry Aleksandrovich and Elizaveta Nikolaevna Klements. In memoriam]. Petrograd: V.N. Smirnov.
- Klements, D.A. (1890a) *Materialy, sobrannyye D.A. Klementsom pri ekskursiyakh v Verkhniy Abakan v 1883 i 1884 gg.* [Materials collected by D.A. Klements on travels to Upper Abakan in 1883 and 1884]. Omsk: Tipograf. Okruzhnogo shtaba. pp. 1–26.

25. Obruchev, V.A. (1917) Obzor puteshestviy D.A. Klementsа po vnutrenney Azii i ikh geograficheskikh i geologicheskikh rezul'tatov [Review of D.A. Klements' travels in Inner Asia and their geographical and geological results]. *Izvestiya Vostochno-Sibirskogo otdela Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva*. XLV. pp. 1–34.
26. Minusinsk Museum of Local Lore. The Main Fund (MKM OF). File 10614 / 5.
27. Minusinsk Museum of Local Lore. The Main Fund (MKM OF). File 10614/6.
28. Klements, D.A. (1890b) *Materialy, sobrannyye D.A. Klementsom pri ekskursiyakh v Verkhniy Abakan v 1883 i 1884 gg.* [Materials collected by D.A. Klements on travels to Upper Abakan in 1883 and 1884]. Omsk: Tipograf. Okruzhnogo shtaba. pp. 1–11.
29. Kozmin, N.N. (2010) *Izbrannyye trudy* [Selected Works]. Abakan: Zhurnalst.
30. Tishkin, A.A. (2007) *Sozdanie periodizatsionnykh i kul'turno-khronologicheskikh skhem: istoricheskiy opyt i sovremennaya kontseptsiya izucheniya drevnikh i srednevekovykh narodov Altaya* [Periodization and cultural-chronological schemes: historical experience and the modern concept of studying the ancient and medieval peoples of Altai]. Barnaul: Altai State University.
31. Minusinsk Museum of Local Lore. The Main Fund (MKM OF). File 10655 /10.
32. Vadetskaya, E.B. (1973) K istorii arkhеologicheskogo izucheniya Minusinskikh kotlovin [On the history of the archaeological study of the Minusinsk hollows]. In: Martynov, A.I. (ed.) *Izvestiya laboratorii arkhеologicheskikh issledovaniy* [Bulletin of the Archaeological Research Laboratory]. Issue 6. Kemerovo: Kemerovo State Pedagogical University. pp. 90–157.
33. Mogilyansky, N.M. (1914) Pamyati D.A. Klementsа [In memory of D.A. Klements]. In: Volkov, F.K. (ed.) *Materialy po etnografii Rossii* [Materials on the Russian Ethnography]. Vol. 2. St. Petersburg: Ethnographic Department of the Russian Museum of Emperor Alexander III. pp. 1–7.
34. Potanin, G.N. (1986) D.A. Klements [D.A. Klements]. In: Yanovsky, N.N. (ed.) *Literaturnoe nasledstvo Sibiri* [Literary Heritage of Siberia]. Vol. 7. Novosibirsk: Novosibirskoe knizhn. izd-vo. pp. 134–139.
35. Minusinsk Museum of Local Lore. The Main Fund (MKM OF). File 10687/6.
36. Devlet, M.A. (1963) D.A. Klements kak arkhеolog [D.A. Klements as an archaeologist]. *Sovetskaya arkhеologiya*. 4. pp. 3–9.
37. Minusinsk Museum of Local Lore. The Main Fund (MKM OF). File 10672/6.
38. Minusinsk Museum of Local Lore. The Main Fund (MKM OF). File 10686/5.
39. Belova, N.A. (1998) D.A. Klements i Imperatorskaya arkhеologicheskaya komissiya [D.A. Klements and the Imperial Archaeological Commission]. In: Ikonnikova, S.N. (ed.) (1998) *Pigmalion muzeynogo dela v Rossii (K 150-letiyu so dnya rozhdeniya D.A. Klementsа)* [The Pygmalion of museum work in Russia (On the 150th anniversary of D.A. Klements)]. St. Petersburg: Lan'. pp. 155–165.
40. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund 102. List 1. File 6.
41. The Research Library of Tomsk State University. Department of Manuscripts and Rare Book (NB TGU ORKP). The G.N. Potanin Archive. R. № 336.
42. Kovalev, V.A. (2003) Imenem N.M. Mart'yanova... [In the name of N.M. Martyanov]. In: Alekhin, Yu.P. (ed.) *Mart'yanovskie kraevedcheskie chteniya (1999–2002)* [The Martyanov Local History Readings (1999–2002)]. Issue 2. Abakan: Mart. pp. 3–4.
43. The Archive of Orientalists of the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences (AV IVR RAN). Fund 28. List2. File 211.
44. The Research Library of Tomsk State University. Department of Manuscripts and Rare Book (NB TGU ORKP). The G.N. Potanin Archive. R. № 332.
45. Chernyak, E.I. (2015) D.A. Klements and his role in making of Kyakhta museum. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 4(36). pp. 5–8. (In Russian).
46. Luchitsky, I.V. (1957) K voprosu o stroenii Minusinskogo mezhgornogo progiba [On the structure of the Minusinsk intermountain trough]. *Byulleten' Moskovskogo obshchestva ispytateley prirody. Otd. Geologii*. 32(2). pp. 67–75.
47. The Archive of the Minusinsk Museum of Local Lore (AMKM). Fund 5. (V.A. Kovaleva).
48. Reshetov, A.M. (1998) D.A. Klements i Muzei antropologii i etnografii Imperatorskoy Akademii nauk [D.A. Klementz and the Museum of Anthropology and Ethnography of the Imperial Academy of Sciences]. In: Ikonnikova, S.N. (ed.) (1998) *Pigmalion muzeynogo dela v Rossii (K 150-letiyu so dnya rozhdeniya D.A. Klementsа)* [The Pygmalion of museum work in Russia (On the 150th anniversary of D.A. Klements)]. St. Petersburg: Lan'. pp. 59–94.
49. The Archive of Orientalists of the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences (AV IVR RAN). Fund 28. List 2. File 200.
50. Milevsky, O.A. (2018) Monogol'skaya "odisseyа" D.A. Klementsа: 1891–1896 gg. [Monogolian Odyssey by D.A. Klements: 1891–1896]. *Izvestiya RAN. Seriya geograficheskaya*. 1. pp. 158–167.

УДК 322 (470.342) (091)
DOI: 10.17223/19988613/62/9

Е.Н. Немчанинова, М.Ю. Половникова

ГУБЕРНАТОР И ЕПИСКОП В СИСТЕМЕ ЦЕРКОВНО-ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в. (НА МАТЕРИАЛАХ ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00449.

Анализируются особенности статуса представителей духовной и светской власти на местах в системе церковно-государственных отношений второй половины XIX – начала XX в. Авторы исходят из позиции, что губернаторы и епископы в этот период являлись ключевыми элементами системы церковно-государственных отношений, так как существовали серьезные местные вариации их характера, обусловленные объективными и субъективными влияниями. На примере социально-демографических характеристик представителей светской и духовной власти Вятской губернии в статье предпринимается попытка выявить основы и форматы церковно-государственных отношений на местном уровне.

Ключевые слова: губернаторы; епископы; Русская православная церковь; Вятская губерния; Вятская епархия; церковно-государственные отношения.

Действующая в настоящее время Стратегия национальной безопасности Российской Федерации [1] в качестве ключевых национальных интересов в числе прочих называет укрепление национального согласия, политической и социальной стабильности, сохранение и развитие культуры, традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Полномасштабная реализация этих задач невозможна без учета особенностей пути, пройденного Россией, исторически сформировавшейся в виде многонационального и поликонфессионального государства. Важной составляющей этого пути было выстраивание взаимоотношений между государством и Русской православной церковью, являвшейся на всем протяжении истории не только ключевым религиозным институтом, но и хранителем и транслятором значимых для всех и каждого нравственных ориентиров. Во второй половине XIX – начале XX в. в жизни российского общества, государства и РПЦ происходят важные изменения, обусловленные началом либеральных преобразований, непосредственно отразившихся на развитии всех сфер жизни общества. В этот период государству и церкви удается консолидировать усилия в целях совместного ответа на новые вызовы эпохи, и этот опыт не может быть оставлен без внимания сегодня, когда на государственном уровне ставится задача сохранения и развития традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Ключевыми фигурами системы церковно-государственных отношений на местном уровне сегодня и в прошлом являлись представители светской (губернаторы) и духовной (епископы) власти, в связи с чем исследование основ и форматов взаимодействия этих субъектов представляется актуальной исследовательской задачей.

Как справедливо отмечает Н.П. Матханова, «контакты, тесное взаимодействие были естественной и обязательной частью политики и повседневной деятельности государственных и церковных институтов,

но конкретный характер этого взаимодействия зависел от ряда факторов, как объективных, так и субъективных, т.е. от людей» [2. С. 202]. В качестве объективных причин конфликтов между светской и духовной властями в Сибири исследователь отмечает неясность в распределении полномочий, в субординационных вопросах, несовпадение интересов и приоритетов церкви и государства, среди субъективных – наличие или отсутствие у конкретных людей мудрости, честности, готовности к поискам разумного компромисса.

Развивая мысль Н.П. Матхановой, можно назвать и другие объективные условия, оказывающие непосредственное влияние на характер церковно-государственных отношений на местном уровне. Так, важным фоном государственно-церковного взаимодействия выступали особенности местности, в которой доводилось проходить службу губернаторам и епископам. Специфика места службы определяла приоритеты государственной и религиозной политики, возможности исполнения поступающих из центра предписаний, заставляла местную светскую и церковную власть искать способы адаптации к свойственным региону условиям, традициям, социальному и национальному составу населения. Так, удаленность от центра, с одной стороны, располагала к сближению интересов светской и церковной власти, с другой – давала возможность для эскалации потенциальных конфликтов, скрытых от прямого контроля и вмешательства со стороны центральных органов. Проанализируем, каким именно образом могли влиять обозначенные объективные факторы на возможности светской и духовной власти на местах в деле реализации стоящих перед ними задач на примере Вятской губернии.

Во-первых, необходимо сказать об удаленности Вятской губернии от центральных и значимых в разных отношениях городов Российской империи. Расстояние от Санкт-Петербурга до губернского центра, города Вятки, составляло 1486¼ версты, удаленность

Вятки от Москвы – 973¼ версты. Вятку и Казань разделяли 420¼ версты, Вятку и Нижний Новгород – 583¼ версты [3. С. 335].

Этот фактор в условиях неразвитости дорожной инфраструктуры затруднял коммуникацию между местной и центральной властью (как светской, так и духовной), между регионом и соседними губерниями, что, безусловно, сказывалось на скорости принятия и исполнения управленческих решений.

По площади Вятская губерния представляла собой довольно значительное территориальное образование. По состоянию на 1858 г. территория губернии составляла 117 тыс. кв. верст [Там же. С. 169], в 1916 г. – 135 тыс. кв. верст [4. С. 84]. Естественно, что управление такой обширной территорией требовало значительных усилий со стороны губернской и епархиальной власти, а отмеченная неразвитость дорожной инфраструктуры усугубляла бесконтрольность власти на местах. По численности населения (3 030 831 человек) Вятская губерния в конце XIX в. (по Переписи 1897 г.) занимала второе место в Российской империи после Киевской губернии, а к 1913 г. население Вятской губернии увеличилось до 3 813 000 человек [5. С. 26]. При значительной общей численности населения его плотность в Вятской губернии была невелика: по данным 1840 г. она составляла 25 человек на одну квадратную версту, а в конце XIX в. – 22 человека на одну квадратную версту [6. С. 47].

В основном разрезе основную часть населения составляли крестьяне: 91,5% в 1854 г., 97% в 1897 г. [7. С. 66; 8. Т. 10. С. 7]. Среди крестьян в дореформенный период преобладали государственные крестьяне, составлявшие 88%, и лишь 2,2% составляли помещичьи крестьяне [9. С. 66]. Весьма незначительной была доля дворянства в составе населения Вятской губернии. По данным за 1868 г., в губернии проживало 1 049 потомственных и 3 255 личных дворян, что в сумме составляло около 0,18% от общей численности населения региона [10. С. 6–8]; к 1897 г. этот показатель увеличивается до 0,3%. Лица духовного звания, согласно данным Переписи 1897 г., составляли 0,5% населения [8. Т. 10. С. 7].

Особенностью Вятской губернии, обусловленной историческими предпосылками, являлась и ее многонациональность. В материалах Переписи населения 1897 г. все народности, проживавшие на территории губернии, были распределены на три группы: русская (77,5%), финская («главным образом, вотяки, черемисы и пермяки», 17,6%) и турецко-татарская (татары, башкиры, тептяри, 4,9%). В пояснениях к Переписи указано, что народность определялась на основании показаний о родном языке.

По вероисповеданию большую часть населения губернии по состоянию на 1897 г. составляли православные (92%), среди представителей остальных конфессий наиболее значительные группы составляли магометане (4,4%) и старообрядцы (3,3%). Приверженцы всех прочих религий, представленных на территории региона, составляли в сумме около 0,3% населения [Там же. С. 5].

Население Вятской губернии в рассматриваемый период отличалось также низким процентом грамотности, который к 1897 г. составил около 16% [8. Т. 10. С. 6]. По этому показателю губерния занимала 44-е место среди 50 губерний Европейской России [11. С. 56].

Анализ вышеприведенных фактов позволяет говорить о Вятской губернии и Вятской епархии (границы которых в рассматриваемый период совпадали) как о весьма специфичном объекте с точки зрения управления. Специфика его определяется прежде всего величиной территории и значительной численностью населения. Протяженность территории, низкая плотность населения, неразвитость дорожной инфраструктуры в значительной мере сокращали возможности контроля губернской и епархиальной власти за работой на местах.

Значительная протяженность края вызывала необходимость много времени проводить в разъездах при обозрении губернии и епархии, проезжать за это время огромные расстояния. Так, губернатор В.И. Чарыков за 15 дней обозрения губернии с 26 ноября по 12 декабря 1874 г., согласно данным маршрутного листа, проехал более 1 000 верст [12. Л. 161–162]. Обстоятельства обозрения епархии в том же 1874 г. владыкой Аполлосом описываются в заметке «Вятских губернских ведомостей»: «Все путешествие Владыки совершилось в 19 дней, при чем сделано 1 231 верст пути» [13. С. 3].

Масштабы Вятской губернии (и епархии) создавали определенные сложности в деле борьбы со старообрядцами и сектантами. Так, А.А. и В.В. Машковцевы, анализируя динамику численности старообрядцев в Вятской губернии во второй половине XIX – начале XX в., отмечают, что количество сторонников старой веры выросло с 38 996 человек в 1855 г. до 115 644 человек в 1909 г. [14. С. 6]. Среди причин роста численности старообрядцев исследователи называют естественный прирост численности старообрядцев (на фоне общего демографического взрыва), переходы в старообрядчество из лона официальной церкви, надежды на легализацию старообрядчества в связи с либерализацией конфессиональной политики при Александре II, а также невозможность священников регулярно оказывать воздействие на паству в силу значительных масштабов приходов [Там же. С. 6–10]. Действительно, величина среднестатистического прихода в Вятской губернии по состоянию на 1890 г. составляла 4 563 человека [15. С. 76–77], что дает основание говорить о том, что приходы Вятской епархии были на тот момент самыми многочисленными во всей Российской империи.

Вопрос о субъектах церковно-государственных отношений, реализуемых на местном уровне, так или иначе сопряжен с необходимостью учета своего рода социального капитала, которым обладали епископы и губернаторы в силу особенностей их статуса. Проанализируем в связи с этим основные социально-демографические характеристики вятских губернаторов и архиереев второй половины XIX – начала XX в.

За рассматриваемый период (вторую половину XIX – начало XX в.) в Вятской губернии (епархии)

сменилось 18 губернаторов (13 вице-губернаторов) и 10 епископов. Средний срок пребывания в должности губернатора составлял в это время 3,5 года (дольше других – 7,5 года – губернаторское кресло занимал А.Ф. Анисьин; самые короткие сроки связаны с губернаторством двух последних «начальников» Вятской губернии – А.Г. Чернявского и Н.А. Руднева – каждый из них занимал пост менее полутора лет). Среди епископов дольше других в рассматриваемый период управлял Вятской епархией Аполлос (Беляев) (с декабря 1866 по июнь 1885 г., т.е. примерно 18,5 года), менее других – Макарий (Миролюбов), пробывший в Вятке чуть более 2 лет¹. Таким образом, замена представителей церковной власти на уровне региона проводилась во второй половине XIX – начале XX в. реже, чем ротации в высшей административной власти. В связи с этим встраиваться в сложившуюся на местном уровне систему отношений между светской и церковной властями чаще приходилось губернаторам, чем епископам (например, за время пребывания владыки Аполлоса во главе Вятской епархии сменилось 4 губернатора).

По данным А.И. Конюченко, 87,7% архиереев, чья деятельность приходится на вторую половину XIX – начало XX в., принадлежали по рождению к духовному сословию (из числа архиереев, данные о происхождении которых доступны для анализа) [15. С. 269]. Все 10 епископов (100% состава), стоявших во главе Вятской епархии в этот период, являлись выходцами из духовного сословия (чаще всего были детьми священников, в отдельных случаях – пономарей и причетников).

Большинство представителей вятского губернаторского корпуса второй половины XIX – начала XX в. были потомственными дворянами (за исключением Н.В. Компанейщикова, являвшегося выходцем из обер-офицерских детей). Отдельно можно сказать и о последнем вятском губернаторе Николае Андреевиче Рудневе, родившемся в семье получившего дворянство священника Новосильского уезда Тульской губернии.

Принадлежность к разным по статусу сословиям предопределяла и специфику образовательных траекторий представителей духовной и светской власти. Дети духовенства, как правило, получали образование в ближайших к дому родителей духовных училищах (срок обучения в которых составлял 4 года), а затем продолжали его в духовных семинариях своих епархий (срок обучения – 6 лет), т.е. в губернском (кафедральном) городе [Там же. С. 272]. Полный же цикл духовного образования в дореволюционной России продолжался в общей сложности 14 лет: если ко времени обучения в духовном училище и духовной семинарии добавить еще 4 года духовной академии [16. С. 88].

К началу XX в. в России существовало 4 духовные академии – Казанская, Киевская, Московская (в Сергиевом Посаде) и Санкт-Петербургская. Подчеркивая значимость для государства высшего духовного образования, Николай II во время празднования 300-летия дома Романовых, 21 февраля 1913 г., наименовал эти

академии (по аналогии с университетами) «Императорскими» [17. С. 32]. По замечанию А.И. Конюченко, звание «рассадника архиереев» по состоянию на 1917 г. удерживала Киевская духовная академия (29,6% епископов с высшим образованием были ее выпускниками). Все вятские епископы второй половины XIX – начала XX в. имели высшее духовное образование, однако выпускниками Киевской духовной академии были только двое из десяти архиереев – Аполлос (Беляев) и Никандр (Феноменов). Пять епископов окончили Санкт-Петербургскую духовную академию, трое – Московскую.

А.В. Скутнев отмечает, что уровень образования, полученного в духовных школах, был сопоставим с образованием, полученным в светских учебных заведениях: «Духовные семинарии являлись аналогом высшего образования, особенно в провинциальных городах. Акцент в них делался на гуманитарные науки, и в этом плане будущие клирики не могли не стать частью русской интеллигенции, сформированной гуманистическими идеалами, составив интеллектуальную элиту страны» [18. С. 151–152].

Д.В. Прахт, анализируя воспоминания выпускника Санкт-Петербургской духовной академии А.Г. Ширяева, также приходит к выводу о высоком качестве образования, получаемого в духовных академиях: «На примере конкретной личности мы видим, что человек, прошедший все ступени духовного образования, был эрудирован: владел несколькими новыми и древними языками, разбирался в философии, хорошо знал историю, свободно ориентировался во всех общественно-политических движениях. По окончании обучения выпускник представлял собой разносторонне, гармонично развитую личность и мог, будучи достаточно подготовленным, выбирать дальнейший путь в своей жизни – либо священника, либо чиновника» [16. С. 90–91]. Возможность выбора карьерного пути после окончания духовной академии подтверждают приведенные А.Г. Ширяевым в мемуарах данные о распределении однокурсников: «I группа – иерархи (архиереи) – 7 человек; II группа – рядовые священники – 10 человек; III группа – педагоги (некоторые потом чиновники) – 13 человек; IV группа – чиновники – 18 человек» [Там же. С. 90].

Приведенные в воспоминаниях А.Г. Ширяева сведения подтверждают тезис Н.Ю. Суховой об особом положении православной духовной школы в России, «обусловленном ее непростым историческим путем и спецификой русской культуры и просвещения» (с одной стороны, она была включена в единое научно-образовательное пространство с государственными дипломами и аттестатами для выпускников, с другой стороны, «православные духовные школы составляли особую систему, находившуюся в ведении высшего церковного управления») [19. С. 235].

Анализ образовательного уровня вятских губернаторов второй половины XIX – начала XX в. показывает, что высшее образование имели лишь 11 из 18 (чуть

более 60%), среднее образование – треть губернаторов рассматриваемого периода, домашнее образование – 1 (Н.Н. Семенов). Среди губернаторов, имевших высшее образование, было три выпускника Царскосельского (Александровского) лицея (М.К. Клингенберг, Н.А. Троицкий и И.М. Страховский). В Московском университете учились 5 вятских губернаторов (учился в Московском университете, но не окончил полного курса наук в нем А.Н. Волков). Петербургский университет со степенью кандидата прав окончили два вятских губернатора – Н.М. Клингенберг и П.К. Камышанский. Предпоследний вятский губернатор А.Г. Чернявский, занимавший пост в 1914–1915 гг., являлся выпускником Новороссийского университета. Большинство вятских губернаторов, имевших университетское образование, оканчивали юридический факультет (за исключением Н.А. Руднева, выпускника медицинского факультета Московского университета 1887 г.) [20. Л. 206; 21. Л. 31; 22. Л. 8].

Пять вятских губернаторов второй половины XIX – начала XX в. являлись выпускниками военных учебных заведений (среди которых Пажеский корпус, Павловский, Михайловский кадетские корпуса). В дворянской среде долгое время обучение в военном учебном заведении считалось более престижным, чем обучение в университете, к чему были и объективные (не только статусные) причины. С момента создания кадетские корпуса имели двойную цель: они должны были давать военное и гражданское образование и готовить офицеров для армии и гражданских чиновников для государственных учреждений, что открывало для выпускников дополнительные возможности [23. С. 37].

Таким образом, сравнение уровня образования представителей светской и духовной власти на региональном материале позволяет сделать вывод о том, что формально высшее духовенство было более образованным слоем, чем представители высшей гражданской администрации (с точки зрения оценки средних показателей уровня полученного образования). Хотя об уровне эрудиции, управленческих способностях и других важных компетенциях представителей власти (как светской, так и духовной) правильнее говорить с позиции индивидуального подхода к каждой рассматриваемой персоне. Как среди губернаторов, так и среди епископов второй половины XIX – начала XX в. были выдающиеся личности, известные (или приобретшие известность позже) далеко за пределами региона. Так, широтой интересов отличался вятский губернатор Валерий Иванович Чарыков (1869–1875), являвшийся действительным членом Русского географического общества по отделению этнографии. За время прохождения военной, а позже гражданской службы В.И. Чарыкову удалось посетить многие страны мира (Германию, Францию, Англию, Австрию, Италию, Голландию, Бельгию, Мексику, США, Персию, Алжир, Египет и др.). В период прохождения службы при почтовом департаменте Чарыкову довелось побывать в Сибири,

на Камчатке и в Кяхте, в итоге в 1850 г. им были опубликованы «Заметки о торговых путях в Восточной Сибири», содержащие рекомендации по развитию пароходства в Обском бассейне и улучшению торговли России с Китаем. Кроме обозначенного труда, В.И. Чарыков являлся автором «Путевых заметок за границей» (своего рода путеводителя по странам Европы), «О торфяном производстве за границей», «Списка гг. дворян, владеющих землею в Самарской губернии в 1866 году».

Членом и сотрудником Императорского русского географического общества, действительным членом Императорского русского археологического общества был вятский епископ Макарий (Миролюбов), известный краевед, историк, исследователь древних церковных памятников и рукописей. Перу Макария принадлежали такие труды, как «Описание Оранской Богородицкой пустыни» (1848), «Сказание о жизни и чудесах Преподобного Макария, Желтоводского и Унженского Чудотворца» в двух частях (1851), «Архиепископ Питирим» (1851), «История нижегородской иерархии, содержащая в себе сказание о нижегородских иерархах с 1672 до 1850 года» (1851), «Памятники церковных древностей. Нижегородская губерния» (1857), «Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях» (1860), «Путеводитель по Новгороду с указанием на его церковные древности и святыни» (1862), «Описание Новгородского Архиерейского дома» (1862) и др. Макарий известен также своей блестящей речью в 1862 г. при открытии памятника «Тысячелетие России» [24. С. 214].

Анализ возрастных характеристик представителей светской и духовной власти показывает, что в среднем губернаторы были моложе епископов. Средний возраст вятских губернаторов второй половины XIX – начала XX в. – около 46 лет, средний возраст епископов – 53 года. Самым молодым губернатором рассматриваемого периода был Н.А. Троицкий, вступивший в управление Вятской губернии в возрасте 34 лет, самым «возрастным» – А.Н. Волков, которому к моменту получения должности было 63 года. Среди епископов моложе других был 40-летний Никон (Софийский), старше остальных – Макарий (Миролюбов), получивший в управление Вятскую кафедру в возрасте 68 лет (Христофору (Эммаусскому), уволенному на покой после назначения в Вятку, был 71 год). Влияние возраста представителей власти на характер и стиль управления нашло отражение в мемуарах вятского вице-губернатора В.А. Ратькова-Рожнова: «Мне пришлось в Вятке служить последовательно с двумя губернаторами², из которых один попал на эту должность на 32 году жизни, совершенно неподготовленным к этой серьезной и ответственной должности, поэтому, имея за собой мало опыта и много уверенности, он высоко мнил о своих достоинствах, в действительности же был потешен в своей представительной роли, – а другой, напротив того, был назначен почти в престаре-

лом возрасте и если и имел 60 с небольшим лет, то от прежней бурной жизни представлялся человеком совсем отжившим, для которого полный покой казался целесообразнее всякой деятельности» [25. Л. 3 об.]. В итоге период губернаторства А.Н. Волкова, по словам В.А. Ратькова-Рожнова, был связан в большей степени с деятельностью правителя канцелярии, которому губернатор доверял решение всех важнейших вопросов. В свою очередь молодость владыки Никона позволила ему за время управления Вятской епархией посетить почти все ее приходы, даже те из них, жители которых ни разу не видели в своих храмах архиерея.

Интересным фактом является то, что как среди вятских губернаторов, так и среди архиереев второй половины XIX – начала XX в. не было ни одного выходца из Вятской губернии. Если применительно к губернаторам эту особенность можно объяснить тем, что дворян в губернии было мало, а губернаторский корпус в большинстве своем формировался из дворянских детей, то применительно к составу архиереев причины игнорирования в качестве кандидатов представителей местного духовенства не столь очевидны. В целом, по данным А.И. Конюченко, Вятская губерния была родиной 9 архиереев, чья деятельность приходится на рассматриваемый период (для сравнения, в соседней губернии, Пермской, родился лишь 1 архиерей, хотя численность населения регионов была примерно одинаковой) [15. С. 272]. Отсутствие связи с регионом у носителей светской и церковной власти можно рассматривать как фактор, уравнивающий в контексте исследуемой темы о положении губернатора и епископа.

Обратимся к характеристике сфер взаимодействия духовной и светской властей на региональном уровне. Анализ круга обязанностей губернатора позволяет сделать вывод, что он был очень широким (Г.В. Алексушин выделяет до 20 функций губернаторской власти [26. С. 47]). Выполнение этих функций было возложено не только на губернаторов, но и на губернские органы, однако ответственным за их реализацию был «начальник губернии». Согласно «Высочайше утвержденному общему наказу гражданским губернаторам» от 1837 г. [27], губернаторы несли ответственность за охрану государственных интересов во всех сферах жизни, за хозяйство, промышленность и торговлю, продовольственное обеспечение, здравоохранение, народное образование, социальное призрение, общественный порядок и безопасность граждан, соблюдение правосудия и т.д. Губернаторы обязаны были координировать работу всех учреждений управления (комитетов, комиссий, приказов, присутствий), параллельно осуществляя надзор за качеством выполнения должностных обязанностей чиновниками.

В «Наказе» можно увидеть и правовые основы взаимодействия светской и духовной власти: «Гражданские губернаторы обязаны, во всяком случае и всюю предоставленную им властью, содействовать Православному духовному начальству в охранении прав

церкви и незыблемости самой веры, наблюдая тщательно, чтоб ереси, расколы, и другие, предрассудками и невежеством порождаемые заблуждения, не были распространяемы между жителями вверенной им губернии, и чтобы для отвращения сего зла и производимых оным соблазнов, были употребляемы благовременно все предписанные общими установлениями и особыми Высочайшими повелениями меры» [27].

Реализация мер по охранению прав церкви и незыблемости веры, упомянутых в приведенной статье закона, предполагала активность как со стороны светских, так и духовных властей. Этот комплекс мер включал не только применение наказаний (ресурс которого духовная власть не могла использовать без поддержки светской), но и просветительскую, миссионерскую работу (содержательная часть которой была в компетенции духовной власти, а организационная также предполагала участие светской), строительство и содействие строительству православных храмов и т.д.

Безусловно, все аспекты церковно-государственного взаимодействия на региональном уровне не могли быть отражены в законодательстве, многие из них определялись личными устремлениями представителей власти. Как справедливо отмечает Н.П. Матханова, на характер церковно-государственных отношений заметное влияние оказывали и личные качества архиереев и губернаторов, которые «были не только деятелями церковной и светской администрации, но и живыми людьми, очень разными и находившимися в очень разных человеческих отношениях» [2. С. 204].

Так, вятский губернатор Владимир Николаевич Струков (1863–1866) предпринял все усилия для того, чтобы при нем был достроен Александро-Невский собор (по проекту архитектора А.Л. Витберга), строительство которого продолжалось к тому моменту почти четверть века. Для этого в мае – июне 1864 г. губернатор разослал в адрес уездных исправников, городских голов Вятской губернии письма с призывом «оказания содействия к приглашению жителей к пожертвованиям на окончательное устройство собора» [28. К. 1-2], в итоге необходимая сумма была собрана, и в октябре этого же года состоялось торжественное освящение собора. Через 6 лет после освящения собора губернатор В.И. Чарыков, по свидетельствам современника, на собственные средства покрасил все 5 куполов Александровского собора в голубой цвет «с наложением на средний купол металлических позолоченных звезд». В этом же, 1870 г., Чарыков пожертвовал в вятскую Крестовую церковь [архиерейского дома] икону распятия Христа Спасителя на зеркальном стекле стоимостью 500 рублей [29. С. 14; 30. С. 1].

Доступны для анализа и документальные свидетельства участия вятских губернаторов в церковных праздниках, значимых для жителей губернии. Так, в еженедельной записке от 26 мая 1869 г. на имя министра внутренних дел В.И. Чарыков писал: «Из Вятки ежегодно совершается крестный ход с иконою Николая Чудотворца, на место явления – в село Великорещское, в

Орловский уезд, в 73х верстах от Вятки, куда стекается большое число богомольцев даже из других губерний. Желая лично видеть заведенный там порядок, при значительном стечении народа, 23 сего Мая я ездил в означенное село, где народу было до 30 тысяч человек; но во время праздника и крестного хода соблюдался порядок и никаких происшествий не было» [31. С. 98].

Непосредственное участие в торжествах в Велико-рецком принимал и губернатор Н.А. Тройницкий: «Воспитанный в православной семье, Н.А. Тройницкий следовал установленным традициям. В дни крестного хода, в дни почитания иконы Святителя Николая на реке Великой губернатор посещал село Великорецкое Орловского уезда, где проводились торжества» [32. С. 177]. В период губернаторства Н.А. Тройницкого при Вятском Мариинском детском приюте (попечительницей которого была жена губернатора) был устроен домовый храм, средства на строительство которого были получены из фонда елабужского купца И.И. Стахеева [Там же].

Таким образом, степень участия губернаторов в церковных делах во многом определялась их личными устремлениями, возможно, и степенью религиозности. К слову, не все вятские губернаторы второй половины XIX – начала XX в. были православными по вероисповеданию: так, формулярный список губернатора Михаила Карловича Клингенберга содержит информацию о лютеранском вероисповедании чиновника. Однако его сын, Николай Михайлович Клингенберг, ставший в 1896 г. по примеру отца вятским губернатором, в формулярном списке значится как православный [33. Л. 1 об.; 34. Л. 3 об.]. Впрочем, это соответствовало духу времени: Л.М. Лысенко отмечает, что значительная часть прибалтов постепенно «обрусела», и «дети многих губернаторов-лютеран принимали православие» [35. С. 191].

В целом же нельзя не согласиться с Н.П. Матхановой в том, что главы епархий были «встроены» в церковную вертикаль примерно так же, как главы губерний – в светскую. Безусловно, существовали специфические особенности как правового, так и личного статуса обоих субъектов: «будучи формально равными губернаторам и независимыми от них, на деле архиереи находились на иерархической лестнице ниже, что было следствием общей подчиненности церкви государству» [2. С. 202].

Сюжеты из истории взаимоотношений светской и духовной власти Вятской губернии во второй половине XIX в. позволяют проиллюстрировать эту мысль. Сложившаяся в 1881 г. ситуация описывается в мемуарах упоминаемого ранее вятского вице-губернатора В.А. Ратькова-Рожнова и была связана с реакцией вятской общественности на известие о гибели императора Александра. Трагические события в Петербурге пришлись на время отпуска губернатора Н.А. Тройницкого, поэтому исполняющим его обязанности был в тот момент Ратьков-Рожнов. В своих мемуарах он поясняет, что не получил вовремя телеграммы от министра внутренних дел о случившемся, однако утром 2 марта

до него начали доходить слухи от представителей других ведомств, которые получили от своего начальства соответствующую информацию. Чтобы проверить ее достоверность, В.А. Ратьков-Рожнов связался с казанским губернатором, от которого в течение 5 ч получил подтверждение «справедливости ужасной вести». За это время, несмотря на предупреждение вице-губернатора, начальники многих ведомств стали приводить к присяге своих подчиненных. «Местный же архиерей, – пишет В.А. Ратьков-Рожнов, – не дожидаясь губернаторского извещения и несмотря на ранее сделанное мною предупреждение, руководствуясь сообщением воинского начальника о полученной им телеграмме военного министра, велел служить в соборе панихиду и после нее читать присягу для народа, находившегося в церкви, без всякого участия и присутствия гражданского начальства». «Картиной полного безупрочия» называет В.А. Ратьков-Рожнов случившееся потому, что распоряжение в данном случае «идет не от одного лица, и притом главного, а производится отдельными начальниками по собственному усмотрению» [25. Л. 67–68]. Однако история на этом не закончилась, так как на следующий день владыка Аполлос (не получив соответствующего указа или распоряжения из Синода) велел праздновать восшествие на престол Александра III торжественной литургией и трехдневным колокольным звоном. По просьбе Ратькова-Рожнова неуместный, по его мнению, звон был прекращен: «На этот раз старик архиерей меня послушал, и звон прекратился, но все-таки неумелое распоряжение было сделано: целые сутки бесцельно звонили, и было торжественное богослужение в соборе без представителя власти» [Там же. Л. 69–69 об.].

Подобного рода конфликты между представителями светской и духовной власти были скорее исключением из общего правила, ориентирующего епископов и губернаторов на решение общих задач государственной важности, спектр и острота которых возрастали в условиях реализации либерального курса правительства.

Анализ основ и форматов взаимодействия светской и духовной власти на региональном уровне позволяет говорить о том, что губернаторы и епископы действительно выступали ключевыми фигурами системы государственно-церковного взаимодействия на местах. Во второй половине XIX – начале XX в. высокий образовательный уровень и богатый управленческий опыт, которыми обладали епископы и губернаторы, являлись позитивным фактором развития церковно-государственных отношений. Безусловно, основная ответственность за успешность реализации религиозной политики на уровне региона лежала на представителях духовной власти, однако ее ресурсов было недостаточно для того, чтобы реализовывать все возложенные государством на духовенство функции. В связи с этим часть функций, исходя из смысла закона или в рамках сложившейся практики взаимодействия, брали на себя представители власти светской. Чаще всего функционал губернаторов в сфере

реализации религиозной политики определялся готовностью конкретных администраторов брать на себя ответственность, уровнем компетенций должностных лиц, иногда – их степенью религиозности. Взаимодействие светской и духовной власти по определению не могло

быть в полной мере бесконфликтным, так как это было не только взаимодействие должностных лиц, но и конкретных людей, среди которых встречались амбициозные, бескомпромиссные, властные личности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Данные о сроках пребывания на Вятской кафедре приводятся без учета назначения в июне 1866 г. Христофора (Эммаусского), которое в силу состояния здоровья владыки не могло быть принято, в связи с чем Синод в октябре того же года уволил его на покой.

² Имеются в виду Н.А. Троицкий (период губернаторства – 1876–1882) и А.Н. Волков (1882–1887).

ЛИТЕРАТУРА

1. Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 1 (часть II). Ст. 212.
2. Матханова Н.П. Сибирские губернаторы и епископы XIX в.: контакты, конфликты, компромиссы // Азиатская Россия: люди и структуры империи: сборник научных трудов. Омск : Полиграфический центр КАН, 2016. 480 с.
3. Памятная книжка Вятской губернии на 1860 год. Вятка : Типография губернского правления, 1860. 358 с.
4. Памятная книжка и Адрес-Календарь Вятской губернии на 1916 год. Вятка : Губернская типография, 1916. 386 с.
5. 200 лет Вятской губернии. Статистический сборник. Киров : ГИПП «Вятка», 1996. 437 с.
6. Лаврентьев К.В. География Вятской губернии. Вятка : Типография Маишеева, 1890. 232 с.
7. Памятная книжка Вятской губернии за 1854 год. Вятка : Губернская типография, 1853. 92 с.
8. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года / изд. Центр. Стат. комитетом М-ва вн. дел ; под ред. Н.А. Троицкого. СПб., 1897–1905.
9. Памятная книжка о состоящих в государственной и общественной службе по Вятской губернии на 1854-й год. Вятка : Губернская типография, 1853. 88 с.
10. Памятная книжка Вятской губернии за 1870 год. Отдел IV. Вятка : Типография Губернского Правления, 1870. 104 с.
11. Рашин А.Г. Население России за 100 лет (1811–1913 гг.). М. : Государственное статистическое издательство, 1956. 352 с.
12. Центральный государственный архив Кировской области (ЦГАКО). Ф. 582. Оп. 28. Д. 364.
13. Вятские губернские ведомости (ВГВ). 1875. № 1.
14. Машковцев А.А., Машковцева В.В. Старообрядцы и сектанты Вятской губернии во второй половине XIX – начале XX века: взаимоотношения с региональными властями и православной церковью. Киров : Радуга-Пресс, 2015. 219 с.
15. Конюченко А.И. Православное духовенство России во второй половине XIX – начале XX века : дис. ... д-ра ист. наук. Челябинск, 2006. 222 с.
16. Прахт Д.В. Роль дореволюционного духовного образования в формировании личности // Вестник Тобольской государственной социально-педагогической академии им. Д.И. Менделеева. 2010. № 2. С. 82–92.
17. Бабкин М.А. Священство и Царство (Россия, начало XX в. – 1918 г.). Исследования и материалы. М. : Индрик, 2011. 920 с.
18. Скутнев А.В. Идеалы и установки духовного сословия в XIX – начале XX в. // Вопросы истории. 2017. № 11. С. 151–155.
19. Сухова Н.Ю. Государственная политика России в сфере высшего духовного образования (XVIII – начало XX в.) // Известия Алтайского государственного университета. 2009. № 4–4 (64). С. 232–236.
20. ЦГАКО. Ф. 582. Оп. 19 «а». Д. 2.
21. ЦГАКО. Ф. 583. Оп. 603. Д. 962.
22. ЦГАКО. Ф. 583. Оп. 603. Д. 951.
23. Крылов В.М. Кадетские корпуса и российские кадеты. СПб.: Издание Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, 1998. 671 с.
24. Святители земли Нижегородской [авт.-сост.: игумен Тихон (Н.И. Затекин); О.В. Дегтева; Нижегород. епархиальное упр. и др.]. Нижний Новгород: Центр содействия бизнесу, 2003. 539 с.
25. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 1148.
26. Алексушин Г.В. Развитие губернаторской власти в России (1708–1917 гг.): исторический опыт и уроки : дис. ... д-ра ист. наук. М., 2009. 457 с.
27. Полное собрание законов Российской империи. Собрание II. СПб., 1838. Т. 12. Отд. I. Ст. 10303. С. 361–439.
28. ЦГАКО. Ф. 582. Оп. 52. Д. 729.
29. Прозоров А.А. Город Вятка и его обыватели: мемуары / под ред. М.С. Судовикова, Е.И. Пакиной. Киров : Экспресс, 2010. 152 с.
30. ВГВ. 1870. № 103/104.
31. Российский государственный исторический архив. Ф. 1282. Оп. 3. Д. 126.
32. Романенко Л.М. Николай Александрович Троицкий (1842–1913) // Почетные граждане города Вятки: Исторические портреты. Киров : ИД «Герценка», 2015. 480 с.
33. ЦГАКО. Ф. 582. Оп. 24«б». Д. 79.
34. ЦГАКО. Ф. 582. Оп. 138. Д. 200.
35. Лысенко Л.М. Губернаторы и генерал-губернаторы Российской империи (XVIII – начало XX века). М. : Изд-во МГПИУ, 2001. 358 с.

Evgeniya N. Nemchaninova. Vyatka State University (Kirov, Russia). E-mail: evgeniya_nem@mail.ru

Marina Y. Polovnikova. Vyatka State University (Kirov, Russia). E-mail: pmina@mail.ru

THE GOVERNOR AND DIOCESAN IN THE SYSTEM OF CHURCH-STATE RELATIONS IN THE SECOND HALF OF THE XIX - EARLY XX CENTURIES (ON THE MATERIALS OF THE VYATKA PROVINCE)

Key words: governors, diocesan, Russian Orthodox Church, Vyatka province, Vyatka diocese, Church-state relations.

The purpose of the work is to analyze the foundations and formats of relations between secular and spiritual authorities in the localities in the second half of the XIX - early XX centuries from the standpoint of comparing the status of the governor and the diocesan as key figures in the system of church-state relations of this period. The source base of the work is archive documents (Central State Archive of the Kirov Region and the Russian State Historical Archive), statistical data (including materials from the First General Population Census of 1897), legislative acts, sources of personal origin (memoirs of the Vyatka Vice-Governor V. Ratkov-Rozhnov, merchant A. Prozorov) and others.

The article analyzes the totality of objective and subjective factors that directly or indirectly influenced the nature of church-state relations on the ground in the second half of the XIX - early XX centuries. There was a serious impact of the nature of local conditions (remoteness

from the center, the area of the controlled territory, the size and qualitative composition of the population) on the specifics of management in the secular and spiritual spheres. The article describes the appearance of representatives of the secular and spiritual power of the Vyatka province in the socio-demographic context (the origin, educational level, age of the Vyatka governors and diocesans are analyzed), which allows to evaluate the basis of their interaction. The formats of church-state relations in a particular region were determined not only by the prescription of the law and attitudes from the central government, but also by the characteristics of the region as an object of management, competences of representatives of secular and spiritual authority, and the specifics of the regional mentality.

The study allows the authors to come to the conclusion about the increased importance of governors and diocesans in the system of church-state relations, since it was these actors who implemented state (including religious) policies on the ground. In this regard, the effectiveness and specificity of the implementation of state policy in the secular and spiritual spheres in specific regions largely depended on the competencies of governors and diocesans, their initiative, personal aspirations, which in turn was determined in part by the level of education, available administrative experience and other components of social capital the subjects studied. In general, the interaction of church and state in the late XIX - early XX century was an important factor in ensuring the stability of the existence of the Russian state, and the relationship of secular and spiritual authorities on the ground set the tone and direction of this interaction.

REFERENCES

1. Russian Federation. (2016) Ukaz Prezidenta RF ot 31.12.2015 N 683 "O Strategii natsional'noy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii" [Decree N 683 of the President of the Russian Federation of December 31, 2015, "On the National Security Strategy of the Russian Federation"]. *Sobranie zakonodatel'stva RF – Legislation Bulletin of the Russian Federation*. 1(2). Art. 212.
2. Matkhanova, N.P. (2016) Sibirskie gubernatory i episkopy XIX v.: kontakty, konflikty, kompromissy [Siberian governors and bishops of the 19th century: contacts, conflicts, compromises]. In: Suviriva, N.G. & Mulina, S.A. (eds) *Aziatskaya Rossiya: lyudi i struktury imperii* [Asian Russia: People and Empire Structures]. Omsk: Poligraficheskiy tsentr KAN.
3. Korolev, V. (1860) *Pamyatnaya knizhka Vyatskoy gubernii na 1860 god* [The Memorial Book of Vyatka Province for 1860]. Vyatka: Tipografiya Gubernskogo Pravleniya.
4. The Vyatka Statistical Committee. (1916) *Pamyatnaya knizhka i Adres-Kalendar' Vyatskoy gubernii na 1916 god* [The Memorial Book and the Official Directory of Vyatka Province for 1916]. Vyatka: Gubernskaya tipografiya.
5. Anon. (1996) *200 let Vyatskoy gubernii. Statisticheskiy sbornik* [200 years of Vyatka Province]. Kirov: Vyatka.
6. Lavrentiev, K.V. (1890) *Geografiya Vyatskoy gubernii* [Geography of Vyatka Province]. Vyatka: Tipografiya Maisheeva.
7. Anon. (1853) *Pamyatnaya knizhka Vyatskoy gubernii za 1854 god* [The Memorial Book of Vyatka Province for 1854]. Vyatka: Gubernskaya tipografiya.
8. Troynitskiy, N.A. (ed.) (1897–1905) *Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy imperii 1897 goda* [The first general census of the population of the Russian Empire in 1897]. St. Petersburg: Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs.
9. Anon. (1853) *Pamyatnaya knizhka o sostoyashchikh v gosudarstvennoy i obshchestvennoy sluzhbe po Vyatskoy gubernii na 1854-y god* [The Memorial Book about those who are in state and public service in Vyatka Province for 1854]. Vyatka: Gubernskaya tipografiya, 1853. 88 s.
10. Anon. (1870) *Pamyatnaya knizhka Vyatskoy gubernii za 1870 god* [The Memorial Book of Vyatka Province for 1870]. Vyatka: Tipografiya Gubernskogo Pravleniya.
11. Rashin, A.G. (1956) *Naselenie Rossii za 100 let (1811–1913 gg.)* [The population of Russia for 100 years (1811–1913)]. Moscow: Gosudarstvennoe statisticheskoe izdatel'stvo.
12. The Central State Archive of Kirov Region (TsGAKO). Fund 582. List 28. File 364.
13. *Vyatskie gubernskie ведомости*. (1875) 1.
14. Mashkovtsev, A.A. & Mashkovtseva, V.V. (2015) *Staroobryadtsy i sektanty Vyatskoy gubernii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX veka: vzaimootnosheniya s regional'nymi vlastyami i pravoslavnoy tserkov'yu* [Old Believers and sectarians of Vyatka Province in the second half of the 19th – early 20th centuries: relations with the regional authorities and the Orthodox Church]. Kirov: Raduga-Press.
15. Konyuchenko, A.I. (2006) *Pravoslavnoe dukhovenstvo Rossii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX veka* [The Orthodox Clergy of Russia in the second half of the 19th – early 20th centuries]. History Dr. Diss. Chelyabinsk.
16. Prakht, D.V. (2010) Rol' dorevolutsionnogo dukhovnogo obrazovaniya v formirovaniy lichnosti [The role of pre-revolutionary spiritual education in personality formation]. *Vestnik Tobol'skoy gosudarstvennoy sotsial'no-pedagogicheskoy akademii im. D.I. Mendeleeva*. 2. pp. 82–92.
17. Babkin, M.A. (2011) *Svyashchenstvo i Tsarstvo (Rossiya, nachalo XX v. – 1918 g.). Issledovaniya i materialy* [Priesthood and Tsardom (Russia, the early 20th century – 1918). Research and materials]. Moscow: Indrik.
18. Skutnev, A.V. (2017) Idealy i ustanovki dukhovnogo sosloviya v XIX – nachale XX v. [Ideals and attitudes of the clergy in the 19th – early 20th centuries]. *Voprosy istorii – Issues of History*. 11. pp. 151–155.
19. Sukhova, N.Yu. (2009) Russian state policy in higher ecclesiastical education (the 18th – early 20th centuries). *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta – Izvestia of Altai State University Journal*. 4-4 (64). pp. 232–236.
20. The Central State Archive of Kirov Region (TsGAKO). Fund 582. List 19 "a". File 2.
21. The Central State Archive of Kirov Region (TsGAKO). Fund 583. List 603. File 962.
22. The Central State Archive of Kirov Region (TsGAKO). Fund 583. List 603. File 951.
23. Krylov, V.M. (1998) *Kadetskie korpusa i rossiyskie kadety* [Cadet corps and Russian cadets]. St. Petersburg: Military History Museum of Artillery, Engineering and Signal Corps.
24. Zatekin, N.I. & Degteva, O.V. (2003) *Svyatiteli zemli Nizhegorodskoy* [The Saints of Nizhny Novgorod]. Nizhny Novgorod: Tsentr sodeystviya biznesu.
25. The Manuscripts Department of the Russian National Library. Fund 1000. List 2. File 1148.
26. Aleksushin, G.V. (2009) *Razvitiye gubernatorskoy vlasti v Rossii (1708–1917 gg.): istoricheskiy opyt i uroki* [The development of governorship in Russia (1708–1917 gg.): Historical experience and lessons]. History Dr. Diss. Moscow.
27. Russia. (1838) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [The Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Coll. II. Vol. 12. St. Petersburg: [s.n.]. pp. 361–439.
28. The Central State Archive of Kirov Region (TsGAKO). Fund 582. List 52. File 729.
29. Prozorov, A.A. (2010) *Gorod Vyatka i ego obyvateli: memuary* [Vyatka and its Residents: Memoirs]. Kirov: Ekspres.
30. *Vyatskie gubernskie ведомости*. (1870) 103/104.
31. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1282. List 3. File 126.
32. Romanenko, L.M. (2015) Nikolay Aleksandrovich Troynitskiy (1842–1913) [Nikolai Aleksandrovich Troitskiy (1842–1913)]. In: Garyaev, N.N. (ed.) *Pochetnye grazhdane goroda Vyatki: Istoricheskie portrety* [Honorary Citizens of Vyatka: Historical Portraits]. Kirov: Gertsenska.
33. The Central State Archive of Kirov Region (TsGAKO). Fund 582. List 24 "b". File 79.
34. The Central State Archive of Kirov Region (TsGAKO). Fund 582. List 138. File 200.
35. Lysenko, L.M. (2001) *Gubernatory i general-gubernatory Rossiyskoy imperii (XVIII – nachalo XX veka)* [Governors and Governors-General of the Russian Empire (the 18th – early 20th century)]. Moscow: MGPGU.

УДК 94(570)
DOI: 10.17223/19988613/62/10

А.В. Спичак

ХИРОТОНΙΑ И ХИРОТЕСИЯ. ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ НАЗНАЧЕНИЯ НА ДОЛЖНОСТЬ СВЯЩЕННО- И ЦЕРКОВНОСЛУЖИТЕЛЕЙ В XVIII – НАЧАЛЕ XX в. И ПРАКТИКА СТАВЛЕННОГО ДЕЛОПРОИЗВОДСТВА (НА МАТЕРИАЛАХ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА В Г. ТОБОЛЬСКЕ)

Исследование осуществлено в рамках исполнения гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук (Конкурс МК-2018) МК-3701.2018.6.

Выполнен анализ нормативных правовых актов, регламентирующих назначение на места (к церквям) священно- и церковнослужителей в XVIII – начале XX в. Церковное делопроизводство в рассматриваемый период регламентировалось на законодательном уровне и было частью общей государственной системы работы с документами. Назначение на священно- или церковнослужительские должности являлось достаточно сложной процедурой и оформлялось значительным комплексом документов. Выявлен сопровождавший процесс назначения на должность духовных лиц пакет документов, в настоящее время хранящихся в делах о рукоположении в Государственном архиве в г. Тобольске.

Ключевые слова: Русская православная церковь; Тобольская епархия; хиротония; хиротесия; ставленническое делопроизводство.

Изданным после кончины патриарха Адриана указом от 16 декабря 1700 г., содержащим предписания об организации высшего церковного управления, открывается новый этап отношений между церковью и государством в России, который именуется историками церкви синодальным периодом (1700–1917 гг.). В этот период правительство своими нормативно-правовыми актами контролировало все стороны жизнедеятельности Русской православной церкви (далее – РПЦ), в том числе и кадровое делопроизводство, например, назначение на священно- и церковнослужительские¹ должности.

При «поставлении» (назначении на должность)² духовным лицам выдавали ставленные грамоты. Ставленная грамота – это документ, выдаваемый епископом священно- и церковнослужителю, в удостоверение действительности и правильности его рукоположения, с указанием его степени и принадлежащих ему прав.

Изученность темы исследования. В последние десятилетия весьма активно происходит изучение региональной церковной истории, в том числе исследование прошлого Тобольской епархии, являвшейся одной из крупнейших российских епископий (она включала, в частности, территорию Тобольской губернии; границы епархии и губернии совпали лишь к середине 30-х гг. XIX в., до этого Тобольская епархия охватывала земли не только Сибири, но и Урала, и Дальнего Востока).

Историография досоветского периода представлена единичными работами о рукоположении в РПЦ. Оно рассматривалось епископом Далматинским Никодимом Милашом как препятствие к браку [3]; хозяйственная сторона проблемы тогда же, в начале XX в., изучалась Л.М. Багрецовым [4].

В советский период практика рукоположения в РПЦ не становилась предметом исследования, а позднее привлекала внимание в основном ученых, интересовавшихся

историей приходов и взаимоотношениями государства и церкви, в том числе в региональном аспекте.

Признанным специалистом в области ставленнического делопроизводства в Сибири можно считать Н.Д. Зольникову [5], которая на материалах Западной Сибири детально проследила взаимоотношения духовенства и местных властей. Видная новосибирская исследовательница пришла к выводу о том, что «после поражения церкви в борьбе за материальную основу своей независимости последовала потеря самостоятельности в сословной и ставленнической политике». Государство контролировало духовное сословие, начиная с формализации получения духовного сана и заканчивая постоянными разборами «излишних» священно- и церковнослужителей [6].

М.В. Пулькин изучил вопросы формирования клира Олонецкой епархии во второй половине XVIII в.: принципы подбора церковников, эволюцию ставленнического делопроизводства, причины и обстоятельства «перемены» клириков [7]. Д.Ф. Полознев описал содержание и форму ставленных грамот Ростовской и Вологодской епархий XVI–XVII вв., а также опубликовал три из этих документов [8]. А.В. Мангилева проанализировала данные о служебных назначениях духовенства Екатеринбургского уезда за 1802–1903 гг. [9].

Одним из последних исследований, посвященных рассматриваемой теме, является диссертационная работа А.В. Матисона, который представил условия и процедуру определения на священно- и церковнослужительские должности и определил особенности прохождения приходской службы в городах Тверской епархии в XVIII в. [10].

Хотя есть несколько работ, затрагивающих вопросы поставления на духовные должности в синодальный период в различных епархиях, дела по назначению на места священно- и церковнослужителей в Тобольской

епархии с точки зрения документоведения и правоведения еще не рассматривались.

Основную документальную базу нашего исследования составляют материалы ГБУ Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске» (ГБУТО ГАТ). Важными источниками являются материалы ставленнического делопроизводства. Они представлены прошениями кандидатов на священно- и церковнослужительские места, материалами об их рукоположении и руковозложении. Эти материалы позволяют проследить, какие требования предъявлялись к кандидатам на священнические, дьяконские или причетнические места, каковы были условия и порядок получения священного сана. Особый вид источника – законодательные акты, которые имеют не только юридическое значение. В первую очередь законодательные акты центральной власти, в частности, Святейшего Правительствующего Синода (далее – Синода), опубликованные в «Полном собрании законов Российской Империи».

Законодательное закрепление посвящения в сан и «поставления» к церквям. Указ Синода от 25 апреля 1711 г. (№ 2352) утвердил «Правила на поставление по приходам священников, диаконов и дьячков», согласно которым требовалось: 1) минимальный возраст кандидатов – 25 лет для диаконов и 30 лет для священников; 2) не посвящать больше необходимой нормы; 3) если дьячки хотели занять место больного или престарелого священника, то последнего следовало вызвать в консисторию, проверить его здоровье и взять у него «сказку», подтверждающую, что иерей прекращает службу и проведение церковных треб, иначе будет наказан, а новопосвященный – уволен; 4) проверять писцовые и переписные книги, в скудные приходы не посвящать диакона и второго священника, даже если такие должности ранее были заняты; 5) не давать священникам и диаконам перехожих грамот в другие епархии; если в скудном приходе один из двух священников желает перейти в другой приход той же епархии, то в таком случае выдать ему перехожую грамоту и на его место уже никого не принимать; 6) тщательно проверять «заручные» (с подписями) челобитные на предмет подлога и наличие подписи помещика, «отписки» старосты; при отсутствии вышеперечисленного – отказать в приеме; 7) архиереям предписать указами старостам, чтобы последние не давали отписки, прежде чем сами не увидят приход и опросят крестьян, угоден ли им дьячок, «какого он жития» и на чье место «бьет челом»; 8) к отбору ставленников подходить со всей ответственностью и строгостью, при обнаружении «неумения и коснотения» (недостатка ума и неумения читать) – отказывать; 9) архиереев, поступающих в нарушение данных правил, лишать престола [11].

Порядок определения священников при церквях на «праздные» места был определен 19 февраля 1718 г. указом Петра I. Так, следовало заранее подбирать кандидатов на места, чтобы они после смерти священников не пустовали [12].

Духовный регламент (ДР) 1721 г. (§ 8–10) установил порядок избрания священников к приходам: 1) когда прихожане или помещики, живущие в вотчинах, избирали человека в своей церкви в священники, то им следовало в доношении засвидетельствовать, что это лицо «жития доброго и неподозрительного». В случае, если помещики не жили в своих вотчинах, то такое свидетельство должно было исходить от их крестьян, которые в челобитной указывали, какое количество руги или земли назначалось священнику. Избранный кандидат также обязывался подтвердить своей подписью, что он доволен количеством руги или земли, и что от церкви, к которой он будет посвящен, не отойдет до смерти. При подозрении епископа в приверженности кандидата к расколу или сомнении, достоин ли последний священнического сана, решение оставлялось на усмотрение архиерея; 2) запрещалось принимать в духовники «волочащихся» попов [13].

Синод 23 февраля 1722 г. приказал к церквям, имеющим священнические и дьяконские места, выбирать кандидатов всем прихожанам и подавать прошение со своими подписями, что выбранные люди были «добрые и беспорочные, и грамоте умеющие, и никакого подозрения за ними раскольнического нет... жития доброго и не пьяницы». После получения прошения архиереи слушали его и свидетельствовали по правилам Святым, и, если сочтут кандидата неподозрительным, велели ставленнику изучить «книжицы о вере и законе Христианском» и перед посвящением публично проклянуть раскольническое учение с присягой, что не будет укрывать раскольников в его приходе. Посвящать кандидата в сан и определять его к церкви можно было только после описанной процедуры, под опасением немалого штрафа в случае ее несоблюдения [14].

Прибавления к ДР, утвержденные в мае 1722 г., установили правила для выбора, рукоположения и содержания священников и диаконов при церквях: 1) некоторые лица пытались попасть в священнический чин только для «большой свободы и пропитания», не имея «должного искусства своему званию», поэтому запрещалось поставлять в указанные должности тех, кто не окончил церковной школы и не выучил наизусть «книжицы о вере и законе Христианском, о должностях всех чинов»; 2) ставленник обязан был иметь свидетельство от своих прихожан о том, что его знают как «доброго человека, а именно не пьяницу... не ленивого, не клеветника, не сварлива, не любодейца, не бийцу, в воровстве и обманстве не обличенного», так как эти «злодейства препинают дело пастьерское, и злообразие наносят чину духовному»; 3) в доношении от прихожан также следовало указать количество руги или земли, определенное священнику, удостоверенное подписями прихожан и ставленника о том, что он доволен этим количеством; 4) принятого ставленника отправлять в церковь только после того, как он изучит упомянутые «книжицы», следовало также «искушать его, не ханжа ли есть он, и не притворяет ли смирения,

что умному человеку нетрудно узнать; кроме того, спрашивали, не разговаривает ли сам с собой, не видит ли галлюцинаций; 5) перед «поставлением» во священство ставленник должен был проклянуть раскольническое учение и дать присягу, что он не будет укрывать раскольников в своем приходе, а также присягнуть в верности своему государю; 6) после «поставления» в священство ставленник, обучаясь в Архиерейском доме церковным служениям, обязывался взять с собой в церковь правила, если не было средств иметь печатный регламент, чтобы впредь не мог объяснять незнания своих должностных обязанностей, и перед отъездом в церковь расписаться в архиерейском приказе, что он взял упомянутые правила и будет ими руководствоваться в своей деятельности, иначе будет платить штраф. Таким образом, прибавления к ДР частично дублировали вышедшие ранее постановления [15].

Определением Синода от 10 августа 1722 г., утвержденным 19 января 1723 г. Петром I, велелось количество лиц духовного звания в московских соборах определять на местах, как и прежде, в зависимости от потребности, а в других городах в архиерейских соборах назначать по одному протопопу, два ключаря, пять священников, одному протодьякону, два псаломщика, два пономаря, в других соборах одному по протопопу, два священника, два дьякона, два дьячка, два пономаря и два сторожа, а при великоприходных церквях – по два священника, два дьячка, два пономаря. В двуприходных церквях (при двух священниках) требовалось и причетников вдвое больше, чем в одноприходных. В особо больших приходах, если два священника не могли справиться с нагрузкой, то разрешалось ставить трех священников, однако к одному приходу не разрешалось определять больше 300 дворов. В приходе с одним священником должно было числиться 100–150 дворов, где два священника – 200–250 дворов, где три – до 300 дворов. При одном священнике не могло иметься более двух дьячков и одного пономаря. Согласно указанному постановлению, в Синодальном доме должно было состоять 4 иподьякона, 10 певчих, 30 подьяков, а архиерейских домах – по 3 иподьякона, 10 певчих, канархистов, подьяконов, лампадчиков, посошников, кафедрщиков, 20 орлейщиков и 8 сторожей. Лишних певчих и подьяков требовалось перевести в приходские церкви в дьячки и пономари при желании и наличии свободных мест [16].

Указ Синода от 22 марта 1723 г. утвердил порядок производства в протопопы: 1) в большие московские соборы в Кремле не производить в протопопы без доклада и определения Синода, в прочие же соборы требовать резолюцию Синода доношением; 2) ставленников к находящимся в Москве греческим архиереям для поставления посылать по-прежнему, а последним рукополагать по реестру, а не через ряд; 3) из архиерейских епархиях в Синодальную область, так и из последней в архиерейские епархии священников и дьяконов от церквей не отпускать и отпущенных не при-

мать, кроме собственного синодального позволения; 4) на места умерших попов и дьяконов производить по ДР и утвержденным ранее указам достойных священства лиц, обучившихся в школе, не ожидая, пока дети умерших духовных лиц вступят в подходящий для занятия должностей возраст [17].

Впервые выдача священникам грамот, «свидетельствующих их», была определена указом от 16 августа 1727 г. Синод 25 января 1738 г. утвердил выдачу печатных ставленных грамот священникам и диаконам вместо прежних формуляров, «чтобы ни от кого подлога не было». Печатать грамоты предписывалось в московской типографии на «добрый» бумаге, отправлять в епархии, взяв «надлежащую цену с запиской и росписками». Однако если печатных грамот не было в наличии, разрешалось выдавать «письменные» грамоты [18].

Согласно указу Синода от 23 сентября 1742 г., следовало впредь производить ставленные дела на простой (вместо гербовой) бумаге, чтобы ставленники больше не терпели убытки. Кроме того, епархиальным архиереям вменялось в обязанность поручать ведение таких дел добросовестным людям, которым можно было доверять [19].

Количество причетников, необходимое для каждой церкви, определяли по величине приходов согласно пункту 12 Инструкции для проведения ревизии от 16 декабря 1743 г. [20].

Указ Сената от 8 марта 1744 г. велел оставить в приходских церквях дьяконов согласно указам от 10 августа 1722 и 19 января 1723 г., дабы устранить неясности из-за того, что в первом указе о дьяконах не упоминалось, а по второму ошибочно требовалось на каждого священника не более двух дьячков, а не дьяконов [21].

Указ Сената от 12 августа 1745 г. содержал выдержки из прежде утвержденных указов. Чтобы во всех епархиях не было недостатка ни в священнослужителях, ни в церковнослужителях, Синод предоставил ведение (так назывался вид документов) Сенату, чтобы последний благоизволил определить детей протопопов, священников и дьяконов и причетников вместе с их детьми переписать и без дополнительного рассмотрения высшими учреждениями впредь не определять к другим местам, перечисленным в инструкции для проведения ревизии – в подушный оклад и в службу. После ревизии именные списки генералитету велелось сообщить епархиальным архиереям, а при их отсутствии – управляющим архиерейских домов. Епархиальные начальства, списавшись с генералитетом, должны были приписать названных лиц духовного звания к тем церквям, при которых числится недобор причетников, либо на свободные священнические и дьяконские места. Такие меры пришлось принять, чтобы при недостатке причта не определять к церквям крепостных помещичьих людей и крестьян. Синод потребовал от генералитета при проведении генеральной ревизии отдельно указывать в ведомости, написанной по сказкам ревизии, служащих священно- и церковно-

служителей и тех, кто остались лишними, с обозначением населенных пунктов, церквей, возраста. Копии таких ведомостей, заверенные по листам секретарями, следовало отправить епархиальным начальствам, чтобы им была известна сложившаяся ситуация и они сделали необходимую «перестановку кадров», дабы полностью укомплектовать причтом церкви. Данный указ еще раз подтверждал положения указа от 10 августа 1722 г. определять к церквям только достойных, грамотных и неподозрительных людей. Детей духовных лиц требовалось приписывать к тем же церквям, что и их отцов. К ревизии архиереи должны были представить ведомости об обучающихся в школах детях и в ведомости по результатам ревизии указывать отдельно обучающихся и необученных детей, а также раздельно «годных» и «негодных» духовных лиц. Епархиальному начальству требовалось составить «рописание» духовных лиц по городам, уездам, церквям, а священно- и церковнослужителей – порознь по чинам, именам с их детьми. Указ велел представить ведомости о семинаристах со следующими сведениями: 1) количество детей, действительно служащих и по последнему распределению определенных к церквям, священно- и церковнослужительских детей, которые согласно инструкции для проведения ревизии и вышеуказанных постановлений оставались с их отцами; 2) количество лишних детей, которые, если не записаны в семинарии и школы, определялись в службу или в оклад; 3) количество детей, которые (или их отцы) были записаны в подушный оклад в прежнюю перепись [22].

Сенат вместе с Синодом издали указ от 23 декабря 1754 г., которым предписывалось исполнить ранее утвержденные постановления о распределении пригодных к исполнению церковной службе священно- и церковнослужителей по церквям на свободные места, причем лишних духовных лиц из одной епархии следовало перемещать в те епархии, где наблюдался недостаток таковых [23].

Указ Сената от 10 декабря 1756 г. установил правила для разбора и распределения служащих и неслужащих священно- и церковнослужителей и их детей. Так, в экстракте из протокола конференции, состоявшейся при дворе в присутствии Елизаветы Петровны от 28 августа 1756 г., зафиксирован приказ Ее Императорского Величества, чтобы при архиереях и монастырях сверх положенного для них штата никого не только при них, но и церковников и других причетников при церквях не принимать, а с уже имеющимися лишними духовными лицами поступать по прежним указам [24].

Со ставленных грамот произволился сбор на архиерейский клир согласно указу Сената от 18 апреля 1765 г. [25].

Указ Синода от 15 февраля 1766 г. велел людей податного звания без увольнения из него не посвящать в духовные чины. Епархиальные архиереи должны были представить губернаторам ведомости на основании указа от 28 января 1723 г. о посвященных положенных

в оклад лицам с указанием даты пострижения в монашество и чина при посвящении в священно- или церковнослужители, а затем составленные по тем ведомостям перечневые ведомости отправить в Синод [26]. Церковный «разбор» был приостановлен указом Сената от 2 апреля 1767 г. вследствие указа Екатерины II от 17 февраля 1766 г. [27].

В указе Сената от 20 января 1769 г. содержатся данные о том, что только две сибирские епархии (скорее всего, имеются в виду Тобольская и Иркутская) не предоставили ведомости о разборе священно- и церковнослужителей и их детей. По причине ошибок и неточностей в ведомостях остальных епархий Сенат требовал еще раз составить духовным правлениям и консисториям такие ведомости, но на этот раз более подробные, с указанием точного возраста всех духовных лиц, их умения читать и писать, и предать их через провинциальные и воеводские канцелярии в Сенат. Губернаторам велелось набрать из детей духовного звания от 15 до 40 лет четвертую часть для военной службы, а безместных дьячков, пономарей и сторожей, наказанных за повинности, детей престарелых или находящихся под следствием духовных лиц и необученных грамоте детей от 15 до 40 лет – половину, при этом здоровых и выше 2 аршин [28].

Указ Синода от 28 августа 1774 г. подтвердил прежние постановления о распределении церковников [29]. Указ Синода от 8 октября 1778 г. требовал, как и ранее, чтобы в церквях не держали причта больше законодательно установленной нормы. Данный указ утвердил правила укомплектования церквей, кроме соборов и штатных церквей, о которых были прежде сделаны точные предписания: 1) при одноприходных церквях с количеством приходских дворов менее 150 требуется определять одного священника; 2) до 200 дворов в близлежащей местности и в одном селе – одного священника, если прихожане не просят второго, а если в таких приходах было два священника и если будет подтверждена такая необходимость, в том числе и от населения, оставлять обоих; 3) в приходах от 250 до 300 дворов ставить 2 священника; 4) если при 300 дворах и более издревле было 3 священника, а 2 справиться не смогут, то оставить 3; 5) распределение дьяконов при городских и уездных церквях осуществлялось на основании указов от 10 августа 1722 и 4 (20) июня 1768 г.; 6) даже если прихожане будут просить на места престарелых и больных членов причта поставить новое духовное лицо, консистории должны были проверять их возраст и здоровье и при подтверждении их плохого состояния забирать их ставленные грамоты и хранить при их делах согласно указам Синода 1732 г., чтобы они не исправляли мирские требы, литургии, только если с архиерейского благословения, и брать с таких клириков об этом подписки [30].

На протяжении XVIII в. резко уменьшается влияние прихожан на жизнь их храма. В начале века прихожане, как и прежде, сами подбирали кандидата на

должность священника. Но вскоре господствующим становится наследственный принцип: дети служителей церкви по мере взросления занимают их места. С 1780-х гг. практика наследования нередко заменяется практикой назначения членов причта епископом [31. С. 254].

Кандидат на должность священно- или церковнослужителя, даже если был одобрен прихожанами, объявлялся по указу от 24 июня 1797 г. иметь свидетельство о честном поведении от духовного правления и благочинного. Согласно ДР, от прихожан и помещиков требовалось при избрании в священники подать епархиальным архиереям подписанное ими доношение о добропорядочном поведении избираемого. Духовным правлениям разрешалось указом от 4 мая 1797 г. принимать прошения, подписанные только одним кандидатом, чтобы не возникало затруднений, с приложением одобрений от прихожан. Синод разработал образец одобрений и прошения о назначении на должность, и его копии, напечатанные типографией Синода, разослали в духовные правления для объявления кандидатам, «чтобы везде единообразно были писаны» [32].

Очередной указ Сената от 11 апреля 1784 г. о «разборе» священно- и церковнослужителей и их детей велел: 1) всех штатных и положенных по прежним ревизиям в подушный оклад при увольнении, которых по ведомости оказалось 84 131 человек, оставить при действительном служении; 2) лишних духовных лиц (94 481) распределить на свободные места, во-первых, 1 548 человек, которые, хотя и находятся при действительном служении, но сверх штата числятся, следя за тем, чтобы нигде не имелось заштатных духовных лиц, определить 9 784 человека из детей тех священно- и церковнослужителей, действительно служащих, старше 51 года, которые по усмотрению архиерея будут достойными; 3) для производства на освободившихся в будущем места из-за смерти или по другим причинам выбытия причта оставить 11 329 человек, обучающихся в семинариях и школах, независимо от того, дети они действительно служащих или нет, или тех, кто перешел в духовное звание из положенных в подушный оклад, а также детей служащих священно- и церковнослужителей младше 15 лет, которые еще не учатся в семинариях в силу своего малолетства; 4) вступивших в церковный причт, но не посвященных в священники или диаконы и не выключенных из подушного оклада, и их детей требовалось возвратить на прежние места служения и, следовательно, в подушный оклад; 5) епархиальным архиереям было необходимо подать в Казенные палаты списки с указанием возраста, согласно с поданными ревизскими сказками, как об определенных для будущего комплектования церковью из семинаристов и малолетних детей, оставшихся при отцах, назначенных по наместникам в канцелярские служители семинаристов, так и о лишних, распределенных по их желанию в различные места. В указанные списки требовалось включить умерших и «убылых» после ревизии в другие места с точным указанием, кто, когда или

куда и в какое звание выбыл, следя за тем, чтобы данные были достоверными. Казенные палаты после получения от всех «лишних» (оставшихся за штатом) церковников ведомостей о желаемом состоянии обязывались представить Сенату перечневые ведомости отдельно по каждому званию со своими примечаниями [33].

Еще один указ, уже Синода, о «разборе» от 16 апреля 1784 г. содержал правила согласно требованиям предыдущих узаконений [34]. Указ Синода от 18 ноября 1793 г. установил преимущественное определение на вакансии в Синод и другие «духовные правительств» обучающихся в семинариях и академиях детей духовного звания, умеющих писать «исправно» и способных к этим должностям [35]. Если в одной из епархий во время ревизии обнаруживалось несоответствие требованиям законодательства (например, при изменении границ епархии и, следовательно, приходов), то Синод, как бывало и вследствие доношений епархиальных архиереев, издавал указ, в котором разъяснял, как епархиальному начальству впредь необходимо поступать, и для сведения рассылал постановление во все остальные епархии (порядок распределения священно- и церковнослужителей к приходам в Белгородской епархии был утвержден указом Синода от 16 марта 1795 г. [36]).

От кандидата на должность, даже если он получил одобрение прихожан, требовалось (по указу от 24 июня 1797 г.) иметь свидетельство о честном поведении от духовного правления и благочинного. Согласно ДР, прихожане и помещики обязаны были при избрании в священники подать епархиальным архиереям подписанное ими доношение о добропорядочном поведении избираемого. Духовным правлениям разрешалось указом от 4 мая 1797 г. принимать прошения, подписанные только одним кандидатом, чтобы не было затруднений с представлением одобрений от прихожан. Синод разработал образец одобрений и прошения о назначении на должность; его копии, напечатанные типографией Синода, разослали в духовные правления для объявления кандидатам, «чтобы везде единообразно были писаны» [37].

В начале XIX в. в 33 епархиях (кроме Минской, Подольской и Волынской-Житомирской) не хватало 5 046 священнослужителей, а причетников – 10 152, обучающихся в училищах детей – 24 167, обученных грамоте, живущих с отцами младше 15 лет – 11 379, необученных – 49 460, грамотных старше 15 лет – 2 202, неграмотных – 1 166, уволенных из-за старости или болезней и находящихся на содержании у родственников священников – 2 662, причетников – 2 312. 20 ноября 1806 г. был утвержден доклад об очередном «разборе», согласно которому требовалось в недостающее число штатных и указных священно- и церковнослужителей набрать обучающихся в духовных училищах и тех духовных лиц, которые после упразднения церковью или причта по каким-либо обстоятельствам не поступили еще на другие места, а также уволенных от

должностей, которые беспорочного поведения и решат еще продолжить служение [38].

Синод указал дела просителей о ставленниках и о построении церкви производить с 1742 г. на простой бумаге. В подтверждение этого был послан указ Сената от 31 января 1807 г. всем губернским правлениям, министрам и государственному казначею [39].

Синод с особенным усердием следил, чтобы церкви комплектовались только добропорядочными и нравственными духовными лицами, и приказал 22 декабря 1823 г. епархиальным архиереям при избрании и рукоположении обращать внимание на возраст и проверять поведение и образ мыслей кандидатов «всеми возможными способами» [40].

В 1864 г. по представлению митрополита Московского Филарета (Дроздова) и с разрешения Синода были внесены изменения в некоторые выражения в ставленной грамоте священника. Определением Синода 1–8 апреля 1897 г. был установлен порядок выдачи ставленных грамот лицам, рукоположенным архиереем другой епархии. Для этого (а также на случай совершения рукоположения викарным епископом) вносились изменения в печатный бланк ставленной грамоты, образец которого разослали в епархии.

22 мая 1867 г. император утвердил мнение Государственного совета о замещении священно- и церковнослужительских вакансий. Согласно правилам, установленным в 1823 г.: 1) преимущества в приеме имели родственники престарелых, больных и умерших духовных лиц, взявшие на себя обязательство содержать их, вместе с семьями, или посторонние, согласные выплачивать названным духовным лицам «некоторое пособие»; 2) предоставление сиротам мужского пола, обучающимся в училищах, части доходов свободных дьяконских и причетнических мест, которые не замещали некоторое время специально для этой цели; 3) определение «не молодых» вдов и сирот женского пола в просфирни при церквях с выплатой суммы денег, равной половине доходов причетника или на особое добровольное подаяние от прихожан. Эти правила еще при их обнародовании были признаны неудобными, их разрешалось применять только по мере возможности без нанесения вреда управлению епархией. Опыт применения этих правил выявил следующие неудобства: 1) затруднения для епархиальных архиереев, обязанных предпочитать при поставлении «достоинству родство»; 2) вакантные места, зачисленные за священно- и церковнослужительскими дочерьми, оставались из-за их несовершеннолетия не занятыми; 3) и без того скудно обеспеченным причтам приходилось делиться с принятыми на их содержание лицами; 4) обременение учреждений православного духовного ведомства множеством дел, возникающих от несоблюдения (нередко невольного) членами причтов неудобных в исполнении условий и из-за укоренившегося вследствие этого убеждения в среде духовенства о наследовании мест по праву родства. Синод признал эти правила несовмести-

мыми как с каноническими постановлениями, так и с достоинством церковного управления. Государственный совет признал необходимым отменить правила 1823 г.: при увольнении или смерти духовного лица в выборе кандидата не применять правило родства; не допускать открытия новых вакансий сверх нужд приходов, а определять на места для призрения осиротевших духовных семейств. Однако некоторые положения постановления 1823 г. по призрению остались актуальными согласно циркулярному указу Синода от 26 июня 1867 г. (№ 30): 1) принятие сирот на казенное содержание в училища; 2) определение сирот и вдов женского пола в просфирни [41. С. 16–18].

Указ от 22 февраля 1867 г. упразднил обычай передачи приходских церковных должностей по наследству. В 1869 г. было определено, что духовное звание не переходит автоматически от отцов к детям. Из духовного звания отчислялись церковные сторожа, пономари и другие церковнослужители [31. С. 257].

Во вторую половину XIX столетия перешла оформившаяся традиция передачи мест в приходах по наследству как по мужской, так и по женской линиям. В 1867 г. закрепление освободившихся мест за родственниками умерших священно- и церковнослужителей было отменено [42. С. 69]. Таким образом, в XVIII – начале XX в. назначение на места священно- и церковнослужителей законодательно регламентировалось указами Сената и Синода. Издавались многочисленные нормативные правовые акты, закрепляющие правила хиротонии, хиротесии и ставленого делопроизводства. Издание большинства постановлений приходится на XVIII – начало XIX в., позже, до начала XX в. практически не появлялось новых законов и продолжали действовать ранее утвержденные распоряжения.

Практика ставленого делопроизводства в Тобольской епархии. К настоящему времени сохранились лишь единицы дел, хранящих ставленные грамоты Тобольской епархии XVIII – первой четверти XX в., а также сведения об условиях их выдачи. Данный вид документов можно признать редким. В ГБУТО ГАТ были обнаружены следующие дела: ставленные грамоты за 1850–1905 гг. [43. Л. 1–29]; реестр священно- и церковнослужителей, которым даны ставленные грамоты в 1795 г. [44. Л. 1–4]; дело по рапорту благочинного тобольских городских церквей иерея Михаила Арефьева о взыскании со священно- и церковнослужителей денег за ставленные грамоты (1806 г.) [45. Л. 1–3]; дело по рапорту казначея Тобольского архиерейского дома Ефима Мамина о взыскании со священно- и церковнослужителей пошлин за ставленные грамоты 1805–1806 гг. [46. Л. 1–28]; дело по сообщению Московской Синодальной типографской конторы о получении денег за посланные в Тобольскую духовную консисторию ставленные грамоты (1824 г.) [47. Л. 1–3].

Переписка березовского благочинного с причтами церковью по поводу назначения на должность отложилась также в деле «Переписка с церковнослужителями

и церковными Советами о сборе добровольных пожертвований, о назначении на должности, о состоянии церкви и др.» за 1929–1930 гг. [48. Л. 68].

В фондах № 156 «Тобольская духовная консистория» и № 57 «Канцелярия Епископа Тобольского и Сибирского» ГБУТО ГАТ содержится также 53 дела по прошениям лиц о рукоположении и руковозложении в различные духовные должности (священника, дьякона, псаломщика, пономаря) за 1753, 1802, 1805, 1824 и 1921–1923 гг.

Эти материалы позволяют судить о составе комплекса документов, сопровождавших процесс назначения на должность духовных лиц. Как видно из дел о «поставлении», основными из них являлись прошение кандидата на «поставление» (инициирующий документ дела), допрос и присяга. Дополнительными документами в деле могли являться: удостоверение благочиннического совета или благочинного, удостоверение волостного исполнительного комитета, акт сельского старосты, выписка из метрической книги о бракосочетавшихся (для состоявших в браке), свидетельство об исполнении обязанностей священника и послужные списки с бывшего места службы (при переводе), удостоверение членов причта с нового места службы (о согласии на назначение нового члена причта), справка об отсутствии препятствий волостного военного отдела, копия брачного обыска, письмо-уведомление благочинного причту о решении епархиального начальства, письмо-требование благочинного причту доставить сведения о поведении вновь избранного, рапорт кандидата архиепископу о согласии сдать экзамены, акт экзаменационной комиссии, сопроводительное письмо от председателя Епархиального Совета архиепископу Тобольской епархии, рапорт епископа викария архиепископу, прошение прихожан поселка епи-

скопу викарию, акт пресвитерской совещательной комиссии. Все изученные дела различались по количеству и видам документов, их набор зависел от должности и условий приема.

Авторами прошений могли быть кандидаты на замещение того или иного приходского места, прихожане (назначение на должность скончавшегося, престарелого или перемещенного священно- или церковно-служителя), члены клира (в бесприходных храмах, например, в соборе), родственники претендентов (в особых обстоятельствах, например, родители малолетних детей).

На обороте последнего (второго) листа допроса фиксировалась выдача ставленной грамоты и ее номер. Как видно из содержания дел о рукоположении, ставленные грамоты хранились отдельно. Рассмотренные ставленные грамоты отличаются по форме, но близки по содержанию. В конце XIX в. уже часто использовались печатные типографские формы документов.

Ставленные грамоты могут служить дополнительным источником по исторической географии, так как в них встречаются упоминания населенных пунктов и храмов, они важны и для изучения вопроса о границах епархий. Дела о рукоположении XVIII–XX вв. позволяют проследить трансформацию требований к кандидатам на духовные должности, эволюцию формуляров документов, сопровождающих процесс назначения на должность, этапы развития ставленнического делопроизводства. Данная документация важна для генеалогических, документоведческих изысканий и исследований по исторической географии, подобно другим церковным документам, которые хранят память о судьбах отдельных людей, семей, приходо-в, епархий, стране в целом.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Священнослужители – служители религиозного культа, возведенные в духовный сан. Церковнослужители – лица, принимающие участие в общественном богослужении: чтецы, певчие, канонархи, алтарники и др. Священно- и церковнослужители проходили посвящение [1. С. 301].

² Посвящение – в христианстве возведение лица посредством установленного таинства или церковного обряда в ту или иную степень священства, духовного служения. В церковнослужители посвящение совершается через руковозложение (хиротесия), в степень священства – через рукоположение (хиротония) [2. С. 443].

ЛИТЕРАТУРА

1. Православная энциклопедия / сост. Е.Л. Исаева. М.: РИПОЛ Классик, 2010. 318 с.
2. Богомолов А.И. Религии мира. Новейший словарь. Ростов н/Д: Феникс, 2005. 667 с.
3. Милаш Н.Т. (Никодим) Рукоположение как препятствие к браку: Канон. труд Никодима Милаша, епископа Далматинского. СПб.: тип. М. Меркушева, 1907. 48 с.
4. Багрецов Л.М. К вопросу о пошлинах при рукоположении и канонической подати. Гродна: Губ. тип., 1901. 36 с.
5. Зольникова Н.Д. Ставленнические дела как источник по социальным проблемам XVIII в. (по материалам Тобольской епархии) // Источниковедение и археография Сибири. Новосибирск, 1977. С. 14–40.
6. Зольникова Н.Д. Словесные проблемы во взаимоотношениях церкви и государства в Сибири (XVIII в.). Новосибирск, 1981. 183 с.
7. Пулькин М.В. Сельские приходы Олонецкой епархии во второй половине XVIII в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1995. 19 с.
8. Полознев Д.Ф. Благословенные и ставленные грамоты Ростовской и Вологодской епархий XVI–XVII веков: (из фондов Отдела письменных источников Гос. ист. музея) // Сообщения Ростовского музея. Вып. VIII. Ростов, 1995. URL: <http://www.rostmuseum.ru/Publications/Publication/717> (дата обращения: 29.09.2016).
9. Мангилева А.В. Социокультурный облик приходского духовенства Пермской губернии в XIX – начале XX в.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2015. 46 с.
10. Матисон А.В. Городское духовенство России XVIII в.: историко-генеалогическое исследование по материалам Тверской епархии: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2015. 41 с.
11. Полное собрание законов Российской Империи (ПСЗРИ). Собр. 1. СПб., 1830. Т. IV, № 2352. С. 668.

12. ПСЗРИ. Собр. 1. СПб., 1830. Т. V, № 3171. С. 545–546.
13. ПСЗРИ. Собр. 1. СПб., 1830. Т. VI, № 3718. С. 314–346.
14. ПСЗРИ. Собр. 1. СПб., 1830. Т. VI, № 3911. С. 512–513.
15. ПСЗРИ. Собр. 1. СПб., 1830. Т. VI, № 4022. С. 699–700.
16. ПСЗРИ. Собр. 1. СПб., 1830. Т. XI, № 4072. С. 964–977.
17. ПСЗРИ. Собр. 1. СПб., 1830. Т. VII, № 4190. С. 40–43.
18. ПСЗРИ. Собр. 1. СПб., 1830. Т. X, № 7492. С. 391–392.
19. ПСЗРИ. Собр. 1. СПб., 1830. Т. XI, № 8622. С. 664.
20. ПСЗРИ. Собр. 1. СПб., 1830. Т. XI, № 8836. С. 964–977.
21. ПСЗРИ. Собр. 1. СПб., 1830. Т. XII, № 8890. С. 38–39.
22. ПСЗРИ. Собр. 1. СПб., 1830. Т. XII, № 9198. С. 433–440.
23. ПСЗРИ. Собр. 1. СПб., 1830. Т. XIV, № 10342. С. 279–284.
24. ПСЗРИ. Собр. 1. СПб., 1830. Т. XIV, № 10665. С. 688–693.
25. ПСЗРИ. Собр. 1. СПб., 1830. Т. XVII, № 12379. С. 117–118.
26. ПСЗРИ. Собр. 1. СПб., 1830. Т. XVII, № 12573. С. 583–585.
27. ПСЗРИ. Собр. 1. СПб., 1830. Т. XVIII, № 12861. С. 72–73.
28. ПСЗРИ. Собр. 1. СПб., 1830. Т. XVIII, № 13236. С. 805–808.
29. ПСЗРИ. Собр. 1. СПб., 1830. Т. XIX, № 14182. С. 1008–1010.
30. ПСЗРИ. Собр. 1. СПб., 1830. Т. XX, № 14807. С. 752–753.
31. Дулов А.В. Взаимоотношения светских и духовных властей в Восточной Сибири в XVII – начале XX в. // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Политология. Религиоведение. 2009. №. 1 (3). С. 251–260.
32. ПСЗРИ. Собр. 1. СПб., 1830. Т. XXIV, № 18016. С. 635–636.
33. ПСЗРИ. Собр. 1. СПб., 1830. Т. XXII, № 15978. С. 95–97.
34. ПСЗРИ. Собр. 1. СПб., 1830. Т. XXII, № 15981. С. 98–105.
35. ПСЗРИ. Собр. 1. СПб., 1830. Т. XXIII, № 17161. С. 470–471.
36. ПСЗРИ. Собр. 1. СПб., 1830. Т. XXIII, № 17309. С. 654–656.
37. ПСЗРИ. Собр. 1. СПб., 1830. Т. XXIV, № 18016. С. 635–636.
38. ПСЗРИ. Собр. 1. СПб., 1830. Т. XXIX, № 22362. С. 870–872.
39. ПСЗРИ. Собр. 1. СПб., 1830. Т. XXIX, № 22442. С. 1001.
40. ПСЗРИ. Собр. 1. СПб., 1830. Т. XVIII, № 29711. С. 1337–1341.
41. Завьялов А.А. Циркулярные указы Святейшего правительствующего синода 1867–1900 гг. 2-е изд, доп. СПб. : Изд-е книгопродавца И.Л. Тузова, 1901. 448 с.
42. Конюченко А.И. Между долгом и поиском лучшей доли (Служебные переходы православного приходского духовенства России во второй половине XIX – начале XX века) // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2005. Вып. 1, т. 1. С. 69–84.
43. ГБУ Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске» (ГБУТО ГАТ). Ф. 156. Оп. 18. Д. 1262.
44. ГБУТО ГАТ. Оп. 4. Д. 1875.
45. ГБУТО ГАТ. Оп. 6. Д. 507.
46. ГБУТО ГАТ. Д. 608.
47. ГБУТО ГАТ. Оп. 10. Д. 246.
48. ГБУТО ГАТ. Ф. 708. Оп. 1. Д. 14.

Aleksandra V. Spichak. Nizhnevartovsk State University (Nizhnevartovsk, Russia). E-mail: spichak-89@mail.ru

THE CONSECRATION AND CHIROTESIA. LEGISLATIVE REGULATION OF THE APPOINTMENT OF SACRED- AND CLERGYMEN IN THE XVIII – EARLY XX CENTURIES AND THE PRACTICE OF REPRESENTATION IN THE OFFICE (ON THE MATERIALS OF THE STATE ARCHIVE IN TOBOLSK)

Key words: Russian Orthodox Church, Tobolsk diocese, consecration, chirotesia, “stavlenny” paperwork.

The choice was based on the fact that a fundamental change in cultural, political and economic situation in our country, the transformation of social relations and social consciousness at the turn of XX–XXI centuries brought the problem of preservation, use and protection of objects of cultural heritage. And documents of the Russian Orthodox Church is recognized as one of these objects. In this regard, the relevant is the study of information features of documents of the Russian Orthodox Church, including documentation of parish churches, which are a valuable historical source not only about the Church but about the state as a whole. The aim of the study is the analysis of normative legal acts, regulating the appointment to places (churches and Church agencies) of sacred- and clergymen in the XVIII – early XX centuries, as well as the identification of a package of documents accompanying the process of appointment of the clergy. Main documentary basis of our study constitute the materials of the State archive in Tobolsk. Important sources are the materials of Certification office. They presented petitions of candidates for the sacred- or clergy places, materials about their ordination and laying on of hands. These materials allow us to trace what requirements for the candidates for the priest, deacon or Church readers place, what were the conditions and procedure for receiving Holy orders. A special kind of source – legislative acts, which have not only legal value, primarily legislative acts of the Central government, in particular, the Holy governing Synod, and published “Complete collection of laws of Russian Empire”. During the reign of the Holy Synod (1700–1917) the government by its legal and normative acts controlled all aspects of life of the Russian Orthodox Church, including the appointment of clergymen. In the XVIII – early XX centuries the appointment of sacred- and clergymen was regulated by decrees of the Senate and Synod. A large number of normative legal acts stipulated rules of ordination and laying on of hands. Publishing of most decisions falls on the XVIII – beginning of XIX centuries later, to the beginning of XX centuries almost did not appear in the new laws and continued to operate previously approved orders. The appointment of alergyman to the sacred office was quite a complicated procedure and executed a significant set of documents. As it could be seen from cases of “ordination”, the main document was a candidate’s petition for the “ordination” (the document initiating the case), the interview and the oath. This documentation is important for genealogy, documental research and researches on historical geography, like other Church documents, which preserve the memory of the lives of individuals, families, parishes, dioceses and people, the country as a whole.

REFERENCES

1. Isaeva, E.L. (2010) *Pravoslavnaya entsiklopediya* [The Orthodox Encyclopedia]. Moscow: RIPOL Klassik.
2. Bogomolov, A.I. (2005) *Religii mira. Noveyshiy slovar'* [World Religion. The Latest Dictionary]. Rostov on the Don: Feniks.

3. Milash, N.T. (Nikodim) (1907) *Rukopolozhenie kak prepyatstvie k braku: Kanon. trud Nikodima Milasha, episkopa Dalmatinskogo* [Ordination as an obstacle to marriage: a canon work of Nicodemus Milashev, Bishop of Dalmatia]. St. Petersburg: M. Merkushev.
4. Bagretsov, L.M. (1901) *K voprosu o poshlinakh pri rukopolozhenii i kanonicheskoy podatii* [On fees for the ordination and canonical taxes]. Grodna: Gub. tip.
5. Zolnikova, N.D. (1977) *Stavlenicheskie dela kak istochnik po sotsial'nym problemam XVIII v. (po materialam Tobol'skoy eparkhii)* [The ordination affairs as a source on social problems in the 18th century (a case study of the Tobolsk Diocese)]. In: Pokrovsky, N.N. & Romodanovskaya, E.K. (eds) *Istochnikovedenie i arkhografiya Sibiri* [Sources and Archeography of Siberia]. Novosibirsk: Nauka. pp. 14–40.
6. Zolnikova, N.D. (1981) *Soslovnye problemy vo vzaimootnosheniyakh tserkvi i gosudarstva v Sibiri (XVIII v.)* [Estate problems between the church and state in Siberia (the 18th century.)]. Novosibirsk: Nauka.
7. Pulkin, M.V. (1995) *Sel'skie prikhody Olonetskoy eparkhii vo vtoroy polovine XVIII v.* [The rural parishes of the Olonets Diocese in the second half of the 18th century]. Abstract of History Cand. Diss. St. Petersburg.
8. Poloznev, D.F. (1995) *Blagoslovennye i stavlenye gramoty Rostovskoy i Vologodskoy eparkhii XVI–XVII vekov: (iz fondov Otdela pis'mennykh istochnikov Gos. ist. muzey)* [Blessed Certificates of Ordination of the Rostov and Vologda Dioceses of the 16th – 17th centuries (From the funds of the Department of Written Sources of the State Historical Museum)]. *Soobshcheniya Rostovskogo muzeya*. VIII. [Online] Available from: <http://www.rostmuseum.ru/Publications/Publication/717> (Accessed: 29th September 2016)
9. Mangileva, A.V. (2015) *Sotsiokul'turnyy oblik prikhodskogo dukhovenstva Permskoy gubernii v XIX – nachale XX v.* [Sociocultural image of the parish clergy in Perm Province in the 19th – early 20th centuries]. Abstract of History Dr. Diss. Ekaterinburg.
10. Matison, A.V. (2015) *Gorodskoe dukhovenstvo Rossii XVIII v.: istoriko-genealogicheskoe issledovanie po materialam Tverskoy eparkhii* [Russia urban clergy in the 18th century: A historical and genealogical study based on the materials of the Tver diocese]. Abstract of History Dr. Diss. Ekaterinburg.
11. *The Complete Collection of Laws of the Russian Empire (PSZRI)*. (1830) Coll. 1. Vol. IV. № 2352. St. Petersburg: [s.n.], pp. 668.
12. *The Complete Collection of Laws of the Russian Empire (PSZRI)*. (1830) Coll. 1. Vol. V. № 3171. St. Petersburg: [s.n.], pp. 545–546.
13. *The Complete Collection of Laws of the Russian Empire (PSZRI)*. (1830) Coll. 1. Vol. VI. № 3718. St. Petersburg: [s.n.], pp. 314–346.
14. *The Complete Collection of Laws of the Russian Empire (PSZRI)*. (1830) Coll. 1. Vol. VI. № 3911. St. Petersburg: [s.n.], pp. 512–513.
15. *The Complete Collection of Laws of the Russian Empire (PSZRI)*. (1830) Coll. 1. Vol. VI. № 4022. St. Petersburg: [s.n.], pp. 699–700.
16. *The Complete Collection of Laws of the Russian Empire (PSZRI)*. (1830) Coll. 1. Vol. XI. № 4072. St. Petersburg: [s.n.], pp. 964–977.
17. *The Complete Collection of Laws of the Russian Empire (PSZRI)*. (1830) Coll. 1. Vol. VII. № 4190. St. Petersburg: [s.n.], pp. 40–43.
18. *The Complete Collection of Laws of the Russian Empire (PSZRI)*. (1830) Coll. 1. Vol. X. № 7492. St. Petersburg: [s.n.], pp. 391–392.
19. *The Complete Collection of Laws of the Russian Empire (PSZRI)*. (1830) Coll. 1. Vol. XI. № 8622. St. Petersburg: [s.n.], pp. 664.
20. *The Complete Collection of Laws of the Russian Empire (PSZRI)*. (1830) Coll. 1. Vol. XI. № 8836. St. Petersburg: [s.n.], pp. 964–977.
21. *The Complete Collection of Laws of the Russian Empire (PSZRI)*. (1830) Coll. 1. Vol. XII. № 8890. St. Petersburg: [s.n.], pp. 38–39.
22. *The Complete Collection of Laws of the Russian Empire (PSZRI)*. (1830) Coll. 1. Vol. XII. № 9198. St. Petersburg: [s.n.], pp. 433–440.
23. *The Complete Collection of Laws of the Russian Empire (PSZRI)*. (1830) Coll. 1. Vol. XIV. № 10342. St. Petersburg: [s.n.], pp. 279–284.
24. *The Complete Collection of Laws of the Russian Empire (PSZRI)*. (1830) Coll. 1. Vol. XIV. № 10665. St. Petersburg: [s.n.], pp. 688–693.
25. *The Complete Collection of Laws of the Russian Empire (PSZRI)*. (1830) Coll. 1. Vol. XVII. № 12379. St. Petersburg: [s.n.], pp. 117–118.
26. *The Complete Collection of Laws of the Russian Empire (PSZRI)*. (1830) Coll. 1. Vol. XVII. № 12573. St. Petersburg: [s.n.], pp. 583–585.
27. *The Complete Collection of Laws of the Russian Empire (PSZRI)*. (1830) Coll. 1. Vol. XVIII. № 12861. St. Petersburg: [s.n.], pp. 72–73.
28. *The Complete Collection of Laws of the Russian Empire (PSZRI)*. (1830) Coll. 1. Vol. XVIII. № 13236. St. Petersburg: [s.n.], pp. 805–808.
29. *The Complete Collection of Laws of the Russian Empire (PSZRI)*. (1830) Coll. 1. Vol. XIX. № 14182. St. Petersburg: [s.n.], pp. 1008–1010.
30. *The Complete Collection of Laws of the Russian Empire (PSZRI)*. (1830) Coll. 1. Vol. XX. № 14807. St. Petersburg: [s.n.], pp. 752–753.
31. Dulov, A.V. (2009) *Interrelations between secular and church administration of the East Siberia in the 17th– early 20th century. Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Politologiya. Religiovedenie" – The Bulletin of Irkutsk State University. Series "Political Science and Religion Studies"*. 1(3). pp. 251–260. (In Russian).
32. *The Complete Collection of Laws of the Russian Empire (PSZRI)*. (1830) Coll. 1. Vol. XXIV. № 18016. St. Petersburg: [s.n.], pp. 635–636.
33. *The Complete Collection of Laws of the Russian Empire (PSZRI)*. (1830) Coll. 1. Vol. XXII. № 15978. St. Petersburg: [s.n.], pp. 95–97.
34. *The Complete Collection of Laws of the Russian Empire (PSZRI)*. (1830) Coll. 1. Vol. XXII. № 15981. St. Petersburg: [s.n.], pp. 98–105.
35. *The Complete Collection of Laws of the Russian Empire (PSZRI)*. (1830) Coll. 1. Vol. XXIII. № 17161. St. Petersburg: [s.n.], pp. 470–471.
36. *The Complete Collection of Laws of the Russian Empire (PSZRI)*. (1830) Coll. 1. Vol. XXIII. № 17309. St. Petersburg: [s.n.], pp. 654–656.
37. *The Complete Collection of Laws of the Russian Empire (PSZRI)*. (1830) Coll. 1. Vol. XXIV. № 18016. St. Petersburg: [s.n.], pp. 635–636.
38. *The Complete Collection of Laws of the Russian Empire (PSZRI)*. (1830) Coll. 1. Vol. XXIX. № 22362. St. Petersburg: [s.n.], pp. 870–872.
39. *The Complete Collection of Laws of the Russian Empire (PSZRI)*. (1830) Coll. 1. Vol. XXIX. № 22442. St. Petersburg: [s.n.], pp. 1001.
40. *The Complete Collection of Laws of the Russian Empire (PSZRI)*. (1830) Coll. 1. Vol. XVIII. № 29711. St. Petersburg: [s.n.], pp. 1337–1341.
41. Zavyalov, A.A. (1901) *Tsirkulyarnye ukazy Svyateyshego pravitel'stvuyushchego sinoda 1867 – 1900 gg.* [Circular decrees of the Most Holy Governing Synod of 1867 – 1900]. 2nd ed. St. Petersburg: I.L. Tuzov.
42. Konyuchenko, A.I. (2005) *Mezhdru dolgom i poiskom luchshey doli (Sluzhebnye perekhody pravoslavnogo prikhodskogo dukhovenstva Rossii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX veka)* [Between duty and search for a better share (Official transitions of the Russian Orthodox parish clergy in the second half of the 19th – early 20th centuries)]. *Vestnik Chelyabinskogo gos. un-ta*. 1(1). pp. 69–84.
43. The State Archive in Tobolsk (GBUTO GAT). Fund 156. List 18. File 1262.
44. The State Archive in Tobolsk (GBUTO GAT). List 4. File 1875.
45. The State Archive in Tobolsk (GBUTO GAT). List 6. File 507.
46. The State Archive in Tobolsk (GBUTO GAT). File 608.
47. The State Archive in Tobolsk (GBUTO GAT). List 10. File 246.
48. The State Archive in Tobolsk (GBUTO GAT). Fund 708. List 1. File 14.

ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

УДК 94 (574.24)

DOI: 10.17223/19988613/62/11

Б.Ж. Абжаппарова, К.Г. Аканов, С.А. Багдатова, К.М. Ильясова, Г.С. Шамшиева

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ ГОРОДА АСТАНЫ – СТОЛИЦЫ СОВРЕМЕННОГО КАЗАХСТАНА

Статья посвящена анализу истории становления новой столицы Казахстана Астаны. Стремительный прогресс развития столицы символизировал возрождение суверенной государственности Казахстана. Местоположение столицы в центре евразийского геополитического пространства, символизировало евразийскую политику Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева, в контексте которой город становится центром не только Казахстана, но и всего евразийского пространства.

Ключевые слова: современность, перенос столицы, история Казахстана, эволюция столиц, специальная экономическая зона.

Последнее десятилетие прошлого столетия было ознаменовано формированием ряда независимых государств, одним из которых стала Республика Казахстан. Главным символом независимого Казахстана стала новая столица – город Астана (Акмола). Волею исторической судьбы, Астана стала четвертой столицей в истории Казахстана в XX в.

Источниковую базу статьи составили впервые введенные в научный оборот документальные материалы из Национального архива Республики Казахстан и Государственного архива г. Астаны. Объектом исследования является процесс становления и развития столицы Казахстана г. Астаны (Нур-Султана).

Обзор литературы. Методологической основой настоящей публикации стали исследования отечественных и зарубежных ученых по истории переноса Астаны. В настоящее время постепенно формируется источниковедческая и историографическая база исследования города Астаны как столицы Казахстана. Выходят многочисленные научные и научно-познавательные исследования как казахстанских, так и зарубежных авторов.

Всестороннее, комплексное рассмотрение история становления Астаны получила в трудах Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева. Так, в книгах «Казахстанский путь» и «В сердце Евразии» история становления Астаны характеризуется в контексте системной характеристики последовательного заселения современной Акмолинской области, впрочем, как и всей территории Казахстана сакскими племенами, тюркскими народами, в том числе особое внимание уделяется племенам кипчаков, ставших основой формирования казахской народности. Причем отмечается, что неподалеку от места современного расположения Астаны предположительно размещалась ставка Кипчакского ханства¹, средневековое городище Бозок².

Кратко характеризуется взаимосвязь истории Акмолинского региона с историей Сибирского ханства³. Затрагивается история города Акмолинска⁴, последовательно пребывавшего в составе Российской империи, затем СССР. В 1961 г. Акмолинск был переименован в Целиноград, ставший центром Акмолинской области. В 1992 г. Целинограду было возвращено его историческое наименование Акмола, в 1997 г. он был официально объявлен столицей независимого Казахстана. В 1998 г. город Акмола был вновь переименован, получив современное название Астана (с 2019 г. – Нур-Султан). Прослеживается его историческое развитие и становление в качестве административных центров Целинного края, Акмолинской области и столицы независимого государства Республика Казахстан [1, 2]. В работах Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева предлагается глубокий анализ условий и причин зарождения идеи переноса столицы, рассматривается актуальная проблема строительства главного города государства, исследуются ключевые этапы современной истории Астаны [1–3]. Книга «В сердце Евразии» дает обстоятельную, всестороннюю характеристику событий, освещает историю создания столицы в исторической ретроспективе от средневекового городища Бозок до современной Астаны. Автор анализирует ключевые этапы эволюции столиц Казахстана, дает концептуальное обоснование, процессу строительства столицы как «...ломки старого и строительства нового типа общественных отношений...», определяет место расположения нового города как «геополитический центр», а уровень развития государства – как показатель прогресса столицы [1. С. 31]. Автор также выводит на первый план человеческий фактор, повествуя не только о вкладе своих соратников, первых градоначальников, руководителей специальной экономической

зоны, но и простых строителей, руками которых была возведена Астана [1].

В работе «Казахстанский путь» Глава государства характеризует создание столицы, как свершившийся факт, имеющий значимость для каждого гражданина Казахстана. «В драматической истории XX века мы впервые приняли самостоятельное решение о столице своего государства... С утверждением новой столицы мы поставили не точку, а многоточие». Мы ожидали, что с переездом столицы не только оживится жизнь регионов, но также данный факт придаст динамизм рыночным преобразованиям... Стране нужен был патриотический порыв, нужен был подвиг, сродни целинному. Только он связан был с новыми реалиями – укреплением независимости, построением государственности, углублением социально-экономических и политических преобразований» [2. С. 350–351].

Новая работа Н.А. Назарбаева «Эра независимости» отражает взгляды автора на новейшую историю страны. Отдельные разделы посвящены истории Астаны, характеризуются внутренней логикой и механизмом принятия важных решений, в контексте которых «проект новой столицы был исключительно своевременным, следовало, не затягивая, “отслоить старое от нового”, создать динамичный образ нового Казахстана» [3. С. 123–124]. В данной работе перенос столицы Казахстана из Алматы в Астану рассматривается, как символический акт создания нового политического центра, соединяющий народ Республики, создающий условия для взаимодействия регионов, формирующий импульс для роста страны. Новая столица становится символом казахского суверенного государства [3].

История новой столицы закономерно становится ведущей проблематикой ряда научных исследований отечественных ученых, начало которым было положено монографией Г. Алпысбаевой «Астана в новое и новейшее время». В своей работе автор подчеркивает, что исследование истории Астаны на современном этапе характеризуется интересом научного и академического сообщества к феномену Астаны. Выявление особенностей исторического развития характеризуется исследованием политической и административной роли города в новой и новейшей истории Казахстана. Преемственность Астаны определялась пребыванием города как центрального объекта административных образований: Акмолинского уезда, округа, области, Целинного края и столицы независимого Казахстана [4].

Весьма важными научными изысканиями в качестве установления исторической преемственности Астаны были археологические работы К.А. Акишева и М.К. Хабдулиной которые определили роль города в средневековый период – в качестве одной из ставок Кыпчакского ханства, а впоследствии – сакрального места с культовыми сооружениями и мавзолеями [5].

Особую ценность имеют работы, основанные на архивных материалах и документах. Среди них выделим работу А. Смайыла «Астана: история столицы и края

XIV–XIX вв.», где история Акмолинского Приишимья и города Акмолы изложена через призму исторических материалов и документов, найденных в фондах архивов Омской и Томской областей. Среди них выделяются дневниковые записки исследователей степных пространств Акмолинского края: И. Шангина, А. Левшина, С. Броневского, обзоры Акмолинской области 1885 г. и 1890 г. и др. [6].

В трудах З.Е. Кабульдинова «История Астаны», «Астана: прошлое и настоящее» представлена история Астаны в новое и новейшее время. Автор проводит научные изыскания по данной проблематике, определяя исторические истоки столицы от кыпчакского городища Бозок, характеризуя историю региона посредством исторических фактов и событий, в которых задействованы известные исторические персоналии региона: Сакен Сейфуллин, Смагул Садвакасов, Хайретдин Болганбаев, Рахымжан Кошкарбаев, Жумабек Ташенев и многие другие [7, 8].

В книге непосредственного участника строительства города А.Р. Джаксыбекова «Загнать звезду – столицу. Записки акима» изложена история строительства в Астане столичной инфраструктуры. Значимость работы заключается в том, что исторические события характеризуются глазами очевидца. В своей книге аким города Астаны в 1997–2003 и 2014–2016 гг. стремится охарактеризовать все стороны сложного, многопланового процесса переноса и строительства Астаны в контексте истории повседневности [9].

Политологический анализ событий становления Астаны как столицы Казахстана представлен в коллективной монографии «Современный Казахстан: стратегия успеха» под редакцией М.Е. Шайхутдинова, подготовленной Институтом мировой экономики и политики при Фонде Первого Президента РК. В разделе монографии «Феномен Астаны в контексте национальной и мировой истории» была освещена роль Президента Республики Казахстан в становлении и развитии новой столицы. Кроме того, анализируется роль Астаны, как важного фактора устойчивого экономического роста страны, перспективного центра мировой политики [10].

С.И. Ковальская совместно с К.Г. Акановым в статье «Перенос столицы как инструмент политики национализма и миграционная динамика населения г. Астаны» проводит анализ публикации казахстанских и зарубежных исследователей по теме переноса столиц. Автор выявляет роль инструментов государственного строительства и «казахстанской» нации в процессе создания столицы Казахстана Астаны. В качестве главных компонентов выделяются: имидж, национальный бренд, геополитическая централизация, создание национальных символов, развитие и перемены в этнонациональном и антропологическом портретах столицы [11. С. 60–123].

В деле воссоздания истории переноса и становления новой столицы – Астаны известны научные публикации отечественных историков, политологов и философов

фов – С. Акимбекова, С.К. Кушкумбаева, К.А. Медеуовой, М. Кемел, К.Ильясовой и др. С.К. Кушкумбаев на заре реализации идеи переноса в статье «Перенос столицы: вызов прошлому» утверждал: «Перенос столицы во многом связан (возможно, это и основная причина) с событиями уходящей эпохи», так как «Геополитический, геоэкономический и геокультурный облик современного Казахстана в значительной мере был сформирован в период существования Советского Союза» [12. С. 54]. С. Акимбеков в статье «10 лет вперед» через десять лет после переноса столицы анализирует геополитическую ситуацию в период 90-х гг. прошлого века, причины переноса столицы в «суровый северный город»: «Фактически вновь образованная страна не была связана воедино, а ее центральная степная часть просто висела в воздухе... новая столица стала связующим звеном между различными частями Казахстана...» [13. С. 14–17].

Н. Бекус, К. Медеуова в статье «Смена эпох как смена столиц: Астана как глобальный центр», дают философско-культурологическую характеристику столичному городу: «Астана являет собой пример городского пространства, в котором последовательно осуществляется радикальный уход от исторической предзаданности...» [14].

М. Кемел затрагивает особую страницу в истории города – формирование столичного социума. Ученый приходит к выводу, что перенос столицы стал главным фактором стремительного увеличения численности населения, что сказалось на изменениях, произошедших в социуме новой столицы: «Люди, прибывшие из всех уголков страны, оказались в едином столичном «плавильном котле», в котором сформировался неповторимый менталитет астанчан, когда в процессе самовоспитания соединились пылкий нрав и прямотушие западных казахов, трудолюбие и деловая хватка южных, великодушие и искренность казахов Арки» [15]. Произошла трансформация столичного социума в единый сплав жителей главного города Республики Казахстан – Астаны.

К. Ильясова опубликовала ряд научных статей, посвященных истории современной столицы Казахстана, в которых характеризуются возникновение идеи переноса столицы, эволюция столиц, деятельность Госкомиссии, формирование столичного социума [16].

Обзор зарубежных работ закономерно начинается с трудов именитых историков начала XX в., уделивших особое внимание истории столичных городов. Мэтр исторической науки А.Тойнби в своей фундаментальной работе «Постижение истории» посвятил столицам государства особый подраздел, где подчеркивает важность проблемы; ученый считал закономерным явлением тот факт, что столицы имеют «определенную тенденцию изменять с течением времени свое место пребывания»; он отмечал, что «город... является уменьшенной копией большого мира» [17. С. 521–526]. Известный французский ученый Ж. Боден характеризовал

процесс эволюции столиц как результат влияния природных условий на закономерности исторического развития цивилизаций [18. С. 688–694].

В целом, изучение процессов переноса и строительства новой столицы требует учета новых явлений в развитии городов, тесно связанных с процессами урбанизации. Основным мейнстрим современной урбанистики на рубеже веков был задан исследованиями Саскии Сассен (Saskia Sassen) в работе «The Global City: New York, London, Tokyo» (1991), которая ввела в научный оборот весьма актуальный в 90-е гг. XX в. термин «глобальный город» [19]. «Ни одна страна мира не может быть в числе лидеров, если не имеет, хотя бы одного глобального города», – утверждает исследователь-урбанист Н. Слука [20]. В данном контексте наша публикация предвосхищает процесс превращения Астаны в крупнейший мегаполис, один из глобальных городов современности.

Исследованию истории переноса и становления столицы Казахстана – Астаны посвящен целый ряд научных публикаций зарубежных авторов. Одной из первых статей по изучению феномена Астаны была работа американского исследователя Ричарда Л. Вулфела (Richard L. Wolfel) «North to Astana: Nationalistic motives for the movement of the Kazakh(stani) capital». В своей работе автор утверждал, что в переносе столицы Казахстана в город, который сегодня носит наименование Астана, лежали национальные мотивы по формированию нового центра молодого суверенного государства – Республики Казахстан. Символично, что данный акт проходил в бывшем советском городе Целинограде, переименованном в Акмолу, после получения независимости. В 1998 г. Акмола была вновь переименована в Астану. По мнению исследователя, это движение было символической акцией по продвижению достижений независимого Казахстана в деле строительства национальной столицы [21. Р. 486–487].

В публикации другого американского ученого А. Дениера (Alexander A. Denier) «National territory and the Reconstruction of History in Kazakhstan» утверждается, что перенос столицы на севере Казахстана был направлен на стимулирование движения населения. В сложное время кризиса 1990-х гг., произошел отток большого количества жителей северных регионов. Строительство столицы по расчетам руководства государства было направлено на стимулирование процессов миграции населения южных областей Республики, где наблюдался его переизбыток [22].

Различные направления по истории Астаны исследуются в работах британского ученого С. Каммингз (Sully N. Cummings). В статье «Kazakhstan an uneasy relationship – power and authority in the Nazarbaev regime» указывается, что перенос столицы был средством исполнения рекомендации Всемирного Банка, предписывавшего сократить численность государственного аппарата на 25%. Перенос столицы из южного климата Алматы в северные холодные условия

Астаны позволил выявить наиболее лояльных и устойчивых к инициативам руководства государства чиновников. Переезд нескольких тысяч служащих государственного аппарата из старой столицы Алматы в новую Астану (Акмолу) позволил обеспечить преемственность роли центра от прежней столицы к новой. Торжественная церемония передислокации правительства обеспечила легитимацию нового центра государства в глазах местного населения. Исследователь отмечает исключительную способность Президента Н.А. Назарбаева сохранять баланс между разными национальными слоями государства. Перенос столицы в северные регионы, где наблюдалось присутствие крепкого слоя интернационального населения, мирное сосуществование которого стало символом реализации и воплощения в жизнь межнационального понятия «казахстанцы». Астана также была средством привлечения в столицу иностранных инвестиций, что позволило обеспечить международный интерес [23]. В статье «Eurasian bridge or murky waters between east and west? Ideas, identity and output in Kazakhstan's foreign policy» отмечается, что мультикультурная по составу населения Астана была воплощением политики Евразийства, реализуемой правительством Казахстана [24]. В книге «Kazakhstan. Power and the Elite» исследователь, рассматривая сложности строительства Астаны, отдает должное стремлению и авторитету главного инициатора идеи передислокации столицы – Н. Назарбаева. По мнению автора, воля и энергия Президента Казахстана были неотъемлемыми и решающими факторами успешного процесса формирования новой столицы [25. Р. 13–103]. И, наконец, в публикации «Legitimation and identification in Kazakhstan» исследователь рассматривает элементы процесса легитимации столиц. В случае с Астаной С. Каммингс отмечает торжественные церемонии переезда государственных символов – флага, герба, Президентского штандарта; изображения статусных зданий столицы на банкнотах национальных валют и проведение имиджевых мероприятий [26].

В работе канадского ученого Э. Шаца (Edward Schatz) «Когда столицы переносят: политическая география национального и государственного строительства» (When Capital Cities Move: The Political Geography of Nation and State Building) проводится сравнительное исследование столиц 13 государств, чей перенос произошёл во второй половине XX в. Особое внимание было уделено примеру Казахстана, где перенос столицы на первый взгляд зарубежных исследователей был сомнительным и преждевременным делом. По мнению Шаца, перенос столицы был одним из новейших инструментов строительства гражданского и национального единства и формирования общепризнанного независимого государства. В отношении гражданского строительства перенос столицы с Алматы, расположенной на юго-востоке Казахстана, в Акмолу (ныне Астану) на севере был делом проверки адаптации своего государственного аппарата, выявлением его готовно-

сти к продвижению необходимых экономических реформ. В государственном отношении Астана также создала набор определенных символов и ритуалов для легитимации столицы в глазах международного сообщества. В архитектуре – новые правительственные здания, представлявшие модернизированные и комфортабельные сооружения; в инфраструктуре парков, музеев, площадей – схожесть с архитектурой европейских столиц. В сфере национального строительства составными компонентами были: этническое разнообразие региона, обращение к субэтническим группам и создание национальных символов [27].

Особое внимание взаимосвязи переноса столицы Казахстана из Алматы в Астану с развитием национальной политики Президента Республики Н.А. Назарбаева в эпоху посткоммунистического развития государства уделил американский географ Ш. Анакер (Shonin Anaker). В статье «Geographies of Power in Nazarbayev's Astana» указывается, что переезд центра Казахстана сопровождал резкий рост населения и изменения в этническом и социокультурном характере города. Для жителей страны строительство новой столицы стало в ряд наиболее заметных инициатив правительства Н. Назарбаева и одной из важнейших тем для статей национальной прессы [28].

Бхавна Дэви (Bhavna Dave) в работе «Kazakhstan. Power and the Elite» объясняет процесс переноса столицы, как успешную попытку расставания с советским прошлым, чьим воплощением была прежняя столица Алматы (Алма-Ата). [29]. Данное направление, по мнению исследователя, воплощалось путем создания столицы, где формировалось доминирующее ядро нового наднационального понятия «казахстанцы» и изменением этнонационального портрета региона [29. Р. 60–123].

Похожий элемент выделял и германский исследователь А. Данзер (Alexander M. Danzer) в статье «Battlefields of Ethnic Symbols. Public Space and Post-Soviet Identity Formation from a Minority Perspective». Данзер отмечает новую столицу как символ национального будущего, благодаря продвижению которого государству удалось расстаться с советской историей. Астана в качестве столицы Казахстана стала воплощением достижений «казахстанской» нации и реализацией амбициозных запросов на роль «величественного» международного центра [30].

Натали Коч (Natalie Koch) в статье «The monumental and the miniature: imaging «modernity» in Astana» подчеркивает, что столицы «занимают очень важное место в символике положения государства» и «играют центральную роль в деятельности по внушению гордости населения за достижения нации» [31. Р. 769–787]. В другой работе исследователя «The «heart of Eurasia»? Kazakhstan's centrally located capital city» выявляется стремление Правительства Казахстана создать город, претендующий на роль геополитического центра Европы и Азии как пример «мультинациональной» столицы [32].

Дж. Айткен в монографии «Нурсултан Назарбаев и со-зидание Казахстана», в разделе «Взгляд на столицу», рас-

смаатривает историю создания столицы Казахстана – Астаны через анализ идеи строительства главного города казахского государства. По мнению исследователя, фактор стратегических идей Президента Н. Назарбаева по процессу «превращения провинциального города советского стиля в современную столицу» воплотился в образе Астаны – «необычной и уникальной столицы мира» [33].

По мнению известного российского исследователя в сфере столиц В. Россмана, перенос центра государства из Алматы (Алма-Аты) был вызван «советскостью» прежнего административного центра государства. А новая столица была построена «под руководством» британского архитектора Н. Фостера «на базе города Акмола среди пустынных степей Казахстана» [34]. Со своей стороны добавим, что Астана строилась по плану японского архитектора Кисе Курокавы, победившего в специально организованном конкурсе генеральных планов на строительстве нового центра. Н. Фостер был архитектором многих известных зданий в молодой столице Казахстана (Дворец Мира и Согласия, торговый центр Хан Шатыр, Абу-Даби Плаза).

Новейшие исследования зарубежных ученых по истории Астаны исследуют феномен столицы Казахстана, проявленный в различных сферах искусства. Р. Айзаакс (Rico Isaacs) в статье «Nomads, warriors and bureaucrats: Nation building and film in post-Soviet Kazakhstan» показывает достижения столицы через призму анализа фильмов «Astana My Love» («Астана – любовь моя») и «Dolphin's Leap» («Прыжок Афалины»), демонстрирующих архитектурные красоты города. По мнению исследователя, кадры модернистских и футуристических зданий города, используемые в фильмах, представляли собой отличную имиджевую рекламу молодой столицы Казахстана [35]. В статье Адриена Файва «Global Astana: nation branding as a legitimization tool for authoritarian regimes» была показана роль Астаны в качестве национального бренда. Элементами демонстрации стали активная пропаганда столицы через спортивные достижения велосипедной команды «Астана», куда были привлечены мастера велогонок из разных стран: В. Нибали (Италия), Л. Армстронг (США) А. Контадор (Испания) и проведение глобальных международных мероприятий – Саммит ОБСЕ (2010) и Азиатские игры (2011), которые были организованы вместе с прежней столицей – городом Алматы [36].

Эволюция столиц Казахстана. Перенос столицы в мировой практике, с цивилизационной точки зрения, считается ординарным событием. Как указывалось выше, по мнению известного английского философа, историка Арнольда Тойнби, изменение локализации столицы – одна из динамичных тенденций государственного строительства. Хотя в данном контексте нет раз и навсегда установленных норм. Так как в ходе исторического процесса изменяются государства, их столицы также могут менять местоположение [17. С. 522]. Современные исследователи данной проблемы утвер-

ждают, что проекты переноса столиц активно обсуждаются сегодня более чем в 30 странах мира [37].

После обретения независимости Президент Республики Казахстан Н.А. Назарбаев выдвинул идею переноса столицы Казахстана в центральную часть страны – Сарыарку⁵, это была четвертая по счету столица в новейшей истории Казахстана. Идея переноса столицы впервые была обнародована в 1992 г., и в кратчайшие сроки, буквально в течение 4–5 лет, претворена в жизнь.

Если провести краткий исторический обзор, можно сделать вывод, что эволюция столиц Казахстана охватывает длительный промежуток 1920–1997 гг., в котором советский период оставил заметный след – города Оренбург⁶, Кызылорда⁷, Алматы⁸. В территориально-географическом плане прежние столицы в основном располагались на западе, юго-западе и юго-востоке страны. Например, первая столица, город Оренбург (1920–1925 гг.), находилась на западе страны, граничила с территорией России. В начале XX в. город был крупным политико-культурным центром, сформировавшим целую плеяду казахской национальной интеллигенции. Однако основными причинами стала необходимость формирования государственного аппарата, лояльного к власти большевиков, пришедших к управлению территорией бывшей Российской империи после окончания Гражданской войны. Оренбург был единственным центром с наличием достаточно крепкой прослойки рабочих и крупным промышленным центром. После формирования национального государственного аппарата и проведения административно-территориального размежевания в 1924 г. изменилось направление внутренней политики. К Казахской автономной республике были присоединены Сырдарьинская и Семиреченская области с большой численностью (свыше 93%) казахского населения. В связи с этим, начинается процесс коренизации государственного аппарата республики и перевода делопроизводства на казахский язык. Оренбург как город, где казахи составляли всего 0,31% населения Оренбургской губернии, объективно не мог исполнять данную функцию. Встал вопрос о переносе столицы в казахскоязычные регионы. Таким вариантом стал город Ак-Мечеть, где казахи составляли 97% населения, куда и была перенесена столица. Впоследствии город Ак-Мечеть получил наименование Кызыл-Орда, а народу республики было возвращено название «казак». Оренбург после потери столичного статуса вошел в состав Российской Республики. Вторая столица Казахстана, Кызыл-Орда, расположенная на юго-западе страны, была центром государства всего 4 года (1925–1929 гг.). Но уже в 1926 г. был поднят вопрос о переносе столицы из Кызыл-Орды. В 1927 г. в качестве столицы был выбран город Алма-Ата, выбор которого объяснялся строительством Туркестано-Сибирской железнодорожной магистрали, которая как раз и была одной из ключевых станций. В связи с необходимостью подготовки города к переезду правительственных структур перевод сто-

лицы затянулся на 2 года. Таким образом, столичный статус первых двух столиц Казахстана был непродолжительным, они оставались в этой роли не более 4–5 лет, на что были свои объективные и субъективные причины. В первую очередь, это нестабильность внутриполитической ситуации в 20-е гг. XX в., доминирование идеологического фактора. Следующая, третья столица Казахстана г. Алма-Ата располагалась на юго-востоке страны, имела более длительную столичную историю, которая на протяжении долгих лет оставалась типично советским городом (1929–1997 гг.), в котором преобладали советские образы, создаваемые однотипными зданиями невысоких «хрущевок»⁹, стандартным набором архитектурных приемов советского зодчества. Алма-Аты был в сознании современников олицетворением советской эпохи, временем тотального диктата союзного центра, в этот период происходит резкое уменьшение численности коренных жителей в городе [38].

И все же, несмотря на все проблемы советского периода, город Алматы в истории Казахстана был и остается ведущим научно-культурным центром страны, где издавна обосновалась национальная интеллигенция, работали выдающиеся ученые, сложились известные научные школы. В то же время вопрос о передислокации столицы был поставлен не случайно, он был обусловлен рядом причин. Алматы издавна являлся приграничным регионом, безопасность государства стала одним из факторов, способствовавших переносу столицы в центральную часть страны. Вызывали тревогу сейсмическая активность территории г. Алматы и кризисная экологическая ситуация. Также перенос был продиктован решением проблемы переизбытка трудовых ресурсов в южных регионах страны, изменения демографической ситуации в северных регионах.

Все эти проблемы, уже в первые годы независимости оказались в поле зрения главы государства Н.А. Назарбаева, определили стратегически важный выбор в будущее. Как известно, при выборе новой столицы страны учитывались 32 фактора. В списке городов – претендентов на столичный статус, помимо выбранной в итоге Акмолы, были три города, имеющих статус областных центров: Караганда, Жезказган, Актобе [1].

При этом брались во внимание социально-экономические показатели, климат, ландшафт, сейсмическая безопасность, окружающая среда, инженерная инфраструктура и перспективы ее развития, строительство, трудовые ресурсы и другие показатели, учитывались стратегические возможности, просчитывались перспективы развития. В конечном итоге выбор пал на Акмолу¹⁰. В определенной мере перенос столицы Казахстана соотносится с научной теорией, распространенной в Европе, согласно которой народонаселение и политическое устройство государства в плотную взаимосвязаны с природно-климатическими факторами. В европейской научной среде бытует мнение, что ха-

рактер и нравы людей обусловлены окружающей природной средой, а жителям северных регионов, постоянно преодолевающим трудности климатических условий, присуща особая внутренняя сила, стойкость [18. С. 688–694].

С этой точки зрения перенос столицы в Акмолу в 1997 г. является не только важным событием в истории Казахстана, но и исторически обоснованным решением, в географическом плане Астана располагается на северо-востоке Акмолинской области, в центральной части северного Казахстана. На политической карте Казахстана территория области по состоянию на 1995 г. занимала значительную площадь в 96,8 тысяч квадратных километров [39. С. 9]. Таким образом, столичный город размещен в самом центре Великой Степи, откуда уверенно продвигалась политическая воля суверенного государства в направлении с севера на юг.

Северная столица. С позиций сегодняшнего дня действия главы нашего государства требовали большого мужества и решительности, так как по комплексу градостроительных, ландшафтно-климатических признаков новая столица находилась в зоне, характеризующейся продолжительным и суровым холодным периодом. По сведениям исследователей, Астана является второй самой холодной столицей в мире после Улан-Батора. Город расположен в степной зоне, климат резко-континентальный, зима продолжительная – 5–5,5 месяца, холодная, с устойчивым снежным покровом. Для местного климата также характерны большие годовые и суточные колебания температуры воздуха. «Температура в зависимости от времени года испытывает резкие перепады: от –30 зимой, до +35 и выше градусов по Цельсию летом. Зимой могут наблюдаться снежные бураны и временное резкое понижение температуры, особенно в феврале» [40. Л. 18–29, 139–144].

Поэтому выбор столицы изначально вызывал много споров в казахстанском социуме. Президент Казахстана Н. Назарбаев в своих воспоминаниях о процессе строительства столицы вспоминал, что казахстанское общество считало перенос столицы в Акмолу рискованным. Город имел сложные природно-климатические условия. Среди них отмечались: открытость для ветров летом, суровые метели и бураны зимой, болотная почва и отсутствие источников питьевой воды [2. С. 347].

Один из непосредственных участников процесса передислокации государственных органов в новую столицу К. Токаев, занимавший тогда должность министра иностранных дел Республики Казахстан, впоследствии вспоминал о «неуютном провинциальном аэропорте», встретившем его во время командировки в город Акмолу в 1995 г. Следующими воспоминания о поездке были: «огромные портреты героев социалистического труда, высоченный памятник вождю мирового пролетариата, вросшие в землю одноэтажные домики...» [41. С. 4].

Тяжелым испытанием для первых «алматинских переселенцев»¹¹, которых коренные акмолинцы прозвали

«дважды столичными», стало частое отсутствие воды, а главное – «морозный шок», морозы доходили до -40°C .

Несмотря на трудности, глава государства своим твердым решением начинает передислокацию столичных государственных учреждений в г. Акмолу. Однако, в соответствии с Указом «О столице Республики Казахстан» от 15 сентября 1995 г., до окончательного переезда Правительства и Парламента РК Алматы сохранял статус столицы государства.

Деятельность Государственной комиссии по передислокации государственных органов в Акмолу. Важным событием начального периода переноса столицы являлось создание Государственной комиссии Республики Казахстан по передислокации государственных органов в город Акмолу (1995–1997 гг.). 28 октября 1995 года состоялось первое организационное заседание Государственной комиссии, на котором был утвержден ее состав (25 человек) [42].

Хотелось бы отметить, что первым председателем Государственной комиссии стал Нигметжан Исингарин, выпускник Института инженеров железнодорожного транспорта. Он в 1984 г. защитил кандидатскую диссертацию, в 2000 г. – докторскую диссертацию по теме: «Проблемы экономической интеграции стран содружества» [43. С. 604–605]. Его профессионализм, богатый опыт научной и практической деятельности принесли много пользы для становления новой столицы Казахстана.

На первом заседании данной комиссии в первую очередь рассматривались представительность членов, была создана организационная структура аппарата комиссии, определены ближайшие задачи и сроки их выполнения. К примеру, эскиз-идея Генерального плана развития столицы, проведение международной конференции по ее обсуждению, составление списка государственных органов, передислоцированных в столицу, сроки их переезда, список зданий для их размещения, выделение помещений для работы представителей Госкомиссии в Алматы и Астане [42]. На протяжении всей деятельности Государственной комиссии ее возглавляли Н. Исингарин, Н. Макиевский, Ф. Галимов. Именно в этот период проявили свой талант руководителя первые градоначальники столицы (А. Булекбаев, А. Джаксыбеков и др.), способствовавшие успешному завершению процесса переноса столичного города.

На данном этапе энергичные, инициативные молодые люди: Адильбек Джаксыбеков, Аскар Мамин, Марат Набиев, используя местные возможности, за короткий срок создали крупные корпорации, фирмы, обеспечили работой тысячи людей, способствовали притоку значительных финансовых средств в городской бюджет. Среди первых градоначальников особое место занимает Аманжол Куанышевич Булекбаев (1941–2013 гг.). По воспоминаниям коллег, первый аким столицы был доброжелательным, тактичным человеком, умело разрешавшим любые конфликты, умевшим на конкретных фактах показывать, как распределялись

средства, при этом зная наизусть все расчеты [44. С. 51–52].

В результате эффективной деятельности Государственной комиссии возросли инвестиции в городской бюджет. Например, в 1997 г. в бюджет было вложено 17946,6 млн тенге, по сравнению с предыдущим годом наблюдается рост в 5,4 раза [4. С. 252]. В целом инвестиционный рост экономики города был связан с жилищным строительством. Однако для реализации полномасштабного строительства новой столицы был необходим перспективный генеральный план города.

Реализация Концепции генерального плана новой столицы. Для разработки Генерального плана строительства новой столицы с 18 марта по 3 декабря 1998 г. проводился открытый международный конкурс на эскиз-идею Генерального плана развития нового центра столичного города. Учитывая сложную местную специфику, к участникам международного конкурса предъявлялись жесткие требования. Все они должны были «...иметь опыт работы за последние 5 лет по разработке градорегулирующей документации... в том числе решение вопросов транспортного и инженерного обеспечения застройки крупных городских районов, включая вопросы экологии, дренажа и т.п.» [45. Л. 1–6].

Интерес к конкурсу проявили 50 участников из стран зарубежья и СНГ. Всего было прислано 40 заявок. Из них 9 представляли Казахстан, 5 – Россию, 3 – Чехию, по 2 – Беларусь, Украину, Пакистан, Кыргызстан, Италию, Болгарию. По одной заявке прислали коллективы из Японии, Австралии, Узбекистана, Германии, Франции, США, Южной Кореи, Великобритании, Латвии, Польши и ОАЭ. Все проекты участников были выставлены в Конгресс-холле, где каждый желающий мог с ними ознакомиться [46. Л. 5].

24 сентября 1998 г. в результате открытого голосования членов жюри в Правительство РК и Администрацию Президента было представлено три лучших проекта из Японии, России и Казахстана для принятия окончательного решения и выявления победителя [47. Л. 7].

Победителем конкурса стал проект известного японского архитектора Кисе Курокава (Kisho Kurokawa), который приступил к строительству столицы в стиле «Hi-tech». Новая столица весьма органично вписалась в безбрежные просторы степного пространства, олицетворяя философскую концепцию Генерального плана Кисе Курокавы как симбиотического и метаболического города: «Синтез старого города Акмолы и новой застройки столицы Астаны» [48. Л. 21].

Современные исследователи Н. Бекус и К. Медеуова отмечают, что методологической основой проекта Курокавы стало осмысление факта невозможности существования «вечных городов» и необходимости сделать акцент на способности адаптироваться к изменениям, а «не пытаться сохранить “вечные” образцы градостроительной истории» [34].

Создание Концепции генерального плана способствовало осуществлению конкретных программ пре-

вращения Астаны в культурный, образовательный центр Евразийского пространства, однако планы столкнулись с реальной действительностью, в которой весьма сложными оказались инженерно-строительные и гидрологические условия возведения города. «Город расположен на приречной водораздельной равнине и частично в долине. Поверхность равнины в направлении с северо-востока на юго-запад пересекает протяженная Соленая балка, являющаяся притоком р. Ишим [49. Л. 7–8]. Оказалось, что местами «грунтовые воды залегают на глубине 0,5–3 м. Подтопление территории агрессивными грунтовыми водами связано с особенностями геологического строения грунтов на глубине до 50 метров от дневной поверхности, где расположен практически сплошной водоупорный глиняный слой, задерживающий естественную фильтрацию грунтовых вод, количество которых увеличивается за счет техногенного воздействия и поверхностных вод. Местами грунты обладают пльвинными свойствами» [50. Л. 17–23]. Заболоченность территории требовала учета состояния почвы и грунта при закладке фундамента, забивке свай. В весенний период большое количество талых вод скапливается на дорогах и тротуарах [49. Л. 7–8]. К примеру, современные жители Астаны нередко наблюдают картину, когда бурные потоки дождевой воды скапливаются на дорогах после ливней, в этих потоках плывут автомобили, переполняются канализационные люки. Выходом в данной ситуации должна стать ливневая канализация, однако существующая система водостоков не справляется со своей ролью, требует доработки.

Болотистая местность Астаны создавала немало проблем на начальном этапе переноса столицы. В реку Ишим¹² впадали две малые реки – Акбулак и Сарыбулак, поймы этих рек заболочены. Юго-западнее и южнее городской черты располагался ряд водоемов Талдыкольской гряды, а также озера Майбалык, Тассуат. Территории, прилегающие к этим естественным водоемам, также заболочены [51. Л. 99].

Болотистая местность не раз становилась поводом для гневных выступлений главы государства в связи с большим количеством комаров, что отрицательно сказывалась на имидже города. Об уровне «комариной угрозы» свидетельствует тот факт, что данная проблема стала одной из тем совещаний главы государства [1. С. 84]. «Антикомариный план» стал первоочередной задачей городских властей в преддверии презентации столицы, в реализации которого были задействованы соответствующие санитарные службы [1. С. 84].

В то же время неблагоприятные гидрологические условия стали причиной и более глобальных проблем: например, не освоены под строительство южная, юго-восточная и юго-западная части города, они сохранены в качестве климатического буфера и составной части ландшафта. В сложившейся ситуации, когда строительство столицы определялось целым рядом природных факторов, было решено, что одним из действенных компонентов системы регулирования условий и каче-

ства городской среды станет зеленый покров. С первых месяцев переноса столицы начинается активная работа по его созданию. В архивных документах отражена деятельность Комитета лесного хозяйства Республики Казахстан, ставившего следующие задачи: организацию лесопитомников, создание ветрозащитных лесных полос, увеличение территории лесопарковых насаждений: «...срочно решить вопрос по выделению 5 тыс. га пахотных земель для создания первой очереди массивных лесопарковых насаждений. Обследование и разработка проекта на создание насаждений в текущем году позволит в 1997–1998 гг. приступить к подготовке почвы и посадке насаждений наименее трудоемким способом – укрупненными сеянцами, для ускорения защиты города» [52. Л. 89–90].

Создание зеленого покрова столицы как нельзя лучше согласовывалось с важнейшими тенденциями в области градостроительства, с точки зрения мировой практики. Для большинства городов сохранение и приумножение зеленых насаждений в сочетании с созданием городских инфраструктур с множеством различных зон отдыха представляется существенным и общепринятым подходом, а гармоничное сосуществование природы наряду с эффектом урбанизации рассматривается как основные принципы застройки города, таким образом, создается симбиоз природы и города. Максимальное насыщение зелеными насаждениями городского пространства приближает человека к природной среде, создает психологически комфортные условия для жизни. По сообщению Президента Республики Казахстан Н. Назарбаева, с 1997 по 2016 г. была создана зеленая зона. Вокруг города площадь зеленых насаждений составила 75,1 тыс. га, из которых 14,8 га – в черте города [53].

Таким образом, местные природно-климатические условия оказывали значительное влияние на строительство, требовали необходимости учета условий и рельефа местности, снегового, ветрового режима, применения новых технологий при строительстве. Через год, после завершения процесса переноса столицы, в 2001 г., свободная экономическая зона «Астана – новый город»¹³, стала зоной активного применения новых технологий. Основной целью деятельности СЭЗ «Астана – новый город» являлось ускоренное строительство нового административно-делового центра столицы (левобережье реки Ишим) и индустриальной зоны (Индустриальный парк) путем привлечения отечественных и иностранных инвесторов. Исследователь истории города Астаны Г. Алпыспаева подчеркивает: «Строительная площадка левобережья стала своего рода полигоном приложения современных технологий... Наибольшее распространение получила технология возведения каркаса здания из металлических конструкций либо из монолитного железобетона с использованием опалубочных систем «Пери» или «Пашал», соответствующих мировым стандартам» [4. С. 254]. «Необходимо было учитывать и болотистую местность. Это обстоятель-

ство обусловило массовое применение при закладке фундамента буроподъемных свай. Еще один аспект – сроки строительства новых объектов в Астане были достаточно сжаты. Для ускоренной застройки без ущерба для качества применялась технология каркасного строительства из металла и железобетона» [54]. Результатом деятельности СЭЗ «Астана – новый город» является возведение более 200 объектов в сложных природно-климатических, инженерно-строительных условиях новой столицы [55].

Результаты исследования. Данная публикация подготовлена в рамках реализации прикладного научно-исследовательского проекта Института истории государства, Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан. В научной публикации были получены следующие результаты:

– на основе выявленных и систематизированных документов и материалов Национального Архива Республики Казахстан, Государственного архива Акмолинской области, Государственного архива г. Астаны было проведено обобщение и анализ ключевых этапов современной истории столицы;

– отмечено, что идея переноса столицы зарождается в период трансформации общественно-экономической системы государства в сложный период 90-х гг. прошлого века. Зарождение идеи переноса трактуется в контексте всемирной истории, в тесной взаимосвязи с теорией «миграции столиц»;

– показаны исторические этапы эволюции столиц Казахстана на примере предыдущих трех столиц – Оренбурга, Кызылорды, Алматы;

– анализируются исторические истоки происхождения столичных городов, причины приобретения и утери своего статуса, характеризуется их роль в современной истории Казахстана;

– охарактеризованы основные этапы сложного, в то же время последовательного и системного процесса переноса и становления северной столицы в хронологических рамках с 1992 г. до наших дней, на фундаментальной основе новых документов и материалов центральных, региональных, областных архивов республики;

– показана символизирующая роль новой столицы, как начало нового этапа в истории казахской государственности;

– результаты научного исследования получили подтверждение в более 15 публикациях на страницах отечественных периодических изданий, в том числе в цикле из 5 научных публикаций в изданиях одобренных Комитетом по контролю в сфере науки и образования Министерства образования и науки Республики Казахстан, подготовлено вспомогательное учебное пособие «Астана – новая столица» (21 печатный лист). К результатам исследовательской работы относится и данная научная публикация

Заключение. Таким образом, в истории новой столицы особое место занимают 90-е гг. XX в. Идея переноса столицы в годы независимости берет начало с 1992 г., это было сложное время крушения СССР, экономического кризиса, перехода к рынку. В 1994 г. на заседании Верховного Совета Республики Казахстан впервые была официально озвучена идея переноса столицы в г. Акмолу, этапы развития которой были намечены в соответствии с программой передислокации высших и центральных государственных органов РК в г. Акмолу и развитием города в качестве столицы государства. На первом этапе (1996–1997 гг.) были передислоцированы высшие государственные органы, экономические, производственные и силовые министерства и ведомства. На втором этапе (1998–2000 гг.) закончился процесс передислокации центральных государственных органов в г. Акмолу. На третьем этапе (2001 г. и далее) осуществляется дальнейшее развитие города Акмолы и зон его влияния как крупного производственного, административного и культурного центра» [56. Л. 20–21].

Наиболее значимую роль в развитии города сыграл 1997 г., так как 20 октября 1997 г. вышел Указ Президента Республики Казахстан «Об объявлении города Акмолы столицей Республики Казахстан» с 10 декабря 1997 г. В 1998 г. всему миру стало известно новое название столицы Казахстана «Астана». В том же году 10 июня состоялась Международная презентация новой столицы. В 2008 г. Мажилис Парламента Республики Казахстан одобрил законопроект. Законом Республики Казахстан установлен День столицы, который отмечается 6 июля. В этом году город Астана переименован в Нур-Султан в честь первого Президента Казахстана Н.А. Назарбаева.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Кыпчакское ханство (нач. XI в. – 1219 г.) – завершающий этап развития единого древнетюркского государства. В военно-административном отношении Кипчакское ханство на территории Казахстана делилось на два крыла: правое со ставкой на реке Урал, на месте средневекового города Сарайчик, и левое – с резиденцией в городе Сыгнак (на Сырдарье). Кипчакская эпоха – важнейший этап в процессе сложения казахской народности.

² Бозок – средневековое городище (VIII–XIV вв.), располагалось на пути пересечения военно-миграционных путей древнего населения Евразии и ответвления трансконтинентального Великого Шелкового пути. Городище находится в черте г. Астана, получило название от гидронима «Бузукты», озера, рядом с которым располагалось.

³ Сибирское ханство – государство, образовавшееся в нач. 20-х гг. XV в. в Западной Сибири в процессе распада Золотой Орды и выделения улуса Шейбана. Сибирское ханство граничило с Пермью, Казанским ханством, Ногайской Ордой, Казахским ханством. Его населяли тюркоязычные племена: кипчаки, аргыны, карлуки, канглы, найманы и др.

⁴ Акмолинск расположен на правом берегу р. Ишим, открыт как военное укрепление в 1832 г., с 1862 г. получил статус окружного города, с 1868 г. – центр уезда и одноименной области. В 1961 г. переименован в г. Целиноград, в 1992–1998 гг. возвращено название Акмола, с 1998 г. известен как Астана.

⁵ Сарыарка (Казахский мелкосопочник) занимает большую часть территории Центрального Казахстана. На западе граничит с Тургайским плато, на востоке – с горной системой Саур-Тарбагатай, на севере – с Северо-Казахской равниной, на юго-западе – с Туранской низменностью. Протяженность с запада на восток составляет 1 200 км.

- ⁶ Оренбург – город (в 1938–1957 гг. известен как город Чкалов), основанный в 1735 г. в месте впадения р. Орь в р. Урал (Яик). В 1920–1925 гг. являлся столицей Казахской Автономной Советской Социалистической Республики (КазАССР).
- ⁷ Кызылорда – город, расположенный на р. Сырдарье, известен как Ак-Мечеть (1820–1862 гг.), Перовск (1862–1922 гг.), вновь Ак-Мечеть (1922–1925 гг.). В 1925 г. получил название Кызыл-Орда. В 1925–1929 гг. являлся столицей Казахстана (Казахской АССР). В 1997 г. транскрипция названия города была изменена на Кызылорда.
- ⁸ Алматы (Apple city) – самое раннее письменное упоминание Алматы встречается в сочинении Бабур XVI в., в 1853 г. на месте поселения Алматы возникает г. Верный, в 1921 г. переименованный в Алма-Ату; в 1993 г. городу возвращено исконно казахское название – Алматы. В 1929–1997 гг. город был столицей Казахстана.
- ⁹ «Хрущевки» – стандартные панельные или блочные дома – обычно пятиэтажные, имели упрощенную планировку, малогабаритные квартиры, относятся к периоду массового жилищного строительства в СССР в 60-х гг. XX в., связанного с именем руководителя страны того времени Н.С. Хрущева.
- ¹⁰ Акмола – город, располагался на р. Ишим, с 1830 по 1960 г. назывался Акмолинск, с 1961 по 1992 г. – Целиноград, с 1992 по 1998 г. известен как Акмола, с 1998 г. – Астана. С 1997 г. город является столицей Республики Казахстан.
- ¹¹ Алматинские переселенцы – государственные служащие, передислоцированные из Алматы в новую столицу в 1996–2000 гг.
- ¹² Ишим – одна из крупнейших рек в Казахстане, приток Иртыша. Протяженность реки на территории Республики – 1 400 км, а общая протяженность Ишима – 2 450 км. В Казахстане река протекает в пределах Акмолинской и Северо-Казахстанской областей. Площадь водосборного бассейна составляет порядка 177 000 кв. км. Крупнейшие притоки: Колутон, Жабай, Терсаккан, Акан-Бурлук и Иман-Бурлук.
- ¹³ СЭЗ «Астана – новый город» создана в 2001 г. Основной целью деятельности Специальной экономической зоны являлось ускоренное строительство нового административно-делового центра столицы (левобережье реки Ишим) путем привлечения отечественных и иностранных инвесторов. В истории города также известна Акмолинская специальная экономическая зона (1996–2000 гг.).

ЛИТЕРАТУРА

1. Назарбаев Н.А. В сердце Евразии. Алматы : Атамұра, 2005. 192 с.
2. Назарбаев Н.А. Казахстанский путь. Караганда, 2006. 372 с.
3. Назарбаев Н.А. Эра независимости. Астана, 2017. 508 с.
4. Алпыспаева Г.А. Астана в новое и новейшее время. Астана, 2008. 292 с.
5. Бозок в панораме средневековых культур Евразии. Астана : Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, 2008. 208 с.
6. Смайл А. Астана. История столицы и края XIV–XIX вв. Астана : Фолиант, 2006. 292 с.
7. Кабульдинов З.Е. История Астаны: учеб. пособие. Астана, 2007. 200 с.
8. Кабульдинов З. Астана – прошлое и настоящее. Астана, 2017. 344 с.
9. Джаксыбеков А. Зажечь звезду – столицу. Записки акима. Астана : Валери, 2000. 216 с.
10. Современный Казахстан: стратегия успеха. Алматы : Институт мировой экономики и политики при Фонде Первого Президента РК, 2008. 288 с.
11. Ковальская С.И., Аканов К.Г. Перенос столицы и миграционная динамика Астаны // Вестник Томского государственного университета 2016. № 412. С. 58–64.
12. Кушкумбаев С. Перенос столицы: вызов прошлому // Саясат. 1998. Январь. С. 54–59.
13. Акимбеков С. 10 лет впереди // Континент. 2008. 10 августа. С. 14–17.
14. Бекус Н., Медеуова К. Смена эпох как смена столиц: Астана как глобальный центр // Сайт «Новое литературное обозрение». Журнал «Неприкосновенный запас». № 80 (6/2011). URL: <http://www.nlobooks.ru/node/1581> (дата обращения: 07.04.2017).
15. Кемел М. Тәуелсіз Қазақстанның жеті қазынасы: Астана // Егемен Қазақстан. 27 желтоқсан (декабрь), 2013 жыл (год). С. 3.
16. Ильясова К.М., Аканов К.Г. История создания Генерального плана города Астаны. // Вестник Евразийского гуманитарного института. 2015. № 4. С. 12–17.
17. Тойнби А. Постигание истории. М. : Айрис-Пресс, 2002. 640 с.
18. Боден Ж. Шесть книг о государстве // Антология мировой правовой мысли. М.: Мысль, 1999. Т. 2. 829 с.
19. Sassen S. The Global City: New York, London, Tokyo. (Саския Сассен. Глобальный город: Нью-Йорк, Лондон, Токио). Princeton University Press, 1991. 410 p.
20. Слука Н. Глобальные города // Эксперт. 2008. № 15 (604). 14 апреля. URL: http://expert.ru/expert/2008/15/globalnue_goroda/ (дата обращения: 07.04.2017).
21. Richard L. Wolfel. North to Astana: Nationalistic motives for the movement of the Kazakh (stani) capital // Nationalities Papers. 2002. Vol. 30, № 3. P. 484–506.
22. Alexander A. Denier. National territory and the Reconstruction of History in Kazakhstan // Eurasian Geography and Economics. 2002. Vol. 43, № 8. P. 632–650.
23. Sully N. Cummings. Kazakhstan an uneasy relationship – power and authority in the Nazarbaev regime // Power Change in Central Asia / ed. by Sully N. Cummings. London ; New York, 2002. P. 59–74.
24. Sully N. Cummings. Eurasian bridge or murky waters between east and west? Ideas, identity and output in Kazakhstan's foreign policy // Journal of Columnist Studies and Transition Politics. 2003. № 19:3. P. 139–155.
25. Sully N. Cummings. Kazakhstan. Power and the Elite. New York, 2005. 202 p.
26. Sully N. Cummings. Legitimation and identification in Kazakhstan // Nationalism and Ethnic Politics. 2006. № 12. P. 177–204.
27. Edward Schatz. What Capital Cities Say About State and Nation Building // Nationalism and Ethnic Politics. 2004. Vol. 9. P. 111–140.
28. Shonin Anacker. Geographies of Power in Nazarbayev's Astana // Eurasian Geography and Economics. 2004. Vol. 45, № 7. P. 515–533.
29. Bhavna Dave. Kazakhstan. Ethnicity, language and power. New York: Routledge, 2007. 242 p.
30. Alexander M. Danzer. Battlefields of Ethnic Symbols. Public Space and Post-Soviet Identity Formation from a Minority Perspective // Europe-Asia Studies. November 2009. Vol. 61, № 9. P. 1557–1577.
31. Natalie Koch. The monumental and the miniature: imaging «modernity» in Astana // Social & Cultural Geography. December 2010. Vol.11, № 8. P. 769–787.
32. Natalie Koch. The «heart of Eurasia»? Kazakhstan's centrally located capital city // Central Asian Survey. 2013. Vol. 32, № 2. P. 134–147.
33. Айткен Дж. (Jonathan William Patrick Aitken). Нурсултан Назарбаев и создание Казахстана / пер. с англ. М. : Худож. лит., 2010. 384 с.
34. Россман В. Столицы. Их многообразие, закономерности развития и перемещения. М. : Институт экономической политики имени Е.Т. Гайдара, 2013. 299 с.
35. Rico Isaacs. Nomads, warriors and bureaucrats: Nation building and film in post-Soviet Kazakhstan // Nationalities Papers. 2015. Vol. 43, № 3. P. 399–416.
36. Adrien Fauve. Global Astana: nation branding as a legitimization tool for authoritarian regimes // Central Asian Survey. 2015. Vol. 34, № 1. P. 110–124.
37. Россман В. Современная концепция столичного города и переносы столиц в глобальной перспективе // Известия МГТУ «МАМИ». 2013. № 4 (18), т. 2. С. 99–105.

38. «Итоги всесоюзной переписи населения 1989 год». Государственный комитет Республики Казахстан по статистике и анализу. Алма-Ата: Республиканский информационно-издательский центр, 1992. 48 с.
39. Акмола: Энциклопедия. Алматы : Атамұра, 1995. 400 с.
40. Национальный архив Республики Казахстан. Ф. 90. Оп. 1. Д. 50.
41. Токаев К. Он смотрит далеко, он видит многое // Спецвыпуск ежедневной общественно-политической республиканской газеты: «Экспресс К». № 122 (16753). Понедельник 06 июля 2009 года. С. 4
42. Протокол заседания Государственной комиссии Республики Казахстан по передислокации высших и центральных органов в город Акмолу // Учет. Все для бухгалтера». URL: https://zakon.uchet.kz/rus/docs/V9500032_7_ (дата обращения: 09.06.2015).
43. Асылбеков А.З. Қазақстан Республикасында Кімнің Кім екені – 2011. 2 томдық анықтамалық. Кто есть Кто в Республике Казахстан – 2011 : справочник : в 2 т. Алматы, 2011 1312 с.
44. Жұмағұлов К. Аманжол Бөлекбаев тұңғыш қалабасы // Мәдени мұра. Культурное наследие. 2013. № 2. Б. 49–53.
45. Национальный архив Республики Казахстан (НАРК). Ф. 51. Оп. 1. Д. 1.
46. НАРК. Ф. 90. Оп. 1. Д. 14.
47. НАРК. Ф. 51. Оп. 1. Д. 5.
48. НАРК. Ф. 90. Оп. 1. Д. 60.
49. НАРК. Ф. 40. Оп. 1. Д. 24.
50. НАРК. Ф. 51. Оп. 1. Д. 7.
51. НАРК. Ф. 90. Оп. 1. Д. 1.
52. НАРК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2.
53. Ковалева Т. Назарбаев: В 2017 году астанинский лес соединится с национальным парком Боровое // Zakon.kz. URL: <http://www.zakon.kz/4800745-zelenuju-zonu-astany-soedinjat-s-lesom.html> (дата обращения: 29.05.2017).
54. Романова А. Астана не сразу строилась // Портал о недвижимости Казахстана “Кн.kz” (дата публикации: 09.07.2008). URL: <https://www.kn.kz/article/1642/> (дата обращения: 11.05.2017).
55. Тихонюк Н. Астананың алғашқы қадасын қағыстым // I-News.kz (дата публикации: 06.07.2013). URL: https://i-news.kz/news/2013/07/06/7084670-nikolai_tihonyuk_astanany_n_algashky_kada.html (дата обращения: 05.04.2013).
56. Государственный архив г. Астаны. Ф. 424. «Астана – Новая столица». Оп. 1. Д. 19. Л. 20-21 // Программа международного конкурса на эскиз-идею Генерального плана развития нового центра города Астана.

Kulpash M. Ilyassova. L.N. Gumilyov Eurasian National University (Nur-Sultan, Kazakhstan). E-mail: kulpash_66@mail.ru
Saule A. Bagdatova. Institute of History of the State under the Committee of Science of the Ministry of Education of the Republic of Kazakhstan (Nur-Sultan, Kazakhstan). E-mail: saule_tsa@mail.ru
Kuanyshev G. Akanov. L.N. Gumilyov Eurasian National University (Nur-Sultan, Kazakhstan). E-mail: kukaandvita@mail.ru
Bibikhadisha Zh. Abzhapparova. L.N. Gumilyov Eurasian National University (Nur-Sultan, Kazakhstan). E-mail: hadisha_1960@mail.ru
Gaukhar S. Shamshieva. Kazakh Academy of Transport and Communications named after M. Tynyspayev (Nur-Sultan, Kazakhstan). E-mail: goha_hanum@mail.ru

THE ESTABLISHMENT OF ASTANA CITY – THE CAPITAL OF CONTEMPORARY KAZAKHSTAN

Key words: capital transfer, the history of Kazakhstan, evolution of Kazakhstan’s capitals, city development, special economic zone
 The last decade of the XX century in history of Kazakhstan was marked by the establishment of state building of new style – the Republic of Kazakhstan. The main symbol of achievements of independent Kazakhstan became a new capital – Astana. The President of the Republic of Kazakhstan N.A. Nazarbayev, the initiator of the capital transfer process, characterized the process of creation of Astana city – as a creation of new text of national history. So, a new vector of actual historical researches for professional Kazakhstan’s scientist-historians was determined. In the framework of this publication the following task was set – to systematically summarize and analyze the key stages of modern history of Kazakhstan’s capital. In this context, the idea of transferring and building a new capital proposed by the Head of State, the main stages of its implementation in practice require the comprehensive and complex research. At the same time, the history of new capital construction, not only becomes an object of the special research, but demands a detailed study. The relevance of the research is associated with the authors’ attempt to make a contribution in the study of the world experience in the transfer of capitals.

The leading approach of scientific research is the principle of historicism, which allowed the authors to demonstrate the historical continuity of events and find out the keys stages of Kazakhstan’s capitals evolution. The study of dynamics of historical development took place in the context of implementation of scientific direction about migration of capitals in the XX century. The actual issues of transfer and building of the new Kazakhstan’s capital are considered through the prism of a continuous historical process. As the result of comparative historical analysis it was concluded, that transfers of capitals was an important part of state building, both in the Soviet period and in the context of the globalization of the modern Kazakhstan’s history. The consistency and sequence of the process of transfer and construction of the capital city is manifested in overcoming difficulties, arising in the course of its implementation. The complexities of the process of creation of capital infrastructure were shown on the basis of introduction of new archival documents into the scientific circulation. Analysis and systematization of the used data made it possible to identify key stages in the history of Astana city establishment, as the capital of Kazakhstan. The scientific novelty of the publication is connected with the conceptualization of the cardinal changes that took place in the new capital throughout the construction period. The visible social effect of the research work was the filling of the gaps and unknown pages in the history of the creation of Astana, as an integral part of modern history of Kazakhstan.

REFERENCES

1. Nazarbaev, N.A. (2005) *V serdtse Evrazii* [In the heart of Eurasia]. Almaty: Atamұra.
2. Nazarbaev, N.A. (2006) *Kazakhstanskiy put'* [The Way of Kazakhstan]. Karaganda: [s.n.].
3. Nazarbaev, N.A. (2017) *Era nezavisimosti* [The Era of Independence]. Astana: [s.n.]
4. Alpyspaeva, G.A. (2008) *Astana v novoe i noveyshee vremya* [Astana in new and modern times]. Astana: Astana poligrafiya.
5. Abdymanalov, S.A. (ed.) (2008) *Bozok v panorame srednevekovykh kul'tur Evrazii* [Bozok in the panorama of medieval cultures of Eurasia]. Astana: Eurasian National University.
6. Smayyl, A. (2006) *Astana. Istoriya stolitsy i kraya XIV – XIX vv.* [Astana. The history of the capital and the region of the 14th – 19th centuries]. Astana: Foliant.
7. Kabuldinov, Z.E. (2007) *Istoriya Astany* [History of Astana]. Astana: Arman-PV.
8. Kabuldinov, Z. (2017) *Astana – proshloe i nastoyashchee* [Astana – The Past and Present]. Astana: [s.n.].
9. Dzhaqsybekov, A. (2000) *Zazhech' zvezdu – stolitsu. Zapiski akima* [Light a star – the capital. Notes of the akim]. Astana: Valeri.

10. Shaikhutdinov, M.E. (2008) *Sovremennyy Kazakhstan: strategiya uspekha* [Modern Kazakhstan: a strategy for success]. Almaty: Institute of World Economy and Politics under the Fund of the First President of the Republic of Kazakhstan.
11. Kovalskaya, S.I. & Akanov, K.G. (2016) The relocation of the capital as an instrument of the nation-building policy and migration dynamics of the Astana population. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 412. pp. 58–64. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/412/9
12. Kushkumbaev, S. (1998) Perenos stolitsy: vyzov proshlomu [Relocation of the capital: A challenge to the past]. *Sayasat*. January. pp. 54–59.
13. Akimbekov, S. (2008) 10 let vpered [10 years ahead]. *Kontinent*. 10th August. pp. 14–17.
14. Bekus, N. & Medeuova, K. (2011) Smena epokh kak smena stolits: Astana kak global'nyy tsentr [Change of eras as a change of capitals: Astana as a global center]. *Neprikosnovennyy zapas*. 6. [Online] Available from: <http://www.nlobooks.ru/node/1581> (Accessed: 7th April 2017).
15. Kemel, M. (2013) Tәuelsiz Kazakstannıń zheti kәzınasy: Astana. *Egemen Qazaqstan*. 27th December. pp. 3
16. Ilyasova, K.M. & Akanov, K.G. (2015) Istoriya sozdaniya General'nogo plana goroda Astany. *Vestnik Evraziyskogo gumanitarnogo instituta*. 4. pp. 12–17.
17. Toynbee, A. (2002) *Postizhenie istorii* [A Study of History]. Translated from English. Moscow: Ayris-Press.
18. Boden, J. (1999) *Shest' knig o gosudarstve* [Six books on the state]. In: Semigin, G.Yu. (ed.) *Antologiya mirovoy pravovoy mysli* [Anthology of World Legal Thought]. Vol. 2. Moscow: Mysl'.
19. Sassen, S. (1991) *The Global City: New York, London, Tokyo*. Princeton University Press.
20. Sluka, N. (2008) Global'nye goroda [Global cities]. *Ekspert*. 15 (604). [Online] Available form: http://expert.ru/expert/2008/15/globalnye_goroda/ (Accessed: 7th April 2017).
21. Wolfel, R.L. (2002). North to Astana: Nationalistic motives for the movement of the Kazakh (stani) capital. *Nationalities Papers*. 30(3). pp. 484–506. DOI: 10.1080/0090599022000011723
22. Denier, A.A. (2002) National territory and the Reconstruction of History in Kazakhstan. *Eurasian Geography and Economics*. 43(8). pp. 632–650. DOI: 10.2747/1538-7216.43.8.632
23. Cummings, S.N. (2002) Kazakhstan an uneasy relationship – power and authority in the Nazarbaev regime. In: Cummings, S.N. (ed.) *Power Change in Central Asia*. London; New York: Routledge. pp. 59–74.
24. Cummings, S.N. (2003) Eurasian bridge or murky waters between east and west? Ideas, identity and output in Kazakhstan's foreign policy. *Journal of Communist Studies and Transition Politics*. 19(3). pp. 139–155. DOI: 10.1080/13523270300660021
25. Cummings, S.N. (2005) *Kazakhstan. Power and the Elite*. New York: I.B.Tauris.
26. Cummings, S.N. (2006) Legitimation and identification in Kazakhstan. *Nationalism and Ethnic Politics*. 12. pp. 177–204. DOI: 10.1080/13537110600734547
27. Schatz, E. (2004) What Capital Cities Say About State and Nation Building. *Nationalism and Ethnic Politics*. 9. pp. 111–140. DOI: 10.1080/13537110390444140
28. Shonin, A. (2004) Geographies of Power in Nazarbaev's Astana. *Eurasian Geography and Economics*. 45(7). pp. 515–533. DOI: 10.2747/1538-7216.45.7.515
29. Bhavna, D. (2007) *Kazakhstan. Ethnicity, language and power*. New York: Routledge.
30. Danzer, A.M. (2009) Battlefields of Ethnic Symbols. Public Space and Post-Soviet Identity Formation from a Minority Perspective. *Europe-Asia Studies*. 61(9). pp. 1557–1577. DOI: 10.1080/09668130903209137
31. Koch, N. (2010) The monumental and the miniature: imaging “modernity” in Astana. *Social & Cultural Geography*. 11(8). pp. 769–787. DOI: 10.1080/14649365.2010.521854
32. Koch, N. (2013) The “heart of Eurasia”? Kazakhstan's centrally located capital city. *Central Asian Survey*. 32(2). pp. 134–147. DOI: 10.1080/02634937.2013.802487
33. Aitken, J. (2010) *Nursultan Nazarbaev i sozidanie Kazakhstana* [Nursultan Nazarbaev and the Making of Kazakhstan]. Translated from English. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
34. Rossman, V.I. (2013) *Stolitsy. Ikh mnogoobrazie, zakonomernosti razvitiya i peremeshcheniya* [Capitals. Their diversity, patterns of development, and relocation]. Moscow: The Gaidar Institute of Economic Policy.
35. Rico, I. (2015) Nomads, warriors and bureaucrats: Nation building and film in post-Soviet Kazakhstan. *Nationalities Papers*. 43(3). pp. 399–416. DOI: 10.1080/00905992.2013.870986
36. Fauve, A. (2015) Global Astana: nation branding as a legitimization tool for authoritarian regimes. *Central Asian Survey*. 34(1). pp. 110–124. DOI: 10.1080/02634937.2015.1016799
37. Rossman, V. (2013) Sovremennaya kontsepsiya stolichnogo goroda i perenosy stolits v global'noy perspektive [The modern concept of the capital city and the relocation of capitals in a global perspective]. *Izvestiya MGTU “MAMI” – Izvestiya MGTU “MAMI”*. 4(18). pp. 99–105.
38. The State Committee of the Republic of Kazakhstan on Statistics and Analysis. (1992) *Itogi vsesoyuznoy perepisi naseleniya 1989 god* [Results of the All-Union Population Census 1989]. Alma-Ata: Respublikanskiy informatsionno-izdatel'skiy tsentr.
39. Prmanov, A. (ed.) *Akmola: Entsiklopediya* [Akmola: Encyclopedia]. Almaty: Atamura.
40. The National Archive of the Republic of Kazakhstan. Fund 90. List 1. File 50.
41. Tokaev, K. (2009) On smotrit daleko, on vidit mnogo [He looks far, he sees a lot]. *Ekspress K*. 6th July. pp. 4.
42. The State Commission of the Republic of Kazakhstan on the Relocation of Higher and Central Bodies to Akmola. (n.d.) *Protokol zasedaniya Gosudarstvennoy komissii Respubliki Kazakhstan po perediskatsii vysshikh i tsentral'nykh organov v gorod Akmolu* [Protocol of the meeting of the State Commission of the Republic of Kazakhstan on the relocation of Higher and Central Bodies to Akmola]. [Online] Available from: https://zakon.uchet.kz/rus/docs/V9500032_7_ (Accessed: 9th June 2015).
43. Asylbekov, A.Z. (2011) *Qazaqstan Respublikasynda Kimniń Kim ekeni – 2011*. Almaty: [s.n.].
44. Zhymarylov, K. (2013) Amanzhol Bolekbaev tıńrysh kalabasy. *Mәdeni mýra. Kul'turnoe nasledie*. 2. pp. 49–53.
45. The National Archive of the Republic of Kazakhstan (NARK). Fund 51. List1. File 1.
46. The National Archive of the Republic of Kazakhstan (NARK). Fund 90. List1. File 14.
47. The National Archive of the Republic of Kazakhstan (NARK). Fund 51. List 1. File 5.
48. The National Archive of the Republic of Kazakhstan (NARK). Fund 90. List 1. File 60.
49. The National Archive of the Republic of Kazakhstan (NARK). Fund 40. List 1. File 24.
50. The National Archive of the Republic of Kazakhstan (NARK). Fund 51. List 1. File 7.
51. The National Archive of the Republic of Kazakhstan (NARK). Fund 90. List 1. File 1.
52. The National Archive of the Republic of Kazakhstan (NARK). Fund 2. List 1. File 2.
53. Kovaleva, T. (n.d.) *Nazarbaev: V 2017 godu astaninskiy les soedinit'sya s natsional'nyim parkom Borovoe* [Nazarbaev: In 2017, the Astana forest will connect with the Borovoye National P]. [Online] Available from: <http://www.zakon.kz/4800745-zelenuju-zonu-astany-soedinjat-s-lesom.html> (Accessed: 29th May 2017).
54. Romanova, A. (2008) *Astana ne srazu stroilas'* [Astana was not built in a day]. [Online] Available from: <https://www.kn.kz/article/1642/> (Accessed: 11th May 2017).
55. Tikhonyuk, N. (2013) *Astananyń alashky qadasyn qarystym*. [Online] Available from: https://i-news.kz/news/2013/07/06/7084670-nikolai_tihonyuk_astananyn_algashky_kada.html (Accessed: 5th April 2013).
56. The State Archive of Astana. Fund 424. List 1. File 19. pp. 20–21.

УДК 327.54
DOI: 10.17223/19988613/62/12

А.Д. Карин

ПОЛЬСКАЯ СЕКЦИЯ РАДИО «СВОБОДНАЯ ЕВРОПА» В ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКОЙ ПОЛИТИКЕ США В 1950-е гг.

Рассматривается политика США в отношении польской секции радио «Свободная Европа». На различных этапах «холодной войны» радиостанция сыграла заметную роль в переменах, происходивших во внутривосточной жизни Польши, а также неоднократно становилась предметом двусторонних польско-американских переговоров. В качестве источников в работе были использованы документы американских и польских спецслужб, а также воспоминания главы польской секции Яна Новока Езёраньского.

Ключевые слова: Восточная Европа; пропаганда «холодной войны»; польско-американские отношения; радио «Свободная Европа».

Во время «холодной войны» противоборствующие стороны использовали обширный инструментарий средств массовой информации и пропаганды, направленный как на свое собственное население, так и на население стран враждебного лагеря. Во втором случае не последнюю роль сыграли созданные США совместно с представителями антикоммунистических эмиграций радиостанции «Голос Америки» и «Свободная Европа» (RFE), основной целью которых было донесение до населения стран социалистического лагеря альтернативной, не советской точки зрения на события, происходившие в мире. Со временем это должно было способствовать формированию у восточноевропейцев оппозиционных настроений по отношению к коммунистическим режимам и в перспективе привести к демонтажу этих режимов.

Расположенное в Мюнхене радио «Свободная Европа» поддерживало вещание на пять государств Восточной Европы (Чехословакию, Польшу, Болгарию, Румынию и Венгрию) и являлось одним из примеров успешного сотрудничества между Соединенными Штатами и восточноевропейскими антикоммунистическими эмиграциями. История каждой из пяти национальных секций радио «Свободная Европа» по-своему уникальна. Однако, возможно, наиболее интересным случаем является история польской секции радиостанции, оказавшей большое влияние на политическое развитие своей страны. Современные исследователи довольно высоко оценивают степень этого влияния на внутривосточные процессы, происходившие в ПНР. В частности, Владислав Бартошевский пришел к выводу, что феномен RFE в польской истории сопоставим по своей значимости с существовавшим в годы Второй мировой войны Польским подпольным государством [1. S. 16].

До появления RFE наибольшей полярностью среди иностранных радиостанций в Польше пользовались BBC и радио «Мадрид». BBC заработало большой авторитет в глазах населения еще в период Второй миро-

вой войны, когда оно служило альтернативным источником информации для миллионов жителей оккупированных стран. Радио «Мадрид» начавшее свое вещание на польском в январе 1949 г., при поддержке франкистского режима и Лондонского правительства в изгнании¹ быстро сумело завоевать популярность в стране. Во многом это было достигнуто благодаря твердой антикоммунистической позиции радиостанции и невмешательству испанского правительства в её внутренние дела [2]. Несколько меньший интерес у радиослушателей вызывало Парижское радио.

На рубеже 40–50-х гг. одной из ключевых концепций, используемых Вашингтоном для формирования внешней политики США в отношении стран социалистического блока, была так называемая концепция психологической войны, под которой понималось в первую очередь формирование благоприятного для американских национальных интересов общественного мнения. По оценке Совета по национальной безопасности при президенте США, психологическая война должна была использоваться для ослабления влияния СССР в Центральной и Восточной Европе посредством формирования у населения антисоветских настроений [3]. При этом рекомендовалось действовать через частные американские организации с целью скрыть роль правительства в провидении этой политики [4. S. 5].

В 1949 г. при поддержке Госдепартамента и Центрального разведывательного управления был создан «Комитет за свободную Европу», на базе которого и была в 1950 г. организована радиостанция. Хотя комитет формально являлся частной организацией, нацеленной на сотрудничество с восточноевропейскими эмигрантами и осуществлявшей свою деятельность на частные пожертвования, он с самого начала своего существования находился под плотным контролем американских спецслужб [5. S. 19].

«Свободная Европа» впервые вышла в эфир в июле 1950 г. На начальном этапе, в 1950–1952 гг., польско-язычные передачи записывались в Нью-Йорке на Ман-

хэттене, откуда записи самолетом доставлялись во Франкфурт-на-Майне и транслировались в Польшу. Первым главой польской секции стал бывший дипломат Леслав Боденский. Через год его сменил журналист Станислав Стшетельский. В 1952 г. после переноса радиовещания из Нью-Йорка в Мюнхен директором секции на долгие годы стал журналист, писатель, бывший участник сопротивления Ян Новак Езёраньский. Он занимал эту должность вплоть до второй половины 70-х гг., после чего работал в качестве советника по безопасности при президентах США Рональде Рейгане и Джимми Картере.

Первый эфир польской секции в Мюнхене состоялся 3 мая 1952 г., в годовщину принятия Конституции Речи Посполитой (1791 г.), что должно было продемонстрировать приверженность сотрудников секции демократическим идеалам. В первый день, помимо журналистов, выступили также видные политические и военные деятели эмиграции: генерал Владислав Андерс, глава лондонского кабинета Томаш Арцишевский, видные политики Эдвард Рачинский и Станислав Миколайчик [6. S. 82]. В дальнейшем, по мере роста популярности RFE, на ее волнах неоднократно выступали также многие другие известные эмигранты.

Степень американского вмешательства в политику вещания радиостанции с самого начала являлась довольно неоднозначной. С одной стороны, американские сотрудники не занимались осуществлением цензуры выпускаемых в эфир программ, содержание которых не обязательно должно было отражать позицию США. С другой стороны, эти программы не должны были наносить вред американским интересам, за чем следили политические советники во главе с Уильямом Гриффитом, оставлявшие за собой право на вмешательство. Помимо этого, были введены и прямые запреты. В частности, по требованию Германии было запрещено упоминать границу по Одеру–Нейсе как окончательную, что непосредственно затрагивало польские интересы [5. S. 125].

Размещение радиостанции на территории Германии, да еще и в Мюнхене, городе, где в 1938 г. случился «Мюнхенский сговор», было настоящим подарком для пропаганды ПНР. В годы холодной войны пропагандистская машина коммунистического режима на все лады обыгрывала эти факты, изображая сотрудников польской секции как немецких наемников, не забывая особо подчеркнуть их двусмысленную позицию по вопросу послевоенных границ. Впрочем, первоначально «Свободную Европу» не воспринимали в Варшаве как сколько-нибудь существенную угрозу для режима. В конце концов, это была одна из нескольких западных радиостанций, поддерживавших вещание на польском языке.

Реакция эмигрантских кругов на создание польской секции во главе с Яном Новоком была неоднородной. Эмигрантская среда была расколота на множество группировок, конкурирующих между собой, что делало реализацию любых совместных проектов весьма за-

труднительной. Поэтому не удивительно, что с самого начала многие эмигрантские издания выступали с жесткой критикой Мюнхенской радиостанции. В первую очередь это были: выходящий во Франции журнал «Narodowiec», издававшийся в Лондоне журналы «Orzeł Biały» и «Gazeta Niedzielną», а также некоторые другие издания [7. S. 64]. В вину Езёраньскому и его коллегам ставилось то, что они якобы отреклись от границ по Одеру–Нейсе и служат немецким интересам. Другая большая по численности часть эмигрантской прессы придерживалась более умеренной линии, дистанцируясь от «Свободной Европы» как от американского радио, не имеющего права претендовать на то, чтобы быть голосом всей эмиграции.

В то же время с самого начала количество сторонников Мюнхенской радиостанции в эмигрантских кругах было сопоставимо с количеством ее противников и постепенно росло. Сказывалось хорошее финансирование и большое количество эфирного времени – 18 ч. Последнее обстоятельство позволяло сделать содержание передач более разнообразным и интересным и вместе с тем рассмотреть более широкий спектр вопросов, нежели могли позволить себе другие радиостанции. В этой связи следует также отметить достаточно грамотную кадровую политику, проводимую директором польской секции, стремившимся к тому, чтобы члены всех ведущих эмигрантских партий и движений были представлены среди ее сотрудников.

Ответом на активизацию западной пропаганды стала политика глушения «голосов», систематически проводившегося Варшавой как минимум с 1950 г. По всей стране были введены в строй многочисленные передатчики для создания помех. Однако проблема заключалась в том, что ПНР испытывала острый дефицит оборудования для создания помех на коротких волнах, на которых вещало большинство направленных на Восточную Европу западных радиостанций. Это обстоятельство делало любые меры по борьбе с американской пропагандой малоэффективными. Пытаясь найти выход из положения, представители Польши, Чехословакии и Венгрии в ноябре 1950 г. обсудили совместные меры по борьбе с западной пропагандой на коротких волнах. В итоге выяснилось, что без подключения СССР решение этой проблемы оказывалось невозможным.

15 сентября 1951 г. начальник главного управления радиосвязи А.И. Жаров подал министру связи СССР Н.Д. Псурцеву рапорт, в котором суммировал меры, принятие которых было необходимо для защиты Польши и других стран социалистического блока от враждебной пропаганды западных стран [8]. В документе предлагалось: создать совместную систему защиты от западного радиовещания, используя советское оборудование для создания помех на коротких волнах, а польское на средних волнах [Ibid. S. 5]. Более чем через месяц, 24 октября 1951 г., вышел Указ Совета Министров СССР, в котором министру связи было предписано приступить к оказанию помощи польскому

правительству в противодействии враждебной пропаганде [9. S. 2]. Очень скоро, как и предлагал Жаров, к созданию совместной системы присоединились другие государства социалистического блока.

Развитие системы глушения западных радиостанций продолжалось в последующие годы. Однако, как следует из документов спецслужб ПНР, по состоянию на март 1953 г. удавалось заблокировать лишь 30% враждебных режиму передач [10. S. 2]. Дальнейшее введение в строй нового оборудования в целом привело к повышению эффективности защиты от западной пропаганды. Однако, как следует из документов ЦРУ, даже летом 1955 г., когда развитие системы глушения достигло максимума, количество перехваченных передач никогда не было стопроцентным, что давало радиослушателям возможность прослушивать передачи в те часы, когда система оказывалась неэффективной [11. S. 1].

Одним из наиболее значимых событий пятидесятых годов в сфере информационной войны стало бегство на Запад высокопоставленного офицера Министерства общественной безопасности Йозефа Святло (Исаак Флейшфарб). Святло был коммунистом с довоенным стажем. В годы войны служил в 1-й польской дивизии им. Тадеуша Костюшко. В дальнейшем он сделал блестящую карьеру в органах безопасности ПНР, что открыло ему доступ к большому количеству секретной информации. Именно Святло было поручено арестовать В. Гомулку в 1951 г., кардинала С. Вышинского в 1953 г. и многих других известных общественных деятелей [12. S. 140]. 5 декабря 1953 г. Йозеф Святло бежал в Западный Берлин, где смог установить контакты с американцами и предложить им сотрудничество. В результате ЦРУ получило множество ценной информации о политической жизни коммунистической Польши. Часть показаний перебежчика была записана на пленку и с его согласия транслировалась по радио «Свободная Европа» с сентября 1954 г. по январь 1955 г., в цикле передач «За кулисами партии и спецслужб».

Цикл программ «За кулисами партии и спецслужб» вызвал необычный интерес у аудитории. В своих выступлениях Святло подвергал жесткой критике генерального секретаря рабочей партии Б. Берута и главу Министерства общественной безопасности Я. Бермана за политику, не отвечающую национальным интересам. Вся политическая система коммунистической Польши была показана в передачах как порочная и лживая, основанная на всевластии спецслужб, при фактическом бессилии партии, бесправии основной массы населения и привилегиях правящей группы [13. S. 4].

Ни политика глушения, ни попытки очернить перебежчика не помогли. Под давлением общественного мнения, подогреваемого выступлениями Святло, власти так или иначе вынуждены были наказать наиболее одиозных ответственных за репрессии сотрудников спецслужб. В декабре 1954 г. было ликвидировано Министерство общественной безопасности. В 1954 г. его разделили на Комитет общественной безопасности и

Министерство внутренних дел. Новые силовые структуры были поставлены под более основательный партийный контроль, чтобы исключить возможность повторения эксцессов предшествующего периода. В стране резко усилились тенденции к десталинизации, реабилитации жертв репрессий, ослаблению цензуры и общему изменению политического климата.

В результате выступления Святло RFE очень быстро сделалось для поляков главным альтернативным источником информации, обогнав по популярности другие зарубежные радиостанции. Этот факт нашел отражение в документах американских спецслужб. В частности, в рапорте ЦРУ от 25 июня 1955 г. сообщалось, что выступления бывшего сотрудника спецслужб ПНР вызвали огромный интерес и завоевали широкую поддержку населения [14]. Его слушали не только простые граждане, но в том числе высокопоставленные члены компартии, желавшие быть в курсе последних политических событий и хорошо понимать пропаганду западных стран, чтобы более эффективно противодействовать ей.

Переломным для Мюнхенской радиостанции стал 1956 г. После прихода к власти В. Гомулки Варшавский режим отказался от глушения западных радиостанций². Одной из причин этого шага стало давление улицы. 18 ноября вспыхнули беспорядки в г. Быдгоще. Толпа ворвалась в здание штаб-квартиры Воеводского полицейского управления гражданской милиции и стала уничтожать устройства, глушившие зарубежные радиопередачи [15. S. 71]. Другой причиной было стремление нового партийного руководства создать себе имидж демократов, допускающих плюрализм мнений.

Вторым важным событием стало антикоммунистическое восстание в Венгрии, а также радикальная позиция, занятая венгерской секцией во время восстания. Она вызвала беспокойство в американских правящих кругах и заставила Госдепартамент серьезно задуматься о введении цензуры. В октябре 1956 г. венгерская секция обрушилась с критикой на правительство Имре Надя, став, таким образом, на позиции правой части венгерских повстанцев, также не доверявших Надю. К тому же венгерские журналисты перехватывали и ретранслировали сообщения местных венгерских радиостанций, захваченных повстанцами, содержавшие требования о немедленном выходе страны из Варшавского договора, а также допускали в эфир программы, способные создать у слушателей ложное впечатление о возможности оказания помощи повстанцам со стороны Запада [16. P. 833]. Это противоречило принципам комитета «Свободная Европа», запрещавшим подстрекательство к восстанию или обещание прямой вооруженной поддержки Запада [17. P. 3].

Несмотря на то, что польские журналисты во время «Польского октября» заняли противоположную позицию и в целом поддержали реформаторский курс Гомулки, лишь иногда критикуя его за недостаточную решительность в проведении реформ, американские

планы по введению цензуры и ужесточению контроля над эфиром касались и их. Стремление установить более жесткий контроль над содержанием радиопередач со стороны Госдепартамента вызвало всеобщее недовольство. Сотрудники польской секции угрожали даже всеобщим увольнением в случае введения цензуры. Только опасения негативных последствий для имиджа Соединённых Штатов в случае массовых увольнений заставило американцев отказаться от этих мер [18. S. 53–54].

Однако это не означало, что Государственный департамент окончательно отказался от идеи ужесточения контроля над содержанием эфира. Ярким примером тому являются события, связанные с борьбой вокруг выборов в Сейм в январе 1957 г. Накануне выборов Ян Новак Езёранский призвал избирателей вычеркивать из бюллетеней имена тех кандидатов, которые принадлежали к консервативному крылу партии. Однако под давлением американцев он вынужден был сменить позицию и фактически присоединиться к призыву Гомулки «голосовать, не вычеркивая», поддерживая, таким образом, весь список «Фронта национального единства» [19. S. 63]. Американские дипломаты справедливо опасались, что призывы не поддерживать того или иного кандидата на выборах будут восприняты польской стороной как вмешательство в ее внутренние дела, что могло негативно сказаться на ее отношении к США.

Следует отметить, что правящие круги коммунистической Польши даже умеренную критику со стороны «Свободной Европы» воспринимали как вмешательство в их внутренние дела и неоднократно высказывали американским дипломатам свое недовольство во время дипломатических переговоров. Режим ПОРП пытался использовать случившееся после «Польского октября» улучшение польско-американских отношений для того, чтобы ослабить пропагандистский эффект от вещания западных радиостанций.

В октябре 1957 г. во время визита в Вашингтон министр иностранных дел Адам Рапацкий высказал убеждение, что «Свободная Европа» вмешивается во внутренние дела его страны, чему должен быть положен конец. В дальнейшем RFE неоднократно становилась темой двухсторонних переговоров на самом высшем уровне. Так, в августе 1959 г. в ходе встречи вице-президента США Ричарда Никсона с генеральным секретарем Рабочей партии Владиславом Гомулкой польский лидер высказал недовольство критикой его политики со стороны Мюнхенского радио, что, по его мнению, негативно сказывалось на отношениях между двумя странами [20]. Осенью того же года во время встречи с государственным секретарем Кристианом Гертером Рапацкий вновь повторил тезис о том, что RFE портит отношения между Польшей и США. В ответ на это Гертер упомянул об усилиях администрации по ужесточению контроля над «Свободной Европой».

Естественно, недовольство, высказанное польской стороной, не могло не беспокоить американских дипло-

матов, так как Вашингтон надеялся за счет поддержки «национал-коммунизма» в Польше и других странах ослабить позиции СССР в Восточной Европе. Отсюда неудивительно, что некоторые из них фактически согласились с аргументацией Гомулки и Рапацкого. В частности, посол Соединенных Штатов в Варшаве Джейкоб Бим в своих донесениях настаивал на том, что RFE своей критикой политики В. Гомулки ослабляет его власть, создавая угрозу реванша сталинистов, следовательно, действует в противоречии с американскими интересами [21. S. 2]. Возможный выход из сложившейся ситуации посол видел в закрытии польской секции радиостанции. 23 апреля состоялось обсуждение предложения Бима в Госдепартаменте. Хотя у его идеи нашлось немало сторонников, совещание все-таки пришло к выводу, что в целом работа польского отдела радиостанции отвечает американским интересам, но он, возможно, нуждается в частичном реформировании [21]. В 1959–1960 гг. предложение Бима несколько раз обсуждалось американскими дипломатами, однако каждый раз побеждала точка зрения сторонников сохранения секции.

На раннем этапе «холодной войны» радио «Свободная Европа» показало себя как эффективный инструмент психологической войны, которую Соединенные Штаты вели против коммунистических режимов, войны за «сердца и умы» [22. С. 139]. Возникнув позже других радиостанций, вещавших на польском языке, она за несколько лет сумела сделаться первой по популярности среди польских радиослушателей западной радиостанцией. Разумеется, такое положение дел не могло не представлять угрозы для идеологической монополии Польской рабочей партии. Попытки коммунистического режима создать систему глушения и контрпропаганда давали лишь частичный эффект. Тогда под влиянием беспорядков в Быдгоще и других городах в Варшаве было принято решение отказаться от глушения западных радиостанций и бороться с западной пропагандой преимущественно дипломатическими методами. Соединенные Штаты в ответ на события в Венгрии и протесты польских политических деятелей также решили пересмотреть свою политику. В частности, Госдепартамент попытался смягчить пропаганду RFE, ужесточив контроль за содержанием передач. На определенном этапе под нажимом польской стороны рассматривалась даже возможность роспуска польской секции радио. Отдельные американские чиновники полагали, что это разумная цена за улучшение отношений с официальной Варшавой. Однако после нескольких консультаций ответственных лиц было принято решение о сохранении секции.

Особое внимание администрации Д. Эйзенхауэра к вопросам пропаганды объяснялось несколькими соображениями. Во-первых, необходимостью противостоять критике со стороны влиятельных конгрессмен-демократов, таких как У. Морзе, У. Фулбрайт, Г. Хэмфри и др. за отсутствие, по их мнению, эффективной стратегии внешней политики, за чрезмерный крен в

сторону развития ядерного вооружения, за неспособность гибко проводить внешнеполитический курс [23. С. 90–91]. Во-вторых, существовало четкое понимание,

что за исключением пропагандистских мер у Вашингтона отсутствовали серьезные рычаги влияния на обстановку за «железным занавесом».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Испания была одной из немногих стран, продолжавших после 1945 г. и вплоть до 1957 г. признавать Лондонский кабинет в качестве единственного законного польского правительства.

² В 1970 г., после начала массовых протестов рабочих, ПНР вновь начиная борьбу с RFE.

ЛИТЕРАТУРА

1. Bartoszewski W. RWE – fenomen w historii Europy. S. 15–18 // Radio Wolna Europa w polityce polskiej I zachodniej. Warszawa, 2009.
2. Libera P. Józef Łobodowski i polska audycja Radia Madryt (1949–1975) // Z dziejów koegzystencji dwóch narodów w XX wieku / red. M. Białokur, P. Jakóbczyk-Adamczyk. Opole ; Toruń, 2011. S. 156–187.
3. Holt R.T. Van de Velde. Strategic Psychological Operations and American Foreign Policy. Chicago, 1960. 243 p.
4. The inauguration of organized political warfare. April 30, 1948. URL: <https://static.polskieradio.pl/afe8e671-84fc-4a25-8d4f-6d289fb9ab3e.pdf> (дата обращения: 15.12.2018).
5. Johnson A.R. Radio Wolna Europa i Radio Swoboda. W, 2011. 457 s.
6. Zdzisław G. Rola «Radia Wolna Europa» w procesie odzyskiwania przez Polskę niepodległości w latach 1950–1989. S. 81–96 // Księga pamiątkowa dedykowana księdzu profesorowi Józefowi Krzywdzie CM, dyrektorowi Instytutu Prawa Kanonicznego UPJPII z okazji 70. Kraków, 2013.
7. Nowak-Jeziorański J. Wojna w eterze. T. I: 1948–1956. Kraków, 1991. 348 s.
8. Report to USSR Minister of Communications on Western Broadcasts to Poland. September 15, 1951. URL: <http://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/121542> (дата обращения: 15.10.2018).
9. USSR Council of Ministers Decree Instituting Jamming of Anti-Polish Propaganda via Radio on Polish Territory. October 24, 1951. URL: <http://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/121543> (дата обращения: 15.10.2018).
10. Polish Proposal for Bloc-wide Coordination of Radio Jamming. March 31, 1953. URL: <http://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/121535> (дата обращения: 8.10.2018).
11. CIA-RDP82-00046R000500100001-4. Reactions to Western Propaganda, and Political Attitudes. 22 Jun. 1955. URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/cia-rdp82-00046r000500100001-4>
12. «Monachijska menażeria». Walka z Radiem Wolna Europa 1950–1989. Warszawa, 2007. 442 s.
13. Światło J. Za kulisami bezpieki i partii. Free Europe Committee, 1980. 319 s.
14. CIA-RDP82-00046R000500100001-4. Reactions to Western Propaganda, and Political Attitudes. 22 Jun. 1955. URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/cia-rdp82-00046r000500100001-4> (дата обращения: 8.10.2018).
15. Machcewicz. P. Czerwiec i październik ruchy masowe w Polsce w 1956 roku. S. 67–77 // Dzieje najnowsze. Rocznik XXIV. 1992.
16. Granville J. «Caught with Jam on Our Fingers»: Radio Free Europe and the Hungarian Revolution of 1956. P. 811–839 // Diplomatic History. 2005. Vol. 29, № 5.
17. Reply refer to 5 may 1950. Mr. Dewitt C. Poole. National for Free Europe. URL: <http://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/114339> (дата обращения: 8.10.2018).
18. Machcewicz. P. «Monachijska menażeria». Walka z Radiem Wolna Europa 1950–1989. Warszawa, 2007. S. 442.
19. Habelski R. Charakter i znaczenie Rozgłośni Polskiej Radia Wolna Europa. Kilka uwag i refleksji. S. 57–66 // Radio Wolna Europa w polityce polskiej I zachodniej. Warszawa, 2009.
20. Department of State. Conveation Between Gomulka and Vice President. 3 August 1959. URL: <https://static.polskieradio.pl/afe8e671-84fc-4a25-8d4f-6d289fb9ab3e.pdf> (дата обращения: 8.10.2018).
21. Director of Center Intelligence. Meeting with Department of State officials to discuss Radio Free Europ`s Polish Service Broadcast. 28 APR 1959. URL: <http://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/115032> (дата обращения: 8.10.2018).
22. Румянцев В.П. Концепция фронта Ф.Дж. Тернера и внешняя политика США в XX–XXI вв. // Американский ежегодник. 2016. М., 2017. С. 129–144.
23. Румянцев В.П. Д. Эйзенхауэр и решение об отправке американских войск в Ливан в 1958 г. // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 305. С. 88–92.

Anton D. Karin. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: donfernando.karin@yandex.ru

THE POLISH RADIO FREE EUROPE SECTION IN POLISH AND US POLITICS IN THE 1950s

Key words: Eastern Europe, Cold War propaganda, Polish-American relations, Radio Free Europe.

In the article, the author set a goal to consider US policy regarding the Polish section of Radio Free Europe. As sources in the work were used documents of American and Polish special services, as well as memoirs of the director of the Polish section – Jan Nowak-Jeziorański. The main task of the radio station was to convey to the population of the countries of the socialist camp an alternative, non-Soviet point of view on events taking place in the world. Over time, this should contribute to the formation of the Eastern Europeans' opposition to the communist regimes and in the future lead to the dismantling of these regimes. The history of each of the five national sections of Radio Free Europe is unique in its own way. However, perhaps the most interesting case is the history of the Polish section of the radio station, which had a rather large influence on the political development of its country. To date, more and more researchers have recognized that Radio Free Europe at various stages of the Cold War had played a significant role in the changes that have taken place in Poland's domestic political life, and had also repeatedly been the subject of bilateral Polish-American negotiations. Having arisen later than other radio stations broadcasting in Polish, in a few years it managed to become the first western radio station to be the most popular among Polish radio listeners. Of course, this state of affairs could not but represent a threat to the ideological monopoly of the Polish United Workers' Party. The attempts made by the communist regime to create a system of jamming and counter-propaganda gave only a partial effect. Then, under the influence of the riots in Bydgoszcz and Szczecin, Warsaw decided to abandon the suppression of Western radio stations and to fight Western propaganda mainly through diplomatic methods. The United States in response to the events in Hungary and the protests of Polish politicians also decided to reconsider their policies. In particular, the State Department tried to soften the RFE propaganda by tightening control over the content of the programs. At a certain stage, under the pressure of the Polish side, even the possibility of dissolution, the Polish section of the radio, was considered. Separate US officials believed that this was a reasonable price for improving relations with official Warsaw. However, after several consultations, the responsible persons decided to

save the section. Thus the author concludes that official Washington showed an increased interest in propaganda pressure on the communist countries. This was largely due to the lack of other serious leverage by the United States on the situation behind the Iron Curtain.

REFERENCES

1. Bartoszewski, W. (2009) RWE – fenomen w historii Europy. In: Borzym, A. & Sadowski, J. (eds) *Radio Wolna Europa w polityce polskiej i zachodniej*. Warsaw: Stow. Wolnego Słowa. pp. 15–18.
2. Libera, P. (2011) Józef Łobodowski i polska audycja Radia Madryt (1949–1975). In: Białokur, M. & Jakóbczyk-Adamczyk, P. (eds) *Z dziejów koegzystencji dwóch narodów w XX wieku*. Opole – Toruń: [s.n.]. pp. 156–187.
3. Holt, R.T. & Van de Velde, R. (1960) *Strategic Psychological Operations and American Foreign Policy*. Chicago: University of Chicago Press.
4. US Department of State. (1948) *The inauguration of organized political warfare*. April 30, 1948. [Online] Available from: <https://static.polskieradio.pl/afe8e671-84fc-4a25-8d4f-6d289fb9ab3e.pdf> (Accessed: 15th December 2018).
5. Johnson, A.R. (2011) *Radio Wolna Europa i Radio Śwoboda*. Warsaw: [s.n.].
6. Zdzisław, G. (2013) Rola Radia Wolna Europa w procesie odzyskiwania przez Polskę niepodległości w latach 1950–1989. In: *Księga pamiątkowa dedykowana księdzu profesorowi Józefowi Krzywdzie CM, dyrektorowi Instytutu Prawa Kanonicznego UPJPII z okazji 70*. Kraków: [s.n.]. pp. 81–96.
7. Nowak-Jeziorański, J. (1991) *Wojna w Eterze*. Vol. 1. Kraków: [s.n.].
8. Wilson Centre Digital Archive. (1951a) *Report to USSR Minister of Communications on Western Broadcasts to Poland*. September 15, 1951. [Online] Available from: <http://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/121542> (Accessed: 15th October 2018).
9. Wilson Centre Digital Archive. (1951b) *USSR Council of Ministers Decree Instituting Jamming of Anti-Polish Propaganda via Radio on Polish Territory*. October 24, 1951. [Online] Available from: <http://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/121543> (Accessed: 15th October 2018).
10. Wilson Centre Digital Archive. (1953) *Polish Proposal for Bloc-wide Coordination of Radio Jamming*. March 31, 1953. [Online] Available from: <http://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/121535> (Accessed: 15th October 2018).
11. CIA. (1955a) *CIA-RDP82-00046R000500100001-4. Reactions to Western Propaganda, and Political Attitudes*. June 22, 1955. [Online] Available from: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/cia-rdp82-00046r000500100001-4>
12. Machciewicz, P. (2007) *Monachijska menażeria. Walka z Radiem Wolna Europa 1950–1989*. Warsaw: [s.n.].
13. Światło, J. (1980) *Za kulisami bezpieki i partii*. Warsaw: [s.n.].
14. CIA. (1955b) *CIA-RDP82-00046R000500100001-4. Reactions to Western Propaganda, and Political Attitudes*. June 22, 1955. [Online] Available from: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/cia-rdp82-00046r000500100001-4> (Accessed: 8th October 2018).
15. Machciewicz, P. (1992) Czerwiec i październik ruchy masowe w Polsce w 1956 roku. *Dzieje najnowsze, rocznik*. 24. pp. 67–77.
16. Granville, J. (2005) “Caught with Jam on Our Fingers”: Radio Free Europe and the Hungarian Revolution of 1956. *Diplomatic History*. 29(5). pp. 811–839. DOI: 10.1111/j.1467-7709.2005.00519.x
17. Wilson Centre Digital Archive. (1950) *Reply refer to 5 may 1950. Mr. Dewitt C. Poole. National for Free Europe*. [Online] Available from: <http://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/114339> (Accessed: 8th October 2018).
18. Machciewicz, P. (2007) *Monachijska menażeria. Walka z Radiem Wolna Europa 1950–1989*. Warsaw: [s.n.].
19. Habelski, R. (2009) Charakter i znaczenie Rozgłośni Polskiej Radia Wolna Europa. Kilka uwag i refleksji. In: Borzym, A. & Sadowski, J. (eds) *Radio Wolna Europa w polityce polskiej i zachodniej*. Warsaw: Stow. Wolnego Słowa. pp. 57–66.
20. US Department of State. (1959) *Conveation Between Gomulka and Vice President*. 3 August 1959. [Online] Available from: <https://static.polskieradio.pl/afe8e671-84fc-4a25-8d4f-6d289fb9ab3e.pdf> (Accessed: 8th October 2018).
21. Wilson Centre Digital Archive. (1959) *Director of Center Intelligence. Meeting with Department of State officials to discuss Radio Free Europ's Polish Service Broadcast. April 28, 1959*. [Online] Available from: <http://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/115032> (Accessed: 8th October 2018).
22. Rumyantsev, V.P. (2016) Kontsepsiya frontira F.Dzh. Ternera i vneshnyaya politika SShA v XX – XXI vv. [The frontier concept by F.J. Turner and US foreign policy in the 20th – 21st centuries]. In: Sogrin, V.V. (ed.) *Amerikanskiy ezhegodnik* [American Yearbook]. Moscow: Ves' Mir. pp. 129–144.
23. Rumyantsev, V.P. (2007) D. Eyzenkhauser i reshenie ob otppravke amerikanskikh voysk v Livan v 1958 g. [D. Eisenhower and the decision to send American troops to Lebanon in 1958]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State Universirt Journal*. 305. pp. 88–92.

УДК 94 (4+7)
DOI: 10.17223/19988613/62/13

О.Г. Лекаренко

РЕАКЦИЯ АДМИНИСТРАЦИИ ЛИНДОНА Б. ДЖОНСОНА НА КРИЗИСЫ В ЕЭС И НАТО (1965–1966 гг.)

Исследуется реакция правительства Л. Джонсона на «двойной вызов» Ш. де Голля: кризис «пустого кресла» в Европейском экономическом сообществе (ЕЭС) и выход Франции из военной организации НАТО. Автор приходит к выводу о том, что кризисы в ЕЭС и НАТО анализировались американским руководством как звенья одной цепи; ответные действия на выход Франции из военной организации НАТО разрабатывались с учетом того, чтобы минимизировать последствия кризиса для альянса и развития европейской интеграции.

Ключевые слова: американо-французские отношения; внешняя политика США; Л. Джонсон; кризис «пустого кресла»; НАТО.

В середине 1960-х гг. американо-французские разногласия достигли своей кульминации. В то время как правительство Л. Джонсона выступало за развитие атлантического партнерства, основанного на неделимости безопасности западных стран и взаимозависимости их экономического процветания, Ш. де Голль продвигал концепцию независимой от США единой Европы, под которой понимал конфедерацию суверенных государств во главе с Францией [1. С. 28; 2. С. 410]. Французский лидер стремился вывести Францию из фарватера американской внешней политики и ослабить ее связи с НАТО. По мнению де Голля, интеграция французских вооруженных сил в НАТО и присутствие иностранных войск на территории страны были несовместимы с национальным суверенитетом. С конца 1950-х гг., после того как правительство США отклонило меморандум де Голля о реформировании командной структуры Североатлантического альянса, Франция начала выводить свои войска из-под командования НАТО.

Задача обретения независимости от США подталкивала французского лидера к проведению более активной европейской политики. Ш. де Голль полагал, что лидерство в процессе европейской интеграции поможет ему восстановить престиж Франции на международной арене. Однако в отличие от сторонников укрепления наднационального начала в европейских сообществах, он считал, что европейские страны должны идти по пути углубления межправительственного сотрудничества и создания «Европы государств» (или «Европы отечеств»). Спровоцированные Ш. де Голлем кризисы в Европейском экономическом сообществе (ЕЭС) и НАТО стали одним из наиболее серьезных вызовов для правительства Л. Джонсона.

В основе кризиса в ЕЭС лежало столкновение разных взглядов на будущее сообщества и разногласия государств-членов ЕЭС по экономическим и финансовым вопросам текущего характера. Комиссия ЕЭС и ее председатель В. Хальштейн хотели использовать переход сообщества с 1 января 1966 г. к третьей заключительной стадии построения Таможенного союза, чтобы

усилить наднациональный характер объединения. 31 марта 1965 г. Комиссия представила единым пакетом ряд предложений, направленных на ускорение интеграционного процесса в ЕЭС. Предложения Комиссии включали: усиление институтов ЕЭС; создание независимого источника доходов, формирующих бюджет сообщества; увеличение полномочий Парламента, включая право утверждать бюджет; введение с 1 июля 1967 г. новых правил финансирования Общей сельскохозяйственной политики (ОСП) путем изъятия из национальной компетенции и передачи сообществу таможенных пошлин и средств от компенсационных сборов с сельскохозяйственного импорта из третьих стран.

Предложения Комиссии, базировавшиеся на ст. 201 Римского договора о создании ЕЭС [3. С. 226–227], были хорошо выстроенными и внутренне согласованными, а благодаря пакетному решению каждый из участников сообщества должен был получить для себя какие-либо преимущества, что увеличивало шансы на успех [4. Р. 66]. Ошибка Хальштейна заключалась в том, что во время разработки предложений Комиссия не консультировалась с национальными правительствами стран «шестерки». Председатель Комиссии также отступил от обычной процедуры и сначала информировал Парламент, а уже затем направил предложения в Совет министров, что было воспринято Францией как недопустимая провокация [5. Р. 15]. Ш. де Голль был недоволен активным стилем поведения В. Хальштейна и обвинил Комиссию и ее председателя в превышении полномочий.

Опасения де Голля вызывал и тот факт, что в соответствии с Римским договором с 1 января 1966 г. в силу должен был вступить принцип принятия решений в Совете министров ЕЭС большинством голосов. Вместе с предложениями Комиссии это существенно ограничивало национальный суверенитет стран-участниц Общего рынка. Французский лидер хотел воспользоваться разногласиями по проблеме финансирования ОСП, чтобы предотвратить переход к принципу принятия решений большинством голосов. Франция в лице

Ш. де Голля выступила против ликвидации права вето и отказалась передать органам ЕЭС право распоряжаться средствами, поступающими от сборов на сельскохозяйственный импорт.

В июне 1965 г. Совет министров ЕЭС приступил к обсуждению предложений Комиссии. Вскоре выяснилось, что Франция была намерена обсуждать только правила финансирования ОСП и не собиралась идти на уступки по остальным вопросам. В ночь с 30 июня на 1 июля 1965 г. председательствующий в Совете министров ЕЭС министр иностранных дел Франции М. Кув де Мюрвиль неожиданно прервал заседание Совета. В течение следующих дней французские представители были отозваны из большинства исполнительных органов сообщества. Так начался кризис «пустого кресла». В течение всего второго полугодия 1965 г. французские представители не являлись на заседания рабочих органов ЕЭС, кроме небольшого количества заседаний по текущему управлению работой Таможенного союза. Франция соглашалась соблюдать достигнутые договоренности по ликвидации таможенных барьеров и формированию общей сельскохозяйственной политики, но отказывалась участвовать в любых заседаниях, предполагающих рассмотрение новых шагов в развитии сообщества [6. С. 227, 229–230]. В течение данного времени странам «пятерки» оставалось гадать, что скрывается за действиями де Голля: «трагедия или водевиль» (слова министра иностранных дел Бельгии П.-А. Спаака) [5. Р. 22]. Партнеры Франции опасались, что французский лидер предпримет наступление на наднациональные основания сообщества и с этой целью будет настаивать на пересмотре Римского договора и понижении статуса Комиссии.

22 июля Комиссия представила на рассмотрение Совета министров исправленные предложения. В меморандуме Комиссии говорилось о необходимости ускорения процесса создания сельскохозяйственных рынков в ЕЭС и введении правил финансирования ОСП в течение 5-летнего переходного периода. Однако решение вопроса о формировании бюджета ЕЭС предлагалось отложить до внесения 1 июля 1967 г. соответствующих предложений Комиссии. Последние в случае их принятия должны были вступить в силу с 1 июля 1970 г. В документе ничего не говорилось о расширении полномочий Парламента. Несмотря на то, что новые предложения Комиссии в значительной степени соответствовали французским интересам, они не были приняты Ш. де Голлем, который собирался представить собственное видение работы Комиссии и будущего сообщества. На пресс-конференции 9 сентября 1965 г. де Голль подверг резкой критике принцип принятия решений большинством голосов и политические амбиции Парламента и Комиссии, которую он назвал «лишенным гражданства безответственным технократическим ареопагом». Французский лидер угрожал продолжить бойкот, пока государства-члены Общего рынка не разработают новые регулирования по финан-

сированию ОСП, Комиссия не умерит свои политические амбиции, а принцип принятия решений квалифицированным большинством голосов не будет изъят из текста Римского договора [5. Р. 62–63].

В Вашингтоне кризис «пустого кресла» рассматривали как звено в цепи кризисов, спровоцированных Ш. де Голлем начиная с вето 1963 г., на вступление Великобритании в ЕЭС. В Госдепартаменте и Белом доме считали, что кризис ЕЭС имеет политический характер, поскольку он больше связан с неприятием французским лидером наднациональных институтов сообщества, чем с техническими вопросами финансирования ОСП. Посол США во Франции Ч. Болен отмечал, что, игнорируя институты сообщества, Ш. де Голль дал ясно понять, что кризис может быть урегулирован только путем контактов государств-членов ЕЭС. Как и некоторые члены «пятерки», Соединенные Штаты опасались, что французский лидер стремился к пересмотру Римского договора. Позднее эти страхи немного улеглись, но американские политики продолжали испытывать беспокойство по поводу того, каковы истинные намерения де Голля в отношении институтов ЕЭС [Ibid. Р. 187–188]. Госдепартамент США рассматривал кризис «пустого кресла» как внутренний вопрос ЕЭС. На протяжении всего кризиса США придерживались тактики избегать официальных комментариев и публичных атак на политику Ш. де Голля. Представительством США в Западной Европе была направлена инструкция в ответ на любой официальный запрос о позиции США в отношении кризиса в ЕЭС и европейской интеграции в целом отвечать, что после пятнадцати лет последовательной поддержки европейской интеграции Соединенные Штаты не изменят своего отношения к ней [7, 8].

Кризис «пустого кресла» не только на длительное время парализовал работу Европейского экономического сообщества, но и поставил под угрозу начавшиеся в мае 1964 г. переговоры между ЕЭС и США в рамках Генерального соглашения по тарифам и торговле (ГАТТ), получившие название «раунда Кеннеди». От имени Общего рынка, который выступал как единое целое, переговоры в ГАТТ вела Комиссия, действующая по поручению Совета министров ЕЭС (ст. 113 Римского договора) [3. С. 173]. В отличие от промышленности, переговоры по сокращению пошлин на сельскохозяйственную продукцию продвигались с большим трудом. В марте 1965 г. участники «раунда Кеннеди» отказались от попыток выработать общие правила ведения переговоров по сельскому хозяйству с применением метода «линейного» сокращения тарифов в пользу обсуждения по принципу «товар за товаром» и договорились представить к 16 сентября списки сельскохозяйственных товаров, на ввоз которых они готовы были снизить пошлины. После начала кризиса «пустого кресла» Комиссия могла продолжать переговоры о снижении тарифов на промышленные товары, но для представления предложений по сельскохозяйственной

продукции требовался новый мандат Совета министров.

США встали перед дилеммой, как поступить: продолжать переговоры в отсутствие делегации Общего рынка или ждать окончания кризиса? Генеральный директор ГАТТ Э. У. Уайт предложил продолжить переговоры с отдельными странами-участницами ЕЭС. Правительство США, однако, предпочитало вести переговоры с Общим рынком как единым целым и представлявшей его Комиссией, нежели с отдельными государствами. Несмотря на растущую конкуренцию со стороны ЕЭС, правительство США было заинтересовано в укреплении единства западноевропейских стран. Сильная Комиссия была важна для США как инструмент поддержания целостности ЕЭС, а успешное завершение «раунда Кеннеди» могло способствовать усилению политической роли данного института. Американцы отвергли предложение Э. У. Уайта и запретили ему обсуждать этот вопрос с французами [5. Р. 228–230]. В США считали, что бойкот Францией институтов ЕЭС осложнил переговоры в рамках «раунда Кеннеди», но не означал, что они не будут доведены до конца [9].

В то же время в США опасались, что если отодвинуть срок представления предложений по сельскому хозяйству, то этот вопрос может вообще исчезнуть из повестки дня. Специальный представитель президента по торговым переговорам К. Гертер считал, что США должны официально заявить о готовности представить свои предложения в срок, чтобы поддержать американское лидерство на «раунде Кеннеди», подтолкнуть других участников к представлению предложений и оказать давление на ЕЭС [10. Р. 737, 740–741, 746]. В сентябре 1965 г. США и другие участники «раунда Кеннеди» представили свои предложения по сельскому хозяйству, но исключили из них продукты, имеющие особое значение для ЕЭС. Это позволило им обменяться списками и провести технические дискуссии, но без участия Общего рынка переговоры по сельскому хозяйству не могли принести значимых результатов. Таким образом, у Соединенных Штатов не оставалось другого выбора, кроме как терпеливо ждать, когда ЕЭС разрешит кризис и сможет возобновить свое участие в «раунде Кеннеди».

Параллельно с кризисом в ЕЭС Франция продолжала следовать курсу на сокращение военных связей с НАТО. После отказа от проекта создания многосторонних ядерных сил 31 мая 1965 г. на встрече министров обороны стран НАТО в Париже министр обороны США Р. Макнамара предложил учредить специальный комитет для изучения путей улучшения ядерного планирования и для консультаций по ядерным вопросам [11]. Франция отказалась принимать участие в работе специального комитета. В июне 1965 г. из посольства США во Франции поступило сообщение о том, что французское правительство намерено поставить вопрос о выводе иностранных войск и военных объек-

тов, не находящихся под французским командованием, с территории Франции. Госдепартамент США принял решение избегать поспешной реакции на французские требования и начать предварительные консультации со своими союзниками по НАТО по вопросу о выводе командований и военных сил НАТО с территории Франции и изменениях в структуре и военном планировании альянса, начиная с тех вопросов, по которым Франция не имела права вето [12, 13].

В госдепартаменте США действия Франции в отношении НАТО анализировались в связке с кризисом в ЕЭС. В Вашингтоне опасались, что де Голль может попытаться объединить вместе вопросы безопасности и экономические и валютные проблемы западных стран, чтобы торпедировать ЕЭС и НАТО. Постоянный представитель США в НАТО Х. Кливленд считал, что совпадение действий Франции в отношении ЕЭС и НАТО является неслучайным, так как вызов европейским сообществам и НАТО проистекает из одного и того же источника, а именно неприятия Ш. де Голлем существующих международных организаций, которые ограничивают свободу действий Франции в европейской и международной политике. В отправленной 16 ноября 1965 г. телеграмме в Госдепартамент Кливленд отмечал, что кризис «пустого кресла» является более опасным для ЕЭС, чем действия Франции в отношении НАТО – для альянса, так как остальные 14 членов блока могут выполнять задачи Североатлантического договора по организации совместной обороны Западной Европы и без участия Франции. Х. Кливленд подчеркивал, что Франция может заметно помешать работе НАТО, но не может разрушить Североатлантический альянс, включая интеграцию военного планирования в мирное время. В то же время, указывал постоянный представитель, в ЕЭС «пятерка» может с достаточной волей и настойчивостью держаться вместе и представлять единый фронт против Франции, но цели Римского договора не могут быть достигнуты без участия Франции.

Х. Кливленд полагал, что Госдепартаменту необходимо выработать понимание, в какой степени соображения, связанные с ЕЭС, следует учитывать в политике по отношению к НАТО. Связь двух вопросов, по мнению Кливленда, была не особенно важной на уровне общей стратегии, но весьма существенной на уровне тактических шагов и времени их выдвижения. Постоянный представитель считал, что любые шаги в НАТО нужно согласовывать с развитием кризиса в ЕЭС, чтобы не осложнить ситуацию еще больше. В том числе, подчеркивал Кливленд, не следует в ближайшие два-три месяца выдвигать предложения в ядерной сфере, подобные проекту создания многосторонних ядерных сил. Такие предложения, по мнению постоянного представителя, могли предоставить де Голлю дополнительные аргументы в пользу того, что действия Франции в отношении институтов ЕЭС являются ответом на стремление США дать ФРГ контроль над ядерным оружием [14].

Мнение Кливленда разделял заместитель госсекретаря Дж. Болл. Он полагал, что французский лидер мог попытаться смешать кризисы ЕЭС и НАТО, чтобы использовать один против другого для достижения своей общей цели по усилению престижа и могущества Франции путем ее отрыва от европейских и атлантических организаций. Дж. Болл представил три возможных сценария дальнейших действий де Голля. Во-первых, французский лидер мог смягчить свои требования к ЕЭС взамен на поддержку изменений в НАТО. Во-вторых, де Голль мог уменьшить атаку на НАТО в том случае, если бы «пятерка» согласилась на его требования в ЕЭС. В-третьих, он мог попытаться заключить сделку с немцами по типу джентльменского соглашения о минимальных изменениях в полномочиях Комиссии ЕЭС и вступлении в силу с 1 января 1966 г. принципа принятия решений большинством голосов, если ФРГ откажется от любого участия в создании ядерных сил НАТО. Давление на европейские страны по ядерным вопросам Дж. Болл считал наиболее вероятным [15].

Тем временем страны «пятерки» искали способы, как вернуть Францию обратно в институты сообщества. В октябре 1965 г. было принято решение пригласить Францию на специальное заседание Совета министров ЕЭС без обычного в таких случаях присутствия представителей Комиссии. Таким образом «пятерка» сигнализировала Франции, что она не поддерживает тактику переговоров между национальными правительствами для преодоления кризиса, который может быть разрешен только в рамках действующей политической системы сообщества, но в то же время открыта для обмена мнениями с Парижем, чтобы снизить его беспокойство по интересующим Францию вопросам [5. Р. 171]. Французский министр иностранных дел М. Кув де Мюрвиль подтвердил готовность своей страны принять участие в заседании Совета после завершения президентских выборов во Франции, но высказал пожелание, чтобы оно проходило не в Брюсселе, где трудно было исключить давление Комиссии.

Действия Ш. де Голля не были направлены на выход Франции из Общего рынка, а являлись всего лишь логическим продолжением его тактики давления на ЕЭС, которой он придерживался с января 1963 г. [4. Р. 84]. После того как в результате двух туров выборов Ш. де Голль с небольшим перевесом голосов был вновь избран президентом, 24 декабря 1965 г. Франция дала официальное согласие принять участие в специальном заседании Совета министров ЕЭС. Повестка дня заседания ограничивалась рассмотрением общей ситуации, сложившейся в европейских сообществах. Обсуждение вопросов финансового регулирования должно было состояться позднее в соответствии с обычной процедурой, принятой в ЕЭС. Местом встречи был выбран Люксембург, который являлся одним из официальных мест проведения заседаний различных институтов европейских сообществ и к которому с 1 января 1966 г.

переходило председательство в Совете. К этому времени также стало понятно, что французский лидер рассчитывает сначала завершить кризис в ЕЭС, а затем выдвигать новые требования к НАТО [16]. Руководство США ожидало новые действия Франции в отношении НАТО после формирования правительства, вероятнее всего, весной 1966 г.

Согласно компромиссу, принятому на заседаниях министров иностранных дел стран-участниц Общего рынка в Люксембурге 17–18 и 29–30 января 1966 г., решения в Совете министров ЕЭС по вопросам, затрагивающим жизненно важные интересы того или иного государства, в том числе по ОСП и сокращению тарифов на «раунде Кеннеди», должны были приниматься единогласно. Комиссия сохранила право законодательной инициативы, но ее независимость была ограничена условием консультироваться с правительствами стран-членов сообщества прежде выдвижения важных политических предложений. Министры договорились как можно скорее возобновить обсуждение таких неотложных вопросов, как правила финансирования ОСП и позиция сообщества на переговорах в ГАТТ, а также начать консультации о новом составе Комиссии. После принятия «люксембургского компромисса» французские представители вернулись на заседания высших органов ЕЭС. Вскоре после этого страны-члены ЕЭС приступили к очередному этапу согласования норм ОСП, а Совет министров ЕЭС дал новый мандат Комиссии для продолжения переговоров на «раунде Кеннеди».

Вскоре после завершения кризиса «пустого кресла» на пресс-конференции 21 февраля 1966 г. де Голль объявил о намерении Франции выйти из всех военных органов НАТО и полностью прекратить участие в военной деятельности блока. Хотя шаги Франции в отношении НАТО были спланированы де Голлем заранее, он использовал аргументы о том, что США могут втянуть европейские страны-члены альянса в войну во Вьетнаме. Он также спекулировал тезисом о том, что в условиях ослабления напряженности в отношениях между Востоком и Западом НАТО не только устарела, но и препятствует достижению разрядки. Время подобных высказываний генерала тоже было выбрано неслучайно, незадолго до его визита в СССР в июне 1966 г. [17. Р. 99], в ходе которого французский лидер рассчитывал начать диалог с советским руководством об ослаблении напряженности в отношениях Восток–Запад.

7 марта 1966 г. де Голль направил президенту США Л. Джонсону письмо, в котором сообщил о намерении Франции отказаться от участия в военной организации Североатлантического договора. Он, однако, заверил, что Франция останется активным участником западного альянса и готова сражаться на стороне своих союзников в том случае, если один из них станет объектом неспровоцированной агрессии. Позднее французское правительство отправило руководству США и другим стран-членов НАТО меморандумы, детализирующие

шаги Франции по ее выходу из военной структуры блока. Речь шла о том, что французские войска больше не будут подчиняться командованию НАТО, хотя они останутся в Западной Германии под французским командованием (на основании соглашений 1954 г.); все французские офицеры и персонал будут отозваны со своих постов в НАТО к 1 июля 1966 г.; штаб-квартира НАТО будет выведена с территории Франции; в будущем никакие иностранные подразделения или органы не будут находиться на французской территории, если они не подчинены Франции. Правительство Франции требовало завершить вывод войск и органов НАТО с ее территории к 1 апреля 1967 г. [18].

Заявление де Голля вызвало неоднозначную реакцию в военных и политических кругах США. В Госдепартаменте госсекретарь Д. Раск, его помощник Дж. Болл, советник по вопросам НАТО Д. Ачесон, обеспокоенные перспективами дезинтеграции Атлантического альянса, призывали осудить действия французского лидера и его деструктивную тактику. Советник президента Дж. Макклой был обеспокоен влиянием действий Ш. де Голля на позицию главного союзника США в НАТО – Федеративную Республику Германия. В отличие от сторонников жесткого ответа министр обороны Р. Макнамара придерживался умеренного подхода. Он считал, что правительству США следует избегать полемики с де Голлем в целях усиления совместной обороны североатлантического пространства. В кризисе альянса он видел возможности для рационализации структуры НАТО, увеличения ее эффективности и сокращения американских расходов на европейскую оборону. Решающее слово оставалось за президентом Л. Джонсоном, который был ближе к прагматической линии Пентагона, чем к карательной Госдепартамента [19. Р. 113].

Л. Джонсон отказался от таких шагов, как публичная конфронтация с де Голлем или изоляция Франции на международной арене [17. Р. 103]. Он полагал, что такая реакция могла лишь подтвердить обвинения французского лидера в том, что США стремятся к доминированию в альянсе и не уважают интересы своих союзников в Европе. Л. Джонсон взял за правило для себя и для американского правительства игнорировать атаки президента де Голля на Соединенные Штаты. Он считал, что фундаментальные общие интересы и дружба между народами США и Франции переживут правление де Голля, а потому единственный способ иметь дело с французским лидером заключается в самообладании и терпении. По мнению Джонсона, атаковать де Голля означало еще больше воспламенить французский национализм и задеть французскую гордость. Это также могло создать напряженность между нациями европейского Общего рынка и осложнить их внутреннюю политику. В то время как Соединенные Штаты все больше втягивались в войну во Вьетнаме, Л. Джонсон всеми силами стремился избежать дипломатической войны в Атлантическом альянсе. Как Л. Джонсон сказал министру обороны Р. Макнамаре: «Когда хозяин

просит Вас покинуть его дом, Вы не возражаете, Вы берете свою шляпу и уходите» [20. Р. 305].

Больше всего в решении де Голля покинуть военную организацию НАТО Л. Джонсона беспокоило то, что оно угрожало единству альянса. Американский президент был убежден в том, что чем более сильной и единой будет НАТО, тем более успешно страны западного блока смогут вести дела с СССР и странами Варшавского договора в решении насущных международных проблем [Ibid. Р. 306]. Ответное письмо Л. Джонсона Ш. де Голлю было отправлено 22 марта 1966 г. В вежливых и общих фразах президент США выразил удивление, что Франция чувствует свой суверенитет ущемленным, и отметил, что вопросы, поднятые французским лидером, столь серьезны, что для более детального ответа Соединенным Штатам требуется провести консультации с другими членами Североатлантического альянса [21].

Основные усилия правительства США были направлены на сохранение атлантического единства и «быструю, экономичную и эффективную реорганизацию Североатлантического альянса», а также решение технических вопросов по перемещению войск и военных объектов НАТО с территории Франции без подрыва военной мощи блока [22]. Правительство США старалось преподнести кризис в НАТО общественному мнению не как конфликт между Францией и США, а как конфликт Франции с остальными 14 членами блока. Л. Джонсон заверил де Голля в том, что Франция и впредь может рассчитывать на гарантии НАТО, и, таким образом, переложил персональную и историческую ответственность за ослабление альянса на французского лидера [23].

В Госдепартаменте США, однако, существовали опасения, что французский лидер мог попытаться использовать европейские сообщества для реализации своих целей в отношении НАТО, например вернуться в той или иной форме к обсуждению плана создания Европейского политического союза в форме консультаций глав государств и правительств стран «шестерки». Де Голль касался этой темы в разговоре с канцлером ФРГ Л. Эрхардом во время визита последнего во Францию в начале февраля 1966 г., после чего Л. Эрхард сделал достаточно общее, но благожелательное заявление в отношении политических консультаций «шестерки». На пресс-конференции 21 февраля Ш. де Голль одобрил идею проведения регулярных встреч глав государств «шестерки» для обсуждения политических вопросов, затрагивающих интересы всех участников [24. Р. 224–226]. В Госдепартаменте считали, что в данной ситуации любой шаг в направлении создания политического союза противоречил интересам США и «пятерки». Задача США заключалась в том, чтобы помешать де Голлю использовать дискуссию по вопросам политической интеграции для поощрения центробежных сил в НАТО и не допустить перетекания кризиса НАТО в ЕЭС. Хотя принятие решения

о создании Европейского политического союза было внутренним делом ЕЭС, в Госдепартаменте США считали, что в частных беседах американским представителям в Европе следовало осторожно выражать американскую точку зрения по данному вопросу [25, 26].

В апреле 1966 г. представитель США в европейских сообществах Дж. Тьютилл успокоил Госдепартамент, сообщив о том, что «пятерка» разделяет позицию США о нежелательности перенесения кризиса в НАТО на ЕЭС, и предостерег от вмешательства США в дела Европейского экономического сообщества [27]. Готовность Общего рынка приложить усилия, чтобы отделить вопросы развития ЕЭС и переговоры на «раунде Кеннеди» от кризиса в НАТО, подтвердил и комиссионер по внешним отношениям Ж. Рей во время своего визита в Вашингтон в мае 1966 г. Ж. Рей отметил, что некоторые проблемы в данном вопросе были связаны с позицией ФРГ, так как министр иностранных дел Г. Шредер настаивал, что политически невозможно согласиться на финансирование сельского хозяйства с большими выгодами для Франции в то время, как Франция атакует НАТО. Однако канцлер ФРГ Л. Эрхард занял твердую позицию, что нельзя позволить «временному кризису в НАТО» создать опасность для постоянной организации, которой является ЕЭС [28].

В начале июня 1966 г. группа под руководством бывшего госсекретаря Д. Ачесона, консультировавшего госдепартамент по вопросу кризиса в НАТО, подготовила меморандум. В нем отмечалось, что наиболее опасным следствием выхода Франции из военной организации НАТО может быть похожий сдвиг в Западной Германии от политики интеграции с Западом к односторонним политическим и военным действиям. По мнению авторов меморандума, меры, направленные на разрешение кризиса в НАТО, должны были согласовываться с усилением интеграции ФРГ в НАТО и ЕЭС. Для этого Соединенным Штатам следовало укреплять отношения сотрудничества ФРГ с НАТО, а также продолжать поддерживать Европейское экономическое сообщество, членом которого со временем могла бы стать Великобритания. В меморандуме подчеркивалась необходимость усиления политических функций НАТО, которая с момента своего создания выполняла не только задачу организации коллективной обороны против военной агрессии, но и являлась политической организацией для сохранения мира в Европе [29]. Д. Ачесон также рекомендовал Л. Джонсону выступить с официальной речью по вопросам европейской политики сразу после урегулирования кризиса в НАТО [20. Р. 474].

После постоянных жалоб европейцев на то, что война во Вьетнаме отвлекла Соединенные Штаты от центрального – европейского – театра «холодной войны», атака де Голля на НАТО предоставила Америке шанс подтвердить свои обязательства странам Западной Европы. Одновременно Вашингтон мог усилить давление на французского лидера, выступая в под-

держку европейской интеграции. Г. Оуэн из Совета политического планирования в меморандуме специальному советнику президента по вопросам национальной безопасности У. Росту писал: «Кризис в НАТО предоставляет возможность усилить американские обязательства европейскому единству. Эта концепция имеет большую политическую привлекательность в большинстве стран Общего рынка (и в возрастающей степени в Великобритании), чем атлантическое партнерство» [30. Р. 106]. 7 октября 1966 г. Л. Джонсон на национальной конференции авторов передовых статей в Нью-Йорке выступил с речью, озаглавленной «Делая Европу единым целым: незавершенная задача». В ней американский президент обозначил три основных направления, в которых должны были двигаться США и их союзники в Западной Европе: модернизация Североатлантического альянса, дальнейшее развитие западноевропейской интеграции и улучшение отношений между Востоком и Западом [31. Р. 490].

Правительству Л. Джонсона удалось справиться с «двойным вызовом» Ш. де Голля, направленным против ЕЭС и НАТО. Благодаря усилиям европейских стран и взвешенной американской реакции на действия французского лидера, кризисы в ЕЭС и НАТО развивались изолированно друг от друга. Кризис «пустого кресла» в ЕЭС затормозил, но не сорвал торговые переговоры с ЕЭС в ГАТТ. В свою очередь, кризис в НАТО парадоксальным образом помог правительству США решить многие проблемы Североатлантического альянса, включая вопрос о разделении ядерной ответственности. В декабре 1966 г. специальный комитет по ядерным консультациям рекомендовал создание в НАТО постоянного комитета по вопросам ядерной обороны и подчиненную ему группу ядерного планирования. В этом же месяце в НАТО была принята стратегия «гибкого реагирования» (документ МС 14/3), которую правительство США продвигало с 1961 г. Тогда же на заседании Совета НАТО министр иностранных дел Бельгии П. Армелъ предложил начать работу по изучению задач, стоящих перед НАТО, и поиску средств укрепления альянса. Вскоре после этого специальный комитет под председательством генерального секретаря НАТО М. Брозио и четыре подгруппы, составленные из высокопоставленных чиновников и дипломатов стран-членов НАТО, приступили к работе.

Ровно через год в декабре 1967 г. комитет представил доклад «Будущие задачи Североатлантического союза», известный как «доклад Армеля». В докладе подчеркивалась двойная задача, стоящая перед НАТО: необходимость укрепления обороноспособности альянса и движение в сторону улучшения отношений с СССР и странами Восточной Европы [32. Р. 69]. «Доклад Армеля» дал ответ на поставленный де Голлем вопрос о легитимности Североатлантического альянса в эпоху разрядки.

В противовес попыткам де Голля управлять отношениями Восток–Запад в одиночку новая стратегия превращала

НАТО в активного участника данного процесса и создавала многосторонние рамки для развития политики разрядки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борисов Ю.В. Де Голль и США: 40–60-е годы XX века // Новая и новейшая история. 2008. № 1. С. 27–48.
2. Молчанов Н.Н. Генерал де Голль. М.: Международные отношения, 1988. 479 с.
3. Договор об учреждении Европейского экономического сообщества // Европейский союз: Прошлое, настоящее, будущее. Т. 1: Документы Европейского союза. М.: Международная издательская группа «Право», 1994. 388 с.
4. Ludlow P.N. The European Community and the Crises of the 1960s: Negotiating the Gaullist Challenge. London: Routledge, 2006. 269 p.
5. Visions, Votes and Vetoes: The Empty Chair Crisis and Luxembourg Compromise Forty Years On / ed. by J.-M. Palayret, H. Wallace, P. Winand. Brussels: P.I.E. – Peter Lang, 2006. 339 p.
6. Пейрефит А. Таким был де Голль. М.: Московская школа политических исследований, 2002. 696 с.
7. Foreign Relations of the United States (FRUS). 1964–1968. Vol. 13: Western Europe Region. Washington DC: US Government Printing Office, 1995. Doc. 93. URL: <http://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v13/d93>
8. FRUS. 1964–1968. Vol. 13. Doc. 98. URL: <http://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v13/d98>
9. FRUS. 1964–1968. Vol. 13. Doc. 109. URL: <http://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v13/d109>
10. FRUS. 1964–1968. Vol. 8. International Monetary and Trade Policy. Washington DC: US Government Printing Office, 1998. 1018 p.
11. FRUS. 1964–1968. Vol. 13. Doc. 87. URL: <http://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v13/d87>
12. FRUS. 1964–1968. Vol. 13. Doc. 89. URL: <http://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v13/d89>
13. FRUS. 1964–1968. Vol. 13. Doc. 95. URL: <http://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v13/d95>
14. FRUS. 1964–1968. Vol. 13. Doc. 110. URL: <http://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v13/d110>
15. FRUS. 1964–1968. Vol. 13. Doc. 112. URL: <http://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v13/d112>
16. FRUS. 1964–1968. Vol. 13. Doc. 127. URL: <http://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v13/d127>
17. Schwartz T.A. Lyndon Johnson and Europe in the Shadow of Vietnam. Cambridge MA: Harvard University Press, 2003. 339 c.
18. FRUS. 1964–1968. Vol. 13. Doc. 142. URL: <http://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v13/d142>
19. The Strategic Triangle: France, Germany, and the United States in the Shaping of the New Europe / ed. by H. Haftendorn, G.-H. Soutou, S.F. Szabo and S.F.W. Wells, Jr. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2006. 411 p.
20. Johnson L. The Vantage Point: Perspectives of the Presidency, 1963–1969. London: Weidenfeld & Nicolson, 1971. 630 p.
21. FRUS. 1964–1968. Vol. 13. Doc. 146. URL: <http://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v13/d146>
22. FRUS. 1964–1968. Vol. 13. Doc. 161. URL: <http://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v13/d161>
23. New York Times. March 20, 1966.
24. Camps M. European Unification in the Sixties: from the Veto to the Crisis. New York: Published for the Council on Foreign Relations by McGraw-Hill, 1966. 273 p.
25. FRUS. 1964–1968. Vol. 13. Doc. 140. URL: <http://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v13/d140>
26. FRUS. 1964–1968. Vol. 13. Doc. 144. URL: <http://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v13/d144>
27. FRUS. 1964–1968. Vol. 13. Doc. 151. URL: <http://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v13/d151>
28. FRUS. 1964–1968. Vol. 13. Doc. 171. URL: <http://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v13/d171>
29. FRUS. 1964–1968. Vol. 13. Doc. 173. URL: <http://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v13/d173>
30. Brands H.W. The Wages of Globalism: Lyndon Johnson and the Limits of American Power. Oxford: Oxford University Press 1995. 294 p.
31. Johnson L. Making Europe Whole: an Unfinished Task // The Atlantic Community Quarterly. 1966. Vol. 4, № 4. P. 487–493.
32. Report on the Future Tasks of the Alliance (Harmel Report), Brussels, December 1967 // European Foreign Policy: Key Documents / ed. by C. Hill and K.E. Smith. London; New York: Routledge, 2000. 477 p.

Oksana G. Lekarenko. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: olekarenko@gmail.com

THE REACTION OF LYNDON B. JOHNSON ADMINISTRATION TO THE EEC AND NATO CRISES (1965-1966)

Key words: US–French relations, foreign policy of the US, Lyndon B. Johnson, the ‘empty chair’ crisis, NATO.

The author investigates the debates in the United States, concerning tactical measures in response to de Gaulle’s offensive. Finally, the article examines the Johnson administration’s cooperation with the European allies to resolve the NATO crisis. In the mid-1960s, two crises – the ‘empty chair’ crisis in the EEC and de Gaulle’s decision to withdraw French forces from the military organization of NATO – challenged the main objectives of the European policy of Johnson administration. The ‘empty chair’ crisis paralyzed the functioning of the EEC and complicated the Kennedy Round of the GATT negotiations. France’s withdrawal from the military organization of NATO threatened the cohesion of the Atlantic Alliance. Until recently, historians have analyzed two crises separately. Scholarly interest has tended to focus on the Atlantic policy of Johnson administration. Researchers have not given sufficient attention to the linkage between the American attitudes to the EEC and NATO crises. Using published documents of the Department of State and memoirs of American politicians, this research examines the reactions of the Johnson administration to the both crises. The article first addresses the reasons and preconditions of the ‘empty chair’ crisis, the American attitude to it, and the influence of the EEC crisis on the GATT negotiations. The research then focuses on French policy toward NATO. A comparison of the American reactions to the EEC and NATO crises demonstrates that the Johnson administration viewed the French attacks on the EEC and NATO as a single chain of crises provoked by de Gaulle. American politicians feared that de Gaulle could mix economic, currency and security matters in order to torpedo the EEC and NATO. The US Mission to the North Atlantic Treaty Organization evaluated the ‘empty chair’ crisis as more dangerous for the development of the EEC than France’s withdrawal from the military organization of NATO for the existence of the Alliance. For tactical reasons, the Johnson administration avoided public attacks on de Gaulle’s policy. American actions in response to France’s withdrawal from NATO’s military organization were aimed to minimize its effect on both the Atlantic Alliance and the EEC. The author believes, that calm reaction to the NATO crisis allowed the Johnson administration to cope with de Gaulle’s ‘double challenge’. The NATO crisis gave the Americans a good chance to reaffirm their commitments to the Atlantic Alliance and European integration. The Johnson administration also used the crisis to begin the adaptation of NATO to new tasks in the coming period of détente.

REFERENCES

1. Borisov, Yu.V. (2008) De Goll' i SSHA: 40-60-e gody XX veka [De Gaulle and the USA: 1940-60s]. *Novaya i noveyshaya istoriya – Modern and Contemporary History*. 1. pp. 27–48.
2. Molchanov, N.N. (1988) *General de Goll'* [General de Gaulle]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.

3. Borko, Yu.A., Kargalova, M.V. & Kovalsky, N.A. (eds) (1994) *Evropeyskiy soyuz: Proshloe, nastoyashchee, budushchee* [European Union: Past, Present, Future]. Vol. 1. Moscow: Pravo.
4. Ludlow, P.N. (2006) *The European Community and the Crises of the 1960s: Negotiating the Gaullist Challenge*. London: Routledge.
5. Palayret, J.-M., Wallace, H. & Winand, P. (2006) *Visions, Votes and Vetoes: The Empty Chair Crisis and Luxembourg Compromise Forty Years On*. Brussels: P.I.E. – Peter Lang.
6. Peyrefitte, A. (2002) *Takim byl de Goll'* [That was de Gaulle]. Translated from French by V. Bozhovich. Moscow: Moskovskaya shkola politicheskikh issledovaniy.
7. USA. (1995a) *Foreign Relations of the United States (FRUS). 1964–1968*. Vol. 13. Washington DC: US Government Printing Office. Doc. 93. [Online] Available from: <http://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v13/d93>
8. USA. (1995b) *Foreign Relations of the United States (FRUS). 1964–1968*. Vol. 13. Washington DC: US Government Printing Office. Doc. 93. [Online] Available from: <http://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v13/d98>
9. USA. (1995c) *Foreign Relations of the United States (FRUS). 1964–1968*. Vol. 13. Washington DC: US Government Printing Office. Doc. 109. [Online] Available from: <http://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v13/d109>
10. USA. (1998) *Foreign Relations of the United States (FRUS). 1964–1968*. Vol. 8. Washington DC: US Government Printing Office.
11. USA. (1995d) *Foreign Relations of the United States (FRUS). 1964–1968*. Vol. 13. Washington DC: US Government Printing Office. Doc. 87. [Online] Available from: <http://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v13/d87>
12. USA. (1995e) *Foreign Relations of the United States (FRUS). 1964–1968*. Vol. 13. Washington DC: US Government Printing Office. Doc. 89. [Online] Available from: <http://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v13/d89>
13. USA. (1995f) *Foreign Relations of the United States (FRUS). 1964–1968*. Vol. 13. Washington DC: US Government Printing Office. Doc. 95. [Online] Available from: <http://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v13/d95>
14. USA. (1995g) *Foreign Relations of the United States (FRUS). 1964–1968*. Vol. 13. Washington DC: US Government Printing Office. Doc. 110. [Online] Available from: <http://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v13/d110>
15. USA. (1995h) *Foreign Relations of the United States (FRUS). 1964–1968*. Vol. 13. Washington DC: US Government Printing Office. Doc. 112. [Online] Available from: <http://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v13/d112>
16. USA. (1995i) *Foreign Relations of the United States (FRUS). 1964–1968*. Vol. 13. Washington DC: US Government Printing Office. Doc. 127. [Online] Available from: <http://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v13/d127>
17. Schwartz, T.A. (2003) *Lyndon Johnson and Europe in the Shadow of Vietnam*. Cambridge MA: Harvard University Press.
18. USA. (1995j) *Foreign Relations of the United States (FRUS). 1964–1968*. Vol. 13. Washington DC: US Government Printing Office. Doc. 142. [Online] Available from: <http://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v13/d142>
19. Haftendorn, H., Soutou, G.-H., Szabo, S.F. & Wells, S.F.W.Jr. (eds) (2006) *The Strategic Triangle: France, Germany, and the United States in the Shaping of the New Europe*. Baltimore: Johns Hopkins University Press.
20. Johnson, L. (1971) *The Vantage Point: Perspectives of the Presidency, 1963–1969*. London: Weidenfeld & Nicolson.
21. USA. (1995k) *Foreign Relations of the United States (FRUS). 1964–1968*. Vol. 13. Washington DC: US Government Printing Office. Doc. 146. [Online] Available from: <http://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v13/d146>
22. USA. (1995l) *Foreign Relations of the United States (FRUS). 1964–1968*. Vol. 13. Washington DC: US Government Printing Office. Doc. 161. [Online] Available from: <http://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v13/d161>
23. *New York Times*. (1966) 20th March.
24. Camps, M. (1966) *European Unification in the Sixties: from the Veto to the Crisis*. New York: Published for the Council on Foreign Relations by McGraw-Hill.
25. USA. (1995m) *Foreign Relations of the United States (FRUS). 1964–1968*. Vol. 13. Washington DC: US Government Printing Office. Doc. 140. [Online] Available from: <http://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v13/d140>
26. USA. (1995n) *Foreign Relations of the United States (FRUS). 1964–1968*. Vol. 13. Washington DC: US Government Printing Office. Doc. 144. [Online] Available from: <http://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v13/d144>
27. USA. (1995o) *Foreign Relations of the United States (FRUS). 1964–1968*. Vol. 13. Washington DC: US Government Printing Office. Doc. 151. [Online] Available from: <http://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v13/d151>
28. USA. (1995p) *Foreign Relations of the United States (FRUS). 1964–1968*. Vol. 13. Washington DC: US Government Printing Office. Doc. 171. [Online] Available from: <http://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v13/d171>
29. USA. (1995r) *Foreign Relations of the United States (FRUS). 1964–1968*. Vol. 13. Washington DC: US Government Printing Office. Doc. 173. [Online] Available from: <http://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v13/d173>
30. Brands, H.W. (1995) *The Wages of Globalism: Lyndon Johnson and the Limits of American Power*. Oxford: Oxford University Press.
31. Johnson, L. (1966) Making Europe Whole: an Unfinished Task. *The Atlantic Community Quarterly*. 4(4). pp. 487–493.
32. NATO. (2000) Report on the Future Tasks of the Alliance (Harmel Report), Brussels, December 1967. In: Hill, C. & Smith, K.E. (eds) *European Foreign Policy: Key Documents*. London, New York: Routledge.

УДК 327.37 + 341.67 + 355.019.1
DOI: 10.17223/19988613/62/14

Е.Б. Михайленко, Н.С. Дегтярев

ЭВОЛЮЦИЯ ИДЕИ ЗАПРЕЩЕНИЯ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ В КОНТЕКСТЕ РЕЖИМА ЯДЕРНОГО НЕРАСПРОСТРАНЕНИЯ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-014-00033 А «Многостороннее взаимодействие в рамках режима ядерного нераспространения и национальные интересы России в контексте инициативы по запрещению ядерного оружия».

Анализируется эволюция и формирование режима запрещения ядерного оружия: от идеи до развития законодательской инициативы о запрещении ядерного оружия в рамках Генассамблеи ООН. Исследование проведено на основе значительного количества документов ООН, официальных заявлений стран-участников переговорного процесса, а также стенограмм заседаний ГА ООН. Авторы статьи приходят к выводу, что ДЗЯО стал результатом неудовлетворенности неядерных государств реализацией положений ДНЯО за последние 25 лет.

Ключевые слова: ДНЯО; ДЗЯО; режим ядерного нераспространения; ЯОГ; НЯОГ.

Введение

Режим ядерного нераспространения, основой которого традиционно считают Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), переживает нелегкие времена. В мае 2015 г. страны-участницы ДНЯО не смогли принять итоговый документ в рамках Конференции по рассмотрению действия ДНЯО (далее – Обзорная конференция (ОК) ДНЯО). Отсутствие прогресса в области разоружения, невыполнение государствами, обладающими ядерным оружием (ЯОГ), своих обязательств по ст. VI Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) стало серьезным вызовом для режима ядерного нераспространения в целом. С 2015 г. усилились противоречия между государствами, не обладающими ядерным оружием (НЯОГ), и ядерными странами по вопросу выполнения последними своих обязательств по ядерному разоружению. 7 июля 2017 г. 122 страны подписали Договор о запрещении ядерного оружия (ДЗЯО). Это соглашение запрещает разработку, испытания, хранение, приобретение, транспортировку и использование ядерного оружия [1]. Сторонники договора считают, что в будущем это ускорит процесс полной ликвидации ядерного оружия. Появляется всё больше стран, недовольных положением дел, а появление ДЗЯО только усилило политическую поляризацию между ЯОГ и НЯОГ. Диалог стран ограничивается обоюдными обвинениями в несоблюдении ДНЯО или угрозе режиму нераспространения. Вместо поиска позитивного диалога страны все больше занимаются обвинениями и претензиями друг к другу.

В российском научном дискурсе тема запрещения ядерного оружия является достаточно новой. В России есть ряд серьезных исследований, посвященных режиму ядерного нераспространения. Так, например, в работах А. Арбатова [2], В. Дворкина [3], В.П. Козина [4],

А. Махуковой [5], В. Орлова [6] анализируется режим ядерного нераспространения и его перспективы, рассматриваются система ядерного сдерживания и разоружения, роль различных стран и инициатив. Исследованием ДЗЯО и его эволюции занимается небольшое количество экспертов: Е. Михайленко, В. Михайленко [7], Д. Стефанович [8], К. Муратшина [9]. Зарубежные эксперты более активно изучают процесс формирования режима запрещения ядерного оружия. Среди зарубежных исследователей есть группа тех, кто занимался рассмотрением развития ДЗЯО в рамках ООН – это Г. Мухатжанова [10], Ш. Сквасони [11], Дж. Перкович [12], А. Ахметов [13], Р. Ачесон [14], А. Кейн [15]. Ряд экспертов анализируют влияние ДЗЯО на режим нераспространения. К таким экспертам относятся У. Поттер [16], Ц. Харамильо [17], Т. Зауэр [18], Дж. Борри [19] и др. Большинство экспертов критически оценивают ДЗЯО, а также перспективы его вступления в силу.

В рамках данной статьи поставлена задача выявить не столько будущее данного Договора, а выяснить, почему данный договор стал предметом обсуждения на ГА ООН, какие проблемы он выявил в рамках режима ядерного нераспространения. С одной стороны, ДЗЯО стал компромиссным вариантом множества позиции неядерных государств, с другой стороны, появление ДЗЯО демонстрирует дефицит отсутствия консенсуса между государствами-членами ДНЯО. На данный момент режим ядерного нераспространения переживает кризис и испытывает нехватку конструктивного подхода в решении накопившихся проблем. Одна из возможных причин – дефицит научного рассмотрения причин появления ДЗЯО, а значит, исследование этой темы как никогда актуально и необходимо.

При написании статьи авторы проанализировали доклады рабочей группы ООН открытого состава по

продвижению вперед процесса многосторонних переговоров по ядерному разоружению [20; 21], а также резолюции: A/RES/67/39, A/RES/67/56, A/RES/68/32, A/RES/68/46, A/RES/69/41, A/RES/70/33, A/RES/70/47, A/RES/70/48, A/RES/70/50, A/RES/71/258, A/RES/72/30, A/RES/72/31 [22]. Были рассмотрены заключительные документы Обзорных конференций ДНЯО 2000 г. [23], 2010 г. [24] и 2015 г. [25]. Текст ДЗЯО рассматривался и согласовывался на 29 пленарных заседаниях с 27 по 31 марта и с 15 июня по 7 июля 2017 г. Основные позиции государств-участников и государственных объединений были представлены на заседаниях 27, 29 и 31 марта. Данные позиции представлены для ознакомления на сайте проекта «Достигая критической воли» (Reaching Critical Will) Женской международной лиги за мир и свободу [26]. Проанализировав заявления разных стран, удалось выделить основные идеи, которые участники хотели включить в будущий договор. Это позволило увидеть, насколько неполно итоговый текст договора отображает идеи и предложения стран, которые участвовали в его составлении и голосовали за него. Авторы исследования также проанализировали документы сессий Подготовительного комитета Конференции 2020 г. по рассмотрению действия Договора о нераспространении ядерного оружия в 2018–2019 гг. [27, 28] с целью выявления позиций стран ДНЯО к идее запрещения ядерного оружия.

В рамках данной статьи будет проведен анализ предпосылок появления ДЗЯО, эволюция идеи запрещения ядерного оружия и обсуждение текста в рамках заседаний ГА ООН. Далее мы рассмотрим сильные и слабые стороны ДЗЯО, а также последствия принятия такого договора для режима ядерного нераспространения.

Эволюция идеи запрещения ядерного оружия

Точкой начала развития инициатив по ликвидации ядерного оружия и ключевым моментом в развитии режима ядерного нераспространения можно считать 1995 г. Договор о нераспространении ядерного оружия был заключен на 25 лет и в 1995 г. состоялась Конференция по рассмотрению и продлению срока действия договора о нераспространении ядерного оружия (КРПДНЯО), на которой было принято решение о бессрочном продлении Договора о нераспространении ядерного оружия [29]. Продление Договора в 1994–1995 гг. вызвало большую дискуссию среди государств-участниц. Дискуссия шла вокруг двух сюжетов: продления договора на новый срок или бессрочно, а также если бессрочно, то нужны ли дополнительные условия для бессрочного продления? Несмотря на видимую эффективность режима в середине 1990-х гг., которая определялась тем, что договор стал почти универсальным, наблюдался прогресс в области контроля над вооружениями, ряд государств присоединились к договору в качестве НЯОГ, тем не менее внутри переговорного процесса существовали серьезные разногла-

сия по поводу дальнейшего укрепления режима и придания ему большей эффективности. Как отмечает Дж. Данапала, накануне Конференции 1995 г. по рассмотрению и продлению срока действия ДНЯО (КРПДНЯО) стал очевидным растущий раскол между Севером и Югом по вопросам реализации положений ДНЯО. Возглавляемая Индонезией группа государств Движения неприсоединения (ДН) демонстрировала нежелание праздновать 25-летнюю годовщину вступления договора в силу, а наоборот, высказывала серьезную критику по поводу отсутствия прогресса в области разоружения, а также других вопросов, таких как всеобъемлющее запрещение ядерных испытаний, гарантии безопасности, договор о запрещении производства расщепляющихся материалов [30].

Несмотря на то, что страны Движения неприсоединения устроили «праздник непослушания» в работе КРПДНЯО 1995 г., результатом конференции стал «безусловный триумф дипломатии ЯОГ» [31. С. 33], выразившийся в принятии решения о бессрочном продлении Договора и в отсутствии необходимости для ЯОГ идти на какие-либо уступки, которые могли ущемить национальные интересы. И уже в этот год появилась первая инициатива по ликвидации ядерного оружия, организованная неправительственной организацией.

В апреле 1995 г. активистами было подготовлено заявление с призывом к уничтожению ядерного оружия «Ликвидация 2000» («Abolition 2000»). Оно было сделано из-за нежелания государств, обладающих ядерным оружием, обсуждать полное ядерное разоружение на КРПДНЯО. Конференция завершилась победой дипломатии ЯОГ: ДНЯО был сделан бессрочным при взятии ядерными странами на себя минимальных обязательств. В заявлении освобождение мира от ядерного оружия объяснялось желанием обеспечить безопасный и пригодный для жизни мир будущим поколениям, а также желанием устранить деградацию окружающей среды и избавить человечество от страданий [32].

8 июля 1996 г. Международный суд ООН вынес консультативное заключение о том, является ли угроза или применение ядерного оружия совместимым с международным правом. Всемирный суд установил, что угроза применения ядерного оружия или его применение в целом противоречат международному праву. Однако суд не смог сделать окончательный вывод о том, является ли законной или незаконной угроза или применение ядерного оружия в чрезвычайных обстоятельствах самообороны, когда на карту поставлено само выживание государства. Тем не менее сторонники безъядерного мира и разоружения указали на то, что семь судей (из 14) сделали вывод о том, что угроза или применение ядерного оружия «в целом» нарушают международное право, и что еще трое судей считают такое использование всегда незаконным [33].

Затем были созданы и другие неправительственные и межправительственные организации, выступающие за создание мира, свободного от ядерного оружия:

Канберрская комиссия по уничтожению ядерного оружия (1995 г.), коалиция «Инициатива средних держав» (MPI) (1998 г.), «Коалиция новой повестки дня» (NAC) (1998 г.), Форум по ст. VI (A6F) (2005 г.) и др. У всех этих организаций была одна и та же цель, они вырабатывали практические шаги по её достижению. Более того, некоторые из этих организаций участвовали в работе Обзорных конференций ДНЯО.

Несмотря на то, что у инициатив существовали практические шаги достижения выдвинутой ими цели, которые они пытались продвигать на Обзорных конференциях ДНЯО, у них не вышло зайти дальше этих конференций и начать как-либо влиять на рабочие заседания внутри ООН, т.е. не вышло получить должную мировую поддержку на площадке ООН.

В 2010 г. прошла очередная Обзорная конференция ДНЯО, в заключительном документе которой в рамках ООН подтверждалось «недвусмысленное обязательство государств, обладающих ядерным оружием, осуществить полную ликвидацию своих ядерных арсеналов, ведущую к ядерному разоружению, которому привержены все государства-участники в соответствии со статьей VI» [24]. Именно после этого Генеральная Ассамблея ООН начала рассматривать вопрос ядерного разоружения, ссылаясь на заключительный документ Обзорной конференции ДНЯО 2010 г. Более того, разработчики заключительного документа впервые упомянули о катастрофических гуманитарных последствиях применения ядерного оружия.

С декабря 2012 г. по декабрь 2016 г. Генассамблея приняла ряд резолюций по ядерному разоружению, ликвидации ЯО и продвижению процесса переговоров по ядерному разоружению. В данных резолюциях признавалось десятилетнее отсутствие конкретных результатов на многосторонних переговорах по ядерному разоружению, впервые была отмечена роль неправительственных организаций в процессе разоружения, а сами НПО стали принимать участие в заседании высокого уровня, а также был поднят вопрос о создании конвенции, запрещающей ядерное оружие.

Резолюции ООН понаставливали создать рабочую группу открытого состава, которая бы занималась разработкой предложений по продвижению вперед процесса многосторонних переговоров по ядерному разоружению. Данные рабочие группы проводили свои сессии в 2013 г., но наибольшая активность стала проявляться в работах групп в 2016 г. с участием не только государств, но и международных организаций и гражданского общества. Затем группы формировали доклад с результатом всех обсуждений и внесенных предложений для Генеральной Ассамблеи.

Стоит отметить, что ввиду совещательного и инклюзивного характера Рабочей группы дискуссии о путях продвижения вперед процесса ядерного разоружения на заседаниях были откровенны и конструктивны, так как не наносили ущерба национальным пози-

циям стран и не имели прямого влияния на итоговый результат.

Именно в докладах этих рабочих групп говорилось о том, что для осуществления ст. VI ДНЯО необходима разработка эффективных правовых мер, а также проведение переговоров относительно юридически обязывающего документа о запрете ядерного оружия. Также представлялись возможные элементы такого документа.

Гражданское общество и неправительственные организации также активно участвовали в продвижении идеи запрещения ядерного оружия. С 2010 г. правительства разных стран, Международное движение Красного Креста и Красного Полумесяца, различные учреждения Организации Объединенных Наций и неправительственные организации начали совместную работу по пересмотру дебатов по ядерному оружию, что породило новый подход по переговорам о глобальном запрещении ядерного оружия. Этот новый подход получил общее название «Гуманитарная инициатива». В ноябре 2011 г. Красный Крест принял резолюцию, призывающую все страны вести переговоры о «юридически обязывающем международном соглашении», запрещающем и полностью уничтожающем ядерное оружие. В 2012–2015 гг. было проведено 3 конференции в Швейцарии, Норвегии и Австрии, посвященные гуманитарным последствиям применения ядерного оружия. От имени 16 стран Швейцария представила первый документ в серии совместных заявлений о гуманитарном воздействии ядерного оружия, призывая все страны «активизировать свои усилия по запрещению ядерного оружия». В третьей конференции по гуманитарным последствиям применения ядерного оружия в Вене приняли участие 158 стран. Конференция завершилась обещанием сотрудничать в усилиях по «заполнению юридического разрыва» в международном режиме, регулирующем ядерное оружие. В рамках Обзорной конференции ДНЯО в 2015 г. была предпринята попытка включить в текст итогового документа положения о гуманитарных последствиях применения ядерного оружия. Текст итогового документа не был принят. Кризис Обзорной конференции 2015 г. привел к созданию кампании по ликвидации ядерного оружия, включившей в свой состав не только неправительственные организации, но и представителей государств.

Итогом всех этих резолюций и докладов рабочих групп, деятельности НПО и гражданского общества стало решение «создать в 2017 г. конференцию Организации Объединенных Наций для согласования юридически обязывающего документа о запрете ядерного оружия, который привел бы к полной ликвидации этого оружия» [34].

Обсуждение Договора о запрещении ядерного оружия в рамках Конференции ООН

Конференция ООН по согласованию юридически обязывающего документа о запрете ядерного оружия

проходила в три этапа (16 февраля 2017 г., 27–31 марта 2017 г. и с 15 июня по 7 июля 2017 г.), а 7 июля 2017 г. на последнем заседании Конференции был принят Договор о запрещении ядерного оружия. В голосовании приняли участие 122 страны (1 против, 1 воздержалась) [35]. 20 сентября 2017 г. ДЗЯО был открыт для подписания. Договор вступает в силу после того, как его ратифицируют 50 стран (на данный момент ДЗЯО ратифицировали 23 государства).

Текст ДЗЯО рассматривался и согласовывался на 29 пленарных заседаниях с 27 по 31 марта и с 15 июня по 7 июля 2017 г. Основные позиции государств-участников и государственных объединений были представлены на заседаниях 27, 29 и 31 марта. Проанализировав их выступление, нам удалось выделить основные идеи, которые участники хотели включить в будущий договор. Это позволило увидеть, насколько неполно итоговый текст договора отображает идеи и предложения стран, которые участвовали в его составлении и голосовали за него.

В первую очередь стоит отметить, что на заседаниях почти все страны выразили свою полную поддержку ДНЯО и его ст. VI. Сам по себе ДЗЯО вытекает из этой статьи, поэтому государства заключили, что переговоры по созданию ДЗЯО не подрывают ДНЯО, а усиливают его и шестую статью договора.

Страны, участвовавшие в заседаниях, вносили множество предложений. Ряд положений вызвал большую дискуссию. Так, например, на включении положения о запрете на хранение, разработку, производство, приобретение, испытание, накопление запасов, передачу, использование и угрозу применения ядерного оружия настаивали Ямайка, Венесуэла, Алжир, Карибское сообщество, ЮАР, Ирландия и ряд других государств. Эквадор предложил добавить заявление о том, что применение ядерного оружия противоречит нормам международного гуманитарного права и является преступлением против человечности [36]. Также был предложен запрет на участие в планировании ядерной войны, включая разработку доктрин безопасности, которые оправдывают применение или угрозу применения ядерного оружия, и создание ядерных альянсов (Венесуэла, Алжир, Куба).

Страны предлагали раскрывать более подробно значения некоторых терминов. Например, предлагалось уточнить, где именно запрещено использовать ядерное оружие (Индонезия, Алжир), что под термином «испытание» подразумеваются также подкритические эксперименты и суперкомпьютерное (компьютерное) моделирование (Куба, Индонезия, Эквадор, Ирландия и др.). А Швецией даже было предложено прописать детально термин «ядерное оружие».

Ряд стран настаивали на включении положений о национальных мерах по реализации положений ДЗЯО (Ямайка, Алжир, Карибское сообщество, Тринидад и Тобаго). Например, разрабатывать такие национальные меры, как законодательные акты, включая уголовное

право, предусматривающие наказание за любую деятельность, противоречащую положениям будущего документа, ведение и предоставление отчетности по осуществлению положений Договора не только на международном уровне, но и на национальном.

Предполагалось, что Договор должен содержать положения о международном сотрудничестве и технической помощи для соблюдения положений договора (Эквадор, Ямайка, Филиппины, ЮАР, Шри-Ланка и др.).

Были предложения о нецелесообразности создания новых институциональных механизмов для выполнения требований ДЗЯО, и поэтому предлагалось использовать существующие органы во избежание дублирования функций и для укрепления уже существующих (Ямайка, Карибское сообщество, Таиланд). Некоторые страны (например, Куба) предлагали создать отдельный механизм, который бы отвечал за применение положений документа, в том числе связанных с проверкой и соблюдением, а также содействовал форуму консультаций и сотрудничеству между государствами-участниками. Тем не менее государства настаивали на проведении регулярных, экстренных совещаний и конференций государств-участников Договора (Ямайка, Карибское сообщество, Таиланд, Бразилия, Швеция и др.), не ограничиваясь проведением совещательной конференции раз в пять лет.

В ходе обсуждения предлагался запрет на транзит ядерного оружия через национальную территорию, воздушное и водное пространство страны (Индонезия, Венесуэла, Алжир, Куба, ЮАР и др.), а также соблюдение принципов прозрачности, необратимости и проверяемости процесса разоружения и ликвидации ядерного оружия.

Однако далеко не все страны предлагали какие-либо конкретные принципы, ограничиваясь лишь общими формулировками, хотя и признавали, что договор будет бессмысленным, если у него не будет системы проверки того, как государства-участники выполняют свои обязательства. Более подробно данное положение предлагали прописать Алжир и Непал, однако существовала позиция, что не надо прописывать подробные процедуры проверки, достаточно общего положения о том, что все государства-участники согласны с положениями Договора.

Предлагалось, что действие договора распространяется не только на государство, но и на негосударственные субъекты (юридические или физические лица), находящиеся на его территории, под его юрисдикцией или контролем (Алжир, АСЕАН, Эквадор и др.). Отдельно обсуждалось участие НПО и гражданского общества в работе Договора, признание незаменимой роли парламентариев, академиков, женщин, молодежи, гражданских заинтересованных групп в его успешной реализации.

Позиции по условиям присоединения ядерных государств к Договору были совершенно различными:

– государство, обладающее ядерным оружием, полностью разоружится при условии соблюдения гарантий МАГАТЭ, а затем присоединится к договору (Швеция);

– вступление ЯОГ в ДЗЯО, а затем их разоружение (Ирландия, Бразилия). Некоторыми странами были предоставлены подробные шаги разоружения без обращения к МАГАТЭ (Кубой, Ирландией, Филиппинами);

– сделать процесс разоружения предметом Дополнительного протокола к ДЗЯО или другого соглашения с ЯОГ, которые вступают в договор.

Многие страны подчеркивали, что все шаги по разоружению и ликвидации ядерного оружия должны иметь конкретные временные сроки (5, 10 или 15 лет).

Существовали две противоположные позиции по поводу срока действия договора: принятие бессрочного договора (Алжир, Эквадор, Мексика, Швеция и др.) либо срок действия обсуждается на последующей конференции (АСЕАН).

Обсуждался вопрос о создании механизма урегулирования споров между государствами-участниками (ЮАР, Филиппины), а также числе ратифицировавших государств, необходимом для вступления в силу договора (30, 35, 40 или 80). Это требовалось, чтобы ДЗЯО не оказался в той же ситуации, что и ДВЗЯИ.

Возник спор вокруг возможности выхода из договора при условии соблюдения определенных условий и требований. Новая Зеландия же, в отличие от других стран, высказывала мысль о том, что договор, устанавливающий глобальную норму, запрещающую ядерное оружие, не должен предусматривать возможность какого-либо выхода из него.

Существовали и страны, которые выступали против превращения простой политической декларации в юридически обязательный инструмент и отдавали предпочтение всеобъемлющим запретам в форме недвусмысленного короткого текста договора с целью стигматизации, обесценивания и делегитимизации ядерного оружия (ЮАР), а некоторые даже открыто заявляли об его бесполезности в настоящий момент (Япония).

Не все споры достигли консенсусного решения, поэтому ряд спорных положений был просто исключен из текста ДЗЯО. Договор получился достаточно рамочным. Тем не менее после голосования по ДЗЯО начались дебаты о его роли для режима ядерного нераспространения как среди стран, участвующих в голосовании, так и среди государств, которые осознанно не участвовали в обсуждениях.

Договор о запрещении ядерного оружия: «за» и «против»

Договор о запрещении ядерного оружия стал знаковым событием в рамках существования режима ядерного нераспространения. В соответствии с процедурами Генеральной Ассамблеи ООН для принятия текста

договора конференции было необходимо большинство в две трети голосов. Проголосовало 122 государства, что продемонстрировало массовую поддержку ДЗЯО в ООН. Отметим сразу, что в переговорном процессе не участвовали страны, обладающие ядерным оружием. В голосовании не участвовали также и страны НАТО, а также страны, имеющие соглашения о безопасности с США. Нидерланды были единственной страной НАТО, участвовавшей в обсуждении, тем не менее по мере обсуждения они отказались голосовать за принятие договора.

ДЗЯО является важным шагом для запрещения ядерного оружия как единственного оружия массового уничтожения, которое не подлежало запрещению ранее. ДЗЯО позиционируется как договор, ликвидирующий правовой пробел и стигматизирующий ядерное оружие. Договор запрещает разработку, испытания, производство, изготовление, передачу, владение, накопление, использование или угрозу применения ядерного оружия, а также размещение ядерного оружия на территории государств-участников (ст. 1 ДЗЯО). Страна, обладающая ядерным оружием, может присоединиться к Договору, если она согласна уничтожить свое ядерное оружие и системы доставки в соответствии с юридически обязывающим, проверенным, ограниченным по времени планом (ст. 4 ДЗЯО). Аналогичным образом может присоединиться страна, в которой находится ядерное оружие другой страны на ее территории, если она согласна вывести его к указанному сроку. В самом договоре не прописаны временные рамки или конкретные меры по разоружению, поскольку они будут согласованы с соответствующим государством при его присоединении.

ДЗЯО стал важным шагом в продвижении гуманитарного права и включения гендерных вопросов в рамках режима ядерного нераспространения. В соответствии с положениями договора государства-участники обязаны оказывать помощь всем жертвам, пострадавшим от применения и испытания ядерного оружия, и принимать меры по восстановлению загрязненной окружающей среды (ст. 6). В преамбуле Договора уточняется, что ущерб, нанесенный ядерным оружием, имеет непропорциональное воздействие на женщин, а также на коренные народы всего мира.

Таким образом, по мнению лоббистов, ДЗЯО дополняет договоры, запрещающие биологическое и химическое оружие, противопехотные наземные мины и кассетные боеприпасы, и подкрепляет различные другие правовые документы, касающиеся ядерного оружия, включая ДНЯО. Он укрепляет нормативную составляющую современного режима ядерного нераспространения, а именно глобальное табу на использование и владение ядерного оружия. В договоре четко говорится, что применение ядерного оружия противоречит нормам международного гуманитарного права.

Российская Федерация, как и все страны, обладающие ядерным оружием, однозначно выступила против

ДЗЯО. Сразу же после голосования по ДЗЯО Франция, Великобритания и Соединенные Штаты выступили с совместным заявлением о том, что не собираются подписывать, ратифицировать или когда-либо становиться его участниками. «Поэтому не будет никаких изменений в правовых обязательствах наших стран в отношении ядерного оружия», говорится в Совместном заявлении постоянных представительств США, Великобритании, Франции [37]. Российская Федерация заняла такую же позицию по данному договору. В октябре 2018 г. в совместном заявлении пяти государств, обладающих ядерным оружием, было отмечено, что «ДЗЯО не решает ключевые проблемы, которые должны быть преодолены для достижения прочного глобального ядерного разоружения. Он противоречит и может подорвать ДНЯО» [38]. ЯОГ подтвердили свою приверженность основным обязательствам по ДНЯО и уточнили, что ДЗЯО не может устанавливать никакие новые нормы. Совместная позиция ЯОГ была также представлена в Нью-Йорке на Подготовительном комитете ОК-2020 Китайской делегацией от лица постоянных членов Совета Безопасности ООН. В документе отмечается, что ДЗЯО противоречит положениям ДНЯО, и ЯОГ не будут подписывать его [39]. Но не только ЯОГ выступают против ДЗЯО. В чем претензии к ДЗЯО?

Несмотря на то, что при обсуждении текста ДЗЯО все страны, участвующие в обсуждениях, отметили, что появление данного договора стало возможным благодаря необходимости укреплять режим ДНЯО и ст. VI, тем не менее уже в ходе переговорного процесса возникли серьезные разногласия [10]. Одним из важных вопросов стала международно-правовая корреляция существующих договоров, таких как ДНЯО и ДЗЯО. Действительно, упоминание ДНЯО содержится в преамбуле ДЗЯО, и представители Движения неприсоединения неоднократно отмечали, что ДЗЯО является комплементарным договором к ДНЯО, тем не менее возникает вопрос, как будут работать эти два режима одновременно? В соответствии со ст. 8 ДЗЯО предусматривается созыв совещания государств-участников. Как технически будет происходить взаимодействие стран внутри разных институтов? [40].

По мнению представителей МИДа РФ, ДЗЯО нарушает режим ядерного нераспространения предложением альтернативного Договора, в то время как в соответствии с преамбулой к ДНЯО отмечается, что цель ДНЯО – «способствовать достижению прекращения производства ядерного оружия, уничтожению всех существующих его запасов и исключению ядерного оружия и средств его доставки из национальных арсеналов в соответствии с договором о всеобщем и полном разоружении под строгим и эффективным международным контролем» [41], что дальше отражено в ст. VI ДНЯО. По мнению М.И. Ульянова, положение ДЗЯО о построении безъядерного мира «по своему содержанию существенно расходится с нашими представлениями о путях построения безъядерного мира». «...Полное уни-

чтожение запасов ядерного оружия должно произойти в соответствии с договором о всеобщем и полном разоружении» [42]. Это не первое упоминание о необходимости заключения Договора о всеобщем и полном разоружении, тем не менее в документах МИДа нет конкретных предложений относительно перспектив заключения данного договора.

Второй аргумент против ДЗЯО касается непроработанности некоторых формулировок и положений ДЗЯО. Важной проблемой ДЗЯО является право выхода из Договора при наступлении исключительных обстоятельств, поставивших под угрозу национальные интересы страны (ст. 17 ДЗЯО). То есть запрещение ядерного оружия может носить «обратимый характер» [43]. В первую очередь, у МИДа РФ вызывает опасения то, что может произойти прецедент отказа от запрета на ядерное оружие неядерными странами. Как это сочетается с обязательствами по ДНЯО? [Там же]. Статья 18 ДЗЯО также вызвала вопросы в связи с формулировкой, что ДЗЯО не наносит ущерб другим обязательствам, если это согласуется с Договором. Получается, что участники ДЗЯО могут по своему усмотрению отказываться от своих обязательств по другим договорам, включая, очевидно, и ДНЯО. Если так, то можно ли говорить, что новый Договор укрепляет режим ядерного нераспространения, как утверждают его авторы? [Там же].

В-третьих, возникает казусная ситуация о соотношении терминов «запрещение ядерного оружия» и «разоружение». Несмотря на приверженность усилению положений ст. VI ДНЯО, существует проблема того, что терминологически «запрещение ядерного оружия» является не тем же самым, что «разоружение». В ДЗЯО отсутствует положение о том, как будет происходить запрещение ядерного оружия, и нет поэтапного описания процесса разоружения [40, 43].

В-четвертых, государства не смогли договориться о необходимости включения в текст договора гарантий МАГАТЭ, а именно Дополнительного протокола [44]. Было решено, что проверка соблюдения государствами положений ДЗЯО будет осуществляться «компетентным международным органом», который будет учрежден на первом заседании государств-участников ДЗЯО после вступления договора в силу. По мнению российских представителей, не может не настораживать и отсутствие ясности в отношении некоего «компетентного международного органа», который призван играть ключевую роль в выполнении ДЗЯО. Департамент по вопросам нераспространения и контроля над вооружениями МИД России выступает против передачи таких функций МАГАТЭ. «Подобные попытки могут оказаться разрушительными для Агентства, мандат и потенциал которого не имеют и не должны иметь никакого отношения к ядерному разоружению и его верификации» [42].

В-пятых, ввиду спора между странами по поводу того, нужно ли прописывать в документе развернутый

запрет на испытание ядерного оружия, стороны договорились о простой ссылке на запрет испытаний в первой статье договора. При этом стоит отметить, что текст ДВЗЯИ не включает подкритические эксперименты и компьютерное моделирование. По мнению исследователей КИСИ А. Ахметова и Т. Жантикина, включение запрета на испытания ядерного оружия в самом широком смысле, включая запрет на докритические испытания и компьютерное моделирование, укрепило бы текст Договора и позволило бы существенно дополнить положения ДВЗЯИ [44].

В-шестых, текст ДЗЯО не включил ряд важных положений, таких как запрет финансирования исследований в сфере ядерного оружия, запрет транзита ядерного оружия. Этот запрет внес бы большой дискомфорт для государств, обладающих ядерным оружием, и за него выступало множество стран. Однако, по словам исследователей КИСИ [Там же], большинство не смогло преодолеть сопротивление меньшинства, т.е. таких стран, как Австрия, Сингапур.

Также договором о запрещении ядерного оружия не запрещены военные или другие приготовления к применению ядерного оружия. Таким образом, не были запрещены: запрет на участие в планировании ядерной войны, разработка доктрин безопасности, которые оправдывают применение ядерного оружия, создание альянсов, включающих ЯОГ.

Статья 18 ДЗЯО гласит, что Договор не наносит ущерба другим соглашениям и договоренностям, но только если они согласуются с положениями ДЗЯО. Данная статья сделала невозможным участвовать странам НАТО и странам, имеющим соглашения о безопасности с США.

Еще одним аргументом против ДЗЯО представители РФ называют негативное влияние подобных инициатив, выдвигаемых НЯОГ в одностороннем порядке. Представитель российской делегации в Первом комитете Генеральной Ассамблеи ООН по разделу «Ядерное оружие» в Нью-Йорке в октябре 2018 г. отметил, что ДЗЯО, даже не вступив в силу, прочертил дополнительные разделительные линии между участниками режима ядерного нераспространения. Тогда как существующие глобальные проблемы требуют консолидированных усилий международного сообщества [45]. В мае 2019 г. на Подготовительном комитете ОК-2020 этот аргумент снова прозвучал в заявлениях российской делегации. Появление ДЗЯО и действия НЯОГ противоречат принципам поддержания международной стабильности, равной и неделимой безопасности для всех, ведут к нарастанию противоречий между членами международного сообщества.

Принятие ДЗЯО является, с одной стороны, важной вехой в усилиях по делегитимизации ядерного оружия. ДЗЯО заполняет важный «правовой пробел» и, по мнению своих сторонников, усиливает выполнение обязательств по ст. VI ДНЯО. С другой стороны, непринятие ряда важных положений привело к тому, что Договор

не превратился в жесткий юридически обязывающий документ, а представляет собой компромиссный и декларативный вариант договора. Спустя почти два года после голосования по ДЗЯО ни одно государство, обладающее ядерным оружием, не подписало ДЗЯО, а ряд государств, не обладающих ядерным оружием, участвовавших в обсуждении текста и голосовавших за договор, до сих пор сомневаются в необходимости подписывать его. Продолжается обсуждение важности данного договора и возможности его интеграции в международный режим ядерного нераспространения.

Будущее Договора о запрещении ядерного оружия

Почти два года спустя после голосования на Конференции ООН ДЗЯО так и не вступил в силу. Проблема заключается в том, что ДЗЯО не является документом, удовлетворяющим интересам всех государств, причастных к его появлению. Но появление идеи запрещения и ликвидации ядерного оружия стало следствием накопившихся проблем у государств-членов ДНЯО. 2020-й год является решающим и знаменательным в истории режима ядерного нераспространения. Во-первых, будет отмечаться 50-летняя годовщина вступления в силу Договора о нераспространении ядерного оружия, а во-вторых, 25-летняя годовщина безусловного и бессрочного продления данного договора в мае 1995 г. В 1994–1995 гг. обозначились вопросы, которые разделили государства-члены ДНЯО: неудовлетворенность процессом разоружения между РФ и США, неучастие других ЯОГ в процессе разоружения, неуниверсальность ДНЯО и проблема обладания ядерным оружием вне режима ДНЯО, отсутствие прогресса по запрещению ядерных испытаний, отсутствие в ДНЯО юридически закрепленных гарантий безопасности НЯОГ со стороны ЯОГ, невыполнение ст. I и II ДНЯО странами-участницами НАТО, на территории которых было размещено тактическое ядерное оружие США, проблемы мирного использования атомных технологий и др. Можно сказать, что двадцатипятилетний юбилей ДНЯО в 1995 г. стал своего рода подведением итогов и рефлексии странами-участницами договора о том, что есть ДНЯО, какие задачи он ставит и как эти задачи решаются. Прошли следующие 25 лет, многие вопросы так и остались нерешенными.

Накануне Обзорной конференции 2020 г. сложилось несколько групп внутри ДНЯО. Первая группа включает апологетов ДЗЯО. Сторонники данного варианта признают значимость ДЗЯО, но понимают сложность продвижения идеи запрещения ядерного оружия, учитывая позицию ЯОГ по этому вопросу. Для представителей данной группы очень важно не предать забвению такие важные вопросы, как гуманитарные последствия применения ядерного оружия, гендерные аспекты и риски, связанные с последствиями применения ядерного оружия. Активную роль здесь занимают такие стра-

ны, как Австрия, Мексика, Новая Зеландия, Ирландия. Их поддерживают антиядерные НПО.

Вторая группа включает государства, которые начали ревизионистскую работу в отношении ДЗЯО. Ряд государств, которые изначально участвовали в обсуждении текста ДЗЯО, полтора года спустя отказались от позиции запрещать ядерное оружие. Они поставили перед собой задачу достичь компромисса между апологетами ДЗЯО и его противниками. Идея построения мостов между группами внутри ДНЯО не нова. Тем не менее вариант 2019 г. выглядит очень аккуратным. Активную роль в этом процессе стала играть Швеция, которая выдвинула концепцию «*stepping stones*». В подготовленном Швецией документе [46] нет упоминания о ДЗЯО, но есть предложения выстроить систему доверия, найти консенсус. При этом Швеция не отказывается от необходимости включения в повестку дня ДНЯО таких вопросов, как гендерное равенство, гуманитарные аспекты и вопросы разоружения. Ключевым здесь является отказ упоминать ДЗЯО, ибо построение консенсуса вещь сложная и тонкая. «Есть вопросы безопасности, и мы не можем игнорировать национальные интересы государств-членов ДНЯО. Нам необходим консенсус на Обзорной конференции 2020 г.», – вот главный аргумент.

Третья группа включает страны, имеющие собственное видение реализации ст. VI ДНЯО. Несмотря на то, что страны ДН на национальном уровне участвовали в обсуждении ДЗЯО, а ряд стран уже подписали и ратифицировали его, сам по себе договор о запрещении ядерного оружия не является для них главной целью. Если в период 1994–1995 гг. ДН оказалось расколотым по вопросу продления действия ДНЯО, то за следующие 25 лет эта представительная региональная группа научилась проводить закрытые заседания и продвигать консолидированные конкретные ключевые темы. Как было отмечено выше, ДН не выступало единым голосом при обсуждении ДЗЯО. Причина кроется в том, что ДН настаивает на принципиально ином подходе к ядерному оружию. В рабочих документах ДН содержатся следующие требования: разработка Конвенции о полном уничтожении ядерного оружия в рамках работы Конференции по разоружению. Ядерное оружие должно быть ликвидировано в конкретные временные рамки ближайшего будущего до 2035 г., кроме того, должны быть предусмотрены меры о невозможности проводить исследования с целью создания новых видов ОМУ. Как коллективный голос ДН не поддерживает ДЗЯО, а настаивает на принципиально новых шагах, которые приведут к ликвидации ядерного оружия. С этой целью ДН настаивает на создании специальных органов в рамках Конференции по разоружению для обсуждения и принятия вышеупомянутых документов. Подобное обсуждение могло бы включить и страны, обладающие ядерным оружием, но участвующие в ДНЯО, в первую очередь Израиль. Рабочий документ с рекомендациями к Обзорной конференции ДНЯО 2020 г. содержит

81 рекомендацию, большая часть которых вошла во вторую версию рекомендаций к ОК-2020.

Государства, обладающие ядерным оружием, несмотря на свои совместные заявления против ДЗЯО, выбрали разные стратегии выстраивания отношений с неядерными государствами. США консолидировали своих союзников как страны НАТО, так и Японию, Южную Корею и ряд других. Большинство союзников США не подписывают ДЗЯО, несмотря на тот факт, что многие из них участвовали в переговорах и обсуждениях ДЗЯО. В ответ на претензии своих союзников в отношении ст. VI ДНЯО США объявили о новой инициативе о создании среды для ядерного разоружения (Creating an environment for nuclear disarmament) [47]. Все чаще звучат предложения о трехсторонних переговорах по контролю над вооружениями между США, КНР и РФ.

КНР в свою очередь заняла также двойственную позицию. Китай воздержался от голосования по ДЗЯО [9. С. 165]. Китай активно выступает за ядерное разоружение. Однако в выступлениях официальных лиц КНР отмечается, что разоружаться должны США и РФ. Китай маневрирует между странами ДН и ЯОГ, пытаясь сохранить свободу для реализации своих национальных интересов.

Предложения РФ по укреплению режима ядерного нераспространения включают следующие направления: запуск многостороннего переговорного процесса по разоружению; усиление взаимодействия между США и РФ; работа по реализации ЗСОМУ на Ближнем Востоке, ратификация Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ), подписание Договора о запрещении производства расщепляющихся материалов (ДЗПРМ), выполнение положений Совместного всеобъемлющего плана действий (СВПД). Россия в одностороннем порядке взяла на себя политическое обязательство не размещать ядерное оружие в космосе (НПОК) [48]. Тем не менее выход США сначала из Договора по ПРО, а теперь из ДРСМД, по мнению министра иностранных дел РФ С.В. Лаврова, может привести к масштабной и непредсказуемой по своим последствиям гонке вооружений [49].

Таким образом, среди государств, не обладающих ядерным оружием, существуют серьезные противоречия в отношении будущего ДЗЯО, скорее всего, договор не будет ратифицирован в ближайшие годы. Тем не менее само появление ДЗЯО стало ответом на проблемы, существующие в рамках режима ядерного нераспространения, поэтому нельзя однозначно воспринимать ДЗЯО в качестве отдельного самостоятельного вызова режиму ДНЯО. На повестке дня ДНЯО могут возникнуть более серьезные проблемы, связанные с неудовлетворенностью государств, не обладающих ядерным оружием, процессом соблюдения положений ДНЯО государствами, обладающими ядерным оружием. Разногласия между США и РФ по вопросам выполнения обязательств по ДРСМД, отсутствие прогресса в

переговорах по разоружению дают НЯОГ все больше аргументов о необходимости ратифицировать ДЗЯО.

Заключение

Договор о запрещении ядерного оружия подписан 70 государствами и ратифицирован 25 государствами. Для ратификации ДЗЯО необходимо 50 государств. Несмотря на оптимизм сторонников безъядерного мира, запрещение и ликвидация ядерного оружия будет достаточно длительным процессом. Тем не менее хотелось подчеркнуть, что идея ликвидации и запрещения ядерного оружия не нова, но в 2017 г. обсуждение Конвенции о запрещении ядерного оружия вышло за пределы деятельности НПО и перешло в плоскость международного права.

Договор о запрещении ядерного оружия обозначил новый этап в развитии режима ядерного нераспространения. Несмотря на то, что понятие «запрещение ядерного оружия» в ДНЯО отсутствует, данный договор может рассматриваться на сегодняшний день как вершина эволюционного пути проектов разоружения и уничтожения всех существующих запасов ядерного оружия. Россия и ряд других ЯОГ отказываются признавать правомочность данного договора, обозначая его разруши-

тельную силу для режима ядерного нераспространения в целом. Но сама идея возникновения Договора о запрещении ядерного оружия стала ответом на неработоспособность существующих институтов режима ядерного нераспространения. Переговоры по контролю над вооружениями находятся в глубоком тупике. Существующие договоры и соглашения начинают распадаться. Пассивная позиция ядерных государств в отношении ДЗЯО, имитация ими разоружения могут привести к формированию альтернативного режима.

Действительно, ДЗЯО задал вектор к дальнейшему «расслоению» позиций государств внутри режима ядерного нераспространения, к возникновению напряженности между ядерными и неядерными государствами. Можно согласиться с Д. Стефановичем в том, что противоречия между ядерными и неядерными державами продолжают нарастать и создадут проблемы межгосударственному взаимодействию [50]. Тем не менее работа Третьей сессии Подготовительного комитета 2019 г. обнаружила другие линии разлома: отсутствие прогресса в области разоружения, паралич базовых соглашений в области контроля над вооружениями, общая неготовность ЯОГ вести продуктивный переговорный процесс.

ЛИТЕРАТУРА

1. Договор о запрещении ядерного оружия, 2017 // Организация Объединенных Наций: офиц. сайт. URL: <https://undocs.org/ru/A/CONF.229/2017/8> (дата обращения: 02.04.2019).
2. Ядерное сдерживание и нераспространение // Московский Центр Карнеги. 2005. URL: https://carnegieendowment.org/files/9268Nuclear_Deterrence_and_Non-Proliferation.pdf (дата обращения: 14.05.2019).
3. Ядерная перезагрузка: сокращение и нераспространение вооружений / под ред. А. Арбатова и В. Дворкина. М., 2011.
4. Козин В.П. Перспективы реализации Договора о запрещении ядерного оружия // Центр военно-политических исследований МГИМО. 19.10.2017. URL: <http://eurasian-defence.ru/?q=eksklyuziv/perspektivy-realizacii-dogovora> (дата обращения: 05.05.2019).
5. Махукова А. Роль Гуманитарной инициативы в обзорном процессе ДНЯО // ПИР-Центр. 17.05.2016. URL: <http://pircenter.org/media/content/files/13/14640880120.pdf> (дата обращения: 10.05.2019).
6. Орлов В. Конференция 1995 года по рассмотрению и продлению срока действия Договора о нераспространении ядерного оружия: особенности, результаты, уроки // Научные записки: научный журнал. 1999. № 11. URL: <http://pircenter.org/media/content/files/9/13464238930.pdf> (дата обращения: 10.05.2019).
7. Михайленко Е.Б., Михайленко В.И. Подрывает ли Договор о запрещении ядерного оружия режим нераспространения? // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3. Общественные науки. 2017. Т. 170, № 12 (4). С. 100–111.
8. Стефанович Д. Запрет ядерного оружия и международная безопасность // Эксперт Online: аналитический портал. 19.09.2017. URL: <https://expert.ru/2017/09/19/zapret-yadernogo-oruzhiya-i-mezhdunarodnaya-bezopasnost/> (дата обращения: 05.05.2019).
9. Муратшина К.Г., Пашкова Т.В. Китайская Народная Республика и Договор о запрещении ядерного оружия // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 441. С. 160–168.
10. Mukhatzhanova G. The Nuclear Weapons Prohibition Treaty: Negotiations and Beyond // Arms Control Association. 2017. URL: <https://www.armscontrol.org/act/2017-09/features/nuclear-weapons-prohibition-treaty-negotiations-beyond> (accessed: 05.05.2019).
11. Squassoni Sh. A controversial ban and the long game to delegitimize nuclear weapons // Bulletin of the Atomic Scientists. 10.07.2017. URL: <https://thebulletin.org/2017/07/a-controversial-ban-and-the-long-game-to-delegitimize-nuclear-weapons/> (accessed: 10.05.2019).
12. Perkovich G. The Nuclear Ban Treaty: What Would Follow? // Carnegie Endowment for International Peace. 31.05.2017. URL: <https://carnegieendowment.org/2017/05/31/nuclear-ban-treaty-what-would-follow-pub-70136> (accessed: 10.05.2019).
13. Peacebuilding processes in the global world // Website of KazISS. 2018. URL: <http://www.kisi.kz/uploads/33/files/ovSsoHVG.pdf> (accessed: 10.02.2019).
14. Acheson R. Hit delete on the “right” to nuclear energy in new weapons ban // Bulletin of the Atomic Scientists. 30.06.2017. URL: <https://thebulletin.org/2017/06/hit-delete-on-the-right-to-nuclear-energy-in-new-weapons-ban/> (accessed: 05.05.2019).
15. Kane A. Between aspiration and reality, Treaty on the prohibition of nuclear weapons, peace and security // Friedrich-Ebert-Stiftung. 2019. URL: <http://library.fes.de/pdf-files/iez/15401.pdf> (accessed: 10.05.2019).
16. Potter W. The NPT & The Sources Of Nuclear Restraint // JSTOR: electronic library. 2010. URL: https://www.jstor.org/stable/40544045?read-now=1&seq=1#page_scan_tab_contents (accessed: 10.05.2019).
17. Jaramillo C. NPT Review Conference: No outcome document better than a weak one // Bulletin of the Atomic Scientists. 03.06.2015. URL: <https://thebulletin.org/2015/06/npt-review-conference-no-outcome-document-better-than-a-weak-one/> (accessed: 10.05.2019).
18. Sauer T. The Emerging Powers and the Nuclear Non-Proliferation and Disarmament Regime // The Archive of European Integration: electronic library. 2011. URL: <http://aei.pitt.edu/33466/1/SPB27-Sauer.pdf> (accessed: 10.05.2019).
19. Borrie J., Spies M., Wan W. Obstacles to understanding the emergence and significance of the treaty on the prohibition of nuclear weapons // Global Change, Peace and Security. 2018. № 30. P. 95–119.

20. Доклад Рабочей группы открытого состава для разработки предложений по продвижению вперед процесса многосторонних переговоров по ядерному разоружению в целях построения и сохранения мира, свободного от ядерного оружия, 2013 // Организация Объединенных Наций: офиц. сайт. URL: <http://www.undocs.org/ru/A/68/514> (дата обращения: 26.02.2019).
21. Доклад Рабочей группы открытого состава по продвижению вперед процесса многосторонних переговоров по ядерному разоружению, 2016 // Организация Объединенных Наций: офиц. сайт. URL: <https://undocs.org/ru/A/71/371> (дата обращения: 27.02.2019).
22. Система официальной документации // Организация Объединенных Наций: офиц. сайт. URL: <https://documents.un.org/prod/ods.nsf/home.xsp> (дата обращения: 26.04.2019).
23. Заключительный документ NPT/CONF.2000/28 (Parts I and II). Конференция 2000 года участников Договора о нераспространении ядерного оружия по рассмотрению действия Договора, 2000 // Организация Объединенных Наций: офиц. сайт. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N00/453/66/PDF/N0045366.pdf?OpenElement> (дата обращения: 02.04.2019).
24. Заключительный документ NPT/CONF.2010/50 (Vol.I). Конференция 2010 года участников Договора о нераспространении ядерного оружия по рассмотрению действия Договора, 2010 // Организация Объединенных Наций: офиц. сайт. URL: [https://undocs.org/ru/NPT/CONF.2010/50\(VOL.I\)](https://undocs.org/ru/NPT/CONF.2010/50(VOL.I)) (дата обращения: 14.02.2019).
25. Заключительный документ NPT/CONF.2015/50 (Part I). Конференция 2015 года участников Договора о нераспространении ядерного оружия по рассмотрению действия Договора, 2015 // Организация Объединенных Наций: офиц. сайт. URL: <https://undocs.org/ru/NPT/CONF.2015/50%28PartI%29> (дата обращения: 02.04.2019).
26. Statements // Reaching Critical Will. URL: http://www.reachingcriticalwill.org/documents/statements?toolbar_year=0&toolbar_forum=12&toolbar_country=0&toolbar_topic=0 (accessed: 02.04.2019).
27. 2018 Preparatory Committee for the 2020 Nuclear Non-Proliferation Treaty Review Conference, April 23 – May 4, 2018 in Geneva // Организация Объединенных Наций: офиц. сайт. URL: <https://www.un.org/disarmament/wmd/nuclear/npt2020/prepcom2018/> (дата обращения: 02.04.2019).
28. 2019 Preparatory Committee for the 2020 Nuclear Non-Proliferation Treaty Review Conference, April 29 – May 10, 2018 in New York // Организация Объединенных Наций: офиц. сайт. URL: <https://www.un.org/disarmament/wmd/nuclear/npt2020/prepcom2019/> (дата обращения: 02.04.2019).
29. Заключительный документ NPT/CONF.1995/32 (Part I). Конференция 1995 года участников Договора о нераспространении ядерного оружия по рассмотрению и продлению действия Договора, 1995 // Организация Объединенных Наций: офиц. сайт. URL: [https://undocs.org/pdf?symbol=ru/NPT/CONF.1995/32\(PartI\)](https://undocs.org/pdf?symbol=ru/NPT/CONF.1995/32(PartI)) (дата обращения: 02.05.2019).
30. Dhanapala J., Rauf T. Reflections on the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear weapons. SIPRI. 2017. Pp. 26-29.
31. Орлов В. Конференция 1995 года по рассмотрению и продлению срока действия Договора о нераспространении ядерного оружия: особенности, результаты, уроки // Научные записки: научный журнал. 1999. № 11.
32. The Abolition 2000 Founding Statement // Abolition 2000. URL: <http://www.abolition2000.org/en/about/founding-statement/> (accessed: 02.05.2019).
33. History & Achievements // Middle Powers Initiative. URL: <http://www.middlepowers.org/history-achievements/> (accessed: 02.05.2019).
34. Резолюция A/RES/71/258. Продвижение вперед процесса многосторонних переговоров по ядерному разоружению, 2016 // Организация Объединенных Наций: офиц. сайт. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/71/258> (дата обращения: 27.02.2019).
35. Vote Name: Item 9, A/CONF.229/2017/L.3/Rev.1 Draft treaty on the prohibition of nuclear weapons // Reaching Critical Will. URL: <http://www.reachingcriticalwill.org/images/documents/Disarmament-fora/nuclear-weapon-ban/documents/voting-record.pdf> (accessed: 27.02.2019).
36. Ecuador, 29 March 2017, Nuclear weapon ban treaty // Reaching Critical Will. URL: http://www.reachingcriticalwill.org/images/documents/Disarmament-fora/nuclear-weapon-ban/statements/29March_Ecuador-T2.pdf (accessed: 08.02.2019).
37. Joint Press Statement from the Permanent Representatives to the United Nations of the United States, United Kingdom, and France Following the Adoption of a Treaty Banning Nuclear Weapons. July 7, 2017. New York City // United States Mission to the United Nations. URL: <https://usun.state.gov/remarks/7892> (accessed: 26.09.2017).
38. P5 Joint Statement on the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons // Gov.uk. URL: <https://www.gov.uk/government/news/p5-joint-statement-on-the-treaty-on-the-non-proliferation-of-nuclear-weapons> (accessed: 26.09.2017).
39. Statement by H.E. Mr. Fu Cong, on Behalf of the P5 States, at the General Debate in the Third Session of the Preparatory Committee for the 2020 NPT Review Conference (1 May 2019, New York) // PaperSmart. URL: <http://statements.unmeetings.org/media/21491982/china-behalfofthep5states-general-debate.pdf> (accessed: 26.09.2017).
40. Report of the Working Group to analyse the Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons // Eidgenössisches Departement für auswärtige Angelegenheiten EDA. https://www.eda.admin.ch/dam/eda/en/documents/aussenpolitik/sicherheitspolitik/2018-bericht-arbeitsgruppe-uno-TPNW_en.pdf (accessed: 30.06.2018).
41. Договор о нераспространении ядерного оружия, 1968 // Организация Объединенных Наций: офиц. сайт. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/npt.shtml (дата обращения: 08.02.2019).
42. Выступление директора Департамента по вопросам нераспространения и контроля над вооружениями МИД России, Представителя Российской Федерации в Первом комитете 72-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН М.И.Ульянова в рамках общеполитической дискуссии // Министерство иностранных дел Российской Федерации: офиц. Сайт. URL: http://www.mid.ru/web/guest/general_assembly/-asset_publisher/lrzZMhfoYUj/content/id/2887054 (дата обращения: 08.02.2019).
43. Review of the consequences for Norway of ratifying the Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons // Government.no. URL: https://www.regjeringen.no/en/dokumenter/review_tpnw/id2614520/#overall (accessed: 30.06.2018).
44. Peacebuilding Processes In The Global World // Website of KazISS. 2018. URL: <http://www.kisi.kz/uploads/33/files/ovSsoHVG.pdf> (accessed: 10.02.2019).
45. Выступление представителя российской делегации в Первом комитете 73-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН А.И. Белоусова по разделу ОМУ, Нью-Йорк, 24 октября 2018 года // Министерство иностранных дел Российской Федерации: офиц. сайт. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/3382883 (дата обращения: 08.02.2019).
46. Unlocking disarmament diplomacy through a “stepping stone” approach. Working paper submitted by Sweden // United Nations. Official website. URL: <https://undocs.org/NPT/CONF.2020/PC.III/WP.33> (accessed: 10.02.2019).
47. Operationalizing the Creating an Environment for Nuclear Disarmament (CEND) Initiative. Working paper submitted by the United States of America // United Nations. Official website. URL: https://s3.amazonaws.com/unoda-web/wp-content/uploads/2019/02/NPT_CONF.2020_PC.III_WP.43-WP.43-FINAL-US-Working-Paper_2019-PrepCom_CEND.pdf (accessed: 10.02.2019).
48. Предотвращение размещения оружия в космосе // Министерство иностранных дел Российской Федерации: офиц. сайт. URL: http://www.mid.ru/mnogostoronnij-razoruzenceskij-mehanizm-oon/-asset_publisher/8pTEicZSMOut/content/id/1127371 (дата обращения: 08.02.2019).
49. Выступление министра иностранных дел России С.В. Лаврова на Конференции по разоружению, Женева, 20 марта 2019 года // Постоянное Представительство Российской Федерации при ОБСЕ в Вене: офиц. сайт. URL: https://osce.mid.ru/ru_RU/-vystuplenie-ministra-inostrannyh-del-rossii-s-v-lavrova-na-konferencii-po-razoruzeniu-zeneva-20-marta-2019-goda?inheritRedirect=true (дата обращения: 08.06.2019).
50. Стефанович Д. Договор о запрещении ядерного оружия может расшатать ситуацию в Евразии // Евразия-эксперт. 22.09.2017. URL: <http://eurasia.expert/dogovor-o-zapreshchenii-yadernogo-oruzhiya-evrazii/> (дата обращения: 08.02.2019).

Ekaterina B. Mikhaylenko. Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: earslanova@urfu.ru

Nikita S. Degtyaryov. Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: 4csnikita@mail.ru

THE EVOLUTION OF THE PROHIBITION OF NUCLEAR WEAPONS IDEA IN THE CONTEXT OF THE NUCLEAR NON-PROLIFERATION REGIME

Key words: NPT, TPNW, nuclear non-proliferation regime, NWS, NNWS.

In July 2017, the text of the Treaty on the prohibition of nuclear weapons (TPNW) was agreed at the meeting of the UN General Assembly. It was supported by 122 States. It is more than half of the parties to the Treaty on The Non-Proliferation of Nuclear Weapons (NPT) 1968, which is considered the cornerstone of the international nuclear non-proliferation regime. Within the framework of this article, the task is to identify not so much the future of this Treaty, but to find out why this Treaty was the subject of discussion at the UN General Assembly, what problems it revealed within the framework of the nuclear non-proliferation regime? On the one hand, the TPNW became a compromise option for many non-nuclear countries, on the other hand, the emergence of the TPNW demonstrates the lack of consensus between NPT member-states. The authors of the study analyzed a large amount of data: reports of the Open-ended Working Groups to develop proposals to take forward multilateral nuclear disarmament negotiations for the achievement and maintenance of a world without nuclear weapons, the transcripts of the meetings of the UN Conference on the negotiating of the NPT, documents and reports from the meetings of the Preparatory Committee for NPT Review conference-2020, etc. The idea of the emergence of an international legal agreement on the prohibition of nuclear weapons appeared in 1995 when discussing options for extending operation of the NPT and it was the expression of discontent by a number of non-nuclear weapon states (NNWS) regarding the process of fulfillment of treaty obligations by nuclear weapon states (NWS). At the first stage, the idea of nuclear weapons prohibition was discussed mainly within the framework of the activities of international non-governmental organizations and various intergovernmental groups. In 2010, the NPT Review conference decided to include in the text of the final document an obligation for nuclear weapon states to accomplish the total elimination of their nuclear arsenals in accordance with article VI of the NPT. This was the starting point of legitimizing the negotiation process on the prohibition and elimination of nuclear weapons. From 2012 to 2016, several rounds of discussions were held within the UN General Assembly on the possibility of convening a Conference to discuss the text of the Convention on the prohibition of nuclear weapons. The International Campaign to Abolish Nuclear Weapons (ICAN), as well as the inclusion of issues on the humanitarian consequences of the use of nuclear weapons on the agenda of the NPT Review conference 2015, began to play an active role. In February 2017, the discussion of a legally binding document on the prohibition of nuclear weapons began. In July 2017, the text was approved, and 122 States voted for it. All nuclear-weapon states, NATO countries, and states with security cooperation agreement with the United States did not participate in the vote. The discussion and vote on the TPNW showed not only an obvious split among NPT member states, but also different interpretations of the implementation of article VI of the NPT. In analyzing the different positions of the TPNW supporters, we were able to identify the main groups of interests both within the NNWS and the possible positions of the NWS. From our point of view, the emergence of TPNW is not the final point in the multilateral negotiating process on nuclear disarmament. The nuclear-weapon states and their allies will have to seek consensual responses to the initiatives of the NNWS.

REFERENCES

1. UNO. (2017) *Dogovor o zapreshchenii yadernogo oruzhiya, 2017* [Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons, 2017]. [Online] Available from: <https://undocs.org/ru/A/CONF.229/2017/8> (Accessed: 2nd April 2019).
2. Carnegie Moscow Center. (2005) *Yadernoe sderzhivanie i nerasprostranenie* [Nuclear deterrence and non-proliferation]. [Online] Available from: https://carnegieendowment.org/files/9268Nuclear_Deterrence_and_Non-Proliferation.pdf (Accessed: 14th May 2019).
3. Arbatov, A. & Dvorkin, V. (eds) (2011) *Yadernaya perezagruzka: sokrashchenie i nerasprostranenie vooruzheniy* [Nuclear reboot: arms reduction and non-proliferation]. Moscow: Rosspen.
4. Kozin, V.P. (2017) *Perspektivy realizatsii Dogovora o zapreshchenii yadernogo oruzhiya* [Prospects for the implementation of the Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons]. [Online] Available from: <http://eurasian-defence.ru/?q=eksklyuziv/perspektivy-realizacii-dogovora> (Accessed: 5th May 2019).
5. Makhukova, A. (2016) *Rol' Gumanitarnoy initsiativy v obzornom protsesse DNYaO* [The role of the Humanitarian Initiative in the NPT review process]. [Online] Available from: <http://pircenter.org/media/content/files/13/14640880120.pdf> (Accessed: 10th May 2019).
6. Orlov, V. (1999) *Konferentsiya 1995 goda po rassmotreniyu i prodleniyu sroka deystviya Dogovora o nerasprostraneni yadernogo oruzhiya: osobennosti, rezul'taty, uroki* [Conference on the review and extension of the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons: features, results, lessons]. *Nauchnye zapiski: nauchnyy zhurnal*. 11. [Online] Available from: <http://pircenter.org/media/content/files/9/13464238930.pdf> (Accessed: 10th May 2019).
7. Mikhaylenko, E.B. & Mikhaylenko, V.I. (2017) Does the Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons undermine the non-proliferation regime? *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 3. Obshchestvennye nauki – Ural Federal University Journal. Ser. 3. Social and Political Sciences*. 12(4). pp. 100–111. (In Russian).
8. Stefanovich, D. (2017) *Zapret yadernogo oruzhiya i mezhdunarodnaya bezopasnost'* [The ban on nuclear weapons and international security]. [Online] Available from: <https://expert.ru/2017/09/19/zapret-yadernogo-oruzhiya-i-mezhdunarodnaya-bezopasnost/> (Accessed: 5th May 2019).
9. Murtashina, K.G. & Pashkova, T.V. (2019) The People's Republic of China and the Nuclear Weapons Prohibition Treaty. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 441. pp. 160–168. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/441/21
10. Mukhatzhanova, G. (2017) *The Nuclear Weapons Prohibition Treaty: Negotiations and Beyond*. [Online] Available from: <https://www.armscontrol.org/act/2017-09/features/nuclear-weapons-prohibition-treaty-negotiations-beyond> (Accessed: 5th May 2019).
11. Squassoni, Sh. (2017) A controversial ban and the long game to delegitimize nuclear weapons. *Bulletin of the Atomic Scientists*. 10th July. [Online] Available from: <https://thebulletin.org/2017/07/a-controversial-ban-and-the-long-game-to-delegitimize-nuclear-weapons/> (Accessed: 10th May 2019).
12. Perkovich, G. (2017) The Nuclear Ban Treaty: What Would Follow? *Carnegie Endowment for International Peace*. 31st May. [Online] Available from: <https://carnegieendowment.org/2017/05/31/nuclear-ban-treaty-what-would-follow-pub-70136> (Accessed: 10th May 2019).
13. KaziSpp. (2018) *Peacebuilding processes in the global world*. [Online] Available from: <http://www.kisi.kz/uploads/33/files/ovSsoHVG.pdf> (Accessed: 10th February 2019).
14. Acheson, R. (2017) Hit delete on the “right” to nuclear energy in new weapons ban. *Bulletin of the Atomic Scientists*. 30th June. [Online] Available from: <https://thebulletin.org/2017/06/hit-delete-on-the-right-to-nuclear-energy-in-new-weapons-ban/> (Accessed: 5th May 2019).
15. Kane, A. (2019) *Between aspiration and reality, Treaty on the prohibition of nuclear weapons, peace and security*. [Online] Available from: <http://library.fes.de/pdf-files/iez/15401.pdf> (Accessed: 10th May 2019).

16. Potter, W. (2010) *The NPT & The Sources of Nuclear Restraint*. [Online] Available from: https://www.jstor.org/stable/40544045?readnow=1&seq=1#page_scan_tab_contents (Accessed: 10th May 2019).
17. Jaramillo, C. (2015) NPT Review Conference: No outcome document better than a weak one. *Bulletin of the Atomic Scientists*. 3rd June [Online] Available from: <https://thebulletin.org/2015/06/npt-review-conference-no-outcome-document-better-than-a-weak-one/> (Accessed: 10th May 2019).
18. Sauer, T. (2011) *The Emerging Powers and the Nuclear Non-Proliferation and Disarmament Regime*. [Online] Available from: <http://aei.pitt.edu/33466/1/SPB27-Sauer.pdf> (Accessed: 10th May 2019).
19. Borrie, J., Spies, M. & Wan, W. (2018) Obstacles to understanding the emergence and significance of the treaty on the prohibition of nuclear weapons. *Global Change, Peace and Security*. 30. pp. 95–119. DOI: 10.1080/14781158.2018.1467394
20. UNO. (2013) *Doklad Rabochey gruppy otkrytogo sostava dlya razrabotki predlozheniy po prodvizheniyu vpered protsessa mnogostoronnikh peregovorov po yadernomu razoruzheniyu v tselyakh postroeniya i sokhraneniya mira, svobodnogo ot yadernogo oruzhiya, 2013* [Report of the Open Working Group to develop proposals for advancing the multilateral negotiations on nuclear disarmament in order to build and maintain a world free of nuclear weapons, 2013]. [Online] Available from: <http://www.undocs.org/ru/A/68/514> (Accessed: 26th February 2019).
21. UNO. (2016) *Doklad Rabochey gruppy otkrytogo sostava po prodvizheniyu vpered protsessa mnogostoronnikh peregovorov po yadernomu razoruzheniyu, 2016* [Report of the Open Working Group on advancing the multilateral negotiation process on nuclear disarmament, 2016]. [Online] Available from: <https://undocs.org/ru/A/71/371> (Accessed: 27th February 2019).
22. UNO. (n.d.) *Sistema ofitsial'noy dokumentatsii* [The system of official documentation]. [Online] Available from: <https://documents.un.org/prod/ods.nsf/home.xsp> (Accessed: 26th April 2019).
23. UNO. (2000) *Zaklyuchitel'nyy dokument NPT/CONF.2000/28 (Parts I and II). Konferentsiya 2000 goda uchastnikov Dogovora o nerasprostraneni yadernogo oruzhiya po rassmotreniyu deystviya Dogovora, 2000* [Final document NPT / CONF.2000 / 28 (Parts I and II). 2000 Conference of the Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons to Review the Treaty, 2000]. [Online] Available from: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N00/453/66/PDF/N0045366.pdf?OpenElement> (Accessed: 2nd April 2019).
24. UNO. (2010) *Zaklyuchitel'nyy dokument NPT/CONF.2010/50 (Vol.I). Konferentsiya 2010 goda uchastnikov Dogovora o nerasprostraneni yadernogo oruzhiya po rassmotreniyu deystviya Dogovora, 2010* [Final document NPT / CONF.2010 / 50 (Vol.I). 2010 Conference of the Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons to Review the Treaty, 2010]. [Online] Available from: [https://undocs.org/ru/NPT/CONF.2010/50\(VOL.I\)](https://undocs.org/ru/NPT/CONF.2010/50(VOL.I)) (Accessed: 14th February 2019).
25. UNO. (2015) *Zaklyuchitel'nyy dokument NPT/CONF.2015/50 (Part I). Konferentsiya 2015 goda uchastnikov Dogovora o nerasprostraneni yadernogo oruzhiya po rassmotreniyu deystviya Dogovora, 2015* [Final document NPT / CONF.2015 / 50 (Part I). 2015 Conference of the Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons to Review the Treaty, 2015]. [Online] Available from: <https://undocs.org/ru/NPT/CONF.2015/50%28PartI%29> (Accessed: 2nd April 2019).
26. Reaching Critical Will. (n.d.) *Statements*. [Online] Available from: http://www.reachingcriticalwill.org/documents/statements?toolbar_year=0&toolbar_forum=12&toolbar_country=0&toolbar_topic=0 (Accessed: 2nd April 2019).
27. UNO. (2018) *2018 Preparatory Committee for the 2020 Nuclear Non-Proliferation Treaty Review Conference, April 23 – May 4, 2018 in Geneva*. [Online] Available from: <https://www.un.org/disarmament/wmd/nuclear/npt2020/prepcom2018/> (Accessed: 2nd April 2019).
28. UNO. (2019) *Preparatory Committee for the 2020 Nuclear Non-Proliferation Treaty Review Conference, April 29 – May 10, 2018 in New York*. [Online] Available from: <https://www.un.org/disarmament/wmd/nuclear/npt2020/prepcom2019/> (Accessed: 2nd April 2019).
29. UNO. (1995) *Zaklyuchitel'nyy dokument NPT/CONF.1995/32 (Part I). Konferentsiya 1995 goda uchastnikov Dogovora o nerasprostraneni yadernogo oruzhiya po rassmotreniyu i prodleniyu deystviya Dogovora, 1995* [Final document NPT / CONF.1995 / 32 (Part I). 1995 Conference of the Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons on the Review and Extension of the Treaty, 1995]. [Online] Available from: [https://undocs.org/pdf?symbol=ru/NPT/CONF.1995/32\(PartI\)](https://undocs.org/pdf?symbol=ru/NPT/CONF.1995/32(PartI)) (Accessed: 2nd May 2019).
30. Dhanapala, J. & Rauf, T. (2017) *Reflections on the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons*. SIPRI. pp. 26–29.
31. Orlov, V. (1999) Konferentsiya 1995 goda po rassmotreniyu i prodleniyu sroka deystviya Dogovora o nerasprostraneni yadernogo oruzhiya: osobennosti, rezul'taty, uroki [The 1995 Conference on the review and extension of the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons: features, results, lessons]. *Nauchnye zapiski: nauchnyy zhurnal*. 11.
32. Abolition.org. (2000) *The Abolition 2000 Founding Statement*. [Online] Available from: <http://www.abolition2000.org/en/about/founding-statement/> (Accessed: 2nd May 2019).
33. Middle Powers Initiative. (n.d.) *History & Achievements*. [Online] Available from: <http://www.middlepowers.org/history-achievements/> (Accessed: 2nd May 2019).
34. UNO. (2016) *Rezolyutsiya A/RES/71/258. Prodvizhenie vpered protsessa mnogostoronnikh peregovorov po yadernomu razoruzheniyu, 2016* [Resolution A / RES / 71/258. Moving forward the multilateral nuclear disarmament negotiations process, 2016]. [Online] Available from: <https://undocs.org/ru/A/RES/71/258> (Accessed: 27th February 2019).
35. Reaching Critical Will. (n.d.) *Vote Name: Item 9, A/CONF.229/2017/L.3/Rev.1 Draft treaty on the prohibition of nuclear weapons*. [Online] Available from: <http://www.reachingcriticalwill.org/images/documents/Disarmament-fora/nuclear-weapon-ban/documents/voting-record.pdf> (Accessed: 27th February 2019).
36. Reaching Critical Will. (2017) *Ecuador, 29 March 2017, Nuclear Weapon Ban Treaty*. [Online] Available from: http://www.reachingcriticalwill.org/images/documents/Disarmament-fora/nuclear-weapon-ban/statements/29March_Ecuador-T2.pdf (Accessed: 8th February 2019).
37. United States Mission to the United Nations. (2017) *Joint Press Statement from the Permanent Representatives to the United Nations of the United States, United Kingdom, and France Following the Adoption of a Treaty Banning Nuclear Weapons. July 7, 2017. New York City*. [Online] Available from: <https://usun.state.gov/remarks/7892> (Accessed: 26th September 2017).
38. UK. (n.d.) *P5 Joint Statement on the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons*. [Online] Available from: <https://www.gov.uk/government/news/p5-joint-statement-on-the-treaty-on-the-non-proliferation-of-nuclear-weapons> (Accessed: 26th September 2017).
39. Statements.unmeetings.org. (2019) *Statement by H.E. Mr. Fu Cong, on Behalf of the P5 States, at the General Debate in the Third Session of the Preparatory Committee for the 2020 NPT Review Conference (1 May 2019, New York)*. [Online] Available from <http://statements.unmeetings.org/media/2/21491982/china-behalfofthep5states-general-debate.pdf> (Accessed: 26th September 2017).
40. Eidgenössisches Departement für auswärtige Angelegenheiten EDA. (2018) Report of the Working Group to analyse the Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons. [Online] Available from: https://www.eda.admin.ch/dam/eda/en/documents/aussenpolitik/sicherheitspolitik/2018-berichts-arbeitsgruppe-uno-TPNW_en.pdf (Accessed: 30th June 2018).
41. UNO. (1968) *Dogovor o nerasprostraneni yadernogo oruzhiya, 1968* [Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons, 1968]. [Online] Available from: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/npt.shtml (Accessed: 8th February 2019).
42. Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. (n.d.) *Vystuplenie direktora Departamenta po voprosam nerasprostraneniya i kontrolya nad vooruzheniyami MID Rossii, Predstavitelya Rossiyskoy Federatsii v Pervom komitete 72-y sessii General'noy Assamblei OON M.I.Ulyanova v ramkakh obshchepoliticheskoy diskussii* [Speech by Director of the Department for Non-Proliferation and Arms Control of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Representative of the Russian Federation in the First Committee of the 72nd Session of the UN General Assembly, M.I. Ulyanov, as part of a general political discussion]. [Online] Available from: http://www.mid.ru/web/guest/general_assembly/-/asset_publisher/lrzZMhfoYRUj/content/id/2887054 (Accessed: 8th February 2019).

43. Norway (n.d.) *Review of the consequences for Norway of ratifying the Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons*. [Online] Available from: https://www.regjeringen.no/en/dokumenter/review_tpnw/id2614520/#overall (Accessed: 30th June 2018).
44. KaziSpp. (2018) *Peacebuilding Processes In The Global World*. [Online] Available from: <http://www.kisi.kz/uploads/33/files/ovSsoHVG.pdf> (Accessed: 10th February 2019).
45. Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. (2018) *Vystuplenie predstavatelya rossiyskoy delegatsii v Pervom komitete 73-y sessii General'noy Assamblei OON A.I. Belousova po razdelu OMU, N'yu-York, 24 oktyabrya 2018 goda* [Speech by the representative of the Russian delegation to the First Committee of the 73rd session of the UN General Assembly A.I. Belousova on the section of WMD, New York, October 24, 2018]. [Online] Available from: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/3382883 (Accessed: 08.02.2019).
46. UNO. (n.d.) *Unlocking disarmament diplomacy through a "stepping stone" approach. Working paper submitted by Sweden*. [Online] Available from: <https://undocs.org/NPT/CONF.2020/PC.III/WP.33> (Accessed: 10th February 2019).
47. UNO. (n.d.) *Operationalizing the Creating an Environment for Nuclear Disarmament (CEND) Initiative. Working paper submitted by the United States of America*. [Online] Available from: https://s3.amazonaws.com/unoda-web/wp-content/uploads/2019/02/NPT_CONF.2020_PC.III_WP.43-WP.43-FINAL-US-Working-Paper_2019-PrepCom_CEND.pdf (Accessed: 10th February 2019).
48. Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. (n.d.) *Predotvrashchenie razmeshcheniya oruzhiya v kosmose* [Prevention of the placement of weapons in space]. [Online] Available from: http://www.mid.ru/mnogostoronnij-razoruzenceskij-mehanizm-oon/-/asset_publisher/8pTEicZSMOut/content/id/1127371 (Accessed: 08.02.2019).
49. Permanent Mission of the Russian Federation to the OSCE in Vienna. (2019) *Vystuplenie Ministra inostrannykh del Rossii pp.V. Lavrova na Konferentsii po razoruzheniyu, Zheneva, 20 marta 2019 goda* [Speech of the Minister of Foreign Affairs of Russia Sergey V. Lavrov at the Conference on Disarmament, Geneva, March 20, 2019]. [Online] Available from: https://osce.mid.ru/ru_RU/-/vystuplenie-ministra-inostrannyh-del-rossii-s-v-lavrova-na-konferencii-po-razoruzeniu-zeneva-20-marta-2019-goda?inheritRedirect=true (Accessed: 8th June 2019).
50. Stefanovich, D. (2017) *Dogovor o zapreshchenii yadernogo oruzhiya mozhet rasshatat' situatsiyu v Evrazii* [The agreement on the prohibition of nuclear weapons can undermine the situation in Eurasia]. *Evraziya-ekspert*. 22nd September. [Online] Available from: <http://eurasia.expert/dogovor-o-zapreshchenii-yadernogo-oruzhiya-evrazii/> (Accessed: 8th February 2019).

УДК 322+323+94 (574)
DOI: 10.17223/19988613/62/15

В.А. Овчинников

КАЗАХСТАНСКАЯ МОДЕЛЬ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОГО СОГЛАСИЯ

Изложены результаты исследования общих тенденций и особенностей создания и функционирования модели этноконфессионального согласия в Казахстане. Источниковую базу исследования составил комплекс опубликованных «открытых» источников: нормативно-правовых актов, программных и распорядительных документов, документов делопроизводства, методических рекомендаций органов государственной власти и религиозных организаций, статистических отчетов, материалов светской и церковной периодической печати. Разработка особой модели была обусловлена угрозой социополитической стабильности, резким изменением этнорелигиозной структуры населения в постсоветское время, многонациональным и многоконфессиональным характером государства. Изменения в политической жизни государства, происходящие в 2019 г., станут серьезной проверкой модели на жизнеспособность и эффективность.

Ключевые слова: этноконфессиональное согласие; модель; поликонфессиональность; Казахстан; ислам; Русская православная церковь.

После распада СССР в Казахстане, как и в большинстве бывших союзных республик, усилился интерес граждан к религии. Культурно-духовная жизнь и общественно-политические процессы базировались не только на отрицании всего, связанного с Советским Союзом и коммунистической идеологией, но и на негативном отношении ко «всему русскому».

На этапе становления нового государства произошло существенное изменение этнической структуры населения. С 1989 по 2018 г. доля этнических казахов, проживающих на территории республики, возросла с менее 40 до почти 70%. При этом общая численность населения увеличилась с 16,5 до 18 млн человек, а русское население сократилось с 6 227 тыс. человек в 1989 г. до 3 588 тыс. человек на 1 апреля 2018 г. По приблизительным данным, с 1989 по 2003 г. около 1,3 млн русских переехали из Казахстана в Российскую Федерацию [1].

Перед новым независимым государством остро стояли задачи укрепления национального и духовного единства граждан, недопущения «политизации религии» в процессе возрождения ислама. Методом проб и ошибок у государства и общества формировалось представление о модели государственно-конфессиональных отношений, о механизмах поддержки возрождения ислама и религиозных традиций при сохранении курса на коренные общественно-политические преобразования и строительство светского современного государства.

Президент Н.А. Назарбаев рассматривал усиление роли религии и поликонфессиональность общества как положительный фактор для укрепления единства многонационального государства. Он взял курс на создание «системы диалога конфессий» для сохранения межконфессионального согласия в Казахстане и вывода религии за границы локальной и глобальной «политической игры» [2. С. 163, 215; 3. С. 212].

В конце XX в. ислам в регионе возродился и на его основе во многих государствах были сделаны попытки сформировать новую культурно-ценностную систему. При этом мусульманские общины Центральной Азии стали развиваться и налаживать связи вне государственного контроля и границ. Процесс либерализации религиозной сферы жизни привел к росту адептов как радикальных течений ислама, так и нетрадиционных для Казахстана религий [4. С. 8; 5. С. 8; 6].

В зоне особого риска оказалась молодежь 14–29 лет, которая в Казахстане составляет почти треть от общей численности населения. Доля религиозной настроенной молодежи с 2003 по 2015 г. выросла с 38,7 до 74%. Духовные поиски молодых людей, их интерес к религии использовали многочисленные «нетрадиционные» религиозные организации, которые появились в республике. Согласно опросам, каждый десятый религиозно настроенный человек был готов защищать интересы своей религиозно-этнической группы с оружием в руках. «Ослабленность» традиционных религиозных конфессий, низкая правовая и религиозная грамотность молодежи, высокий уровень агитационной активности и финансовой поддержки «нетрадиционных» религиозных организаций в совокупности с развитием информационных технологий являлись факторами, которые способствовали развитию «нетрадиционных» религиозных течений в Казахстане» [7].

Новое законодательство Республики Казахстан (далее – РК) в религиозной сфере было либеральным и несовершенно. Устанавливалось равенство всех религий, был провозглашен принцип невмешательства государства в дела религиозных объединений. Деятельность религиозных объединений регламентировалась Конституцией, Гражданским кодексом и Законом Республики Казахстан 1992 г. «О свободе исповедания и религиозных объединений» (утратил силу в соответствии с законом РК от 11.10.2011 № 483-IV), а также рядом нормативных актов [8–10].

Несовершенство законодательства, отсутствие механизмов контроля государства на стадии построения новой модели межконфессионального согласия привели к нерегулируемому росту верующих и религиозных объединений, получавших поддержку из-за рубежа, притоку иностранных миссионеров и создали основу для вовлечения граждан, особенно молодежи, в деструктивные религиозные движения. Комитет национальной безопасности отмечал увеличение числа иностранных религиозных миссий, посещающих республику с целью распространения «новых» религиозных учений, что создавало предпосылки для конфликтов на религиозной и этнической почве [11]. В Казахстане начали открываться неофициальные духовные учебные заведения. Только в Жамбыльской и Южно-Казахстанской областях действовало свыше 20 таких заведений, не имеющих лицензии на образовательную деятельность.

Не помогло взять ситуацию под контроль и образование в январе 1990 г. Духовного управления мусульман Казахстана (далее – ДУМК), которое возглавил муфтий Ратбек-кажи Нысанбайулы, а с июня 2000 г. – Абсаттар-кажи Дербисали (ныне директор Института востоковедения Комитета науки Министерства образования и науки РК). Официальные исследователи оценивают ДУМК как институт, занимающийся государственно-исламскими отношениями, межрелигиозным диалогом, международными связями мусульманской общины, который наряду с традиционными формами начал «формирование новообразований» в мусульманской среде: женских, молодежных и других общественно-политических, благотворительных неправительственных организаций [12. С. 10]. Но при этом с момента создания ДУМК подвергается резкой критике со стороны различных представителей мусульманских общин: от обвинений в полном контроле и подчинении государству до пособничества в распространении радикальных идей.

Мусульманская община Республики Казахстан неоднородна, и принадлежность разных этнических групп к одной конфессии не привела к нейтрализации межэтнических противоречий. Помимо казахов, мусульманскую общину представляют еще 17 этнических групп: узбеки, татары, уйгуры, таджики, курды, дунгане, чеченцы, ингуши и др. Противоречия между ними приводили к открытым столкновениям не только в конце XX в. За 2003–2006 гг. почти вдвое возросло количество бытовых конфликтов на религиозной почве [2. С. 275].

На этом фоне выделялось отсутствие открытых конфликтов казахов с представителями славянских народов и немцами. В этой ситуации государственная власть понимала, что ей необходимо заручиться поддержкой традиционных христианских религиозных организаций. В первую очередь, обеспечить лояльность русского населения, а также замедлить миграцию русских из Казахстана. Это должно было стать основой для построения устойчивой модели межконфессио-

нального и межнационального согласия. Как правило, казахи являлись представителями мусульманской общины, русские – православной, немцы, в основном, являются адептами протестантских общин, а также католической церкви, как поляки и литовцы.

С первых лет создания нового государства президентом Н.А. Назарбаевым был взят курс на построение модели этноконфессионального согласия. Было провозглашено равенство всех этносов, возрождение и развитие их языков и культуры. Особой чертой казахстанской модели этноконфессионального согласия стала система постоянного взаимодействия светского государства и религиозных организаций по всем важным вопросам общественно-политического развития. Функционирование модели этноконфессионального согласия Республики Казахстан регулируется Конституцией и рядом правовых актов, в которых предоставляются равные права всем религиозным объединениям и отмечается независимость государства и религиозных организаций в рамках правового поля.

С 1993 г. в Казахстане началась последовательная работа по совершенствованию нормативно-правовой основы и созданию структур, обеспечивающих взаимодействие государства и религиозных организаций. В 1993 г. по инициативе президента Н.А. Назарбаева в Конституцию было внесено положение, предусматривающее запрет деятельности общественных и религиозных организаций, провозглашающих или на практике реализующих религиозную нетерпимость. Это положение было закреплено и в ст. 53 Конституции 1995 г. [8–10]. Новые положения, регламентирующие деятельность миссионеров, зарубежных руководителей религиозных объединений и духовных учебных заведений, были внесены в Гражданский кодекс [13].

В 1995 г. для совершенствования реализации государственной национальной политики был создан консультативно-совещательный орган при президенте Казахстана – Ассамблея народов Казахстана (с 2007 г. Ассамблея народа Казахстана). С 1996 г. в стране начал функционировать Совет по делам религии при президенте. Вопросы координации связей с религиозными организациями стали решаться в рамках Министерства информации и общественного согласия. Государство усилило поддержку официальных мусульманских религиозных объединений [14].

Но отсутствие контроля над процессом религиозного возрождения, угроза развития политико-религиозных течений подтолкнули государство к усилению контроля над религиозной сферой. Указ президента Казахстана «О мерах по предупреждению и пресечению проявлений терроризма и экстремизма» (от 10 февраля 2000 г.) был направлен против радикализации религиозного сознания граждан, подрыва межэтнического и межконфессионального согласия [15]. Поводом для этих мер послужили отчасти теракты в г. Ташкенте 16 февраля 1999 г., целью которых являлись правительственные объекты.

В 2003–2005 гг. государственная власть предприняла ряд знаковых мер, к которым относится и утверждение на законодательном уровне в качестве выходных дней в 2005 г. первого дня Курбан айта, отмечаемого по мусульманскому календарю, и Православного Рождества (7 января). В июне 2005 г. в г. Астане были проведены торжественные мероприятия, посвященные 150-летию юбилею со дня открытия и освящения Константино-Еленинского кафедрального собора.

На этом этапе в Казахстане окончательно сложилось понимание того, как должна выглядеть модель этноконфессионального согласия. Президент Казахстана заявил, что в центре сложной модели межрелигиозной конфигурации «находятся наиболее крупные религии Казахстана – ислам и православие, которые в своем взаимодействии и обеспечивают, по существу, межрелигиозную стабильность в стране» [13. С. 268]. При посещении 7 января 2012 г. Свято-Успенского собора в г. Астане он сказал: «Как птица не может летать с одним крылом, так и государство не может двигаться с одним крылом. Оба крыла – ислам и православие – основные религиозные конфессии в нашей стране. Все мы люди, единые на этой Земле, но мы разные по языку, внешнему виду и религии. Но великое терпение всегда является основой для мирной жизни». В основу государственного устройства страны был положен принцип «формирования идентичности на базе гражданства, а не этнических и религиозных признаков» [16. С. 26].

Государство, заручившись поддержкой традиционных конфессий, стало ускоренно внедрять в жизнь модель этноконфессионального согласия. Об этой модели неоднократно в своих выступлениях заявлял президент и представители государственной власти, характеризуя ее как признанную во всем мире и известную как «Казахстанский путь», или «Казахстанская модель». Н. Назарбаев отмечал, что ее успех обусловлен особенностями истории Казахстана и его народа, а развитие межконфессионального согласия основано на процессах многовекового взаимопроникновения различных культурно-цивилизационных типов на этой территории [17].

Русской православной церкви (далее – РПЦ) в Казахстане было отведено особое место в создаваемой модели этноконфессионального согласия. Православная церковь имеет на территории Казахстана двухвековой опыт работы и получила организационное оформление еще в второй половине XIX в.: в 1871 г. была учреждена Туркестанская епархия. Несмотря на гонения в советский период, в 1945 г. была образована Алма-Атинская и Казахстанская епархия, которую возглавил митрополит Николай (Могилевский). С этого времени начался постоянный рост количества приходов РПЦ на территории Казахстана. Если в 1956 г. в Казахстане функционировало 55 приходов, то в начале 1999 г. – 212 приходов и 8 монастырей. И это несмотря на значительную миграцию русского населения.

С первых лет строительства независимого государства президент Казахстана сделал ряд важных шагов, обозначивших роль, место Русской православной церкви и отношение к ней государственной власти. В 1995 г. церкви был передан Вознесенский кафедральный собор в г. Алматы, являющийся памятником архитектуры. Начался процесс передачи храмов православным общинам в других городах республики. Казахстан принял участие в строительстве собора Христа Спасителя в Москве, подарив гранит Кордайского месторождения для отделки стен.

Для улучшения церковной работы в 1991 г. из бывшей единственной на территории Казахстана Алма-Атинской епархии были выделены самостоятельные Уральская и Чимкентская епархии. В 2003 г. по решению Синода был образован Митрополичий округ с центром в г. Астане, объединивший три епархии (Астанайскую, Уральскую, Чимкентскую) на территории Казахстана.

2010-й год – очередная веха в укреплении позиций РПЦ в Казахстане. Синод определил новый статус Казахстанской митрополии как нового канонического подразделения РПЦ, наделенного значительными правами самостоятельности – Митрополичьего округа в Республике Казахстан (Православной церкви Казахстана). До октября 2010 г. Митрополичий округ включал в себя три епархии с центрами в городах Астане, Чимкенте и Уральске. В 2010–2011 гг. были созданы шесть новых епархий, а с 2011 г. в состав Митрополичьего округа входят девять епархий: Астанайская, Карагандинская, Кокшетауская, Костанайская, Павлодарская, Петропавловско-Булаевская, Уральская, Усть-Каменогорская, Чимкентская. По итогам перерегистрации, по состоянию на 25.10.2012, в Казахстане действовало 271 религиозное объединение Русской православной церкви, включая республиканское религиозное объединение – Митрополичий округ, а также 9 епархий и 261 приход. Наибольшее количество православных общин зарегистрировано в Алматинской, Восточно-Казахстанской, Северо-Казахстанской, Костанайской, Карагандинской и Акмолинской областях.

5 марта 2010 г. митрополитом Астанайским и Алма-Атинским и главой округа был назначен архиепископ Александр (Могилёв). Митрополит Александр прошел долгий путь служения в РПЦ. В 1990 г. окончил Московскую духовную академию со степенью кандидата богословия. Иерарх умело представлял интересы церкви в органах государственной власти и общественных объединениях и, что чрезвычайно важно, в сложных ситуациях находил общий язык и работал сообща как с государственными чиновниками, так и с представителями различных общественных сил, религиозных организаций, национальных объединений. 28 июня 2010 г. он был возведен в сан митрополита. 20 октября 2010 г. вошел в состав Совета Ассамблеи народа Казахстана. 26 июля 2011 г. введен в состав Комиссии по правам человека при Президенте РК. Решением Синода от 5–

6 октября 2011 г. был назначен постоянным членом Синода РПЦ. Наряду с многочисленными церковными и российскими орденами, заслуги митрополита Александра отмечены государственными наградами Казахстана: 2012 г. – орден Почета (Республика Казахстан); 2015 г. – медаль «20-летие Ассамблеи народа Казахстана»; 2017 г. – орден «Парасат» («Благородство») [18].

На протяжении 2000–2018 гг. Православная церковь Казахстана неизменно позиционировала себя как надежного партнера государства. Церковь стала незаменимым элементом действующей модели государственно-конфессиональных отношений РК, участвовала в обсуждениях и акциях поддержки новых реформ [19].

Патриархи Алексей и Кирилл лично взаимодействовали с президентом Казахстана и принимали участие в решении всех существенных проблем церкви в Казахстане. Патриарх Кирилл постоянно подчеркивает особую роль президента Казахстана в поддержании мира в казахском обществе и на постсоветском пространстве в целом, выдающийся личный вклад в развитие отношений с Россией. Во время визитов патриарха в Казахстан традиционной составляющей официальных мероприятий стали его встречи с президентом Н. Назарбаевым. 21 декабря 2015 г. в Москве патриарх Кирилл наградил президента Н.А. Назарбаева орденом Сергия Радонежского I степени за развитие отношений между Казахстаном и РПЦ и в связи с 75-летием со дня рождения [20, 21].

Президент Казахстана выработал особый механизм взаимодействия с РПЦ. Ни один религиозный и исторический праздник или крупное событие в жизни РПЦ не были обделены вниманием Н.А. Назарбаева. Так, в его приветствии участникам Архиерейского собора РПЦ 2017 г., посвященного 100-летию восстановления патриаршества и 100-летию Поместного собора 1917–1918 гг., отмечалось: «Православное христианство в истории суверенной Республики Казахстан занимает важное место и вносит значительный вклад в укрепление межконфессионального мира и межэтнического согласия в обществе. Уверен, что решения, принятые архипастырями Русской православной церкви, послужат утверждению мира и гражданского согласия, поддержанию добрых отношений с государствами и народами, связанными общей историей и культурой» [21].

К 2017 г. Митрополичий округ РПЦ в РК состоял из 9 епархий, 355 приходов, в которых служили около 700 священнослужителей и 11 архиереев. Духовная семинария была открыта в 2010 г. на базе созданного в 1991 г. епархиального духовного училища в г. Алматы. В Астанайской и Алма-Атинской епархии действовало 2 женских монастыря (Иверско-Серафимовский монастырь в г. Алматы, монастырь в честь иконы Божьей Матери «Взыскание погибших» в г. Астане) и 2 мужские пустыни (в городах Каскелен и Иссык Алма-Атинской области).

Православная церковь Казахстана стала неотъемлемой и важной частью организационной основы казахстанской модели этноконфессионального согласия. Это

положение церкви позволило ей стать одной из точек развития Республики Казахстан.

Результаты исследования подтверждают и уточняют следующие положения, сформулированные при оценке разных аспектов изучаемой проблемы политиками, религиозными деятелями, учеными-политологами, религиоведами, социологами, историками:

1. Положение РПЦ в Казахстане напрямую зависит от отношения правящих элит, которое выражается посредством государственной конфессиональной политики.

2. Отношение правящих элит к РПЦ в значительной степени зависит от внутреннего состояния государств и степени влияния на его стабильность религиозного и национального факторов.

3. На отношение правящих элит к РПЦ и механизмы реализации государственной конфессиональной политики во многом влияет степень развития и напряженности межгосударственных отношений между Казахстаном и Россией, а также позиция Президента и Правительства РФ по отношению к структурам РПЦ в Казахстане.

4. На положение РПЦ существенно влияет отношение представителей «титульной нации» и основных религиозных конфессий.

5. РПЦ в Казахстане в основном опирается на русское население, представители которого составляют большую часть исповедующих православие и адептов РПЦ.

6. РПЦ в Казахстане является инструментом поддержки русского населения, распространения русской культуры и языка, так называемым русским фактором влияния, из-за чего пользуется неизменной поддержкой со стороны руководства Российской Федерации.

7. Казахстан является светским государством, рассматривающим межконфессиональное и межэтническое согласие как необходимое условие целостности и развития государства. Государственная политика направлена на поддержку мирного взаимодействия представителей различных национальностей и религиозных конфессий, что благотворно отражается на положении РПЦ в Казахстане.

8. Руководство Казахстана успешно пытается использовать РПЦ во внутренней политике как инструмент модернизации действующей модели межэтнического и межконфессионального согласия в государстве, а также во внешней политике как одну из точек укрепления добрососедских отношений с Россией.

9. Существует большая вероятность ограничения прав русского населения и изменения отношения к РПЦ со стороны правящих элит в случае победы оппозиционных партий, чья идеология основана на «казахской национальной идее» (или идее «этнокультурного национализма»).

Несмотря на последовательное построение светского государства, в Казахстане в 2000–2010 гг. наблюдался рост как традиционных, так и новых для региона религиозных организаций. Например, количество зарегистрированных исламских объединений с 1991 по 2013 г.

увеличилось с 68 до 2 756, а за этот же период количество объединений РПЦ выросло с 87 до 303. На фоне роста количества исламских и православных объединений из-за изменения миграционных процессов и религиозного законодательства значительно сократилось количество лютеранских и баптистских объединений [22]. Их место начали занимать различные «нетрадиционные» деноминации, или «секты», отношение к которым у населения было достаточно противоречивым.

Протестные события 2011 г. в Казахстане показали необходимость модернизации механизма регулирования религиозной сферы. Государство пошло на усиление контроля за религиозной сферой, развитие этноконфессионального взаимодействия для объединения усилий по достижению общенациональной цели. Это привело к росту количества религиозных объединений и изменению религиозной структуры. Если на 1 января 2004 г. в Казахстане действовало 3 157 религиозных объединений, то в 2011 г. – уже 4 551 религиозное объединение. Стремительный рост религиозных объединений в основном был обеспечен развитием мусульманских общин. За 1991–2013 гг. количество мусульманских объединений возросло более чем в 40 раз, православных – только в 3,5 раза. Если в начале 2000-х гг. в Казахстане действовало только 1 652, то в ноябре 2015 г. уже 2 482 мусульманских культовых сооружения [23. С. 11; 24. С. 234; 25; 26].

Одновременно произошел рост структур Русской православной церкви: в начале 1999 г. – 212 приходов и 8 монастырей, в ноябре 2015 г. – 320 религиозных субъектов, 289 культовых сооружений. Кроме Русской православной церкви, в Казахстане действовали Армянская апостольская церковь, Православная церковь за рубежом, четыре церкви старообрядческого направления [23. С. 15].

На территории Казахстана активно развивались и иные христианские церкви. Римская католическая церковь с центром в г. Караганде укрепила свои позиции после открытия в 1998 г. духовной семинарии, визита в республику в сентябре 2001 г. Папы Римского и создания в мае 2003 г. католической митрополии на территории Казахстана. Деятельность протестантских конфессий развивалась более медленными темпами в связи с массовым отъездом в Германию этнических немцев. Эту нишу успешно заняли пресвитерианские церкви, созданные иностранными миссионерами при поддержке из-за рубежа. Так, до принятия Закона «О религиозной деятельности и религиозных объединениях» (2011 г.) в республике действовало 229 таких религиозных объединений, после его принятия в 2015 г. – 107.

К моменту принятия нового закона в 2011 г. в Казахстане было зарегистрировано 32 конфессии и более 20 деноминаций. Всего они составляли 4 430 религиозных объединений и групп, 3 839 из которых были зарегистрированы как юридические лица или филиалы. Все эти религиозные объединения владели и пользовались 3 369 культовыми сооружениями. Самыми много-

численными были исламские конфессии и деноминации (2 756) с 2 416 культовыми сооружениями. Из них суннитские организации составляли абсолютное большинство – 2 740 с 2 408 культовыми сооружениями. Второй по количественным показателям была Русская православная церковь: 291 организация, зарегистрированная как юридическое лицо, и 261 культовое сооружение. Остальные церкви православного толка не могли составить ей конкуренции: Армянская апостольская церковь (1 организация), Православная церковь за рубежом (2 организации, 1 культовое сооружение), 4 церкви старообрядческого направления (9 организаций, 7 культовых сооружений). Римская католическая церковь была представлена 82 юридическими лицами и 86 культовыми сооружениями.

После принятия Закона 2011 г. «О религиозной деятельности и религиозных объединениях» в течение 2012 г. количество религиозных объединений сократилось до 3 088, представляющих всего 17 конфессий. Из 666 протестантских религиозных объединений прошли перерегистрацию всего 462, а 204 подали на ликвидацию. Из 48 «нетрадиционных объединений» перерегистрировались только 16, а 32 были ликвидированы.

После изменения законодательства Комитет по делам религий Министерства культуры и спорта Республики Казахстан развернул масштабную профилактическую работу с молодежью. Для государственных служащих также были разработаны методическое пособие и образовательные программы [27].

В течение нескольких месяцев произошли изменения в управлении религиозной сферой. Комитет по делам религий при Министерстве культуры и спорта Казахстана был упразднен, и его функции и полномочия перешли образованному 18 мая 2011 г. Агентству Республики Казахстан по делам религий, которое стало центральным исполнительным органом, осуществляющим государственное руководство в сфере обеспечения межконфессионального согласия, прав граждан на свободу вероисповедания и взаимодействия с религиозными объединениями.

В Законе 2011 г. «О религиозной деятельности и религиозных объединениях» признавалась историческая роль не только ислама ханафитского направления, но и православного христианства в развитии культуры и духовной жизни народа. Закон подтвердил, что в Казахстане никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной и обязательной, а система образования носит светский характер и отделена от религии и религиозных объединений [28].

В процессе усиления роли государства в регулировании религиозной деятельности и в рамках внедрения модели этноконфессионального согласия была сформирована новая правовая база, проведена перерегистрация религиозных объединений, введена новая структура (местные, региональные и республиканские) и классификация религиозных объединений (17 конфессий вместо 46 конфессий и деноминаций), создана

система регулирования миссионерской и духовно-образовательной деятельности [29].

В результате реформы была создана единая исламская организация, которая проповедует исламскую веру суннитского направления с учетом исторических особенностей ислама на территории республики. Официальный ислам продолжило представлять Духовное управление мусульман Казахстана. С этого времени структура Русской православной церкви в Республике Казахстан представители государственной власти стали называть Православной церковью Казахстана.

По данным Министерства по делам религий и гражданского общества, на 20 апреля 2011 г. в Казахстане было зарегистрировано 3 679 религиозных объединений (2 570 мусульманских, 333 православных, 85 католических, 668 протестантских, 7 иудейских и 17 других), представляющих 18 конфессий. Если сравнить количество религиозных организаций на 20 апреля 2017 г. с данными на 1 января 2011 г., то видна тенденция уменьшения исламских организаций (с 2 570 до 2 570) и рост православных (с 303 до 333). Количество католических организаций (вместе с униатами) сократилось с 87 до 85.

На 1 октября 2016 г. было зарегистрировано 3 436 культовых сооружений, из них: 2 528 мечетей, 294 православные церкви, 108 католических костелов, 490 протестантских храмов и молитвенных домов, 7 иудейских синагог, 2 буддийских культовых сооружения, 3 молитвенных дома Общества сознания Кришны, 4 молитвенных дома бахаи. В Казахстане в 2017 г. действовало 495 зарегистрированных миссионеров. Среди них преобладали католики – 238, а православие представляли 87 миссионеров, большинство из них граждане России [30, 31].

В 2012–2018 гг. наблюдалось увеличение количества филиалов ДУМК не только в южных, но и в северных и восточных областях Казахстана, где традиционно сильными были позиции РПЦ. Это произошло из-за миграции русского населения, низкого уровня его религиозности и активизации деятельности ДУМК, особенно в Алма-Атинской, Джамбульской, Карагандинской и Южно-Казахстанской областях. ДУМК поддерживало русскоязычную группу проповедников для русскоязычных мусульман в северных областях Казахстана. Среди русскоязычных религиозных лидеров есть богословы и имамы с религиозными знаниями и светским образованием. Велись курсы на русском языке, на сайте вся информация также всегда была представлена на русском языке [32].

РПЦ не предпринимает активных действий по обращению в православную веру этнических казахов. Это негативно воспринимается этнической и мусульманской общинами, региональными властями. Религиозную принадлежность значительная часть казахов воспринимает в основном как традиционный идентификационный критерий. При этом на бытовом уровне они

часто участвуют в христианских обрядах. Например, в крещенских купаниях в освященной проруби.

Данные Национальной переписи населения 2009 г. позволяют оценивать Казахстан как государство, входящее в список 15 стран мира, имеющих наибольшую численность православного населения. И, очевидно, занимающее первое место среди стран, находящихся не в Европе, или среди государств с явным преобладанием последователей ислама [33]. Исторический опыт межэтнического и межконфессионального взаимодействия, активное участие России и РПЦ в формировании национальной культуры и интеллигенции на протяжении нескольких веков делает православие привлекательным для представителей интеллигенции и городского населения. Этнические казахи служат православными священниками в Алма-Ате, Караганде и других городах.

Численность населения Казахстана на 1 июля 2017 г. составляла 18 034 400 человек. Этническая структура общества согласно национальной Переписи 2009 г. была следующей: казахи – 63,07%, русские – 23,70%, узбеки – 2,85%, украинцы – 2,08%, уйгуры – 1,40%, татары – 1,28%, немцы – 1,11%, другие – 4,51%. В Казахстане проживало 130 этносов. Этническая структура общества обусловила его религиозную структуру. Основные типы религиозной самоидентификации граждан связаны с исламом и христианством. Традиционно самыми многочисленными среди них являются ислам ханафитского мазхаба и православное христианство. 81% граждан республики считают себя верующими, 19% – атеистами и агностиками. Из числа верующих только 14% относят себя к практикующим верующим, а около 70% – к умеренным (не практикующим) верующим [34].

Несмотря на последовательные меры, предпринятые после 2011 г., ситуация в политической и религиозной сфере обострилась в 2015–2016 гг. В сложные внутренние межконфессиональные процессы стали вмешиваться другие государства. В декабре 2015 г. президент Н. Назарбаев призвал правительство сделать все, чтобы не дать гражданам Казахстана пасть «под влиянием чужеродных ложных идеологий и призывов радикально настроенных проповедников, которые недавно посетили нас, чтобы вербовать людей для незаконных и бесчеловечных действий».

После попытки «государственного переворота» в Республике Казахстан в 2016 г. и повышения уровня террористической опасности последовали дальнейшие меры по «ужесточению» «религиозного» законодательства. Позиция государства была отражена в двух основных документах: Государственной программе по противодействию религиозному экстремизму и терроризму в Республике Казахстан на 2013–2017 гг. и Концепции государственной политики в религиозной сфере Республики Казахстан на 2017–2020 гг. [35, 36].

В сентябре 2016 г. президентским указом было создано Министерство по делам религий и гражданского общества. Председателем Комитета по делам религий

Министерства по делам религий и гражданского общества РК с ноября 2017 г. был назначен Н. Ермакбаев, прошедший долгий путь службы в силовых структурах и сфере образования. Действия Н. Ермакбаева были оценены экспертами как жесткие, а все законодательные инициативы как ограничительные. Сразу после создания министерства были подписаны соглашения с ДУМК и РПЦ, объединяющие большую часть верующего населения страны. Была разработана и 20 июня 2017 г. Указом Президента Казахстана утверждена Концепция государственной политики в религиозной сфере РК на 2017–2020 гг., направленная на дальнейшее усиление государственного контроля за религиозной сферой. После принятия концепции было внесено 60 поправок в 17 законодательных актов, направленных на укрепление светских принципов развития государства, был разработан законопроект «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам религиозной деятельности и религиозных объединений», создана межведомственная комиссия по координации государственной политики в религиозной сфере. В региональных центрах исследования проблем религий были образованы специальные отделы реабилитации граждан, попавших под влияние деструктивной и радикальной идеологии. В Казахстане действовало 249 специальных теологических и информационных групп, в их составе около 3,5 тыс. человек. Только в 2017 г. было проведено около 23 тыс. мероприятий с охватом 1 млн 850 человек. За полгода было разработано 50 методических рекомендаций, для 3 тыс. лекторов провели обучающие курсы. Для просветительской работы были задействованы телеканалы и интернет-сеть [37; 38. С. 110–121]. Началась разработка школьного учебника «Общество и религия», было открыто обучение по специальности «религиоведение» в вузах Южно-Казахстанской, Западно-Казахстанской, Жамбылской, Кызылординской и Восточно-Казахстанской областей.

После проведения реформ, которые вызвали напряжение даже у представителей традиционных конфессий, и достижения запланированных результатов Н. Ермакбаев перешел на должность секретаря Совета безопасности РК. 4 апреля 2018 г. его на посту министра по делам религий и гражданского общества сменил депутат Сената Казахстана Д. Калетаев. Было решено применить более «мягкие» подходы к регулированию религиозной сферы. Министерство по делам религий и гражданского общества было переименовано в Министерство общественного развития.

Перед принятием Концепции и законопроекта «О религиозной деятельности и религиозных объединениях» было устроено обсуждение проекта. В нем участвовали представители ДУМК, Православной церкви Казахстана и иных конфессий. В ходе обсуждений

первоначальный вариант, который, по оценкам религиозных организаций, серьезно ограничивал миссионерство, образовательную деятельность и работу с молодежью, удалось «смягчить». О «жесткости» проекта свидетельствует и тот факт, что для контроля за хозяйственно-финансовой деятельностью предполагалось установить кассовые аппараты в культовых зданиях.

29 января 2018 г. Министерство по делам религий и гражданского общества представило проект Закона «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам религиозной деятельности и религиозных объединений» в Мажилисе Парламента РК. Закон направлен на совершенствование государственно-конфессиональных отношений, уточнение прав и обязанностей субъектов религиозной деятельности. Документ предполагал внесение 53 изменений и дополнений в 12 законодательных актов. Это должно было еще более повысить контроль государства за религиозной сферой. Законодательно впервые были введены юридические определения понятий «деструктивное религиозное течение» и «религиозный радикализм». Правовое регулирование коснулось религиозного образования за рубежом, поведения госслужащих и работников бюджетных организаций в религиозной сфере, участия несовершеннолетних в богослужениях и обрядах. Были введены нормы по обеспечению прозрачности финансовой деятельности религиозных объединений.

Государственную конфессиональную политику в Республике Казахстан можно признать успешной, если в качестве результата рассматривать построение казахстанской модели этноконфессионального согласия. Ее внедрение сопровождалось переходами от «жестких» к более гибким механизмам и формам контроля в религиозной сфере. Перед руководством Казахстана стоит сложная задача обеспечения развития государства и общества и формирования новой гражданско-национальной идентичности с опорой на традиционную культуру и религию, в первую очередь – на ценности ислама, искоренение радикальных сил, разрушающих межэтническое и межрелигиозное согласие.

По официальным данным, в Казахстане примерно 75% населения считают себя верующими, межэтническую ситуацию позитивно оценивают 94,9% граждан, 94,5% ощущают себя представителями единого народа Казахстана. Государственная политика в сфере межэтнических отношений пользуется поддержкой 95,7% граждан, и уровень толерантности к представителям других этносов составляет 83,7%. Это позволяет сделать вывод о позитивных результатах национальной и конфессиональной государственной политики и успешности внедрения казахстанской модели этноконфессионального согласия в рамках изучаемого временного этапа.

ЛИТЕРАТУРА

2. Н.А. Назарбаев – основоположник казахстанской модели межэтнического и межконфессионального согласия / сост.: А.Н. Нысанбаев, А.Г. Косиченко. Алматы, 2010. 365 с.
3. Кан Г.В. История Казахстана. Алматы, 2002. 222 с.
4. Акимбеков С.М. Афганский узел и проблемы безопасности Центральной Азии. Алматы, 2003. 400 с.
5. Ерекешева Л.Г. Религия и социально-культурные системы в истории Центральной Азии : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Алматы, 2008. 49 с.
6. Султангалиева А.К. Эволюция ислама в Казахстане // Центральная Азия и Кавказ. 1999. № 5. С. 23–36.
7. Омаров С. Молодежь и религия // *JambylTaraz*. 2018. 7 февр. (№ 11). С. 8.
8. Конституция Республики Казахстан (принята 28 января 1993 г. Верховным Советом Республики Казахстан) // Ведомости Верховного Совета РК. 1993. № 3. Ст. 54.
9. Конституция Республики Казахстан (принята 30 августа 1995 г. на республиканском референдуме) // Ведомости Парламента РК. 1996. № 4. Ст. 217.
10. О свободе вероисповедания и религиозных объединениях: закон Республики Казахстан от 15 января 1992 года № 1128-XII // Ведомости Верховного Совета РК. 1992. № 4. Ст. 84.
11. Мейрманов Ж. Сохранить согласие и стабильность // *Казахстанская правда*. 2004. 16 февр.
12. Конусов Г.Т. Мусульманские религиозные институты в Казахстане: историко-религиоведческий анализ : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Душанбе, 2012. 22 с.
13. Гражданский кодекс Республики Казахстан (принят 27 декабря 1994 года Верховным Советом Республики Казахстан) // Ведомости Верховного Совета РК. 1994. № 23–24 (приложение); 1995. № 15–16. Ст. 109; № 20. Ст. 121; Ведомости Парламента РК. 1996. № 2. Ст. 187.
14. Положение об Ассамблее народов Казахстана : Указ Президента РК от 7 сентября 2011 г. № 149. URL: <https://assembly.kz/ank/ofitsialnyedokumenty/polozhenie-ob-assamblee-naroda-kazahstana/>
15. О мерах по предупреждению и пресечению проявлений терроризма и экстремизма : Указ Президента РК от 10 февраля 2000 г. № 332. URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=1016680
16. Ахметова Л. Казахстан в межкультурном диалоге: инициативы, личности и передовой опыт // *Межкультурный диалог и культурное разнообразие*. Алматы, 2007. 316 с.
17. Послание Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева народу Казахстана «Нұрлы жол – путь в будущее». 11 ноября 2014 г. URL: <http://www.akorda.kz/ru/addresses/poslanie-prezidenta-respubliki-kazahstan-nazarbaeva-narodu-kazahstana-11-noyabrya-2014-g>
18. Официальный сайт Митрополичьего округа в Республике Казахстан «Православие в Казахстане». URL: <http://mitropolia.kz>
19. Рысбекова Ш.С. Деятельность Русской православной церкви в постсоветский период в Казахстане // *Вестник Казахского национального университета*. Сер. Религиозные исследования. 2015. № 1 (1). С. 96–103.
20. Интервью с митрополитом Астанайским и Казахстанским Александром. 14 марта 2015 г. // *Православие и мир*. URL: <http://www.pravmir.ru/mitropolit-astanayskiy-i-kazahstanskiy-aleksandr-vsyakiy-moy-den-nachinaetsya-i-zavershaetsya-molitvoy-o-kazahstane/>
21. Доклад митрополита Астанайского и Казахстанского Александра на епархиальном собрании. 12 декабря 2017 г. URL: <http://miloserdie-dobro.kz/story/doklad-mitropolita-astanayskogo-i-kazahstanskogo-aleksandra-na-eparkhialnom-sobranii-12-dekab>
22. Амандыкова С.К., Искакова И.Е. Правовое регулирование деятельности религиозных объединений в Республике Казахстан: современное состояние и накопленный опыт // *Вестник Карагандинского государственного университета*. 2015. URL: <https://articlekz.com/article/11678>
23. Религиозные объединения в Казахстане / Международный центр культур и религий Комитета по делам религий Министерства культуры и спорта Республики Казахстан. Астана, 2015. 42 с.
24. Иванов В.А., Трофимов Я.Ф. Религии в Казахстане. Алматы, 2003. 238 с.
25. Лама Шариф К. Выступление председателя Агентства РК по делам религий на брифинге «Религиозная ситуация в Казахстане»: фрагмент стенограммы. URL: religiopolis.org/document/6274-religioznaja
26. Дашковский П.К., Жанбасинова А.С., Шершнева Е.А. Современные этноконфессиональные процессы в Восточном Казахстане // *Религиозный ландшафт Западной Сибири и сопредельных регионов Центральной Азии*. Т. 3: Конец XX – начало XXI в. Барнаул, 2017. С. 147–163.
27. Государственно-конфессиональные отношения в Республике Казахстан. Астана, 2014. 113 с.
28. О религиозной деятельности и религиозных объединениях: Закон Республики Казахстана от 11 октября 2011 г. № 483-IV. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31067690
29. Амандыкова С.К., Искакова И.Е. Правовое регулирование деятельности религиозных объединений в Республике Казахстан: современное состояние и накопленный опыт // *Вестник Карагандинского государственного университета*. 2015. URL: <https://articlekz.com/article/11678>
30. Ситуация в религиозной сфере Казахстана. URL: <http://www.ca-portal.ru/article:35663>
31. Шибунов М., Шибутова Л. Религиозные объединения в стране с точки зрения статистики с 2011 по 2017 год. URL: <https://regnum.ru/news/2288695.html>
32. Международный отчет Казахстана о свободе вероисповедания за 2015 год. Государственный департамент США. Бюро по вопросам демократии, прав человека и труда. URL: <https://kz.usembassy.gov/ru/kazakhstan-2015-international-religious-freedom-report-ru/>
33. Итоги Национальной переписи населения РК. 2009. URL: http://stat.gov.kz/faces/wcnav_externalId/p_perepis?_afLooP=9727890322805927#%40%3F_afLooP%3D9727890322805927%26_adf.ctrl-state%3Dlh8e3ywk_w_38
34. Религиозная ситуация в Казахстане. URL: http://www.kazembassy.ru/rus/respublika_kazahstan/obshaya_informaciya/
35. Государственная программа по противодействию религиозному экстремизму и терроризму в Республике Казахстан на 2013–2017 годы. URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/U1300000648>
36. Концепция государственной политики в религиозной сфере Республики Казахстан на 2017–2020 годы. URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/U1700000500>
37. Интервью с председателем Комитета по делам религий Министерства по делам религий и гражданского общества Республики Казахстан Е.А. Онгарбаевым. 23.11.2017. URL: <http://ctc-rk.kz.председатель-комитета-по-делам-религ.html>
38. Джалилов З.Г. Возрождение религии и формирование государственно-конфессиональных отношений в современном Казахстане // *Народы и религии Евразии*. Барнаул, 2017. Вып. 3–4 (12–13). С. 110–121.

Vladislav A. Ovchinnikov. Kemerovo State University (Kemerovo, Russia). E-mail: rpcsib@rambler.ru

KAZAKHSTAN MODEL OF ETHNO-CONFESSIONAL CONSENT

Key words: ethno-confessional consent, model, poly-confessional, Kazakhstan, Islam, Russian Orthodox Church.

The article presents the results of a study aimed at identifying common trends and features of the creation and functioning of the model of ethnic and religious harmony in Kazakhstan. The source base of the study was a complex of published free sources: normative-legal acts, program and administrative documents, documents of office work, methodical recommendations of public authorities and religious organizations, statistical reports, materials of secular and Church periodical press. The development of a special model was due to the threat of socio-political stability, a sharp change in the ethnic and religious structure of the population in the post-Soviet period, multinational and multi-religious nature of the state. The process of creating a legislative and institutional framework for the model was complicated by the activation of groups representing radical Islamic movements and new “non-traditional” religions that used opposition forces. At the end of the XX century, Islam in the region was revived and on its basis in many states attempts were made to form a new cultural and value system, while Muslim communities began to develop beyond state control and borders.

The author gave a detailed description of the place and role of the Russian Orthodox Church (hereinafter - ROC) in the functioning of the model, revealed the mechanism of interaction between the state and religious organizations, described the current religious situation, described the problems and made a forecast of the possible development of the situation. ROC in Kazakhstan is a “Russian factor of influence”: a tool to support the Russian population, the spread of Russian culture and language, which is why it commands the continued support of the leadership of the Russian Federation. The leadership of Kazakhstan successfully uses the ROC in domestic policy as a tool for modernization of the current model of interethnic and interreligious harmony in the state, as well as in foreign policy as one of the points of strengthening good-neighborly relations with Russia. But there is a high probability of limiting the rights of the Russian population and changing the attitude to the ROC by the ruling elites in the event of the victory of opposition parties, whose ideology is based on the “Kazakh national idea” (or the idea of “ethno-cultural nationalism”).

At the studied stage, the model has shown its effectiveness in solving the problems of development of the state and society. The main trend in the creation of the model was the strengthening of the role of the state in the management of the religious sphere and the introduction of restrictive rules. The peculiarity of the model is the reliance on traditional Islam and balancing between the interests of the Kazakh population, mainly professing Islam, and other nationalities through active interaction of the state with Christian and other religious organizations. The existing model contains a contradiction between the priority of one religion and nationality and the Declaration of the creation of a new civil-national identity. The authority of the President of Kazakhstan N. A. Nazarbayev allows to maintain balance. The changes in the political life of the state taking place in 2019 will be a serious test of the model for viability and efficiency.

REFERENCES

1. The Agency of the Republic of Kazakhstan on Statistics. Official website. [Online] Available from: <http://stat.gov.kz>.
2. Nysanbaev, A.N. & Kosichenko, A.G. (2010) *N.A. Nazarbaev – osnovopolozhnik kazakhstanskoy modeli mezhetnicheskogo i mezkhkonnessional'nogo soglasiya* [N.A. Nazarbayev - the founder of the Kazakhstani model of interethnic and interfaith harmony]. Almaty: [s.n.].
3. Kan, G.V. (2002) *Istoriya Kazakhstana* [History of Kazakhstan]. Almaty: Baspasy.
4. Akimbekov, S.M. (2003) *Afganskiy uzel i problemy bezopasnosti Tsentral'noy Azii* [The Afghan Knot and Central Asian Security Issues]. Almaty: [s.n.].
5. Erekesheva, L.G. (2008) *Religiya i sotsial'no-kul'turnye sistemy v istorii Tsentral'noy Azii* [Religion and socio-cultural systems in the history of Central Asia]. Abstract of History Dr. Diss. Almaty.
6. Sultangalieva, A.K. (1999) *Evolutsiya islama v Kazakhstane* [Evolution of Islam in Kazakhstan]. *Tsentral'naya Aziya i Kavkaz – Central Asia and the Caucasus*. 5. pp. 23–36.
7. Omarov, S. (2018) *Molodezh' i religiya* [Youth and religion]. *JambylTaraz*. 7th February. pp. 8.
8. Konstitutsiya Respubliki Kazakhstan (prinjata 28 yanvarya 1993 g. Verkhovnym Sovetom Respubliki Kazakhstan). *Vedomosti Verkhovnogo Soveta RK*. 1993. № 3. St. 54.
9. The Republic of Kazakhstan. (1996) Konstitutsiya Respubliki Kazakhstan (prinjata 30 avgusta 1995 g. na respublikanskom referendum) [The Constitution of the Republic of Kazakhstan (adopted on August 30, 1995, at a republican referendum)]. *Vedomosti Parlamenta RK*. 4. Art. 217.
10. The Republic of Kazakhstan. (1992) *O svobode veroisповедaniya i religioznykh ob"edineniyakh: zakon Respubliki Kazakhstan ot 15 yanvarya 1992 goda № 1128-XII* [On freedom of religion and religious associations: Law No. 1128-XII of the Republic of Kazakhstan dated January 15, 1992]. *Vedomosti Verkhovnogo Soveta RK*. 4. Art. 84.
11. Meyrmanov, Zh. (2004) *Sokhranit' soglasie i stabil'nost'* [To maintain harmony and stability]. *Kazakhstanskaya pravda*. 16th February.
12. Konusov, G.T. (2012) *Musul'manskie religioznye instituty v Kazakhstane: istoriko-religiovedcheskiy analiz* [Muslim Religious Institutions in Kazakhstan: Historical and Religious Studies]. Abstract of Philosophy Cand. Diss. Dushanbe.
13. The Republic of Kazakhstan. (1994) *Grazhdanskiy kodeks Respubliki Kazakhstan (prinjat 27 dekabrya 1994 goda Verkhovnym Sovetom Respubliki Kazakhstan)* [Civil Code of the Republic of Kazakhstan (adopted December 27, 1994 by the Supreme Council of the Republic of Kazakhstan)]. *Vedomosti Verkhovnogo Soveta RK*. 23-24.
14. The Republic of Kazakhstan. (2011) *Polozhenie ob Assamblee narodov Kazakhstana: ukaz Prezidenta RK ot 7 sentyabrya 2011 g. № 149* [Regulation on the Assembly of the Peoples of Kazakhstan. Decree No. 149 of the President of the Republic of Kazakhstan dated September 7, 2011] [Online] Available from: <https://assembly.kz/ank/ofitsialnye-dokumenty/polozhenie-ob-assamblee-naroda-kazakhstana/>
15. The Republic of Kazakhstan. (2000) *O merakh po preduprezhdeniyu i presecheniyu proyavleniy terrorizma i ekstremizma: ukaz Prezidenta RK ot 10 fevralya 2000 g. № 332* [On measures to prevent and suppress manifestations of terrorism and extremism: Decree No. 332 of the President of the Republic of Kazakhstan dated February 10, 2000]. [Online] Available from: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=1016680.
16. Akhmetova, L. (2007) *Kazakhstan v mezhkul'turnom dialoge: initsiativy, lichnosti i peredovoy opyt* [Kazakhstan in intercultural dialogue: initiatives, individuals and best practices]. In: Abuseitova, M. Isak, K. & Erekesheva, L. (eds) *Mezhkul'turnyy dialog i kul'turnoe raznoobrazie* [Intercultural Dialogue and Cultural Diversity]. Almaty: Daik-Press.
17. The Republic of Kazakhstan. (2014) *Poslanie Prezidenta Respubliki Kazakhstan N. A. Nazarbaeva narodu Kazakhstana “Nyrly zhol – put' v budushchee”. 11 noyabrya 2014 g.* [Address from the President of the Republic of Kazakhstan N.A. Nazarbayev to the people of Kazakhstan “Nurly Zhol – The Way to the Future”. November 11, 2014]. [Online] Available from: <http://www.akorda.kz/ru/addresses/poslanie-prezidenta-respubliki-kazakhstan-nazarbaeva-narodu-kazakhstana-11-noyabrya-2014-g>.
18. The Official Website of the Metropolitan Okrug in the Republic of Kazakhstan “Orthodoxy in Kazakhstan”. [Online] Available from: <http://mitropolia.kz>.
19. Rysbekova, Sh.S. (2015) *Deyatel'nost' Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi v postsovetkiy period v Kazakhstane* [The activities of the Russian Orthodox Church in the post-Soviet period in Kazakhstan]. *Vestnik Kazakhskogo Natsional'nogo Universiteta. Seriya: Religioznye issledovaniya*. 1(1). pp. 96–103.
20. Metropolitan of Astana and Kazakhstan Alexander. (2015) *Interv'yu s mitropolitom Astanayskim i Kazakhstanskim Aleksandrom. 14 marta 2015 g.* [Interviews with Metropolitan of Astana and Kazakhstan Alexander. March 14, 2015]. [Online] Available from: <http://www.pravmir.ru/mitropolit-astanayskiy-i-kazakhstanskiy-aleksandr-vsyakiy-moy-den-nachinaetsya-i-zavershaetsya-molitvoy-o-kazakhstane/>
21. Metropolitan of Astana and Kazakhstan Alexander. (2017) *Doklad mitropolita Astanayskogo i Kazakhstanskogo Aleksandra na eparkhial'nom sobranii. 12 dekabrya 2017 g.* [Report of the Metropolitan of Astana and Kazakhstan, Alexander at the diocesan meeting. December 12, 2017]. [Online] Available from: <http://miloserdie-dobro.kz/story/doklad-mitropolita-astanayskogo-i-kazakhstanskogo-aleksandra-na-eparkhial'nom-sobranii-12-dekab>
22. Amandykova, S.K. & Iskakova, I.E. (2015) *Pravovoe regulirovanie deyatel'nosti religioznykh ob"edineniy v Respublike Kazakhstan: sovremennoe sostoyanie i nakoplenyy opyt* [Legal regulation of the activities of religious associations in the Republic of Kazakhstan: current status and experience]. [Online] Available from: <https://articlekz.com/article/11678>
23. International Center for Cultures and Religions of the Committee on Religious Affairs of the Ministry of Culture and Sports of the Republic of Kazakhstan. (2015) *Religioznye ob"edineniya v Kazakhstane* [Religious associations in Kazakhstan]. Astana: [s.n.].
24. Ivanov, V.A. & Trofimov, Ya.F. (2003) *Religii v Kazakhstane* [Religions in Kazakhstan]. Almaty: [s.n.].

25. Lama Sharif, K. (n.d.) *Vystuplenie predsedatelya agentstva RK po delam religiy na brifinge "Religioznaya situatsiya v Kazakhstane"* [Speech by the Chairman of the Agency for Religious Affairs of the Republic of Kazakhstan at the briefing "Religious Situation in Kazakhstan"]. [Online] Available from: religiopolis.org/document/6274-religioznaja
26. Dashkovsky, P.K., Zhanbasinova, A.S. & Shershneva, E.A. (2017) *Sovremennye etnokonfessional'nye protsessy v Vostochnom Kazakhstane* [Modern ethno-confessional processes in East Kazakhstan]. In: Dashkovsky, P.K. (ed.) *Religioznyy landshaft Zapadnoy Sibiri i sopredel'nykh regionov Tsentral'noy Azii* [Religious landscape of Western Siberia and adjacent regions of Central Asia]. Vol. 3. Barnaul: Altai State University. pp. 147–163.
27. Anon. (2014) *Gosudarstvenno-konfessional'nye otnosheniya v Respublike Kazakhstan* [The state-confessional relations in the Republic of Kazakhstan]. Astana: [s.n.].
28. The Republic of Kazakhstan. (2011) *O religioznoy deyatel'nosti i religioznykh ob"edineniyakh: zakon Respubliki Kazakhstana ot 11 oktyabrya 2011 g. № 483-IV* [On religious activities and religious associations: Law No. 483-IV of the Republic of Kazakhstan dated October 11, 2011]. [Online] Available from: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31067690
29. Amandykova, S.K. & Iskakova, I.E. (2015) *Pravovoe regulirovanie deyatel'nosti religioznykh ob"edineniy v Respublike Kazakhstan: sovremennoe sostoyanie i nakoplenyy opyt* [Legal regulation of the activities of religious associations in the Republic of Kazakhstan: current status and experience]. [Online] Available from: <https://articlekz.com/article/11678>
30. Shibusov, M. & Shibusova, L. (2017) *Situatsiya v religioznoy sfere Kazakhstana* [The situation in the religious sphere of Kazakhstan]. [Online] Available from: <http://www.ca-portal.ru/article:35663>
31. Shibusov, M. & Shibusova, L. (2017) *Religioznye ob"edineniya v strane s tochkoy zreniya statistiki s 2011 po 2017 god* [Religious associations in the country in terms of statistics from 2011 to 2017]. [Online] Available from: <https://regnum.ru/news/2288695.html>
32. US Department of State. Bureau for Democracy, Human Rights, and Labor. (2015) *Mezhdunarodnyy otchet Kazakhstana o svobode veroispovedaniya za 2015 god* [The international report of Kazakhstan on religious freedom for 2015]. [Online] Available from: <https://kz.usembassy.gov/ru/kazakhstan-2015-international-religious-freedom-report-ru/>
33. The Republic of Kazakhstan. (2009) *Itogi Natsional'noy perepisi naseleniya RK. 2009* [The results of the National census of the Republic of Kazakhstan. 2009]. [Online] Available from: http://stat.gov.kz/faces/wcnav_externalId/p_perepis?_afLoop=9727890322805927#%40%3F_afLoop%3D9727890322805927%26_adf.ctrl-state%3Dlh8e3ywkw_38
34. The Kazakhstan Embassy in Russia. (n.d.) *Religioznaya situatsiya v Kazakhstane* [Religious situation in Kazakhstan]. [Online] Available from: http://www.kazembassy.ru/rus/respublika_kazakhstan/obshaya_informaciya/
35. The Republic of Kazakhstan. (n.d.) *Gosudarstvennaya programma po protivodeystviyu religioznomu ekstremizmu i terrorizmu v Respublike Kazakhstan na 2013–2017 gody* [State program on combating religious extremism and terrorism in the Republic of Kazakhstan for 2013–2017]. [Online] Available from: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/U1300000648>.
36. *Kontseptsiya gosudarstvennoy politiki v religioznoy sfere Respubliki Kazakhstan na 2017–2020 gody* [The concept of the state policy in the religious sphere of the Republic of Kazakhstan for 2017–2020] [Elektronnyy resurs]. [Online] Available from: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/U1700000500>
37. Ongarbaev, E.A. (2017) *Interv'yu s predsedatelem komiteta po delam religiy Ministerstva po delam religiy i grazhdanskogo obshchestva Respubliki Kazakhstan E.A. Ongarbaevym. 23.11.2017* [Interview with the Chairman of the Committee on Religious Affairs of the Ministry of Religious Affairs and Civil Society of the Republic of Kazakhstan E.A. Ongarbaev. November 23, 2017]. [Online] Available from: <http://ctc-rk.kz/predsedatel'-komiteta-po-delam-relig.html>
38. Dzhaliyev, Z.G. (2017) *Vozrozhdenie religii i formirovanie gosudarstvenno-konfessional'nykh otnosheniy v sovremennom Kazakhstane* [The revival of religion and the formation of state-confessional relations in modern Kazakhstan]. *Narody i religii Evrazii – Nations and Religions of Eurasia*. 3 (12–13). pp. 110–121.

УДК 94(575.1)
DOI: 10.17223/19988613/62/16

С.М. Юн

РЕФОРМА И ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ УЗБЕКИСТАНА ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ Ш.М. МИРЗИЁЕВЕ

Рассматриваются ключевые проблемы, сложившиеся в системе высшего образования Узбекистана к моменту прихода Ш.М. Мирзиёева на пост президента страны; анализируются основные направления реформы вузовской системы Узбекистана с 2016 г.; раскрываются приоритетные направления взаимодействия вузов Узбекистана с зарубежными вузами и научными организациями, государственные механизмы содействия интернационализации вузов. Отдельно изучаются шаги России и Узбекистана по развитию сотрудничества в сфере высшего образования на современном этапе, формулируются рекомендации, которые следует учитывать для обеспечения более активного сближения вузовского сообщества двух стран.

Ключевые слова: Узбекистан; Россия; высшее образование; филиал вуза; нострификация дипломов; фонд «Эл-юрт умиди».

Ключевые проблемы высшего образования Узбекистана. С приходом в 2016 г. Шавката Миромоновича Мирзиёева на пост президента в Узбекистане проводятся глубокие реформы, затрагивающие все сферы. Содержание реформ определяется сменой модели национального развития страны. Если определять модель через источники ресурсов, то произошел переход от консервативной политики опоры на собственные ресурсы – к политике активного привлечения внешних ресурсов развития в рамках многовекторной политики. Приоритеты руководства Узбекистана – это иностранные инвестиции и современные технологии, экспорт товаров и услуг, лучшие международные практики в сферах государственного управления и регулирования, развития финансовой, транспортной, социальной сфер и т.д.

Высшее образование Узбекистана также находится на этапе глубоких реформ. Их необходимость определяется целым комплексом проблем, сложившихся в предшествующий период и обусловивших разрыв между задачами социально-экономического развития страны и возможностями устаревшей вузовской системы. Среди открытых материалов удалось найти только одну комплексную аналитическую работу – изданный в 2014 г. доклад Всемирного банка «Узбекистан. Модернизация системы высшего образования» [1]. Его выводы и оценки были дополнены материалами из других источников.

Среди накопившихся проблем высшего образования Узбекистана прежде всего необходимо выделить огромный дефицит мест в вузах страны. Уровень охвата молодежи высшим образованием в Узбекистане – один из самых низких в мире, 9–10% от количества выпускников средних и средних специальных учебных заведений. По данным Государственного комитета Узбекистана по статистике и Министерства высшего и среднего специального образования Узбекистана (далее – Минвуз Узбекистана), в 2008 г. за 82,9 тыс. мест на очных программах бакалавриата конкурировали 361,4 тыс. абитуриентов, средний конкурс – 4,4 человека на место. В дальнейшем количество мест было

сокращено до уровня 57–58 тыс. ежегодно, однако с учетом роста населения спрос на обучение только увеличивался, и средний конкурс в 2015 г. составил уже 10,5 человека на место.

Конкурс на программы бакалавриата в вузах Узбекистана [2]

Год	Квота на прием бакалавров	Заявки на поступление	Конкурс на одно место	Численность населения Узбекистана, тыс. чел.
2000	31 568	214 098	6,8	24 487,7
2005	57 485	286 943	5,0	26 021,3
2008	82 918	361 372	4,4	27 072,2
2009	66 556	350 954	5,3	27 533,4
2010	56 607	385 700	6,8	28 001,4
2011	56 607	418 724	7,4	29 123,4
2012	56 374	432 110	7,7	29 555,4
2013	56 607	480 540	8,5	29 993,5
2014	57 907	543 244	9,4	30 492,8
2015	57 907	605 800	10,5	31 022,5
2016	57 907	663 298	11,5	31 575,3
2017	66 316	729 947	11,0	32 120,5

Во-вторых, сложились дефицит выпускников с высшим образованием для различных отраслей экономики и не адекватная современному научно-технологическому развитию структура вузовской подготовки по направлениям/специальностям. Примечательно, что система высшего образования Узбекистана была нацелена прежде всего на подготовку педагогов: в 2010 г. доля выпускников, изучавших педагогику, составляла 59,8%. Позднее набор на педагогические и ряд других специальностей сократился в пользу инженерных, производственных и строительных направлений (с 23 до 33,2%). В целом ключевая роль в подготовке технических специалистов была отведена среднеспециальным профессиональным учреждениям, однако сложившееся в Узбекистане соотношение 10:1 между профессиональными техническими работниками и специалистами с высшим образованием в технических отраслях не соответствовало международным конкурентным стандартам (от 2:1 до 7:1) [1. С. 34–36, 53].

В-третьих, обострилась проблема качества обучения, уровня вузовской науки и подготовки кадров. В 2011/12 учебном году только 32% профессорско-преподавательского состава имели ученые степени. Средняя учебная нагрузка профессоров и доцентов составляла около 20 ч занятий в неделю, старших преподавателей и преподавателей – около 25 ч в неделю, что не оставляло времени для активной научной работы. Косвенный признак проблемы – отсутствие вузов Узбекистана в международных университетских рейтингах.

В-четвертых, имело место гиперцентрализованное управление высшим образованием в ущерб инициативе и автономии вузов. Обучение велось в соответствии с государственными образовательными стандартами, одобренными Минвузом Узбекистана. При этом вузы практически не могли вносить изменения в установленные стандартом учебные планы: максимальный объем изменений не мог превышать 5% от общего учебного времени [1. С. 66]. Другой пример – квотирование властями приема по каждому направлению / специальности для каждого вуза, включая набор на платные отделения.

В целом высшее образование Узбекистана сложилось как система, в которой спрос абсолютно доминирует над предложением: абитуриенты конкурируют за места в вузах, а не вузы – за абитуриентов. Такая система консервировала сложившиеся практики, поощряла коррупцию и не стимулировала вузы к развитию. Кроме проблем качества обучения и дефицита выпускников по востребованным специальностям, следствием особенностей системы стало обострение проблемы «утечки мозгов» из страны. По данным ЮНЕСКО, в 2012 г. в вузах зарубежных стран обучалось 19,2 тыс. граждан Узбекистана, в 2013 г. – 20,3 тыс., в 2014 г. – 26,1 тыс., в 2015 г. – 28,1 тыс., в 2016 г. – 33 тыс. [3]

Другое следствие – сравнительно низкий уровень взаимодействия вузов Узбекистана с зарубежными вузами в рамках совместных образовательных и научных программ, обмена студентами и преподавателями. Хотя, например, вузы Узбекистана активно участвовали в европейских программах Tempus/Erasmus. С 2000-х гг. в Узбекистане стали открываться филиалы зарубежных вузов, всего к 2016 г. было открыто 7 представительств, включая филиалы российских РЭУ им. Г.В. Плеханова, МГУ и РГУ нефти и газа им. И.М. Губкина. Однако количество обучающихся в филиалах зарубежных вузов составляло только около 1% от общей численности студентов Узбекистана.

Реформа высшего образования Узбекистана: международное измерение. Рамочные документы, определяющие направления современной реформы высшего образования Узбекистана, – это Постановление Президента Республики Узбекистан «О мерах по дальнейшему развитию системы высшего образования» от 20 апреля 2017 г. (далее – Постановление 2017 г.) и «Программа комплексного развития системы высшего образования на период 2017–2021 гг.» (далее – Про-

грамма 2017 г.), утвержденная в виде двух приложений к президентскому постановлению [4]. Данные документы ежегодно конкретизируются постановлениями в рамках реализации Программы 2017 г., доступными на сайтах Минвуза Узбекистана и Национальной базы данных законодательства Республики Узбекистан, однако не все оригиналы имеются в переводе на русский язык.

Особый интерес представляют ежегодные постановления президента «О приеме в высшие образовательные учреждения Республики Узбекистан» на очередной учебный год. Последняя версия документа называется «О параметрах государственного заказа по приему на учебу в высшие образовательные учреждения Республики Узбекистан в 2019/20 учебном году» [5]. Эти постановления фиксируют не только конкретные квоты приема в разрезе уровней, форм, направлений подготовки, источников финансирования обучения для всех вузов страны, но и другие решения властей практического характера, касающиеся реформирования высшего образования.

Вся система высшего образования Узбекистана находится в настоящее время в вихре сложных, организационно и финансово затратных реформ, затрагивающих все аспекты. Достижение общих заявленных в президентском постановлении 2017 г. целей – «кардинального совершенствования системы высшего образования, коренного пересмотра содержания подготовки кадров в соответствии с приоритетными задачами социально-экономического развития страны, обеспечения необходимых условий для подготовки специалистов с высшим образованием на уровне международных стандартов» обеспечивается в том числе по следующим направлениям:

1. Ключевой приоритет – повышение доступности национального высшего образования. Для этого ежегодно открываются новые вузы и филиалы действующих вузов в регионах. За последние годы были созданы, в частности, Международный университет туризма «Шелковый путь» (г. Самарканд), Самаркандский институт ветеринарной медицины (г. Самарканд), Университет журналистики и массовых коммуникаций Узбекистана (г. Ташкент), Чирчикский государственный педагогический университет (г. Чирчик), Военный институт информационно-коммуникационных технологий и связи Министерства обороны (г. Ташкент); Джизакский филиал Национального университета Узбекистана, Термезский филиал Ташкентской медицинской академии, Каршинский филиал Ташкентского института инженеров ирригации и механизации сельского хозяйства, Самаркандский филиал Ташкентского государственного экономического университета.

В результате квота на прием бакалавров-очников была увеличена до 66,3 тыс. в 2017 г., 69,2 тыс. в 2018 г. и 80,4 тыс. в 2019 г. С 2018/19 учебного года были восстановлены заочные и вечерние отделения вузов, на 2019/20 год квота приема на заочный бака-

лавриат составляет около 20 тыс. человек, на вечерний бакалавриат – около 2 тыс. человек. Вузам также разрешили дополнительный прием по согласованию с Минвузом, исходя из имеющихся материальных и кадровых ресурсов. В ежегодном послании Президента Узбекистана Олий Мажлису от 28 декабря 2018 г. было заявлено, что уровень охвата выпускников средних и средних специальных учебных заведений высшим образованием превысил 15%, задача на 2019 г. – достичь 20% [6]. Видимо, долгосрочный ориентир для узбекских властей – это 60–70%, которые в президентском послании обозначены как уровень в развитых странах.

2. Оптимизация направлений и специальностей обучения в вузах с учетом перспективного развития отраслей и регионов. Например, с 2018/19 учебного года в вузах Узбекистана началась подготовка кадров по 66 новым направлениям бакалавриата и 48 новым специальностям магистратуры.

3. Привлечение работодателей к учебному процессу и научным исследованиям в вузах. Механизмы привлечения профсообществ к обновлению квалификационных требований, учебных планов и программ, формированию заказа на выпускников по направлениям / специальностям, организации стажировок преподавателей и практик студентов на производствах были прописаны в отдельном постановлении президента от 27 июля 2017 г. [7].

4. Изменение различных норм и правил, обеспечивающих большую гибкость вузовской системы. Что касается нормативных сроков обучения, то общие требования в Узбекистане соответствуют российской практике: не менее 4 лет обучения на программах бакалавриата и не менее 2 лет – в магистратуре. Однако в июне 2018 г. вышло постановление президента, разрешающее внедрение с 2018/19 учебного года трехлетних программ бакалавриата и годичных программ магистратуры. Известно, что с 2018/19 учебного года трехлетний бакалавриат введен по направлению «Дошкольное образование».

Другие важные изменения в нормативном регулировании, принятые к середине 2019 г., включают право базовых (ведущих) вузов исходя из потребностей заказчиков кадров самостоятельно разрабатывать и утверждать по согласованию с Минвузом учебные планы и программы; право вузов принимать на бакалавриат иностранных граждан вне квот приема путем собеседования, без сдачи тестовых испытаний; право абитуриентов участвовать в конкурсе на места по магистерским программам, имея на руках не только дипломы по так называемым «родственным направлениям» бакалавриата; внедрение в пилотном режиме кредитной системы (российский аналог – зачетные единицы).

5. Развитие материально-технической базы вузов. Для этого, в частности, Правительство Узбекистана в апреле 2017 г. подписало соглашение о кредите на 42,2 млн долл. с Международной ассоциацией развития, входящей в группу Всемирного банка. Основная

часть средств пойдет на закупки оборудования для учебных и научно-исследовательских лабораторий.

План модернизации высшего образования Узбекистана предполагает широкое привлечение и иных внешних ресурсов. Постановление 2017 г. обязало «каждое высшее образовательное учреждение» Узбекистана установить «тесные перспективные партнерские отношения с ведущими профильными зарубежными научно-образовательными учреждениями» [4]. В целом можно выделить следующие приоритетные направления взаимодействия вузов Узбекистана с зарубежными вузами и научными центрами: филиалы зарубежных вузов; совместные факультеты; совместные образовательные программы двойных дипломов; привлечение зарубежных специалистов; повышение квалификации и стажировки.

Открытие филиалов зарубежных вузов – главный приоритет текущей политики, так как это самый быстрый способ расширить подготовку специалистов с опорой на современные кадры и технологии. Для поддержки открытия филиалов в декабре 2017 г. Постановлением Президента Республики Узбекистан иностранные высшие образовательные учреждения, аккредитованные в Республике Узбекистан, были освобождены до 1 января 2023 г. от уплаты всех видов налогов и обязательных отчислений в государственные целевые фонды в рамках их образовательной деятельности, осуществляемой в Республике Узбекистан, а также единого социального платежа и налога на доходы физических лиц в части фонда оплаты труда иностранных работников [8]. Деятельность конкретных филиалов регулируется отдельными президентскими постановлениями.

Кроме этого, по заявлению заместителя премьер-министра Узбекистана Азиза Абдухакимова от 18 октября 2018 г. «для размещения создаваемых филиалов зарубежных вузов и совместных факультетов с узбекскими вузами Правительство республики готово предоставить здания и сооружения с необходимой инфраструктурой на безвозмездной основе в рамках государственно-частного партнерства» [9]. По его же данным, в Узбекистане идет работа по организации деятельности филиалов 8 зарубежных образовательных учреждений, 22 совместных факультетов, 46 совместных образовательных программ.

В Узбекистане была значительно облегчена процедура нострификации зарубежных дипломов об образовании. Последняя версия президентского постановления по этому вопросу от 16 января 2019 г. предусматривает признание и нострификацию напрямую (без специальных испытаний) документов об образовании в том числе: граждан Республики Узбекистан, иностранных граждан и лиц без гражданства (далее – граждане), получивших образование в зарубежных образовательных учреждениях, обособленные подразделения (филиалы) и совместные образовательные учреждения которых функционируют на территории Республики

Узбекистан; граждан, получивших образование в зарубежных образовательных учреждениях, занимающих первые 1 000 позиций среди высших образовательных учреждений в рейтинге международно признанных организаций (Quacquarelli Symonds World University Rankings, Times Higher Education, Academic Ranking of World Universities), перечень которых ежегодно утверждается совместным постановлением Министерства высшего и среднего специального образования Республики Узбекистан и Государственной инспекции; граждан, получивших образование за счет средств, выделяемых министерствами и ведомствами Республики Узбекистан для целевой подготовки специалистов в зарубежных высших образовательных учреждениях [10].

Для привлечения зарубежных ученых, преподавателей и специалистов был установлен льготный режим: их освободили от уплаты НДС и единого социального платежа. Для организации подготовки национальных кадров за рубежом и привлечения иностранных ученых и специалистов в Узбекистане принимались разные организационно-управленческие решения еще с 1997 г. Последнее решение – создание в 2018 г. единого фонда «Эл-юрт умиди» по подготовке специалистов за рубежом и диалогу с соотечественниками при кабинете министров Узбекистана (далее – Фонд <https://eyuf.uz/>). Деятельность Фонда предполагает в том числе государственное финансирование обучения граждан Узбекистана по программам магистратуры и докторантуры, повышения квалификации и стажировок в зарубежных странах с обязательством отработать не менее трех (повышение квалификации, стажировки) или пяти лет (магистратура, аспирантура) по полученной специальности в вузах, научных учреждениях, министерствах, ведомствах и других государственных организациях Узбекистана.

По заявлению президента Ш.М. Мирзиёева, задача Фонда «Эл-юрт умиди» на начальном этапе – направить за рубеж более 3,5 тыс. специалистов на обучение по программам магистратуры и докторантуры, повышения квалификации и стажировок. Также планируется привлечь больше 600 соотечественников и около тысячи иностранных ученых и экспертов [11]. Созданная при Фонде комиссия по возвращению соотечественников, проживающих в зарубежных странах, в научно-исследовательские и высшие учебные заведения Республики Узбекистан ставит задачу привлечь не менее 5 ученых-соотечественников, проживающих за рубежом, для каждого научно-исследовательского и высшего учебного заведения страны.

В соответствии с условиями конкурса на обучение за рубежом, высшее образовательное или научное учреждение, выбираемое для прохождения обучения, должно входить, как правило, в 500 лучших в мире или в 200 лучших в мире по выбранному предмету учреждений в рейтинге международно признанных организаций. В мае 2019 г. были подведены итоги первого стипендиального конкурса Фонда на обучение за рубежом

для специалистов из системы высшего образования. Итоговые результаты: докторантура – 65 стипендий, магистратура – 17 стипендий, повышение квалификации и стажировки – 435 стипендий. По информации Фонда, при перераспределении целевых квот приоритет был отдан таким специальностям, как технологии производства, инженерное дело, компьютерные технологии, связь и информация, телекоммуникационные технологии, архитектура и строительство, сельское хозяйство, ирригация и мелиорация, здравоохранение, математика и точные науки, а также искусство и культура. География распределения стипендий всех видов по странам обучения показывает абсолютное доминирование России – 50% (российские вузы-лидеры по количеству одобренных заявок – это МГУ и СПбГУ). Далее идут Великобритания (12%), Германия (6%), Южная Корея и Белоруссия (по 5%), США (4%) и другие страны [12].

Взаимодействие России и Узбекистана: новый этап. Как и в других сферах, привлечение внешних ресурсов для развития высшего образования Узбекистан осуществляет в рамках многовекторной политики и поддержки международной конкуренции. Тем не менее у России сохранились более сильные позиции по сравнению с другими странами, обусловленные историческими связями, хотя и заметно ослабевшими, академических сообществ двух стран, все еще сравнительно высоким уровнем владения населением Узбекистана русским языком, широкой трудовой и образовательной миграцией из Узбекистана в Россию и другими факторами. Активное развитие политических и экономических связей Узбекистана и России при президенте Ш.М. Мирзиёеве создало значительно более благоприятную среду для расширения узбекско-российского сотрудничества и в сфере высшего образования.

В последние годы Ташкент и Москва активно обновляют договорно-правовую базу отношений, упорядочивающую и облегчающую взаимодействие в сфере высшего образования. 5 апреля 2017 г. сторонами было подписано Соглашение о сотрудничестве в области здравоохранения, медицинского образования и науки, 19 октября 2018 г. – Соглашение о создании и функционировании филиалов российских вузов в Узбекистане (соглашение распространяет свое действие и на уже существующие представительства российских вузов), 30 мая 2019 г. – Соглашение о взаимном признании образования и квалификации, ученых степеней.

Соглашение о взаимном признании образования и квалификации, ученых степеней предусматривает признание сопоставимости школьного образования, среднего профессионального образования – для продолжения обучения, высшего образования – для продолжения обучения и осуществления профессиональной деятельности, ученой степени кандидата наук (Ph.D. в Узбекистане) – для получения степени доктора наук, ученых степеней кандидата и доктора наук – для осуществления профессиональной деятельности [13]. Примеча-

тельно, что до принятия данного соглашения Узбекистан оставался единственной страной СНГ, с кем у России не было нормы о взаимном признании дипломов о высшем образовании.

Созданы механизмы диалога на уровне властей и вузов. С октября 2018 г. заработал Российско-узбекский образовательный форум (форум ректоров вузов) в рамках Форума межрегионального сотрудничества России и Узбекистана, инициированного в Ташкенте. В апреле 2019 г. в Астрахани состоялись российско-узбекское совещание по вопросам реализации двусторонних договорённостей в сфере высшего образования и межрегиональная конференция ректоров вузов России и Узбекистана.

Ведущие российские вузы открывают филиалы в Узбекистане, особенно для кадрового обеспечения приоритетных отраслей экономики и крупных промышленных проектов в Узбекистане. Уже реализуются договоренности об открытии филиалов МИСиС (г. Алматы), МИФИ (г. Ташкент), МГИМО(У) (г. Ташкент), Российского химико-технологического университета им. Д.И. Менделеева (г. Ташкент), Национального исследовательского университета «Московский энергетический институт» (г. Ташкент). Идут переговоры об открытии филиалов других российских вузов.

Можно выделить несколько аспектов, которые следует учитывать российской стороне, прежде всего, академическому сообществу для обеспечения более успешного процесса сближения России и Узбекистана в сфере образования:

1. Современный Узбекистан – динамично развивающаяся экономика с самым крупным и быстро растущим населением в Центральной Азии и с прогнозируемыми самыми высокими темпами роста экономики на пространстве СНГ. По данным Азиатского банка развития, в 2017 г. рост экономики составил 4,5%, в 2018 г. – 5,1%; в 2019 г. рост прогнозируется на уровне 5,2%, в 2020 г. – 5,5% [14]. Соответственно, в стране будет постоянно расти спрос на подготовленные кадры со стороны различных отраслей экономики и платежеспособный спрос на качественное высшее образование.

2. Развитию высшего образования Узбекистана до современного этапа реформ уделялось значительно меньше внимания, но при этом шло большое финансирование среднего образования. По данным доклада Всемирного банка 2014 г., доля финансирования образования из госбюджета Узбекистана составляла 8% ВВП (из них доля высшего образования – только 0,4%), что составляло один из самых высоких показателей в мире [1. С. 82–83]. В результате охват детей системой начального и среднего образования – практически стопроцентный, а уровень грамотности населения Узбекистана старше 15 лет составлял 100% по данным на 2015 г. (самый высокий уровень в мире) [15]. То есть следует учитывать, что в стране существует и сохраняется максимально широкая база потенциальных абитуриентов для вузовской подготовки.

3. Несмотря на снижение уровня владения русским языком, особенно среди молодежи, в Узбекистане русский язык сохраняет значимое второе место после государственного языка в государственных органах и обществе, включая систему образования. По данным Министерства народного образования Узбекистана на 03 декабря 2018 г., в школах страны на русском языке училось 581,9 тыс. учеников, или 10% всего контингента [16]. По данным агентства «Sputnik» на август 2018 г., в 1 195 лицеях и колледжах (среднее специальное и профессиональное образование) русские группы составляли 90 и 50% соответственно; во всех вузах республики русский язык являлся обязательным учебным предметом, русскоязычные группы существовали во всех крупных вузах в Ташкенте, в Ташкентской, Самаркандской, Навоийской, Андижанской, Ферганской и других областях [17].

4. С учетом глубины и масштаба проблем Узбекистан находится только на начальном пути модернизации своей вузовской системы. Реформы потребуют десятилетий для выхода на новое качество. Повышение зарплат, пересмотр норм времени, создание новых корпусов и лабораторий способствуют, но не являются решающими факторами изменения культуры управления, организации образовательного процесса и научных исследований. Не случайно сейчас идет активное обновление ректорского корпуса вузов. Кроме того, потребуется время на изменение и настройку законодательства, регулирующего деятельность вузов. Например, все еще находится в стадии проработки положение, определяющее порядок организации международного сотрудничества вузов Узбекистана с зарубежными партнерами в различных формах, включая совместные образовательные программы, хотя Программой 2017 г. его принятие было предусмотрено еще в 3-м квартале 2017 г.

5. Необходимо стремиться работать не только с вузами Ташкента, но и других регионов Узбекистана. Если принять во внимание уровень владения русским языком, количество населения, экономическую активность, то приоритетные регионы для межвузовского взаимодействия – вузы Самарканда, Бухары, столичных городов Ферганской долины (Андижан, Наманган, Фергана).

6. Следует на постоянной основе отслеживать развитие ситуации в Узбекистане, особенно с учетом большей открытости систем и доступности информации в Интернете. Прежде всего это касается реформ ключевых отраслей экономики для прогнозирования запроса на приоритетные направления и специальности подготовки. Далее, ежегодные постановления о квотах на прием дают точную информацию о текущих направлениях подготовки в вузах Узбекистана. Можно также изучать динамику спроса со стороны абитуриентов на конкретные направления / специальности, например, в разрезе вузов, на Портале открытых данных Республики Узбекистан [18].

ЛИТЕРАТУРА

1. Узбекистан. Модернизация системы высшего образования // Всемирный банк. Отчет № 88606-UZ. Июнь 2014 г. URL: <http://documents.worldbank.org/curated/ru/737161501483080910/pdf/88606-28-7-2017-14-44-29-UzbekistanHigherEducationReportru.pdf> (дата обращения: 10.09.2019).
2. Высшее образование в Узбекистане. Ещё раз о тестировании, абитуриентах и коррупции // Информационное агентство «Фергана». 05.09.2017. URL: <https://www.fergananews.com/articles/9537> (дата обращения: 10.09.2019).
3. База данных Института статистики ЮНЕСКО UIS.Stat // UNESCO Institute for Statistics. URL: <http://data.uis.unesco.org/> (дата обращения: 10.09.2019).
4. Постановление Президента Республики Узбекистан № ПП-2909 от 20.04.2017 «О мерах по дальнейшему развитию системы высшего образования» // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. URL: <http://www.lex.uz/docs/3171587> (дата обращения: 10.09.2019).
5. Постановление Президента Республики Узбекистан № ПП-4359 от 17.06.2019 «О параметрах государственного заказа по приему на учебу в высшие образовательные учреждения Республики Узбекистан в 2019/20 учебном году» // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. URL: <http://lex.uz/docs/4380360> (дата обращения: 10.09.2019).
6. Послание Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева Олий Мажлису // Официальный сайт Президента Республики Узбекистан. URL: <https://president.uz/ru/lists/view/2228> (дата обращения: 10.09.2019).
7. Постановление Президента Республики Узбекистан № ПП-3151 от 27.07.2017 «О мерах по дальнейшему расширению участия отраслей и сфер экономики в повышении качества подготовки специалистов с высшим образованием» // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. URL: <http://www.lex.uz/ru/docs/3286191> (дата обращения: 10.09.2019).
8. Постановление Президента Республики Узбекистан № ПП-3454 от 29.12.2017 «О прогнозе основных макроэкономических показателей и параметрах Государственного бюджета Республики Узбекистан на 2018 год». URL: <http://www.lex.uz/docs/3480354> (дата обращения: 10.09.2019).
9. Азиз Абдухакимов: «Узбекистан станет образовательным хабом Центральноазиатского региона» // Информационно-правовой портал «Norma.uz». URL: https://www.norma.uz/nashi_obzori/uzbekistan_planiyuyut_prevratit_v_obrazovatelnyy_hab_centralno-aziatkogo_regiona (дата обращения: 10.09.2019).
10. Постановление Президента Республики Узбекистан № ПП-4119 от 16 января 2019 г. «О дополнительных мерах по совершенствованию системы контроля за качеством образования» // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. URL: <http://www.lex.uz/ru/docs/4164671> (дата обращения: 10.09.2019).
11. Узбекистану требуются кадры, соответствующие ускоренным темпам реформ // Официальный сайт Президента Республики Узбекистан. URL: <https://president.uz/ru/lists/view/2202> (дата обращения: 10.09.2019).
12. Ўзбекистон Республикаси Вазирлар Маҳкамаси хузуридаги «Эл-юрт умиди» жамғармаси таълим дастурлари орқали олий таълим тизими педагог-кадрларини хоризда тайёрлаш борасидаги 2019 йилги биринчи стипендия танлови натижалари // Фонд «Эл-юрт умиди» при Кабинете министров Республики Узбекистан. URL: <https://eyuf.uz/admin/upload/news/infograf.pdf> (дата обращения: 10.09.2019).
13. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Узбекистан о взаимном признании образования и квалификации, ученых степеней / Министерство иностранных дел России. URL: <https://mddoc.mid.ru/api/ia/download/?uuid=dd9f72e9-a819-46fa-a3b7-1a9473b65990> (дата обращения: 10.09.2019).
14. Рост экономики Узбекистана составит 5,2% в 2019 г. // Азиатский банк развития. URL: <https://www.adb.org/ru/news/uzbekistan-growth-improve-further-52-2019-adb> (дата обращения: 10.09.2019).
15. Literacy rate, adult total (% of people ages 15 and above) // Информационный портал «Population Pyramids of the World from 1950 to 2100». URL: <https://www.populationpyramid.net/hnp/literacy-rate-adult-total-of-people-ages-15-and-above/2015/> (дата обращения: 10.09.2019).
16. Основные показатели Министерства народного образования Республики Узбекистан / Министерство народного образования Республики Узбекистан. URL: <https://uzedu.uz/Xtv/BarchasiPage/67?tp=86> (дата обращения: 10.09.2019).
17. Назад в будущее: что заставляет узбекистанцев активнее учить русский язык // Новостное агентство «Sputnik». URL: <https://uz.sputniknews.ru/analytics/20180829/9256462/Nazad-v-budushee-cto-zastavlyaet-uzbekistantsev-aktivnee-uchit-russkiy-yazyk.html> (дата обращения: 10.09.2019).
18. Сведения о конкурсе и проходных баллах по направлениям образования, по результатам проведенных тестовых испытаний по приёму в бакалавриат высших образовательных учреждений // Портал открытых данных Республики Узбекистан. URL: <https://data.gov.uz/ru/datasets/1687> (дата обращения: 10.09.2019).

Sergey M. Yun. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: sergey.yun@mail.tsu.ru

REFORM AND INTERNATIONALIZATION OF HIGHER EDUCATION IN UZBEKISTAN UNDER PRESIDENT SH.M. MIRZIYOYEV

Key words: Uzbekistan, Russia, higher education, university branch, nostrification of diplomas, El-Yurt Umidi Foundation.

The objective of the research is to identify the key areas of higher education reforms in Uzbekistan since 2016 and to give appropriate recommendations for the development of Russian-Uzbek educational cooperation. The author used legislation and materials from the official websites of Uzbek and Russian state bodies, statistics and research papers from international organizations, and materials from news agencies. The paper discusses the issues of higher education in Uzbekistan; analyzes the areas of reform of Uzbek university system; studies priority tasks and state mechanisms to support the internationalization of higher education in Uzbekistan, and measures taken to promote Russian-Uzbek cooperation in higher education.

The research reached the following conclusions. The key issues of higher education in Uzbekistan accumulated by 2016 were a huge shortage of places in the country's universities in relation to the number of school graduates; the structure of university training in major areas not adequate to modern scientific and technological development; the problem of the quality of education, university research and staff training; hypercentralized management of higher education to the detriment of the initiative and autonomy of universities. The key objectives of the modern reform are to increase the accessibility of national higher education through the opening of new universities and branches of existing universities in the regions; optimization of areas and majors of training; attracting employers to the educational process and scientific research in universities; change in various norms and rules that provide greater flexibility of the university system; development of the material and technical base of universities.

The modernization agenda for higher education in Uzbekistan includes the widespread involvement of external resources through the opening of branches of foreign universities, joint faculties and double-degree educational programs; attracting foreign academic staff; advanced training abroad.

Russia is a priority of the internationalization of Uzbek higher education. In particular, in 2019 a bilateral Agreement was signed on the mutual recognition of education and qualifications, academic degrees. Dialogues have been established at the level of authorities and

universities of the two countries. New branches of Russian universities in Uzbekistan are opening. For a more successful rapprochement between Russia and Uzbekistan in higher education, it is necessary to take into account such aspects as the high growth rates of the population and economy of Uzbekistan; one hundred percent literacy of Uzbekistan's population; the retainment by the Russian language of a significant second place after the state language in state bodies and in the society, including the education system; constant changes in educational legislation; the need to develop cooperation with universities both in Tashkent and in the regions of Uzbekistan; a greater openness of data on the Internet for the analysis of ongoing reforms.

REFERENCES

1. The Republic of Uzbekistan. (2014) Modernizatsiya sistemy vysshego obrazovaniya [Modernization of the system of higher education]. *World Bank Report No. 88606-UZ. June 2014* [Online] Available from: <http://documents.vseirnyjbank.org/curated/ru/737161501483080910/pdf/88606-28-7-2017-14-44-29-UzbekistanHigherEducationReportru.pdf> (Accessed: 10th September 2019).
2. Melibaev, N. (2017) *Vysshee obrazovanie v Uzbekistane. Eshche raz o testirovanii, abiturientakh i korruptsii* [Higher education in Uzbekistan. Once again about testing, applicants and corruption]. [Online] Available from: <https://www.fergananews.com/articles/9537> (Accessed: 10th September 2019).
3. UNESCO Institute for Statistics. (n.d.) *Baza dannyykh Instituta statistiki YuNESKO Ujpp.Stat* [Database of the UNESCO Institute for Statistics Ujpp.Stat]. [Online] Available from: <http://data.uis.unesco.org/> (Accessed: 10th September 2019).
4. The Republic of Uzbekistan. (2017) *Postanovlenie Prezidenta Respubliki Uzbekistan №PP-2909 ot 20.04.2017 "O merakh po dal'neysheму razvitiyu sistemy vysshego obrazovaniya"* ot 20 aprelya 2017 g. [Decree No. PP-2909 of the President of the Republic of Uzbekistan of April 20, 2017, "On measures for the further development of the higher education system" of April 20, 2017]. [Online] Available from: <http://www.lex.uz/docs/3171587> (Accessed: 10th September 2019).
5. The Republic of Uzbekistan. (2019) *Postanovlenie Prezidenta Respubliki Uzbekistan №PP-4359 ot 17.06.2019 "O parametrah gosudarstvennogo zakaza po priemu na uchebu v vysshie obrazovatel'nye uchrezhdeniya Respubliki Uzbekistan v 2019/2020 uchebnom godu"* [Decree No. PP-4359 of the President of the Republic of Uzbekistan dated June 17, 2019, "On the parameters of the state order for admission to study at higher educational institutions of the Republic of Uzbekistan in the 2019/2020 academic year"]. [Online] Available from: <http://lex.uz/docs/4380360> (Accessed: 10th September 2019).
6. The Republic of Uzbekistan. (n.d.) *Poslanie Prezidenta Respubliki Uzbekistan Shavkata Mirzieeva Oliy Mazhlisu* [Message from the President of the Republic of Uzbekistan Shavkat Mirziyoyev to the Supreme Assembly]. [Online] Available from: <https://president.uz/ru/lists/view/2228> (Accessed: 10th September 2019).
7. The Republic of Uzbekistan. (2017) *Postanovlenie Prezidenta Respubliki Uzbekistan №PP-3151 ot 27.07.2017 "O merakh po dal'neysheму rashireniyu uchastiya otrasley i sfer ekonomiki v povyshenii kachestva podgotovki spetsialistov s vysshim obrazovaniem"* [Decree No. PP-3151 of the President of the Republic of Uzbekistan dated July 27, 2017, "On measures to further expand the participation of industries and sectors of the economy in improving the quality of training of specialists with higher education"]. [Online] Available from: <http://www.lex.uz/ru/docs/3286191> (Accessed: 10th September 2019).
8. The Republic of Uzbekistan. (2017) *Postanovlenie Prezidenta Respubliki Uzbekistan №PP-3454 ot 29.12.2017 "O prognoze osnovnykh makroekonomicheskikh pokazateley i parametrah Gosudarstvennogo byudzheta Respubliki Uzbekistan na 2018 god"* [Decree No. PP-3454 of the President of the Republic of Uzbekistan of December 29, 2017, "On the forecast of the main macroeconomic indicators and parameters of the State budget of the Republic of Uzbekistan for 2018"]. [Online] Available from: <http://www.lex.uz/docs/3480354> (Accessed: 10th September 2019).
9. Abdulkhakov, A. (n.d.) *Uzbekistan stanet obrazovatel'nym khabom Tsentral'noaziatskogo regiona* [Uzbekistan will become an educational hub of Central Asia]. [Online] Available from: https://www.norma.uz/nashi_obzori/uzbekistan_planiyuyut_preveratit_v_obrazovatelnyy_hab_centralnoaziatskogo_regiona (Accessed: 10th September 2019).
10. The Republic of Uzbekistan. (2019) *Postanovlenie Prezidenta Respubliki Uzbekistan № PP-4119 ot 16 yanvara 2019 goda "O dopolnitel'nykh merakh po sovershenstvovaniyu sistemy kontrolya za kachestvom obrazovaniya"* [Decree No. PP-4119 of the President of the Republic of Uzbekistan of January 16, 2019, "On additional measures to improve the system of education quality monitoring"]. [Online] Available from: <http://www.lex.uz/ru/docs/4164671> (Accessed: 10th September 2019).
11. The Republic of Uzbekistan. (n.d.) *Uzbekistanu trebuyutsya kadry, sootvetstvuyushchie uskorennyy tempam reform* [Uzbekistan needs personnel corresponding to the accelerated pace of reform]. [Online] Available from: <https://president.uz/ru/lists/view/2202> (Accessed: 10th September 2019).
12. The Republic of Uzbekistan. (2019) *Ўzbekiston Respublikasi Vazirlar Ma'kamasi xuzuridagi "El-yurt umidi" zhamzarmasi ta'lim dasturlari orqali oliy ta'lim tizimi pedagog-kadrlarini khorizhda tayarlash borasidagi 2019 yilgi birinchi stipendiya tanlovi natijalari*. [Online] Available from: <https://eyuf.uz/admin/upload/news/infograf.pdf> (Accessed: 10th September 2019).
13. Ministry of Foreign Affairs of Russia. (n.d.) *Soglasenie mezhdru Pravitel'stvom Rossiyskoy Federatsii i Pravitel'stvom Respubliki Uzbekistan o vzaimnom priznanii obrazovaniya i kvalifikatsii, uchenykh stepeney* [Agreement between the Government of the Russian Federation and the Government of the Republic of Uzbekistan on the mutual recognition of education and qualifications, academic degrees]. [Online] Available from: <https://mddoc.mid.ru/api/ia/download/?uuid=dd9f72e9-a819-46fa-a3b7-1a9473b65990> (Accessed: 10th September 2019).
14. The Republic of Uzbekistan. (2019) *Rost ekonomiki Uzbekistana sostavit 5.2% v 2019 g.* [The growth of the economy of Uzbekistan will be 5.2% in 2019]. [Online] Available from: <https://www.adb.org/ru/news/uzbekistan-growth-improve-further-52-2019-ADB> (Accessed: 10th September 2019).
15. The Republic of Uzbekistan. (2015) *Literacy rate, adult total (% of people ages 15 and above)*. [Online] Available from: <https://www.populationpyramid.net/hnp/literacy-rate-adult-total-of-people-ages-15-and-above/2015/> (Accessed: 10th September 2019).
16. Ministry of Public Education of the Republic of Uzbekistan. (n.d.) *Osnovnye pokazateli Ministerstva narodnogo obrazovaniya Respubliki Uzbekistan* [The main indicators of the Ministry of Public Education of the Republic of Uzbekistan]. [Online] Available from: <https://uzedu.uz/Xtv/BarchasiPage/67?tp=86> (Accessed: 10th September 2019).
17. Uuz.sputniknews.ru. (2018) *Nazad v budushchee: chto zastavlyaet uzbekistantsev aktivnee uchit' russkiy yazyk* [Back to the future: what makes Uzbeks learn Russian more actively]. [Online] Available from: <https://uz.sputniknews.ru/analytics/20180829/9256462/Nazad-v-budushee-chno-zastavlyaet-uzbekistantsev-aktivnee-uchit-russkiy-yazyk.html> (Accessed: 10th September 2019).
18. The Republic of Uzbekistan. (n.d.) *Svedeniya o konkurse i prokhodnykh ballakh po napravleniyam obrazovaniya, po rezul'tatam provedennykh testovykh ispytaniy po priemu v bakalavriat vysshih obrazovatel'nykh uchrezhdeniy* [Information about the competition and passing scores according to the results of admission tests to undergraduate higher educational institutions]. [Online] Available from: <https://data.gov.uz/ru/datasets/1687> (Accessed: 10th September 2019).

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ И МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИИ

УДК 930 (57) "15/19"
DOI: 10.17223/19988613/62/17

Д.А. Ананьев

ССЫЛКА И КАТОРГА В СИБИРИ И НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX в.) В ОСВЕЩЕНИИ АНГЛО- И НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Анализируются основные работы англо-американских и немецких исследователей, посвященные истории ссылки и каторги в Сибири и на Дальнем Востоке второй половины XIX – начала XX в., когда, по мнению западных историков, пенитенциарная система Сибири переживала кризис, заставивший царское правительство принять ряд мер, направленных на ее реорганизацию. Установлено, что современные западные специалисты, активно работающие в российских архивах, существенно расширили источниковую базу своих исследований.

Ключевые слова: Сибирь; Дальний Восток; западная историография; ссылка; каторга.

На рубеже XIX–XX вв. за пределами России в массовом сознании утвердился взгляд на Сибирь как регион, населенный преимущественно ссылными и каторжными и колонизованный, прежде всего, их усилиями. Несмотря на существовавший в странах Запада общественный и научный интерес к вопросам, связанным с историей сибирской каторги и ссылки, специальные работы, написанные по данной теме профессиональными историками, появлялись редко. Анализируя немногочисленные публикации зарубежных коллег (в основном представителей англо- и германоязычной историографии), советские исследователи (в частности, Л.М. Горюшкин, А.Ю. Дергачев, С.В. Передерий) критиковали их за узость источниковой базы, замалчивание или отрицание фактов революционной борьбы политических ссылных (особенно большевиков), неверные представления о положении революционеров в ссылке и косвенное оправдание, а порой даже апологию карательной политики царизма [1–3].

В современной англо- и германоязычной историографии значительное внимание уделяется периоду второй половины XIX – начала XX в., когда система каторги и ссылки в Сибири, по мнению западных историков, переживала кризис, заставивший царское правительство осуществить реорганизацию системы уголовных наказаний. Цель настоящей статьи – рассмотреть основные работы англо-американских и немецких исследователей и оценить их вклад в изучение истории пенитенциарной системы Сибири «позднеимперского периода».

По заключению немецкого историка Д. Дальмана [4], в конце XIX в. «печальной славе» Сибири как места каторги и ссылки способствовали воспоминания бывших политических ссылных, труды представителей «либеральной общественности», а также, в немалой степени, работы американского журналиста Дж. Кен-

нана (1845–1924). Парадоксально, но в начале своей карьеры Дж. Кеннан искренне восхищался Россией и Сибирью, где ему удалось побывать еще в молодости в качестве сотрудника российско-американской телеграфной компании. Наряду с Г. Лансдэллом и П.М. Коллинзом в своих ранних статьях он выступал в поддержку царского правительства и системы ссылки. Так, в одной из публикаций, увидевшей свет в 1882 г., Дж. Кеннан, используя статистические материалы Е.Н. Анучина, опровергал преобладающее на Западе представление о том, что основную массу ссылных в Сибири составляли осужденные за политические преступления (народники или, в его терминологии, «нигилисты»), а также поляки и прочие «заговорщики».

Далее Дж. Кеннан доказывал, что вопреки другому распространенному заблуждению, ссылнокаторжные не составляли большинства ссылного населения Сибири (в 1867–1872 гг. их доля не превышала 8%); что этапирование ссылных производилось не только пешим порядком; в Сибири им не так уж сложно было найти работу, а статистика побегов, ежегодно совершавшихся ссылными, свидетельствовала об очень слабом надзоре со стороны местных властей. Впрочем, автор статьи признавал, что по мере роста благосостояния сибирского населения система ссылки все чаще подвергалась острой критике, поскольку создавала региону дурную репутацию и сдерживала приток переселенцев, и допускал, что в будущем она может быть упразднена.

Описания наиболее мрачных сторон жизни заключенных и ссылных в Сибири, приведенные, например, трудах С.В. Максимова или британского журналиста Ю.К. Гренвилла Мюррэя, по утверждению Дж. Кеннана, имели свои аналоги в истории американских тюрем, не говоря уже о ссылке в Австралию или на Землю Ван-Димена (Тасманию). Как писал Дж. Кеннан, «если

мы по этой причине не называем американское или британское правительство варварским или жестоким, то не следует этого говорить и о России» [5. Р. 58]¹. Такого рода высказывания вызывали многочисленные критические отзывы в западной прессе, заставившие журналиста уделить данному вопросу более пристальное внимание. По возвращении из очередной поездки в Россию, совершенной в середине 1880-х гг., Дж. Кеннан превратился в одного из последовательных критиков системы каторги и ссылки (как, напр., Дж. Бьюэл, Дж.Я. Симпсон, Л.Ф. Гоуинг), перестав проводить сравнения с ситуацией в американских тюрьмах.

После 1917 г. Дж. Кеннан и его сторонники вновь подверглись критике за необъективность – теперь со стороны тех исследователей, кто сравнивал карательную политику царской и Советской России и считал последнюю значительно более суровой [6]². В конце 1950-х гг. бывший посол США в СССР Дж.Ф. Кеннан в предисловии к очередному переизданию двухтомника «Сибирь и ссылка», написанного его знаменитым родственником, признавал, что «автор не смог в полной мере принять во внимание чудовищность террористических актов, за которые были сосланы в Сибирь многие герои его книги» [7. Р. 84]. Известный американский историк Д. Тредголд назвал книгу Дж. Кеннана публицистической, направленной на искоренение конкретного зла, но не дающей сбалансированной картины фактического состояния пенитенциарной системы России и Сибири. Вместе с тем инициаторы переиздания полагали, что работа Дж. Кеннана позволяет не только лучше понять политико-правовую систему Советского государства, но и провести обескураживающие параллели с американским правосудием, которое опиралось, в том числе, на принципы «вины по ассоциации», «вины по отказу донести на других», «наказания как предупредительной меры за еще не совершенное деяние» и др. [Ibid.].

До конца 1970-х гг. в англоязычной историографии отдельные вопросы сибирской каторги и ссылки «позднеимперского периода», как правило, затрагивались в работах обобщающего характера (Т. Армстронг [8] и др.), либо в биографических исследованиях, посвященных известным деятелям революционного движения (Э. Карр [9], Ф.Б. Рэндалл [10] и др.). Одна из немногих специальных работ по теме – опубликованная в 1937 г. статья известного английского историка Эдварда Карра (1892–1982), посвященная сибирской ссылке М.А. Бакунина и истории его побега в 1861 г. В качестве источников автор, консультировавшийся с сотрудниками Русского заграничного исторического архива в Праге, использовал письма М.А. Бакунина, изданные в 1896 г. в Женеве М.П. Драгомановым, а также документальные материалы к его биографии, опубликованные в СССР в 1923–1933 гг.

В своем исследовании Э.Х. Карр стремился выяснить степень виновности отдельных представителей местной

администрации, не сумевших предотвратить побег революционера. В итоге историк отверг версию о том, что к организации побега могло быть причастно царское правительство. Признавая, что генерал-губернатор Восточной Сибири М.С. Корсаков и иркутский гражданский губернатор П.А. Извольский благосклонно относились к М.А. Бакунину, исследователь пришел к выводу, что обвинить их можно лишь в том, что они не приняли достаточных мер предосторожности. В качестве наиболее вероятных сообщников М.А. Бакунина, действовавших из идейных соображений, и пособников, которых тот мог подкупить, Э. Карр назвал ряд офицеров и чиновников более низкого ранга.

В 1980-х – начале 1990-х гг. единственным представителем англоязычной историографии, посвятившим сибирской ссылке ряд специальных исследований, оказался британский историк Алан Вуд [11–15]. Не имея свободного доступа к архивным материалам, хранившимся в СССР, А. Вуд активно использовал сведения из дореволюционных изданий (в том числе «Тюремного вестника», трудов А.П. Саломона, С.В. Максимова, Н.М. Ядринцева и др.) и работ советских историков.

В отличие от Д. Дальмана, А. Вуд убежден, что мрачная репутация Сибири как места каторги и ссылки вполне оправдана, будучи «прочно укорененной в суровой исторической реальности и зачастую невыразимых страданиях ссыльного населения» [14. Р. 395]. Как замечает историк, еще в начале 1820-х гг. М.М. Сперанский, назначенный на должность сибирского генерал-губернатора, воспринимал ситуацию в сфере исполнения наказаний как требующую срочного вмешательства. Анализируя нормативно-правовую основу системы сибирской ссылки, созданную М.М. Сперанским в 1822 г., А. Вуд называет одним из существенных изъянов «Устава о ссыльных» и «Устава об этапах» недостаток внимания к вопросам, связанным с организацией каторжных работ. Вслед за российскими специалистами британский исследователь признает, что разработанная реформатором классификация ссыльных на практике в полной мере никогда не применялась. А. Вуд приходит к выводу, что М.М. Сперанский, в деятельности которого сочетались проявления гуманности и сострадания, с одной стороны, и бюрократические, системные управленческие решения – с другой, лишь заложил основы более разумной системы управления, но принципиально ситуацию не изменил [16. Р. 123].

В одной из своих ранних статей А. Вуд выразил недоумение по поводу того, что западные историки в течение столь длительного времени не пытались проверить свидетельства о сибирской каторге и ссылке, оставленные современниками (в первую очередь, Дж. Кеннаном). По заключению автора, один из наиболее заметных пробелов в историографии связан с отсутствием специальных работ, исследующих «общинные формы организации» в системе каторги и ссылки. С целью восполнения данного пробела в одной из сво-

их статей британский историк рассмотрел роль крестьянских общин в системе административной ссылки, а также феномен тюремных, ссыльных и бродяжеских общин в Сибири [14].

А. Вуд отмечает, что несмотря на ряд законодательных актов, принятых в XVIII – начале XIX в., административная ссылка не знала четко установленных законом процедур и регулировалась разнообразными обычными-правовыми нормами. Вместе с тем можно выделить два главных основания для высылки членов крестьянских общин в Сибирь: 1) за «порочное поведение» и 2) «по неприятии» общиной после отбытия наказания. Историк подчеркивает, что какой бы ни была действительная причина ссылки, власти не делали большого различия между ссыльными ни в процессе этапирования, ни в местах приписки. Таким образом, административно-ссыльные «обрекались на такую же ужасную судьбу, что и закоренелые преступники». В 1861 г. право на административную ссылку крестьян перешло от помещиков к крестьянским обществам. Для того чтобы оценить реальный объем полномочий, переданных общинам в сфере поддержания правопорядка, А. Вуд напоминает, что каторга и ссылка на поселение составляли самые верхние «ступени» в официальной «лестнице наказаний».

В начале 1860-х гг. расширение полномочий крестьянских обществ вызвало бурные дискуссии в правительственных кругах. Резкой критике подвергалось право на ссылку «по неприятии» общиной, поскольку в данном случае полностью игнорировались концепции реабилитации и исправления; не принималась возможность уплаты осужденным «долга обществу» и, главное, отвергался правовой принцип, согласно которому никто не мог быть наказан за одно преступление дважды. Ко всему прочему, система административной ссылки была связана с разнообразными злоупотреблениями. Современники приводили многочисленные примеры того, как членов крестьянских обществ с безупречной репутацией высылали лишь потому, что кто-то претендовал на их земельный надел; как богатые крестьяне («кулаки») избавлялись от бедняков, а местные чиновники потворствовали им за взятки; как на приговорах мирских сходов, принимавших решения о высылке, стояли подписи не участвовавших в них крестьян. Нередкими были случаи, когда общины избавлялись таким образом от неподкупных выборных должностных лиц, входивших в противоречие с нелегальными (хотя и традиционными для общин) практиками.

Несмотря на непрерывно звучавшую критику и мнение большинства членов Государственного совета, Александр III своим указом от 14 июня 1888 г. занял сторону меньшинства, полагавшего, что все права и прерогативы крестьянских и мещанских обществ, связанные с поддержанием правопорядка на местном уровне, должны сохраниться в силе. В итоге к концу XIX в. административно-ссыльные составили почти половину от всего ссыльного населения Сибири, при

этом доля осужденных по приговорам обществ достигла 98%. По мнению А. Вуда, непрерывно растущее число административно-ссыльных заронило в Сибири семена опасного «брожения умов» и повлияло на рост преступности. В 1900 г. реформа системы ссылки привела к некоторому сокращению числа ссыльных по приговорам общин, которое, впрочем, вскоре компенсировалось притоком тех, кого высылали по решениям органов полиции в условиях социального, экономического и политического кризиса начала XX в.

Анализируя функции и значение тюремных и бродяжеских общин в жизни ссыльного населения Сибири (в том числе рассматривая их внутреннюю иерархию, взаимоотношения с тюремной администрацией и местным населением и т.п.), А. Вуд подчеркивает, что в отличие от других форм общинной организации в России артели ссыльных в Сибири не только не разрушились под влиянием институциональной и экономической модернизации, происходившей в стране на рубеже XIX–XX вв., но и сохранились вплоть до окончательного упразднения ссылки в 1917 г.

С конца 1990-х гг. проблемами «исторической педологии» на материале Сибири и Дальнего Востока занимается американский историк Эндру Гентес, защитивший в 2001 г. диссертацию в Университете Брауна (шт. Род-Айленд) и опубликовавший на ее основе серию статей и монографий [17–25]. Диссертация Э. Гентеса – первое в англоязычной историографии исследование, охватывающее всю дореволюционную историю сибирской ссылки, т.е. с конца XVI в. до 1917 г. В своей работе Э. Гентес опирался на обширный документальный материал из фондов российских центральных (ГАРФ, ЦГАЛИ) и региональных (ГАИО, ГАПК, РГИА ДВ) архивов; материалы периодической печати; публикации отечественных и зарубежных специалистов. Высоко оценивая достижения советской историографии, Э. Гентес все же считает наиболее значимыми для своего исследования труды дореволюционных авторов (С.В. Максимова, Е.Н. Анучина, Н.М. Ядринцева, Г.С. Фельдштейна, И.Я. Фойницкого, В.И. Семевского, Д.А. Дриля и др.). Значительное внимание в диссертации уделяется нарративам политических ссыльных и побывавших в Сибири иностранцев (Дж. Кеннана, Ч. Хауса, Дж. Кокрейна, Р. Джефферсона, Т.У. Нокса и др.).

В центре внимания американского историка – система управления сибирской ссылкой и состав ссыльного населения. Опровергая расхожий на Западе тезис о Сибири как «стране ссыльных», Э. Гентес напоминает, что даже в начале XX в., когда правительство активно боролось с революционным движением, доля ссыльных в Сибири не превышала 10% от общей численности населения региона. По мнению историка, в России система ссылки возникла и развивалась постольку, поскольку это было необходимо государству. Деятельность М.М. Сперанского способствовала «систематизации» и упорядочению пенитенциарной си-

стемы, хотя уже в царствование Николая I некоторые влиятельные сановники признавали, что институт ссылки себя не оправдал и подлежал упразднению.

В течение всего XIX в., несмотря на попытки правительства реформировать империю по европейским образцам, поток ссыльных в Сибирь непрерывно увеличивался. После подавления Январского восстания (1863–1864 гг.) в сибирскую ссылку отправились тысячи поляков, что привело к коллапсу всей системы наказаний [21]. По данным Э. Гентеса, в период между 1863 и 1868 гг. в Сибирь было сослано от 18 до 24 тыс. человек [19]³. В 1868 г. генерал-губернатор Восточной Сибири М.С. Корсаков уведомил главу МВД о невозможности задействовать на каторжных работах всех «ссыльно-рабочих» и предложил перевести часть из них (по крайней мере, поляков) в Алтайский горный округ. Из-за тяжелых условий на Нерчинской и Карийской каторге возникали беспорядки, в основном с участием политических заключенных, и местные власти опасались, что это приведет к еще большим волнениям. В итоге Александр II признал положение дел в данной сфере неудовлетворительным.

Причиной официально признанного «коллапса каторги» Э. Гентес называет нехватку средств, административный хаос, неуважение к существующим законам и «институционализированную жестокость». В том же 1868 г. по указу царя создается Комитет об устройстве каторжных работ, одним из результатов деятельности которого стало учреждение сахалинской каторги [19]. В дальнейшем правительство демонстрировало двойственное отношение к ссыльным, воспринимая их и как рабочую силу (для выполнения каторжных работ), и как колонистов (для аграрного освоения восточных окраин), что, по определению Э. Гентеса, отражало растущий разрыв между «анахроничным государством и медленно модернизовавшимся обществом».

Американский историк выделяет завершающий этап в истории сибирской ссылки, охватывающий период с 1900 по 1917 г. [17] Важнейшим событием в указанный период стало упразднение некоторых видов ссылки по Закону от 12 июня 1900 г., что явилось итогом деятельности комиссии под руководством министра юстиции Н.В. Муравьева. В числе факторов, способствовавших реформе, Э. Гентес называет: 1) рост числа тюрем; 2) стремление властей уменьшить количество арестов и обвинительных приговоров и 3) разгрузить пенитенциарную систему (примечательно, что контроль над ссыльными был настолько слабым, что в 1898 г. не менее трети ссыльных находились «в безвестной отлучке»); 4) протесты сибирской общественности; 5) намерение правительства стабилизировать обстановку на «восточном фронтире» для реализации своих геополитических замыслов; 6) развитие торговых связей с соседними державами, обострение международных противоречий в Азии и необходимость повышения обороноспособности восточных окраин империи.

Реформе предшествовала передача Главного тюремного управления (далее – ГТУ) из МВД в Мини-

стерство юстиции в декабре 1895 г., а также инспекционная поездка в Сибирь нового начальника ГТУ А.П. Саломона, интересовавшегося, среди прочего, влиянием ссылки на уровень преступности в регионе. Приняв во внимание результаты инспекции, комиссия Н.В. Муравьева приняла решение об отмене ссылки на жительство и многих видов ссылки на поселение (сохранив ее в качестве наказания за религиозные и государственные преступления); бродяг отныне ссылали только на Сахалин. Кроме того, отменялась административная ссылка по приговорам мещанских обществ. За крестьянскими общинами такое право сохранили, по-прежнему усматривая в этом действенный инструмент поддержания правопорядка в сельской местности.

По заключению Э. Гентеса, реформа 1900 г. привела к сокращению ссыльного населения на 85%. В то же время сохраняло свою силу чрезвычайное законодательство 1881 г., позволявшее административным органам ссылать всех заподозренных в «крамоле», что привело к резкому росту количества политических ссыльных после 1905 г. Сопоставляя данные из работ отечественных и зарубежных авторов, Э. Гентес подытоживает, что доля «политических» составляла не более 2% от всего ссыльного населения до 1905 г., и примерно 10% – после 1905 г.

Указывая на путаницу в источниках и исторических трудах, связанную с использованием терминов «государственные преступники» и «политические ссыльные», Э. Гентес уточняет, что в официальных документах термином «государственные преступники» обозначались этнические русские, обвиненные в «оскорблении величества», тогда как термин «политические ссыльные» (возникший в конце XVIII в.) почти всегда относился к полякам и иногда к представителям других национальностей, сосланных за фактическое или предполагаемое участие в восстаниях и заговорах⁴.

По мнению американского историка, отмена некоторых видов ссылки в 1900 г. не была проявлением прогрессивности царского правительства. Скорее, она соответствовала общему вектору его политики, направленной на усиление репрессивных функций полиции, которые оказались наиболее востребованными после подавления революции 1905 г. Развивая идеи М. Фуко о том, что власть возникает как результат переговоров и взаимодействия между индивидами, а не в результате воздействия более сильной группы на более слабую, Э. Гентес подчеркивает, что ссыльные в Сибири никогда не были совершенно беспомощными. Само существование их субкультуры доказывает, что они не могут рассматриваться лишь как жертвы режима. При необходимости они сами могли осуществлять насилие. По заключению историка, используя ссылку в таких огромных масштабах, царизм сеял семена своего собственного разрушения, «разжигая в сердцах ссыльных жажду мести» и одновременно допуская такую степень самоорганизации революционеров, что тем в итоге удалось отправить «на свалку истории» сам царский режим.

В 2016 г. британская исследовательница Сара Бэдкок (Университет Ноттингема) опубликовала монографию, посвященную истории ссылки в Восточную Сибирь в 1905–1917 гг. Следуя в русле новых научных направлений – «истории эмоций, наказания, боли и болезней», автор видит главной своей задачей изучение субъективного «живого опыта» и анализ «личностных, человеческих и эмпатических аспектов», связанных с пребыванием в ссылке. Опираясь на обширную историографию, посвященную системе наказаний, миграциям и принудительным перемещениям (работы Л.Х. Сигельбаума, Н.Б. Брейфогла, П. Гатрелла, Дж. Санборна и др.), С. Бэдкок делает акцент на жизни низших классов, «бесправных жителей имперских окраин».

Работа над книгой потребовала архивных изысканий, осуществленных автором в 2006–2008 гг. в Москве (ГАРФ, РГАСПИ), Сибири и на Дальнем Востоке. Наряду с делопроизводственными материалами полицейских и тюремных учреждений, документацией общественных и благотворительных организаций автор изучала источники личного происхождения: мемуары, письма и дневники политических заключенных (в основном, опубликованные в журнале «Каторга и ссылка» в 1918–1932 гг.). По замечанию исследовательницы, несмотря на элемент идеологической заданности, некоторые мемуарные материалы представляют собой глубоко личные, субъективные свидетельства.

По заключению С. Бэдкок, в новейшей российской историографии нарратив о героических политических ссылных и репрессивной политике самодержавия сохранился. В последние десятилетия западные историки (Б. Адамс, Э. Шредер, Дж. Дэли, А. Гайфман и др.) взялись за пересмотр устоявшихся концепций, но сфокусировали свое внимание на центральной политике и реформах, а не на личном опыте ссылных и «локальной перспективе». Объединив методологические подходы социальной и культурной истории, С. Бэдкок стремилась исследовать формирование «множественных идентичностей» у лиц, подвергшихся наказанию, а также значение и опыт насильственного перемещения. В монографии подчеркивается, что о каждом ссылном, политическом или уголовном, мужчине или женщине, взрослом или ребенке, можно сказать, что его личность сильно изменилась после испытаний, связанных с пребыванием в ссылке. Для С. Бэдкок главным было показать, как обычные заключенные тюрем и ссылные, не связанные с революционным движением, реально проживали свою повседневную жизнь [28. Р. 54–59]. Решению данной задачи во многом способствовало изучение разнообразной ведомственной документации, в которой содержатся письменные обращения ссылных к представителям местной администрации с просьбами о помиловании, содействии в поиске работы, оказании помощи детям и другим членам семей и пр.

Как и другие западные историки-сибиреведы (напр., Ю.Л. Слезкин, В. Кивельсон, Э. Гентес, Э. Шредер, Э.-М. Столберг), С. Бэдкок указывает на противоречи-

вость образа Сибири в восприятии жителей Европейской России: Сибирь одновременно представляла и как «совершенный образец русскости», и как самая отдаленная местность. Вслед за А.В. Ремневым, британская исследовательница полагает, что к концу XIX в. царские сановники все меньше рассматривали Сибирь как колонию [29]. Соответственно, взгляд на Сибирь как неотъемлемую часть России делал проблематичным использование региона в качестве места ссылки (об этом же в свое время писал Дж. Кеннан).

Размыванию границ между европейской и азиатской частями Российской империи в сознании ее подданных, по мнению С. Бэдкок, способствовало развитие транспортных коммуникаций (в первую очередь, строительство Транссибирской магистрали), распространение идей панславистов, а также массовый приток крестьян-переселенцев. Вместе с тем сохранялись фундаментальные факторы, позволявшие использовать Сибирь как место ссылки: труднодоступность и малонаселенность многих ее районов, суровый климат и неразвитая инфраструктура. К тому же, в представлении властей, ссылные наряду с крестьянами-переселенцами являлись, пользуясь терминологией А.В. Ремнева, «важным инструментом российского имперского проекта» [Ibid. Р. 442] и должны были «цивилизовать» сибирское пространство и коренное население.

Все это создавало, по определению С. Бэдкок, «глубинный конфликт» между «ипостасями» Сибири как места ссылки и региона, где складывался русский социум. Опираясь на архивные документы, исследовательница приводит примеры того, как сибирские губернаторы «выносили этот конфликт в свой дискурс» с вышестоящим начальством, добиваясь уменьшения или полного прекращения ссылки в регион. Так, в 1910–1911 гг. военный губернатор Забайкальской области В.И. Косов писал, что успешное экономическое развитие региона и строительство Амурской железной дороги обеспечили достаточный приток свободной рабочей силы, делая труд ссылных невостребованным. В свою очередь, губернатор Якутской области Р.Э. Витте писал о невозможности найти применение ссылным в Якутске из-за слабости экономики, почти полного отсутствия промышленности и нехватки пахотных земель. По замечанию отечественного историка Д.А. Бакшта, внимание С. Бэдкок к конфликтам между различными агентами государственных интересов приближает ее монографию к тенденциям современной российской историографии [30. С. 61].

Свой интерес к периоду 1905–1917 гг. автор объясняет тем, что указанный хронологический отрезок был отмечен беспрецедентным ростом числа политических ссылных. С началом Первой русской революции преследованиям подверглись бунтовщики в армии, деревне и городе; к каторге и ссылке приговаривались за множество преступлений – от терроризма до участия в революционной пропаганде и членства в нелегальных организациях⁵. В 1905–1915 гг. количество каторжан

выросло в 5 раз. Тех, кого считали политически неблагонадежными, но не могли обвинить в серьезных преступлениях, ссылали в административном порядке. В начале XX в. к «политическим» можно было отнести основную массу административно-ссыльных; доля «политических» среди тех, кого сослали по приговорам судов, была существенно ниже.

В отличие от более раннего периода власти обращались с политическими ссыльными не менее сурово, чем с уголовными. Вместе с тем исследовательница подчеркивает, что и государство, и сами ссыльные четко различали «уголовных» и «политических». Социальный облик последних существенно изменился после 1905 г., что способствовало дальнейшему ухудшению их положения в Сибири. С. Бэдкок приводит результаты обследования 15 тыс. ссыльных, которое в 1908 г. провел журналист В. Комков. Согласно полученным им данным, если до 1905 г. основную массу «политических» составляли представители привилегированных классов, то после 1905 г. – рабочие и военные. В 1905–1908 гг. 40% политических ссыльных были из рабочих, 24% – из крестьян, 34% принадлежали к интеллигенции [28. Р. 3].

Характеризуя основные категории ссыльного населения и сопоставляя имеющиеся данные о его численности, исследовательница не предлагает собственной детальной классификации ссыльных⁶, отсылая читателей к соответствующему параграфу в диссертации Э. Гентеса, где речь фактически идет о 6 категориях ссыльнопоселенцев, определенных Уставом 1822 г. С. Бэдкок не приводит достоверных сведений о соотношении политических и уголовных ссыльных в масштабах восточносибирского региона в течение рассматриваемого периода. По ее мнению, отсутствие точных цифр объясняется безразличием государства к судьбам ссыльных. В монографии приводятся сводные данные, взятые автором из разных источников, в основном, работ Н.Н. Быковой и отчетов ГТУ. Так, по данным ГТУ, в 1910 г. более 60% осужденных сослали в Сибирь за тяжкие уголовные преступления, и около 30% – за «политические преступления» различного рода.

Британская исследовательница пишет о преимущественно негативных последствиях ссылки для региона и призывает, в частности, не преувеличивать вклад ссыльных в культурное развитие Сибири. Несмотря на то, что резкий рост ссыльного населения в начале XX в. не вызвал новую волну преступности в Восточной Сибири, он создал серьезную нагрузку для ее ресурсов.

Как и другие западные историки (Э. Гентес, Дж. Дэли, Д. Бир, Д. Дальман), С. Бэдкок помещает систему сибирской ссылки в сравнительный контекст, пытаясь установить, насколько обоснованными были распространенные в литературе представления об исключительной жестокости карательной политики самодержавия. По мысли С. Бэдкок, сравнение с другими странами показывает, что Россия не была «страной-изгоем», сбившейся с пути, по которому шла «семья

цивилизованных западных стран». Каторжные работы существовали в США, Франции, Великобритании. Поддерживая выводы известной американской исследовательницы Ч. Чаттерджи, С. Бэдкок замечает, что британские власти проявляли не меньшую суровость в отношении государственных преступников, но если «сибирская ссылка стала метафорой несправедливого государственного террора и насилия», то ужасы колониального правления Британской империи были ловко скрыты за ширмой публикаций в мировой прессе, писавшей о «гражданском неповиновении, бунтарстве, анархии и измене». Британии как воплощению «западного прогресса» удалось противопоставить себя «восточному варварству» Российской империи потому, что она сумела создать национальное государство с относительно либеральной системой управления посреди огромной и отнюдь не либеральной империи [Ibid. P. 18–20].

Впрочем, С. Бэдкок признает, что с учетом целей и задач исследования сравнение с другими режимами или странами мало что дает. Главная цель ее работы – реконструировать индивидуальный опыт людей, подвергшихся наказанию, а любой субъективный опыт всегда исключителен, и концепция «иерархии страданий» для исследовательницы неприемлема. По определению С. Бэдкок, рассмотренный ею «калейдоскопический» и «пестрый» жизненный опыт людей, прошедших сибирскую ссылку и каторгу, являет собой образец человеческой стойкости, упорства и умения адаптироваться к любым условиям [Ibid. P. 178].

В 2016 г. сотрудник Университета Роял Холлоуэй (Лондон) Дэниэл Бир опубликовал монографию по истории сибирской каторги и ссылки XIX – начала XX в. По мнению британского историка, система ссылки играла центральную роль в колонизации Сибири, особенно если принять во внимание, что только в 1801–1917 гг. за Урал сослали более 1 млн человек. В то же время, непрерывно растущий поток ссыльных создавал все больше проблем и превращался в препятствие на пути эффективного развития региона [31]⁷.

Автор присоединяется к выводам тех западных исследователей (Ю. Слезкин, Г. Даймент, В. Кивельсон), кто полагает, что система ссылки во многом обусловила амбивалентность образа Сибири в восприятии современников. Сибирь одновременно считалась и «средоточием тьмы» для России, и краем новых возможностей и процветания. По мнению многих, мрачное настоящее восточных окраин империи должно было уступить дорогу яркому будущему, и ссыльным предстояло сыграть ключевую роль в этой трансформации [Ibid. P. 3–4]. Одновременно в зарубежных периодических изданиях печатались карикатуры на тему «цивилизаторской миссии» России в Азии.

Британский историк пишет не только о сосланных в Сибирь известных деятелях революционного движения, но и о тысячах обычных уголовников, чьи судьбы запечатлены в полицейских отчетах, апелляциях, судебных протоколах и официальной ведомственной пе-

реписке. Делопроизводственные материалы Д. Бир изучал в архивах Москвы, Санкт-Петербурга, Тобольска и Иркутска. Наряду с архивными документами исследователь широко привлекал опубликованные источники личного происхождения. Автор демонстрирует хорошее знание историографии по теме, используя работы как зарубежных, так и российских историков (в их числе – А.А. Иванов, А.Д. Марголис, П.Л. Казарян, В.А. Дьяков, К.К. Кораблин и др.).

Несколько глав своей монографии Д. Бир посвятил анализу положения политических ссыльных в Сибири в конце XIX – начале XX в. По данным Д. Бира [31. Р. 299], в 1881–1904 гг. в Сибирь было сослано 4 100 человек за «политическую неблагонадежность» и еще ок. 2 000 человек за участие в забастовках. Если учесть, что, по данным ГТУ, к 1898 г. в Сибири находилось около 300 тыс. ссыльных, доля политических представляется очень незначительной, хотя они пользовались несоизмеримо большим влиянием. По мнению английского историка, политические ссыльные 1870–1880-х гг., в отличие от декабристов, не были готовы смириться со своим «изгнанием с политической сцены» и в дальнейшем демонстрировать свои идеологические убеждения исключительно внутри своего сообщества [Ibid.]. Одной из форм борьбы был побег, но для политзаключенных он никогда не был лишь способом обретения личной свободы; это был акт политического сопротивления, коллективно спланированный и подготовленный. В 1881 г. отказ некоторых ссыльных (в том числе В.Г. Короленко) от присяги новому царю задал образец поведения, предполагающего отказ от обращения с какими-либо просьбами к властям.

Подробно описывая трагические судьбы некоторых ссыльных (например, Е.Н. Ковальской), тяжелые условия их жизни в Сибири, историк замечает, что и при таких обстоятельствах многие ссыльные радикалы парадоксальным образом обретали в Сибири большую свободу, чем в Европейской России. Относительная слабость административного надзора, отсутствие необходимых профессиональных навыков у местных чиновников, перегруженных делами, и их довольно снисходительное отношение к ссыльным позволяли последним в той или иной степени заниматься хозяйственной, образовательной или исследовательской деятельностью.

В 1880 г. МВД постановило всех политзаключенных, приговоренных к каторжным работам в тюрьмах Европейской России, перевести в Сибирь – преимущественно в тюрьмы Нерчинского каторжного комплекса (мужчин – в Нижнекарийскую тюрьму, женщин – в Усть-Карийскую). В дальнейшем карийская каторга являлась основным местом заключения для государственных преступников в Восточной Сибири. По словам Д. Бира, «либеральный» заведующий нерчинскими ссыльнокаторжными полковник В.О. Кононович допустил ослабление режима содержания политкаторжан (за что в 1881 г. был переведен на о. Сахалин), надеясь

тем самым предотвратить побег. Тем не менее в 1882 г. 8 заключенных совершили побег, закончившийся неудачей. Тюремный режим был вновь ужесточен, и добиться его смягчения, несмотря на акции протеста, не удалось. По мнению Д. Бира, выступления политкаторжан на Каре в 1882 г. продемонстрировали готовность заключенных защищать свое достоинство и набор прав, не дарованных государством, но общих для всех людей. Об этом же свидетельствовало и восстание в Якутске в марте 1889 г., вызванное произволом вице-губернатора Якутской области П.П. Осташкина.

Одним из действенных способов умирения недовольных служили телесные наказания, но далеко не всегда, что продемонстрировали события на Карийской каторге в 1889 г. После того как по распоряжению генерал-губернатора Приамурья А.Н. Корфа политзаключенная Н.К. Сигида подверглась наказанию розгами, она и еще почти два десятка человек покончили с собой. Карийская трагедия вызвала волну возмущения не только в России, но и за рубежом, после чего европейские правительства прекратили выдавать России беглых «государственных преступников».

По словам Д. Бира, когда разразилась революция 1905 г., ссыльные радикалы превратили города и села Сибири в очаги отчаянного сопротивления самодержавию. К выступлениям политических ссыльных в городах присоединялись и бастующие рабочие, и возвращавшиеся с Манчжурского фронта солдаты. Если в начале царствования Николая II Сибирь была территорией политического «карантина», то к началу Первой мировой войны она превратилась в «гигантскую лабораторию революции». Начавшаяся после революции 1905 г. политическая реакция, деятельность военных трибуналов и высылка в Азиатскую Россию всех «подозрительных элементов» привели к резкому росту численности тюремного населения Сибири.

В 1906–1907 гг. в сибирские тюрьмы были назначены новые начальники, более жестокие в сравнении с прежними, допустившими смягчение тюремного режима в условиях революционного взрыва. Жестокое противостояние между заключенными и представителями тюремной администрации сопровождалось побегами и покушениями на представителей тюремной администрации. Так, в 1907 г. в Чите был убит начальник Нерчинской каторги Ю.И. Метус, в том же году эсеры убили начальника Тобольской тюрьмы А.Г. Богоявленского, а в 1909 г. – его преемника И.С. Могилева. По заключению Д. Бира, если в 1880–1890-х гг. революционеры апеллировали к суду общественного мнения, то теперь они выступали в роли исполнителей приговора, вынесенного этим судом. Период «политической реакции», наступивший после поражения революции 1905 г., предопределил судьбу самодержавия – его триумф был кратковременным. В 1917 г. революция разрушила систему ссылки, добившейся столь малого за столь колоссальную цену.

История сибирской каторги и ссылки освещается и в современной немецкой историографии. Так, в 2007 г. в издательстве Института Восточной Европы в Мюнхене увидела свет небольшая работа выпускника Университета Цюриха Маркуса Акерета, посвященная политкаторжанам, отбывавшим наказание в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке [33]. В качестве источников автор использовал опубликованные делопроизводственные документы, путевые заметки и записки русских и иностранных наблюдателей, но в основном – воспоминания бывших заключенных.

М. Акерет показывает, как в условиях ссылки проходила проверка на прочность сплоченность революционеров; подробно рассматривает условия содержания и размещения заключенных, чьи контакты с внешним миром или взаимодействие с тюремной администрацией могли приобретать различную форму в зависимости от актуальных политических настроений. В рецензии на работу М. Акерета М. Камиссек справедливо задается вопросом, насколько вообще возможно плодотворное изучение «мира каторги» в позднеимперский период, если автор анализирует лишь источники, созданные немногочисленной группой политических заключенных (на рубеже веков их доля среди ссыльнокаторжных составляла около 1,6%) [34]. Вместе с тем исследование М. Акерета, по мнению М. Камиссека, заставляет задуматься о проблеме сопоставления мемуарной литературы с архивными источниками, позволяющими получить представление о тех аспектах тюремной повседневности (смертность, конфликты между группами заключенных и др.), которые отсутствуют в мемуаристике [34].

На работу М. Акерета в своем исследовании ссылается известный немецкий историк, профессор Боннского университета Д. Дальман – автор обобщающего труда по истории Сибири, специальный раздел которого посвящен каторге и ссылке [4]. Критически оценивая советскую историографию, Д. Дальман опирался преимущественно на работы современных зарубежных специалистов – Дж. Стефана, Э. Качинской, Э. Гентеса, А. Вуда и др. Наряду с Б. Адамсом и Дж. Дэли автор доказывает, что в царской России условия жизни для ссыльных и каторжан были не хуже, а порой и лучше, чем в других странах [Ibid. S. 165].

Тем не менее, по признанию Д. Дальмана, система ссылки до сих пор воспринимается как доказательство отсталости царской России и «признак варварства», поскольку она ограничивала права подданных, а также оказывала негативное влияние на местное население Сибири. Печальную славу сибирской ссылке создали, прежде всего, представители оппозиционного лагеря – либералы и социалисты. Во многом их стараниями повсеместно циркулировали сообщения, в которых Сибирь по аналогии с американским Диким Западом представляла как «Дикий Восток России», место, где царило беззаконие. По заключению Д. Дальмана, несмотря на то, что одному из главных критиков сибир-

ской ссылки Дж. Кеннану присущ явно односторонний взгляд на проблему, его оценки и выводы воспроизводятся и в современной западной историографии, о чем свидетельствуют работы Б. Бобрика, Б.У. Линкольна, Л. Томас, М. Акерета и др.

В отличие от С. Бэдкок, немецкий историк высоко оценивает вклад политических ссыльных в научное изучение Сибири и напоминает, что замечательные работы по этнологии, антропологии, геологии и зоологии оставили после себя сосланные за «государственные преступления» поляки А.Л. Чекановский, И.Д. Черский, Б.И. Дыбовский, В.Л. Серошевский, Б.О. Пилсудский. Ссыльные народовольцы Л.Я. Штернберг, В.В. Богораз, В.И. Иохельсон участвовали в Северотихоокеанской экспедиции 1897–1902 гг., организованной американским предпринимателем М.К. Джесупом.

Д. Дальман описывает тяжелые условия этапирования ссыльных в Сибирь, которые изменились к лучшему только со времени открытия Транссибирской магистрали. Несмотря на немногочисленность политических ссыльных, им удавалось сохранять определенную дистанцию с уголовными [Ibid. S. 164]. В годы Первой русской революции количество «политических» резко возросло. В переполненных тюрьмах часто происходили беспорядки, что иногда заканчивалось «либерализацией» или смягчением тюремного режима, поскольку администрация не располагала властными инструментами для принуждения заключенных к порядку. В 1907–1910 гг. по мере стабилизации ситуации тюремный режим был восстановлен, однако конфликты заключенных с администрацией продолжали возникать почти повсеместно. «Политические» использовали любую возможность для продолжения своей революционной борьбы, поддерживая связь с внешним миром и донося до общественности информацию обо всех случаях унижения их человеческого достоинства.

Для определения общей численности ссыльного населения Сибири в начале XX в., Д. Дальман использовал данные из работ Р. Мелвилля, Т. Стеффенса, Дж. Дэли, М. Акерета, В. Рабе. По подсчетам исследователей, в 1900–1914 гг. в Сибирь было сослано 50 тыс. чел.; в последующие годы цифры резко уменьшились⁸ [Ibid. S. 165–166]. В то же время в 1905–1914 гг. число приговоренных к каторжным работам достигло своего пика. Рост числа ссыльных и каторжных в указанный период немецкий историк объясняет, среди прочего, продолжавшейся «модернизацией» уголовно-исполнительной системы и появлением новых тюрем. Одним из проявлений процессов модернизации следует считать и указ от 12 июня 1900 г., которым ограничивалась административная ссылка и в основном отменялась уголовная (хотя фактически она сохранялась до конца существования царского режима) [4, 36]. По мнению Д. Дальмана, «великие реформы» Александра II способствовали постепенной трансформации самодержавного правления к системе, отчасти напоминающей конституционную. Сравнивая системы

уголовных наказаний во Франции и Великобритании (где также приговаривали к каторжным работам), с одной стороны, и в Российской империи – с другой, немецкий исследователь приходит к выводу, что российская система не была более жестокой и не отличалась более высоким процентом вынесенных обвинительных приговоров.

Особое внимание западные исследователи уделяют вопросам истории сахалинской каторги. Одним из первых к изучению истории штрафной колонизации Сахалина обратился известный американский историк, сотрудник Гавайского университета Дж. Стефан. Три десятилетия (с 1875 по 1905 г.), в течение которых Сахалин безраздельно принадлежал царской России, автор называет «мрачным периодом» в его истории, в течение которого надежды сменились разочарованием, во многом из-за «фатально ошибочного расчета на то, что развитие экономики острова можно обеспечить трудом заключенных» [37. Р. 67]. Э. Гентес, Д. Бир, М. Акерет посвятили данной теме специальные разделы своих исследований, выясняя причины возникновения и ликвидации сахалинской каторги; изучая планы и проекты, связанные с освоением Сахалина; анализируя состав ссыльнокаторжного населения. Американская исследовательница Ш. Коррадо проследила, как менялось общественное восприятие штрафной колонии, рассматривая историю Сахалина в более широком историческом контексте «русского империализма» и «модерна» [38]. По мнению историков, неудачу штрафной колонизации Сахалина предопределили, в первую очередь, хаотичные и малоэффективные действия властей.

Современные англо-американские исследователи все более пристальное внимание уделяют гендерной проблематике, применяют теоретико-методологический аппарат таких междисциплинарных научных направлений, как «история женщин» и «история семьи», Призывая «услышать голос» основной массы «рядовых» уголовных и административных ссыльных («история снизу»), Э. Гентес, Д. Бир, С. Бэдкок в своих работах показали изменения, происходившие в пенитенциарной системе Сибири, в том числе через повседневную жизнь ссыльных женщин и членов их семей; сопоставили правовой статус и фактическое положение

женщин, отправленных в Сибирь как по решениям судов, так и во внесудебном порядке. Э. Шредер анализировала действия столичных и местных властей, направленные на укрепление института семьи и гендерной иерархии как оплота патриархального государства, и проследила, как менялись гендерные нормы и отношения в условиях сибирской ссылки [39]. Биографии известных деятелей революционного движения, оказавшихся в сибирской ссылке, изучали Ф. Десинд [40] и К. Тергон [41–42].

В целом, в современной англо- и германоязычной историографии, посвященной дореволюционной истории Сибири и Дальнего Востока, заметен все возрастающий интерес к вопросам истории каторги и ссылки; всесторонне исследуется их роль как инструментов карательной и колонизационной политики государства. Признавая ведущую роль в разработке темы за российской историографией, западные специалисты в последние десятилетия вносят заметный вклад в разработку темы, стремясь к пересмотру устоявшихся концепций. Плодотворная работа в российских архивах позволила им существенно расширить источниковую базу своих исследований. Наряду с архивными документами (в основном, делопроизводственными материалами, связанными с деятельностью пенитенциарных учреждений) западные специалисты широко привлекают источники личного происхождения (в первую очередь, воспоминания, дневники, письма ссыльных).

Следуя в парадигме «новой социальной и культурной истории», современные англо-американские и немецкие историки предлагают собственные оценки государственной политики в сфере исполнения наказаний; прослеживают изменения общественных представлений о каторге и ссылке; характеризуют особенности применения наказаний и положение различных категорий ссыльного населения в Сибири и на Дальнем Востоке. Многие сближают работы западных авторов с современной российской историографией, в частности, повышенный интерес к историко-правовой проблематике, вопросам истории уголовной ссылки и каторги [35], а также стремление показать неразрывную связь пенитенциарных институтов с процессами общественно-политического, социокультурного и хозяйственного развития Азиатской России в дореволюционный период.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Примечательно, что доводы в защиту системы ссылки, высказанные американским журналистом в более ранних публикациях, отчасти напоминают аргументацию тех современных историков (Б. Адамс, Дж. Дэли, Д. Дальман, С. Бэдкок и др.), кто призывает не преувеличивать меру жестокости карательной политики самодержавия.

² В современной историографии к такому выводу приходят, напр., Э. Гентес, С. Бэдкок, Д. Дальман, Д. Бир.

³ По справедливому замечанию Д. Дальмана, такой диапазон указывает на проблему точности статистических данных, поскольку остается неясным, идет ли речь только о ссыльных или также о членах семей (так называемых «добровольных»); не уточняется, как они распределялись по различным категориям и какая часть из них в течение следующих лет попала под амнистию и смогла вернуться в дом [4. S. 154]. В свою очередь, заметим, что отечественные специалисты также существенно расходятся в оценках количества ссыльных участников восстания 1863 г. [26].

⁴ Для сравнения, современная российская исследовательница З.В. Мошкина также полагает, что термины «государственные преступники» и «политические ссыльные» были, по сути, синонимичны и обозначали всех, кто вел политическую борьбу с самодержавием, но в документах второй половины XIX в. термин «политические ссыльные» действительно применялся преимущественно в отношении поляков, во избежание смешения двух групп ссыльных – народовольцев и участников Январского восстания [27. С. 48].

⁵ Следует, впрочем, принять во внимание амнистию за политические преступления, объявленную 21 октября (3 ноября) 1905 г.

⁶ В своей рецензии Д.А. Бакшт критикует исследовательницу за игнорирование правовых тонкостей ссылки и в целом за то, что С. Бэдкок не вдается в социологическую характеристику ссыльного населения [30. С. 60–63].

⁷ На противоречивую роль ссылки в истории Сибирского региона указывают и отечественные исследователи [32].

⁸ Выводы отечественных исследователей о численности всех категорий ссыльных в Сибири на рубеже XIX–XX вв. существенно разнятся [35].

ЛИТЕРАТУРА

- Горюшкин Л.М., Дергачев А.Ю. Современные буржуазные англо-американские историки о политической ссылке в Сибири в XIX – начале XX в. // Политическая ссылка в Сибири XIX – начало XX в. Историография и источники. Новосибирск : Наука, 1987. С. 74–86.
- Передерий С.В. Современная американская и английская буржуазная историография истории Сибири конца XIX в. – февраль 1917 г. : дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1984. 193 с.
- Передерий С.В. Политическая ссылка в Сибири в оценке современных англо-американских буржуазных историков // Вопросы историографии и источниковедения Сибири периода капитализма. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1985. С. 203–210.
- Dahlmann D. Sibirien. Vom 16 Jahrhundert bis zur Gegenwart. Paderborn: Schöningh, 2009. 438 s.
- Kennan G. Siberia. The Exiles' Abode // Journal of the American Geographical Society of New York. 1882. Vol. 14. P. 13–68.
- Hecht D. Rec. ad op.: Kennan G. Siberia and the Exile System. Chicago, University of Chicago Press, 1958. 244 p. // The Russian Review. Vol. 17, № 3 (July, 1958). P. 223–224.
- Treadgold D.W. Rec. ad op.: Kennan G. Siberia and the Exile System. Chicago, University of Chicago Press, 1958. 244 p. // The Slavonic and East European Journal. Vol. 3. № 1 (Spring, 1959). P. 84–85.
- Armstrong T. Russian Settlement in the North. Cambridge : Cambridge University Press, 1965. 248 p.
- Carr E.H. Bakunin's Escape from Siberia // The Slavonic Review. 1936–1937. Vol. XV. P. 377–388.
- Randall F.B. N.G. Chernyshevsky. New York : Twayne, 1967. 178 p.
- Wood A. Siberian exile in tsarist Russia // History today. 1980. Vol. 30. September. P. 19–24.
- Wood A. The Use and Abuse of Administrative Exile to Siberia // Irish Slavonic Studies. 1985. № 6. P. 65–81.
- Wood A. The Siberian Criminals' Commune // Sibirica IV. 1989. P. 40–44.
- Wood A. Administrative Exile and the Criminals' Commune in Siberia // Land Commune and Peasant and Peasant Community in Russia: Communal Forms in Imperial and Early Soviet / ed. Roger Barlett. New York : St. Martin's Press, 1990. P. 395–414.
- Wood A. Russian «Wild East»: Exile, Vagrancy, Crime in Siberia, XIX c. // The History of Siberia. From Russian Conquest to Revolution / ed. by A. Wood. London : Routledge, 1991. P. 117–137.
- Wood A. Russia's Frozen Frontier: A History of Siberia and the Russian Far East, 1581–1991. London ; New York : Bloomsbury Academic, 2011. 272 p.
- Gentes A. Roads to Oblivion: Siberian Exile and the Struggle Between State and Society in Russia, 1593–1917. A Dissertation submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of doctor of philosophy in the department of history at Brown University. Providence, Rhode Island. 2002. 591 p.
- Gentes A. The Institution of Russia's Sakhalin Policy, from 1868 to 1875 // Journal of Asian History. 2002. Vol. 36, № 1. P. 1–31.
- Gentes A. Siberian Exile and the 1863 Polish Insurrectionists According to Russian Sources // Jahrbuecher fuer Geschichte Osteuropas. Neue Folge. 2003. Bd. 51, h. 2. S. 197–217.
- Gentes A. Sakhalin's Women: The Convergence of Sexuality and penology in Late Imperial Russia // Ab Imperio. 2003. № 2. P. 115–37.
- Gentes A. Katonga: Penal Labor and Tsarist Siberia // The Siberian Saga: A History of Russia's Wild East. Ed. by Eva-Maria Stolberg. Frankfurt am Main : Peter Lang, 2005. P. 73–85.
- Gentes A.A. No Kind of Liberal: Alexander II and the Sakhalin Penal Colony // Jahrbuecher fuer Geschichte Osteuropas. Neue Folge. 2008. Bd. 54, h. 3. S. 321–344.
- Gentes A. Exile to Siberia, 1590–1822: Corporeal Commodification and Administrative Systematization in Russia. New York : Palgrave Mcmillan, 2008. 256 p.
- Gentes A. Exile, Murder and Madness in Siberia, 1823–61. New York : Palgrave Mcmillan, 2010. 290 p.
- Gentes A. Sakhalin as Cause Celebre: Re-Signification of Tsarist Russia's Penal Colony // Acta Slavica Iaponica. 2012. Vol. 32. P. 55–72.
- Иванов А.А., Кузнецов С.И. К определению количества сосланных в Сибирь участников Январского восстания 1863 года // Baikal Research Journal. 2016. Vol. 7, № 6. DOI: 10.17150/2411-6262.2016.7(6).17
- Мошкина З.В. Применение к ссыльнокоаторжным государственным преступникам порядка содержания вне тюрьмы на Нерчинской каторге во второй половине XIX века // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13, № 6. С. 48–55.
- Badcock S. A Prison without Walls: Eastern Siberian Exile in the Last Years of Tsarism. Oxford : Oxford University Press, 2016. 195 p.
- Remnev A.V. Siberia and the Russian Far East in the Imperial Geography of Power // Russian Empire: Space, People, Power, 1700–1930. Ed. Mark von Hagen, A.V. Remnev, J. Burbank. Bloomington : Indiana University Press, 2007. P. 425–474.
- Бакшт Д.А. «Тюрьма без стен». О методологии в монографии Sarah Badcock (A Prison without Walls? Eastern Siberian Exile in the Last Years of Tsarism. Oxford University Press, 2017) // Северные архивы и экспедиции. 2017. № 4. С. 60–63.
- Beer D. The House of the Dead: Siberian Exile under the Tsars. London : Penguin Books, 2017. 487 p.
- Шиловский М.В. Роль каторги и ссылки в заселении и освоении Сибири в XIX – начале XX в. // Сибирский плавильный котел: социально-демографические процессы в Северной Азии XVI – начала XX века : сб. науч. ст. Новосибирск : Сибирский хронограф, 2004. С. 165–173.
- Ackeret M. In der Welt der Katonga: Die Zwangsarbeitsstrafe für politische Delinquenten im ausgehenden Zarenreich (Ostsibirien und Sachalin). München : Osteuropa-Institut München, 2007. 166 S.
- Kamissek Ch. Rec ad op: Ackeret M. In der Welt der Katonga: Die Zwangsarbeitsstrafe fuer politische Delinquenten im ausgehenden Zarenreich (Ostsibirien und Sachalin). Muenchen: Osteuropa-Institut Muenchen, 2007. 166 S. // H-Soz-u-Kult, H-Net Reviews. (February, 2008). URL: <http://www.h-net.org/reviews/showrev.php?id=22242> (дата обращения: 1.06.2019).
- Иванов А.А. Сорок лет «Сибирской ссылке» // Гуманитарные науки в Сибири. 2014. № 2. С. 101–104.
- Иванов А.А. История уголовной ссылки в Иркутскую губернию в XVII – начале XX в. URL: http://penpolit.ru/papers/detail2.php?ELEMENT_ID=1166 (дата обращения: 9.03.2019).
- Stephan, J. Sakhalin. A History. Oxford : Clarendon Press, 1971. 240 p.
- Corrado Sh.M. The "End of the Earth": Sakhalin Island in the Russian Imperial Imagination, 1849–1906 : Ph.D. diss. ... University of Illinois at Urbana-Champaign, 2010. Urbana, Illinois. 189 p.
- Schraeder A. Unruly Felons and Civilizing Wives: Cultivating Marriage in the Siberian Exile System, 1822–1860 // Slavic Review. 2007. Vol. 66, № 2 (Summer). P. 230–256.
- Desind Ph. Jewish and Russian Revolutionaries Exiled to Siberia, 1901–1917. Lewiston : Edward Mellen Press, 1991. 494 p.
- Turton K. Keeping it in the family: surviving political exile, 1870–1917 // Canadian Slavonic Papers / Revue Canadienne des Slavistes. 2010. Vol. 52, № 3/4. P. 391–415.
- Turton K. The Revolutionary, His Wife, the Party, and the Sympathizer: The Role of Family Members and Party Supporters in the Release of Revolutionary Prisoners // The Russian Review. 2010. Vol. 69, № 1. P. 73–92.

Denis A. Anan'ev. Institute of History, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia). E-mail: denis.ananyev@gmail.com

EXILE AND PENAL LABOR IN SIBERIA AND RUSSIAN FAR EAST (SECOND HALF OF THE XIX – EARLY XX CENTURIES) IN THE WORKS OF ENGLISH- AND GERMAN-LANGUAGE RESEARCHERS

Key words: Siberia, Far East, Western historiography, exile, penal labor.

The aim of research is to analyze key works of Anglo-American and German scholars dealing with the pre-revolutionary history of exile and penal labor in Siberia and Russian Far East, and to determine these authors' contribution to the study of the topic. It is established that Western historians pay considerable attention to the period of the second half of the XIX - early XX centuries, when Siberia's penitentiary system underwent a crisis and subsequent reforms initiated by the government. In the West since the time when G.Kennan's works were published Siberia has been viewed mostly as a region settled and colonized by exiles and penal labourers. Despite the heightened public interest in these issues there were few special works written by professional Western historians. As a rule until the late 1970s in the English-language scholarship some aspects of the topic were addressed either in comprehensive studies (T. Armstrong etc.) or in biographical works devoted to the well-known figures of revolutionary movement (E. Carr, F.B. Randall etc.). In the 1980s-early 1990s the British historian Alan Wood was the only representative of English-language historiography who focused in his studies on the history of Siberian exile. The contemporary Anglo-American and German historiography is marked by the growing interest of researchers in the stated topic, as is evidenced by dissertations, articles and monographs written by A. Gentes, Ph. Desind, K. Turton, A. Schradler, S. Badcock, D. Beer, Sh. Corrado, D. Dahlmann et al. It is concluded that Western scholars contribute significantly to the study of problems related to the penitentiary system of pre-revolutionary Siberia and Far East. Actively working in Russian archives they expand the range of historical sources available for further studies. Using the theoretical and methodological tools of "the new social and cultural history" (including such interdisciplinary research fields as "historical penology", gender studies etc.) the Anglo-American and German scholars attempt at revising established concepts and offer their own interpretations and evaluations of the state policy in enforcement of sentences; trace changing public perceptions of exile and penal labor; characterize distinctive features of application of punishment and status of various categories of exiles in Siberia. What brings Western researchers closer to the Russian historiography is their heightened interest in historical-legal issues, history of criminal exile and penal labor as well as their desire to show the inseparable links of these penitentiary institutions with processes of social-political, socio-cultural and economic development of Asiatic Russia.

REFERENCES

- Goryushkin, L.M. & Dergachev, A.Yu. (1987) Sovremennye burzhuznye anglo-amerikanskije istoriki o politicheskoy ssylke v Sibiri v XIX – nachale XX v. [Modern bourgeois Anglo-American historians about political exile in Siberia in the 19th – early 20th centuries]. In: Goryushkin, L.M. (ed.) *Politicheskaya ssylka v Sibiri XIX – nachalo XX v. Istorografiya i istochniki* [Political exile in Siberia in the 19th – early 20th century. Historiography and sources]. Novosibirsk: Nauka. pp. 74–86.
- Peredery, S.V. (1984) *Sovremennaya amerikanskaya i angliyskaya burzhuznaya istoriografiya istorii Sibiri kontsa XIX v. – fevral' 1917 g.* [Modern American and English bourgeois historiography on the history of Siberia at the end of the 19th century – February 1917]. History Cand. Diss. Tomsk.
- Peredery, S.V. (1985) *Politicheskaya ssylka v Sibiri v otsenke sovremennykh anglo-amerikanskikh burzhuznykh istorikov* [Political exile in Siberia in the assessment of modern Anglo-American bourgeois historians]. In: Zinoviev, V.P. (1985) *Voprosy istoriografii i istochnikovedeniya Sibiri perioda kapitalizma* [Problems of historiography and source studies of Siberia during capitalism]. Tomsk: Tomsk State University, 1985. pp. 203–210.
- Dahlmann, D. (2009) *Sibirien. Vom 16 Jahrhundert bis zur Gegenwart*. Paderborn: Schöningh.
- Kennan, G. (1882) Siberia. The Exiles' Abode. *Journal of the American Geographical Society of New York*. 14. pp. 13–68.
- Hecht, D. (1958) Rec. ad op.: Kennan G. Siberia and the Exile System. Chicago, University of Chicago Press, 1958. 244 p. *The Russian Review*. 17(3). pp. 223–224.
- Treadgold, D.W. (1958) Rec. ad op.: Kennan G. Siberia and the Exile System. Chicago, University of Chicago Press, 1958. 244 p. *The Slavonic and East European Journal*. 3(1). pp. 84–85.
- Armstrong, T. (1965) *Russian Settlement in the North*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Carr, E.H. (1936–1937) Bakunin's Escape from Siberia. *The Slavonic Review*. XV. pp. 377–388.
- Randall, F.B. (1967) *N.G. Chernyshevsky*. New York: Twayne.
- Wood, A. (1980) Siberian exile in tsarist Russia. *History Today*. 30. pp. 19–24.
- Wood, A. (1985) The Use and Abuse of Administrative Exile to Siberia. *Irish Slavonic Studies*. 6. pp. 65–81.
- Wood, A. (1989) The Siberian Criminals' Commune. *Sibirica*. IV. pp. 40–44.
- Wood, A. (1990) Administrative Exile and the Criminals' Commune in Siberia. In: Barlett, R. (ed.) *Land Commune and Peasant and Peasant Community in Russia: Communal Forms in Imperial and Early Soviet*. New York: St. Martin's Press. pp. 395–414.
- Wood, A. (1991) Russian "Wild East": Exile, Vagrancy, Crime in Siberia, XIX c. In: Wood, A. (ed.) *The History of Siberia. From Russian Conquest to Revolution*. London: Routledge. pp. 117–137.
- Wood, A. (2011) *Russia's Frozen Frontier: A History of Siberia and the Russian Far East, 1581–1991*. London; New York: Bloomsbury Academic.
- Gentes, A. (2002) *Roads to Oblivion: Siberian Exile and the Struggle Between State and Society in Russia, 1593–1917*. PhD Diss. Providence, Rhode Island.
- Gentes, A. (2002) The Institution of Russia's Sakhalin Policy, from 1868 to 1875. *Journal of Asian History*. 36(1). pp. 1–31.
- Gentes, A. (2003) Siberian Exile and the 1863 Polish Insurrectionists According to Russian Sources. *Jahrbuecher fuer Geschichte Osteuropas*. Neue Folge. 51(2). pp. 197–217.
- Gentes, A. (2003) Sakhalin's Women: The Convergence of Sexuality and Penology in Late Imperial Russia. *Ab Imperio*. 2. pp. 115–37. DOI: 10.1353/imp.2003.0057
- Gentes, A. (2005) Katorga: Penal Labor and Tsarist Siberia. In: Stolberg, E.-M. (ed.) *The Siberian Saga: A History of Russia's Wild East*. Frankfurt am Main: Peter Lang. pp. 73–85.
- Gentes, A.A. (2008) No Kind of Liberal: Alexander II and the Sakhalin Penal Colony. *Jahrbuecher fuer Geschichte Osteuropas*. Neue Folge. 54(3). pp. 321–344.
- Gentes, A. (2008) *Exile to Siberia, 1590–1822: Corporeal Commodification and Administrative Systematization in Russia*. New York: Palgrave Mcmillan.
- Gentes, A. (2010) *Exile, Murder and Madness in Siberia, 1823–61*. New York: Palgrave Mcmillan.
- Gentes, A. (2012) Sakhalin as Cause Celebre: Re-Signification of Tsarist Russia's Penal Colony. *Acta Slavica Iaponica*. 32. pp. 55–72.
- Ivanov, A.A. & Kuznetsov, S.I. (2016) On determining the number of the January 1863 revolt participants exiled to Siberia. *Baikal Research Journal*. 7(6). (In Russian). DOI: 10.17150/2411-6262.2016.7(6).17

27. Moshkina, Z.V. (2018) Application of penal servitude rules of living outside the prison to state criminals sentenced to hard labour in Nerchinsk in the second half of the 19th century. *Gumanitarnyy vector – Humanitarian Vector*. 13(6). pp. 48–55. (In Russian). DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-6-48-55
28. Badcock, S. (2016) *A Prison without Walls: Eastern Siberian Exile in the Last Years of Tsarism*. Oxford: Oxford University Press.
29. Remnev, A.V. (2007) Siberia and the Russian Far East in the Imperial Geography of Power. In: Hagen, M. von, Remnev, A.V. & Burbank, J. (eds) *Russian Empire: Space, People, Power, 1700–1930*. Bloomington: Indiana University Press. pp. 425–474.
30. Baksht, D.A. (2017) Prison without Walls. On the methodology in the monograph by Sarah Badcock (A Prison without Walls, Eastern Siberian Exile in the Last Years of Tsarism, Oxford University Press, 2017. *Severnye arkhivy i ekspeditsii – Northern Archives and Expeditions*. 4. pp. 60–63. (In Russian).
31. Beer, D. (2017) *The House of the Dead: Siberian Exile under the Tsars*. London: Penguin Book.
32. Shilovsky, M.V. (2004) Rol' katorgi i ssylki v zaselenii i osvoenii Sibiri v XIX – nachale XX v. [The role of penal labour and exile in settlement and development of Siberia in the 19th – early 20th centuries]. In: Rezun, D.Ya. (ed.) *Sibirskiy plavil'nyy kotel: sotsial'no-demograficheskie protsessy v Severnoy Azii XVI – nachala XX veka* [Siberian melting pot: socio-demographic processes in North Asia in the 16th – early 20th century]. Novosibirsk: Sibirskiy khronograf. pp. 165–173.
33. Ackeret, M. (2007) *In der Welt der Katorga: Die Zwangsarbeitsstrafe für politische Delinquenten im ausgehenden Zarenreich (Ostsibirien und Sachalin)*. Munich: Osteuropa-Institut München.
34. Kamissek, Ch. (2008) *Rec ad op: Ackeret M. In der Welt der Katorga: Die Zwangsarbeitsstrafe fuer politische Delinquenten im ausgehenden Zarenreich (Ostsibirien und Sachalin)*. Muenchen: Osteuropa-Institut Muenchen, 2007. 166 s. [Online] Available from: <http://www.h-net.org/reviews/showrev.php?id=22242> (Accessed: 1st June 2019).
35. Ivanov, A.A. (2014) The 40th anniversary of “The Siberian Exile” edited volume. *Gumanitarnye nauki v Sibiri – Humanitarian sciences in Siberia*. 2. pp. 101–104. (In Russian).
36. Ivanov, A.A. (n.d.) *Istoriya ugovolnoy ssylki v Irkutskuyu guberniyu v XVII–nachale XX v.* [The history of criminal exile in Irkutsk Province in the 17th – early 20th centuries]. [Online] Available from: http://penpolit.ru/papers/detail2.php?ELEMENT_ID=1166 (Accessed 9.03.2019)
37. Stephan, J. (1971) *Sakhalin. A History*. Oxford: Clarendon Press.
38. Corrado, Sh.M. (2010) *The “End of the Earth”: Sakhalin Island in the Russian Imperial Imagination, 1849–1906*. Ph.D. Diss. Urbana, Illinois.
39. Schraeder, A. (2007) Unruly Felons and Civilizing Wives: Cultivating Marriage in the Siberian Exile System, 1822–1860. *Slavic Review*. 66(2). pp. 230–256. DOI: 10.2307/20060219
40. Desind, Ph. (1991) *Jewish and Russian Revolutionaries Exiled to Siberia, 1901–1917*. Lewiston: Edward Mellen Press.
41. Turton, K. (2010) Keeping it in the family: surviving political exile, 1870–1917. *Canadian Slavonic Papers / Revue Canadienne des Slavistes*. 52(3/4). pp. 391–415. DOI: 10.1080/00085006.2010.11092655
42. Turton, K. (2010) The Revolutionary, His Wife, the Party, and the Sympathizer: The Role of Family Members and Party Supporters in the Release of Revolutionary Prisoners. *The Russian Review*. 69(1). pp. 73–92. DOI: 10.1111/j.1467-9434.2010.00555.x.

УДК 930.25:004
DOI: 10.17223/19988613/62/18

Ж.А. Рожнева, Е.А. Осташова

НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ЦИФРОВЫХ АРХИВОВ КАК ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00827.

Выделяются три направления исследований цифровых архивов: работы в области персонального информационного менеджмента; исследования, посвященные проблеме долговременной сохранности персональных цифровых материалов; исследования, в которых цифровые документы рассматриваются или используются в качестве исторических источников. Авторы анализируют выявленные исследовательские работы с целью показать, как они могут быть использованы историками для понимания сущности и специфики персональных цифровых архивов как потенциальных исторических источников.

Ключевые слова: персональные цифровые архивы; исторические источники; цифровые источники; личные архивы.

Работа с историческими источниками – формирование источниковой базы, осуществление источниковедческой критики, извлечение из источника информации и ее интерпретация – была и остается неотъемлемой частью работы историка. Сложилась и группа источников, традиционно используемых исследователями для проведения изысканий в определенных направлениях. В частности, личные архивы, содержащие материалы, связанные с жизнью отдельных людей, и возникающие в результате естественных процессов «оседания» документов в ходе разноплановой деятельности человека, являются важными источниками для биографических исследований, изучения истории отдельных социальных институтов, истории повседневности, реконструкции более широких исторических процессов и контекстов.

Сегодня разнообразные в типологическом и видовом отношении материалы по-прежнему продолжают аккумулироваться на персональном уровне в виде личных архивов. Однако масштабная и последовательная цифровизация современного мира ведет к тому, что природа таких архивов изменяется. Они становятся гибридными, т.е. содержат как бумажные, так и цифровые материалы, причем с явным преобладанием последних, что позволяет говорить о складывании персональных цифровых архивов, которые с начала 2000-х гг. рассматриваются в разных аспектах преимущественно в зарубежной исследовательской литературе.

Под персональным цифровым архивом понимается поливидовый комплекс цифровых информационных объектов (документов), формирующийся в процессе повседневных практик человека, имеющий для него ценность и сохраняемый в течение определенного времени. В материалах персональных цифровых архивов, как в слепке, отражается повседневная жизнь человека, поэтому они полноправно могут рассматриваться в качестве потенциальных исторических источников.

Однако исторические исследования с использованием подобных материалов сегодня практически не ведутся. На наш взгляд, это связано не только с трудностями технического характера (зависимость цифровых документов от быстро изменяющихся технологий), но и с неочевидной пока ценностью персональных цифровых архивов как для самих создателей, так и для институциональной системы сохранения памяти и исторического сообщества. Осмыслению их природы и исторической значимости может способствовать обращение к существующему на сегодняшний момент опыту их изучения и сохранения. Цель нашей статьи – выявить в исследовательской литературе основные сюжеты, которые позволяют сформировать представление о существенных чертах персональных цифровых архивов как потенциальных исторических источников, возможностях их сохранения в долговременной перспективе и включения в научный оборот.

Сегодня можно выделить, по крайней мере, три группы исследований, которые с разных позиций изучают персональные цифровые документальные комплексы и которые помогают раскрыть их сущность и потенциал как исторических источников. Самые многочисленные исследования ведутся в такой области, как персональный информационный менеджмент (personal information management, PIM), который фокусируется на выявлении и анализе информационных практик человека. В фокусе исследований второй группы находится проблема долговременной сохранности цифровых материалов личного происхождения. Чаще всего эта тема обсуждается в архивном сообществе. Наконец, существуют немногочисленные исследования, в которых цифровые материалы рассматриваются как исторические источники. В этих работах не ставится цель исследовать персональные цифровые архивы как таковые, но анализируемые в них источники

часто оказываются именно источниками личного происхождения.

Исследователи в области персонального информационного менеджмента выявляют и изучают накапливаемые человеком комплексы цифровых материалов в контексте управления ими на персональном уровне, использования их для решения личных и профессиональных задач, формирования персонального информационного пространства. Проводимые исследования могут носить как обобщающий характер [1–4], так и могут быть посвящены изучению информационных практик отдельных профессиональных, возрастных, этнических групп [5–8].

Описанные в рамках персонального информационного менеджмента индивидуальные и групповые практики работы с цифровыми материалами позволяют определить наиболее распространенные пути их создания и накопления на персональном уровне, типичный видовой состав и возможное содержание, их место и роль в жизни человека. Четкое представление о составе, путях формирования, индивидуальной ценности персональных цифровых архивов может помочь историку оценить информационный потенциал этих источников, понять, какие информационные следы мог оставлять отдельный человек в определенный период времени: какие материалы он создавал и по какому поводу, что эти материалы для него значили, когда и как он их использовал, насколько они отражают его собственный мир и ту историческую реальность, в которой он жил.

Хотя с точки зрения комбинации видов документов и их содержания персональный цифровой архив каждого человека сугубо индивидуален, типизация технологий создания, каналов распространения и способов сохранения цифровых материалов позволяет зафиксировать изменения в их типичном видовом составе по сравнению с традиционными личными архивами. Во-первых, материалы, которые и ранее откладывались на персональном уровне (переписка, дневники, материалы творческой и профессиональной деятельности, официальные документы, фотографии, видео- и аудиозаписи), приобрели сегодня преимущественно цифровую форму, т.е. стали изначально создаваться и аккумулироваться с помощью компьютеров, иных цифровых устройств и программного обеспечения. Во-вторых, к ним добавились принципиально новые виды документов (информационных объектов): мгновенные сообщения, хранимые на мобильных устройствах, базы данных, личные аккаунты (учетные записи) в социальных сетях, интерактивных и образовательных платформах, мемы, 3D-объекты, flash-анимация, веб-сайты, компьютерные игры и т.д. Среди них особо выделяются личные аккаунты в социальных сетях, которые представляют собой достаточно специфичные информационные объекты. По своему составу они являются синкретическими, т.е. могут включать в себя все остальные виды документов, а их содержание явным образом иллюстрирует процесс постепенного раз-

мывания границ между личным и публичным, характерный для сегодняшнего времени.

Другой сквозной темой, которую поднимают практически все исследователи, занимающиеся вопросами управления информационными ресурсами на персональном уровне и на которую стоит обратить внимание историкам, является возрастающая зависимость информационных практик человека от технологий. Сегодня технологии становятся не просто инструментом создания цифрового объекта или платформой, на которой он хранится. В некотором смысле технологии выступают в качестве «соавторов» [9. Р. 3], выделяя фрагменты текста, которые содержат ошибки или нуждаются в переработке, подсказывая возможные синонимы и варианты замены слов, изменяя формат или разрешение изображений при выкладывании их в социальную сеть, предлагая использование фильтров для их обработки.

Историк никогда не оставался с прошлым один на один: историческая реальность всегда была дана ему не сама по себе, а в историческом источнике, который мог быть неполным, поврежденным, отражающим не столько саму реальность, сколько ее субъективное восприятие автором источника. Историк, работающий с цифровыми материалами, кроме всего этого, должен понимать, что процесс создания такого источника не только всегда опосредован технологиями, но и может быть трансформирован ими.

Хотя персональный информационный менеджмент в большей степени ориентирован на информационные объекты и информационные практики, существующие здесь и сейчас, в отдельных исследованиях поднимаются вопросы долговременной сохранности цифровых материалов и персонального цифрового архивирования [10–14], под которым понимается повседневная деятельность, включающая создание и приобретение цифровых документов, решения об их сохранении и удалении, их организацию и долгосрочное сохранение [12. Р. 46]. В частности, отмечается, что на персональном уровне архивирование из осознанной деятельности постепенно превращается в побочную, все в большей степени, отдаваемую на откуп технологиям [15–16]. Это особенно характерно для той части персональных цифровых материалов, которая хранится в памяти компьютера, мобильного телефона, внешних накопителях. Более осознанным становится курирование материалов, размещаемых в социальных сетях, которые становятся своего рода архивом внутри архива, т.е. совокупностью определенным образом отобранных и описанных материалов, ценных для владельца аккаунта и отражающих его жизнь [14. Р. 2431–2432]. При этом следует понимать, что персональные страницы в социальных медиа зачастую становятся не столько отражением личности и повседневности индивида, сколько их смоделированным образом, картинкой, которую конструирует сам человек, опираясь на свои представления о желательном или социально одобряемом.

В совокупности благодаря исследованиям в области персонального информационного менеджмента можно выделить следующие базовые черты персональных цифровых архивов: распределенность между разными устройствами и сервисами; зависимость от аппаратной и программной среды и уровня технологической грамотности владельцев; отсутствие контроля над значительной частью материалов, которая хранится «у третьих лиц» (например, у провайдера). Процесс персонального цифрового архивирования отличает ведущая роль технологий в формировании документного комплекса, когда создатель архива в значительной степени полагается на функции сохранения, предоставляемые программным обеспечением, что превращает создание персонального цифрового архива из осознанной деятельности в побочную. Кроме того, выделяется определенная часть персонального цифрового архива (страницы в социальных сетях, блоги и пр.), для которой сложно провести границу между личным и публичным и которая является не столько результатом стихийного аккумуляирования материалов, сколько результатом целенаправленного конструирования. Все это уже сегодня позволяет понять, насколько сложными источниковыми комплексами являются персональные цифровые архивы и какие вызовы они несут для институциональной системы сохранения памяти и будущих историков.

Проблема долговременной сохранности цифровых материалов личного происхождения наиболее активно обсуждается в архивном сообществе. Для архивистов, чья профессиональная деятельность связана с сохранением документального наследия, важно сохранять документы независимо от их формы. Чтобы сегодня обеспечить сохранность цифровых материалов для будущего использования в архивной системе, необходимо понять, что сохранять и каким образом это можно сделать.

Традиционно основной характеристикой документа, влиявшей на то, будет ли он храниться в рамках институциональной системы памяти или нет, была его общественная, культурная, историческая значимость, которая определялась в процессе экспертизы ценности на основе критериев содержания, происхождения и внешних особенностей [17].

Для цифровых материалов определение ценности – это аспект, приобретающий принципиально иное звучание. С одной стороны, максимальным информационным потенциалом могут обладать не отдельные документы, а их комплексы с зафиксированными на уровне технологий взаимосвязями. В этом случае вопрос «Как проводить экспертизу ценности для цифровых материалов?» может быть заменен на вопрос «Нужно ли проводить экспертизу ценности для цифровых материалов?» [18], ведь потенциально можно сохранить все.

С другой стороны, хотя ценность персональных цифровых архивов для их создателей, их ближайшего окружения и потомков широко обсуждается в литературе, пока отнюдь не очевидно, насколько такие массово откладывающиеся сегодня на персональном уровне комплексы доку-

ментов будут значимы для исследователей в будущем, следовательно, не очевидна и необходимость их сохранения.

Более того, стратегии и мотивы долговременного сохранения цифровых материалов на персональном уровне и в рамках институций могут кардинально отличаться [19]. Одна из задач архивов состоит в том, чтобы сохранять свои фонды в течение максимально длительного времени и желательно в неизменном виде, что связано с вопросами достоверности, аутентичности, юридической силы документов. На персональном уровне потенциальная утрата части или даже всех материалов часто воспринимается если не как неизбежная, то как вполне нормальная ситуация, а сохранение того или иного информационного объекта не обязательно подразумевает его неизменность [13. Р. 726]. Для историка это остро ставит проблему подлинности исторического источника и в совокупности с техническими, организационными и юридическими сложностями обеспечения долговременной сохранности цифровых материалов может привести к утрате значительной части персональных документальных комплексов цифровой природы.

Для исторической науки также важно, чтобы цифровые документы были не просто сохранены в архивах и других хранилищах, но и были доступными для исследователей, чтобы существовала возможность ввода их в научный оборот. Сегодня значительные массивы даже тех цифровых материалов (как правило, это именно материалы личного происхождения), которые были переданы на хранение в архивы или библиотеки, находятся в состоянии «темных архивов» (dark archives), т.е. недоступных для исследователей. В основном это связано с техническими сложностями обеспечения сохранности и доступа, проблемами конфиденциальности и защитой авторских прав [20. Р. 285].

Чтобы цифровые материалы из архивных и библиотечных коллекций стали доступными для исследователей, они должны быть соответствующим образом описаны и атрибутированы. Следовательно, необходимо либо разработать специализированный научно-справочный аппарат для описания цифровых источников, который был бы достаточно гибким, учитывал их цифровую природу и позволял бы их корректно цитировать, либо адаптировать уже используемый. По всей видимости, для корректного цитирования исследователем, например, электронного письма, вложения к нему, поста из блога или социальной сети, комментария к посту будут использоваться разные элементы описания [21. Р. 43].

Сложной является и организация доступа к уже описанным коллекциям цифровых архивных материалов: подавляющее большинство институтов сохранения памяти предоставляют такой доступ только с рабочих мест, находящихся в их собственных помещениях. Предоставление доступа к цифровым архивным коллекциям только с определенных рабочих мест нивелирует преимущества электронной природы документа,

которая дает возможность просматривать и обрабатывать его удаленно, и противоречит концепции открытой науки (open science) и открытых данных (open data), в поддержку которых высказываются многие исследователи [20. Р. 291]. Однако на сегодняшний момент архивы не могут быть безгранично открытыми, так как это может привести к неконтролируемому копированию и изменению информации.

Кроме того, более острой становится проблема разграничения доступа к коллекциям архивных документов, содержащих конфиденциальную и персональную информацию, сведения, которые по каким-либо причинам создатель архива хотел бы скрыть на время или навсегда. Сама по себе практика ограничения доступа для исследователей к определенным документам существовала всегда, однако, когда речь идет о цифровых комплексах, решение архивиста о «закрытии» тех или иных материалов может быть более болезненным [Ibid. Р. 285], а его реализация более сложной в силукратно возросшего количества цифровых материалов и тесных зафиксированных на уровне технологий связей между отдельными документами. Эффективное решение этой проблемы потребует более плотного взаимодействия между архивистами и фондообразователями на этапе передачи коллекции цифровых материалов в архив и ее описания с тем, чтобы фондообразователь, когда это возможно, мог сам обозначить те материалы, доступ к которым должен быть ограничен или закрыт для исследователей, и эти сведения были внесены в информационную систему архива [Ibid. Р. 299].

Наконец, необходимо понять, кто должен разрабатывать саму информационную систему, в которой будут храниться архивные материалы. Является ли это задачей самих архивов или хранителей материалов? Возможно ли создать универсальный и легко адаптируемый под различные нужды продукт? На практике именно архивы часто берут на себя эту ответственность, но разрабатываемое ими программное обеспечение не всегда может удовлетворить всё разнообразие исследовательских потребностей. Поэтому столь важным становится постоянное взаимодействие между историками, архивистами, фондообразователями и держателями персональных цифровых архивов для формирования общего понимания того, какие цифровые материалы личного происхождения должны сохраняться и почему, где, в каких объемах и форматах.

В историческом сообществе персональные цифровые архивы пока не стали предметом широкого обсуждения. Связанные с ними работы пока единичны. В них преимущественно рассматриваются отдельные виды документов, входящие в состав персональных цифровых архивов [21–28]. Однако вполне очевидно, что исторические исследования, в фокусе которых находятся события 1990–2000-х гг., происходящие сегодня и которые будут происходить в ближайшем будущем, не смогут не привлекать цифровые материалы, в том числе личного происхождения, в качестве источников хотя

бы потому, что исторический след, оставляемый этими событиями, становится цифровым.

Уже сегодня для изучения политических и социальных процессов последних двадцати лет в качестве источников привлекаются социальные медиа, например, Twitter или Facebook [24]. При этом в опубликованных работах, которые удалось обнаружить, акцент делается не столько на результатах таких исследований и их специфике в сравнении с традиционными историческими изысканиями, сколько на презентации и обсуждении методов и технических инструментов, которые историк может применить для обработки этой специфической источниковой базы [25–26].

В социальных сетях широко представлены организации, социальные и политические институты, отдельные общественные проекты и инициативы, а также публичные фигуры, чьи официальные аккаунты могут вестись специально нанятыми специалистами и содержать в большей степени профессиональный контент. Однако большинство пользователей социальных сетей – это частные лица. Значительная часть создаваемого и публикуемого ими контента является персональной по своей сути и содержит личностный взгляд на события, поэтому посты в социальных сетях могут рассматриваться в качестве источников личного происхождения.

Интерактивные функции социальных сетей (возможность оставлять комментарии и «лайки», делать репосты, ставить хэштеги) позволяют фиксировать общественную реакцию на процессы и события («электронный vox populi») [21. Р. 42], их преломление в частной жизни людей, делая более объемной и четкой как большую историческую «картинку», так и микроисторические сюжеты.

Болевой точкой подобных исследований является отсутствие апробированной методологии работы с социальными сетями как с историческими источниками. Слабо проработанными остаются подходы к извлечению и обработке информации о пользователях таких платформ, выявлению ботов и фейковых аккаунтов, к оценке надежности и достоверности сведений, к анализу постов, посвященных резонансным событиям, вокруг которых часто возникает информационный шум, что приводит к тому, что социальные медиа в основном отражают не собственно реакцию пользователей, а лишь ее полярные варианты [26]. Наконец, технические и юридические сложности, связанные с сохранением контента, который создается в приложениях и за паролем, и с предоставлением исследователям доступа к нему, ставят под сомнение возможности широкого использования социальных сетей как исторических источников в долговременной перспективе.

Из обширного комплекса цифровых объектов, откладывающихся на персональном уровне, в качестве исторических источников также активно используются эпистолярные материалы [20, 27–28]. По всей видимости, это объясняется тем, что электронные письма, с

одной стороны, сохраняют основные атрибуты бумажной переписки (автор, адресат, текст, дата отправления), что делает возможным применение при работе с ними традиционных подходов к описанию источника, а с другой стороны, электронная переписка уже на уровне технологии формируется как целостный комплекс (взаимосвязанные и упорядоченные цепочки входящих и исходящих писем), а не как разрозненные объекты. Известные архивные коллекции электронных писем насчитывают десятки тысяч сообщений и вложений к ним [20, 29], а полноценный персональный цифровой архив может содержать терабайты информации и сотни тысяч файлов. В таких условиях даже беглый просмотр каждого отдельного объекта становится физически невозможным [22].

Таким образом, если раньше одной из главных сложностей при изучении истории была нехватка источников, то сегодня, историк, изучающий современность, переживает «эру избыточности» («age of abundance») [30], получившую такое название в силу того, что одной из характерных особенностей цифровых источников, в том числе и цифровых источников личного происхождения, является их многочисленность. Это трансформирует саму практику исторического исследования, присущие ему ритуалы и исследовательские фокусы. Традиционный полистный просмотр дел и документов позволял не только находить материал, имеющий непосредственное отношение к теме исследования, но и формировал понимание более широких контекстов, давал возможность увидеть неочевидные ракурсы для исследования, нащупать дальнейшие направления научного поиска. В коллекциях цифровых материалов часто важным становится не столько само их содержание, сколько взаимосвязи, которые возникают между самими объектами и между объектами и контекстом их создания. Причем этот контекст закрепляется и выявляется уже на уровне технологий: в связках входящих и исходящих писем и вложений к ним, гипертекстовых ссылок, системы хэштэгов и комментариев. Этот контекст пока непривычен историку, он отличается от того, который выявляется сплошным просмотром, но он интересен и информативен в том числе и за счет возможностей его автоматической обработки. Поэтому для историка важно понять, что цифровые источники могут сказать ему о прошлом, а также научиться находить и использовать новые методы и инструменты для их обработки.

Однако цифровые источники не являются и не должны восприниматься как панацея против белых пятен в исследованиях прошлого. Для того чтобы полноценно использовать цифровые источники для изучения истории, исследователю необходимо не только освоить новый технологический инструментарий, но и, возможно, сформировать новое понимание сущности источника, того исторического контекста, в котором он был создан, собственно исследовательской деятельности. Кроме того, не следует забывать, что хорошо зна-

комые историкам методики работы с коллекциями собранных целевым образом материалов по-прежнему могут давать хороший результат [31]. По всей видимости, задача исследователя будет состоять в том, чтобы эффективно сочетать эти методики.

В цифровую эпоху технологиями опосредуется не только создание документов, которые позже превращаются в исторические источники, но и работа исследователя с этими источниками. Маловероятно, что будущим историкам придется стать профессиональными программистами, но вполне очевидно, что историк должен знать основные принципы работы поисковой системы, понимать, как формулировать поисковый запрос, чтобы получить релевантную выдачу, уметь четко артикулировать свои исследовательские потребности, чтобы разработчики архивного программного обеспечения и поисковых систем могли создавать продукт, способный удовлетворить исследовательский интерес, и быть готовым принимать участие в тестировании таких продуктов. Кроме того, сохранится целый пласт цифровых источников личного происхождения (например, аккаунты в социальных сетях), которые не будут частью институционально сохраняемых коллекций и не будут обрабатываться с помощью инструментария, предлагаемого конкретным архивом и библиотекой. Они по-прежнему будут существовать в «естественных условиях», т.е. в тех программных средах, в которых создавались изначально, и задача историка будет заключаться в том, чтобы понять, как их обрабатывать, найти и применить соответствующие инструменты.

По всей видимости, в скором будущем расширение исследовательского инструментария именно в направлении использования специализированного программного обеспечения станет настоящей необходимостью для историка, изучающего любые исторические периоды, но для историков «эры информации» это будет неременным залогом профессионального выживания [21. Р. 43]. В этой связи будут изменяться и программы профессиональной подготовки историков.

Фундаментальная сущность исторического источника остается неизменной вне зависимости от формы фиксации информации. Цифровые материалы наравне с традиционными являются отпечатками прошлого, возникающими в процессе деятельности человека, поэтому неизбежным становится их постепенное вовлечение в исторические исследования. В условиях отсутствия обобщающих источниковедческих работ, посвященных персональным цифровым архивам, обращение к исследованиям в области персонального информационного менеджмента, архивистики, а также уже существующим на данный момент немногочисленным историческим работам, включающим в состав источниковой базы цифровые материалы, может помочь историкам лучше понять сущность феномена цифрового источника, адаптировать для работы с ним имеющийся исследовательский инструментарий и выработать новые подходы и методы.

Невнимание к складывающимся персональным цифровым архивам чревато утратой значительной части культурного наследия, раскрывающего повседневность во всем ее многообразии, поскольку вероятность их случайного долговременного сохранения, в силу эфемерной природы цифровых материалов и зависимости от быстро меняющихся технологий, чрезвычайно

мала. Во многом именно от исторического и архивного сообщества зависит, смогут ли исследователи в будущем полноценно использовать информационный потенциал цифровых источников вообще и источников личного происхождения в частности или они так и останутся в состоянии «темных архивов».

ЛИТЕРАТУРА

1. Jones W. Keeping found things found. *The Study and Practice of Personal Information Management*. Burlington, MA : Morgan Kaufman Publishers, 2008. 448 p.
2. Jones W., Teevan J. *Personal information management*. University of Washington Press, 2007. 334 p.
3. Bergman O., Whittaker S. *The science of managing our digital stuff*. The MIT Press, 2016. 296 p.
4. Indratno J., Vassileva J. A Review of Organizational Structures of Personal Information Management // *Journal of Digital Information*. 2008. Vol. 9 (1). P. 1–9. URL: https://www.researchgate.net/publication/220357408_A_Review_of_Organizational_Structures_of_Personal_Information_Management
5. Al-Omar M., Cox A. Scholars' research-related personal information collections: A study of education and health researchers in a Kuwaiti University // *Aslib Journal of Information Management*. 2016. Vol. 68, № 2. P. 155–173.
6. Buchanan G., Cunningham S.J., Blandford A., Rimmer J., Warwick C. Information Seeking by Humanities Scholars // *Research and Advanced Technology for Digital Libraries: Proceedings of the 9th European Conference, ECDL 2005, Vienna, Austria, September 18–23, 2005*. P. 218–229.
7. Hardof-Jaffe S., Hershkovitz A., Abu-Kishk H., Bergman O., Nachmias R. How do students organize personal information spaces // *Educational data mining. 2nd International conference on educational data mining*. Cordoba, Spain. 1–3 July, 2009. P. 250–259. URL: <http://www.educationaldatamining.org/EDM2009/uploads/proceedings/edm-proceedings-2009.pdf>
8. Zhang P., Liu Ch. Personal Information Management Practices of Chinese College Students on their Smartphones // *Proceedings of the Third International Symposium of Chinese CHI*. Seoul, Republic of Korea. April 18–19, 2015. P. 47–51. URL: https://www.researchgate.net/publication/301463433_Personal_Information_Management_Practices_of_Chinese_College_Students_on_their_Smart_phones
9. Mićunović M., Marčetić H., Krtalić M. Literature and Writers in the Digital Age: A Small-Scale Survey of Contemporary Croatian Writers' Organization and Preservation Practices // *Preservation, Digital Technology & Culture*. 2016. Vol. 45, № 1. P. 2–16.
10. Bass J. A PIM perspective: leveraging personal information management research in the archiving of personal digital records // *Archivaria, The Journal of the Association of the Canadian Archivists*. 2013. No. 75. P. 49–76. URL: <https://archivaria.ca/index.php/archivaria/article/view/13433/14743>
11. Kaye J., Vertesi J., Avery Sh., Dafoe A., David Sh., Onaga L., Rosero I., Pinch T. To Have and to Hold: Exploring the Personal Archive // *CHI '06. Proceedings of the SIGCHI Conference on Human Factors in Computing Systems*. New York : ACM, 2006. P. 1–10. URL: <http://alumni.media.mit.edu/~jofish/writing/tohaveandtohold.pdf>
12. Kim S. *Personal Digital Archives: Preservation of Documents, Preservation of Self*. Dissertation Presented to the Faculty of the Graduate School of The University of Texas at Austin in Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree of Doctor of Philosophy The University of Texas at Austin. 2013. 248 p. URL: <http://hdl.handle.net/2152/21134>
13. Post C. Preservation practices of the new media artists // *Journal of documentation*. 2017. Vol. 73, is. 4. P. 716–732.
14. Zhao X., Lindley S.E. Curation through use: understanding the personal value of social media // *Proceedings of the 32nd annual ACM conference on Human factors in computing systems*. 2014. P. 2431–2440. URL: <https://www.microsoft.com/en-us/research/wp-content/uploads/2016/02/p2431-zhao.pdf>
15. Marshall, C.C. Rethinking personal digital archiving. Part 1 // *D-Lib Magazine*. 2008. Vol. 14, is. 3/4. URL: www.dlib.org/dlib/march08marshall/03marshall-pt1.html
16. Marshall, C.C. Rethinking personal digital archiving. Part 2 // *D-Lib Magazine*. 2008. Vol. 14, is. 3/4. URL: www.dlib.org/dlib/march08marshall/03marshall-pt2.html
17. Правила организации хранения, комплектования, учета и использования документов Архивного фонда Российской Федерации и других архивных документов в государственных и муниципальных архивах, музеях и библиотеках, организациях Российской академии наук (утв. приказом Министерства культуры и массовых коммуникаций РФ от 18 января 2007 г.) // *Архивы России*. URL: <http://portal.rusarchives.ru/lows/pohkuidaf.shtml#62>
18. PARADIGM (The Personal Archives Accessible in Digital Media). 2008. URL: <http://www.paradigm.ac.uk>
19. Cushing A. Highlighting the archives perspectives in the personal digital archiving discussion // *Library Hi Tech*. 2010. Vol. 28, № 2. P. 301–312.
20. Jaillant L. After the digital revolution: working with emails and born-digital records in literary and publishers archives // *Archives and Manuscripts*. 2019. Vol. 47, is. 3. P. 285–304. URL: <https://doi.org/10.1080/01576895.2019.1640555>
21. Fostikov A., Mandic S. New categories of historical sources: e-mail and forum. *Internet communication and history // Pregled nacionalnog centra za digitalizaciju*. 2007. № 10. P. 40–46. URL: <http://eprints.rclis.org/12131/1/5.pdf>
22. Baker J. The hard disk as a new paper archive. 2016. URL: <https://jameswbaker.tumblr.com/post/139120178262/the-hard-disk-as-the-new-paper-archive>
23. Baker J. Hard disks as archives of everyday life. 2016. URL: <https://gist.github.com/drjwbaker/24ec7f744911800d51fb768cedb64510>
24. McCarthy H. Political history in the digital age: The challenges of archiving and analyzing born digital resources. 2016. URL: <https://blogs.lse.ac.uk/impactofsocialsciences/2016/03/31/political-history-in-the-digital-age-born-digital-sources/>
25. Aiyer S.J. Identifying historical primary sources in social media for reliable historical reconstruction // *Extended Abstracts of the 2018 CHI Conference on Human Factors in Computing Systems*. Montreal, Canada. April 21–26, 2018.
26. Congosto M. Digital sources: a case study of the analysis of the Recovery of Historical Memory in Spain on the social network Twitter // *Culture and history digital journal*. 2018. Vol. 7, № 2. URL: <http://cultureandhistory.revistas.csic.es/index.php/cultureandhistory/article/view/143/491>
27. Zalinger J., Freier N., Freire M., Shneiderman B. Reading Ben Shneiderman's Email: Identifying Narrative Elements in Email Archives. URL: <https://www.cs.umd.edu/hcil/trs/2009-31/2009-31.pdf>
28. Hangal S. Historical research using email archives / S. Hangal, V. Piratla, C. Manovit, P. Chan, G. Edwards, M.S. Lam // *CHI EA' 15 Proceedings of the 33rd Annual ACM Conference. Extended Abstracts on Human Factors in Computing Systems*. Seoul, April 18–23, 2015. URL: <http://dx.doi.org/10.1145/2702613.2702976>
29. Wendy Cope's archive sold to British Library // *The Guardian*. 2011. URL: <https://www.theguardian.com/books/2011/apr/20/wendy-cope-archive-british-library>
30. Milligan I. Historian's archival research looks quite different in the digital age // *The Conversation*. 2019. URL: <https://theconversation.com/historians-archival-research-looks-quite-different-in-the-digital-age-121096>

31. Храмовская Н.А Проводимые историками исследования на основе архивных материалов в электронную эпоху выглядят совсем иначе, часть 1 // Кто не идет вперед, тот идет назад: блог Н. Храмовской. 2019. URL: <https://rusrim.blogspot.com/2019/10/1.html>

Zhanna A. Rozhneva, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russia). Email: zhar@ido.tsu.ru

Evgeniya A. Ostashova, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russia). Email: evgeniya.ostashova@gmail.com

THE PAST AND THE PRESENT OF PERSONAL DIGITAL ARCHIVES AND HISTORICAL PRIMARY SOURCES FROM THE PERSPECTIVE OF RESEARCH LITERATURE

Key words: personal digital archives; historical primary sources; digital primary sources; historical research; personal archives.

Our aim is to identify the main ideas in the scientific literature that help to form the understanding of intrinsic features of personal digital archives as historical sources, and the perspectives of their long-term preservation and introduction into the scientific use. Among the research studying personal digital archives, we can mark at least three directions: 1) personal information management, PIM; 2) long-term preservation of personal digital materials; 3) research in which digital materials are viewed as historical sources.

Historical research is necessarily based on primary sources. There are groups of sources that are traditionally used for specific studies. Materials of personal archives are often used for biographical research, for reconstructing the history of social institutions and for studying everyday history. Today such archives consist of paper and digital documents but the latter tend to become more numerous. The everyday life of a person is captured in their digital archives in a very detailed way, thus, they this archives be viewed as historical primary sources. Today, there is a very limited amount of historical research based on personal digital materials, and the nature and historical value of such documents are yet to be explored.

For a historian, PIM research draws a picture of structure, origin, and characteristics of a personal archive. Among them are distributed storage; technological dependency; subtle distinction between private and public.

The long-term preservation of digital records is mostly discussed in the archival community. And there, the records appraisal becomes one of the key topics. On one hand, technology allows storing everything; on the other hand, the historical value of documents emerging on a personal level is not obvious. Archival strategies on personal and institutional levels can differ, which raises a question of the authenticity of records. Introducing digital archival collections into scientific use can be challenging as well.

Personal digital archives are not widely discussed in the historical community. The authors focus mostly on methods of using digital materials as a primary source for historical research, on how the results of such research can be represented, or they use digital records along with traditional sources.

Viewed as historical sources, the materials of personal digital archives are, for now, a terra incognita for historical community. The authors believe: since there are no fundamental scientific works on digital sources, historians might find it useful to turn to the existing archival and PIM research and the historical studies based on digital sources to understand what digital primary sources are, what instruments are there to work with them and what methods and approaches are yet to be laid out.

REFERENCES

- Jones, W. (2000) *Keeping found things found. The Study and Practice of Personal Information Management*. Burlington, MA: Morgan Kaufman.
- Jones, W. & Teevan, J. (2007) *Personal information management*. University of Washington Press.
- Bergman, O. & Whittaker, S. (2016) *The science of managing our digital stuff*. MIT Press.
- Indratmo, J. & Vassileva, J. (2008) A Review of Organizational Structures of Personal Information Management. *Journal of Digital Information*. 9(1). pp. 1–9. [Online] Available from: https://www.researchgate.net/publication/220357408_A_Review_of_Organizational_Structures_of_Personal_Information_Management.
- Al-Omar, M. & Cox, A. (2016) Scholars' research-related personal information collections: A study of education and health researchers in a Kuwaiti University. *Aslib Journal of Information Management*. 68(2). pp. 155–173.
- Buchanan, G., Cunningham, S.J., Blandford, A., Rimmer, J. & Warwick, C. (2005) Information Seeking by Humanities Scholars. *Research and Advanced Technology for Digital Libraries: Proceedings of the 9th European Conference, ECDL 2005*. Vienna, Austria, September 18–23. pp. 218–229.
- Hardof-Jaffe, S., Hershkovitz, A., Abu-Kishk, H., Bergman, O. & Nachmias, R. (2009) How do students organize personal information spaces. *Educational Data Mining*. 2nd International Conference on Educational Data Mining. Cordoba, Spain. July 1–3. pp. 250–259. [Online] Available from: <http://www.educationaldatamining.org/EDM2009/uploads/proceedings/edm-proceedings-2009.pdf>
- Zhang, P. & Liu, Ch. (2015) Personal Information Management Practices of Chinese College Students on their Smartphones. *Proceedings of the Third International Symposium of Chinese CHI*. Seoul, Republic of Korea. April 18–19, 2015. pp. 47–51. [Online] Available from: https://www.researchgate.net/publication/301463433_Personal_Information_Management_Practices_of_Chinese_College_Students_on_their_Smartphones
- Mičunović, M., Marčetić, H. & Krtalić, M. (2016) Literature and Writers in the Digital Age: A Small-Scale Survey of Contemporary Croatian Writers' Organization and Preservation Practices. *Preservation, Digital Technology & Culture*. 45(1). pp. 2–16.
- Bass, J.A. (2013) PIM perspective: leveraging personal information management research in the archiving of personal digital records. *Archivaria, The Journal of the Association of the Canadian Archivists*. 75. pp. 49–76. [Online] Available from: <https://archivaria.ca/index.php/archivaria/article/view/13433/14743>
- Kaye, J., Vertesi, J., Avery, Sh., Dafoe, A., David, Sh., Onaga, L., Rosero, I., Pinch, T. (2006) To Have and to Hold: Exploring the Personal Archive. *CHI '06*. Proceedings of the SIGCHI Conference on Human Factors in Computing Systems. New York: ACM. pp. 1–10. [Online] Available from: <http://alumni.media.mit.edu/~jofish/writing/tohaveandtohold.pdf>
- Kim, S. (2013) *Personal Digital Archives: Preservation of Documents, Preservation of Self*. Dissertation Presented to the Faculty of the Graduate School of The University of Texas at Austin in Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree of Doctor of Philosophy The University of Texas at Austin. [Online] Available from: <http://hdl.handle.net/2152/21134>
- Post, C. (2017) Preservation practices of the new media artists. *Journal of Documentation*. 73(4). pp. 716–732.
- Zhao, X. & Lindley, S.E. (2014) Curation through use: understanding the personal value of social media. *Proceedings of the 32nd annual ACM conference on Human factors in computing systems*. pp. 2431–2440. [Online] Available from: <https://www.microsoft.com/en-us/research/wp-content/uploads/2016/02/p2431-zhao.pdf>
- Marshall, C.C. (2008) Rethinking personal digital archiving. Part 1. *D-Lib Magazine*. 14(3/4). [Online] Available from: www.dlib.org/dlib/march08marshall/03marshall-pt1.html
- Marshall, C.C. (2008) Rethinking personal digital archiving. Part 2. *D-Lib Magazine*. 14(3/4). [Online] Available from: www.dlib.org/dlib/march08/marshall/03marshall-pt2.html

17. Russarchives.ru. (n.d.) *Pravila organizatsii khraneniya, komplektovaniya, ucheta i ispol'zovaniya dokumentov Arkhivnogo fonda Rossiyskoy Federatsii i drugikh arkhivnykh dokumentov v gosudarstvennykh i munitsipal'nykh arkhivakh, muzeyakh i bibliotekakh, organizatsiyakh Rossiyskoy akademii nauk (utv. prikazom Ministerstva kul'tury i massovykh kommunikatsiy RF ot 18 yanvarya 2007 g.)* [Rules of the organization of storage, acquisition, accounting and use of documents of Archival Fund of the Russian Federation and other archival documents in the state and municipal archives, museums and libraries, the organizations of the Russian Academy of Sciences (approved by Order of the Ministry of Culture and Mass Communications of the Russian Federation of January 18, 2007)]. [Online] Available from: <http://portal.rusarchives.ru/lows/pohkuida.f.shtml#62>
18. PARADIGM (*The Personal Archives Accessible in Digital Media*). (2008) [Online] Available from: <http://www.paradigm.ac.uk>
19. Cushing, A. (2010) Highlighting the archives perspectives in the personal digital archiving discussion. *Library Hi Tech*. 28(2). pp. 301–312.
20. Jaillant, L. (2019) After the digital revolution: working with emails and born-digital records in literary and publishers archives. *Archives and Manuscripts*. 47(3). pp. 285–304. [Online] Available from: <https://doi.org/10.1080/01576895.2019.1640555>
21. Fostikov, A. & Mandic, S. (2007). New categories of historical sources: e-mail and forum. Internet communication and history. *Pregled nacionalnog centra za digitalizaciju*. 10. pp. 40–46. [Online] Available from: <http://eprints.rclis.org/12131/1/5.pdf>
22. Baker, J. (2016) *The hard disk as a new paper archive*. [Online] Available from: <https://jameswbaker.tumblr.com/post/139120178262/the-hard-disk-as-the-new-paperarchive>
23. Baker, J. (2016) *Hard disks as archives of everyday life*. [Online] Available from: <https://gist.github.com/drjwbaker/24ec7f744911800d51fb768cedb64510>
24. McCarthy, H. (2016) *Political history in the digital age: The challenges of archiving and analyzing born digital resources*. [Online] Available from: <https://blogs.lse.ac.uk/impactofsocialsciences/2016/03/31/political-history-in-the-digital-age-born-digital-sources/>
25. Aiyer, S.J. (2018) Identifying historical primary sources in social media for reliable historical reconstruction. *Extended Abstracts of the 2018 CHI Conference on Human Factors in Computing Systems*. Montreal, Canada. April 21–26.
26. Congosto, M. (2018) Digital sources: a case study of the analysis of the Recovery of Historical Memory in Spain on the social network Twitter. *Culture and history digital journal*. 7(2). [Online] Available from: <http://cultureandhistory.revistas.csic.es/index.php/cultureandhistory/article/view/143/491>
27. Zalinger, J., Freier, N., Freire, M. & Shneiderman, B. (2009) *Reading Ben Shneiderman's Email: Identifying Narrative Elements in Email Archives*. [Online] Available from: <https://www.cs.umd.edu/hcil/trs/2009-31/2009-31.pdf>
28. Hangal, S., Piratla, V., Manovit, C., Chan, P., Edwards, G. & Lam, M.S. (2015) Historical research using email archives. *CHI EA '15. Proceedings of the 33rd Annual ACM Conference. Extended Abstracts on Human Factors in Computing Systems*. Seoul, April 18–23, 2015. [Online] Available from: <http://dx.doi.org/10.1145/2702613.2702976>
29. *The Guardian*. (2011) Wendy Cope's archive sold to British Library. [Online] Available from: <https://www.theguardian.com/books/2011/apr/20/wendy-cope-archivebritish-library>
30. Milligan, I. (2019) Historian's archival research looks quite different in the digital age. *The Conversation*. [Online] Available from: <https://theconversation.com/historians-archival-research-looks-quite-different-in-the-digital-age-121096>
31. Khramzovskaya N.A. (2019). *Provodimye istorikami issledovaniya arkhivnykh materialov v elektronnyu epokhu vyglyadyat sovsem inache, chast I* [Research conducted by historians on the basis of archival materials in the electronic era looks very different, part 1]. [Online] Available from: <https://rusrim.blogspot.com/2019/10/1.htm>

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

УДК 902.21

DOI: 10.17223/19988613/62/19

А.А. Пушкарев, М.В. Вавулин

РЕЗУЛЬТАТЫ ПОИСКА АРХЕОМЕТАЛЛУРГИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ С ПОМОЩЬЮ МАГНИТНОЙ РАЗВЕДКИ НА СТОЯНКЕ КУЯХТАНАР

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 18-78-10076).

Рассмотрен опыт применения магнитной разведки для поиска археометаллургических объектов на стоянке Куяхтанар (Республика Алтай, Кош-Агачский район). Поисковое картирование выполнялось ускоренными методами измерений в связи с необходимостью обследовать большую территорию в сжатые сроки. В итоге поисковых магнитометрических исследований удалось обнаружить и впоследствии исследовать раскопками железоплавильную печь кош-агачского типа уникальной сохранности.

Ключевые слова: магнитная съемка; археология; древнее металлургическое производство; Горный Алтай; стоянка Куяхтанар.

Введение

В 2018–2019 гг. Томским государственным университетом проводились комплексные исследования объектов древнего металлургического производства на стоянке Куяхтанар. Стоянка Куяхтанар находится в правобережье р. Чуя недалеко от места впадения в неё р. Куяхтанар (Кош-Агачский район Республики Алтай), открыта Б.Х. Хадиковым в 1975 г. В том же году В.А. Могильников описал шесть железоплавильных печей вдоль края террасы р. Чуя [1. С. 52]. В 1976 г. Н.М. Зиняков раскопал здесь три печи [2. С. 46–50]. Все известные сегодня печи кош-агачского типа, к которым относятся и печи стоянки Куяхтанар, вкапывались в береговые террасы. Визуальное обследование террас рек Чуя и Куяхтанар позволили нам выявить площадки для дробления железной руды и проведения кузнечных операций, при этом не было обнаружено ни одной ранее не известной железоплавильной печи. Поскольку нельзя было исключить нахождение на территории стоянки полностью задренованных и не фиксируемых в современном рельефе металлургических объектов, было принято решение о проведении поисковых магнитометрических исследований.

Материалы и методы

Магнитная разведка является одним из самых распространённых геофизических методов, используемых в археологии [3]. Она основана на измерении магнитного поля Земли и выявлении изменений естественной структуры грунтов ввиду присутствия в них, в частности, объектов археологии. Известно, что магнитные свойства археологических объектов отличаются от магнитных свойств вмещающей их среды. При этом магнитическое воздействие на объекты значительно по-

вышает степень их намагниченности. В связи с этим магниторазведка продуктивно используется, например, для определения местоположения различных теплотехнических устройств [4. С. 85]. Термоостаточная намагниченность возникает при нагревании: либо при естественном, как в случае вулканических пород, либо при искусственном, как в случае глинобитных печей, керамической посуды, кирпичей, черепицы и других объектов, часто находимых на археологических памятниках [5. С. 52–61; 6. С. 6–11]. Особенно эффективна магнитная съемка для поиска и исследования объектов древнего железоделательного производства, так как его остатки – обожжённая глина и металлургические шлаки – имеют высокую намагниченность и очень хорошо фиксируются магнитометром [7; 8; 9. С. 85–86]. Металлургические печи кош-агачского типа представляют собой крупные теплотехнические сооружения для выплавки железа [10]. Высокая температура, длительность металлургического процесса и большой объём плавильной камеры делают печи кош-агачского типа практически идеальным объектом для магнитной разведки.

Определение методики проведения магниторазведки на конкретном археологическом памятнике сводится к выбору вида съемок, их масштаба, направления профилей, густоты точек наблюдения, точности измерений и способа отображения результатов. Поисковое картирование железоплавильных печей выполнялось ускоренными методами измерений в связи с необходимостью обследовать большую территорию в сжатые сроки.

Для проведения магнитной съемки нами использовался градиентометр (магнитометр) канадской компании Gem Systems GSM19GW. В зависимости от условий съемки применялось несколько видов крепления подвеса с датчиками:

1) Подвес на спине оператора (рис. 1, 1). Два датчика крепились на жесткой дюралюминиевой штанге на

расстоянии 120 см и устанавливались на раму в виде рюкзака. Нижний датчик крепился на расстоянии 30 см от поверхности земли с учетом роста оператора. Подвес на спине использовался при проведении обзорной съемки методом свободного поиска в местах умеренной залесенности. Данный вид подвеса обеспечивал простую переноску оборудования в процессе съемки и позволил проводить многочасовые измерения.

2) Подвес на тележке (рис. 1, 2). Два датчика крепились на жесткой дюралюминиевой штанге на расстоянии 60 см и устанавливались на специализированную тележку из немагнитных материалов. Нижний датчик крепился на расстоянии 30 см от поверхности земли. Подвес на тележке использовался для проведения как обзорной съемки методом свободного поиска, так и для съемки по сетке. Данный вид подвеса обеспечивал са-

мую простую переноску оборудования, однако применять его возможно только в незалесенных зонах с умеренными перепадами рельефа.

3) Штанга для ручного переноса датчиков (рис. 1, 3). Два датчика крепились на жесткой дюралюминиевой штанге на расстоянии 60 см и переносились оператором вручную. Также на нижний датчик градиентометра устанавливалась дополнительная штанга длиной 30 см для обеспечения его фиксированного расстояния относительно поверхности земли. Это самый мобильный вариант, который использовался при проведении обзорной съемки в самых труднодоступных залесенных местах, где невозможно использование других видов подвеса. Также этот вариант использовался при высокоточной съемке методом единичных замеров.

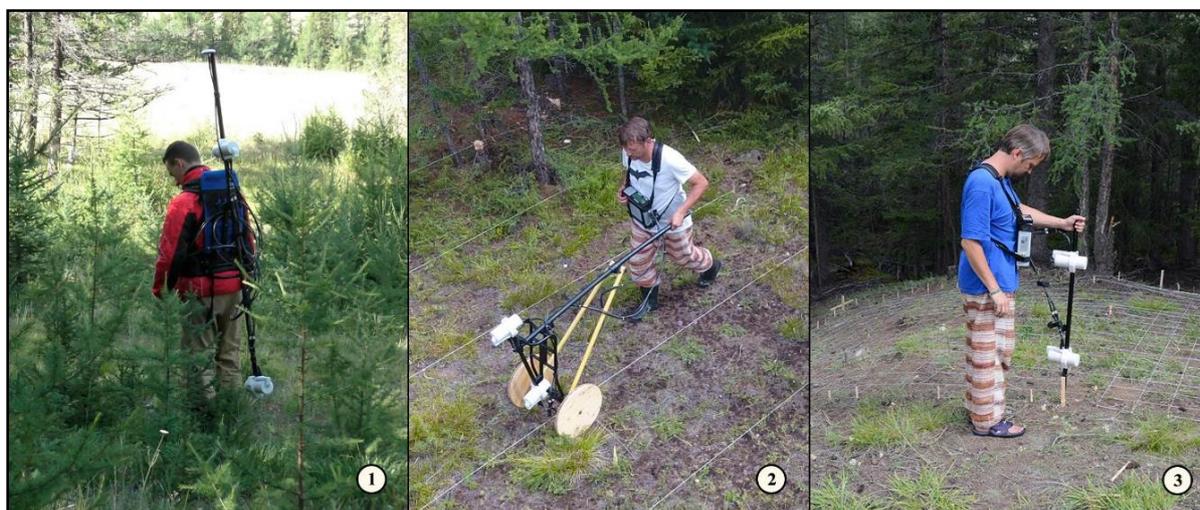

Рис. 1. Виды подвеса датчиков градиентометра: 1 – подвес на спине оператора; 2 – подвес на тележке; 3 – штанга для ручного переноса датчиков

Результаты

Известные металлургические печи на стоянке Куяхтанар расположены на значительном расстоянии друг от друга (до 0,75 км). Исходя из этой особенности, на первом этапе было проведено обследование перспективных участков методом свободного поиска. Выделенная территория для проведения исследований составляла 1 кв. км. На втором этапе в зоне расположения одной из аномалий мы осуществляли детализированную съемку по сетке.

Обзорная съемка методом свободного поиска. Нами были выделены наиболее перспективные зоны расположения объектов металлургии: верхние кромки террас рек и ручьев. В общей сложности, методом свободного поиска проведено 9,83 км линейной съемки (рис. 2). Для измерений использовались подвесы на спине оператора и тележке, привязка осуществлялась при помощи встроенного GPS приемника. В результате выявлено 6 магнитных аномалий со значениями от 280 до 1100 нТ. Аномалия 1 была выбрана для детального изучения.

Детализированная съемка по сетке. В зоне аномалии 1 проведена детальная съемка по регулярной сетке. Движение по линиям сетки осуществлялось с помощью подвеса на тележке по траектории зигзага, при этом направление датчиков относительно сторон света оставалось неизменным. Измерения проводились с шагом 0,5 м между линиями и 0,15–0,2 м по ходу съемки. В результате съемки получена детальная магнитная карта, на которой выделены девять аномалий с максимальными значениями градиента намагниченности от 200 нТ и выше (рис. 3).

Часть аномалий хоть и была связана с термоостаточной намагниченностью, но имела естественное происхождение. На территории стоянки фиксировались достаточно крупные валуны – остатки горных пород магматического происхождения. Часть валунов выходило на поверхность, и их легко было идентифицировать и не рассматривать при поиске металлургических объектов. В результате анализа магнитной карты для археологического изучения были выбраны аномалии 1-1 и 1-6.

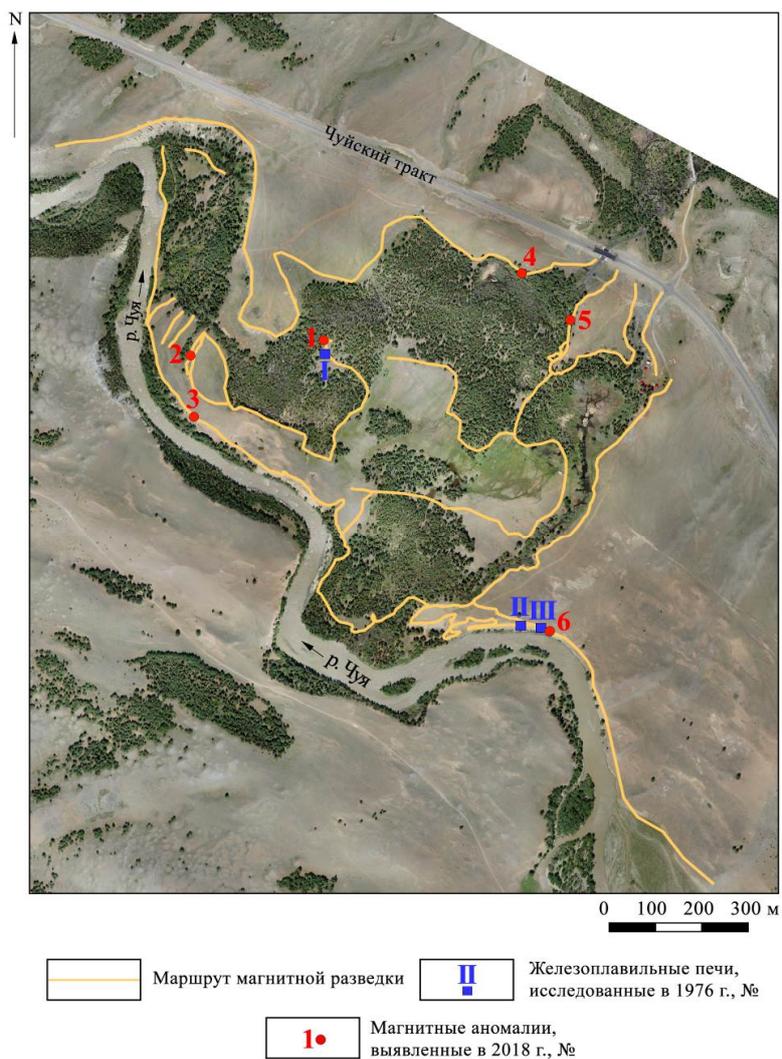

Рис. 2. Карта района проведения обзорной магнитной съемки методом свободного поиска

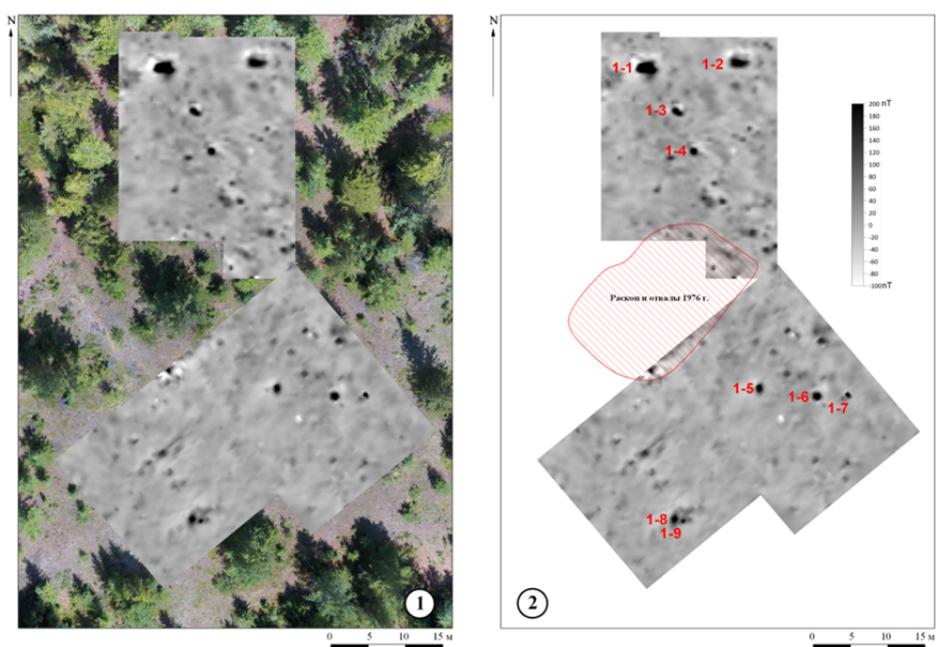

Рис. 3. Магнитная съемка по сетке в зоне аномалии 1

Аномалия 1-1, как показали тестовые раскопки, маркировала не фиксируемую в современном рельефе металлургическую печь. Тестовые раскопки над аномалией 1-6 показали, что она была связана с задрнованным валуном.

Непосредственно перед проведением археологических работ в месте расположения аномалии 1-1 прове-

дена прецизионная съемка по сетке 0,25×0,25 м. Съемка проводилась путем измерения градиента намагниченности отдельно в каждом узле сетки. Максимальное значение градиента намагниченности – 650 нТ. Последующие раскопки показали наличие на месте аномалии 1-1 металлургической печи (рис. 4).

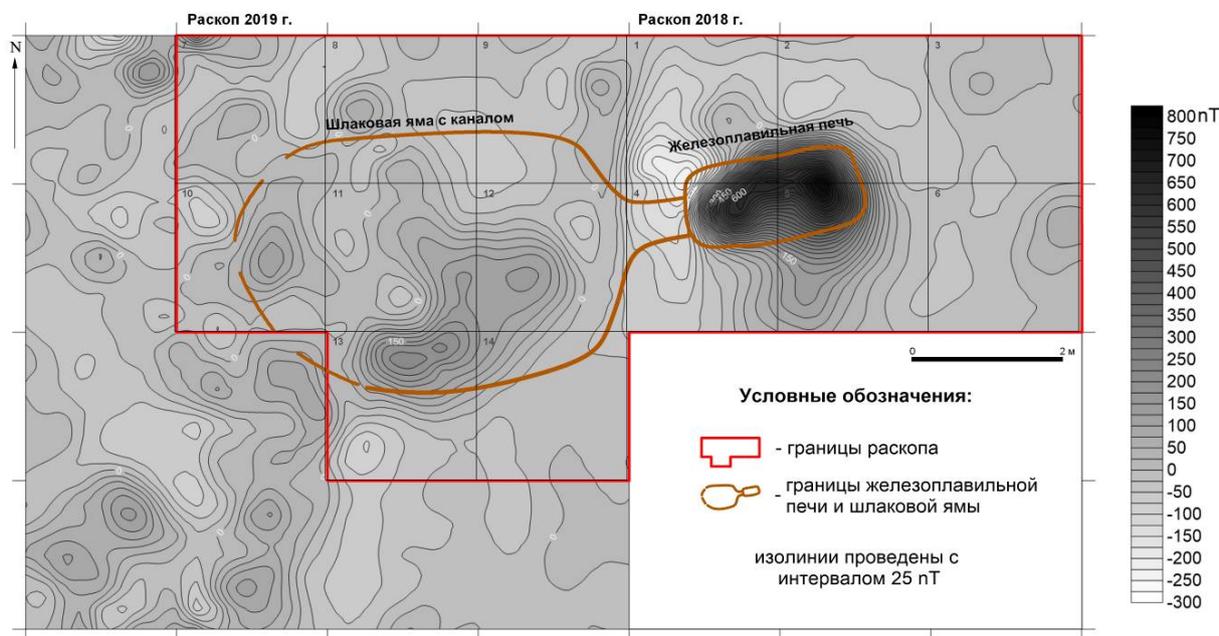

Рис. 4. Высоточная магнитная съемка аномалии 1 и прилегающей площади

В итоге поисковых магнитометрических исследований на стоянке Куякхтанар удалось обнаружить металлургическую печь прекрасной сохранности. Применен-

ная методика оказалась оптимальной для поиска объектов древней металлургии, рассредоточенных на значительной территории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Могильников В.А. Остатки железоделательного производства на берегу р. Чуи // Материалы по истории и этнографии Горного Алтая. Горно-Алтайск : Горно-Алтайская типография, 1993. С. 52–55.
2. Зиняков Н.М. История черной металлургии и кузнечного ремесла древнего Алтая. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1988. 276 с.
3. Aspinall A., Gaffney C.F., Schmidt A. Magnetometry for Archaeologists. Lanham : Altamira Press, 2008. 208 p.
4. Журбин И.В. Геофизика в археологии: методы, технология и результаты применения. Ижевск : УдМНИИЯЛ УрО РАН, 2004. 152 с.
5. Смекалова Т.Н., Восс О., Мельников А.В. Магнитная разведка в археологии. 12 лет применения Оверхаузеровского градиентометра GSM-19WG. СПб., 2007. 74 с.
6. Водясов Е.В., Зайцева О.В., Пушкарев А.А. Полевые и лабораторные методы исследований объектов черной металлургии : учеб. пособие. Томск, 2015. 44 с.
7. Kozhevnikov N.O., Kharinsky A.V., Snopkov S.V. Geophysical prospection and archaeological excavation of ancient iron smelting sites in the Barun-Khal valley on the western shore of Lake Baikal (Olkhon region, Siberia) // Archaeological Prospection. 2019. Vol. 26 (2). P. 103–119.
8. Зайцева О.В., Водясов Е.В., Пушкарев А.А. Поиск и картографирование археометаллургических объектов с помощью магнитной разведки // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. СПб. ; М. : Великий Новгород, 2011. Т. II. С. 382–383.
9. Водясов Е.В. Городище Усть-Таган: памятник черной металлургии Верхнего Приобья // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2018. Вып. 1 (19). С. 84–98.
10. Водясов Е.В., Зайцева О.В., Константинов Н.А. Феномен железоплавильных печей кош-агачского типа в Горном Алтае // Кочевые империи Евразии в свете археологических и междисциплинарных исследований: сб. науч. ст. IV Международного конгресса средневековой археологии евразийских степей, посвященного 100-летию российской академической археологии (Улан-Удэ, 16–21 сентября 2019 г.). Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2019. С. 130–132.

Andrey A. Pushkarev. Tomsk State University (Tomsk, Russia). Email: supdron@gmail.com

Mikhail V. Vavulin. Tomsk State University (Tomsk, Russia). Email: 0002004@inbox.ru

ON THE RESULTS OF MAGNETIC SURVEYING ON THE KUYAKHTANAR ARCHAEOLOGICAL SITE

Key words: magnetic survey, archaeology, ancient metallurgy, Altai Mountains region, Kuyakhtanar.

The authors describe a comprehensive study of objects of ancient metallurgical production in the Altai Mountains, made by them in 2018-2019. A visual examination of the region's major archaeological site – Kuyakhtanar – allowed identifying places used for crushing iron ore and blacksmithing. During the examination of the territory, it was suggested that some of the objects could be invisible on the surface. A series of magnetometric surveys were carried out to find any metallurgical furnaces possibly hidden in the landscape.

For the survey, a GSM19GW (Gem Systems Inc., Canada) gradiometer (magnetometer) with internal GPS was used. Depending on the survey conditions we used several types of gradiometer sensors mounting: on the back of the operator; on a cart; rod for manual transfer of sensors. Metallurgical objects which were identified in the past at the Kuyakhtanar archaeological site are separated from each other at a considerable distance (up to 0.75 km). In this regard, we decided to conduct continuous magnetic survey in the territory of one square kilometer. First, the territory was explored through the “free search” method. The most probable areas of detection of metallurgy objects were examined: the upper edges of the terraces of rivers and streams.

As a result, we located six magnetic anomalies of 280 to 1,100 nT pointing to a potential presence of metallurgical objects. One of the anomalies was selected for a more detailed analysis, and the surrounding area was subjected to a high-precision survey using a regular grid. Following that, a magnetic map was created, with nine magnetic anomalies of over 200 nT depicted on it. Based on this map, two more anomalies were chosen for archaeological research – one of them revealing an iron smelting furnace and the other indicating a piece of igneous rock. Overall, two different types of magnetic anomaly are found at the Kuyakhtanar site: the first one is associated with natural remnant magnetisation of igneous rocks and the second one – with remnant magnetisation caused by iron making.

Immediately prior to archaeological excavation at the location of the indicated anomaly, a high-precision grid survey was carried out using the method of single magnetometer measurements. Focusing on the contours of the anomalies displayed on the magnetic map, the boundaries of the excavation area were determined.

Thus, the conducted magnetic surveys enabled the discovery and study of the well-preserved iron smelting furnace, which would have been impossible to locate otherwise.

REFERENCES

1. Mogilnikov, V.A. (1993) Ostatki zhelezodelatel'nogo proizvodstva na beregu r. Chui [The remains of iron production on the banks of the Chuya]. In: Satlaev, F. (ed.) *Materialy po istorii i etnografii Gornogo Altaya* [Materials on the History and Ethnography of Altai Mountains Region]. Gorno-Altaysk: Gorno-Altayskaya tipografiya. pp. 52–55.
2. Zinyakov, N.M. (1988) *Istoriya chernoy metallurgii i kuznechnogo remesla drevnego Altaya* [The History of Ferrous Metallurgy and Blacksmiths of Ancient Altai]. Tomsk: Tomsk State University.
3. Aspinall, A., Gaffney, C.F. & Schmidt, A. (2008) *Magnetometry for Archaeologists*. Lanham: Altamira Press.
4. Zhurbin, I.V. (2004) *Geofizika v arkheologii: metody, tekhnologiya i rezul'taty primeneniya* [Geophysics in archeology: methods, technology and application results]. Izhevsk: UB RAS.
5. Smekalova, T.N., Voos, O. & Melnikov, A.V. (2007) *Magnitnaya razvedka v arkheologii. 12 let primeneniya Overkhauzerovskogo gradientometra GSM-19WG* [Magnetic surveying in archaeology. 12 years of using the Overhauser GSM-19WG gradiometer]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
6. Vodyasov, E.V., Zaitseva, O.V. & Pushkarev, A.A. (2015) *Polevye i laboratornye metody issledovaniy ob'ektov chernoi metallurgii* [Field and laboratory methods for researching ferrous metallurgy objects]. Tomsk: Tomsk State University.
7. Kozhevnikov, N.O., Kharinsky, A.V. & Snopkov, S.V. (2019) Geophysical prospection and archaeological excavation of ancient iron smelting sites in the Barun-Khal valley on the western shore of Lake Baikal (Olkhon region, Siberia). *Archaeological Prospection*. 26(2). pp. 103–119. DOI: 10.1002/arp.1727
8. Zaitseva, O.V., Vodyasov, E.V. & Pushkarev, A.A. (2011) Poisk i kartografirovanie arkheometallurgicheskikh ob'ektov s pomoshch'yu magnitnoi razvedki [Searching and mapping of archaeometallurgical objects using magnetic survey]. In: Makarov, N.A. & Nosov, E.N. (eds) *Trudy III (XIX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s'ezda* [Proceedings of the 3rd (XIX) Russian Archaeological Congress]. Vol. II. St. Petersburg: Moscow, Veliky Novgorod: [s.n.]. pp. 382–383.
9. Vodyasov, E.V. (2018) Ust-Tagan hillfort: Iron smelting site in the Upper Ob river region. *Tomskiy zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy – Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*. 1(19). pp. 84–98. (In Russian). DOI: 10.23951/2307-6119-2018-1-84-98
10. Vodyasov, E.V., Zaitseva, O.V. & Konstantinov, N. A. (2019) Fenomen zhelezoplavil'nykh pechei kosh-agachskogo tipa v Gornom Altae [The phenomenon of Kosh-Agach type of iron-smelting furnaces in the Altai Mountains]. In: Bazarov, B.V. & Kradin, N.N. (eds) *Kochevye imperii Evrazii v svete arkheologicheskikh i mezhdistiplinarnykh issledovaniy* [Nomadic Empires of Eurasia in Archaeological and Interdisciplinary Studies]. Ulan-Ude: SB RAS. pp. 130–132.

В.И. Молодин, И.А. Дураков, Л.С. Кобелева, Л.А. Конева

РЫБА В ПОГРЕБАЛЬНОЙ И РИТУАЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ ОДИНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ В БАРАБИНСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ (ПО МАТЕРИАЛАМ МОГИЛЬНИКА ТАРТАС-1)

Исследование посвящено анализу ихтиологических материалов из погребений, ритуальных ям и производственно-ритуальных комплексов одиновской культуры ранней–развитой бронзы могильника Тартас-1 (Барабинская лесостепь). Основной целью работы явилось составление наиболее полной сводки объектов одиновской культуры, содержащих ихтиологические материалы. Описан контекст обнаружения ихтиофауны, проведена диагностика видового и возрастного состава рыб, определены время вылова и численность особей, установлены причинно-следственные связи помещения рыбы в захоронения и ритуальные объекты.

Ключевые слова: Западная Сибирь; Барабинская лесостепь; эпоха бронзы; одиновская культура; погребальный обряд; ихтиофауна.

Многослойный памятник Тартас-1 представляет собой грандиозный некрополь, состоящий из разновременных и разнокультурных комплексов погребального, ритуального или хозяйственного характера, охватывающих период от эпохи раннего неолита до позднего Средневековья. Памятник расположен на второй надпойменной террасе правого берега р. Тартас в 2,5 км от места впадения её в р. Омь. Он занимает вытянутую по линии С-Ю площадку, с востока ограниченную склоном террасы, а с запада – пересыхающей старицей р. Тартас [1. Рис. 1].

К настоящему времени одиновская часть могильника насчитывает 37 погребений, не менее 36 ритуальных ям и четырех сооружений производственно-ритуального бронзолитейного комплекса.

Значительная часть одиновских погребений расположена тремя компактными группами. Первая из них находится в глубине террасы и состоит из организованных в два ряда 13 могил. Первый ряд включает 10 погребений (№ 270, 271, 273, 274, 280, 286, 364, 365, 367, 369), второй состоит из трех (№361-363). Ихтиологические останки присутствуют только в одной могиле (№ 273) первого ряда. В виде исключения отдельные захоронения одиновской культуры встречаются обособленно (№ 152, 193, 330Б, 523А, 661).

Погребение № 273 представляло собой овальную яму, ориентированную длинной осью по линии СВ–ЮЗ (рис. 1, 1, 2). Её длина 1,36 м, максимальная ширина 0,95 м. Дно неровное и плавно повышается с ЮЗ на СВ, в результате глубина изменяется от 0,6 до 0,49 м. Северо-восточная стенка могилы покатая, северная имеет небольшой выступ, юго-западная и южная, почти отвесные. Конструктивные особенности погребальной камеры и положение в ней умершего являются типичными для одиновской культуры [2].

Погребен ребенок, который лежал в вытянутом положении на спине головой на СВ. Верхняя часть тела усопшего была приподнята и опиралась на северо-

восточную стенку могильной ямы. При перегнивании мягких тканей тела череп завалился вперед и лежал на нижней челюсти, соприкасаясь с грудиной.

У правого предплечья погребенного обнаружены подвески из челюсти мелкого хищника (рис. 2, 2, 3). Рядом с кистью левой руки находилось массивное костяное орудие (рис. 2, 1).

Орудие частично лежит на расположенном вдоль бедренной кости левой ноги скоплении спрессованных костей рыбы. Здесь найдены фрагменты крышечных костей, первый луч грудного плавника, глоточные зубы и чешуя карася (*carassius*) (не менее двух особей). Кроме этого, здесь же найдены чешуя и затылочные кости черепа язя (*leuciscus idus*).

В районе стопы левой ноги умершего, расположено второе скопление костей рыбы (рис. 1, 1). Оно включало чешую, глоточные зубы, элементы лобных и затылочных костей черепа, нижней челюсти, лучи плавников не менее чем от трех язей. Судя по сформированности последнего кольца чешуи в обоих скоплениях вылов рыбы, вероятнее всего, производился в конце зимы–весной. В ЮЗ углу могильной ямы обнаружена нижняя челюсть щуки (*esox lucius*) в возрасте 2–3 лет. Щука не крупная, её масса не превышала 0,4–0,5 кг.

Второе скопление одиновских погребально-поминальных сооружений, состоящее из 14 могил (№ 484, 485, 487, 489, 491-493, 495-498, 500, 504, 505) и 9 ритуальных ям, располагалось на ЮЗ краю занимаемого могильником мыса. Все объекты этого скопления размещены обособленной компактной группой на участке примерно в 160 м². Ихтиологический материал обнаружен в трех сооружениях: могиле № 489 и двух ямах (№ 508 и 533).

Погребение № 489 имеет форму вытянутого прямоугольника ориентированного по линии СВ–ЮЗ (рис. 3). Его длина 2,98 м, максимальная ширина 1,06 м. Восточная стенка могилы – отвесная. Северная и южная имеют отрицательный угол наклона (подбой). Юго-

западная стенка повреждена ямой №493. Дно могилы плавно понижается с востока на запад, в результате её глубина меняется с 0,32 м до 0,4 м.

Погребение ограблено. Антропологический материал (ребра, кости стоп) был перемещен с нижней челюсти, черепа и таза коровы и выброшен грабителями на край стенки ЮЗ угла могильной ямы. В западной части погребения, *in situ*, стоял перевернутый вверх дном крупный керамический сосуд (рис. 2, 3). На уровне дна у западной стенки могилы, а также среди выброшенных на её край костей человека найдены позвонки и ребра крупного карася (*carassius*) и чешуя язя (*leuciscus idus*). Видимо, скопление рыбьих костей располагалось в ногах умершего.

Кроме того, останки рыбы присутствовали в двух ямах – № 508 и 533.

Яма №508 имела форму вытянутого прямоугольника, ориентированного длинной осью по линии СВ–ЮЗ (рис. 4). Её длина 2,32 м, максимальная ширина 1,12 м. Глубина от уровня материка 0,62–0,59 м. В южной части ямы на уровне дна найдены фрагмент кости животного, створка раковины речного моллюска (*anodonta cygnea*), одна нижняя челюсть щуки (*esox lucius*) и 2 крышечных кости язя (*leuciscus idus*).

Яма 533 имела форму сильно вытянутого овала. Ориентирована по линии В–З. Её длина 2,27 м ширина 0,9 м, глубина 0,35–0,39 м. Стенки отвесные, дно ровное (рис. 5). В восточной части ямы на уровне дна зафиксировано скопление фрагментов крышечных костей и чешуи язя и карася (рис. 5. 1, 2). Кости и чешуя найдены вдоль всей восточной и северной стенок ямы. Судя по чешуе, рыба добыта в конце зимы–начале весны. Вся она разновозрастная. Удалось зафиксировать особи 3, 5 и 6 лет.

Третья группа одиновских погребений (№ 379, 382, 383, 384, 410) расположенная у северо-восточного края террасы, ихтиологических материалов не содержала.

Поминальный комплекс, состоящий из 5 ям (№ 260, 263, 265, 269, 267) сопровождающих расположенное в центральной части некрополя одиночное погребение № 193, также содержал ихтиологические материалы. Они найдены как в самом погребении, так и в сопроводительной яме № 260.

Погребение № 193 имело форму вытянутого овала, ориентированного длинной осью по линии В–З (рис. 6, 1, 2). Его размеры 2 × 1,4 м. Глубина от уровня материка 0,86 м. Северо-восточная стенка могилы покатая, юго-западная имеет небольшой уступ, северная и южная почти отвесные.

Погребен взрослый, он был уложен в вытянутом положении, головой на восток. Верхняя часть тела приподнята и опирается на скат восточной стенки могилы. Руки вытянуты вдоль тела. Между телом и костями правой руки обнаружены проколка из плечевой кости птицы (рис. 6, 5) и неорнаментированный фрагмент керамики. Под локтевым сочленением этой же руки располагались две иглы, одна из них изготовлена

из кости животного, вторая из ребра крупного карася (рис. 6, 3, 4).

Яма 260 прямоугольной формы. Ориентирована по линии В–З. Её длина 1,16 м, ширина 0,88 м, глубина от уровня материка 0,33–0,35 м. Стенки отвесные, дно ровное. Заполнение – плотная серая почва с включениями желтой супеси. На уровне дна найдены мелкие фрагменты черепа и нижняя челюсть щуки.

Значительное количество костей рыбы присутствует в ритуально-производственном комплексе, включающем погребение № 152, литейную мастерскую (оружие № 4) и систему из 21 окружающую её жертвенных ям (180, 183, 184, 186–191, 195, 197, 198, 206, 207, 209, 212–214, 221–223). Остатки ихтиофауны найдены в 9 из них (№ 180, 195, 197, 206, 207, 209, 214, 222, 223).

Яма 180 округлой формы. Её размеры 0,76×0,72 м, глубина 0,15 м. Стенки отвесные, дно ровное. Заполнение – неоднородная плотная темно-серая супесь с небольшой концентрацией мелких желтых пятен. На уровне дна зафиксированы фрагменты костей черепа двух крупных язей (*leuciscus idus*).

Яма 195 имеет форму вытянутого прямоугольника, ориентированного по линии В–З. Её длина 1,07 м, ширина 0,53–0,7 м, глубина от уровня материка 0,12 м. Яма заполнена неоднородной рыхлой темно-серой почвой с небольшими вкраплениями желтой супеси. На уровне дна найдены элементы костей черепа крупного карася.

Яма 197 имела подпрямоугольную форму. Её длина 1 м, ширина 0,5–0,78 м, глубина от уровня материка 0,2 м. Заполнение – неоднородная рыхлая темно-серо-коричневая супесь с черными прожилками. Найдены лучи плавников, чешуя и кости черепа окуней (*perca fluviatilis*), по меньшей мере двух особей. Установленный по чешуе возраст рыбы 5–6 лет, выловлена в весенний период. Судя по костям оба экземпляра очень крупные.

Яма 201 округлой формы. Её длина 1,1 м, ширина 0,62–0,8 м, глубина от уровня материка 0,22 м. Заполнение – неоднородная рыхлая темно-коричнево-серая почва с крупными включениями желтого суглинка. В яме на уровне дна найдены фрагменты челюсти и крышечная кость щуки.

Яма 206 имела форму вытянутого прямоугольника, ориентированного по линии В–З. Её длина 3,32 м, ширина 1 м, глубина от уровня материка 0,26–0,34 м. Восточная стенка ямы частично разрушена более поздним погребением № 155. Остальные стенки отвесные, дно ровное. Заполнение – неоднородная рыхлая темно-серо-коричневая почва с включениями желтого суглинка. В заполнение найдены 20 фрагментов керамики, 4 обломка костей животных, каменный отщеп. На уровне дна обнаружены позвонки, кости черепа, рёбра и лучи колючего спинного плавника крупного окуня. Отдельным скоплением располагались кости плечевого пояса, ребра и глоточные зубы карася.

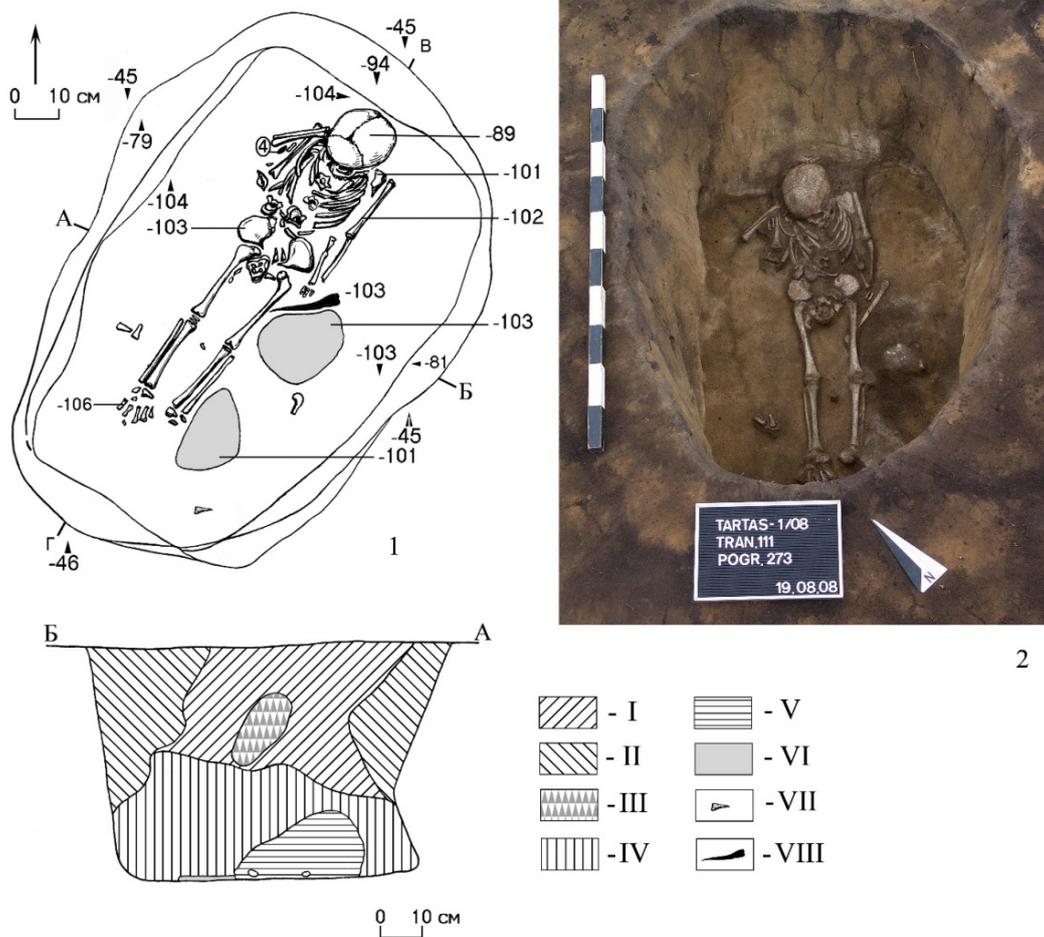

Рис. 1. Могильник Тартас-1, погребение 273: 1 – план и разрез погребения; 2 – фото погребения, вид с ЮЗ.
 I – серая однородная почва; II – желто-серая мешаная супесь; III – серо-желтая мешаная супесь; IV – пятнистая мешаная супесь;
 V – светло-серая супесь с белесыми включениями; VI – область распространения костей рыбы; VII – челюсть щуки; VIII – костяная проколка

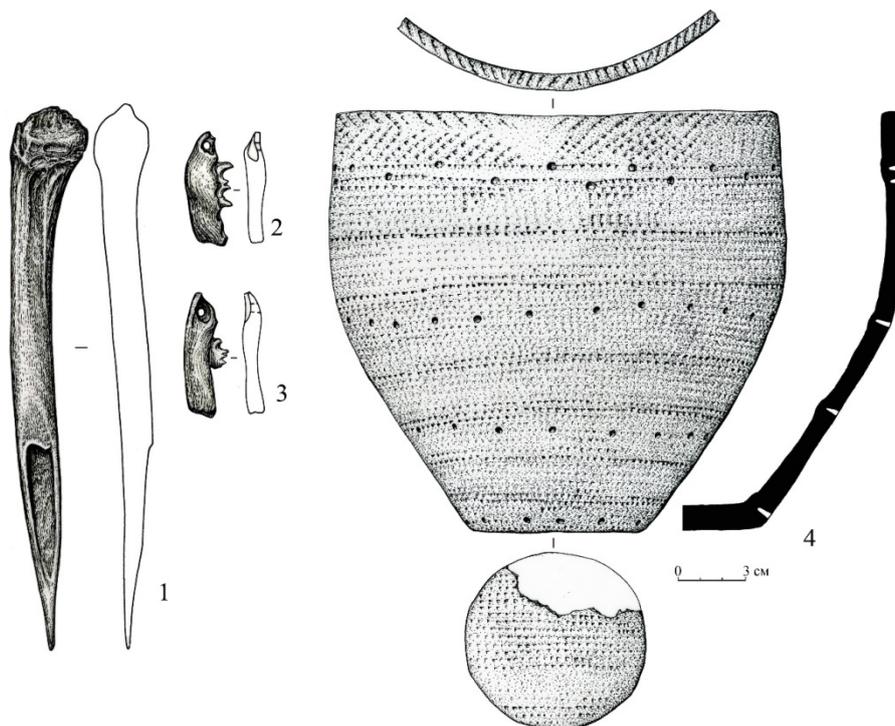

Рис. 2. Инвентарь из погребения могильника Тартас-1: 1–3 – погребение № 273; 4 – погребение № 489

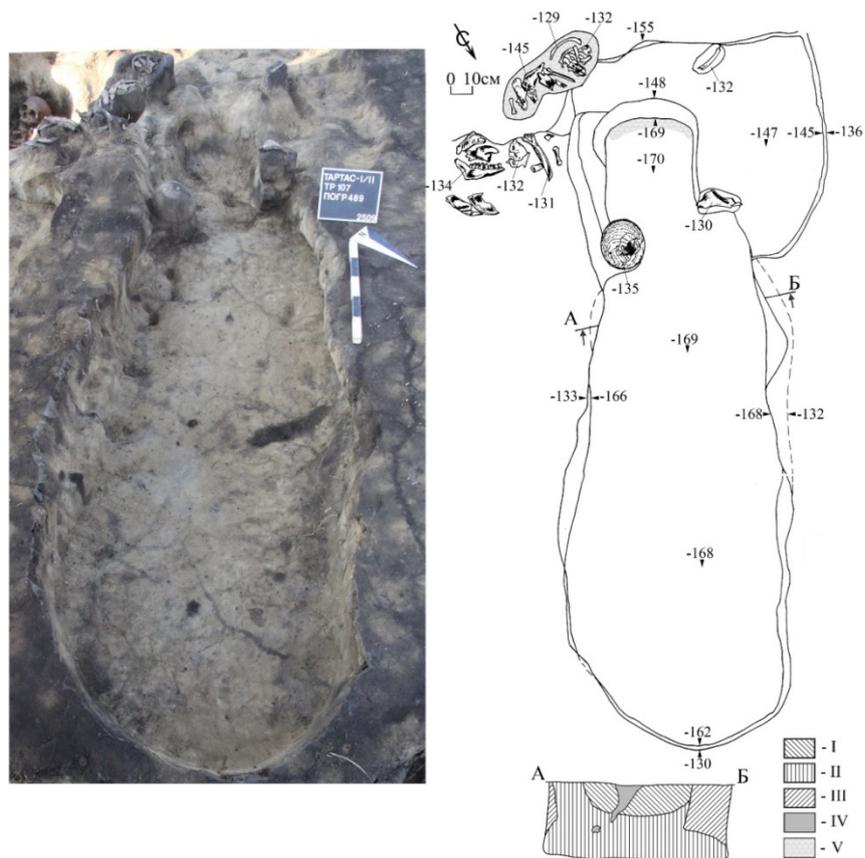

Рис. 3. Могильник Тартас-1, погребение 489: 1 – фото погребения; 2 – план и разрез погребения.
 I – мешаная почва буро-серо-желтого цвета; II – мешаная серо-черная почва с вкраплениями белесой супеси;
 III – плотная светло-желтая супесь; IV – рыхлая буро-желтая супесь (пора); V – скопление чешуи и костей рыбы

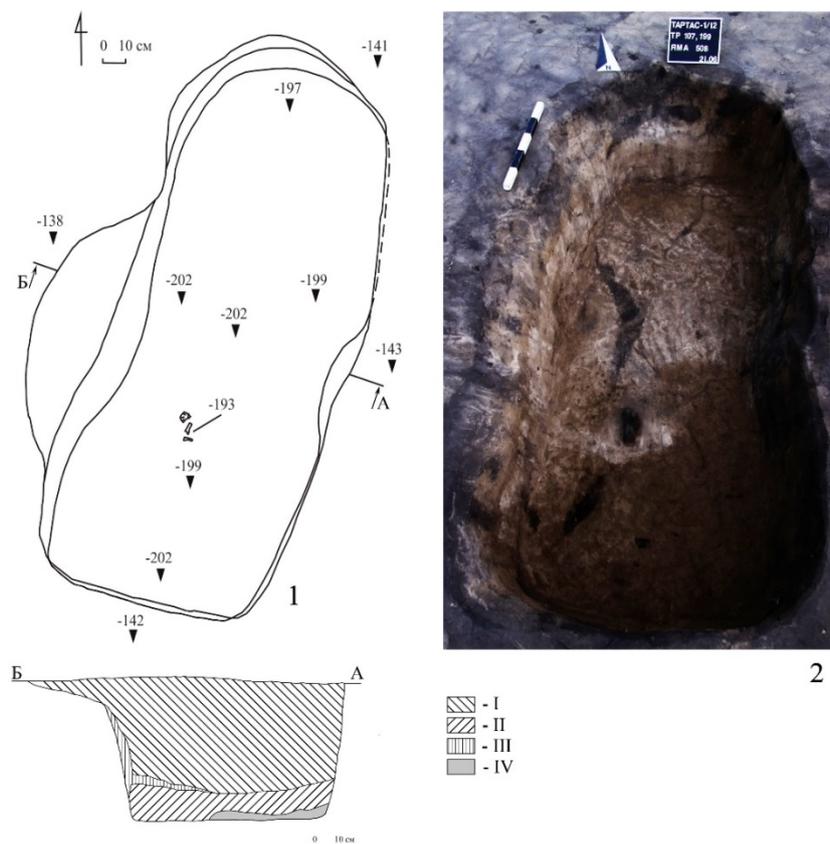

Рис. 4. Тартас-1, ритуальная яма 508: 1 – план и разрез ямы 508; 2 – фото ямы вид с ЮЗ:
 I – плотная почва серо-желтого цвета; II – мешаная почва желто-серого цвета
 III – плотная желтая почва; IV – серая почва с белесыми включениями

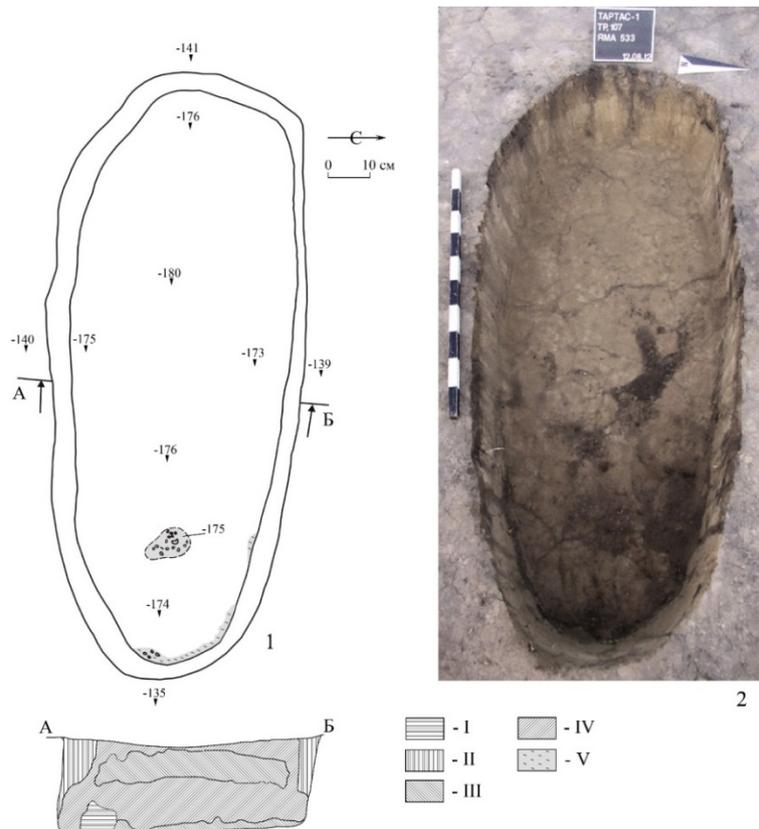

Рис. 5. Могильник Тартас-1, ритуальная яма 533: 1 – план и разрез ямы; 2 – фото ямы, вид с В:
 I – темно-серая почва; II – мешаная желтая почва; III – желто-серая мешаная почва;
 IV – светло-серая почва с вкраплением желтой супеси; V – чешуя рыбы

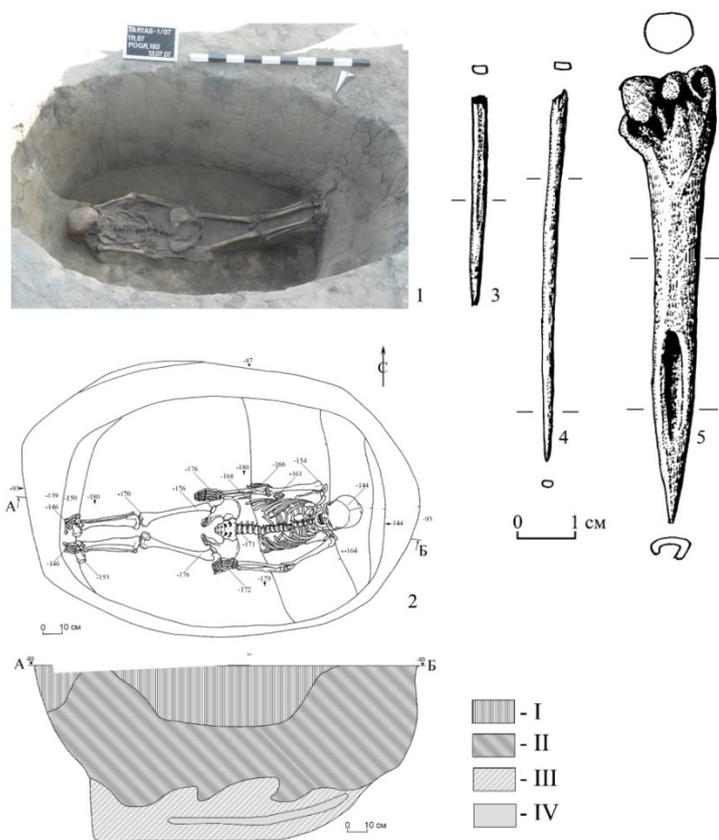

Рис. 6. Могильник Тартас-1, погребение № 193:
 1 – фото погребения № 193; 2 – план и разрез погребения № 193; 3 – игла из ребра карася,
 4 – костяная игла, 5 – костяная проколка. I – плотная темно-серая почва; II – плотная темно-серая супесь
 с многочисленными крупными пятнами и горизонтальными прослойками желтого суглинка; III – мешаная желто-серая супесь;
 IV – область расположения костей скелета

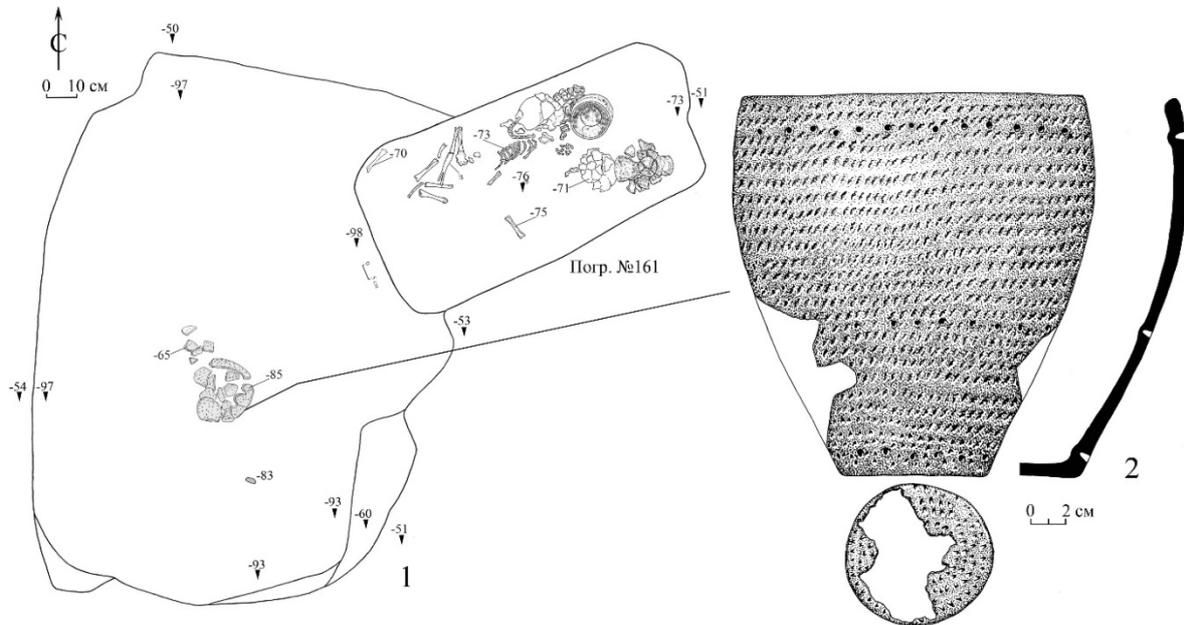

Рис. 7. Могильник Тартас-1, ритуальная яма № 222:
1 – план ямы № 222; 2 – керамический сосуд из ямы № 222

Яма 207 имела округлую форму. Южная стенка ямы разрушена более поздней ямой № 208. Её размеры 1,2×1,2 м. Глубина от уровня материка – 0,38 м. В заполнении, ближе к дну ямы, найдены рёбра, костные лучи плавников и кости черепа карася. Второе скопление найдено на уровне дна, в него входили несколько костей черепа второго карася.

Яма 209 имела форму ориентированного по линии СЗ–ЮВ прямоугольника со слегка скругленными углами. Её длина 1,92 м, ширина 0,22 – 0,26 м, глубина от уровня материка 0,35 м. Заполнение – неоднородная рыхлая средне-серо-коричневая супесь с размытыми желтыми пятнами. В заполнении ямы найдены 2 обожжённых астрагала мелкого рогатого скота и 7 неопределимых обломка костей животных. На уровне дна обнаружены фрагменты черепа и глоточные зубы карася.

Яма 214 имела форму квадрата с сильно скругленными углами. Её размеры 1,35×1,25 м. Глубина от уровня материка 0,17–0,2 м. Заполнение ямы – неоднородная серая супесь с большим количеством рыбьих костей.

Здесь найдены крышечные кости, фрагменты верхних и нижних челюстей, позвонки, ребра глоточные зубы карася и язя. Карасей, судя по количеству глоточных зубов, было не менее 30 особей, язей не менее 50. Все кости очень крупные и соответствуют массе рыбы в 1,5–2 кг. Большое скопление костных остатков язя и карася может косвенно свидетельствовать о весеннем вылове рыбы. Именно весной в преднерестовый и нерестовый период язь и карась собираются большими стаями и могли быть выловлены сетями в береговой зоне. Особенно это касается карася, так как этот вид рыбы в зимнее время, как правило, малоподвижен.

Яма 222 имела форму вытянутого по линии ССВ–ЮЮЗ прямоугольника. Её длина 1,77 м, ширина 0,96–1,15 м, глубина от уровня материка 0,47 м. Часть во-

сточной стенки разрушена перекрывающим яму андроновским (федоровским) погребением № 161 (рис. 7. 1). В центре ямы в дополнительном углублении (яма 205) был помещен вверх дном практически целый плоскодонный баночный сосуд одиновской культуры (рис. 7, 2). В заполнении найдены ножевидная пластина и створка раковины беззубки (*anodonta cygnea*). В яме обнаружено так же два скопления костей рыбы. Первое из них состоит из элементов лобных и затылочных костей, нижней челюсти, глоточных зубов, лучей плавников, ребер, полуразрушенных позвонков язя (не менее трех особей). Второе скопление представлено фрагментами черепа, глоточных зубов, первым лучом грудного плавника, позвонками и обломками ребер язя и, по всей видимости, является разрушенным скелетом одного экземпляра рыбы.

Яма 223 имела округлую форму. Её размеры 2,05×1,92 м. Глубина от уровня материка 0,75 м. Северная стенка ямы частично перекрыта погребением № 162 андроновской (федоровской) культуры. В заполнении найдены фрагменты крышечных костей и первый луч грудного плавника карася.

Связанная с ритуальным комплексом бронзолитейная мастерская представляла (конструкция №4) собой каркасно-столбовую полуземлянку с котлованом подпрямоугольной формы, ориентированным строго по сторонам света. Его размеры 8,0–8,2×8,9–9,2×0,34–0,46 м. В центре котлована расположен плавильный очаг заглубленного типа (яма 235). В середине восточной стенки находился коридорообразный выход. Внутри котлована зафиксировано 34 ямы. Ихтиологические материалы найдены как в слое котлована полуземлянки, так и в заполнении очага и столбовых ям. На уровне пола конструкции №4 найдено фрагменты крышечных костей и нижние челюсти трех разновозрастных щук, а также элементы костей черепа карася.

В коридорообразном входе (яма 238 по отчету В.И. Молодина) найдено два скопления. Одно из них включало одну крышечную кость, глоточные зубы, костные лучи плавников, позвонки и ребра очень крупного язя. По величине рёбер и костям клейструма его вес должен быть не менее 1,5–2,5 кг. Второе скопление состояло из крышечных костей, ребер, позвонков и лучей плавников второго язя.

Очаг (**яма 235**) представлял собой вытянутое углубление неправильной формы, ориентированное вдоль оси жилища. Его длина 1,85 м, ширина 1,1 м, глубина от уровня пола жилища 0,15 м. Стенки пологие, плавно переходят в дно. Дно прокалено на глубину до 0,07 м. На слое прокала залегали разрозненные небольшие фрагменты от нескольких керамических сосудов, в том числе ошлакованные, и обломки тигля. В заполнении очага также найдены ребра, фрагменты глоточных зубов, лучи грудных плавников и чешуя язя (*Leuciscus idus*). Не менее 5 особей. Судя по чешуе, рыба добыта в летнее время, её возраст 6+ лет. Рыба крупная, её масса колеблется в пределах от 0,7 до 1 кг. Здесь же найдены фрагменты чешуи и глоточные зубы сибирской плотвы (*Rutilus rutilus lacustris*). Не менее 3 особей. Плотва в возрасте 3+ лет, также летнего вылова.

Яма 239 имела форму неправильной трапеции. Расположена у восточной стенки котлована и судя по заполнению служила для утилизации отходов. Её размеры по верхнему контуру 0,64×0,34×0,19 м, глубина от уровня пола строения 0,18 м. В заполнении найдены мелкие фрагменты керамики, в том числе со следами вторичного обжига, многочисленные кости (позвонки рёбра, глоточные зубы) и чешуя сибирской плотвы, рёбра карася.

Яма 240 расположена в юго-восточном углу котлована и является основанием столба опорной конструкции стен строения. Имеет округлую форму и размер 0,24×0,22 м. Её глубина от уровня пола 0,31 м. На уровне дна найдены элементы челюсти щуки.

Яма 253 овальной формы. Расположена в западной части строения и, видимо, имела хозяйственное назначение. Её размеры 0,55×0,32 м. Глубина от уровня пола котлована 0,07 м. Заполнение – темно-серая супесь. В яме найдены чешуя, элементы затылочного отдела черепа и анального плавника карася. Возраст рыбы, установленный по чешуе, 3+ года. Выловлена в летне-осенний период.

Ихтиологические материалы найдены также в котловане второй мастерской (конструкция № 5) одиновского бронзолитейного комплекса. Это сооружение представляло собой полуземлянку подквадратной формы, частично разрушенную проходившей по территории памятника дорогой. Размер сохранившейся части котлована 6,8×4,8 м. Глубина от уровня материка 0,15–0,22 м. Стенки отвесные, дно плавно углубляется в сторону центра полуземлянки. В культурном слое мастерской найдена чешуя сибирской плотвы. Судя по годичным кольцам её возраст 3+ года, выловлена в летний период. В котловане расположен заглубленный в землю очаг (яма 299) и 11 ям разного назначения. Рыба

присутствует только в яме № 272. Последняя представляет собой расположенное у западной стенки жилища овальное углубление. Его размеры 0,48×0,32 м. Глубина от уровня пола 0,13 м. Заполнение – однородная плотная темно-серая супесь. На уровне дна обнаружены фрагменты костей черепа и позвонков язя.

Таким образом, в материалах одиновской культуры могильника Тартас-1 представлены пять видов рыб: язь (*Leuciscus idus*), карась (*Carassius*), щука (*Esox lucius*), окунь (*Perca fluviatilis*) и плотва сибирская (*Rutilus rutilus lacustris*). Все зафиксированные на памятнике виды рыб обитают в реках и озерах Центральной Барабы и сегодня [3, 4]. Наибольшим количеством особей представлен язь (табл. 1). Учено 82 экземпляра из 2 погребений (табл. 1) и 9 ритуальных ям (табл. 2). Карась обнаружен в 3 могилах, 8 ямах и конструкции № 4 бронзолитейного комплекса (табл. 2), определено 49 особей. Значительной серией представлена щука. Ее остатки содержались в 4 ритуальных ямах, могиле № 273 и конструкции № 4, учтено не менее 8 особей. Окунь зафиксирован в 2 ямах (табл. 2), учтено 4 экземпляра. Сибирская плотва встречена только в конструкциях бронзолитейного комплекса (табл. 2), учтено 4 особи. Данное соотношение видов не передает ситуацию их обитания в природе и является результатом намеренного отбора. В настоящее время в озерной системе Центральной Барабы по численности и биомассе преобладают серебряный карась и окунь [5]. Представленная в материалах памятника единичными экземплярами плотва также является одним из основных промысловых видов [4. С. 340, 393].

Рыболовство является одной из ведущих отраслей экономики одиновской культуры. Судя по анализу коллагена костей одиновского населения Барабинской лесостепи, рыбная пища составляла основу их диеты [6].

Следует отметить, что находки рыбы в ритуальных ямах и котлованах хозяйственных сооружений № 4 и № 5 отличаются по видовому составу (табл. 2), времени вылова и характеру костных останков.

В строениях бронзолитейного комплекса рыба присутствует в виде кухонных остатков и, возможно, в качестве топлива для плавильного горна (яма 235). Вследствие этого рыба здесь чаще всего представлена костями туловища: ребрами и позвонками. Встречены мелкие экземпляры и отсутствующие в ритуальных сооружениях виды (плотва). Следует также отметить, что вся рыба, найденная в котлованах хозяйственных построек, выловлена летом (табл. 2); видимо, расположенный здесь бронзолитейный комплекс функционировал именно в этот период.

Ихтиологический материал содержался только в 3 одиновских захоронениях могильника Тартас-1, основная его часть помещена в сопроводительные ямы ритуального характера. Расположение значительной части сопроводительного инвентаря в ямах является одной из особенностей одиновского погребального обряда и прослеживается на других могильниках этой культуры [7. С. 26–27].

Факт помещения рыбы в погребения человека можно трактовать либо как сопроводительную пищу, либо как признак участия образа рыбы, как некоего мифологического символа в погребальной практике. Рыба в представлениях древнего населения является устойчивым символом нижнего мира [8. С. 391].

Фиксируется только один вариант размещения рыбы в могильной яме. В двух погребениях (№ 273 и 489) рыба располагалась в ногах умершего. В погребении № 193 игла из ребра карася находилась в инструментальном наборе и как приношение рыбы людьми, совершающими обряд, явно не рассматривалась.

Расположение рыбы в ногах, видимо, характерно для одиновского погребального обряда. Например, такой вариант фиксируется в погребениях № 583 и № 190 одиновского могильника (сопка-2/4А [2. С. 50–51, 124. Рис. 48, 188]) и погребении № 37 могильника Усть-тартас-2.

Следует отметить, что описанный способ расположения рыбы в могиле не охватывает всех вариантов свойственных этой культуре. Например, в погребении № 14 могильника Усть-тартас-2 и погребении № 7 памятника Абрамово-11 рыба зафиксирована в кисти руки погребенного.

Результаты анализа ихтиологических материалов могильника позволяют утверждать, что в ритуальных целях отбирались взрослые очень крупные особи. Следует отметить, что в погребениях и ритуальных ямах рыба представлена ограниченным набором частей скелета. Чаще всего встречаются элементы черепа (челюсти, крышечные кости, глоточные зубы), лучи плавников и чешуя. На устойчивость выявленного элемента погребальной практики указывает то, что абсолютно такая же ситуация фиксируется в других могильниках одиновской культуры [7. С. 26–27; 9. С. 79]. В результате у исследователей сложилось представление, что в ритуальные ямы могли помещаться чучела или снятые вместе с головой шкуры рыб [7. С. 26–27; 9. С. 79].

В ряде случаев удалось определить вероятный сезон добычи использованной в ритуальных целях рыбы (табл. 1, 2). Причем во всех поминальных комплексах (погр. 273 и ямы 180, 197, 214, 533) она выловлена в конце зимы – начале весны или весной. Следует отметить, что практически такая же ситуация прослежена на другом одиновском памятнике Барабы – могильнике Преображенка-6 [7. С. 32, 35].

Таблица 1

Видовая принадлежность (кол-во особей) и сезон вылова рыбы в одиновских захоронениях могильника Тартас-1

№ погр.	Карась (Carassius)		Язь (Leuciscus idus)		Щука (Esox lucius)	
	Количество особей	Возраст Сезон вылова	Количество особей	Возраст Сезон вылова	Количество особей	Возраст Сезон вылова
193	1	–	–	–		
273	>2	Конец зимы – весна	>4	Конец зимы – весна	1	2–3
489	1	–	1	–		

Таблица 2

Видовая принадлежность (кол-во особей) и сезон вылова рыбы в ритуальных ямах одиновской культуры могильника Тартас-1

№ Ямы	Карась (Carassius)		Язь (Leuciscus idus)		Щука (Esox lucius)		Окунь (Perca fluviatilis)		Плотва (Rutilus rutilus lacustris)	
	Количество особей	Возраст Сезон вылова	Количество особей	Возраст Сезон вылова	Количество особей	Возраст Сезон вылова	Количество особей	Возраст Сезон вылова	Количество особей	Возраст Сезон вылова
180	2	5 Весна	1							
195	1	–								
197							2	5, 6 весна		
201					1	–				
206	1	–	2	–						
207	2	–								
209	1									
214	30	Весна	50	Весна						
222			4	–						
223	1	–								
227							2	–		
238			2							
260					1	–				
508			2	–	1	–				
533	>5	Весна	>10	Весна						
Конструкция 4	1				3	2–3, 5–6				
235 очаг			5	6+ Лето					3	3+ Лето
239										
240					1					
253	1	3+ Лето–осень								
Конструкция 5									1	3+ Лето
272			1	–						

Все это может указывать на сезонный характер связанных с ритуальными процедурами обрядовых действий и соотносено с представлениями о сезонной цикличности промысловой деятельности, увядающей и воскресающей природе. В мифологических схемах древнего населения рыба, являясь символом загробного мира, устойчиво связывается с культом плодородия и плодovitости [8. С. 391–393].

В то же время следует иметь в виду, что в регионах, где обилие рыбы позволяло человеку активно исполь-

зовать этот биоресурс (как, несомненно, было в Барабинской лесостепи), он нередко вытеснял из пищевого рациона скотоводов мясную пищу, как это наглядно продемонстрировано при анализе пищевой диеты кочевников пазырыкской культуры Горного Алтая [10] или носителей также скотоводческой популяции андроновской (федоровской) культуры [11].

Данную специфику необходимо учитывать при реконструкции палеоэкономики и духовной жизни древних сообществ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Молодин В.И., Новиков А.В. Археологические памятники в Венгеровского района Новосибирской области. Новосибирск : НПЦ по сохранению историко-культурного наследия, 1998. 139 с.
2. Молодин В.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми: культурно-хронологический анализ погребальных комплексов одиновской культуры. Новосибирск : ИАЭТ СО РАН, 2012. Т. 3. 220 с.
3. Веселов Е.А. Определитель пресноводных рыб фауны СССР. М. : Просвещение, 1977. 238 с.
4. Попов П.А. Рыбы Сибири: распространение, экология, вылов. Новосибирск : НГУ. 2007. 526 с.
5. Ядренкина Е.И. Структурно-функциональная организация рыбного населения в заморных озерах Западной Сибири. Томск, 2011. 41 с.
6. Марченко Ж. В., Панов В.С., Гришин А.Е., Зубова А.Е. Реконструкция и динамика структуры питания одиновского населения Барабинской лесостепи на протяжении III тыс. до н.э.: археологические и изотопные данные // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2016. № 3 (34). С. 164–178.
7. Молодин В.И., Конева Л.А., Чемякина М.А., Степаненко Д.В., Позднякова О.А. Ихтиологические материалы из ритуальных комплексов одиновской культуры памятника Преображенка-6 // Археология, этнография и антропология Евразии. 2012. № 2 (50). С. 25–36.
8. Топоров В.Н. Рыба // Мифы народов мира: Энциклопедия. М., 1980. Т. 2. С. 391–393.
9. Чемякина М.А. Диагностика культовых комплексов Барабинской лесостепи геофизическими методами // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2010. Т. 9, вып. 3: Археология и этнография. С. 74–84.
10. О'Коннел Т. Определение рациона питания пазырыкцев с помощью анализов изотопов углерода и азота // Феномен алтайских мумий. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. С. 234–236.
11. Молодин В.И., Дураков И.А., Кобелева Л.С., Конева Л.А. Рыба в погребальной практике андроновской (федоровской) культуры (по материалам могильника Тартас-1, Барабинская лесостепь, Западная Сибирь) // Археология, антропология и этнография Евразии. 2015. № 3 (43). С. 59–72.

Vyacheslav I. Molodin. Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch RAS (Novosibirsk, Russia); Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: molodin@archaeology.nsc.ru

Igor A. Durakov. Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russia). E-mail: idurakov@yandex.ru

Liliya S. Kobleva. Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch RAS (Novosibirsk, Russia); Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: lilyakobleva@yandex.ru

Lidiya A. Koneva. Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russia). E-mail: Llyakobleva@yandex.ru

THE ROLE OF FISH IN THE BURIAL AND RITUAL PRACTICE OF THE ODINOVO CULTURE (TARTAS-1 SITE, BARABA FOREST-STEPPE)

Key words: Western Siberia, Barabinsk forest-steppe, Bronze Age, Odinovo culture, burial rite, ichthyofauna

The ichthyological materials from burials and ritual complexes of the Tartas-1 site (Odinovo culture, Baraba forest-steppe) were analyzed in the article to compile the most complete summary of the Odinoovo culture sites with ichthyological materials. This study consists of several descriptions: context of fish remains detection, fish species and age composition diagnostics, determination of fishing period and number of individuals, and linking fishery and funeral objects.

Currently, the Tartas-1 site section that dates back to the Odinoovo culture contains 37 burials, at least 36 ritual pits and four constructions of the production and ritual bronze-casting complex.

The materials contain five fish species: ide (*Leuciscus idus*), crucian carp (*Carassius*), pike (*Esox lucius*), perch (*Perca fluviatilis*), and Siberian roach (*Rutilus rutilus lacustris*).

In the constructions of bronze-casting complex the fish is present in the form of kitchen residues and possibly in the form of fuel for the furnace.

Placing fish in the human burials can be interpreted either as accompanying food, or as a sign of the participation of the fish image in the funeral practice as a mythological symbol. Based on the results of the ichthyological material analysis it's possible to suppose that very large adult fish were selected for ritual purposes. It should also be noted that in the burials and ritual pits fish is represented by a limited set of skeleton parts. The most common bones are different parts of the skull (jaws, splenial bones, pharyngeal teeth), rays of fins, and scales. The same element of funeral practice was revealed in other burial sites of Odinoovo culture, and it proves the stability of rite. As a result, the researchers had the impression that the fish mount or fish skins off together with the heads could be placed in ritual pits.

In some cases, it was possible to determine the likely season of catching of fish used for ritual purposes. Moreover all the commemorative complexes contain fish that was caught in the late winter – early spring, or spring season.

All of the above may indicate the seasonal nature of ritual actions associated with ceremonial procedures. This can be correlated with ideas about the seasonal cyclical nature of fishing activity, fading and resurrecting nature. In the ancient mythological schemes, fish, as a symbol of the afterlife, is consistently associated with the cult of fertility and fertility.

However, some regions with abundance of fish (eg. Barabinsk forest-steppe) allowed population to actively use this bioresource. This process led to the replacement of meat food from the herdsman's diet, which was clearly demonstrated in the Pazyryk culture (Gorny Altai) and Andronovo (Fedorov) culture.

REFERENCES

1. Molodin, V.I. & Novikov, A.V. (1998) *Arkheologicheskie pamyatniki Vengerovskogo rayona Novosibirskoy oblasti* [Archaeological sites in the Vengerovsky district of the Novosibirsk region]. Novosibirsk: NPTs po sokhraneniyu istoriko-kul'turnogo naslediy.
2. Molodin, V.I. (2012) *Pamyatnik Sopka-2 na reke Omi: kul'turno-khronologicheskii analiz pogrebal'nykh kompleksov odinovskoy kul'tury* [Monument Sopka-2 on the Om River: a cultural-chronological analysis of the burial complexes of the Odovskaya culture]. Vol. 3. Novosibirsk: SB RAS.
3. Veselov, E.A. (1977) *Opredelitel' presnovodnykh ryb fauny SSSR* [A field guide to freshwater fish of the fauna of the USSR]. Moscow: Prosveshchenie.
4. Popov, P.A. (2007) *Ryby Sibiri: rasprostraneniye, ekologiya, vylov* [Siberian fish: distribution, ecology, catch]. Novosibirsk: Novosibirsk State University.
5. Yadrenkina, E.N. (2011) *Strukturno-funktional'naya organizatsiya rybnogo naseleniya v zamornykh ozerakh Zapadnoy Sibiri* [Structural and functional organization of the fish population in the overland lakes of Western Siberia]. Biology Dr. Diss. Tomsk.
6. Marchenko, Zh.V., Panov, V.S., Grishin, A.E. & Zubova, A.E. (2016) Reconstruction and dynamics of food structure of the Odino people in the Baraba forest-steppe area during the 3rd millennium BC: according to archaeological and isotopic data. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*. 3(34). pp. 164–178. (In Russian). DOI: 10.20874/2071-0437-2016-34-3-164-178
7. Molodin, V.I., Koneva, L.A., Chemyakina, M.A., Stepanenko, D.V. & Pozdnyakova, O.A. (2012) Ikhtiologicheskie materialy iz ritual'nykh kompleksov odinovskoy kul'tury pamyatnika Preobrazhenka-6 [Ichthyological materials from ritual complexes of the Odinovskaya culture, Preobrazhenka-6 monument]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii – Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*. 2(50). pp. 25–36
8. Toporov, V.N. (1980) Ryba [Fish]. In: Tokarev, S.A. (ed.) *Mify narodov mira: Entsiklopediya* [Myths of the World: Encyclopedia]. Vol. 2. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya. pp. 391–393.
9. Chemyakina, M.A. (2010) Diagnostika kul'tovykh kompleksov Barabinskoy lesostepi geofizicheskimi metodami [Geophysical methods in diagnostics of Baraba forest-steppe cult complexes]. *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya*. 9(3). pp. 74–84.
10. O'Konnell, T. (2000) Opreделение ratsiona pitaniya pazyryktsev s pomoshch'yu analizov izotopov ugleroda i azota [Determination of the Pazyryk diet using carbon and nitrogen isotopes]. In: Molodin, V.I. & Derevyanko, A.P. (eds) *Fenomen altayskikh mumiy* [Altai Mummies Phenomenon]. Novosibirsk: SB RAS. pp. 234–236
11. Molodin, V.I., Durakov, I.A., Kobeleva, L.S. & Koneva, L.A. (2015) Fish in the burial rite of Andronovo (Fedorovka) people, based on Tartas-1 cemetery. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii – Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*. 3(43). pp. 77–90. (In Russian).

УДК 903.2
DOI: 10.17223/19988613/62/21

А.М. Кузнецов, Е.О. Роговской

ПЛАНИГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РАННЕГОЛОЦЕНОВЫХ КУЛЬТУРНЫХ СЛОЕВ СТОЯНКИ ОСТРОВ ЛИСТВЕННИЧНЫЙ (СЕВЕРНОЕ ПРИАНГАРЬЕ)

Исследование выполнено в рамках госзадания № 33.2057.2017/4.6 Минобрнауки РФ.

Приводятся результаты планиграфического анализа раннеголоценовых культурных слоев местонахождения Остров Лиственничный. Открытый и изученный авторами археологический объект можно причислить к опорным раннеголоценовым стоянкам Северного Приангарья и сопредельных территорий. Залегание культурных остатков *in situ* в условиях ненарушенной стратиграфии позволило выявить объекты и производственно-бытовые зоны в планиграфии стоянки, функциональную специализацию и структуру стояночного пространства в двух пунктах обитания, слагающих местонахождение Остров Лиственничный.

Ключевые слова: планиграфия; ранний голоцен; Северное Приангарье; охотники-собиратели; структура поселения.

Введение. Планиграфический анализ является одним из основных методов в археологических исследованиях. Активно используемый и разрабатываемый зарубежными и отечественными авторами, он дает возможность смоделировать хозяйственно-бытовую структуру жизнедеятельности древнего населения. Для раннеголоценовых памятников со «спокойной» стратиграфией и непереотложенным культурным слоем подопные исследования являются неотъемлемой частью полноценной комплексной работы.

Раннеголоценовые культурные слои стоянки Остров Лиственничный (Северное Приангарье) соответствуют условиям для проведения планиграфического исследования, так как вмещены в четко выделяемые литологические горизонты, имеют разноплановую пространственную структуру, не нарушены катастрофическими природными или неолитическими процессами. Под культурным слоем понимается целостное природно-историческое тело, имеющее свою пространственную организационную структуру, представленную вещественными остатками искусственного происхождения (культурные остатки) и органо-минеральным субстратом (вмещающая порода), имеющим природные и антропогенные составляющие [1].

Цель данной работы – провести планиграфический анализ раннеголоценовых культурных слоев стоянки Остров Лиственничный в рамках раскрытия и уточнения некоторых аспектов жизнедеятельности древнего населения Северного Приангарья.

Территория Северного Приангарья захватывает с запада на восток широтное, субширотное и субмеридиональное простираение долины р. Ангары до ее правого притока – р. Илима и самой этой реки в ее бывлом (до затопления Усть-Илимского водохранилища) нижнем и среднем субширотном течении. С севера на юг она составляет почти 500 км и с востока на запад более 900 км [2].

Одним из опорных объектов этого региона, открытых и обследованных в ходе Богучанской экспедиции ИАЭТ СО РАН (2007–2012 гг.), является многослойное

местонахождение Остров Лиственничный. Местонахождение Остров Лиственничный располагалось на одноименном острове, лежащем на половине расстояния от устьев рек Каты и Ёдармы (рис. 1). Долины этих рек, являющихся соответственно правым и левым притоками Ангары, находятся практически напротив друг друга, образуя Като-Ёдарминское расширение. Территория занимает поворотную-угловую северо-восточную географическую позицию между субмеридиональным течением р. Ангары в Иркутской области и субширотным ее течением в Красноярском крае. Като-Ёдарминский район вписан в Северное Приангарье и вместе с таковым отнесен к северной окраине Байкальской Сибири [3].

Остров Лиственничный по ангарским меркам небольшой – 1 200 тыс. м². Растительность на острове была представлена отдельными участками леса лиственных пород и широкими полями со средним и высоким травостоем. На острове длительное время размещались пахотные и пастбищные угодья ближайших деревень. Поверхность пологая, со слабо заметными в микрорельефе возвышенностями. В структурно-геоморфологическом отношении остров тяготеет к Ёдарминской площади опускания. Абсолютные высотные отметки поверхности острова 188–191 м. Относительные отметки – 4–5 м от уреза воды, в нижней части острова – 2–3 м. Местонахождение дислоцировалось в верхней части острова в двух пунктах: на приверхе и в полукилометре ниже по течению, по правому берегу, обращенному к Катской протоке. На настоящий момент о. Лиственничный полностью затоплен водами Богучанского водохранилища.

В результате раскопочных работ выявлено 7 уровней залегания археологического материала, вмещенного в четко стратифицируемые литологические слои. Третий и пятый уровни залегания являются основными, характеризующими местонахождение Остров Лиственничный. Третий уровень залегает в низах почвенных образований атлантического оптимума (АТ-1). По нему получены даты $\approx 7,0-7,2$ тыс. л. н. Пятый уровень залегает в слабогумусированных подстилающих

отложениях. По материалам этого горизонта основной массив датировок лежит $\approx 8,5$ тыс. л. н. На основании стратиграфической позиции и радиоуглеродного дати-

рования он отнесен к среднему бореалу (ВО-2) или к среднему этапу раннеголоценового периода по региональной климатостратиграфической шкале [4].

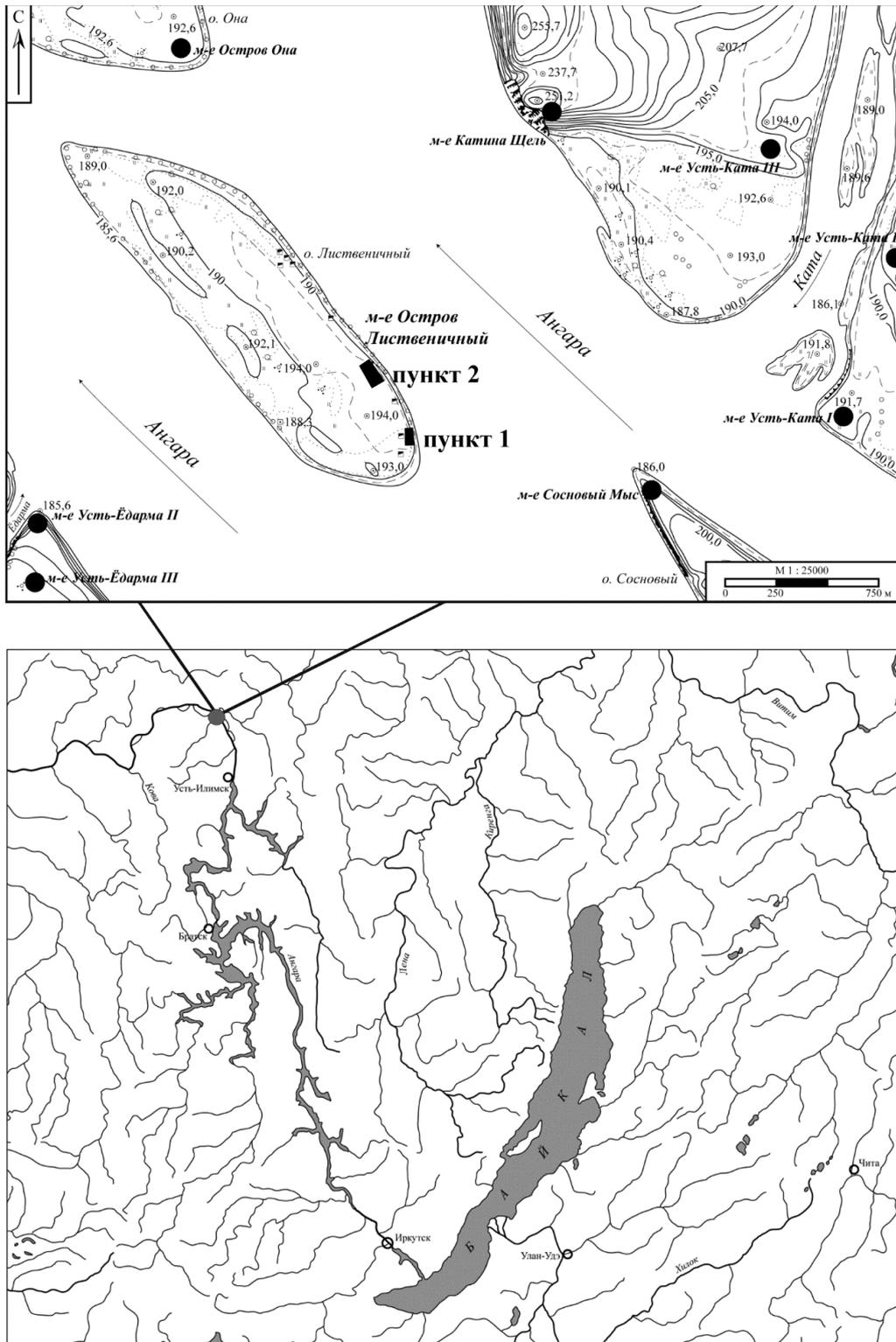

Рис. 1

Согласно стратиграфическим наблюдениям по серии из 21 археологической выработки, сделанной вдоль всего северо-западного борта острова, накопление рыхлых отложений в голоцене шло в основном в результате флювиальных процессов, т.е. водной эрозии и

аккумуляции реки. Это подтверждается следующими фактами: заиленностью голоценовых образований; наличием прослоек мелкозернистых стерильных песков и мелких галек; низкими отметками острова относительно уровня Ангары. Также в стратиграфии не чи-

таются какие-либо экстремальные стоки воды в виде канавок, рытвин, ложков. Можно сделать вывод, что культурные слои имеют смешанный субкавально-субэарально-антропогенный генезис: во время обычного уровня реки действовали эолово-антропогенные факторы, в моменты поднятия уровня воды – аллювиальные, после них – делювиальные, по-видимому, представленные относительно слабым плоскостным смывом. Разная степень окрашенности гумусированных голоценовых пачек предположительно документирует интенсивность субкавальных процессов.

Для выяснения вопросов реконструкции древнего ландшафта стоянки и ее хронологической однородности авторами был проведен микростратиграфический анализ раннеголоценового культурного слоя на обоих пунктах местонахождения. Он предполагал построение системы микростратиграфических профилей. Профили строились по продольному и поперечному сечению раскопанных площадей в соответствии с пикетной сеткой через каждые метр. Подобный интервал был выбран согласно общей стратиграфической ситуации залегания литологических горизонтов, имеющих незначительный наклон в сторону береговой линии. Для проведения этой работы привлекались данные о позиции всех находок раннеголоценового культурного слоя.

На первом пункте стоянки Остров Лиственничный с раскопанной площадью около 250 м² на основании микростратиграфического анализа и радиоуглеродной датировки было выявлено два культурных слоя. Сложность их дифференциации и соотнесения с хроностратиграфическими периодами состояла в том, что подошва почвенных образований голоценового оптимума была нарушена ходами землероев и имела нечеткую по цвету и гранулометрическому составу границу с нижележащим литологическим горизонтом. В результате первый культурный слой (1 кс), представленный небольшим пятном находок, был отнесен к атлантику (АТ). Радиоуглеродное датирование подтвердило результаты микростратиграфического анализа: по фрагменту зуба (*Homo sapiens*) была получена дата $6\ 880 \pm 20$ АМС ¹⁴С л. н. (UCIAMS-183023).

Второй культурный слой (2 кс) был зафиксирован в подстилающих голоценовый оптимум отложениях, представленных серовато-бурым легким заиленным суглинком с включениями мелких галек. По данным микростратиграфии, в нем были зафиксированы два микрогоризонта залегания археологических остатков, разделенных стерильной прослойкой (рис. 2). В результате радиоуглеродного датирования фрагмента диафиза хищного млекопитающего (*Canis familiaris*) из микрогоризонта 2Б была получена дата $9\ 375 \pm 35$ ¹⁴С л. н. (UCIAMS-185870), также подтверждающая раннеголоценовый возраст культурного слоя. Следует отметить высокое содержание азота в представленных образцах, что дало эффект некоторого удревления возраста костных остатков.

Выделенные микрогоризонты прослеживаются не по всей раскопанной территории первого пункта, на

некоторых участках сливаясь в однородный комплекс. В таких случаях они соотносились с планиграфическим рисунком, то есть шлейфами распространения археологического материала и формами скоплений, и дифференцировались не эмпирически, а аналитически, на уровне логических построений.

На втором пункте стоянки с раскопанной площадью около 1,2 тыс. м² было зафиксировано шесть культурных слоев, вмещенных в четко выделяемые литологические горизонты. Пятый, самый нижний от дневной поверхности раннеголоценовый слой (5 кс) был зафиксирован в подстилающих голоценовый оптимум отложениях. Археологический материал распределялся в микростратиграфических профилях в виде пунктирной линии, в местах скоплений камня и кости прослеживались линзовидные формы. Дополнительных микроуровней залегания, выраженных в наличии стерильной прослойки в стратиграфии культурного слоя, выявлено не было.

По костным остаткам культурного слоя была получена серия дат по кости копытных: $8\ 575 \pm 120$ ¹⁴С л. н. (СОАН-8646), $8\ 480 \pm 135$ ¹⁴С л. н. (СОАН-8647), $8\ 510 \pm 135$ ¹⁴С л. н. (СОАН-8911), также подтверждающая его раннеголоценовый возраст.

Древняя поверхность обитания стоянки на первом и втором пунктах, исходя из отсутствия видимых перепадов литологического слоя и микростратиграфии, представляла собой довольно равномерную плоскую поверхность островной террасы с резким обрывом в сторону реки, т.е. повторяла современный островной микрорельеф.

Таким образом, удалось установить объект исследования, который представляет собой три стратиграфически дифференцированных планиграфических комплекса. Выделение комплексов не подразумевает одномоментности их образования, однако позволяет по крайней мере исключить их смешивание при анализе пространственного распределения археологического материала.

Исходя из характера седиментации рыхлых отложений и микростратиграфии, можно сделать вывод, что раннеголоценовый культурный слой является слоем первичной концентрации археологического материала и имеет высокий показатель «закрытости» в силу высокой скорости депозиции культурного слоя аллювиальными (во время паводковых ситуаций) и делювиальными (после паводков) процессами. Это позволяет провести пространственный анализ элементов культурного слоя, учитывая главным образом антропогенный фактор при его формировании, т.е. рассматривать связи между ними как результат поведенческой активности древнего населения стоянки.

Методика и материалы исследования. Планиграфическая составляющая культурного слоя сформирована следующими условными категориями структурных элементов: артефактами (изделия и отходы производства), «кухонными» остатками (кости животных, не

подвергавшиеся другой обработке, кроме дробления и разлома), манупортами и угольно-зольным наполнением кострищ. Под элементом здесь принимается самая дробная часть этой структуры – отдельный предмет [5].

По типу организации в структуре культурных отложенных элементы могут быть единичны, рассеяны, либо формировать фиксируемые концентрации на площади стоянки – скопления (рис. 3). Рассеянный археологический материал, кроме случаев его хаотичного распределения по площади стоянки, нередко формирует направления выброса, т.е. шлейфы. В свою очередь, скопления можно подразделять на стихийно и преднамеренно организованные. Стихийно организованные скопления формируются концентрациями отходов производства или «кухонными» отбросами. В формировании преднамеренно организованных скоплений фиксируется человеческая деятельность, направленная конкретно на создание определенных объектов – кострищ, депозитов и др.

Подобная классификация типов организации отдельных категорий элементов культурного слоя и рассмотрение их расположения относительно друг друга является отправной точкой при рассмотрении планиграфии стоянки и позволяет перейти от первоначальной констатации факта пространственного распределения находок к выявлению эпизодов и характера человеческой деятельности на разных участках площади. Здесь, однако, возможна ситуация палимпсеста культурных остатков, накопления следов разных по характеру деятельности эпизодов на одном участке территории стоянки. В последнем случае, кроме применения крайне трудоемкого и не всегда результативного метода ремонтажа, необходимо, по мнению авторов, учитывать статистические характеристики элементов культурного слоя на определенных участках.

Еще одной проблемой построения планиграфической картины является выделение стихийно организованных скоплений. Вариант палимпсеста и уникальных особенностей тафономизации культурных остатков при разных эпизодах хозяйственной деятельности приводит к тому, что применение статистических методов, основанных на значимом отклонении количества находок от среднего значения на площади каждого квадратного метра [6, 7], не всегда отражает неслучайность их концентрации. В таких случаях, по мнению авторов, на основе индивидуальной оценки соотношения находок необходимо выделять зоны повышенной концентрации, представляющие собой усредненный между хаотично рассеянным и стихийно организованным тип организации элементов культурного слоя. Введение этой описательной категории позволяет сохранить структуру классификации при статистических отклонениях неслучайных концентраций археологического материала.

При анализе планиграфии также употребляется термин «депозит». Он трактуется как компактное структурированное скопление артефактов разной степени обработки, располагающееся в границах культуросодержащего горизонта на памятниках каменного века.

Границы скоплений и зон повышенной концентрации отдельных категорий элементов культурного слоя определялись визуально по планам раскопок с нанесенными на них условными обозначениями. Стихийно организованные скопления формализованно распределялись по размерности на большие (больше 10 м²), средние (2–10 м²) и локальные (менее 1 м²). Кострищам и скоплениям в ходе описания присваивались порядковые номера.

Культурный слой 2А. Пункт 1. Площадь распространения находок около 70 м². Общее количество археологического материала равно 879 ед.

Коллекция каменных артефактов составляет 573 ед., из них сколов – 138 ед. (24,1%), микросколов – 327 ед. (57,1%), целых и фрагментированных пластин – 89 ед. (15,5%), нуклеусов – 1 ед. (0,2%), технических сколов – 1 ед. (0,2%), орудий – 17 ед. (3%). Набор каменных орудий включает в себя один фрагмент тесла, 8 сколов и пластин со следами ретуши и утилизации, 7 целых и фрагментированных абразивов и отбойник, причем часть абразивов и отбойник представлены в виде закрытого комплекса – депозита.

Коллекция костяных артефактов состоит из трех фрагментов кости со следами обработки и четырех орудий: стерженька составного рыболовного крючка, двух изделий из рога с приостренной дистальной частью и костяной подвески.

К кухонным остаткам относятся 290 ед. находок, включающих в себя определимые остатки таких видов, как лось, лисица, заяц, соболь, собака. Также зафиксированы фрагменты костей мелких грызунов, птиц, большое количество ихтиофауны, причем последняя составляет 50,9% от общего числа костных остатков.

В слое зафиксированы следы двух кострищ без обкладки.

Археологический материал образует зону повышенной концентрации площадью около 28 м² в центре раскопанной части пункта. На западной границе зоны располагается кострище 1К, имеющее форму правильного круга с углистым заполнением по краю и пепельно-серой костровой массой в центре. Сколы распределены в этой зоне достаточно равномерно, с концентрацией около 5 ед. на 1 м². Микросколы повторяют зону концентрации дебритажа вокруг кострища, при этом к югу от него эти элементы образуют локальное скопление (рис. 4). Фрагменты пластин также фиксируются в этой зоне вокруг кострища 1К, не образуя устойчивых скоплений. В юго-восточной части зоны, к востоку от локального скопления микросколов, в планиграфии читается относительно пустое пространство, интерпретируемое автором как индивидуальное рабочее место.

Кострище 2К, размытое в контурах и гораздо меньшее по размеру, находится на восточной периферии раскопанной площади. В его заполнении, наряду с углисто-зольными остатками, зафиксировано 30 сколов и микросколов.

К югу от кострища 1К располагается реберчатый скол; на расстоянии 2 м от него – нуклеус, также на этом

участке зафиксированы сколы с остатками галечной корки. Фрагменты абразивов вытянуты в цепочку к востоку от него. На юго-восточной периферии зоны повышенной концентрации материала фиксируются фраг-

мент тесла, вкладыш и депозит. Обработанная кость и костяные изделия также найдены в периферийной зоне, за исключением костяной подвески, зафиксированной в непосредственной близости от кострища ИК.

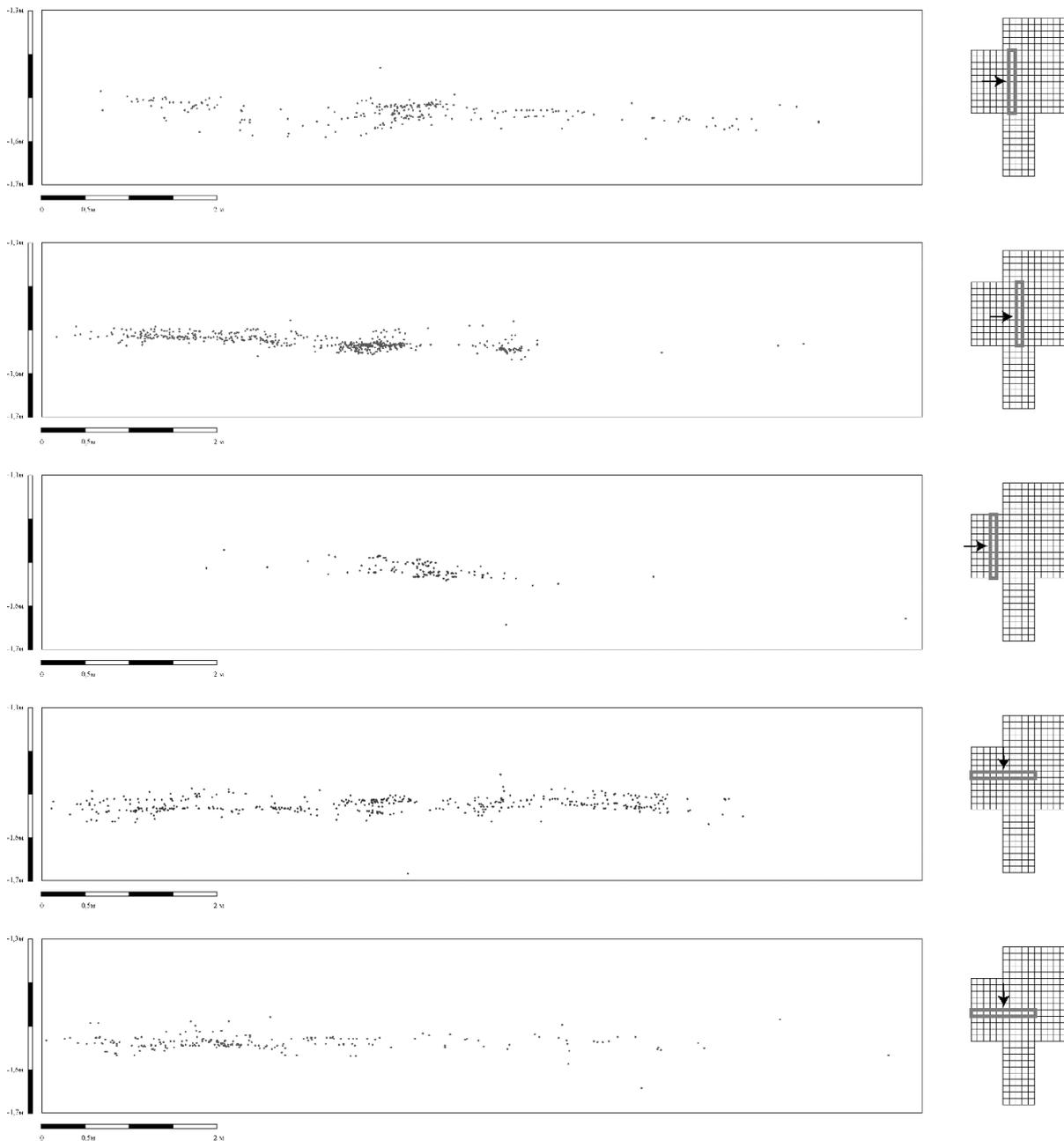

Рис. 2

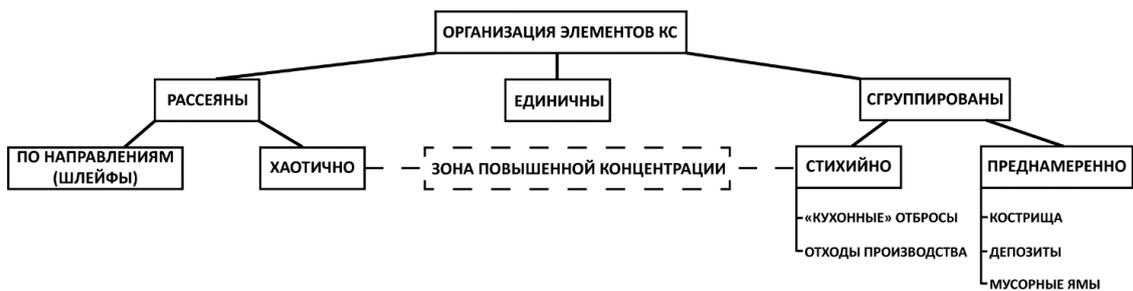

Рис. 3

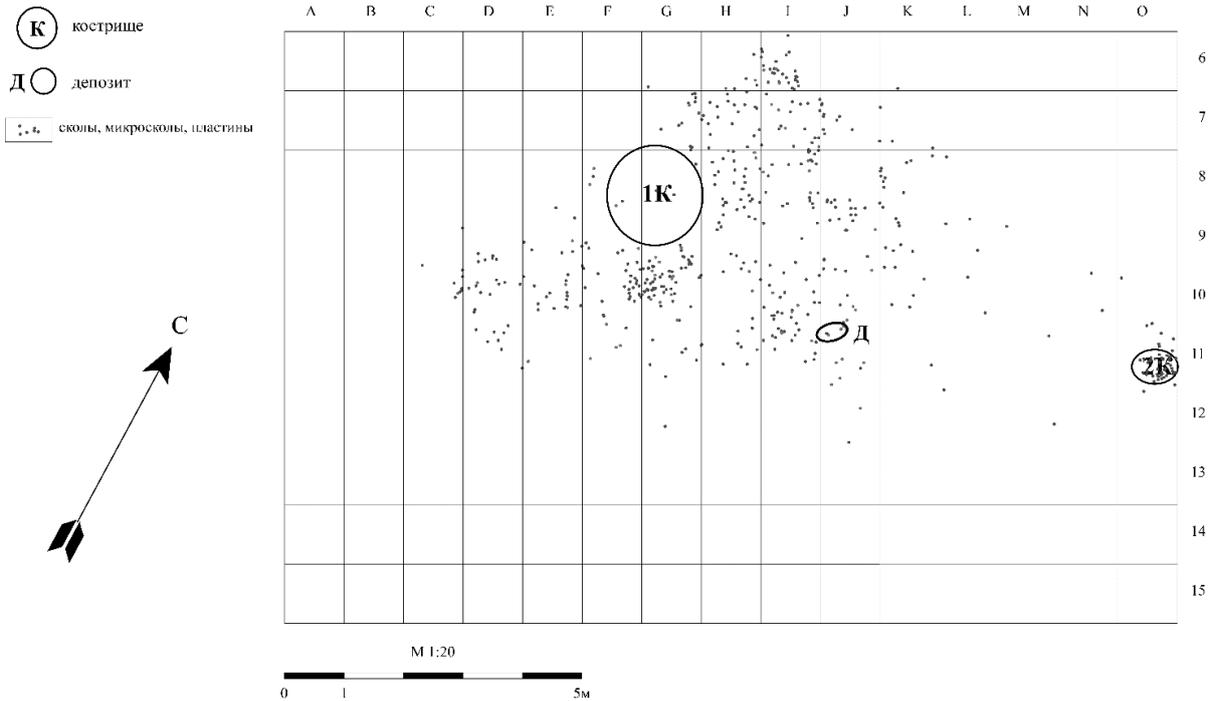

Рис. 4

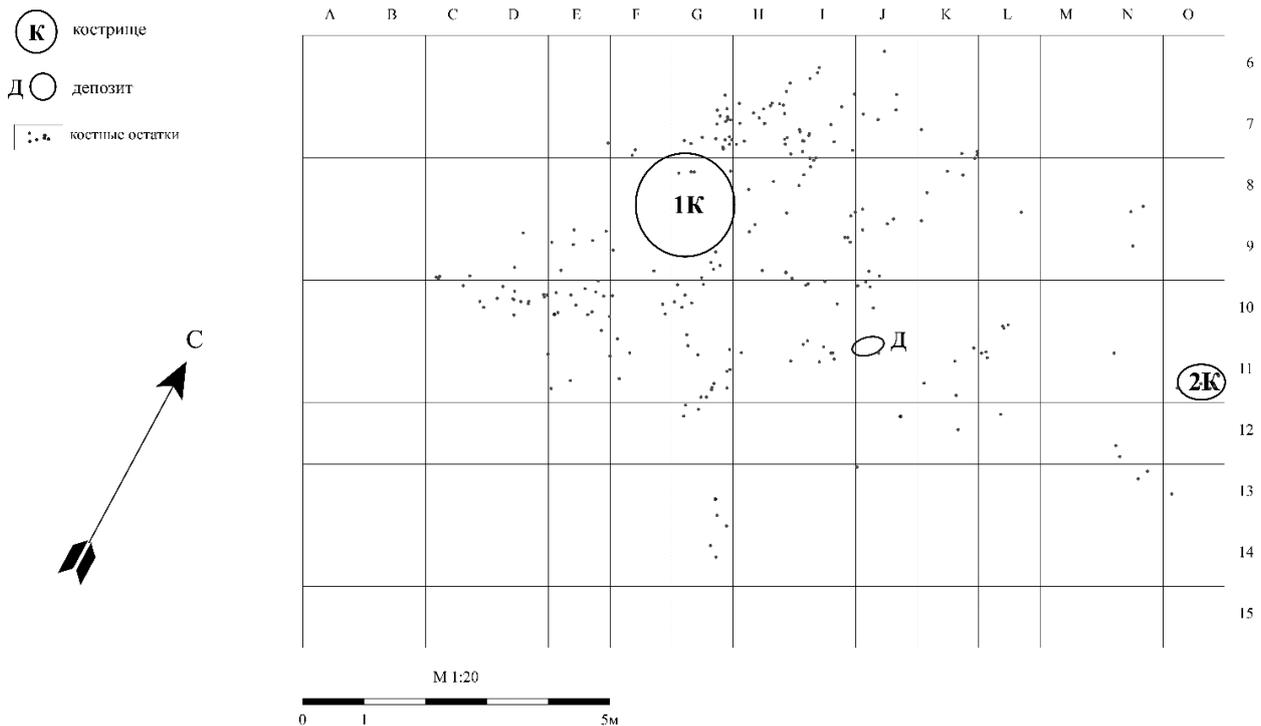

Рис. 5

Остатки определяемых видов, за исключением ихтиофауны, единичны и бессистемно рассеяны вокруг кострища 1К; неопределимая кость и остатки рыбы в основном также сосредоточены вокруг него, образуя зону повышенной концентрации находок (рис. 5).

Таким образом, на основе рассмотрения рисунка планиграфии микрогоризонта можно предположить существование здесь полифункциональной хозяйственной площадки, центром которой является кострище 1К. На этой территории фиксируется палимп-

сест различных эпизодов и видов хозяйственной деятельности. Основная активность была связана с рыбными ресурсами, на что указывают высокие показатели количества остатков ихтиофауны. Остальные виды добычи, исходя из малого количества определяемых костей, добывались эпизодически. Сопутствующая деятельность по раскрою каменного сырья осуществлялась тут же и предположительно была направлена на производство режущего инвентаря (пластин) для разделки рыбы. Производство базировалось на приносном пер-

вично обработанном сырье, на что указывает малое количество сколов с остатками галечной корки (8 ед.). Расположение депозита с абразивами и отбойниками маркирует примерную границу этой производственной площадки. Кострище 2К может фиксировать хронологический отдельный эпизод деятельности на стоянке, на что указывают его планиграфическая обособленность и отличающаяся от кострища 1К структура.

Открытым остается вопрос об визуальной ровной западной границе распространения материала. Подобная ситуация может быть связана как с антропогенными факторами, например существование археологически не фиксируемой жилой конструкции, так и природными, например буреломом.

Культурный слой 2Б. Пункт 1

Площадь распространения находок около 150 м². Общее количество археологического материала насчитывает 1 739 ед.

Коллекция каменных артефактов составляет 977 ед., из них сколов – 216 ед. (22,1%), микросколов – 588 ед. (60,2%), целых и фрагментированных пластин – 146 ед. (14,9%), нуклеидных изделий – 3 ед. (0,3%), технических сколов – 4 ед. (0,4%), орудий – 20 ед. (2,0%). Набор каменных орудий включает в себя один фрагмент острия, 3 целых и фрагментированных абразива и 16 сколов и пластин со следами ретуши и утилизации.

Коллекция костяных артефактов состоит из 4 фрагментов кости со следами обработки и 11 орудий (4 вкладышевых стреловидных обоймы, 4 острия, фрагмент костяной иглы и 1 труднодиагностируемое орудие).

Кухонные остатки представлены 733 ед. и включают в себя такие определимые виды, как лось, заяц, ко-

лонок, собака. Зафиксированы фрагменты костей мелких грызунов, птиц, большое количество ихтиофауны. Рыба в количественном отношении составляет 50,8% от общего количества костных остатков.

Также в слое зафиксировано одно кострище.

Главной структурной единицей планиграфии культурного слоя, к которой тяготеет археологический материал, является кострище 1. Сколы образуют локальное скопление в пределах кострища, а также вытянутое по линии север – юг среднее скопление к востоку от него. К западу от кострища они формируют зону повышенной концентрации материала. Микросколы усиливают концентрацию в выделенных скоплениях сколов и немного расширяют их границы, кроме того, образуя еще одно локальное скопление к востоку от кострища. Пластины и сколы с галечной коркой формируют место повышенной концентрации согласно выделенным скоплениям сколов. Орудия, как формальные, так и неформальные, также сосредоточены в этом районе (рис. 6).

Если нуклеусы хаотично расположены к югу от кострища, то технические сколы – вокруг него.

Костяные изделия также тяготеют к кострищу, за исключением стреловидных костяных обойм, сконцентрированных в локальное скопление к северо-западу от него.

Кухонные отбросы образуют среднее скопление к северу от кострища и локальное – в его пределах; зону повышенной концентрации – к востоку и югу от кострища. Если остатки ихтиофауны в основном приурочены к этим скоплениям, то остальные виды бессистемно рассеяны по площади (рис. 7).

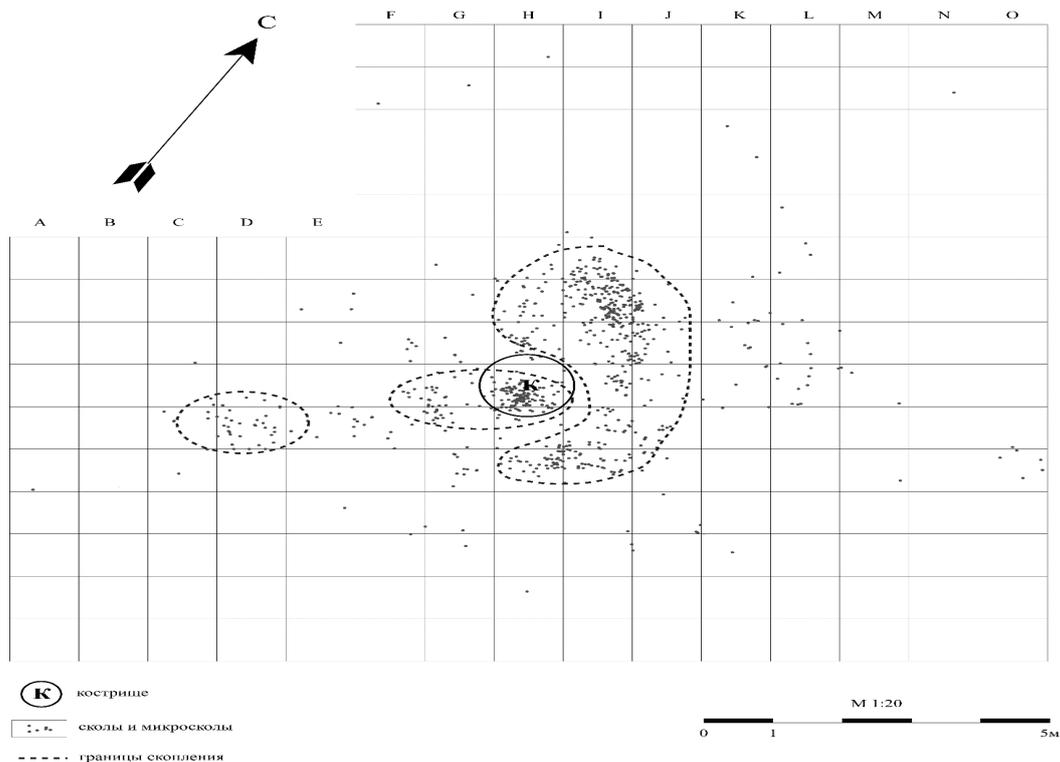

Рис. 6

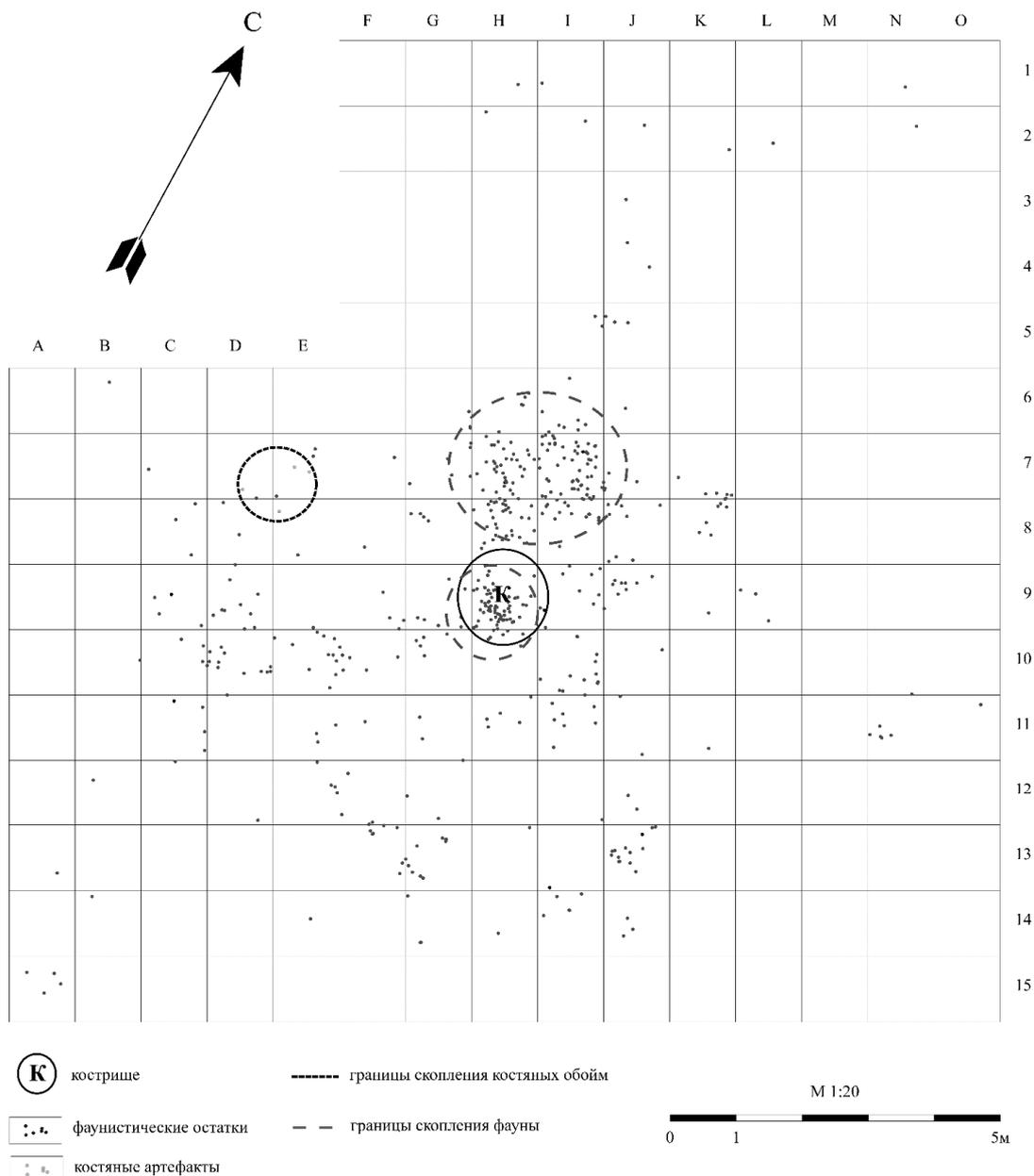

Рис. 7

Таким образом, ситуация залегания материала в микрогоризонте 2Б в целом повторяет планиграфическую картину вышележащего микрогоризонта. Организующим элементом территории также является кострище, вокруг которого велась систематическая разнонаправленная хозяйственная деятельность. Однако если размеры производственных площадок по расщеплению литосырья в целом сопоставимы, то разброс костных остатков значительно возрастает. Предположительно данное обстоятельство связано с более продуктивным в плане рыбозаготовки эпизодом хозяйственной деятельности древнего населения.

Культурный слой 5. Пункт 2

Вскрытая раскопами площадь пункта составляет 1 тыс. м². Общее количество археологического материала – 7 631 ед.

Коллекция каменных артефактов составляет 4 309 ед., из них сколов – 1 887 ед. (43,8%), микросколов – 1 802 ед. (41,8%), целых и фрагментированных пластин – 389 ед. (9%), нуклеусов – 42 ед. (1%), технических сколов – 37 ед. (0,9%), орудий – 152 ед. (3,5%). Часть артефактов представлена в двух орудийно-сырьевых и одном сырьевом депозите.

Коллекция костяных артефактов состоит из 70 костяных орудий и 24 фрагментов кости со следами обработки.

Кухонные остатки представлены 3 240 находками. Определимые фрагменты принадлежат таким видам, как лось, косуля, благородный олень, заяц, медведь, мелкие грызуны, птицы, рыбы и мамонт. Ихтиофауна составляет 4,5% от общего количества остатков.

Последний вид, относящийся к плейстоценовой фауне, представлен в фаунистических остатках двумя

экземплярами фрагментов бивня: изделием и небольшой щепкой. По сообщениям жителей ближайшего населенного пункта Като-Ёдарминского расширения дер. Ёдармы и результатами разведочных маршрутов авторов по долине р. Ката и ее притока р. Юктала плейстоценовая фауна достаточно часто фиксируется в береговых обнажениях этих водотоков.

Также зафиксировано 9 раковин моллюсков.

В культурном слое отмечены следы девяти кострищ.

В результате анализа пространственного распределения остатков млекопитающих выделены одно большое скопление и четыре средних. На остальной части стоянки костные останки бессистемно рассеяны и не образуют устойчивых групп, кроме случаев единичных апплицируемых костей.

Большое скопление занимает площадь около 100 м² и расположено в восточной прибрежной части стоянки. На его территории зафиксировано наибольшее количество остатков копытных: лося и косули. В центре скопления расположено кострище, вокруг которого наблюдается зона с относительно разреженным расположением находок.

Три средних скопления также расположены в восточной прибрежной части стоянки. Одно среднее скопление дислоцируется в западной части стоянки. В их составе также присутствуют определяемые остатки копытных. Ихтиофауна образует три локальных скопления в западной части стоянки; одно из них приурочено к кострищу. Определимые остатки остальных видов бессистемно рассеяны по площади. Каменные артефакты распределены по всей площади стоянки, однако по концентрации находок можно выделить одно большое, четыре средних и восемь локальных скоплений.

Большое скопление расположено в центральной части раскопанной площади. Оно занимает территорию около 90 м². В нем можно выделить три пятна наибольшей концентрации находок, приуроченных к двум небольшим кострищам. На его площади зафиксировано наибольшее количество сколов с галечной коркой, технических сколов, сколов со следами утилизации, большое количество нуклеусов и пластин, скребков. Также в центре этой площади располагался депозит, т.е. компактное структурированно-организованное скопление. Он состоит из 32 преимущественно крупных сколов (более 70 мм в линейном измерении). Это скопление можно интерпретировать как производственный центр по раскрою каменного сырья. К этому производственному центру с севера тяготеет одно среднее скопление.

Еще одно среднее скопление располагается в восточной прибрежной части стоянки, в границах крупнейшего скопления фауны. Оно достаточно размыто в контуре, с центром концентрации в южной части и растянутым к северу шлейфом сколов, большинство из

которых имеет линейные размеры менее 15 мм. Также здесь отмечена высокая концентрация пластин.

Локальные скопления каменных артефактов в основном приурочены к кострищам в западной части стоянки. Их объединяют небольшая площадь, около 1 м², высокая концентрация находок (от 30 до 370 ед.), высокое содержание однородного сырья, частичная аппликация артефактов. Эти скопления можно интерпретировать как индивидуальные рабочие площадки.

Орудийный набор стоянки распределен по площади достаточно равномерно. Самыми представительными типами орудий являются каменные скребки и костяные гарпуны. Основное количество скребков (8 из 17 ед.) располагается ближе к центральной зоне стоянки и тяготеет к производственному центру по раскрою камня. Гарпуны (9 из 15 ед.) концентрируются в юго-западной части стоянки, в зоне равномерного распределения каменных и костяных артефактов. Нуклеусы зафиксированы по всей площади стоянки. В пяти случаях они располагаются группами по 3–4 ед., причем эти группы отчетливо не приурочены к другим объектам культурного слоя.

Также на территории стоянки зафиксированы три депозита, т.е. компактных структурированно-организованных скопления артефактов. Один из них, сырьевой, состоящий из крупных сколов, располагался на площади производственного центра по раскрою камня; два других – орудийно-сырьевые – по перифериям зон концентрации материала и также не приурочены к другим объектам культурного слоя. В составе орудийно-сырьевых депозитов – абразивы, наконечники, тесла, скребки, резцы, долотовидные и ножевидные изделия, зубчатые наконечники, отжимники, втульчатые и вкладышевые орудия, костяные и роговые заготовки.

Отдельное рассмотрение пространственного распределения кострищ показывает группировку большей части из них (6 из 9) в западной части объекта, в глубине от прибрежной линии. Они вытянуты по линии север–юг, практически параллельно прибрежной линии. Кострища имеют прокалы глубиной порядка 5–15 см. На южной периферии этого участка зафиксировано наибольшее количество предметов из кости. Исходя из того, что скопления археологического материала являются отражением деятельности активности древнего населения, на территории стоянки можно предположить существование трех основных зон: хозяйственно-бытовой, производственной и рекреационной (рис. 8).

Хозяйственно-бытовая зона располагается в прибрежной части стоянки. В ее пределах – четыре скопления фауны, содержащие большую часть от общего количества зафиксированных костных остатков. Можно предположить, что в этой зоне происходили разделка и сортировка добычи. Здесь интересен анализ состава скелетов копытных. У косули на черепные составляющие скелета приходится 55% от всех определяемых костей, на дистальные немясные отделы конечностей –

29%. У лося эти данные соответственно: 46,5% для черепного отдела и 38,5% – для ножного. К мясным отделам туши – туловище, передние и задние мясные отделы у обоих видов – относится 1–9% от всех определимых костей. Соответственно, в этой зоне происходила разделка туш целиком, причем мясные части скелета утилизировались полностью, вплоть до раздроб-

ления костей в целях добычи костного мозга. Костер, расположенный в центре крупнейшего скопления, предположительно служил для обогрева; это подтверждается и относительно пустым пространством вокруг него. Большое количество раздробленной неопределимой кости, по-видимому, связано с операциями по извлечению костного мозга.

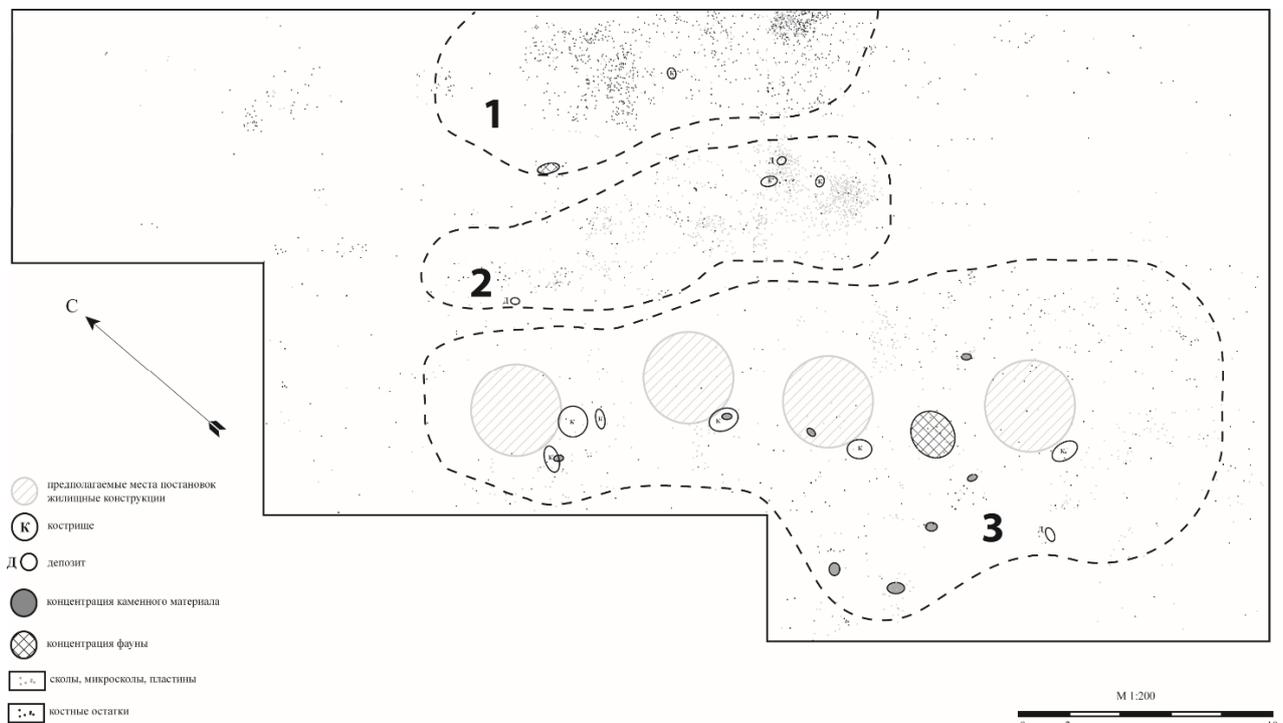

Рис. 8

Также в пределах этой зоны расположено среднее скопление каменных артефактов. Большую долю микросколов в нем можно интерпретировать как результат подправки режущего и скребкового инвентаря. Эту же функциональную наполненность, т.е. деятельность по резке и скоблению, можно отнести к большому количеству пластин, зафиксированных в его пределах.

Производственная зона расположена к западу от хозяйственно-бытовой. В нее включен производственный центр, состоящий из большого и среднего скопления каменных артефактов. Наибольшее количество сколов с галечной коркой и технических сколов, большое количество пластин и нуклеусов, микросколов и готовых орудий позволяет говорить о полном цикле расщепления, происходившем на этой территории. Сырьевой депозит подтверждает и дополняет это предположение: в рамках этого цикла здесь же происходили отсортировка и складирование подходящего сырья. Два костра также, вероятно, выполняли функцию обогрева. Возле них с разных сторон читается пустое пространство, в одном случае с севера, в другом – запада. Можно предположить, что древний мастер сидел лицом или боком к огню, и в ту же сторону был направлен шлейф дебитаж.

В ходе раскопок на стоянке не было обнаружено никаких явных следов жилищных конструкций, таких как жилищные ямы или обкладки очагов. Однако, учитывая разнообразный характер производственной деятельности на стоянке, территорию с относительно слабой концентрацией находок и следами кострищ можно интерпретировать как рекреационную зону. В нее входят два нечетких по контуру скопления сколов, восемь индивидуальных рабочих площадок и небольшое по площади скопление кости.

Учитывая характер и типологию каменного материала, высокую концентрацию и небольшую площадь его распространения в составе индивидуальных рабочих площадок, можно предположить неслучайный характер образования этих скоплений. То есть, в отличие от производственной зоны с большими шлейфами и веерами дебитаж, здесь происходила его целенаправленная концентрация, т.е. «уборка» территории.

В ходе планиграфического анализа были выявлены три практически пустые округлые по форме площади диаметром около 3,5–4 м, приуроченные к кострищам, причем последние располагались на периферии этих пятен. Эти планиграфические «пустоты» можно интерпретировать как места постановки жилищных конструкций полузакрытого типа. В пользу данного пред-

положения говорит расположение кострищ, т.е. места входа относительно геометрического центра пустых пространств, – все они расположены к северу и северо-востоку от них, что, учитывая господствующую розу ветров, по современным наблюдениям авторов, направленную по долине р. Ангара, могло дать определенную ветрозащиту древнему населению этих предполагаемых конструкций. Одно из кострищ имеет форму, характерную для экранного костра, – четко выраженную прямую южную границу. Именно экранные костры, по результатам экспериментов, можно эффективно использовать для обогрева подобных жилищ [8].

Если придерживаться этой интерпретации, то расположение орудийно-сырьевых депозитов на периферии территории с кострищами можно считать своеобразными маркерами границы жилой зоны стоянки.

Заключение. По итогам планиграфического анализа материалов раннеголоценовых комплексов стоянки Остров Лиственничный авторы пришли к следующим выводам. В планиграфической структуре комплексов место системообразующей единицы занимают кострища без обкладки. К ним так или иначе приурочены все крупные скопления археологического материала в хозяйственно-бытовой и производственной зоне, как и планиграфические «пустоты» в рекреационной зоне. Можно предположить, что подобная закономерность связана с обитанием на стоянке в холодное время года. Это косвенно подтверждается остеологическим анализом зубной системы 4 особей копытных с пункта 2. Полученные результаты свидетельствуют о сезоне добычи с сентября по декабрь [9].

Другой отличительной особенностью планиграфии является наличие нескольких закрытых комплексов артефактов, депозитов. Их подробная терминологическая и типологическая характеристика дана авторами в одной из предыдущих статей, посвященных стоянке Остров Лиственничный [10]. Здесь же, кроме вышеописанного про-

странственного аспекта, стоит отметить значение этого явления для системы жизнеобеспечения древнего населения острова. Кроме того, что орудийно-сырьевые депозиты пункта 2 можно считать маркерами, ограничивающими рекреационную зону, они косвенно указывают на неоднократность посещения этой территории, выступая хранилищами орудий и ресурсов при сырьевом профиците.

Два пункта стоянки демонстрируют различную планиграфическую картину: если на первом пункте археологический материал залегает достаточно локально, образуя смешанные по составу скопления с подавляющим количеством кухонных остатков, то на втором пункте зафиксированы четко выделяемые зоны, материалы которых свидетельствуют о разнонаправленных производственно-хозяйственных операциях в пределах единого функционально связанного пространства. Эти операции включали в себя полный цикл расквара литосырья, разделку охотничьей добычи, а также, на основе косвенных свидетельств, оборудование жилой зоны. Таким образом, поселенческая специфика пунктов стоянки различалась. На первом осуществлялась деятельность по рыбозаготовке, о чем говорит высокий процент содержания рыбы в кухонных остатках (50,8–50,9 % против 4,5 % на втором пункте), режущий инвентарь (пластины) и ограниченная по площади полифункциональная площадка; на втором – производство орудий, разделка охотничьей добычи и рекреационная активность, в пользу чего свидетельствует, прежде всего, функциональное зонирование территории комплекса. Говорить об абсолютной синхронности функционирования этих комплексов затруднительно, однако сам факт дифференциации пунктов по спецификации добываемых ресурсов может свидетельствовать о существовании у древнего населения устойчивого годового хозяйственного цикла, где рыбной ловле был выделен отдельный период.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сычева С.А. и др. Естественно-научные методы исследования культурных слоев древних поселений. М., 2004. 161 с.
2. Медведев Г.И., Роговской Е.О., Липнина Е.О., Лохов Д.Н., Таракановский С.П. Северное Приангарье. Введение в плейстоценовую археологию // Вузовская научная археология и этнология Северной Азии. Иркутская школа 1918–1937 гг. : материалы Всероссийского семинара, посвященного 125-летию Бернгарда Эдуардовича Петри, Иркутск, 3–6 мая 2009 г. Иркутск, 2009. С. 298–309.
3. Роговской Е.О., Когай С.А., Новосельцева В.М., Ощепкова Е.Б., Попов А.А., Таракановский С.П. Геоархеологический исследования на палеолитических объектах Северного Приангарья // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. 2012. № 1 (1). С. 203–219.
4. Воробьева Г.А. Почва как летопись природных событий Прибайкалья: проблемы эволюции и классификации почв. Иркутск, 2010. 205 с.
5. Медведев Г.И., Несмеянов С.А. Типизация «культурных отложений» и местонахождений каменного века // Методические проблемы археологии. Новосибирск, 1988. С. 113–142.
6. Медведев С.П. Планиграфический анализ кремневого инвентаря верхнего культурного слоя стоянки Каменная Балка II // Российская археология. 2012. № 2. С. 60–66.
7. Леонова Н.Б. Современное палеолитоведение: методология, концепции, подходы : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1994. 40 с.
8. Волков П.В. Опыт эксперимента в археологии. СПб., 2013. 416 с.
9. Клементьев А.М. Раннеголоценовая фауна северной Ангары (материалы археологических объектов) // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. 2014. № 8. С. 31–44.
10. Роговской Е.О., Кузнецов А.М. Депозиты многослойного местонахождения Остров Лиственничный (Северное Приангарье) // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. 2014. № 9. С. 77–102.

Aleksey M. Kuznetsov. Irkutsk State University (Irkutsk, Russia). E-mail: golos_siberia@list.ru

Evgeniy O. Rogovskoy. Irkutsk State University (Irkutsk, Russia); Institute of Archaeology and Ethnography Siberian branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia). E-mail: eor127@yandex.ru

SPATIAL ANALYSIS OF EARLY HOLOCENE CULTURAL LAYERS OF OSTROV LISTVENICHNY SITE (NORTHERN ANGARA REGION)

Key words: planigraphy, early Holocene, Northern Angara region, hunter-gatherers, structure of settlement.

An integral part of a comprehensive study of the archaeological site is a study of its spatial organization. The definition of structural relationships between objects composing the surface of the habitation, allows to approach the understanding of the organization of the site space and adaptive strategies of ancient man. Purpose of the authors was to conduct spatial analysis of early Holocene cultural layers on the Ostrov Listvenichny site. The tasks of the analysis include the identification of zones of production and economic activity, the specifics of their location and specialization. Listvenichny Island was located (now flooded by the waters of the Boguchanskiy reservoir) in the middle reaches of the Angara River, in the Irkutsk Region, near the border with Krasnoyarsk Region. The site was discovered and explored by the authors as part of the rescue archaeological work of the Boguchanskaya expedition of the IAET SB RAS. There are seven levels of occurrence of cultural remains on the site. The second level of the first location and the third and fifth levels of the second location were defined as the most representative and characterizing the object. The source of this article is the materials of the second and fifth early Holocene levels of the first and second locations, respectively, obtained during excavations in 2011-12. The occurrence of cultural remains in conditions of undisturbed stratigraphy of flood-plain alluvial deposits makes it possible to consider a highly valid method for determining the structures of site complexes of the first and second locations.

On two locations, we observe a different spatial situation from each other. On the first location, archaeological material is distributed in a small area. Concentrations are characterized by a mixed composition. They are mainly represented by kitchen remnants. The second site location demonstrates pronounced zoning by specialization of activity. Identified objects form zones of different functional orientation. All together, they give a single, structurally interconnected picture of the surface of the habitation. With confidence were defined areas where the full cycle of stone knapping took place: from core flaking to the direct manufacture of tools; the zone for cutting hunting production; zone with signs of dwelling arrangement. As a result of the conducted spatial analysis, we see that at the first location, judging by the composition of the kitchen remnants and the tool kit, the ancient population of the site was engaged in fishing activities. The second location demonstrates a virtually complete subsistence system: litho-production, cutting of taking, dwelling area. Despite the fact that the time of existence of the first and second locations are generally comparable (9-8,5 thousand years ago), we do not assert absolute simultaneity of their existence and the fact that it was one group of the population. But, thanks to the spatial analysis, we are talking about the different structure and the functional orientation of the locations. And the revealed production differentiation is indicative of seasonal cycles of hunting-fishing activity.

REFERENCES

1. Sycheva, S.A. et al. (2004) *Estestvenno-nauchnye metody issledovaniya kul'turnykh sloev drevnikh poseleniy* [Scientific methods for studying the cultural layers of ancient settlements]. Moscow: NIA-Priroda-M.
2. Medvedev, G.I., Rogovskoy, E.O., Lipnina, E.O., Lokhov, D.N. & Tarakanovsky, S.P. (2009) [Northern Angara. An Introduction to Pleistocene Archeology]. *Vuzovskaya nauchnaya arkheologiya i etnologiya Severnoy Azii. Irkutskaya shkola 1918–1937 gg.* [University Archeology and Ethnology of North Asia. Irkutsk school 1918–1937]. Proc. of the All-Russian Seminar. Irkutsk, May 3–6, 2009. Irkutsk. pp. 298–309. (In Russian).
3. Rogovskoy, E.O., Kogay, S.A., Novosel'tseva, V.M., Oshchepkova, E.B., Popov, A.A. & Tarakanovsky, S.P. (2012) Geoarchaeological Research at Paleolithic Sites of the Northern Angara Region. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya"* – *Bulletin of Irkutsk State University. Geoarchaeology, Ethnology, and Anthropology Series.* 1(1). pp. 203–219. (In Russian).
4. Vorobieva, G.A. (2010) *Pochva kak letopis' prirodnykh sobyitij Pribaykal'ya: problemy evolyutsii i klassifikatsii pochv* [Soil as a chronicle of natural events in the Baikal region: problems of soil evolution and classification]. Irkutsk: Irkutsk State University.
5. Medvedev, G.I. & Nesmeyanov, S.A. (1988) Tipizatsiya "kul'turnykh otlozheniy" i mestonakhozheniy kamennogo veka [Typification of "cultural deposits" and the locations of the Stone Age]. In: Medvedev, G.I. et al. *Metodicheskie problemy arkheologii* [Methodological problems of Siberian archeology]. Novosibirsk: Nauka. pp. 113–142.
6. Medvedev, S.P. (2012) A planigraphic study of the flint inventory from the upper occupation layer at Kamennaya Balka II. *Rossiyskaya arkheologiya – Russian Archeology.* 2. pp. 60–66. (In Russian).
7. Leonova, N.B. (1994) *Sovremennoe paleolitovedenie: metodologiya, kontseptsii, podkhody* [Modern paleolithology: methodology, concepts, approaches]. History Dr. Diss. Moscow.
8. Volkov, P.V. (2013) *Opyt eksperimenta v arkheologii* [Experiment in Archeology]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya.
9. Klementiev, A.M. (2014) Early Holocene Fauna of Northern Angara (Materials of Archaeological Sites). *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya"* – *Bulletin of Irkutsk State University. Geoarchaeology, Ethnology, and Anthropology Series.* 8. pp. 31–44. (In Russian).
10. Rogovskoy, E.O. & Kuznetsov, A.M. (2014) Deposits of the Multilayer Site Ostrov Listvenichnyy (Northern Angara Region). *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya"* – *Bulletin of Irkutsk State University. Geoarchaeology, Ethnology, and Anthropology Series.* 9. pp. 77–102. (In Russian).

Ю.В. Ширин

МЕТАЛЛУРГИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС КУЗНЕЦКИХ ТАТАР НА ПОСЕЛЕНИИ ШАРТОН 1

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 18-78-10076).

В ходе отработки современных методик по изучению металлургических памятников Горной Шории XVII–XVIII вв. были получены новые материалы, позволяющие решить ряд проблем, возникших в освещении железоделательных ремесел кузнецких татар при интерпретации уже имеющихся источников. Представлены материалы поселения Шартон 1, которое расположено в одном из известных по ясачным книгам металлургических центров. Реконструирован облик нескольких железоплавильных печей и кузнечных горнов. Получены для них радиоуглеродные даты. Проведен морфологический и химический анализ шлаков.

Ключевые слова: кузнецкие татары; железоплавильная печь; шлак.

Введение

Археологические работы в горно-таёжном регионе на юге Кемеровской области, известном как Горная Шория, ведутся крайне редко, и лишь в единичных случаях они связаны с целенаправленным изучением памятников металлургии железа [1, 2]. Это весьма необычно, с учетом того, что, судя по письменным источникам XVII–XVIII вв., железоделательное ремесло было одним из основных занятий коренных жителей края – кузнецких татар. Несмотря на известный интерес историков к этой их стороне деятельности, железоделательных объектов XVII–XVIII вв. в Горной Шории пока раскопано не более десятка. Материалы большинства таких комплексов не подвергались анализу с применением естественнонаучных методов. В итоге археологические свидетельства о железной металлургии населения Горной Шории пока используют только в качестве своеобразных иллюстраций в исследованиях краеведческого характера. Для иных целей они мало пригодны. Дисбаланс между историческими и археологическими источниками, используемыми в освещении данной темы, уже породил немало проблем, которые требуют своего решения [3].

Именно поэтому в последние годы была начата работа по формированию аналитической базы данных для решения проблем древней металлургии железа Горной Шории, основанной на современных методиках и опыте подобных работ, накопленном в других регионах. Надеемся, что оперативное введение в научный оборот новой информации и ее обсуждение позволит постепенно скорректировать существующие гипотезы о месте железной металлургии и кузнечества в экономике различных социально-территориальных групп коренных жителей Южной Сибири. Археологические материалы в этом могут сыграть первостепенную роль, поскольку все виды ремесел местного населения претерпели существенные трансформации начиная с XVIII в. Письменные и этнографические источники уже нередко фиксировали результат этих изменений [4].

Методы

Не случайно в качестве пробного памятника для отработки методики по уточнению характера металлургических объектов XVII–XVIII вв., выявляемых на территории Горной Шории, было выбрано именно поселение Шартон 1. Это однослойный памятник в центре волостей кузнецких татар (рис. 1, 1б).

В материалах из разведочных работ на нем есть остатки железоделательного горна, типологически сходного с тем, который был исследован на соседнем поселении Тёш 5, уверенно датированном по сопутствующему инвентарю XVIII в. [1. Рис. 1; 3. Рис. 4, 6].

Магнитометрическая съемка, проводимая перед началом раскопок на площади археологических памятников, где ожидается обнаружение теплотехнических сооружений, связанных с производством и обработкой железа, уже давно стала обязательным требованием. Магнитометрию мы проводим параллельно с геодезическими работами по съемке рельефа. Эта методика показала свою высокую эффективность [5]. Из-за большой залесенности сплошная магнитометрия была проведена лишь на части поселения Шартон 1. Использовался протонный магнитометр GSM-19. Однако необходимо отметить и ограниченность предлагаемой методики: она эффективна только в случае поиска объектов на площадках, не замусоренных современным металлом. К сожалению, на Шартоне 1 такой металл был обнаружен именно в местах наибольших аномалий.

При археологическом изучении выявляемых металлургических горнов работы были нацелены на получение материалов, позволяющих реконструировать основные технологические характеристики процессов, с которыми они могли быть связаны. Для этого производилась детальная послойная фиксация не только фрагментов горнов, воздуходувных устройств, наковален, но и всех шлаков, кусочков руды и скоплений древесного угля. Шлаки взвешивались и разделялись по морфологическим признакам. За основу такого деления были положены известные работы археометаллургов [6; 7. Р. 251–267; 8]. Образцы разных морфологических

типов шлака были подвергнуты химическому анализу¹. Методика определения элементов-примесей в анализируемом веществе заключается в следующем: испарение анализируемого материала из канала угольного электрода в электрической дуге переменного тока (источник возбуждения спектров – ИВС-29), разложение света в спектр (спектрограф СТЭ-1 и ИСП-28), фотогра-

фическая регистрация спектра, измерение интенсивности спектральной линии (микроденситометр MD-100), построение графика и расчет концентраций, проверка правильности методики ГОСТа серии СГХМ, РУС-1, РУС-2; средняя относительная ошибка методики 30%. Исследованию подвергались и все образцы рудных минералов, найденных в культурном слое.

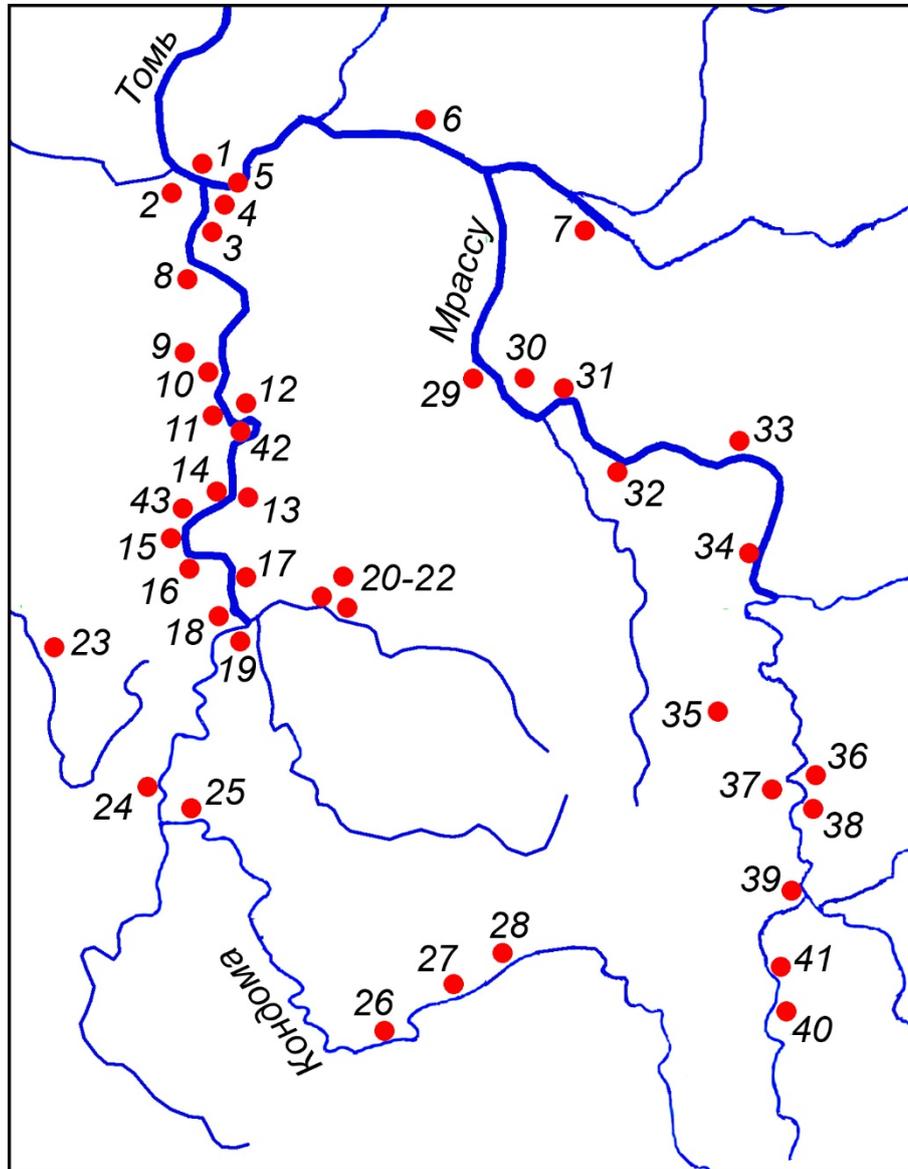

Рис. 1. Памятники XVII–XVIII вв. с признаками железоделательного производства на территории проживания кузнецких татар (по данным на 2019 г.): 1 – Кузнецкий острог; 2 – Старая Кондома; 3 – Смирновка 1; 4 – Смирновка 2; 5 – Кешев остров; 6 – Старое Жильё; 7 – Междуреченск; 8 – Малово 1; 9 – Николаевка 3; 10 – Усть-Кинерка; 11 – Сарбала 4; 12 – Сарбала 1; 13 – Аил 1; 14 – Тёш 5; 15 – Юла; 16 – Шартон 1; 17 – Медная; 18 – Луговушка; 19 – Мундыбаш 1; 20 – Тельбес 1; 21 – Тельбес 2; 22 – Тельбес 3; 23 – Мунай 3; 24 – Старососновское; 25 – Широкий Луг 4; 26 – Калташ; 27 – Усть-Ганова; 28 – Спасск; 29 – Мзас 4; 30 – Тоз; 31 – Шодрова 2; 32 – Земелье; 33 – Тешев лог; 34 – Колагас; 35 – Усть-Шогалых; 36 – Усть-Анзас; 37 – Сайлынгол; 38 – Комус; 39 – Пызас 2; 40 – Алзак; 41 – Усть-Карагол 2; 42 – Карачияк; 43 – Колотовка 2

Скопления фрагментов разрушенных теплотехнических сооружений подвергались тонкой расчистке с тщательной фиксацией последовательно вскрываемых элементов, в том числе и с помощью фотограмметрии. В итоге были созданы несколько объемных моделей раскопа и вскрываемых объектов, а также качественные ортофотопланы площади раскопа-1 на разных

уровнях и на уровне материка. Возможность многократного анализа 3D-моделей исследованных комплексов позволила в дальнейшем не только обоснованно разделить обломки разных объектов и связанных с ними шлаков, но и восстановить внешний вид большинства из выявленных теплотехнических сооружений и их элементов.

При расчистке металлургических объектов и на разных уровнях культурного слоя был собран древесный уголь (не менее 10 образцов) для радиоуглеродного датирования. Конечно, мы понимали, что для этого метода существуют объективные ограничения и для комплексов Нового Времени он может дать не более чем объективные данные для относительной хронологии.

Результаты

Поселение Шартон 1 расположено в 5,5 км к югу от с. Кузедеево Новокузнецкого района Кемеровской области, на левом приустьевом мысу р. Шартонка (левого притока р. Кондома), на площадке первой террасы высотой около 6 м. Река Шартонка здесь протекает по каньону, дно которого выстлано обломками железной руды².

Для раскопок был выбран участок 4×4 м на разрушающемся мысу, где магнитометрией было выявлено несколько аномалий (рис. 2).

Часть из них оказалась связана с остатками теплотехнических сооружений, использованных для получения и обработки железа. Здесь были найдены скопления разрушенных ошлакованных глиняных конструкций, обломки воздуходушных сопел, разнотипные шлаки, куски железной руды, на уровне материка отмечены небольшие углубления со скоплениями древесного угля и шлака в их заполнении. Судя по всему, здесь остались следы от железоделательных (не более четырех) и кузнечных горнов, а также складирования заготовленной руды и древесного угля³. Глубина ямок на местах размещения горнов не превышала 15–20 см, что характерно для всех известных металлургических объектов Горной Шории.

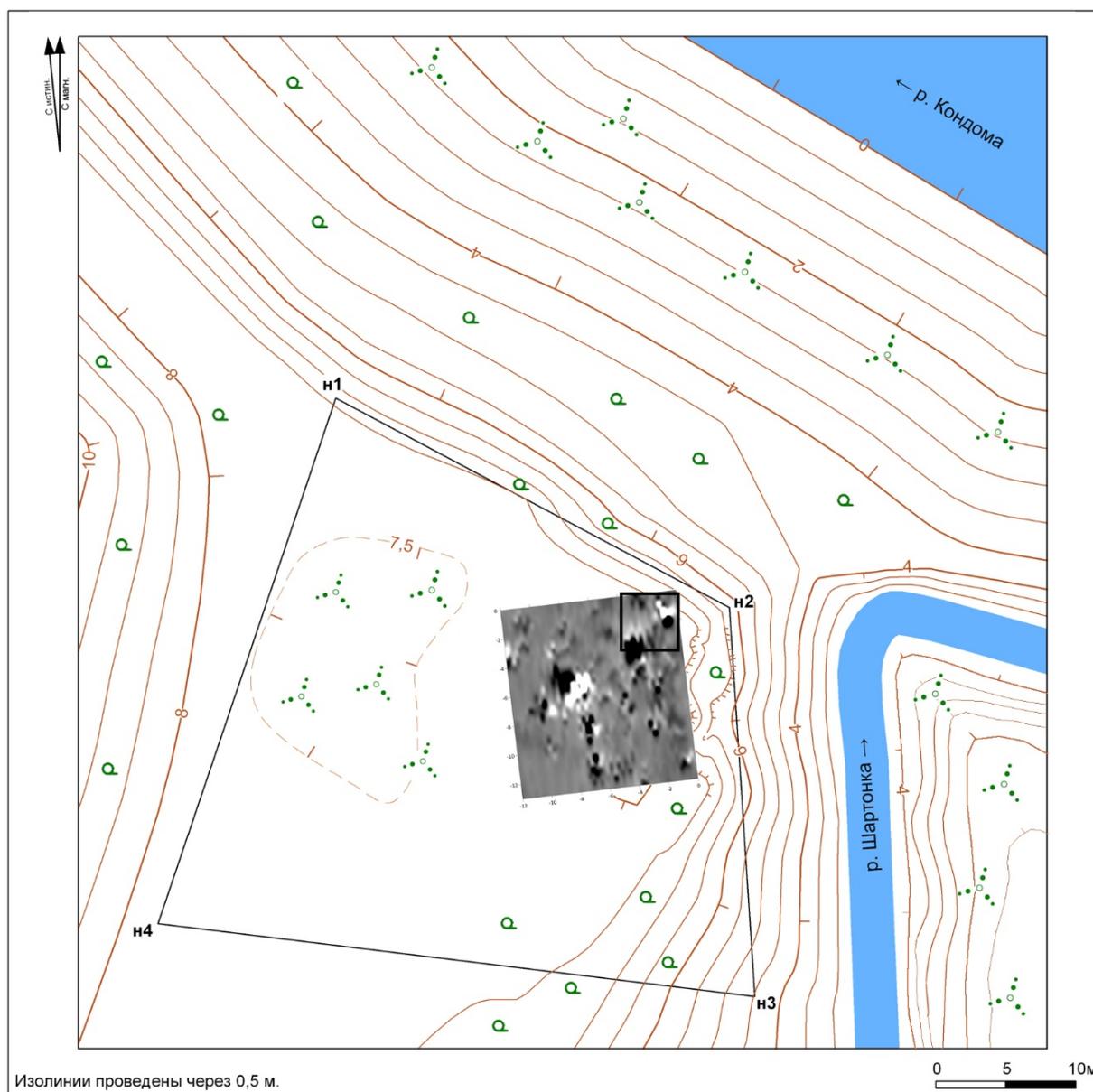

Рис. 2. Поселение Шартон 1 с участком магнитометрической съемки и раскопом – 1 на нем

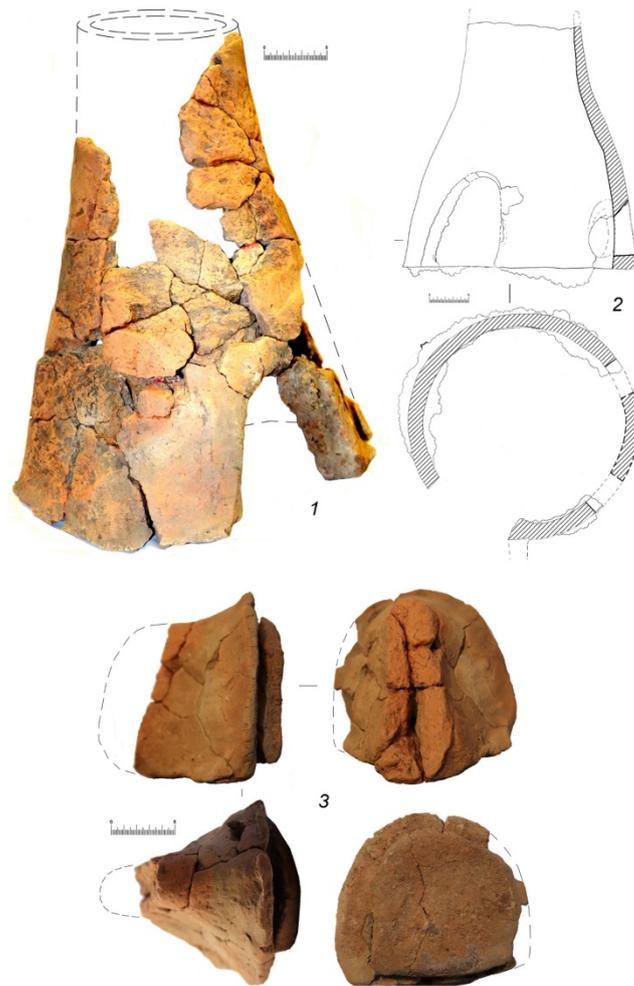

Рис. 3. Плавильные горны поселения Шартон 1: 3 – пробка для арки горна

Из обломков глиняных конструкций удалось реконструировать несколько наземных корпусов горнов в разной степени сохранности. Наиболее полно восстановлено два корпуса (рис. 3, 1, 2).

Они имели усеченно-коническую форму, высотой и диаметром у основания чуть более 30 см. Диаметр верхнего, загрузочного, отверстия у восстановленных корпусов составлял не более 12 см. Изготовлены корпуса ленточно-лоскутной лепной техникой, из ожелезненной глины с примесью органики. Толщина стенок в нижней части 2,5–3 см, в верхней – не более 1 см. В придонной части стенок корпусов зафиксированы отверстия диаметром около 5 см, одно или два, для подводки воздуховых сопел (рис. 4, 5). Перпендикулярно к оси дутьевых отверстий, в придонной части корпусов есть разрыв в виде арки 11×11 см. Кроме того, из фрагментов, разбросанных на площадке, собрана глиняная пробка 14,5×13×9 см (рис. 3, 3), которая закрывала одну из таких арок. Пробка была сформована по месту из куска сырой глины, в результате чего по периметру плоскости, вдавленной примерно на 1 см в отверстие арки, образовался бортик. Лучше сохранилась та часть пробки, которая была обожжена внутренним жаром горна, а полукруглый выступ с внешней стороны, который служил ручкой, из-за слабого обжига оказался частично утрачен.

В собранной коллекции присутствуют обломки не менее чем от 18 воздуховых сопел (рис. 4, 2–4).

Они были близкого размера (длина около 10–11 см, внешний диаметр 5 см, диаметр дутьевого отверстия 2,5 см), изготовлены из белой огнеупорной глины. Кончики сопел, вставляемые в дутьевое отверстие горна, оплавлены и ошлакованы, а противоположные концы с вывернутыми наружу растресками, служащими для подводки мехов, почти у всех утрачены.

Кроме того, из обломков, составляющих отдельное скопление, были собраны две противостоящие вертикальные глиняные преграды, которые использовались в открытом кузнечном горне, одна из них – с отверстием для воздухового сопла (рис. 5). Судя по площади скопления и восстановленным фрагментам, размер этих стенок не превышал 21×15×3,4 см.

На двух участках возле скопления шлаков вскрыт слой мелкой речной гальки с песком. Возможно, этой смесью могла наполняться емкость, в которой устанавливалась каменная наковальня, чтобы гасить инерцию ударов молота. Во всяком случае именно такая наковальня была найдена в одном из слоев гальки. Это был блок железной руды 19×15×7 см. В центре одной из его плоскостей есть следы использования в качестве наковальни, видимо, для первичной кузнечной обработки криц железа (рис. 6).

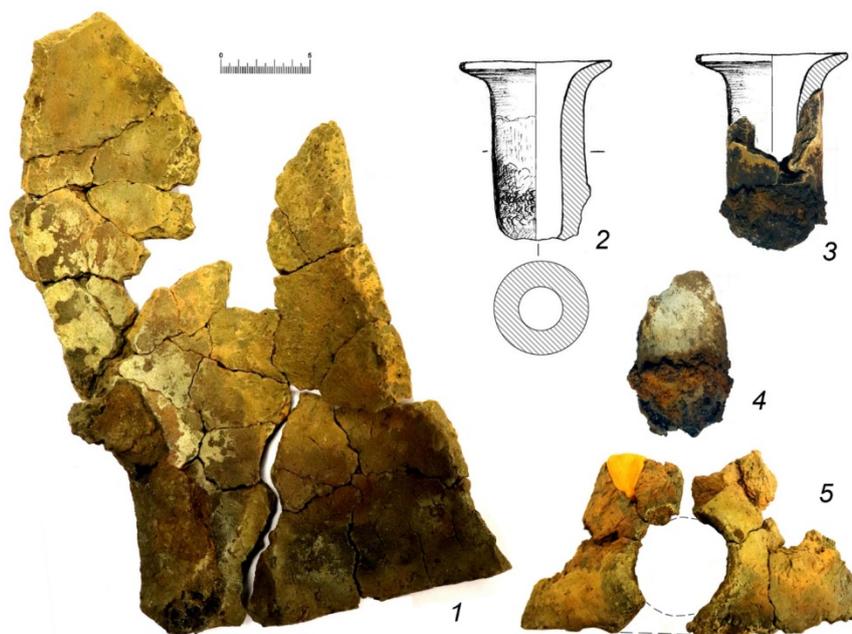

Рис. 4. Поселение Шартон 1. Степень ошлакованности частей горна:
1 – внутренняя сторона стенки горна; 2–4 – воздуходувные сопла; 5 – дутьевое отверстие в стенке горна

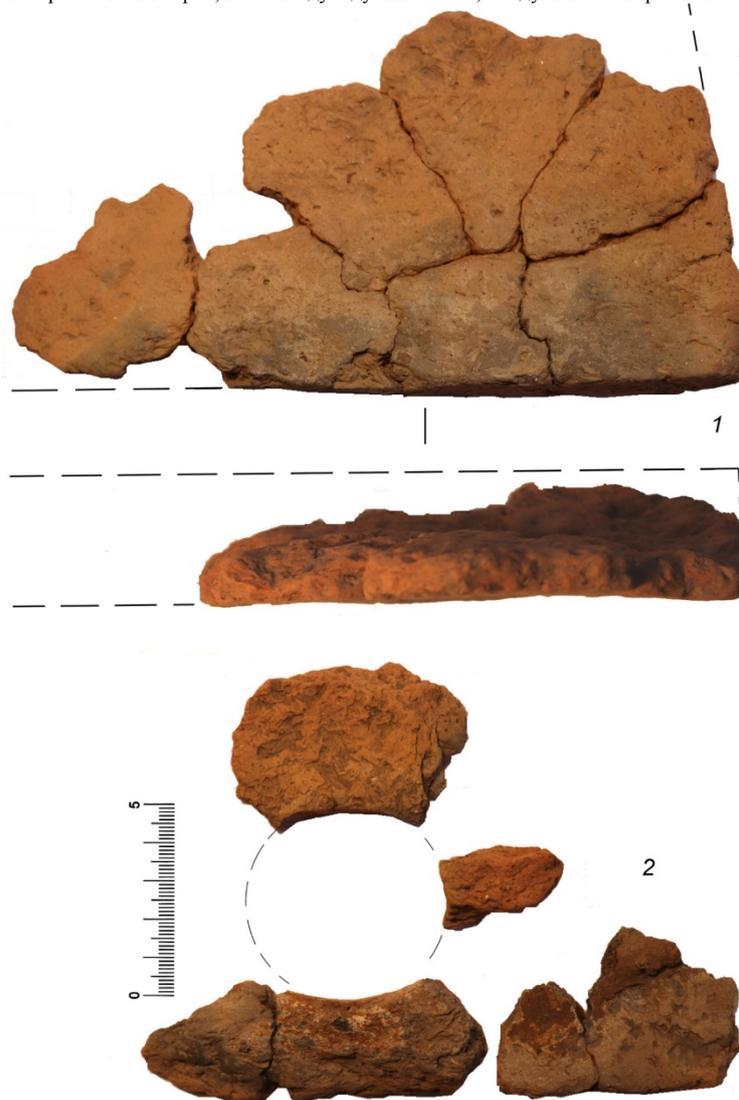

Рис. 5. Поселение Шартон 1. Глиняные преграды открытого кузнечного горна

Рис. 6. Поселение Шаргон 1. Наковальня из блока железной руды

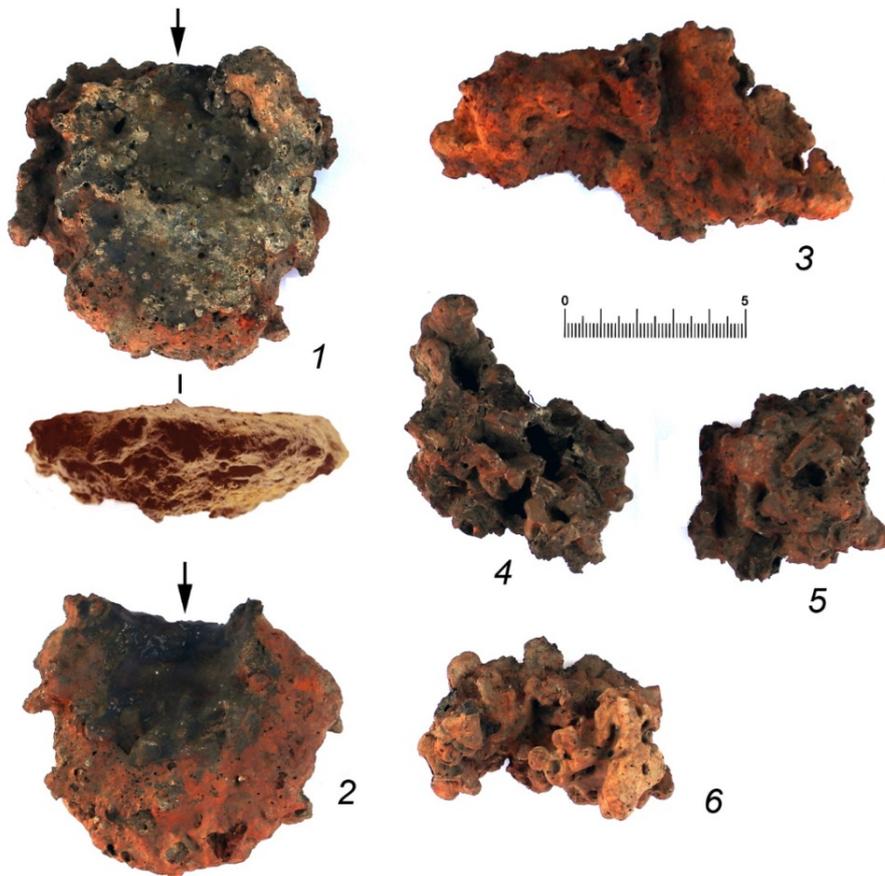

Рис. 7. Поселение Шаргон 1. 1, 2 – кузнечный шлак (стрелкой показано направление дутья); 3–6 – горновый плавильный шлак

Таблица 1

Результаты рентгенофлуоресцентного анализа кузнечных шлаков из поселения Шаргон 1, вес. %

№		SiO ₂	TiO ₂	Al ₂ O ₃	Fe ₂ O ₃	MnO	MgO	CaO	Na ₂ O	K ₂ O	P ₂ O ₅	V	Sum
1	Скопление 5	29,07	0,86	5,00	56,30	0,05	2,11	3,90	<0,1	1,21	0,29	0,02	98,82
2	Скопление 5	30,26	0,93	4,92	54,81	0,07	2,04	3,62	0,96	0,92	0,22	0,03	98,76
3	Скопление 2	29,85	0,91	5,17	53,13	0,12	1,59	6,12	0,28	1,16	0,38	0,01	98,73
4	Скопление 1	26,21	0,87	3,94	58,15	0,04	2,40	4,92	1,02	0,97	0,40	0,01	98,93
5	Скопление 2	28,24	0,85	4,85	55,86	0,05	1,99	4,47	1,02	1,12	0,35	0,02	98,83
6	Скопление 1	28,27	0,87	4,68	53,64	0,05	2,25	5,37	2,00	1,40	0,38	0,01	98,93

Результаты количественного спектрального анализа кузнечных шлаков из поселения Шартон 1, вес. %

№	V	Yb	Cr	Mn	Cu	Ba	Sc	Zr	Ga	Sn	Y
	П.О. 0,0005	П.О. 0,00005	П.О. 0,001	П.О. 0,0003	П.О. 0,0003	П.О. 0,02	П.О. 0,0002	П.О. 0,003	П.О. 0,0003	П.О. 0,0002	П.О. 0,0005
1	0,0025	0,00003	0,0033	0,065	0,0083	0,043	0,0012	0,0069	0,0013	0,0005	0,0011
4	0,006	0,00004	0,0036	0,185	0,003	0,029	0,0006	0,0069	0,0011	0,0015	0,0016
6	0,0022	0,0003	0,0014	0,085	0,005	0,058	0,0003	0,0046	0,0014	0,0004	0,0008

№	Zn	Pb	Ag	Co	Ge	Bi	P	Nb	La	Ni	Be
	П.О. 0,003	П.О. 0,0003	П.О. 0,00001	П.О. 0,001	П.О. 0,0003	П.О. 0,0003	П.О. 0,08	П.О. 0,001	П.О. 0,003	П.О. 0,0003	П.О. 0,0002
1	0,0051	0,0008	0,00010	–	0,0003	0,0003	–	0,001	–	0,0018	0,0002
4	0,0056	0,0004	0,00010	0,0015	–	0,0003	0,09	0,001	0,003	0,0012	–
6	0,0056	0,0004	0,00009	0,0010	–	0,0003	0,08	0,0012	–	0,0008	–

Примечание. Нумерация строк соответствует табл. 1. П.О. – предел обнаружения – минимальная концентрация, которую можно обнаружить данным методом (1 г/т = 0,0001%). Не обнаружены следующие элементы – U (П.О. 0,01%); Th (0,01); Mo (0,001); Tl (0,0005); Sr (0,02); As (0,01); Cd (0,001); Sb (0,003); W (0,03).

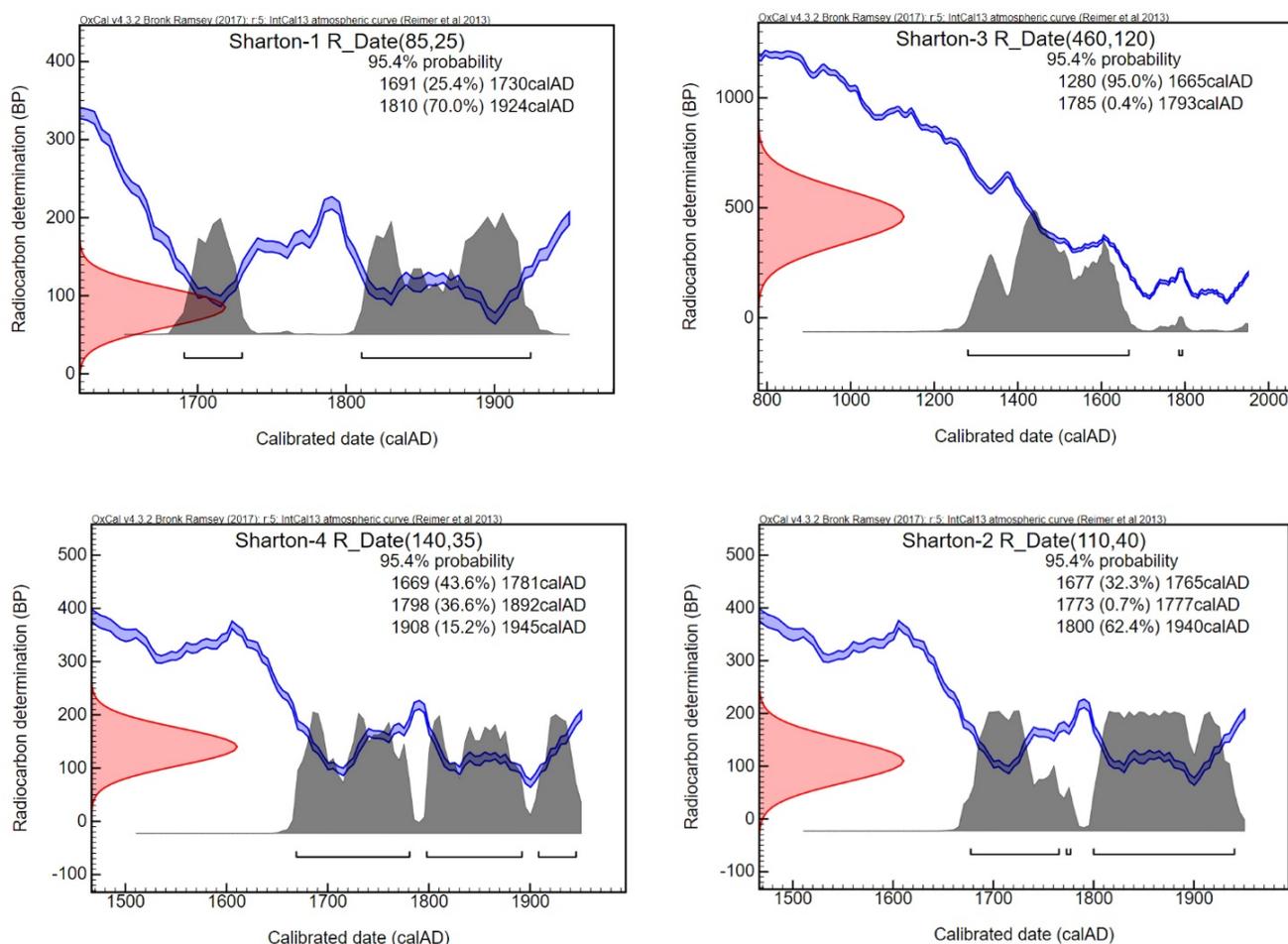

Рис. 8. Поселение Шартон 1. Калиброванные радиоуглеродные даты

Общий вес собранных в раскопе-1 на площади 16 м², железных шлаков составил – 35,5 кг. Из них кузнечный шлак (рис. 7, 1, 2), который хорошо выделяется по характерным морфологическим признакам [8. Fig. 2], составил 6,8 кг при весе шлаковых лепешек 0,2–0,3 кг редко 0,5–0,6 кг.

Химический анализ кузнечных шлаков (табл. 1, 2) показал их относительную однородность. Судя по всему, это обусловлено единой рудной базой и сходством технологического процесса получения железа.

Детальному анализу железных шлаков из памятников Горной Шории XVII–XVIII вв. будет посвящена специальная публикация.

Никаких артефактов, которые бы позволили безоговорочно отнести исследованную производственную площадку к какому-либо хронологическому периоду, в раскопе встречено не было. Полученные калиброванные даты для образцов угля из культурного слоя поселения Шартон 1 (рис. 8), при всей их условности, можно рассматривать как свидетельство того, что предва-

рительное отнесение выявленных здесь объектов к XVII–XVIII вв. было вполне правомерным.

Обсуждение

На поселении Шартон 1 выделено два типа теплотехнических устройств, использованных при получении и обработке железа. Судя по всему, им соответствует и найденный в слое памятника шлак.

При исследовании металлургических площадок Горной Шории исследователи обращали особое внимание именно на шлаки кузнечного типа, путая их с крицами, и поэтому они чаще всего отлагались в коллекциях, сопутствуя обломкам глиняных корпусов горнов и воздуходушным соплам. В связи с тем, что сравнительно недавно стала ясна природа собранных шлаков, последовал неизбежный вывод, что археологами выявлены не плавильные, а кузнечные горны. Обращала на себя внимание и слабая ошлакованность внутренней части корпусов горнов, без следов высоких температур, сопутствующих процессу восстановления железа из руды (см. рис. 4, 1). Стали высказываться обоснованные сомнения о возможности получения железа в горнах тех типов, которые были найдены в Горной Шории.

Эта ситуация удивительно напоминает сюжет интерпретации так называемых горнов чашного типа (bowlfurnace), известный в истории металлургии Ирландии. Первоначально их также считали одним из ранних типов железоплавильных печей. Когда разобрались с древними технологиями получения железа, стали отрицать связь чашных горнов с производством железа из руды [9, 10]. Этому способствовало и то, что чашным горнам обычно сопутствуют кузнечные шлаки. Затем была высказана идея о том, что археологи не всегда верно реконструировали конструкцию горнов, и не все из тех, которые были отнесены к горнам чашного типа, таковыми являлись. Было доказано, что значительная их часть – это остатки относительно маленьких теплотехнических сооружений с небольшим углублением и утраченной по разным причинам надземной глиняной шахтой, позволяющей добиваться плавки железа из руды [7. Р. 6; 10. Р. 111–112]. Эксперименты по плавке железа, проведенные с такими конструкциями, были успешны⁴ [11. Р. 21–23]. Железоплавильные печи кузнецких татар XVII–XVIII вв., представленные как на поселении Шартон 1, так и на десятках других памятниках Горной Шории, по размерам вполне сопоставимы с некоторыми из упомянутых железоплавильных печей Ирландии. Их примеры показывают принципиальную возможность получения железа в печах небольшого размера. Важно отметить, что горнов иных типов в комплексах XVII–XVIII вв. в Горной Шории пока не исследовано.

Материалы раскопок на поселении Шартон 1 показали, что с найденными здесь горнами связаны не только кузнечные шлаки, но и шлаки иных типов – небольших горновых железистых шлаков, полученных

без шлаковывпуска (см. рис. 7, 3–6). Отмечено, что кузнечные шлаки чаще всего перекрывают скопления этих шлаков. Это может быть связано с тем, что кузнечные операции были здесь последней стадией процесса получения крицы. При этом в качестве кузнечного горна могли быть использованы как ямки на месте разрушенного плавильного горна, так и сами горны в случае их сохранности. Если горн разрушался, кузнецы могли изготовить горн открытого типа из двух противостоящих глиняных стенок, подобных найденным не только на поселении Шартон 1, но и на некоторых других памятниках Горной Шории.

Большое количество лепешек кузнечных шлаков, а также воздуходушных сопел, найденных в скоплениях шлака, говорит о многократно повторяющемся металлургическом процессе на поселении Шартон 1. Каждой шлаковой лепешке, видимо, соответствовало производство одной железной крицы.

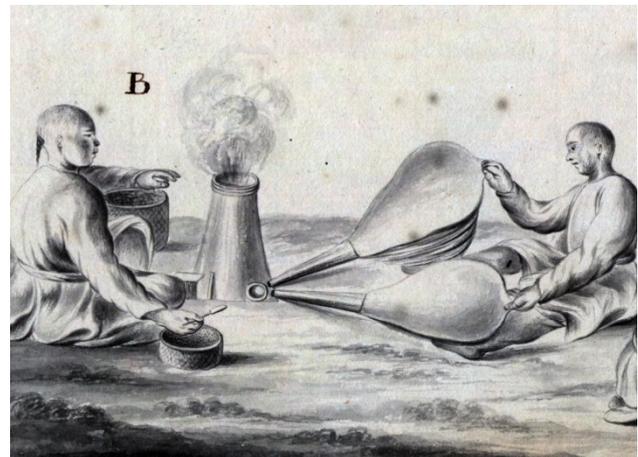

Рис. 9. Плавка железа кузнецкими татарами в 1734 г. Фрагмент рисунка И.В. Люрсениуса [12. Рис. 1]

Полученные для Шартона 1 калиброванные радиоуглеродные даты не противоречат предварительной датировке памятника, предложенной по известным датированным аналогиям для конструкций корпусов металлургических горнов и сопутствующих воздуходушных сопел. Исследованные на поселении Шартон 1 металлургические горны сопоставимы с тем, который запечатлен на гравюре по рисунку И.В. Люрсениуса (рис. 9), выполненному в 1734 г. Таким образом, в устье р. Шартонки в XVII–XVIII вв. мог располагаться пункт железодельного ремесла одной из ясачных волостей кузнецких татар. Из русских документов известно, что ясачные люди ближайших к этому месту волостей при отсутствии соболей регулярно сдавали в ясак крицы железа и изделия из него. Объем ясачного железа в иные годы составлял у отдельных волостей этой части Горной Шории более 1 150 криц (не менее 400 кг), не считая готовых изделий [13. Л. 30–32 об.]. И это была лишь некая доля от общей массы произведенного здесь железа.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Анализы проведены на базе Центра коллективного пользования «Аналитический центр геохимии природных систем» Томского государственного университета. Исполнители: инженер Е.Д. Агапова, аналитик Е.М. Асочакова.
- ² Образцы руды были собраны для проведения экспериментальной плавки железа. В дальнейшем планируется провести сравнительный анализ шлаков, полученных в ходе экспериментов, с найденными на поселении Шартон 1.
- ³ Все находки, сопровождаемые полевой описью, были переданы на хранение в фонды МАУК музей-заповедник «Кузнецкая крепость» (г. Новокузнецк).
- ⁴ Информация была представлена в неопубликованном докладе: Stepanov I., Sauder L., Keen J., Eliyahu-Behar A. Bloomery smelting experiments: comparison of bowl and shaft furnaces using materials from Southern Levant // Detailed Program of the International Conference Archaeometallurgy in Europe 2019. University of Miskolc, Hungary. P. 4.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ширин Ю.В. Metallurgiya kuznetskikh tatar v XVIII veke // Вопросы археологии и истории Южной Сибири. Барнаул : Изд-во БГПУ, 1999. С. 209–216.
2. Зиняков Н.М. К вопросу об особенностях кузнечного производства Кузнецкого острога и окрестных деревень в XVII–XVIII вв.: на основе металлографических исследований // Культура русских в археологических исследованиях. Омск; Тюмень; Екатеринбург : Магеллан, 2014. Т. I. С. 82–93.
3. Martyushov R.A., Shirin Yu.V. Difficulties interpreting of written and archaeological sources of information of ferrous metallurgy of the Kuznetsk Tatars // *Bylye Gody*. 2018. Vol. 49, is. 3. P. 915–930.
4. Ширин Ю.В. Консервация древних традиционных ремесел у кузнецких татар // Сибирский город вчера и сегодня. Новокузнецк, 1998. С. 92–96.
5. Зайцева О.В., Водясов Е.В., Пушкарев А.А. Поиск и картографирование археометаллургических объектов с помощью магнитной разведки // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Великий Новгород ; Старая Русса ; СПб. ; М. ; Великий Новгород, 2011. Т. II. С. 382–383.
6. Bachmann H.-G. The identification of slag from archaeological sites. London, 1982. 80 p.
7. Pleiner R. Iron in Archaeology. The European Bloomery Smelters. Praha : Archeologický ústav AVČR, 2000. 400 p.
8. Serneels V., Perret S. Quantification of smiting activities based on the investigation of slag and other material remains // *Archaeometallurgy in Europe*. Milano : Associazione Italiana di Metallurgia, 2003. Vol. 1. P. 469–478.
9. Dungworth D. Who's afraid of the bowl furnace? // *Historical Metallurgy*. Vol. 48 (Parts 1 and 2), for 2014 (published 2015). P. 1–7.
10. Rondelez P. The Irish bowl furnace: origin, history and demise // *The Journal of Irish Archaeology*. 2017. Vol. 26. P. 101–116.
11. Dolan B. The Social and Technological Context of Iron Production in Iron Age and Early Medieval Ireland c. 600 BC – AD 900. Vol. 2. The thesis is submitted to University College Dublin for the degree of PhD in the College of Arts and Celtic Studies. 2012. 555 p.
12. Vodyasov E.V. Kondoma tatars and the bloomery process (source: the Great Northern Expedition) // *Bylye Gody*. 2016. Vol. 40, is. 2. P. 335–344.
13. Кузнецкая ясная книга 7205 (1697) г. // РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1137. Л. 1–92 об.

Yury V. Shirin. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: shirin_a@mail.ru

THE KUZNETSK TATARS' BLOOMERY COMPLEXES FROM SITE SHARTON 1

Key words: the Kuznetsk Tatars, smelting furnace, slag.

The article introduces new archaeological materials about traditions of iron smelting, which were saved until the XIX century in the north-west of Sayan-Altai highland, known as the Mountain Shoria. The locals who have been accepted into Russia in the XVII century were called “Kuznetsk Tatars” (that means Tatars-blacksmiths) thanks to their craft. We have a unique detailed description of the smelting by the Kuznetsk Tatars, which was based on observations in 1734. A sketch of the smelting scene was drawn at the same time by Lürsenius (fig. 9). Data from Russian tax documents of the XVII century had been used for localize areas of the most intense metallurgical crafts.

The map (fig. 1) shows sites with remains of iron smelting furnaces of the XVII – XVIII centuries. The sites were located in remote areas of the mountain forest. They were studied very rarely and in small areas. Whole XX century, any iron slag was identified as some trace of the smelting only. None have could diff the types of slag. It was not registered in detail and weighed. If slag was added into the collection, then because the researchers believed that it was bloom. But it was usually a plano-convex blacksmith slag.

Now researchers have reasonable doubts of information about the possibility of smelting in furnaces of the type shown in the figure of Lürsenius, as like as were expressed about the bowl furnaces from Ireland. But other types of furnaces in Mountain Shoria have not yet been discovered.

We need to begin the formation of new archaeological sources to solve the problem. That the new materials are in the article. For our research, we have chosen a site Sarton 1. Probably, it was one of the metallurgical centre in the middle of the Mountain Shoria.

Before the excavating, the magnetometric survey was carried out on the site Sharton 1. During the excavation of one of the abnormal places, there were found the ruins of several furnaces, accumulations of slag, fragments of tuyeres, and a stone anvil. Based on the excavation results, several furnaces were reconstructed. These are similar to the furnace that has been pictured by Lürsenius, have the same dimensions and design. But the remains of open forges were also found here.

One of types of slag was collected of the site Sharton 1 is a typical smithing slag. Chemical analysis of the plano-convex slag was carried out. You can see a noticeable uniformity of the chemical composition of the slag (Tabl. 1; 2). Perhaps the relative homogeneity of the chemical composition of the ores of the Mountain Shoria is due to it. Smelting conditions were similar too. But there is also other type of slag on the site Sharton 1. It is a real smelting slag and there is him more than of smithing slag. It is important to note that, as a rule, smelting slag was overlapped by smithing slag. It is hypothesized that traces of two consecutive operations — smelting and processing of blooms — have been recorded on the investigated site.

REFERENCES

1. Shirin, Yu.V. (1999) Metallurgiya kuznetskikh tatar v XVIII veke [The metallurgy of the Kuznetsk Tatars in the 18th century]. *Voprosy arkheologii i istorii Yuzhnoy Sibiri* [Problems of Archeology and History of South Siberia]. Barnaul: Barnaul State Pedagogical University. pp. 209–216.

2. Zinyakov, N.M. (2014) K voprosu ob osobennostyakh kuznechnogo proizvodstva Kuznetskogo ostroga i okrestnykh dereven' v XVII – XVIII vv.: na osnove metallograficheskikh issledovaniy [On the features of the blacksmith's production of the Kuznetsk prison and surrounding villages in the 17th–18th centuries: based on metallographic studies]. In: Tataurova, L.V. (ed.) *Kul'tura russkikh v arkhеologicheskikh issledovaniyakh* [Russian Culture in Archaeological Research]. Vol. 1. Omsk; Tyumen; Ekaterinburg: Magellan. pp. 82–93.
3. Martyushov, R.A. & Shirin, Yu.V. (2018) Difficulties interpreting of written and archaeological sources of information of ferrous metallurgy of the Kuznetsk Tatars. *Bylye Gody*. 49(3). pp. 915–930.
4. Shirin, Yu.V. (1998) Konservatsiya drevnikh traditsionnykh remesel u kuznetskikh tatar [Preservation of ancient traditional crafts of the Kuznetsk Tatars]. In: Shirin, Yu.V. et al. *Sibirskiy gorod vchera i segodnya* [Siberian City Yesterday and Today]. Novokuznetsk: [s.n.]. pp. 92–96.
5. Zaytseva, O.V., Vodyasov, E.V. & Pushkarev, A.A. (2011) Poisk i kartografirovaniye arkhеometallurgicheskikh ob"ektov s pomoshch'yu magnitnoy razvedki [Search and mapping of archaeometallurgical objects using magnetic reconnaissance]. In: Makarov, N.A. & Nosov, E.N. (eds) *Trudy III (XIX) Vserossiiskogo arkhеologicheskogo s'ezda* [Proceedings of the 3rd (XIX) Russian Archaeological Congress]. Vol. II. St. Petersburg; Moscow, Veliky Novgorod: [s.n.]. pp. 382–383.
6. Bachmann, H-G. (1982) *The identification of slag from archaeological sites*. London: Routledge.
7. Pleiner, R. (2000) *Iron in Archaeology. The European Bloomery Smelters*. Prague: Archeologickýústav AVČR.
8. Serneels, V. & Perret, S. (2003) Quantification of smiting activities based on the investigation of slag and other material remains. *Archaeometallurgy in Europe*. Proc. of the Conference. Vol. 1. Milan: Associazione Italiana di Metallurgia. pp. 469–478.
9. Dungworth, D. (2014) Who's afraid of the bowl furnace? *Historical Metallurgy*. 48(1&2). pp. 1–7.
10. Rondelez, P. (2017) The Irish bowl furnace: origin, history and demise. *The Journal of Irish Archaeology*. 26. pp. 101–116.
11. Dolan, B. (2012) *The Social and Technological Context of Iron Production in Iron Age and Early Medieval Ireland c. 600 BC – AD 900*. Vol. 2. PhD Thesis. University College Dublin.
12. Vodyasov, E.V. (2016) Kondoma tatars and the bloomery process (source: the Great Northern Expedition). *Bylye Gody*. 40(2). pp. 335–344.
13. The Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). (n.d.) *Kuznetskaya yasachnaya kniga 7205 (1697) g.* [Kuznetsk Tribute Book 7205 (1697)]. Fund 214. List 1. Book 1137. 1-92ob.

УНИВЕРСИТЕТСКИЕ ПРАКТИКИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

УДК 908:376

DOI: 10.17223/19988613/62/23

М.В. Берсенева, В.И. Зиновьева, А.Л. Носова, М.П. Шульмин

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ЭКСКЛЮЗИИ В РОССИИ (ПО ДАННЫМ ИССЛЕДОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ В Г. ТОМСКЕ)

Исследование выполнено в рамках государственного задания подведомственных Минобрнауки образовательных организаций по проекту «Теоретико-методологические основы и междисциплинарные подходы в формировании этносоциального, инклюзивного образовательного пространства вуза» (№ 28.8279.2017/8.9).

Рассматривается феномен эксклюзии лиц с ограниченными возможностями здоровья в России, его историческое развитие и возможности определения его параметров в современном обществе (на примере исследования, проведенного в г. Томске). Исследование возможной эксклюзии проводится по методу «фигуры» и «фона». Авторы делают вывод о существовании в обществе латентного конфликта и эксклюзии инвалидов и формулируют рекомендации о возможных шагах по исправлению данной ситуации.

Ключевые слова: эксклюзия; лица с ограниченными возможностями; изучение общественного мнения; социальная история; инклюзивное образование.

В современной России популярным становится ряд утверждений о том, что к инвалидам следует относиться без дискриминации, как и ко всем остальным людям. Развитие общественных отношений к настоящему моменту привело к следующему консенсусу: человек, который открыто проявляет враждебность к инвалидам, как правило, будет встречать осуждение общества. Однако в то же время существуют некоторые факты, свидетельствующие о том, что антидискриминационные процессы в общественном сознании граждан далеки от своего завершения. Особенно актуальным и противоречивым этот вопрос становится при получении инвалидами профессионального образования, поскольку формально им предоставлены определенные льготы, а получение высшего образования должно повышать статус инвалида. Однако на практике лица с инвалидностью могут сталкиваться с большим количеством препятствий, связанных с негативными стереотипами. С точки зрения развития социальных отношений и практики социальной работы важно изучить настоящее, глубинное отношение к инвалидности со стороны общества и со стороны самих инвалидов.

Социальная эксклюзия является сложным концептом. Многие исследования, проведенные на основании самоотчетов респондентов о психологической саморегуляции, психологическом благополучии и переживаемых чувствах, выявили реакции людей на социальную эксклюзию. Такие исследователи, как R.F. Vaumeister [1], M.R. Leary [2], K.D. Williams et al. [3] доказывают, что при остракизме люди испытывают грусть, разочарование, ревность, гнев и стыд. Повышенную тревогу в

условиях эксклюзии выявили R.C. Barden [4], R.H. Hoyle [5], а снижение качества жизни и чувства собственного достоинства – K. Gonsalkorale, A. Smith, K.D. Williams [6]. Эти эмоции появляются независимо от источников эксклюзии. Например, Gonsalkorale и Williams выявили зеркальное отношение отвергнутых к отвергающему их обществу. Также определено, что потеря выгод от группового членства приводит к снижению ощущения самоэффективности [7]. L.Y. Abramson et al. [8] утверждают, что этот феномен вызывает тревогу и фрустрацию у индивида, а K.D. Williams даже сравнивает чувство эксклюзии с чувством физической боли [9].

У лиц, подвергшихся социальной эксклюзии, повышается риск совершения суицида, как об этом говорит известный социолог Э. Дюркгейм [10]. Это подтверждают исследования F.M. Baker, C. Bateman, R.W. Blum и других авторов [11–13]. Целесообразным также может стать изучение социальной эксклюзии на основании транзакционного (транзактного) анализа Э. Берна [14] и концепции классовости А. Суворова [15].

Мы видим, что феномен эксклюзии изучен достаточно полно, однако большая часть исследований основана на зарубежном материале. Особенности социальной эксклюзии в рамках российской действительности еще недостаточно изучены, существует необходимость проведения дополнительных исследований социальной эксклюзии в конкретных сферах межличностного взаимодействия индивидов.

В истории отношение к инвалидам претерпело ряд изменений – от полной эксклюзии через частичное

признание прав к декларируемому полному включению в жизнь общества. Этому способствовали такие факторы, как лояльное отношение христианской религии по отношению к лицам с ограниченными возможностями, неизбежное появление детей-инвалидов в богатых семьях, что ставило вопросы о необходимости их инкорпорирования в общество [16]. В Новое время идеи гуманизма привели к развитию социальной помощи инвалидам, что вылилось в появление медицинской модели инвалидности. Уже после Второй мировой войны отношение к инвалидам еще раз кардинально изменилось. Социальная модель инвалидности подразумевает, что не только инвалид должен приспособиться к обществу, но и общество должно измениться так, чтобы было удобно инвалиду. В настоящий момент эта модель, являющаяся основой для полной инклюзии инвалидов в общество, широко распространена и декларируется в том числе и в российском обществе. В связи с этим интересно узнать, как дело обстоит на практике.

Авторами статьи было проведено исследование, посвященное выявлению возможных скрытых факторов эксклюзии, препятствующих включению человека с инвалидностью как в образовательное пространство, так и в общество в целом (инклюзии). Сбор и обработка данных были проведены при активном участии Р.Р. Гибазова, исполнителя указанной темы госзадания.

Цель данного исследования: выявить и проанализировать глубинные убеждения и ассоциации, связанные с инвалидностью, у самих инвалидов и у условно здоровых людей в образовательном пространстве.

Перед проведением исследования были выдвинуты следующие гипотезы:

1) условно здоровые (неинвалиды) и инвалиды по-разному ранжируют возможности инвалидов;

2) между инвалидами и здоровыми людьми существует скрытый конфликт, вызванный наличием глубинных убеждений, препятствующий интеграции и предположительно ведущий к дискриминации и эксклюзии инвалидов.

В соответствии с поисковой целью и гипотезами исследования экспериментальная выборка составила 60 человек, преимущественно учащихся, а также работников образовательных учреждений г. Томска. Среди них 30 человек – условно здоровые люди (от 18 до 30 лет) и 30 человек – люди с ограниченными возможностями (от 18 до 50 лет). В рамках математической обработки результатов экспериментально-психологических методик наиболее целесообразно было применить непараметрический коэффициент ранговой корреляции Спирмена (применяемый в качественных исследованиях при малых выборках и усиливающий достоверность выводов) и метод сравнительного анализа для независимых выборок – критерий Ливиня (позволяющий выявить сходство либо различия значений в различных группах). Оценка распределений значений переменных в выборке проводилась с помощью критериев описательной статистики.

В исследовании была использована авторская методика М.П. Шульмина [17], названная «Лестницей возможностей». Опрос содержит определённые не взаимоисключающие характеристики людей, которые необходимо расставить от цифры «1» – обладающий этой характеристикой имеет наибольшее количество возможностей для реализации в обществе до цифры «16» – наименьшее количество возможностей.

Также была использована авторская методика М.П. Шульмина «Ассоциативный ряд». Согласно этой методике респонденту давалось слово «инвалид», и ему необходимо было продолжить ряд слов на последнюю букву предыдущего слова. Например, «инвалид – дьякон – нейрон и т.д.». Время ограничивалось 5 минутами. При обработке результатов учитывались: категории слов; длина ассоциативного ряда; положительная, нейтральная или негативная семантика слов.

Итоговая интерпретация полученных результатов проводилась на основании закона «Фигуры и фона». В соответствии с ним любой образ или предмет воспринимается как фигура, выделяющаяся на каком-то фоне. Каждый человек сам для себя выделяет что-то главное, а что-то второстепенное. Фигура восприятия имеет смысл для человека, поскольку связана с удовлетворением актуальной потребности. Фигуру видно отчётливо. Фон – это что-то не главное, не несущее смысл, не являющееся потребностью в данный момент времени. Здесь следует добавить, что соотношение фона и фигуры динамично. Сейчас у человека одна потребность, и что-то одно является для него главным, а всё остальное – несущественным и неважным. Через какое-то время то, что было неважным, т.е. являлось фоном, может стать важным, т.е. стать фигурой. Для каждого человека в разных ситуациях будет своё выделение фигуры и фона. Это зависит от самой личности и прошлого опыта. В таблице представлены основные выявленные корреляции между измеренными переменными.

Корреляции с категориями «мужчина-инвалид» и «женщина-инвалид»

Инвалиды	Человек, имеющий социальные связи	Молодые люди	Имеющие образование	Взрослые люди	Количество слов с негативной семантикой
Мужчина	-0,291	-0,404	-0,205	-0,375	0,360
Женщина	-0,312	-0,409	-0,278	-0,403	0,258

Наличие высокой отрицательной корреляции между значениями переменных «инвалид-мужчина» / «инвалид-женщина» и «молодой человек» может свидетельствовать о расхождении в сознании респондентов восприятия степени возможностей у инвалида и молодого человека. Такое расхождение может означать, что при осознании возможностей инвалид не воспринимается как молодой человек, а молодой человек не воспринимается как инвалид. Поскольку студентов часто воспринимают именно как молодых людей, косвенно мы

можем сделать и вывод о том, что респонденты не готовы видеть в рядах студентов лиц с инвалидностью.

Высокая отрицательная корреляция между переменными «инвалид» и «взрослый человек» свидетельствует о расхождении восприятия при осознании степени возможностей у инвалида и взрослого человека, причем для женщин это расхождение больше. По степени возможностей инвалид не воспринимается как взрослый человек, а взрослый человек не воспринимается как инвалид. Инвалидам в сознании выделяется отдельная ниша, не совместимая с пониманием «нормальных людей». Также мы наблюдаем отрицательные корреляции в категории «имеющие образование», что говорит нам о том, что образованный человек не воспринимается как инвалид, а инвалид – как образованный человек. При формально действующей инклюзивной практике общество не готово на образовательную инклюзию в полном смысле слова.

Количество слов с негативной семантикой коррелирует с понятием «инвалид», правда, на этот раз у женщин такой показатель ниже. Данная высокая положительная корреляция свидетельствует о снижении у респондентов восприятия возможностей у инвалида в связи с ростом количества вербальных представлений с негативной семантикой, вызванных стимульным словом «инвалид».

Интерпретируя полученные результаты с позиции закона «Фигуры и фона», стоит отметить следующее. При анализе исследования выявились многочисленные расхождения в восприятии разных переменных в глазах респондентов. То есть у кого-то одна переменная выходит на первый план, становится фигурой, а у кого-то та же переменная является фоном. У респондентов имеются определённые глубинные убеждения, которые приводят к расхождению восприятия. Расхождение восприятия ведёт к появлению противоречий. Противоречия ведут к возникновению конфликтной ситуации и впоследствии к конфликту. Высокое количество расхождений при анализе всех корреляций свидетельствует в целом о высоком конфликтном потенциале в обществе. Примечателен тот факт, что не выявилось расхождения восприятия у респондентов относительно инвалидов. Инвалиды и условно здоровые ранжировали инвалидов как имеющих мало возможностей для самореализации в жизни. То есть, возможно, у инвалидов имеются претензии к сложившейся ситуации, при которой они, по сути, находятся в неблагоприятной ситуации практически исключённых из общества. Здесь кроется еще одна проблема: для получения новых уровней образования требуются определенные амбиции. Но в условиях, когда и общество, и сам инвалид воспринимают себя исключительно в контексте недостатков, дефицита, такие амбиции вряд ли способны развиться.

Что же касается конфликтного потенциала в отношениях между инвалидами и обществом в образовательном пространстве, то мы получили следующую картину. Есть три варианта развития событий:

1. Первый вариант – эксклюзия. Общество выделяет инвалидность как фигуру, а все остальные характеристики выделяет как фон. Сами инвалиды выбирают свою инвалидность как фигуру, а всё остальное как фон. В этом случае отсутствует расхождение восприятия, а значит, и конфликт возникнуть не может, следовательно, конфликтный потенциал является низким или вообще отсутствует. Однако в такой системе инвалид недооценен и недооценивает себя сам, он, можно сказать, исключен из общества.

2. Второй вариант – высокий конфликтный потенциал. Общество выделяет инвалидность как фигуру, а все остальные характеристики выделяет как фон. В то же время инвалид ставит фигурой не свою инвалидность, а, например, свою профессию. Вот тогда появляется расхождение восприятия и, следовательно, появляется конфликт. Инвалид видит себя профессионалом, а работодатель видит его не профессионалом, а инвалидом, не обращая внимания на его профессиональные качества.

3. Третий вариант – инклюзия. Общество и инвалиды выделяют различные характеристики и достоинства человека как фигуру, а инвалидность как фон. Инвалиды на равных включены в общество с неинвалидами.

По результатам исследования было обнаружено, что мы имеем дело с первым вариантом. Об этом свидетельствует тот факт, что в исследовании выявилось большое количество отрицательных корреляций при сравнении инвалидов с другими социальными категориями. Отрицательные корреляции свидетельствуют о наличии расхождений в восприятии степени возможностей лиц с инвалидностью и других социальных категорий. В общественном сознании инвалиды отличаются от неинвалидов, представляют отдельную группу, что создает базу для эксклюзии и дискриминации. Однако в нашем обществе эта дискриминация имеет скрытый вид. Помимо этого, можно сделать вывод о наличии самодискриминации со стороны инвалидов.

Мы видим, что на данный момент фигурой у здоровых и инвалидов является сама инвалидность. То есть респонденты выделяют эту особенность, оставляя на фоне остальные характеристики, которые могут быть полезны обществу. Вспоминая о динамичности как особенности закона «Фигуры и фона», мы можем утверждать, что, изменяя в представлении людей характеристики, которые у них становятся фигурой и которые становятся фоном, мы, таким образом, сможем влиять на их отношение к себе и ко всему обществу в целом. Можно в будущем попробовать перенаправить акцент с инвалидности или другой дезинтегрирующей характеристики человека, например, на его профессиональные возможности, тем самым произведя его интеграцию в общество. Таким образом, возможно воздействовать на внутренние психологические барьеры людей в плане их преодоления.

Подводя итоги, мы должны отметить, что общество прошло значительный этап в своем развитии от абсо-

лютного неприятия инвалидов через их частичное включение в общественную жизнь к декларации равных прав и необходимости общественных изменений для удобства инвалидов. Однако на практике в обществе, в том числе в образовательной среде, все еще в скрытом виде присутствуют дискриминация и эксклюзия инвалидов. Об этом свидетельствуют и данные настоящего исследования, в частности, то, что большинством респондентов подчеркивается прежде всего наличие или отсутствие инвалидности как важнейшей характеристики в жизни человека, которая оставляет на

втором плане все другие характеристики и прежде всего – возможность наличия образования. Одним из вариантов решения этого противоречия может быть распространение в образовательном пространстве информации об успехах таких людей, что будет перемещать фокус внимания общества с инвалидности на другие особенности личности инвалида. В целом, феномен эксклюзивных процессов, наблюдаемых в обществе, требует разработки методологических основ и принципов, практик в рамках теории реальных проблем в целях научного обоснования инклюзии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Baumeister R.F., Tice D.M. Anxiety and Social Exclusion // *Journal of Social and Clinical Psychology*. 1990. № 9. P. 165–195.
2. Leary M.R. Varieties of Interpersonal Rejection // *The Social Outcast: Ostracism, Social Exclusion, Rejection, and Bullying* / eds K.D. Williams, J.P. Forgas, B. von Hippel. N.Y. : Cambridge University Press, 2005. P. 35–51.
3. Williams K.D., Cheung C.K.T., Choi W. Cyber Ostracism: Effects of Being Ignored over the Internet // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2000. № 79. P. 748–762.
4. Barden R.C., Garber J., Leiman B. et al. Factors Governing the Effective Remediation of Negative Affect and its Cognitive and Behavioral Consequences // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1985. № 49. P. 1040–1050.
5. Hoyle R.H., Crawford A.M. Use of Individual-Level Data to Investigate Group Phenomena Issues and Strategies // *Small Group Research*. 1994. № 25. P. 464–485.
6. Gonsalkorale K., Williams K.D. The KKK Won't Let Me Play: Ostracism even by Adespised Out-Group Hurts // *European Journal of Social Psychology*. 2007. № 37. P. 1176–1186. DOI: 10.1002/ejsp.392
7. McLaughlin-Volpe T., Aron A., Wright S.C., Lewandowski G.W. Jr. Exclusion of the Self by Close Others and by Groups: Implications of the Self-Expansion Model // *The Social Psychology of Inclusion and Exclusion* / eds D. Abrams, M.A. Hogg, J.M. Marques. N.Y. : Psychology Press, 2005. P. 113–134.
8. Abramson L.Y., Seligman M.E.P., Teasdale J.D. Learned Helplessness in Humans: Critique and Reformulation // *Journal of Abnormal Psychology*. 1978. № 87. P. 49–74.
9. Williams K.D. Ostracism // *Annual Review of Psychology*. 2007. № 58. P. 425–452.
10. Durkheim E. Suicide: A Study in Sociology / translated by J.A. Spaulding, G. Simpson. Glencoe, IL : Free Press, 1951. 376 p.
11. Baker F.M. Black Youth Suicide: Literature Review with a Focus on Prevention // *Journal of the National Medical Association*. 1990. № 82. P. 495–507.
12. Bateman C. Young, Black, Female and Miserable // *South African Medical Journal*. 2001. № 91. P. 716–717.
13. Blum R.W., Beuhring T., Shew M.L. et al. The Effects of Race / Ethnicity, Income, and Family Structure on Adolescent Risk Behaviors // *American Journal of Public Health*. 2000. № 90. P. 1879–1884.
14. Берн Э. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры. М. : Эксмо, 2012. 575 с.
15. Суворов А.В. Слепоглухой в мире зрячелышащих. М. : ИПТК 'Логос' ВОС, 1996. 120 с.
16. Чиндина Л.А., Берсенев М.В., Козлитина А.Л. Развитие образовательного пространства через увеличение степени эксклюзии (Мировой опыт) // *Вестник Томского государственного университета*. 2018. № 437. С. 188–196.
17. Шулмин М.П. Феноменологический анализ опыта психологической адаптации инвалидов // *Сибирский психологический журнал*. 2017. № 65. С. 83–93.

Maxim V. Bersenev. Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (Tomsk, Russia). E-mail: m.bersenev@gmail.com
Valentina I. Zinovieva. Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (Tomsk, Russia). E-mail: valentina.zinoviyeva@gmail.com

Anastasiya L. Nosova. Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (Tomsk, Russia). E-mail: anastasiya.nosova@tusur.ru

Maxim P. Shulmin. Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (Tomsk, Russia). E-mail: scoobi@inbox.ru

HISTORY AND CURRENT STATE OF EXCLUSION IN RUSSIA (ACCORDING TO PUBLIC OPINION POLLS IN TOMSK)

Key words: exclusion, persons with disabilities, public opinion polling, social history, inclusive education.

The purpose of the study is to identify and analyze the underlying beliefs and associations connected with disabilities in disabled and non-disabled people.

The authors of this article used the works of various foreign and domestic researchers who studied such phenomena as exclusion, a sense of group membership, frustration, suicide, and similar processes and phenomena. C. Williams, R.C. Barden, K. Gonsalkorale and others describe various negative experiences associated with exclusion, E. Durkheim investigated the problems of suicide, and C. Williams and K. Gonsalkorale also discovered the phenomenon of the mirror attitude of rejected people towards society. In addition, the authors rely on their previous research, which shows the history of the formation of adopting attitudes towards people with disabilities (based on the example of the educational space). This study was based on the works of A. Tyurin, F.L. Ratner, L. S. Emelina and other scientists.

To study the modern attitude of the Russian society to the disabled persons, the authors conducted a socio-psychological study. Respondents from academical community (30 disabled people and 30 non-disabled people) were asked to answer a number of personal questions. Questionnaires were built on the M.P. Shulmin's methods "associative row" and "ladder of opportunities". The final interpretation was carried out on the basis of the "Figure and Background" law, which implies that a person can keep in focus a limited number of objects that will be a figure, while the rest are a background.

As a result of the study, negative correlations between the concepts of "disabled woman", "disabled man" and the categories "people with social connections", "young people", and "adults" were revealed. A positive correlation was found between these concepts and a significant number of words with negative semantics. Such a result was shown by representatives of both groups (disabled and non-

disabled), regardless of the respondent's gender. Interpreting these results on the basis of "Figure and Background" law shows us that in the minds of both disabled and non-disabled people disability is a figure, any other qualities of a disabled person fade into the background. Consequently, both disabled and non-disabled people consider the presence or absence of a disability to be the leading feature of an individual. This is the basis for the exclusion of persons with disabilities from Russian society. However, it does not mean that Russian society deliberately discriminates people with disabilities. Rather, we can assume that this situation is due to the lack of information on the real possibilities of people with disabilities among respondents. Dissemination of this information may lead to a solution of this problem.

REFERENCES

1. Baumeister, R.F. & Tice, D.M. (1990) Anxiety and Social Exclusion. *Journal of Social and Clinical Psychology*. 9. pp. 165–195. DOI: 10.1521/jscp.1990.9
2. Leary, M.R. (2005) Varieties of Interpersonal Rejection. In: Williams, K.D., Forgas, J.P. & Hippiel, B. von (eds) *The Social Outcast: Ostracism, Social Exclusion, Rejection, and Bullying*. New York: Cambridge University Press. pp. 35–51.
3. Williams, K.D., Cheung, C.K.T. & Choi, W. (2000) Cyber Ostracism: Effects of Being Ignored over the Internet. *Journal of Personality and Social Psychology*. 79. pp. 748–762. DOI: 10.1037/0022-3514.79.5.748
4. Barden, R.C., Garber, J., Leiman, B., et al. (1985) Factors Governing the Effective Remediation of Negative Affect and its Cognitive and Behavioral Consequences. *Journal of Personality and Social Psychology*. 49. pp. 1040–1050. DOI: 10.1037/0022-3514.49.4.1040
5. Hoyle, R.H. & Crawford, A.M. (1994) Use of Individual-Level Data to Investigate Group Phenomena Issues and Strategies. *Small Group Research*. 25. pp. 464–485. DOI: 10.1177/1046496494254003
6. Gonsalkorale, K. & Williams, K.D. (2007) The KKK Won't Let Me Play: Ostracism even by Adespised Out-Group Hurts. *European Journal of Social Psychology*. 37. pp. 1176–1186. DOI:10.1002/ejsp.392
7. McLaughlin-Volpe, T., Aron, A., Wright, S.C. & Lewandowski, G.W., Jr. (2005) Exclusion of the Self by Close Others and by Groups: Implications of the Self-Expansion Model. In: Abrams, D., Hogg, M.A. & Marques, J.M. (eds) *The Social Psychology of Inclusion and Exclusion*. New York: Psychology Press. pp. 113–134.
8. Abramson, L.Y., Seligman, M.E.P. & Teasdale, J.D. (1978) Learned Helplessness in Humans: Critique and Reformulation. *Journal of Abnormal Psychology*. 87. pp. 49–74. DOI: 10.1037/0021-843X.87.1.49
9. Williams, K.D. (2007) Ostracism. *Annual Review of Psychology*. 58. pp. 425–452.
10. Durkheim, E. (1951) *Suicide: A Study in Sociology*. Translated from German by J.A. Spaulding & G. Simpson. Glencoe, IL: Free Press.
11. Baker, F.M. (1990) Black Youth Suicide: Literature Review with a Focus on Prevention. *Journal of the National Medical Association*. 82. pp. 495–507. DOI: 10.1006/jado.1994.1006
12. Bateman, C. (2001) Young, Black, Female and Miserable. *South African Medical Journal*. 91. pp. 716–717.
13. Blum, R.W., Beuhring, T., Shew, M.L., et al. (2000) The Effects of Race / Ethnicity, Income, and Family Structure on Adolescent Risk Behaviors. *American Journal of Public Health*. 90. pp. 1879–1884. DOI: 10.2105/AJPH.90.12.1879
14. Berne, E. (2012) *Igry, v kotorye igrayut lyudi. Lyudi, kotorye igrayut v igry* [Games People Play]. Translated from English by A. Gruzberg. Moscow: Eksmo.
15. Suvorov, A.V. (1996) *Slepolukhoy v mire zryacheslyshashchikh* [Deaf and blind in the world of those who can hear and see]. Moscow: Logos' VOS.
16. Chindina, L.A., Bersenev, M.V. & Kozlitsina, A.L. (2018) The development of educational space through an increase in the degree of inclusion (world experience). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 437. p. 188–196. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/437/27
17. Shulmin, M.P. (2017) Subjective adaptation of the disabled as a psychological phenomenon. *Sibirskiy psikhologicheskiy zhurnal – Siberian Journal of Psychology*. 65. pp. 83–93. (In Russian). DOI: 10.17223/17267080/65/6

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АБЖАППАРОВА Бибахдиша Журсиновна, доктор исторических наук, профессор кафедры востоковедения Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева (Нур-Султан, Казахстан). E-mail: hadisha_1960@mail.ru

АКАНОВ Куаныш Газизович, докторант PhD, магистр гуманитарных наук Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева (Нур-Султан, Казахстан). E-mail: kukaandvita@mail.ru

АНАНЬЕВ Денис Анатольевич, кандидат исторических наук, с.н.с. сектора истории второй половины XVI – начала XX в. Института истории СО РАН (Новосибирск). E-mail: denis.ananyev@gmail.com

АФНАСЬЕВ Александр Лукьянович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и социальной работы, Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники. E-mail: afal_2007@mail.ru

БАГДАТОВА Сауле Ахметовна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории государства Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан (Нур-Султан, Казахстан). E-mail: saule_tsa@mail.ru

БАЯНДИН Владимир Ильич, кандидат исторических наук, ученый секретарь Ученого совета Новосибирского государственного педагогического университета. E-mail: ilan-sib@rambler.ru

БЕРСЕНЕВ Максим Валерьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и социальной работы Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники. E-mail m.bersenev@gmail.com

БАВУЛИН Михаил Викторович, младший научный сотрудник Лаборатории социально-антропологических исследований факультета исторических и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: 0002004@inbox.ru

ВОРОТЫНЦЕВ Леонид Вячеславович, аспирант исторического факультета ЕГУ им. И.А. Бунина (Елец). E-mail: leonrus1245@mail.ru

ДЕГТЯРЁВ Никита Сергеевич, студент кафедры теории и истории международных отношений Уральского федерального университета имени первого Президента РФ Б.Н. Ельцина. E-mail: 4csnikita@mail.ru

ДУРАКОВ Игорь Альбертович, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, доцент Института истории, гуманитарного и социального образования Новосибирского государственного педагогического университета. E-mail: idurakov@yandex.ru

ЗИНОВЬЕВА Валентина Ивановна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и социальной работы Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники. E-mail: valentina.zinoviyeva@gmail.com

ИЛЬЯСОВА Кулпаш Мырзымуратовна, кандидат исторических наук, ассоциированный профессор кафедры востоковедения Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева (Нур-Султан, Казахстан). E-mail: kul-pash_66@mail.ru

КАРИН Антон Дмитриевич, магистр истории, соискатель ученой степени кандидата исторических наук кафедры новой, новейшей истории и международных отношений Томского государственного университета. E-mail: donfernando.karin@yandex.ru

КОБЕЛЕВА Лилия Сергеевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник лаборатории археологических и этнографических исследований Западной Сибири Национального исследовательского Томского государственного университета, научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН. E-mail: lilyakobeleva@yandex.ru

КОВГАНОВ Сергей Яковлевич, доцент кафедры теории и истории государства и права в/ч 44261 (Новосибирск), соискатель факультета исторических и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: kovsy@yandex.ru

КОНЕВ Кирилл Александрович, кандидат исторических наук, ассистент кафедры истории древнего мира, средних веков и методологии истории Томского государственного университета, заведующий отделом рукописей и книжных памятников НБ ТГУ. E-mail: konev-k-92@rambler.ru

КОНЕВА Лидия Александровна, кандидат биологических наук, доцент Института естественных и социально-экономических наук Новосибирского государственного педагогического университета. E-mail: Lilyakobeleva@yandex.ru

КОСТЯКОВА Юлия Борисовна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры стилистики русского языка и журналистики Института филологии и межкультурной коммуникации Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова (Абакан). E-mail: uka29@yandex.ru

КУЗНЕЦОВ Алексей Михайлович, научный сотрудник научно-исследовательской части Иркутского государственного университета. E-mail: golos_siberia@list.ru

КУРЕНКОВ Артем Валериевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и социальной работы Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники. E-mail: art_1987@inbox.ru

ЛЕКАРЕНКО Оксана Геннадьевна, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры новой, новейшей истории и международных отношений Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: olekarenko@gmail.com

МИЛЕВСКИЙ Олег Анатольевич, доктор исторических наук, доцент, главный научный сотрудник лаборатории исторических исследований Сургутского государственного педагогического университета. E-mail: olegmilevsky@mail.ru

МИХАЙЛЕНКО Екатерина Борисовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений Уральского федерального университета имени первого Президента РФ Б.Н. Ельцина. E-mail: earslanova@urfu.ru

МОЛОДИН Вячеслав Иванович, доктор исторических наук, профессор, академик РАН, заместитель директора по научной работе Института археологии и этнографии СО РАН, профессор Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: molodin@archaeology.nsc.ru

НОСОВА Анастасия Леонидовна, специалист по учебно-методической работе отдела лицензирования, аккредитации и качества образования Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники. E-mail: anastasiya.nosova@tusur.ru

НЕМЧАНИНОВА Евгения Николаевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и политических наук Вятского государственного университета. E-mail: evgeniya_nem@mail.ru

ОВЧИННИКОВ Владислав Алексеевич, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Кемеровского государственного университета. E-mail: rpsib@rambler.ru

ОСТАШОВА Евгения Андреевна, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории и документоведения факультета исторических и политических наук Томского государственного университета. E-mail: evgeniya.ostashova@gmail.com

ПОЛОВНИКОВА Марина Юрьевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и политических наук Вятского государственного университета. E-mail: rmina@mail.ru

ПУШКАРЕВ Андрей Александрович, инженер-исследователь лаборатории междисциплинарных археологических исследований «Артефакт» Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: supdron@gmail.com

РОГОВСКОЙ Евгений Олегович, кандидат исторических наук, научный сотрудник научно-исследовательской части Иркутского государственного университета, научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН. E-mail: eor127@yandex.ru

РОЖНЕВА Жанна Анатольевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и документоведения факультета исторических и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: zhar@ido.tsu.ru

СПИЧАК Александра Владимировна, кандидат исторических наук, научный сотрудник лаборатории исторических исследований Нижневартговского государственного университета. E-mail: spichak-89@mail.ru

ШЕВЛЯКОВ Александр Семенович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории и документоведения факультета исторических и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: irina29@iph.tsu.ru

ШАМШИЕВА Гаухар Сагындыковна, кандидат исторических наук, доцент Казахской академии транспорта и коммуникаций им. М. Тынышпаева (Нур-Султан, Казахстан). E-mail: goha_hanum@mail.ru

ШИРИН Юрий Викторович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник лаборатории междисциплинарных археологических исследований «Артефакт» Национального исследовательского Томского государственного университета; доцент Новокузнецкого института (филиала) Кемеровского государственного университета. E-mail: shirin_a@mail.ru

ШУЛЬМИН Максим Петрович, кандидат психологических наук, доцент кафедры истории и социальной работы Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники. E-mail: scoobi@inbox.ru

ЮН Сергей Миронович, кандидат исторических наук, доцент кафедры мировой политики факультета исторических и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: sergey.yun@mail.tsu.ru

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ

Научный журнал

2019 № 62

Председатель редакционного совета – Э.В. Галажинский
Главный редактор – В.П. Зиновьев
Ответственный секретарь – В.С. Воробьева

Подписано к печати 20.12.2019 г. Формат 60x84¹/₈. Бумага белая писчая. Гарнитура Times New Roman.
Цифровая печать. Усл. печ. л. 24,4. Тираж 50 экз. Заказ № 4182. Цена свободная.

Дата выхода в свет 17.01.2020 г.

Редактор К.Г. Шилько
Корректор Е.Г. Шумская
Оригинал-макет А.И. Лелююр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой
Редакторы-переводчики – Н.А. Глущенко, В.Н. Горенинцева

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании
Издательского Дома Томского государственного университета
634050, г. Томск, Ленина, 36
Телефон 8+(382-2)–53-15-28

Учредитель – Томский государственный университет

Периодичность издания шесть номеров в год. Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию.
Ознакомиться с полнотекстовой версией журнала и требованиями к оформлению материалов можно на сайте: <http://journals.tsu.ru/history>

Founder – Tomsk State University

Tomsk State University Journal of History is issued six times per year. The Journal uses double-blind peer review of all articles.
Full-text versions of the issues are available on the website of the Journal: <http://journals.tsu.ru/history>.
The instruction for authors on paper submission is on the website of the Journal: <http://journals.tsu.ru/history>. Free price

ISSN 1998-8613, e-ISSN 2311-2387

Адрес издателя и редакции:

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36,
Томский государственный университет,
редакция журнала «Вестник ТГУ. История»
Телефон 8(382-2)–52-96-67
Факс 8(382-2)–52-98-46
Ответственный секретарь В.С. Воробьева
E-mail: petroom@mail.ru

Editorial Office and Publisher Office address:

TSU Journal Editorial Board, Tomsk State University
34 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel.: 8(382-2)–52-96-67
Fax: 8(382-2)–52-98-46
Executive Editor: Veronica Vorobyeva
E-mail: petroom@mail.ru

Издательство:

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36,
Томский государственный университет,
Издательский Дом ТГУ
Телефон 8(382-2)–52-96-75
E-mail: rio.tsu@mail.ru

Publisher:

Publishing House of Tomsk State University,
36 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel.: 8(382-2)–52-96-75
E-mail: rio.tsu@mail.ru